УДК 81’27
ББК Ш100.621
П50

ISSN 1999-2629

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

POLITICAL LINGUISTICS

5(119)’2026

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГАОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2026. – Вып. 5 (119). – 278 с. – (Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81’27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Aut. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2026. – Issue 5 (119). – 278 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

5(119)'2026

Научный журнал

Учредитель: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); https://politlinguistika.ru/
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2026

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Higher Education Institution
"Ural State Pedagogical University"

POLITICAL LINGUISTICS

5(119)'2026

Scientific journal

Founder: FSA HEI "Ural State Pedagogical University"

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); https://politlinguistika.ru/
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published

Ekaterinburg 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Н. Б. Руженцева	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская	Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Р. Гусман Тирадо	Университет Гранады, Гранада, Испания
Е. В. Дзюба	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
С. В. Иванова	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
И. Иньиго-Мора	Севильский университет, Испания
В. И. Карасик	Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
Н. Н. Кошкарова	Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
С. Л. Кушнерук	Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Лю Хун	Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
В. А. Маслова	Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь
Е. А. Нахимова	Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
П. Серио	Лозаннский университет, Швейцария
О. А. Солопова	Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
З. К. Темиргазина	Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан
Л. Цонева	Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
Ян Кэ	Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

© ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2026
© Политическая лингвистика, 2026

ISSN 1999-2629

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

S. V. Ivanova Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

S. L. Kushneruk Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liu Hong Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China

V. A. Maslova Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Z. K. Temirgazina Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

© FSA HEI “Ural State Pedagogical University”, 2026
© Political Linguistics, 2026

ISSN 1999-2629

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика» 10

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аматов А. М.
Янутик С. Я.
Авилова И. А.
Дейктический сдвиг в политическом дискурсе США 12

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Амиров В. М.
Савинкова Е. Э.
Репрезентация образа воина-интернационалиста в СМИ: преемственность героических традиций и сохранение памяти подвига 21

Грудева Е. А.
Дискурс конфликта: противостояние Ирана и США в СМИ и политической риторике (анализ больших данных) 29

Гурочкина А. Г.
Макурова Д. А.
Уловки обмана: технологии информационно-психологического воздействия на адресата в предвыборном американском дискурсе 41

Данкова Н. С.
Яшина Т. А.
Дискурсивные тактики конструирования национальной идентичности (на материале СМИ Пензенской области) 49

Золотайко А. И.
Метафорический образ национальной валюты в политических карикатурах в русскоязычном сегменте интернет-дискурса 58

Нестеренко Е. Ю.
Обращение к женщинам-политикам в условиях гендерного неравенства 67

Островская Т. А.
Бастун Е. В.
Механизмы семантического расширения и адаптации лексики элиты в массовом и обиходном дискурсах 76

Пирожкова И. С.
Тенихина А. С.
Маркова Т. Л.
Языковая репрезентация семейных ценностей в британском политическом медиадискурсе: когнитивно-прагматический аспект 85

Поспелова Т. Х.
Стратегия использования архетипов при репрезентации образов политиков в СМИ 96

Савко Д. Д.
Эксплицитные лексические маркеры англоязычного мнемического нарратива 113

Сатина Т. В.
Акбердин И. Р.
Лингвопрагматические особенности формул речевого этикета дипломатического дискурса 121

Стихина И. А.
Скопова Л. В.
Ерофеева Е. В.
Дискурсивный анализ политической ситуации в сфере немецкой киноиндустрии на основе материалов немецких СМИ 128

Сунь М.
Дисфемизмы в современном китайском дипломатическом дискурсе и проблемы их перевода на русский язык 139

Томилова А. И.
Табаринцева-Романова К. М.
Сандалова Н. В.
Межъязыковая псевдоэквивалентность в политическом медиатексте и его переводах как инструмент публичной дипломатии (на примере английского, испанского, французского и русского языков) 147

Юсеф Ю. В. Функционально-прагматические сдвиги конфессионально маркированной лексики в современном турецком официальном дискурсе 159

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Алексеева М. Л.
Сумкина Р. А. «Assiette»: ложный друг как союзник переводчика (на материале французских переводов романа Ф. М. Достоевского «Идиот») 170

Белобородова А. В.
Землякова К. В. Гендерный фактор в политической коммуникации: обзор подходов в западной и российской традициях 177

Дымова А. В.
Золотайко А. И. Текст (вне) рамок: скобки как инструмент лингвокреативности и их функции в заголовке научной статьи 188

Енани А. А. А. А. Семантико-прагматические девиации и проблема смысловых потерь при передаче функционального потенциала арабских глагольных дериватов (на материале сур «Аль-Кариа» и «Марьям») 203

Каменева В. А.
Потапова Н. В.
Рабкина Н. В.
Григорьева Н. В. Особенности ассоциирования у билингвов: флаг своей страны как стимул направленного ассоциативного эксперимента с билингвами Индии и России через призму второго языка 213

Касумова Т. Р. Гнев и печаль: репрезентация метафоры «Эмоции — это Жидкость» во фразеологии арабского и английского языков 224

Копоть Л. В. Конструирование гендера в российском мужском политическом дискурсе 229

Песина С. А.
Юсупова Л. Г.
Чжан С. Механизмы формирования метафтонимии ментальной репрезентации «ГОРОД» на основе инвариантно-компонентного анализа 239

Соколова Д. А. Лингвопрагматический лабиринт: историческое влияние кэйго (敬語) и косвенных стратегий на формирование признательных показаний в японских полицейских допросах 246

Фань Ч.
Сизых М. М. Внутренний враг или защитник: прагматический потенциал антропоморфной метафоры в репрезентации иммунитета в ковид-дискурсе 256

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Юе Сюе Цифровые гуманитарные технологии как междисциплинарная основа политической лингвистики: перспективы применения на основе анализа работ 2013–2025 годов 265

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 276

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal "Political Linguistics" 10

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Amatov A. M.
Yanutik S. Ya.
Avilova I. A.
A Deictic Shift in the U.S. Political Discourse 12

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Amirov V. M.
Savinkova E. E.
Representation of the Image of an Internationalist Warrior in the Media: The Continuity of Heroic Traditions and the Preservation of the Memory of the Feat 21

Grudeva E. A.
Discourse of the Conflict: Confrontation between Iran and the USA in Media and Political Rhetoric (Big Data Analytics) 29

Gurochkina A. G.
Makurova D. A.
Tricks of Deception: The Techniques of Information-Psychological Influence on the Addressee in the American Pre-Election Discourse 41

Dankova N. S.
Yashina T. A.
Discursive Tactics of Constructing National Identity (Based on Media Materials of the Penza Region) 49

Zolotayko A. I.
The Metaphorical Image of the National Currency in Political Cartoons in the Russian-Language Segment of Internet Discourse 58

Nesterenko E. Y.
Addressing Women Politicians in the Context of Gender Inequality 67

Ostrovskaya T. A.
Bastun E. V.
Mechanisms of Semantic Broadening and Adaptation of Elite Lexicon in Mass and Everyday Discourse 76

Pirozhkova I. S.
Tenikhina A. S.
Markova T. L.
Linguistic Representation of Family Values in British Political Media Discourse: A Cognitive-Pragmatic Perspective 85

Pospelova T. Kh.
The Strategies of Employing Archetypes while Representing Media Images of Contemporary Political Leaders 96

Savko D. D.
Explicit Lexical Markers of English-Language Mnemonic Narrative 113

Satina T. V.
Akberdin I. R.
Linguopragmatic Features of Speech Etiquette Formulas in Diplomatic Discourse 121

Stikhina I. A.
Skopova L. V.
Erofeeva E. V.
Discourse Analysis of the Political Situation in the German Film Industry Based on German Media Materials 128

Sun M.
Dysphemisms in Contemporary Chinese Diplomatic Discourse and Problems of Their Translation into Russian 139

Tomilova A. I.
Tabarintseva-Romanova K. M.
Sandalova N. V.
Interlanguage Pseudo-Equivalence in the Political Media Text and Its Translations as a Tool of Public Diplomacy (On the Material of English, Spanish, French and Russian) 147

Yusef Yu. V. Functional-Pragmatic Shifts of Confessional Marked Vocabulary in Modern Turkish Official Discourse 159

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Alekseeva M. L.
Sumkina R. A. "Assiette": A False Friend as a Translator's Ally (Based on the French Translations of F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot") 170

Beloborodova A. V.
Zemlyakova K. V. Gender Factor in Political Communication: An Overview of Approaches in Western and Russian Traditions 177

Dymova A. V.
Zolotayko A. I. Text (outside) of the Framework: Brackets as a Tool of Linguocreativity and their Functions in an Academic Article Headline 188

Yenani A. A. A. A. Semantico-Pragmatic Deviations and the Problem of Semantic Loss in Rendering the Functional Potential of Arabic Verbal Derivatives (Based on the Surahs Al-Qari'a and Maryam) 203

Kameneva V. A.
Potapova N. V.
Rabkina N. V.
Grigorieva N. V. A Specific Feature of Associative Thinking: The National Flag in Targeted Associative Experiments with Russian and Indian Bilinguals from the Second Language Perspective 213

Kasumova T. R. Anger and Sorrow: Representation of the Metaphor "Emotions are Liquid" in English and Arabic Phraseology 224

Kopot' L. V. Constructing Gender in Russian Male Political Discourse 229

Pesina S. A.
Yusupova L. G.
Zhang X. Mechanisms of Formation of Metaphtonymy of the Mental Representation of "CITY" on the Basis of Invariant-Component Analysis 239

Sokolova D. A. Linguopragmatic Labyrinth: Historical Influence of Keigo (敬語) and Indirect Strategies on the Elicitation of Confessional Evidence in Japanese Police Interrogations 246

Fan C.
Sizykh M. M. Internal Enemy or Protector: The Pragmatic Potential of Anthropomorphic Metaphor in the Representation of Immunity in COVID-19 Discourse 256

PART 4. FOREIGN EXPERIENCE

Yue Xue Digital Humanitarian Technologies as an Interdisciplinary Basis of Political Linguistics: A Perspective of Application Based on 2013–2025 Literature Analysis 265

Manuscripts Requirements 276

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (http://publicet.org/code/), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (http://publicationethics.org/resources/code-conduct) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на официальном сайте научного журнала *https://politlinguistika.ru,* в Научной электронной библиотеке *E-library,* а также на сайте *cognitiv.narod.ru,* где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.
Интернет-сайт: https://politlinguistika.ru/

С уважением
и надеждой на сотрудничество:
д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51* *Код ВАК 5.9.8*

Александр Михайлович Аматов[1]✉, Стелла Яновна Янутик[2]✉, Ирина Александровна Авилова[3]✉

[1,2,3] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
[1] amatov@bsuedu.ru✉, SPIN-код: 5306-1616, https://orcid.org/0000-0002-5530-3274
[2] yanutik@bsuedu.ru✉, SPIN-код: 5415-1637, https://orcid.org/0000-0002-2609-6683
[3] avilova_i@bsuedu.ru✉, SPIN-код: 3498-4350, https://orcid.org/0009-0008-9295-5571

Дейктический сдвиг в политическом дискурсе США

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию лингвопрагматического потенциала дейктических средств в американском политическом дискурсе. Предметом работы выступают дейктические элементы (личные и указательные местоимения, местоименные наречия, имена собственные) как языковые маркеры репрезентации концепта «свой — чужой». Цель исследования — выявить функциональные особенности и динамику использования дейксиса в политических выступлениях президентов и других ведущих политиков США начала XXI века (2010-е — 2020-е гг.). Методологической основой послужил корпусный анализ указанных выступлений с применением методов критического дискурс-анализа и прагмалингвистического подхода, трактующего дейксис как категорию прагматики. Результаты показывают, что дейктические средства выполняют стратегические функции: манипуляцию, положительную саморепрезентацию, апелляцию к национальной гордости, создание образа врага и внушение идеи единства политиков и граждан. При этом выявлена новая особенность — смещение акцентов с традиционных ин-групп и аут-групп на конкретные личности политиков, маркерами которого служат употребляемые дейктические слова. Результаты могут применяться в лингвопрагматике, политической лингвистике, теории дискурса и в преподавании английского языка. В заключение делается вывод, что дейксис остается мощным инструментом речевого воздействия, а его современная динамика отражает персонализацию политического процесса в США.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политические деятели, английский язык, дейксис, дейктические средства, дихотомия, коммуникативные стратегии, концепты, политические речи, политические выступления, политическая риторика, свой — чужой, американские политики.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Аматов Александр Михайлович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, email: amatov@bsuedu.ru.*

Янутик Стелла Яновна, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, email: yanutik@bsuedu.ru.

Авилова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, email: avilova_i@bsuedu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Аматов, А. М.* Дейктический сдвиг в политическом дискурсе США / А. М. Аматов, С. Я. Янутик, И. А. Авилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 12-20.

Aleksandr M. Amatov[1]✉, Stella Ya. Yanutik[2]✉, Irina A. Avilova[3]✉

[1,2,3] Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
[1] amatov@bsuedu.ru✉, SPIN code: 5306-1616, https://orcid.org/0000-0002-5530-3274
[2] yanutik@bsuedu.ru✉, SPIN code: 5415-1637, https://orcid.org/0000-0002-2609-6683
[3] avilova_i@bsuedu.ru✉, SPIN code: 3498-4350, https://orcid.org/0009-0008-9295-5571

A Deictic Shift in the U.S. Political Discourse

ABSTRACT. *The paper deals with the linguopragmatic potential of deictic means in American political discourse. The object of the study includes deictic elements (personal and demonstrative pronouns, pronominal adverbs, and proper names) as linguistic markers representing the "OWN – ALIEN" conceptual opposition. The aim of the paper is to identify the functional specific features and dynamics of deixis in political speeches of U.S. presidents and other leading politicians of the early 21st century (2010s—2020s). The methodological framework includes a corpus analysis of these speeches, combined with a critical discourse analysis and a study within the pragmalinguistic approach that treats deixis as a pragmatic category. The findings show that deictic means perform strategic functions: manipulation, positive self-representation, appeal to national pride, construction of the enemy image, and conveying the idea of the unity between politicians and citizens. A newly observed trend is a shift from traditional in-groups and out-groups toward specific political personalities, with deictic words serving as markers of this shift. The results can be applied in pragmalinguistics, political linguistics, discourse theory, and*

© Аматов А. М., Янутик С. Я., Авилова И. А., 2026

teaching English as a foreign language. The conclusion is that deixis remains a powerful instrument of speech influence, and its current dynamics reflect the personalization of the U.S. political process.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, politicians, English language, deixis, deictic means, dichotomy, communication strategies, concepts, political speeches, political addresses, political rhetoric, own – alien, American politicians.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Amatov Aleksandr Mikhaylovich, Doctor of Philology, Professor of Department of English and Methods of Its Teaching, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.*

Yanutik Stella Yanovna, Senior Lecturer of Department of English and Methods of Its Teaching, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Senior Lecturer of Department of English and Methods of Its Teaching, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

FOR CITATION: *Amatov A. M., Yanutik S. Ya., Avilova I. A*. (2026). A Deictic Shift in the U.S. Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 12-20. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Глобальной коммуникативной стратегией политического дискурса, в том числе американского, является поляризация, т. е. четкое, диаметральное противопоставление двух групп: ин-группы «своих» и аут-группы «чужих» [Красильникова 2005; ван Дейк 2013; Хлопотунов 2025]. Эта глобальная стратегия имеет два основных направления, или, говоря словами Т. ван Дейка, имеет ярко выраженную тенденцию «к ин-групповому фаворитизму или положительной самопрезентации и аут-групповому принижению или негативной презентации других… с помощью различных трудноуловимых структур значений, формы и действий … дискурс обычно подчеркивает Наши положительные и Их плохие качества, а также де-акцентуирует (приуменьшает, скрывает) Наши плохие и Их хорошие стороны. Эта общая четырехмерная идеологическая схема используется … в целом при поляризации „свои — чужие“ („ин-группа — аут-группа“) в социальных практиках, дискурсе и мышлении» [ван Дейк 2013: 133].

Моделируя актуальные политические, социальные, экономические и другого рода проблемы жизни государства в терминах противостояния, конкуренции и войны (отсюда, к примеру, широкое использование в политических текстах военных и спортивных метафор) [Кураш 2018], американские политики предлагают обществу конфликтный путь их разрешения. При этом в образе «своих», как правило, выступают сам докладчик и его политическая организация, прочно ассоциирующая себя с американским народом, а в образе «врага» или «чужих» — представители оппозиционных политических сил, лоббисты в правительстве, внешнеполитические соперники США, террористические организации, мигранты и т. д.

Важная роль в рамках данной глобальной стратегии отводится дейктическим языковым средствам: личным, притяжательным и указательным местоимениям и именам собственным — личности политиков, названия партий, стран и т. д. Не случайно эти средства никогда не выпадают из внимания исследователей в области политической лингвистики [Мельник 2019; Bystrov 2024; Закирова 2025; Костина 2025; Bylykbashi 2025; McEntee-Atalianis 2025]. Изучается роль дейксиса в различных типах выступления, например, в дебатах [Хлопотунов 2025; Bourgeois 2025], инаугурационных речах [Пахолкова 2012; Габец 2016], обращениях к избирателям [Kulubekova 2024] и т. д. А поскольку лежащая в основе тактики поляризации дихотомия «свои — чужие» соответствует дейктическим местоимениям «Мы и Они» (и часто именно так называется в исследованиях по политическому дискурсу), то эти слова закономерно оказываются в центре внимания исследователей [Красильникова 2005; Hamdaoui 2015; Карамова 2025].

Тем не менее в последние несколько лет характерной чертой американского политического дискурса становится персонализация обеих групп, выдвижение на первый план конкретной личности того или иного политика, представляющего как «своих», так и «чужих» [Аматов 2025]. В работе предпринимается попытка ответить на вопрос, с чем связан подобный сдвиг и какие изменения в коммуникативных стратегиях и тактиках он за собой влечет.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе применяется метод критического дискурс-анализа, в рамках которого политический дискурс рассматривается как вид институционального дискурса, так или иначе строящегося вокруг борьбы за завоевание, удержание и воспроизводство политической власти. В качестве фактического материала рассматриваются выступления американских президентов и других видных политических деятелей на промежутке от 2012 до

2026 г. Дейктические маркеры указывают на то, что в целом ряде случаев акцент смещается с ин- и аут-групп в целом на конкретных политических деятелей, эти группы представляющих.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В риторике борьбы за власть дейксису отводится особое место. В политических речах это не просто указание на то или иное лицо, место, время, но и основа дихотомического противопоставления противоборствующих групп «своих» м «чужих» в рамках стратегии поляризации, цель которой — легитимация своих действий и делегитимация действий оппонентов, а также мобилизация сторонников. Сама данная стратегия часто называется именно дейктическими местоимениями «Мы и Они», о чем уже говорилось выше.

Разумеется, личные и притяжательные местоимения (применительно к англоязычному дискурсу *we/they* и производные от них) важны не сами по себе. Они лишь служат маркерами того, насколько острым является противопоставление и, следовательно, насколько силен накал политической борьбы в обществе. И в американском политическом дискурсе они доминируют (точнее, доминировали до недавнего времени) по частотности среди всех других личных и притяжательных местоимений, кроме *I*, что объясняется не столько дейксисом, сколько структурными особенностями. Скажем, многие обороты, в том числе вводные конструкции, которые в русском языке могут быть оформлены вообще без местоимения (*«полагаю», «считаю», «согласен»* и т. п.), в английском языке вводятся местоимением первого числа единственного числа (*“I suppose”, “I believe”, “I agree”*, etc). Однако в последнее десятилетие ситуация стала меняться, и чтобы это проиллюстрировать, приведем некоторые количественные данные о личных и производных от них местоимениях, употребленных в ходе предвыборных дебатов между кандидатами на пост президента США. В частности, были рассмотрены выступления политиков в ходе дебатов с 2012 по 2024 г. между следующими кандидатами: Барак Обама и Митт Ромни (2012[1]), Дональд Трамп и Хиллари Клинтон (2016[2]), Дональд Трамп и Джо Байден (2020[3] и 2024[4]), Дональд Трамп и Камала Харрис (2024[5]). Данные о количестве личных местоимений в речах участников дебатов представлены в таблице.

Здесь обращает на себя внимание рост частоты употребления местоимений третьего лица. Дейктическое местоимение they и производные от него показывают стабильный рост со 197 употреблений в дебатах-2012 до 321/328 в 2024, т. е. более чем в полтора раза. Это можно объяснить ростом политической напряженности на фоне разного рода кризисных явлений, когда образ врага (Они) задействуется активнее для мобилизации и консолидации электората (Мы). Однако еще больший рост показывают местоимения единственного числа (he/she и их производные): со скромных 137 употреблений в дебатах 2012 года до 191 в 2016,

[1] President Barack Obama and Former Gov. Mitt Romney Candidates Debate, October 3, 2012. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-3-2012-debate-transcript/.

[2] Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript, September 26, 2016. URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016.

[3] Donald Trump & Joe Biden Presidential Debate Transcript, September 29, 2020. URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020.

[4] President Biden and Former President Donald Trump Presidential Debate, June 27, 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript.

[5] Harris-Trump Presidential Debate Transcript, Sept. 10, 2024. URL: https://abcnews.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

Таблица

Год	Участники	I/me/my(mine)	we/us/our(s)	they/them/their(s)	he/him/his	she/her(s)
2012	B. Obama / M. Romney	242/24/60	215/26/66	99/53/45	96/3/38	–
2016	H. Clinton / D. Trump	369/33/35	270/34/115	158/67/40	72/13/32	51/22
2020	J. Biden / D. Trump	196/41/36	173/17/36	204/55/28	170/45/54	–
2024	J. Biden / D. Trump	241/19/24	226/97/97	227/60/34	232/62/103	–
2024	K. Harris / D. Trump	198/25/33	202/24/101	245/40/43	115/34/49	127/49

269 в 2020 и 397/374 в дебатах 2024 г., то есть за всё время наблюдений почти в 3 раза. Также интересно отметить, что абсолютное число местоимений третьего лица единственного числа превысило количество местоимений третьего лица множественного числа: he/she стали доминировать, оттеснив they на второе место. В формате дебатов местоимения третьего лица единственного числа в подавляющем большинстве случаев указывают на оппонента, указания же на третьих лиц в таких выступлениях достаточно редки и не меняют общей картины. Получается, что участники дебатов за последние 10–12 лет стали гораздо чаще упоминать друг друга, и вряд ли для того, чтобы сделать комплимент. На эту особенность обратили внимание многие исследователи [Körner 2022; Macagno 2022; Bourgeois 2025], отметившие участившиеся в ходе предвыборных дебатов и прочих выступлений переходы на личность оппонента, причем часто выходящие далеко за рамки конструктивной критики.

Здесь может сложиться впечатление, что переходы на личность оппонента стали своего рода нормой американской политической риторики с появлением на политической арене фигуры Дональда Трампа, который как раз начал участие в предвыборной гонке с 2016 года. Его эпатажный стиль и резкие, порой шокирующие высказывания создали ему репутацию enfant terrible американского политического бомонда. «Ключевые черты его образа включают в себя его богатство, роскошный стиль жизни и образ крутого парня, не терпящего компромиссов, что тесно связано с его нью-йоркским происхождением. Этот аспект его личности часто воспринимался как необычный или даже забавный, хотя одновременно многие считали такое поведение злобным и жестоким», — отмечают, в частности, С. Буржуа и Д. Босфилд, в том числе со ссылками на другие исследования [Bourgeois 2025: 32]. При этом речевое поведение соперников Трампа по президентской гонке оценивают куда более сдержанно. Те же авторы отмечают: «Риторика Байдена, несмотря на некоторые его странности, остается близкой к тому, что можно было бы ожидать от умеренного и традиционного политика» [Bourgeois 2025: 44]. Наконец, риторику К. Харрис, сменившей Байдена в предвыборной гонке, оценивают как «более дисциплинированную и осторожную» по сравнению с речевым поведением как Трампа, так и Байдена [Bourgeois 2025: 46].

Однако такой взгляд представляется нам несколько поверхностным и даже в известной степени меняющим местами причину и следствие. В системе, где сталкиваются интересы могущественных социальных групп, отдельный политик, даже если он представляет собой яркую языковую личность, не может совершить революцию, в том числе в риторике. Скорее наоборот: выдающимся становится тот политик, который умеет правильно уловить интересы крупных политических игроков в текущий момент. Другими словами, само появление Дональда Трампа с его риторикой является не причиной, а скорее проявлением более глубоких трансформаций, происходящих в политической жизни США. Далее мы постараемся показать, что по части личных претензий и обвинений «более умеренные, дисциплинированные и осторожные» политики как минимум не уступают Дональду Трампу ни количественно, ни качественно.

Поскольку дебаты между кандидатами на пост президента США 2012 года не представляют собой ничего особенного в свете заявленной темы и служат скорее реперной точкой для дальнейших сравнений, мы начнем с дебатов 2016 года между Хиллари Клинтон и Дональдом Трампом. Вот вполне типичный фрагмент из обсуждения, где участники дискутируют по проблемам миграции и переходят к взаимным нападкам:

Hillary Clinton: *When it comes to the wall that Donald talks about building, he went to Mexico, he had a meeting with the Mexican president. Didn't even raise it. He choked and then got into a Twitter war because the Mexican president said we're not paying for that wall…*

Donald Trump: *I think I should respond to that. First of all, I had a very good meeting with the president of Mexico. Very nice man. We will be doing very much better with Mexico on trade deals. Believe me. The NAFTA deal signed by her husband is one of the worst deals ever made of any kind, signed by anybody. It's a disaster. Hillary Clinton wanted the wall. Hillary Clinton fought for the wall in 2006 or thereabouts. Now, she never gets anything done, so naturally the wall wasn't built. But Hillary Clinton wanted the wall*[1].

В приведённом фрагменте Клинтон упрекает Трампа в том, что он выступает за стену на границе с Мексикой, хотя во время переговоров с президентом Мексики даже не заикнулся о ней, то есть довольно прозрачно намекает, что ее оппонент лишь дает пустые обещания. Трамп парирует тем, что Клинтон

[1] Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript, September 26, 2016. URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016.

сама была сторонницей стены, а также упоминает Североамериканское соглашение о свободной торговле, которое называет «катастрофой» и утверждает, будто бы эту «худшую сделку в истории» подписал «ее муж». Здесь надо отметить, что соглашение, хоть и вступило в силу при президенте Б. Клинтоне, было подписано не им, а его предшественником, Дж. Бушем — старшим в 1992 году. Однако Трамп умалчивает об этом, поскольку Буш — республиканец, то есть входит в ин-группу, которая в глобальной стратегии подлежит лишь восхвалению.

В целом можно сказать, что оба кандидата, хотя и периодически переходят на личности здесь и в других местах дебатов, ведут себя достаточно сдержанно и стараются оставаться в рамках цивилизованной дискуссии, критикуя главным образом решения и взгляды противоположной стороны, но не личность. Бывали и срывы, например, когда оба участника назвали друг друга «марионетками Путина», но эти эскапады больше похожи на спонтанную реакцию, нежели на спланированное очернение оппонента.

Во время дебатов 2020 года оба кандидата (Дональд Трамп и Джо Байден) гораздо чаще шли на конфронтацию и задавали друг другу провокационные вопросы, требуя немедленного ответа и обвиняя друг друга в невыполнении обещаний. Местами оба кандидата также срывались, переходя на ругань и обращаясь друг к другу во втором лице: “*Will you shut up, man?*” (Байден), “*Did you use the word smart? So you said you went to Delaware State, but you forgot the name of your college. You didn't go to Delaware State. You graduated either the lowest or almost the lowest in your class. Don't ever use the word smart with me. Don't ever use that word.”*(Трамп) и т. п. В основном же, критикуя друг друга, кандидаты употребляли имена собственные и местоимения третьего лица, стараясь всё же критиковать не столько личности друг друга, сколько взгляды и политику.

Переломным моментом можно назвать 2024 год, когда полемика между кандидатами фактически свелась к серии личных выпадов и перепалок. Так, 26 июня 2024 года конфронтацию начал президент Байден:

I was the second-youngest person ever elected to the United States Senate. And now I’m the oldest. This guy’s three years younger and a lot less competent. I think that just look at the record. Look what I’ve done. Look how I’ve turned around the horrible situation he left me[1].

В данном отрывке хорошо прослеживаются основные тактики завышенной самопрезентации и заниженной презентации оппонента. Байден заявляет о своем большом опыте в политике (самовосхваление), обвиняет своего оппонента в некомпетентности (принижение), а затем комбинирует то и другое. Заключение приведенной цитаты представляет собой довольно распространенный полемический прием: «Нам (Мне) приходится исправлять то, что натворили Они (Он)». Этот прием еще будет встречаться в цитатах, которые мы приведем ниже. Главное же, что отличает данный пассаж — это явное дихотомическое противопоставление по линии «Я — Он», а не традиционное «Мы — Они».

Дональд Трамп ответил в рамках той же дихотомии «Я — Он», сделав акцент на физическом и интеллектуальном состоянии, как своем, так и оппонента:

Well, I took two tests, cognitive tests. I aced them, both of them, as you know. We made it public. He took none. I’d like to see him take one, just one, a real easy one. Like go through the first five questions, he couldn’t do it. But I took two cognitive tests. I took physical exams every year. And, you know, we knock on wood, wherever we may have wood, that I’m in very good health. I just won two club championships, not even senior, two regular club championships. To do that, you have to be quite smart and you have to be able to hit the ball a long way. And I do it. He doesn’t do it. He can’t hit a ball 50 yards[2].

Камала Харрис, перенявшая эстафету от сошедшего с президентской гонки Джо Байдена, в основном продолжила его риторику, обвиняя Трампа во всех провалах и неудачах, постигших Америку, а «Мы», то есть демократы, были вынуждены «убирать грязь, которую он оставил после себя»:

Donald Trump left us the worst unemployment since the Great Depression. Donald Trump left us the worst public health epidemic in a century. Donald Trump left us the worst attack on our democracy since the Civil War.

[1] President Biden and Former President Donald Trump Presidential Debate, June 27, 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript.

[2] President Biden and Former President Donald Trump Presidential Debate, June 27, 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript.

And what we have done is clean up Donald Trump's mess[1].

В ответ Дональд Трамп также не преминул перейти на личность оппонента, бросив в адрес Харрис довольно уничижительную реплику: «Я не говорю „она", потому что у нее нет своей политики». Далее Трамп приписывает Харрис марксистские взгляды, якобы унаследованные от отца, и пускает в ход тот же прием, который только что был применен против него самого, призывая «посмотреть, что она сделала с нашей страной»:

We hardly make chips anymore because of philosophies like they have and policies like they have. I don't say her because she has no policy. Everything that she believed three years ago and four years ago is out the window. …

She's a Marxist. Everybody knows she's a Marxist. Her father's a Marxist professor in economics. And he taught her well. But when you look at what she's done to our country and when you look at these millions and millions of people that are pouring into our country monthly where it's I believe 21 million people, not the 15 that people say, and I think it's a lot higher than the 21. That's bigger than New York state. Pouring in[2].

Перечисленные здесь и многие другие перепалки, возникавшие между кандидатами в президенты и в 2016, и в 2020, и в особенности в 2024 году, разумеется, не прекратились вместе с дебатами. Напротив, они заняли прочное место в риторике американских политиков, выступающих в разных местах и по разным поводам. Вот, например, фрагмент из выступления уже избранного президентом Дональда Трампа на совместном заседании Конгресса 4 марта 2025 года:

Within hours of taking the oath of office, I declared a national emergency on our southern border, and I deployed the US military and border patrol to repel the invasion of our country. And what a job they've done. As a result, illegal border crossings last month were by far the lowest ever recorded ever. They heard my words, and they chose not to come. Much easier that way.

In comparison under Joe Biden, the worst president in American history, there were hundreds of thousands of illegal crossings a month, and virtually all of them, including murderers, drug dealers, gang members, and people from mental institutions and insane asylums were released into our country[3].

Без лишней скромности вновь избранный президент перечисляет собственные достижения, используя местоимение первого лица единственного числа: «я объявил чрезвычайное положение», «я отправил войска». Далее следует обязательная дихотомия, сравнение своих достижений (даже не столь важно, реальных или мнимых) с провалами своего предшественника Джо Байдена, которого Трамп называет «худшим президентом в американской истории».

Проигравшая гонку К. Харрис также ничуть не снизила градус нападок на теперь уже действующего президента Трампа. Вот одно из недавних ее высказываний в интервью Fox News:

"*What has he done? He's lifted sanctions on Russia. You know what that means? They're making money to sell oil that otherwise they were prevented from selling. What else does it mean? We're sending artillery ammunition, air defense…*"[4]

В этом фрагменте примечательно то, что на фоне традиционных групп «Мы» (США) и «Они» (Россия) выделяется еще и «Он» (Дональд Трамп), не входящий ни в одну из полярных групп, но тем не менее содействующий «Им», а стало быть, наносящий ущерб «Нам». Причем основная тяжесть обвинений (для риторики опять же неважно, насколько обоснованных) ложится даже не на «Них», а именно на «Него». И если К. Харрис, риторику которой оценивают как «дисциплинированную и осторожную», практически в каждом своем выступлении переходит на личности (главным образом на одну личность), то и от остальных политиков, причем с обоих флангов политического спектра США, следует ожидать аналогичного речевого поведения. Эти ожидания вполне себя оправдывают. Вот, к примеру, фрагмент из выступления Х. Клинтон (которая, как мы помним, была сравнительно сдержанной на личные выпады в ходе кампании 2016 года) на съезде Демократической партии США в 2024 году:

[1] Harris-Trump Presidential Debate Transcript, Sept. 10, 2024. URL: https://abcnews.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

[2] Harris-Trump Presidential Debate Transcript, Sept. 10, 2024. URL: https://abcnews.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

[3] President Trump Addresses Joint Session of Congress, March 5, 2025. URL: https://www.cbsnews.com/news/trump-speech-transcript-2025-joint-address-congress/.

[4] Kamala Harris on FoxNews, May 7 2026. URL: https://www.foxnews.com/politics/harris-accuses-trump-allies-trying-rig-2026-midterms-virginia-court-tosses-redistricting-measure.

Donald Trump fell asleep at his own trial. And when he woke up, he made his own kind of history, the first person to run for president with 34 felony convictions[1].

Здесь мы видим, что для принижения оппонента некогда сдержанная Клинтон бросает в его адрес обвинения, которые даже не связаны напрямую с политикой. Впрочем, Д. Трамп, как мы видели в ряде примеров выше, часто прибегает к тому же приему.

Здесь надо также отметить, что дейктические средства, указывающие на третье лицо единственного числа (имена собственные, местоимения he/she) имеют еще одну особенность. Если третье лицо множественного числа семантически противопоставлено первому лицу (т. е. «Они» — это всегда не «Мы»), то в единственном числе такое четкое противопоставление отсутствует. Другими словами, «Он/Она» могут быть как частью аут-группы «Они», так и частью ин-группы «Мы». И в этом последнем случае дейксис третьего лица единственного числа может служить не для принижения (что мы видели в приведенных ранее примерах), а напротив, для возвышения отдельной личности (как правило, лидера группы). С помощью такого дейксиса создается положительный образ. Например, Х. Клинтон в процитированной выше речи не скупится на похвалы в адрес кандидата от демократов Камалы Харрис, заодно не упуская случая упомянуть и Д. Трампа, только в отрицательном ключе:

On her first day in court, Kamala said five words that still guide her: “Kamala Harris for the people.” That is something that Donald Trump will never understand. So it is no surprise, is it, that he is lying about Kamala’s record, he’s mocking her name and her laugh. Sounds familiar. But we have him on the run now[2].

В лагере республиканцев наблюдается зеркальное речевое поведение. Вот вице-президент Джей Ди Вэнс дает интервью на конференции Консервативного политического действия в феврале 2025 года:

But our message… is, President Trump cares about you. He thinks that it’s disgraceful what your own government let happen to your children, to your grandchildren. And it’s got to stop. And of course, we mourn with people, we pray for people, but we’re also asking, as their government, why did this happen to your child in the first place? And the answer is that under Joe Biden, your government didn’t do its job. Under Donald Trump, it is. Thank God for that[3].

В данной цитате вице-президент также задействует обе основные стратегии: представляет президента Трампа заботливым политиком, который печется о нуждах американцев, и одновременно заявляет, что экспрезидент Джо Байден и его администрация не справлялись со своими задачами.

Пресс-секретарь Белого дома Кэролайн Левитт также широко применяет дейктические средства, представляя своего шефа ответственным политиком и настоящим лидером:

He's the President of the United States. He's also the communications director of the White House because he dictates the message, he executes the agenda. One of the things I love about President Trump, and I think what makes him such a great leader is that he's so deeply involved in every decision that is made. Every speech that is written, every executive order that is signed, where most politicians, you just hand them the script and they read it. President Trump cares about every word he is saying and every action he is taking, so he's a leader[4].

Д. Трамп здесь противопоставлен абстрактному «большинству политиков». Их имен Левитт не называет, однако в другом месте того же интервью явно дает понять, что речь прежде всего об администрации Джо Байдена, представители которой не появлялись в офисе до полудня, тогда как команда Трампа работает не покладая рук — очередная поляризация с упором на личные и деловые качества политиков.

Персонификация противостоящих групп «Мы» и «Они», когда заслуги и положительные качества лидера ин-группы завышаются, а достижения лидера аут-группы принижаются (с отрицательными качествами происходит прямо противоположное), стали общим местом современной американской политической риторики. Среди более 30 примеров политических речей (здесь приведена лишь малая их часть), на материале которых проводился данный анализ, едва ли найдется хоть одно выступление, автор которого не заострял бы внимание на положительных чертах лидера «своих» (в том числе и самого себя) или не принижал тем или иным об-

[1] Hillary Clinton’s Speech at 2024 DNC. URL: https://singjupost.com/full-transcript-hillary-clintons-speech-at-2024-dnc/.

[2] Там же.

[3] Vice President JD Vance Speaks At CPAC 2025. URL: https://singjupost.com/transcript-vice-president-jd-vance-speaks-at-cpac-2025/.

[4] Karoline Leavitt Speaks at CPAC, November 11, 2025. URL: https://www.rev.com/transcripts/karoline-leavitt-speaks-at-cpac.

разом лидера «чужих». Столь частый «переход на личности» вкупе с повторяющимися коммуникативными стратегиями и тактиками, в рамках которых данный переход осуществляется, позволяет сделать определенные выводы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Масса примеров современного политического дискурса США показывает, что американские политики, по-прежнему применяя стандартную коммуникативную стратегию поляризации, гораздо чаще стали персонифицировать эти группы, прочно увязывая в общественном сознании образ группы и ее лидера — положительного для ин-группы «Мы» и отрицательного для аут-группы «Они». Создаются, с одной стороны, образ «героя», на которого следует равняться, с другой стороны — «врага», для борьбы с которым мобилизуется электорат.

Таким образом, мы сталкиваемся с определенного рода расширением инструментария для достижения основных и неизменных целей политического дискурса: легитимации собственной политики, дискредитации политики своих оппонентов и мобилизации сторонников или электората для достижения решения первой и второй задач.

Здесь возникает вопрос: кому и зачем понадобилось такое расширение арсенала лингвистических средств (дейксис, напомним, здесь выступает даже не средством, а скорее маркером изменившейся ситуации)? Ответ на первую часть вопроса очевиден из приведенных примеров: всем без исключения крупным современным американским политикам. Со второй же частью вопроса всё несколько сложнее. Действительно, зачем ведущим политикам США, включая президентов и кандидатов на эту должность, вдруг понадобилось опускаться на уровень не самых чистоплотных журналистов из не самых респектабельных изданий, тратя время и силы (свои и сторонников) на, казалось бы, бесплодные перепалки и выяснения личных отношений?

На наш взгляд, причина такой смены речеповеденческой парадигмы лежит в нарастании и усугублении кризисных явлений как внутри США, так и за их пределами. Сюда можно отнести огромный и, главное, непрерывно растущий внешний долг, чудовищный дефицит во внешней торговле (прежде всего с Китаем) и целый ряд других вызовов, с которыми столкнулась американская политическая система в первой четверти XXI века.

Разумеется, о нарастании такой напряженности свидетельствует не только и даже не столько риторика американских политиков: риторика — лишь реакция на эту напряженность. А то, что напряженность достигла пиковых значений за несколько последних десятилетий и перешла уже в «горячую» фазу, свидетельствуют и покушения на Д. Трампа, и прямое участие США в вооруженном конфликте на Ближнем Востоке, и рост протестных настроений внутри самих Соединенных Штатов. В этом контексте персонификация представляет собой обращение к архетипам обыденного сознания или даже коллективного бессознательного, когда вся вина с одной стороны и все достижения с другой стороны приписываются отдельной личности, роль которой чрезмерно завышается или, напротив, занижается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аматов, А. М. О роли личности в политическом дискурсе / А. М. Аматов // Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов XIII Междунар. науч. конф. (Мозырь, 15 мая 2025 года). — Мозырь : Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина, 2025. — С. 139–144. — EDN LTGSRB.

2. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с. — ISBN 978-5-397-03766-2.

3. Габец, А. А. Функциональная парадигма дейктических средств в инаугурационных речах американских президентов XX-XXI веков / А. А. Габец // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2017. — Т. 23, № 2. — С. 102–105. — EDN YPMOZN.

4. Закирова, Е. С. К вопросу о функционировании конфликтного дейксиса в политических текстах / Е. С. Закирова, О. Ф. Ахметгареева // Вестник филологических наук. — 2025. — Т. 5, № 2. — С. 5–10. — EDN QLIMNU.

5. Карамова, А. А. Местоимение *мы* как средство репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой» в современном политическом дискурсе / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6(114). — С. 22–28. — EDN LSSXWW.

6. Костина, Н. Ю. Темпоральный дейксис в политическом дискурсе (на примере речей британских политиков о Брекзите) / Н. Ю. Костина, Х. Ж. Хайрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18, № 7. — С. 2705–2713. — DOI 10.30853/phil20250378. — EDN FRYMTK.

7. Красильникова, Н. А. Оппозиция «Мы» — «Они» в дискурсе экологических движений Англии, России и США / Н. А. Красильникова // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — 2005. — № 15. — С. 85–102. — EDN JVKIZB.

8. Кураш, С. Б. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия / С. Б. Кураш, А. М. Аматов, Г. В. Свищев // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2018. — Т. 4, № 2. — С. 12–20. — EDN UWEKMQ.

9. Мельник, О. Г. Роль дейксиса в моделировании риторического пространства (на материале речи Х. Клинтон) / О. Г. Мельник // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2019. — № 1. — С. 108–118. — DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-108-118. — EDN ZCCZBB.

10. Пахолкова, Л. М. Некоторые особенности прагматики персонального дейксиса в институциональном политическом дискурсе (на материале речей руководителей ФРГ, РФ и США при вступлении в должность) / Л. М. Пахолкова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 3-2(41). — С. 119–122. — EDN PCEEEP.

11. Хлопотунов, Я. Ю. Языковые средства реализации тактики поляризации в американском предвыборном дискурсе

(на примере дебатов Д. Трампа и Дж. Байдена) / Я. Ю. Хлопотунов // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2025. — Т. 7, № 2. — С. 73–92. — DOI 10.24833/2687-0126-2025-7-2-73-92. — EDN NVMXAY.

12. Bourgeois, S. Pragmatics in Contested Interpretation: Varied Audiences, Varied Implicatures, Varied Inferences / S. Bourgeois, D. Bousfield. — Palgrave Macmillan Cham, 2025. — 150 p. — ISBN 3031953444.

13. Bylykbashi, H. Deixis in American and British Political Discourse: A Corpus-Based Study / H. Bylykbashi // Jordan Journal of Modern Languages & Literatures. — 2025. — Vol. 17. — № 4. — P. 851–868. — DOI 10.47012/jjmll.17.4.1.

14. Bystrov, N. A. Contemporary American Political Discourse: a Study of Content, Structure, and Formation Features / N. A. Bystrov // Professional Discourse & Communication. — 2024. — Vol. 6, No. 2. — P. 35–48. — DOI 10.24833/2687-0126-2024-6-2-35-48. — EDN DAGJFK.

15. Hamdaoui, M. The Persuasive Power of Person Deixis in Political Discourse: The Pronoun ‘We’ in Obama’s Speeches about the 2007-2009 Financial Crisis as an Example / M. Hamdaoui // European Conference on Arts & Humanities, Official Conference Proceedings. — 2015. — P. 99–111.

16. Körner, R. How the Linguistic Styles of Donald Trump and Joe Biden Reflect Different Forms of Power. / R. Körner, J.R. Overbeck, E. Körner, A. Schütz // Journal of Language and Social Psychology. — 2022. — № 41 (6). — P. 631–658. — DOI 10.1177/0261927X221085309.

17. Kulubekova, A. Exploring Personal Deixis in Political Discourse: An analysis of Barack Obama's Farewell Address / A. Kulubekova, Ch. Naimanova, A. Shermatova, D. Baigaziev // Traduction et Langues. — 2024. — Vol. 23, No. 03. — P. 57–74. — DOI 10.52919/translang.v23i03.1011. — EDN NLJXKK.

18. Macagno, F. Argumentation profiles and the manipulation of common ground. The arguments of populist leaders on Twitter / F. Macagno // Journal of Pragmatics. — 2022. — Vol. 191. — P. 67–82. — DOI 10.1016/j.pragma.2022.01.022. — EDN PNYCBA.

19. Mcentee-Atalianis, L. Putting negotiation on a ‘principal-ed’ footing: A corpus-informed discourse analysis of person deixis in diplomatic debates / L. Mcentee-Atalianis, R. Vessey // Journal of Pragmatics. — 2025. — Vol. 247. — P. 42–56. — DOI 10.1016/j.pragma.2025.07.013. — EDN LLKEGX.

REFERENCES

1. Amatov, A. M. (2025). O roli lichnosti v politicheskom diskurse = On the individual’s role in political discourse. *Text. Language. Person*, 139–144. Mozyr', MGPU. EDN LTGSRB.

2. Van Deik, T. A. (2013). Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii = Discourse and power (in Russian). Moscow: LIBROKOM, 344 p. ISBN 978-5-397-03766-2.

3. Gabets, A. A. (2017) Funktsional'naya paradigma deiktich-eskikh sredstv v inauguratsionnykh rechakh amerikanskikh prezidentov XX-XXI vekov = The functional paradigm of deictic means in the inaugural speeches of American presidents of the 20th-21st centuries. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, *23*(2), 102–105. EDN YPMOZN.

4. Zakirova, E. S., Akhmetgareeva, O. F. (2025). K voprosu o funktsionirovanii konfliktnogo deiksisa v politicheskikh tekstakh = On the functioning of conflict deixis in political texts. *Bulletin of philology*, *5*(2), 5–10. EDN QLIMNU.

5. Karamova, A. A. (2025) Mestoimenie my kak sredstvo reprezentatsii kontseptual'nogo priznaka «svoi» klyuchevogo politicheskogo kontsepta «svoi/chuzhoi» v sovremennom politicheskom diskurse = The pronoun ‘we’ as a means of representing the conceptual feature “ours” of the key political concept “ours/theirs” in modern political discourse. *Political linguistics*, *6*(114), 22–28. EDN LSSXWW.

6. Kostina, N. Yu., Khairova, Kh. Zh. (2025). Temporal'nyi deiksis v politicheskom diskurse (na primere rechei britanskikh politikov o Breksite) = Temporal deixis in political discourse (based on the speeches of British politicians on Brexit). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, *18*(7), 2705–2713. DOI 10.30853/phil20250378. EDN FRYMTK.

7. Krasil'nikova, N. A. (2005). Oppozitsiya «My» — «Oni» v diskurse ehkologicheskikh dvizhenii Anglii, Rossii i SSHA = The “Us — Them” opposition in the discourse of environmental movements in England, Russia and the USA. *Political linguistics*, *15*, 85–102. EDN JVKIZB.

8. Kurash, S. B., Amatov, A. M., Svishchev, G. V. (2018). Voennaya metafora v politicheskom diskurse: taktika i strategiya = Military metaphor in political discourse: tactics and strategy. *Research result : issues in theoretical and applied linguistics*, *4*(2), 12–20. EDN UWEKMQ.

9. Mel'nik, O. G. (2019). Rol' deiksisa v modelirovanii ritoricheskogo prostranstva (na materiale rechi Kh. Klinton) = The role of deixis in modeling rhetorical space (based on H. Clinton speech). *SFU Bulletin. Philological sciences*, *1*, 108–118. DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-108-118. EDN ZCCZBB.

10. Pakholkova, L. M. (2012). Nekotorye osobennosti pragmatiki personal'nogo deiksisa v institutsional'nom politicheskom diskurse (na materiale rechei rukovoditelei FRG, RF i SSHA pri vstuplenii v dolzhnost') = Some features of the pragmatics of personal deixis in institutional political discourse (based on the speeches of the leaders of Germany, the Russian Federation and the United States upon taking office). *Bulletin of Cherepovets state university*, *2*(3), 119–122. EDN PCEEEP.

11. Khlopotunov, Ya. Yu. (2025). Yazykovye sredstva realizatsii taktiki polyarizatsii v amerikanskom predvybornom diskurse (na primere debatov D. Trampa i Dzh. Baidena) = Linguistic means of implementing polarization tactics in American election discourse (using the example of the debates between D. Trump and J. Biden). *Discourse of professional communication*, *7*(2), 73–92. DOI 10.24833/2687-0126-2025-7-2-73-92. EDN NVMXAY.

12. Bourgeois, S., Bousfield, D. (2025). Pragmatics in Contested Interpretation : Varied Audiences, Varied Implicatures, Varied Inferences. Palgrave Macmillan Cham, 150 p. ISBN 3031953444.

13. Bylykbashi, H. (2025). Deixis in American and British Political Discourse : A Corpus-Based Study. *Jordan Journal of Modern Languages & Literatures*, *17*(4), 851–868. DOI 10.47012/jjmll.17.4.1.

14. Bystrov, N. A. (2024). Contemporary American Political Discourse : a Study of Content, Structure, and Formation Features. *Professional Discourse and Communication*, *6*, 35–48. DOI 10.24833/2687-0126-2024-6-2-35-48. EDN DAGJFK.

15. Hamdaoui, M. (2015). The Persuasive Power of Person Deixis in Political Discourse: The Pronoun ‘We’ in Obama’s Speeches about the 2007-2009 Financial Crisis as an Example. *European Conference on Arts & Humanities, Official Conference Proceedings*, 99–111.

16. Körner, R., Overbeck, J. R., Körner, E., Schütz, A. (2022). How the Linguistic Styles of Donald Trump and Joe Biden Reflect Different Forms of Power. *Journal of Language and Social Psychology*, *41*(6), 631–658. DOI 10.1177/0261927X221085309.

17. Kulubekova, A., Naimanova, Ch., Shermatova, A., Khabibullaeva, N., Baigaziev, D. (2024). Exploring Personal Deixis in Political Discourse: An analysis of Barack Obama's Farewell Address. *Traduction et Langues*, *23*(3), 57–74. DOI 10.52919/translang.v23i03.1011. EDN NLJXKK.

18. Macagno, F. (2022). Argumentation Profiles and the Manipulation of Common Ground. The Arguments of Populist Leaders on Twitter. *Journal of Pragmatics*, *191*, 67–82. DOI 10.1016/j.pragma.2022.01.022. EDN PNYCBA.

19. McEntee-Atalianis, L., Vessey, R. (2025). Putting negotiation on a ‘principal-ed’ footing: A corpus-informed discourse analysis of person deixis in diplomatic debates. *Journal of Pragmatics*, *247*, 42–56. DOI 10.1016/j.pragma.2025.07.013. EDN LLKEGX.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27* *Код ВАК 5.9.9; 5.9.5*

Валерий Михайлович Амиров[1]✉, Елизавета Эдуардовна Савинкова[2]✉

[1,2] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
[1] vestnik-va@mail.ru✉, SPIN-код: 3493-3986, https://orcid.org/0000-0003-3371-2939
[2] makushkina_liza063@mail.ru✉

Репрезентация образа воина-интернационалиста в СМИ: преемственность героических традиций и сохранение памяти подвига

АННОТАЦИЯ. *В статье на основе значительной теоретической и эмпирической базы представлен анализ методов конструирования общественно значимого для понимания важности воспитания патриотизма и готовности к защите Отечества образа воина-интернационалиста в медиатекстах советского и современного российского периодов. Изучаются вопросы особенностей функционирования в публикациях советской и российской журналистики идеологемы «воин-интернационалист», использования идеологемы для формирования медиаобраза воина-интернационалиста. Показана связь идеологемы «воин-интернационалист» с другими идеологемами, характеризующими подвиг советского солдата и офицера, выполнивших свой патриотический долг в Афганистане в составе ОКСВА.*

Возрастающий интерес к истории подвига советских и российских военнослужащих — участников локальных конфликтов второй половины XX века — мотивирует средства массовой информации вновь и вновь возвращаться к событиям войны в Афганистане, коллективному образу воинов-интернационалистов, фактам героической военной истории страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, медиаобразы, языковые средства, язык СМИ, локальные конфликты, воин-интернационалист, политическая идеология, идеологемы, языковая репрезентация, патриотизм, трансформация образа, русский язык, советские военнослужащие, российские военнослужащие*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Амиров Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: vestnik-va@mail.ru.*

Савинкова Елизавета Эдуардовна, бакалавр журналистики (журналист печатных СМИ); Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: makushkina_liza063@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Амиров, В. М.* Репрезентация образа воина-интернационалиста в СМИ: преемственность героических традиций и сохранение памяти подвига / В. М. Амиров, Е. Э. Савинкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 21-28.

Valeriy M. Amirov[1]✉, Elizaveta E. Savinkova[2]✉

[1,2] Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
[1] vestnik-va@mail.ru✉, SPIN code: 3493-3986, https://orcid.org/0000-0003-3371-2939
[2] makushkina_liza063@mail.ru✉

Representation of the Image of an Internationalist Warrior in the Media: The Continuity of Heroic Traditions and the Preservation of the Memory of the Feat

ABSTRACT. *The article, based on a significant theoretical and empirical material, analyzes methods ща constructing the image of the internationalist warrior in the media texts of the Soviet period and in the modern Russian publications. This image is important for cultivating a sense of patriotism and readiness to defend the Fatherland. The study looks at the issues of the peculiarities of functioning of the ideologeme "warrior-internationalist" in the publications of Soviet and Russian journalism and the use of the ideologeme to form the media image of the warrior-internationalist. The authors demonstrate the connection of the ideologeme "warrior-internationalist" with other ideologemes characterizing the feat of the Soviet soldier and officer who fulfilled their patriotic duty in Afghanistan as part of the Limited Contingent of Soviet Troops in Afghanistan.*

The growing interest in the history of the feat of the Soviet and Russian military personnel — participants in the local conflicts of the second half of the twentieth century — motivates the media to return again and again to the events of the war in Afghanistan, the collective image of internationalist warriors, and the facts of the country's heroic military history.

© Амиров В. М., Савинкова Е. Э., 2026

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, media images, language means, mass media language, local conflicts, internationalist warrior, political ideology, ideologemes, linguistic representation, patriotism, transformation of the image, Russian language, Soviet military personnel, Russian military personnel.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Amirov Valeriy Mikhaylovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Periodicals and Online Publications of Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Savinkova Elizaveta Eduardovna, Bachelor of Journalism (Print Media Journalist); Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Amirov V. M., Savinkova E. E*. (2026). Representation of the Image of an Internationalist Warrior in the Media: The Continuity of Heroic Traditions and the Preservation of the Memory of the Feat. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 21-28. (In Russ.).

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ

Рост понимания обществом ключевой важности воинской службы для сохранения и укрепления государственности страны и актуализация вопросов патриотического воспитания в современной России сформировали потребность в глубоком изучении методов конструирования образа воина-патриота, репрезентируемого в отечественных средствах массовой информации как федерального, так и регионального уровней. Выглядит вполне обоснованным, что исследования в этой сфере направлены как на выявление и характеризацию стратегий такого конструирования, так и на анализ традиций российской журналистики в формировании образа защитника Отечества. В процессе такого анализа устанавливается логическая и эмоциональная взаимосвязь образа солдата-патриота, участника войны в Афганистане — «воина-интернационалиста» и военнослужащего, мужественно и героически выполняющего поставленные перед Вооруженными Силами Отечеством задачи Специальной военной операции.

В последнее время появились публикации, представляющие научный взгляд на проблематику формирования образа воина-интернационалиста в материалах средств массовой информации, однако системных исследований в этом направлении явно недостаточно. Между тем образ этот формировался и репрезентировался в разные периоды современной российской истории поразному с использованием различных методов конструирования. Очевидно также, что журналистские подходы к формированию образа воина-интернационалиста были детерминированы политическими событиями, происходящими в России.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Теоретической основой статьи стали исследования отечественных ученых в области медиадискурса, теории идеологем и конструирования медиаобразов. Анализ проводился с опорой на научные публикации М. Н. Кима, Т. В. Матвеевой, Н. И. Клушиной, Е. Г. Малышевой, Е. А. Нахимовой, А. А. Карамовой, а также на работы по проблематике создания образа в журналистском произведении К. Р. Каримовой, М. Г. Швецовой, Е. Н. Богдан, Т. А. Галинской и других исследователей.

Эмпирической базой статьи послужили 50 публикаций советских и современных российских СМИ, художественно-публицистических сборников и сетевых изданий, охватывающих период с 1979 по 2025 год. Такой подбор материала позволяет проследить эволюцию подходов к формированию образа воина-интернационалиста в публикациях средств массовой информации.

В качестве основных методов анализа использованы проблемно-тематический и структурно-тематический, а также сравнительный анализ, позволивший сопоставить особенности конструирования образа воина-интернационалиста в советских и современных российских СМИ.

Оригинальным аналитическим приемом стало сопоставление журналистских практик конструирования образа воина-интернационалиста в двух исторических периодах: советском (1979–1991 гг.) и современном российском (с 2000-х гг. до 2025 г.). Такое сопоставление позволяет не только зафиксировать изменения, но и соотнести их с трансформацией государственных задач, общественных ожиданий и медийных форматов.

Примененные для исследования методики структурно-тематического и проблемно-тематического анализа, а также элементы контент-анализа и дискурс-анализа позволяют выявить особенности использования идеологемы «воин-интернационалист» в качестве структурного элемента создания образа героя-интернационалиста, а также проследить динамику ее смысловых сдвигов.

Кроме того, при исследовании практик создания и репрезентации образа воина-интернационалиста использовался анализ

функционирования идеологемы «воин-интернационалист», которая широко использовалась и используется в материалах СМИ, посвященных теме войны в Афганистане и памяти подвига советских воинов, выполнявших боевые задачи в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (далее ДРА — Демократическая Республика Афганистан). В медиатекстах, посвященных проблематике войны в Афганистане, идеологема «воин-интернационалист» используется в контексте публикаций о войне и функционирует как инструмент поддержки патриотизма и интернационализма, как главных принципов идеологии советского общества. Она способствует формированию положительного образа военнослужащих Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (далее ОКСВА), функционирует как один из ключевых факторов понимания обществом принципов внешней политики, объясняя необходимость защиты безопасности и интересов Советского Союза на дальних рубежах.

Приведенные результаты исследования важны для понимания теории и практики функционирования идеологем в общественно-политических журналистских текстах вообще и в текстах, так или иначе посвященных проблематике войны в Афганистане в частности, в том числе в вопросах конструирования образа воина, выполнявшего по заданию страны боевые задачи в составе ОКСВА.

МЕДИАОБРАЗ И ИДЕОЛОГЕМА В ЖУРНАЛИСТСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Проблема конструирования образа героя, каковым может выступать и герой коллективный, является одной из ключевых в исследованиях российских ученых. При этом существуют несколько подходов к вопросам формирования образа в журналистском произведении.

По мнению М. Н. Кима, публицистический образ выступает «важнейшим элементом журналистского произведения» [Ким 2001: 96]. При этом, говоря о роли образов в публицистике, автор обращает внимание на то, что «с одной стороны, в них сильно чувственно-эмоциональное начало, а с другой — логико-понятийное» [Там же].

Рассуждая о роли СМИ в формировании и закреплении в массовом сознании образов, К. Р. Каримова указывает на то, что «СМИ являются носителями образов в силу специфики своей деятельности и особенности инструментов работы. Оперируя специфическим языком, средства массовой информации непосредственно участвуют в формировании образов у воспринимающей аудитории» [Каримова 2019: 139].

М. Г. Швецова также обращает внимание на долговременность закрепленного в сознании людей образа: «Образ является залогом долговременного, пусть не вечного, но вполне протяженного в исторических эпохах существования» [Швецова 2012: 288].

Для понимания проблематики конструирования медиаобраза имеет значение определение, представленное в статье Е. Н. Богдан, где «медиаобраз рассматривается как „особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией“» [Богдан 2007: 124], а также исследовательская позиция Т. А. Галинской, полагающей, что «медиаобраз представляет собой одну из форм существования массового сознания в медиакоммуникации» [Галинская 2013: 91].

Создание образа воина-интернационалиста в советских СМИ было в значительной степени детерминировано идеологическими установками, политическими и культурными традициями советской публицистики. В СССР образы героев на страницах газет конструировались в соответствии с идеями марксизма-ленинизма, пропагандировали нравственно-политические ценности социалистического строя.

Публикации, связанные с войной в Афганистане и участием в ней ОКСВА, закрепили идеологему «воин-интернационалист» в массовом сознании, превратив ее из газетного термина в ключевой символ советского патриотизма и самоотверженного исполнения воинского долга.

Термин «идеологема» одним из первых начал использовать в своих работах М. М. Бахтин для обозначения объективных форм идеологии: «в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров» [Бахтин 1975: 101]. Рассуждая о функционировании идеологемы в литературном процессе, он же предположил, что «говорящий человек в романе — всегда в той или иной степени идеолог, а его слова всегда идеологема» [Там же: 146].

Н. А. Купина определяет идеологему как «мировоззренческую установку, облеченную в языковую форму» [Купина 1995: 144] и считает, что главными средствами выражения идеологем выступают единицы лексического уровня, которые неразрывно связаны с эпохой, событием [Там же].

Н. И. Клушина видит идеологему как «заранее заданную идею, которая ложится в основу номинации и ориентирует массовое

сознание в нужном направлении» и отмечает, что «идеологема — это прежде всего идея» [Клушина 2014: 56].

А. А. Карамова считает, что идеологемы — это всего лишь часть общественно-политической лексики, охватывающая тем не менее наиболее важные ее тематические группы. По своим структурно-семантическим и функциональным характеристикам идеологемы — это наиболее специфичная часть общественно-политической лексики [Карамова 2015].

Несколько иной подход к этому понятию демонстрирует в своих работах Е. Г. Малышева, которая рассматривает идеологему как «лингвокогнитивный феномен» и полагает, что под «идеологемой целесообразно понимать единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35].

Говоря об идеологеме «воин-интернационалист», отметим также ее прочную связь с другими идеологемами, характеризующими подвиг российского воина наших дней, находящимися в центре формирования образа солдата и офицера, выполняющего боевые задачи во имя России, например, «российский солдат», «российский воин», «защитник Отечества». Об этом, например, пишет Е. А. Нахимова, которая указывает на то, что «в постсоветскую эпоху сформировались новые идеологемы, по лингвистической сути сближающиеся с идеологемами предшествующих эпох» [Нахимова 2011: 153].

Идеологема «воин-интернационалист» является одним из ключевых элементов конструирования образа воина-«афганца», она функционирует во взаимодействии с такими идеологемами, как «интернациональный долг» и «интернациональная помощь», которые восходят к марксистско-ленинской концепции о «пролетарском интернационализме». В. И. Ленин формулировал эту концепцию так: «В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами, против всяких и всех империалистов — такова внешняя политика пролетариата» (Ленин В. И. Внешняя политика русской революции // Правда. 1917. 27 (14) июня).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВОИНА-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТА В ПРАКТИКЕ СОВЕТСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕДИА

Обратимся к текстам советских и современных российских СМИ. Всего в статье представлено 50 текстов, в которых содержатся элементы конструирования медиаобраза воина-интернационалиста, выполнявшего поставленные перед ним Отечеством боевые задачи в Афганистане.

Рассмотрим тенденции трансформации образа воина-интернационалиста и одноименной идеологемы «воин-интернационалист» в публикациях советских средств массовой информации и СМИ современного периода. Выделим и охарактеризуем основные концепты, которые очертили конструктивные элементы медиаобраза воина-интернационалиста.

Ключевыми концептами, на которых строится конструирование образа воина-интернационалиста, видятся следующие.

Выполнение интернационального долга. Конструируя образ солдата и офицера ОКСВА, советские СМИ активно используют концепт «интернациональный долг», который связан, в свою очередь, с идеей солидарности советского народа и его Вооруженных Сил со странами, выбравшими путь социалистического развития. Поддержка таких стран рассматривается как важнейший элемент государственной политики СССР, а армия — как инструмент этой политики: «*Советский Союз, связанный с дружественным Афганистаном отношениями сотрудничества и подлинной солидарности, оказывает помощь афганскому народу в строительстве новой жизни»* (К годовщине Апрельской революции в Демократической республике Афганистан (Фотохроника ТАССНовы)); правительство Афганистана «*обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь… Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу Афганской стороны»* (Новый этап революции (Сообщение ТАСС)).

В материалах, опирающихся на этот концепт, делается акцент на подвиге советских военнослужащих, с честью выполняющих поставленные перед ними задачи ***в братском содружестве с армией правительства ДРА****: «В шеренгах парадного расчета идут и те, кто с честью выполняли свой интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан — офицеры Ю. Н. Нуянзин, А. В. Куприн, И. С. Гудков, И. В. Величко, А. П. Сапрыкин, курсанты*

И. Покутнев, Д. Брегуцэ». (Олешко В., Кириллова Е. Уральцы в праздничных колоннах // На смену! 1984. 8 нояб.).

Высокий моральный дух и готовность к самопожертвованию. Одним из принципиальных элементов конструирования образа воина-интернационалиста является в публикациях советских СМИ концепт готовности к самопожертвованию во имя выполнения боевой задачи: «*Группа разведчиков во главе со старшим лейтенантом Онищуком разбила караван с оружием превосходящего по силе противника. Вступила в неравный бой. Когда боеприпасы были на исходе, и создалась угроза попасть в плен, старший лейтенант Онищук, младший сержант Исламов и рядовой Мурадов подорвали себя и душманов гранатами. И таких примеров можно привести немало»* (Алексеев В. В., Воробьева Е. Л. Генерал Борис Воробьев — Чкалов армейской авиации. — Москва: [б.и.], 2017. — 448 с.).

В качестве психологического и событийного фона приводятся описания условий, в которых нашим воинам приходится выполнять свои задачи в Афганистане, что подчеркивает опасность ситуации боевых действий и личное мужество солдат и офицеров, преодолевающих эти опасности: «*…старят не только прожитые года, старят минуты, а то и мгновения жизни. Может, вот эта резкая складка, что пересекла лоб, появилась после марша через ущелье Панджшер, после отражения нападения банды Ахмад-шаха Масуда»* (Андрей Крайний. Комбат // Смена. 1985. № 4). Упоминание ущелья Панджшер и марша через него переводит возраст героя из биологической плоскости в экзистенциальную. Суровая местность выступает как испытание, которое физически оставляет след на лице героя («резкая складка»).

В публикациях в качестве фона используется фронтовой сленг, живая речь, что добавляет материалам достоверности: *«Крокодилы летят»* (вертолеты огневой поддержки МИ-24), *«Давай переобуваться»* (менять колесо автомобиля, заменять поврежденные гусеницы бронетранспортера) [Керекеш, Лукьянова 2009: 65].

Неоплатный долг страны и общества перед воинами-интернационалистами. Средства массовой информации подчеркивают обязанность страны и общества глубоко уважать подвиг солдат и офицеров ОКСВА, которые, выполняя боевые задачи в Афганистане, обеспечивали безопасность Родины на дальних рубежах. Они репрезентируют установку: мирная жизнь — это не само собой разумеющееся благо, а достояние, обретенное мужеством и самопожертвованием солдата: *«своим счастьем они обязаны этому славному парню»* (А. Анатольев. Мы — интернационалисты имени Ваганова // Маяк коммунизма. 1988. 21 мая).

Таким образом, мы можем констатировать, что в средствах массовой информации советского периода формировался героический, идеологизированный и романтический образ воина-интернационалиста — достойного и мужественного сына своего Отечества, готового на подвиг и самопожертвование во имя защиты страны и ее союзников.

После вывода Ограниченного Контингента советских войск в Афганистане публикации дополнились непростыми размышлениями о ***необходимости поддержки и социальной защиты воинов-интернационалистов***, которые довольно часто встречали на своем пути после увольнения в запас непонимание бюрократизированного чиновничества и нежелание помочь в медицинской и социальной реабилитации, в реинтеграции в постперестроечное общество: *«Его ставили на место, недвусмысленно напоминая, что здесь — это не ТАМ»* [Теплов Ю. Конец войны 1990: 14]; *«А души у „афганцев“ обнажены на добро. Но и на зло — тоже. На чуткость и равнодушие, на правду и ложь. Потому легкой жизни в нашем насыщенном перестроечными конфликтами обществе им ждать не приходится»* [Там же].

В постсоветское время средства массовой информации демонстрируют в своих публикациях рост интереса к истории войны в Афганистане и роли, которую сыграли в этой войне воины-интернационалисты. Публикуются материалы от первого лица, воспоминания участников тех событий, идет аналитическое осмысление происходившего. Одним из наиболее популярных жанров становится биографическое интервью. Образ воина-интернационалиста в таких интервью формируется через призму мужества и гуманизма, представляет портрет наставника, прошедшего суровую школу жизни и транслирующего традиционные ценности в виде служения Отечеству, верности воинскому долгу.

Важнейшей идеей современных материалов о воинах-интернационалистах является ***идея памяти и уважения***: *«В первую очередь в этот день чтят память советских солдат и офицеров, погибших в Афганистане, и отдают дань уважения ветеранам боевых действий, прошедшим через войну. Их опыт и судьбы стали главными в формировании традиций памяти»* (Чечурина И. День памяти воинов-интернацио-

налистов: история, смысл и кого вспоминают 15 февраля // Российская газета. URL: https://rg.ru/2026/02/12/den-pamiati-voinov-internacionalistov-istoriia-smysl-i-kogo-vspominaiut-15-fevralia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 26.08.2026)).

В текстах современных авторов посредством использования образа воина-интернационалиста анализируются ***причины ввода советских войск в Афганистан,*** подчеркивается ***необходимость этого для защиты нашей страны на дальних рубежах***: *«В Афганистане в результате всех событий возникла реальная угроза появления американского контингента с соответствующими последствиями, — подчеркнул Андрей Картаполов. — Причем контингента, скорее всего, не прямо военного, а скрытого, ориентированного на разведывательную и подрывную деятельность. А с учетом протяженности границы между Афганистаном и Таджикистаном и ее труднодоступности все плоды их деятельности хлынули бы в Советский Союз»* (Козин Н. Почему СССР вынужден был ввести войска в Афганистан // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/politics/pochemu-sssr-vynuzhden-byl-vvesti-voyska-v-afganistan.html/ (дата обращения: 24.08.2026)); *«„36 лет тому назад уважаемые ветераны с гордо поднятой головой, с развернутыми знаменами вернулись домой. Десять лет служения Отечеству, верность присяге, вы защищали нашу страну и защищали афганский народ“, — сказал Беглов на церемонии»* («Их подвиг в наших сердцах»: Россия чтит память воинов-интернационалистов // РЕГНУМ. URL: https://regnum.ru/news/3947735 (дата обращения: 20.08.2026)).

Особенности конструирования образа воина-интернационалиста в современных российских СМИ связаны и с пониманием того, что на основе подвига и боевого опыта солдат ОКСВА ***учится молодое поколение патриотов.*** Анализируя тексты последних лет, в том или ином ракурсе рассматривающие образ воина-интернационалиста, мы видим, что к его традиционному пониманию, сформированному еще в советские годы, в настоящее время добавилось представление образа как наставника, боевого товарища, своим опытом и высоким моральным духом поддерживающего новое поколение солдат и офицеров, выполняющих задачи Специальной военной операции.

При этом средства массовой информации справедливо говорят в наши дни об эстафете подвига, устанавливая патриотическую и духовно-нравственную связь между победившими нацизм и отстоявшими свободу и независимость Родины героями Великой Отечественной войны, поколением воинов-интернационалистов и воинами, выполняющими задачи Специальной военной операции: «*Ребята видят живых участников Афганской войны и учатся у них мужеству. То же самое происходит, и когда мы приезжаем с гуманитарной помощью в войсковые части СВО. Война сегодня стала, конечно, более техничной, но понятия мужества, чести и взаимопомощи — не изменились…»* (Чечурина И. День памяти воинов-интернационалистов: история, смысл и кого вспоминают 15 февраля // Российская газета. URL: https://rg.ru/2026/02/12/den-pamiati-voinov-internacionalistov-istoriia-smysl-i-kogo-vspominaiut-15-fevralia.html#3 (дата обращения: 18.03.2026)). В материалах СМИ активно репрезентируется тема наследования воинского мастерства и доблести: *«Первый месяц-два в Афгане мы все очень сильно шугались выстрелов, прилетов. Я был молодым, 18 лет… Потом, конечно, привык. Сейчас также вижу молодых, знаю, что сразу они не могут суперсолдатами стать, поэтому берегу их, чтоб оперились успели…»* (Мингалиев А. От Кандагара до Херсона: Командир с позывным Дед хоть «свое и прошел» в Афгане, отправился в зону СВО // Российская газета. URL: https://rg.ru/2026/02/15/reg-hersonskaya/komandir-s-pozyvnym-ded-proshedshij-afganistan-sam-poprosilsia-v-zonu-svo.html (дата обращения: 19.03.2026)).

В публикациях активно поднимается тема морального авторитета воинов-интернационалистов для новых поколений молодых россиян, в том числе земляков героя журналистского материала: *«В этот день ученики и преподаватели встречали настоящих героев — подполковника в отставке, ветерана боевых действий в Афганистане, награжденного медалью „За отвагу“ Вячеслава Земцова, капитана 2-го ранга в отставке, ветерана боевых действий в Афганистане и участника Специальной военной операции, награжденного орденом Красной Звезды и двумя медалями „За отвагу“ Сергея Стефанишина и ветерана боевых действий в Чеченской Республике Андрея Блинкова, тоже награжденного медалью „За отвагу“»* (Встреча с героями // Ветеран Афганистана. 2025. №2).

Сегодня идеологема «воин-интернационалист» в значительной степени служит сохранению исторической памяти и формированию патриотических настроений у подрастающего поколения россиян, в текстах

СМИ она символизирует не только идеалы служения Родине, но и сложные реалии военных конфликтов, в которых участвовали советские солдаты.

Отметим также, что советский этап использования идеологемы «воин-интернационалист» может быть охарактеризован как нормативно-канонизирующий: образ строился в рамках утвержденной идеологической модели, акцентируя внимание на коллективном подвиге и исполнении долга. В современном российском медиапространстве функционал идеологемы существенно расширяется: наряду с сохранением патриотического компонента усиливается персонализация образа, актуализируются темы социальной адаптации ветеранов, рефлексии над ценой войны и передачей боевого и героического опыта молодому поколению.

Анализируя ключевые стратегии репрезентации образа воина-интернационалиста в современных российских СМИ, нельзя не сказать об еще одном важном факторе — корпоративных медиа, к которым нужно отнести газеты, журналы и сетевые медиа, созданные «афганскими» общественными структурами. К таким медиа мы относим газеты «Ветеран Афганистана», «Контингент», а также журнал и сетевое издание «Боевое братство». Целевая аудитория этих СМИ не ограничивается ветеранами войны в Афганистане и других вооруженных конфликтов, материалы активно читают родственники погибших, потомки воинов-интернационалистов, широкая общественность, интересующаяся историей войны в Афганистане и темой современных вооруженных конфликтов. Здесь образ воина-интернационалиста конструируется еще и с использованием идеологии внутреннего единства и сплоченности, поддержания традиций и взаимопомощи.

Воин-интернационалист, герой публикаций корпоративных «афганских» медиа — это активный гражданин, который продолжает служить обществу в мирное время, он показан с помощью идеи преемственности и демонстрации любви к Родине, пронесенной сквозь время. Ветеран Афганистана Юрий Вандышев, выступает как прямой наследник своего отца — ветерана Великой Отечественной войны Владимира Вандышева. А самый молодой герой — сын Юрия Алексей принял эстафету патриотизма и стал бойцом на Специальной военной операции: *«Юрий Владимирович считает: каждому парню стоит пройти военную службу, чтобы на деле узнать, что значит ответственность, почувствовать плечо товарища, понять, как рождается настоящая дружба. Та, что проверяется не словами, а поступками»* (Алферова Л. Солдаты Отечества // Контингент. 2026. 17 февр.).

На печатных и электронных страницах указанных изданий рассматриваются проблемы, волнующие ветеранов, вопросы увековечения памяти, военно-патриотической работы, патриотической эстафеты поколений, рассказывается о судьбах воинов-интернационалистов: *«С декабря 2024 года по июнь 2025 года участники боевых действий, члены организации ветеранов-„афганцев“, провели десятки Уроков мужества в школах и колледжах разных населённых пунктов Свердловской области с показом документальных фильмов и распространением брошюры, созданных в рамках проекта. Ветераны рассказывали о своём боевом пути, отвечали на трудные вопросы, делились личными историями»* (Подведены итоги проекта: Афган — тропою подвига // Ветеран Афганистана. 2025. №3); *«„Ничто не умалит подвига и мужества советских солдат, не повлияет на крепкую дружбу, закаленную афганским горнилом, не позволит забыть о жертве, положенной на алтарь войны. Молодые ребята были верны долгу и присяге, сражались отважно и достойно, не щадили себя ради спасения друзей, искренне верили, что помогают братскому народу“, — говорит Веселов»* (Свой труд защитникам Отчизны посвятим // Боевое братство. 2026. № 1. С. 33).

Образ воина-интернационалиста конструируется на фоне идеи ветеранской взаимовыручки: воин-интернационалист предстает как часть единого организма, где личные достижения важны меньше, чем верность товарищам и памяти павших: «*В один ряд встали ветераны Афганистана, Северного Кавказа, Африки и Азии… Мы вместе все годы после службы, были и есть. В этом сила нашего братства»* (Шолох О. Сила в дружбе и памяти // Контингент. 2020. 27 июля).

Исходя из приведенного анализа, мы можем сделать выводы о том, что образ воина-интернационалиста, в центре которого стоит идеологема «воин-интернационалист», продолжает быть востребованным в материалах средств массовой информации, обращение к этому образу актуализировано активно разрабатываемой российскими медиа проблематикой героики боевой службы в российских Вооруженных Силах, выполняющих поставленные перед ними президентом России задачи Специальной военной операции, общественным запросом на формирование образа воина-патриота, защитника Отечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, В. В. Генерал Борис Воробьев — Чкалов армейской авиации / В. В. Алексеев, Е. Л. Воробьева. — Москва : [б. и.], 2017. — 439 с. — ISBN 978-5-9904806-5-0.

2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с. — EDN WTJALN.

3. Богдан, Е. Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики / Е. Н. Богдан // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2007. — № 4. — С. 122–127. — EDN ICDAKV.

4. Галинская, Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т. Н. Галинская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 11 (160). — С. 91–94. — EDN RSXGRN.

5. Карамова А.А. Идеологемы: определение понятия и типология / А. А. Карамова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-1. — С. 397. — EDN UHXCNJ. — URL: https://science-education.ru/article/view?id=20815 (дата обращения: 29.08.2026).

6. Каримова, К. Р. Понятия «образ» и «имидж» в практике СМИ и научных исследованиях / К. Р. Каримова // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 4 (34). — С. 138–144. — EDN EYMXSK.

7. Керекеш, А. С. Лексика Афганской войны / А. С. Керекеш, Л. А. Лукьянова // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. — 2009. — № 1(5). — С. 64–68. — EDN VDPDDT.

8. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. — Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В. А., 2001. — 319 с. — ISBN 5-8016-0137-6. — EDN TPBTWX.

9. Клушина, Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4(50). — С. 57–58. — EDN TJAQOV.

10. Купина, Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург ; Пермь: ЗУУНЦ, 1995. — 144 с. — ISBN 5-7525-0511-9.

11. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 32–40. — EDN LKFZKN.

12. Нахимова, Е. А. Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 152–156. — EDN NXSKYL.

13. Теплов, Ю. Конец войны / Юрий Теплов // Афганистан болит в моей душе : воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане / лит. запись П. Ткаченко ; предисл. Ю. Теплова. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — ISBN 5-235-01105-8. — С. 5–16.

14. Швецова, М. Г. Роль СМИ в конструировании образа страны / М. Г. Швецова // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2012. — № 3 (37). — С. 288. — EDN PDXIQJ.

REFERENCES

1. Alekseev, V. V., Vorob′eva, E. L. (2017). General Boris Vorob′ev — Chkalov armeyskoy aviatsii = General Boris Vorobyov — The Chkalov of Army Aviation. Moscow, 439 p. ISBN 978-5-9904806-5-0.

2. Teplov, Yu. (1990). Konets voyn = The End of the War. Afganistan bolit v moey dushe : vospominaniya, dnevniki sovetskikh voinov, vypolnyavshikh internatsional′nyy dolg v Afganistane = *Afghanistan Aches in My Soul: Memoirs and Diaries of Soviet Soldiers Who Fulfilled Their Internationalist Duty in Afghanistan (transcribed by P. Tkachenko; foreword by Yu. Teplov)*, 5–16. Moscow: Molodaya gvardiya. ISBN 5-235-01105-8.

3. Bakhtin, M. M. (1975). Voprosy literatury i ehstetiki: issledovaniya raznykh let = Questions of Literature and Aesthetics: Studies from Various Years. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 504 p. EDN WTJALN.

4. Bogdan, E. N. (2007). Mediaobraz Rossii kak ponyatie teorii zhurnalistiki = The Media Image of Russia as a Concept in Journalism Theory. *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, *4*, 122–127. EDN ICDAKV.

5. Galinskaya, T. N. (2013). Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike = The Concept of a Media Image and the Problem of Its Reconstruction in Modern Linguistics. *Bulletin of Orenburg State University*, *11*(160), 91–94. EDN RSXGRN.

6. Karamova, A. A. (2015). Ideologemy: opredelenie ponyatiya i tipologiya = Ideologemes: Definition of the Concept and Typology. *Modern Problems of Science and Education*, *2-1*, 397. EDN UHXCNJ. Available at Aug. 29, 2026 from https://science-education.ru/article/view?id=20815.

7. Karimova, K. R. (2019). Ponyatiya «obraz» i «imidzh» v praktike SMI i nauchnykh issledovaniyakh = The Concepts of “Image” and “Public Image” in Media Practice and Academic Research. *Znak: Problem Field of Media Education*, *4*(34), 138–144. EDN EYMXSK.

8. Kerekesh, A. S., Luk′yanova, L. A. (2009). Leksika Afganskoy voyny = Vocabulary of the Afghan War. *Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Studia Historica Jenium*, *1*(5), 64–68. EDN VDPDDT.

9. Kim, M. N. (2001). Tekhnologiya sozdaniya zhurnalistskogo proizvedeniya = The Technology of Creating a Journalistic Work. St. Petersburg: Izdatel′stvo Mikhaylova V. A., 319 p. ISBN 5-8016-0137-6. EDN TPBTWX.

10. Klushina, N. I. (2014). Teoriya ideologem = Theory of Ideologemes. *Political Linguistics*, *4*(50), 57–58. EDN TJAQOV.

11. Kupina, N. A. (1995). Totalitarnyy yazyk. Slovar′ i rechevye reaktsii = Totalitarian Language: Vocabulary and Verbal Reactions. Ekaterinburg, Perm′: ZUUNTS, 144 p. ISBN 5-7525-0511-9.

12. Malysheva, E. G. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya = The Ideologeme as a Linguocognitive Phenomenon: Definition and Classification. *Political Linguistics*, *4*(30), 32–40. EDN LKFZKN.

13. Nakhimova, E. A. (2011). Ideologema *Stalin* v sovremennoy massovoy kommunikatsii = Ideologem *Stalin* in contemporary mass media. *Political Linguistics*, *2*(36), 152–156. EDN NXSKYL.

14. Shvetsova, M. G. (2012). Rol′ SMI v konstruirovanii obraza strany = The Role of Mass Media in Constructing the Image of a Country. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, *3*(37), 288. EDN PDXIQJ.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'27+81'42+808.51
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Елена Александровна Грудева
Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия, elena-grudeva@yandex.ru, SPIN-код: 7638-5936

Дискурс конфликта: противостояние Ирана и США в СМИ и политической риторике (анализ больших данных)

АННОТАЦИЯ. *В работе применяется анализ больших данных для изучения риторики ирано-американского конфликта (2022–2026 гг.). Цель исследования — определить, как СМИ и политические деятели противодействующих стран конструируют образы «своих» и «других», оправдывают свои действия и формируют общественное мнение. Эмпирической основой послужил корпус из 1000 текстов, включающий публикации ведущих американских и иранских медиаплатформ, а также официальные заявления представителей двух государств. Методология исследования строится на когнитивном подходе Т. ван Дейка, теории легитимации Т. ван Леувена и теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. С помощью инструментов AntConc 4.2 и Sketch Engine был проведен количественный и качественный анализ ключевых лексем и ассоциативных рядов.*

Результаты показывают асимметричные дискурсивные конструкции в формировании двух нарративных систем: американские медиа и политики описывают Иран преимущественно через метафоры угрозы, применяя апелляцию и рационализацию как основные стратегии легитимации. Иранский дискурс использует категории жертвенности и сопротивления, легитимируя свои позиции через моральную оценку и мифопоэзию. Научная новизна работы заключается в использовании корпусного анализа больших данных, что позволяет расширить границы их применимости и обеспечить высокую точность и верифицируемость полученных результатов. Предпринятый анализ восполняет пробел в области сравнительных корпусных исследований, касающихся данного геополитического конфликта, особенно на фоне краха ядерной сделки после 2022 года и эскалации в 2026 году. Результаты исследования имеют значение для прикладной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, а также могут быть интегрированы в программы по развитию критической медиаграмотности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, языковые средства, политический дискурс, политические тексты, анализ больших данных, дискурс конфликта, критический дискур-анализ, корпусная лингвистика, стратегии легитимации, концептуальная метафора, политическая конфликтология, ирано-американский конфликт, ирано-американские отношения.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Грудева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь, Россия, email: elena-grudeva@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Грудева, Е. А.* Дискурс конфликта: противостояние Ирана и США в СМИ и политической риторике (анализ больших данных) / Е. А. Грудева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 29-40.

Elena A. Grudeva
Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia, elena-grudeva@yandex.ru, SPIN code: 7638-5936

Discourse of the Conflict: Confrontation between Iran and the USA in Media and Political Rhetoric (Big Data Analytics)

ABSTRACT. *The article employs the method of Big Data Analytics to study the rhetoric of the Iranian-American conflict (2022-2026). The research aim is to reveal how media and politicians of the opposing countries construct the images of "THEIR OWN" and "THOSE ALIEN", justify their actions and shape the public opinion. The empirical material consists of a corpus of 1,000 texts, including publications from the leading American (NYT, Washington Post, BBC) and Iranian (IRNA, Tasnim, Al Jazeera) media platforms, as well as official statements by the leaders of the states. The methodological framework is based on T. van Dijk's cognitive approach, T. van Leeuwen's theory of legitimation, and the concepts of metaphorical modeling by J. Lakoff and M. Johnson. Quantitative and qualitative analysis of key lexemes and associative series was carried out using AntConc 4.2 and Sketch Engine tools.*

The results show asymmetric discursive constructions in the formation of two isolated narrative systems: American media and politicians describe Iran primarily through threat metaphors, using authorization and rationalization as the main strategies of legitimization. Iranian discourse appeals to the categories of sacrifice and resistance, legitimizing its positions through moral assessment and mythopoetics. The scientific novelty of the work lies in the use of corpus analysis of big data, which makes it possible to expand the boundaries of their applicability and ensure high accuracy and verifiability of the results obtained. The analysis fills a gap in comparative corpus research related to this geopolitical conflict, especially against the background of the collapse of the nuclear deal after 2022 and escalation in 2026. The results of the study have implications for applied linguistics and the theory of intercultural communication, and can also be integrated into programs of critical media literacy development.

© Грудева Е. А., 2026

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, language means, political discourse, political texts, big data analytics, discourse of the conflict, critical discourse analysis, corpus linguistics, legitimization strategies, conceptual metaphor, political conflictology, Iranian-American conflict, Iranian-American relations.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Grudeva Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia.*

FOR CITATION: *Grudeva E. A.* (2026). Discourse of the Conflict: Confrontation between Iran and the USA in Media and Political Rhetoric (Big Data Analytics). In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 29-40. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Язык не просто отражает политическую реальность — он активно ее конструирует. В условиях напряженной международной геополитики слова, выбираемые лидерами государств, чиновниками и средствами массовой информации, определяют то, как страны воспринимают друг друга, как оправдывают конфликты и как представляют себе мир и сотрудничество. Ирано-американский конфликт представляют собой один из самых лингвистически насыщенных и политически значимых геополитических конфликтов современной эпохи и является идеальным примером для изучения дискурса как инструмента власти и формирования идентичности и идеологии [Fairclough 2021].

Период с 2022 по 2026 год ознаменовался чрезвычайной эскалацией и напряженностью риторики в ирано-американских отношениях. Срыв переговоров по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) в 2022 году, сохраняющееся санкционное давление на Иран, а также прямые военные столкновения между Ираном и Израилем/США, произошедшие в апреле и октябре 2024 года, и новый виток эскалации в конце февраля 2026 года вызвали волну политической активности, публикаций в СМИ и дипломатических заявлений с обеих сторон. Эти события также породили ряд дискуссионных аспектов, лингвистический анализ которых остается в значительной степени недостаточно изученным в литературе по прикладной лингвистике.

Критический дискурсивный анализ (КДА) широко используется для изучения того, как язык создает и воспроизводит социальную власть, идеологию и неравенство [van Dijk 2001]. В сочетании с корпусными методологиями, позволяющими проводить систематический количественный анализ больших текстовых массивов, КДА становится обширной эмпирической основой, позволяющей исследователям перейти от интерпретативного чтения к статистически подтвержденным наблюдениям о дискурсивных паттернах [Baker 2019]. Эта интеграция, известная как корпусное исследование дискурса, стала одним из наиболее продуктивных методологических направлений в прикладной лингвистике за последнее десятилетие.

Несмотря на то, что ирано-американский конфликт является популярной темой для дискурс-анализа, в научной литературе наблюдается явный дисбаланс: большинство работ в рамках КДА фокусируются либо на западных медиа, либо на арабоязычных источниках. Сравнительные корпусные исследования, позволяющие проследить взаимное конструирование образов сторон в англоязычном и иранском дискурсах, встречаются редко. Кроме того, в прикладной лингвистике практически не изучен период 2022–2026 годов, ставший наиболее интенсивной фазой противостояния со времен Исламской революции 1979 года.

Мы провели анализ текстов новостных нарративов крупнейших медиаплатформ и официальных правительственных выступлений обеих сторон конфликта. Теоретической основой исследования послужили социально-когнитивная модель Т. ван Дейка, классификация дискурсивных стратегий легитимации Т. ван Леувена и теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Подобная эмпирическая база позволила нам создать многослойную аналитическую модель, способную охватить идеологические структуры на макроуровне и лингвистические особенности на микроуровне.

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа языковых стратегий, используемых в условиях современной информационной войны. В эпоху доминирования социальных сетей и государственного конструирования дискурсов язык становится инструментом формирования образа врага, оправдания военных действий и управления конфликтами. Применение методов прикладной лингвистики, в частности дискурсивного и корпусного анализа, позволяет детально изучить эти механизмы, что и составляет научную новизну и значимость данного исследования.

В рамках данного исследования были определены следующие **цели**:

1. Выявить и сравнить доминирующие способы интерпретации ирано-американского конфликта в СМИ и политических заявлениях обеих стран за период 2022–2026 годов.

2. Проанализировать стратегии легитимации, применяемые обеими сторонами для обоснования своих политических и военных позиций в рамках обсуждения конфликта.

3. Изучить, как такие дискурсивные механизмы, как дегуманизация, угрозы и идеологическая поляризация, функционируют в языковом корпусе каждой из противодействующих сторон.

4. Оценить роль концептуальных метафор в поддержании конфликтных нарративов и создании когнитивных репрезентаций двусторонних отношений.

Для достижения целей исследования были сформулированы следующие **задачи:**

1. Какие когнитивные стереотипы преобладают в освещении конфликта между США и Ираном (2022–2026) в обеих странах и в чем заключаются их ключевые различия?

2. Какие стратегии легитимации (апелляция к авторитету, моральная оценка, рационализация, мифопоэзис) чаще всего используются в каждом национальном корпусе и как различаются частота и модели их использования?

3. Каким образом через метафоры угроз и идеологические бинарности формируются образы «своих» и «чужих» в рамках данного конфликта?

4. Какие концептуальные метафоры лежат в основе когнитивной репрезентации двусторонних отношений и как они трансформируются под влиянием знаковых событий (провал СВПД, военные удары 2024 и 2026 гг.)?

Научная новизна данной работы заключается в преодолении фрагментарности существующих исследований ирано-американского конфликта. Несмотря на наличие работ, посвященных отдельным аспектам ирано-американских отношений, ядерному дискурсу и стратегиям легитимации в конфликтной риторике, комплексный анализ с применением методов Big Data до сих пор не проводился. Данное исследование восполняет этот пробел, предлагая оригинальную методологию: использование корпусного анализа больших данных для одновременного изучения дискурса обеих сторон конфликта за период 2022–2026 годов.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

2.1. Теоретическая основа исследования

Критический дискурс-анализ и политический язык

Критический дискурс-анализ (КДА) считается основополагающей структурой при изучении взаимосвязи языка, власти и идеологии в политическом контексте [Fairclough 2021]. Социально-когнитивный подход ван Дейка к КДА особенно актуален для настоящего исследования, поскольку он позиционирует дискурс как посредническую структуру между социальными и политическими структурами на макроуровне и когнитивными репрезентациями на микроуровне, которых придерживаются отдельные люди и сообщества. Ван Дейк утверждает, что идеологический дискурс функционирует через фундаментальную идеологическую плоскость: позитивную самопрезентацию и негативную презентацию других, реализуемую с помощью стратегий акцентирования, смягчения, выдвижения на первый план и подавления.

Применительно к геополитическим конфликтам эта концепция использовалась при изучении военного дискурса, дипломатического языка и риторики в области национальной безопасности.

Р. Водак и М. Мейер разработали дискурсивно-исторический подход, который помещает лингвистический анализ в более широкий исторический и интертекстуальный контекст — методологический принцип, который привлекает внимание настоящего исследования к конкретным политическим событиям, которые закрепляют каждый дискурсивный момент [Wodak, Meyer 2009].

Теория фрейминга в СМИ и политическом дискурсе

Теория фреймов, возникшая в социологической работе И. Гофмана [Гофман 2003] и впоследствии разработанная в исследованиях массовых коммуникаций Р. Энтманом [Entman 1993], обеспечивает дополнительный аналитический инструмент для понимания того, как СМИ и политические деятели целенаправленно используют информацию для продвижения конкретных интерпретаций событий. Концепция Энтмана, согласно которой фрейминг заключается в том, чтобы выбрать некоторые аспекты воспринимаемой реальности и сделать их более заметными в коммуникативном контексте, широко применяется в исследованиях дискурса конфликтов.

Дискурс легитимации в международном конфликте

Концепция легитимации — дискурсивные процессы, посредством которых политические субъекты оправдывают свои действия перед внутренней и международной аудиторией, — в последние годы привлекла значительное внимание ученых. Т. ван Леувен предлагает классификацию из четырех стратегий: авторизация (апелляция к авторитету, традиции, закону или общепринятому мнению), рационализация (апелляция к полезности или функциональности, соответствию

определенным целям или нормам), моральная оценка (апелляция к ценностям/нормам), мифопоэзис (апелляция к устоявшимся повествованиям, мифам, архетипам, для создания целостной и эмоционально убедительной картины) [Leeuwen 2007].

Американский лингвист А. Рейес рассматривает альтруизацию как еще одну стратегию легитимации. С помощью этого риторического приема необходимые политическому деятелю действия преподносятся не как продиктованные личным интересом, а как направленные на благо всего общества, что способствует большей поддержке проводимой им политики [Reyes 2011]. Исследования, в которых применялась концепция Рейеса к конфликтному дискурсу, продемонстрировали ее аналитическую полезность в различных геополитических контекстах.

Данная классификация обеспечивает основу для анализа легитимации в настоящем исследовании.

Изучение дискурса с помощью корпусного анализа

Методологическая интеграция корпусной лингвистики с дискурс-анализом — corpus-assisted discourse studies (CADS) — была убедительно сформулирована П. Бейкером и соавторами, которые утверждают, что корпусные методы позволяют устранить предвзятость подтверждения, присущую чисто качественному дискурс-анализу, выявляя закономерности, которые аналитики, возможно, не ожидали. Сочетание анализа ключевых слов, словосочетаний, лексических соответствий и измерения семантической просодии позволяет исследователям выявлять статистически значимые закономерности использования языка в больших массивах текстов [Baker et al. 2020].

Настоящее исследование применяет аналогичные методы к описанию конфликта между Ираном и США, распространяя эту традицию на до сих пор недостаточно изученный геополитический контекст.

Конструирование образов «своих» и «других» в дискурсе конфликта

Центральное место в анализе дискурса конфликта занимает концепция «свои/другие» — дискурсивный механизм, посредством которого группы выстраивают бинарные различия между своими (внутри группы) и другими (вне группы), как правило, наделяя первых позитивными характеристиками, а вторых — негативными. Основой изучения данного механизма служит «Идеологический квадрат» ван Дейка.

Теория концептуальной метафоры и дискурс конфликта

В данной работе мы опираемся на ключевой тезис теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафоры — это не просто стилистические приемы языка, а базовые когнитивные механизмы, которые определяют наше мышление и позволяют лучше понять абстрактные сферы, такие как политика, экономика или международные отношения. Методологической основой нашего исследования послужила работа Дж. Лакоффа «Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the Gulf», которая считается эталоном для изучения концептуальных метафор в политическом дискурсе [Lakoff 2009].

2.2. Методология исследования

Анализ больших данных включал смешанный подход, сочетающий количественные методы корпусной лингвистики с качественным критическим дискурс-анализом. Исследование опирается на эпистемологию критического реализма, согласно которой дискурс понимается как формируемая социальная реальность, а лингвистический анализ позволяет выявить скрытые идеологические структуры, зачастую остающиеся вне поля зрения рядовых носителей языка [Fairclough 2021]. Исследование включало шесть последовательных этапов (рис. 2).

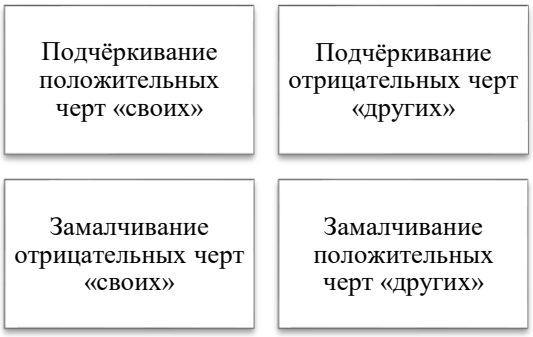

Рис. 1. «Идеологический квадрат» ван Дейка

Рис. 2. Анализ больших данных, примененный в исследовании

Примечание. Каждая фаза последовательно переходит в следующую, обеспечивая многоуровневый аналитический результат

Таблица 1

Состав корпуса

Источник	Количество текстов (n)	Количество слов	% от общего корпуса
The New York Times	120	188,800	13%
The Washington Post	110	149,600	9,8%
CNN	130	197,300	13,3%
Официальные заявления США*	150	254,500	17%
IRNA (English)	130	193,600	12,7%
Tasnim News Agency	100	112,800	8%
Al Jazeera (English)	110	151,400	10,2%
Официальные заявления Ирана**	150	246,800	16%
Всего	**1,000**	**1,500,000**	**100%**

Примечание. Тексты были собраны в период с марта 2022 г. по март 2026 г. Количество слов является приблизительным, основанным на количестве токенов AntConc без учета стоп-слов.

* Выступления президента США и заявления представителей США в Совете Безопасности ООН

** Выступления президента Ирана и заявления Министерства иностранных дел Ирана

Все тексты, проанализированные в данном исследовании, являются общедоступными материалами — опубликованными новостными статьями, официальными речами представителей власти и дипломатическими заявлениями, — которые регулярно используются в научных исследованиях по дискурс-анализу. Аналитические интерпретации представлены в качестве исследовательских выводов и не являются политическим одобрением какой-либо позиции одной из сторон конфликта.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

3.1. Состав корпуса

Для исследования был собран корпус из 1000 текстов общим объемом около 1,5 миллиона слов (500 текстов, ~780 000 слов из американских источников и 500 текстов, ~720 000 слов из иранских). В качестве американских источников были выбраны «New York Times», «Washington Post», CNN, а также выступления представителей Госдепартамента и президента США. Арабские источники включали информационные агентства IRNA и Tasnim, новостной канал «Al Jazeera English», а также заявления Министерства иностранных дел и президента Ирана. Все тексты были взяты из открытых источников в сети Интернет.

Тексты отбирались на основе трех критериев: (1) они непосредственно описывают двусторонние отношения между США и Ираном; (2) период публикации — март 2022 года — март 2026 года; и (3) доступность источников в полнотекстовом цифровом формате. Ключевые события были выбраны так, чтобы сделать анализ более глубоким и достоверным: провал переговоров по СВПД (2022 год), эскалация конфликта в апреле и октябре 2024 года и в конце февраля 2026 года. Для каждого из событий были созданы подкорпусы текстов, позволяющие проводить диахронические сравнения. В таблице 1 представлен общий состав корпуса с разбивкой по источникам, количеству текстов и слов.

3.2. Анализ ключевых слов и доминантных фреймов

Корпус был проанализирован с помощью инструментов AntConc 4.2 и Sketch Engine. Для статистической оценки ключевых слов применяли метод логарифмического правдоподобия (Log-Likelihood) с порогом значимости 6,63 ($p < 0,01$), сравнивался каждый подкорпус с общим корпусом. В AntConc этот критерий реализуется через инструмент Keyword List. Анализ словосочетаний, состоящих из 5 слов с оценкой взаимной информативности (MI) выше 3,0, являлся критерием для включения в исследование. Анализ соот-

ветствия проводился вручную по 200 наиболее частотным ключевым словам в каждом подкорпусе, что позволило на качественном уровне верифицировать статистические данные: проверить контексты употребления, выявить конкордансы и особенности реализации исследуемых единиц в дискурсе.

Анализ ключевых слов в подкорпусах американских и иранских медиаплатформ по сравнению с общим справочным корпусом выявил их высокую степень сходства; основными в обоих подкорпусах являются темы угрозы, дестабилизации и нарушении правил. Так, в американском подкорпусе преобладают следующие ключевые слова: атака (LL = 847,3), ядерный (LL = 712,4), угроза (LL = 698,1), санкции (LL = 611,2), террорист (LL = 589,3), режим (LL = 534,7), дестабилизация (LL = 512,8) и переговоры (LL = 487,6). Эти ключевые слова можно объединить в два доминирующих семантических поля: (1) международная безопасность/угроза распространения терроризма и (2) международные отношения/разрешение конфликта через санкции и переговоры.

В иранском подкорпусе были выделены следующие ключевые слова: атака (LL = 801,2), сопротивление (LL = 778,5), санкции (LL = 721,3), оккупация (LL = 698,4), мученик (LL = 634,7), жертва (LL = 589,1), права (LL = 543,8) и агрессия (LL = 512,4). Они объединяются в семантические поля (1) конфликт/сопротивление и (2) права человека, социальная справедливость/виктимность, создавая фундаментальную асимметрию восприятия: там, где американский дискурс конструирует Иран как источник угрозы, иранский дискурс конструирует себя как субъекта-жертву.

В таблице 2 представлены 15 частотных слов с логарифмическим показателем правдоподобия (Log-Likelihood Score) для каждого подкорпуса.

3.3. Стратегии легитимации

Структурирование дискурса легитимации проводилось в соответствии с четырьмя стратегиями Т. ван Леувена. В качестве пятой стратегии легитимации мы рассматривали стратегию альтруизации, предложенную А. Рейесом.

Анализ случайной стратифицированной выборки из 200 текстов двух национальных корпусов показал существенные расхождения в структурировании четырех стратегий легитимации. В таблице 3 представлены данные о частоте и процентном соотношении применения каждой стратегии в обоих корпусах. В целом апелляция к авторитету и рационализация доминируют в американском корпусе, в то время как в иранском корпусе преобладают стратегии моральной оценки и мифопоэзис — модель, согласующаяся с контрастирующими политическими функциями легитимации в каждом контексте. США, как сторона, вводящая санкции и ведущая активную военную политику, в большей степени апеллируют к процедурным механизмам (резолюции Совета Безопасности ООН, обязательства по ДНЯО) и

Таблица 2

15 самых частотных слов в каждом национальном подкорпусе
(по логарифмическому показателю правдоподобия)

№	Ключевые слова американского корпуса	LL США	Ключевые слова иранского корпуса	LL Иран
1	атака	847,3	атака	801,2
2	ядерный	712,4	сопротивление	778,5
3	угроза	698,1	санкции	721,3
4	санкции	611,2	оккупация	698,4
5	террорист	589,3	мученик	634,7
6	режим	534,7	жертва	589,1
7	дестабилизация	512,8	права	543,8
8	переговоры	487,6	агрессия	512,4
9	давление	465,2	гегемония	498,3
10	сделка	451,7	империализм	476,1
11	уран	443,1	незаконный	454,3
12	опасность	421,8	давление	443,7
13	нефть	398,4	решительность	421,2
14	посредник	387,2	давление	398,6
15	кризис	371,6	сделка	376,4

Примечание. Пороговое значение логарифмической вероятности: LL ≥ 6,63 ($p < 0,01$).

Таблица 3

Частотное распределение стратегий легитимации по национальным корпусам (n = 200 текстов)

Стратегии легитимации	Американский корпус		Иранский корпус		χ^2 (df=1)
	(n)	(%)	(n)	(%)	
Апелляция к авторитету	312	38,2%	178	21,8%	47,3*
Рационализация	287	35,1%	198	24,2%	31,6*
Моральная оценка	98	12,0%	234	28,6%	52,1*
Мифопоэзис	67	8,2%	198	24,2%	64,7*
Альтруизация	53	6,5%	109	13,3%	18,9*
Итого:	817	100%	917	100%	—

Примечание. Статистическая значимость различий подтверждается значением $p < 0,001$. С помощью критерия χ^2 было проведено сравнение наблюдаемых частот распределения стратегий с теоретически ожидаемым равномерным распределением. Коэффициент каппа Коэна (к) составил 0,81 (значительное совпадение).

используют рационально-инструментальную аргументацию, ссылаясь на необходимость снижения уровня ядерной угрозы и обеспечения стабильности в регионе Персидского залива. Иран, как объект санкций и военных действий, больше полагается на морально-нормативные призывы и исторические нарративы, чтобы обосновать свои позиции как внутри региона, так и перед международной аудиторией. Альтруизация в иранском медиадискурсе используется намного чаще, чем в американском (таблица 3).

В рамках одного текста может быть представлено несколько стратегий легитимации, поэтому общее количество примеров превышает количество текстов (100 в каждом корпусе).

3.4. Образы «своих» и «других» в конфликтном дискурсе

Для идентификации концептуальной метафоры использовалась процедура MIP/MIPVU [Steen et al. 2010], примененная к подвыборке из 100 текстов.

Анализ механизмов противопоставления «своих» и «других» выявляет систематические закономерности в идеализации своей группы и дискредитации оппонентов, хотя конкретные языковые формы заметно различаются. В американском корпусе Иран преимущественно конструируется с помощью машинных метафор (иранский режим как машина угнетения). Статистический анализ показал, что ключевое слово «режим» (MI = 451,7) образует наиболее частотные коллокации с лексемами «жестокость» (MI = 4,7), «авторитарность» (MI = 4,3) и «репрессивность» (MI = 4,1), что делегитимизирует политическую идентичность Ирана как государственного образования в пользу представления о нем как о ненормальном правящем аппарате, который необходимо нейтрализовать. Себя США традиционно видят в образе «защитника» (MI =513,7) прав и свобод своих граждан и граждан других стран, санкции и эскалация конфликта оправдываются защитой интересов и прав граждан. Самыми частотными коллокациями являются «правовой» (MI = 9,2), «свободный» (MI = 8,4), «справедливость» (MI = 7,7).

В иранском медиадискурсе США интерпретируются с помощью метафор «актора» — хищника, агрессора, стремящегося полностью подчинить себе страну. Частотными коллокациями с ключевым словом «обманщик» (MI = 512,4) являются «глобальный» (MI = 5,1), «высокомерный» (MI = 4,8) и «преступный» (MI = 4,4).

Иранская самопрезентация строится на акцентах идентичности, суверенитета и сопротивления внешнему давлению. Так, при создании образа жертв агрессии США в иранских нарративах часто встречается лексема «мученик» (MI = 426,3) в сочетании с лексемами «сопротивление» (MI = 6,3), «национальный» (MI = 5,7) и «гордый» (MI = 5,2).

Таблицы 4 и 5 показывают диахроническое распределение ключевых лексем «других» и «своих» по трем событийным подкорпусам, показывающее, как конкретные конфликтные события усиливают или меняют дискурсивные паттерны.

Таблица 4

Диахроническое распределение ключевых лексем «других» по подкорпусам событий

Корпус	Лексемы «чужих»	2022 Провал СВПД (freq/10k)	2024 Эскалация конфликта (freq/10k)	2026 Эскалация конфликта (freq/10k)	Тенденция
американский	режим	6,2	8,7	11,3	↑ всплеск в 2026
	террорист / терроризм	4,8	9,6	12,4	↓ затем ↑
	угроза	14,3	21,7	18,2	стабильный↑
	опасность	5,6	4,1	3,2	невысокий
иранский	обманщик	17,8	14,2	11,3	↑ Пик СВПД
	хищник	7,4	9,8	13,8	↑ всплеск в 2026
	оккупация	4,3	12,4	16,7	событийно-управляемый
	преступник	12,1	18,6	9,8	стабильный ↑

Таблица 5

Диахроническое распределение ключевых лексем «своих» по подкорпусам событий

Корпус	Лексемы «своих»	2022 Провал СВПД (freq/10k)	2024 Эскалация конфликта (freq/10k)	2026 Эскалация конфликта (freq/10k)	Тенденция
американский	свобода	9.4	11.3	14.4	↑ всплеск в 2026
	справедливость	8.6	9.6	12.4	↓ затем ↑
	защита	17.3	18.6	20.3	стабильный↑
	закон	4.4	3.1	4.2	невысокий
иранский	суверенитет	13.6	14.2	15.7	стабильный ↑
	мученик	3.3	7.8	12.9	↑ всплеск в 2026
	возмездие	12.4	15.3	16.7	событийно-управляемый
	сопротивление	14.6	16.3	18.2	стабильный ↑

Примечание. Частоты, нормализованные на 10 000 слов в каждом подкорпусе событий. ↑ = тенденция к увеличению за период; ↓ = тенденция к снижению. Подкорпус 2022 года охватывает период с июня по декабрь; 2024 года — апрель и октябрь; 2026 года — март

4. ОБСУЖДЕНИЕ

4.1. Асимметрия восприятия угрозы и образа жертвы

Наиболее теоретически значимым выводом этого исследования можно считать фундаментальную дискурсивную асимметрию в том, как каждая из сторон конструирует свою роль в двусторонних отношениях. В американском медиадискурсе США последовательно позиционируют себя как рационального субъекта, реагирующего на иранские угрозы, а Иран рассматривается как источник опасности и нестабильности не только в регионе, но и во всем мире. Иранский дискурс в точности переворачивает эту конструкцию: США — угрожающий миру агрессор, а Иран — жертва агрессии, защищающая свои права от незаконного вмешательства. Этот вывод согласуется с моделью идеологической поляризации позитивного «свои» и негативного «другие» ван Дейка, но совокупность статистических данных придает беспрецедентный размах и конкретность этому теоретическому наблюдению.

Подобная асимметрия имеет значительные последствия для разрешения конфликтов и коммуникации. Как утверждают Дж. Флауэрдью и Дж. Ричардсон, когда две конфликтующие стороны обитают в совершенно непересекающихся дискурсивных реальностях и каждая видит себя жертвой, а другую сторо-

ну — агрессором, дипломатическая коммуникация сталкивается с фундаментальной проблемой: не существует общих дискурсивных рамок, в которых можно было бы осмысленно предложить примирение [Flowerdew, Richardson 2017]. Процесс переговоров по ядерной сделке подтверждает это: провал переговоров по возобновлению СВПД в 2022 году сопровождался резким усилением дискурса о суверенитете и его нарушении в текстах иранских СМИ (таблица 4). Это дает основание полагать, что иранская сторона рассматривала переговорный процесс не как механизм контроля над ядерным вооружением, а как принципиальный вопрос поддержания государственного престижа.

4.2. Легитимация на службе политическим целям

Различные профили стратегий легитимации, представленные в таблице 3, отражают различные политические функции, которые выполняет дискурс легитимации для каждого субъекта. Введение санкций со стороны США — апелляция к международному праву, резолюциям Совета Безопасности ООН и договорным обязательствам — служит для того, чтобы поместить санкции и военные действия США в международно признанные нормативно-правовые рамки, придавая поведению США процедурную легитимность, независимо от его существенных последствий. Иранская моральная оценка и мифопоэзия, напротив, служат мобилизации внутренней поддержки и созданию нарративно согласованной идентичности для иранской аудитории, позиционируя современный американо-иранский конфликт в рамках более длинной исторической дуги колониальной и имперской агрессии, сопротивление которой становится не просто оправданным, но священным долгом Ирана.

Обращает на себя внимание достаточно высокая частота использования стратегии альтруизации в иранском дискурсе — 13,3 % (в американском только 6,5 %). Используя данную стратегию в медиадискурсе, представители США стараются создать впечатление, что их давление на Иран в конечном счете выгодно в первую очередь иранскому народу, а санкции направлены против иранского режима, а не против его граждан, и это различие, лингвистическая конструкция которого (режим против народа) выполняет значительную идеологическую работу. Иранские власти используют стратегию альтруизма, чтобы преподнести свое участие в военных действиях и переговорных процессах как благородную борьбу за справедливость. В этой картине мира Иран выступает не как игрок, преследующий национальный интерес, а как самоотверженный защитник всех «пострадавших от гнета империализма».

4.3. Концептуальные метафоры и когнитивное конструирование

Мы придерживаемся мнения, что теория концептуальной метафоры позволяет вскрыть механизмы, с помощью которых язык формирует искаженное восприятие реальности, определяя концептуализацию двусторонних отношений между Ираном и США как на уровне политических элит, так и в общественном сознании.

Так, в американском дискурсе самой распространенной является метафора «режим — это машина», представляющая государство, его институты или политику как механизм, который работает по шаблону, служит определенной цели (подавлению, контролю, пропаганде) и уничтожает не только внешних врагов, но и своих граждан:

(1) *Iran regime's* ***execution machine*** *accelerates: political prisoners face imminent death as nationwide killings reach a 37-year high* (***Машина казней*** *иранского режима набирает обороты: Политическим заключенным грозит неминуемая смерть, поскольку число убийств по всей стране достигло 37-летнего максимума*);

(2) *Tehran's* ***killing machine*** *accelerates: executions expose a fragile regime terrified of a restive nation* (***машина убийств*** *в Тегеране набирает обороты: казни разоблачают хрупкий режим, напуганный непокорной нацией*);

(3) *…puts prisoners to death on an «****industrial scale****»* (*…убивает заключенных в «****промышленных масштабах****»*);

(4) *The Iranian regime —* ***a machine fueled by terror*** (*Иранский режим — это* ***Машина, подпитываемая террором***);

(5) *Tehran's* ***terror machine*** *loathed in the Middle East* (***Террористическая машина*** *Тегерана, которую ненавидят на Ближнем Востоке*);

(6) *Unlike almost any other country, the Islamic Republic has supported terrorism within its* ***military and intelligence apparatuses*** (*В отличие почти от любой другой страны, Исламская Республика поддерживает терроризм в рамках своих военных и разведывательных структур*);

(7) *Tehran's slick* ***media machine*** *has pursued these objectives using a range of strategies…* (*Ловкая* ***медийная машина*** *Тегерана добивается этих целей, используя целый ряд стратегий*...).

Ядерная программа Ирана в американском дискурсе также представляется как «технический проект»:

(8) *the nuclear enrichment* ***machinery*** (***машина обогащения*** *[урана]*);

(9) *Iran is prepared* ***to ramp up*** *its uranium enrichment capabilities…* (*Иран готов* ***наращивать*** *свои возможности по обогащению урана…*);

(10) ***to dismantle*** *key components of the program* (***демонтировать*** *ключевые компоненты программы*).

Функция «машинных» метафор — дегуманизация государства и его лидеров. В американских СМИ и в заявлениях политиков иранский режим представляется как жестокая «машина», бездушное «устройство», которое несет ядерную или террористическую угрозу всему миру. Восприятие проводимых военных действий аудиторией искажается: главной темой становится необходимость смены режима; гуманитарный аспект и социальные последствия конфликта отходят на второй план. Мы видим не трагедии реальных людей, которые неизбежно несет война, а опасный механизм, который необходимо остановить. Более того, «машинные» метафоры усиливают тревожный нарратив — когда политики заявляют об «иранской машине убийств», мы воспринимаем это как сигнал нарастающей угрозы.

В иранском политическом дискурсе США представлены как актор (активный субъект) — через образы, которые подчеркивают агрессию, доминирование, манипуляцию и контроль. Основная метафора в иранском дискурсе — «США это хищник/оккупант/источник конфликтов и кризисов»:

(11) *The United States does not seek stability; it thrives* ***on aggression****. Like* ***a predator*** *circling its prey, it keeps testing red lines, probing for weakness, and escalating pressure until it gets what it wants* (*США не стремятся к стабильности — они процветают за счёт* ***агрессии.*** *Как* ***хищник,*** *кружащий над жертвой, они постоянно проверяют красные линии, ищут слабые места и усиливают давление, пока не получат желаемое*);

(12) *They may not deploy boots on the ground everywhere, but their economic siege is* ***a form of occupation****. Sanctions are not diplomacy — they are weapons of economic warfare designed to strangle a sovereign nation. This is* ***aggression*** *by another name* (*Пусть они не вводят войска повсюду, но их экономическая осада — это форма* ***оккупации.*** *Санкции — не дипломатия, а оружие экономической войны, призванное задушить суверенное государство. Это* ***агрессия*** *под другим именем*);

(13) *Washington doesn't resolve conflicts —* ***it fuels*** *them.* ***They are not peacemakers; they are the arsonists of regional stability****. Every crisis becomes an opportunity for them to expand influence, sell weapons, and reshape borders to their advantage* (*Вашингтон не разрешает конфликты — он их* ***подпитывает****. Они* ***не миротворцы, а поджигатели*** *региональной стабильности. Каждый кризис становится для них возможностью расширить влияние, продать оружие и перекроить границы в свою пользу*).

Метафора «США — обманщик/манипулятор» часто используется в иранском дискурсе. Иранские спикеры часто говорят о том, что США мастерски «переворачивают реальность», выдают ложь за правду и «замазывают» свои преступления. В качестве инструмента доминирования называют «медийную войну», основанную на обмане и искажении фактов.

(14) *They have mastered the art of* ***turning reality on its head****: aggression is packaged as defense, occupation is sold as liberation, and crimes are presented as humanitarian missions. This is not diplomacy;* ***it is a systematic distortion of facts*** *to justify their agenda* (*Они в совершенстве овладели* ***искусством переворачивать реальность****: агрессию представляют как оборону, оккупацию продают как освобождение, а преступления преподносят как гуманитарные миссии. Это не дипломатия, а* ***систематическое искажение фактов для оправдания своей повестки***);

(15) *Their strategy includes not only* ***spreading falsehoods*** *but also* ***whitewashing their crimes*** *with a veneer of legality and moral high ground. Every violation is dressed up in the language of "rules-based order", while the real impact on people is deliberately kept out of the frame* (*Их стратегия включает не только* ***распространение лжи****, но и прикрытие своих преступлений маской легальности и моральных претензий. Каждое нарушение облачают в язык «порядка, основанного на правилах», тогда как реальные последствия для людей намеренно остаются за кадром*);

(16) *It is not a matter of occasional mistakes;* ***it is the very nature of their policy to break commitments*** *whenever it suits their interests. Treaties and agreements are mere instruments for them — to be used and discarded like worn-out tools* (*Речь не о случайных ошибках:* ***сама природа их политики — нарушать обязательства*** *всякий раз, когда это отвечает их интересам. Договоры и соглашения для них — всего лишь инструменты, которые используют и выбрасывают, как изношенные орудия*);

(17) *They treat international accords as* ***disposable tools****:* ***effective while they serve***

their purpose, and easily discarded once the utility expires (*Они относятся к международным соглашениям как к* ***одноразовым инструментам****:* ***они эффективны, пока служат цели, и легко выбрасываются, как только польза иссякает***).

Используя подобные метафоры, иранские политические деятели легитимизируют антиамериканскую повестку, представляя США как внешнюю силу, осуществляющую тотальный контроль и диктат.

Таким образом, обе стороны конфликта при построении идеологического образа друг друга используют такие концептуальные метафоры, которые можно легко масштабировать под разные темы: ядерную программу, экономику, региональную политику.

4.4. Диахронические сдвиги и событийный дискурс

Диахронический анализ (таблицы 4 и 5) показал, что ключевые политические события приводят к предсказуемым сдвигам в частотности использования определенных лексем. Военные события в 2024 и особенно в 2026 году привели к самой высокой частоте упоминаний лексем «режим», «терроризм» и «оккупация». Таким образом, прямой кинетический конфликт резко усиливает негативное восприятие «других» в дискурсе конфликта и, следовательно, лингвистическая эскалация, сопровождающая военную эскалацию, сама по себе может способствовать созданию условий, затрудняющих мирные переговоры, поскольку нарастающая критика «других» становится все более заметной.

5. ВЫВОДЫ

В данной работе представлен анализ больших данных текстов, посвященных ирано-американскому конфликту в период с 2022 по 2026 год. Исследование сфокусировано на выявлении стратегий легитимации, концептуальных метафор и механизмов формирования образов «своих» и «других», используемых обеими сторонами. Анализ выявил глубокую дискурсивную асимметрию в формировании двух нарративных систем, в рамках которых каждая из сторон конструирует себя через образ жертвы, а противодействующую сторону — как угрозу: в американских источниках Иран позиционируется как глобальная угроза (ядерная, террористическая) и дестабилизирующий фактор; себя США представляют как сторону, вынужденную защищать свои интересы и интересы других государств. В иранском политическом дискурсе США предстают как агрессор, посягающий на государственный суверенитет. Самовосприятие Ирана в этом конфликте — это образ жертвы, вынужденной отстаивать свои стратегические интересы и суверенитет, но готовой к решительному противодействию.

Данная работа развивает и дополняет теоретические подходы Т. ван Дейка к социально-когнитивному анализу дискурса, типологию легитимации Т. ван Леувена и теорию концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона, адаптируя их к специфике современных ирано-американских геополитических отношений. Научная новизна работы заключается в междисциплинарном синтезе данных подходов с методами корпусной лингвистики, что позволяет расширить границы их применимости и обеспечить высокую точность и верифицируемость полученных данных.

Данное исследование имеет высокую прикладную ценность. В эпоху, когда лингвистическое моделирование геополитической реальности влияет на общественное мнение относительно военных действий, режимов санкций и дипломатического взаимодействия, анализ дискурса конфликта приобретает критическое значение. Практическая значимость исследования заключается в выявлении лингвистических инструментов формирования геополитической реальности, что необходимо для развития критической медиаграмотности в условиях современных международных конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман ; пер. с англ. Р. Е. Бумагина и др. — Москва : Ин-т социологии РАН : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. — 750 с. — ISBN 5-93947-011-4.

2. Колмогорова, А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа / А. В. Колмогорова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1(67). — С. 33–40. — DOI 10.26170/pl18-01-03. — EDN YSUNKN.

3. Ромашова, И. П. Стратегии и тактики легитимации в корпоративном дискурсе / И. П. Ромашова // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7, № 2. — С. 365–376. — DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(2).365-376. — EDN DSZGKL.

4. Цурикова, Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л. В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4 (13). — С. 98–108. — EDN IIQYUD.

5. Baker, C. F. A frames approach to semantic analysis / C. F. Baker, C. J. Fillmore // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis / ed. B. Heine, H. Narrog. — 2nd ed. — S.l., 2015. — DOI 10.1093/oxfordhb/9780199677078.013.0013.

6. Chilton, P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. — 2nd ed. — London : Routledge, 2025. — ISBN 978-1003406990. — 266 p. — DOI 10.4324/9781003406990.

7. Dijk, T. A. van. Critical discourse analysis / T. A. van Dijk // The Handbook of Discourse Analysis / eds. D. Schiffrin, D. Tannen, D., H. E. Hamilton. — USA : Blackwell Publisher Ltd, 2001. — P. 352–371.

8. Dijk, T. A. van. Discourse, Power and Access / T. A. van Dijk // Discourse and Power. — S.l., 2008. — DOI 10.1007/978-1-137-07299-3_3.

9. Entman, R. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R. Entman // Journal of Communication. — 1993. —

Vol. 43, Iss. 4. — P. 51–58. — DOI 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.

10. Fairclough, N. Language and power / N. Fairclough. — 2nd ed. — London : Longman, 2001. — ISBN 978-0582414839.

11. Flowerdew, J. The Routledge handbook of critical discourse studies / eds. J. Flowerdew, J. E. Richardson. — London : Routledge, 2017. — ISBN 978-1315739342. — DOI 10.4324/9781315739342.

12. Lakoff, G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the Gulf / G. Lakoff // Cognitive Semiotics. — 2009. — Vol. 4 (2). — P. 5–19.

13. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1981. — ISBN 978-0-226-46800-6. — DOI https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001.

14. Leeuwen, T. van. Legitimation in discourse and communication / T. van Leeuwen // Discourse & Communication. — 2007. — Vol. 1, Iss. 1. — P. 91–112. — DOI 10.1177/1750481307071986.

15. Matthes, J. Framing Politics: An Integrative Approach / J. Matthes // American behavioral scientist. — 2012. — Vol. 56, no. 3. — P. 247–259.

16. Reyes, A. Legitimation in political discourse: From Words to Actions / A. Reyes // Discourse & Society. — 2011. — Vol. 22, Iss. 6. — P. 781–807. — DOI 10.1177/0957926511419927.

17. Steen, G. J. A method for linguistic metaphor identification / G. J. Steen, A. G. Dorst, J. B. Herrmann, A. A. Kaal, T. Krennmayr, T. Pasma. — S.l. : John Benjamins, 2010. — DOI https://doi.org/10.1075/celcr.14.

18. Wodak, R. Critical discourse analysis: history, agenda, theory, and methodology. 1. Methods of Critical Discourse Analysis / eds. R. Wodak, M. Meyer (Eds.). S.l. : Sage, 2009.

REFERENCES

1. Gofman, I. (2003). Analiz freymov: ehsse ob organizatsii povsednevnogo opyta = Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience (transl. from Engl. by R. E. Bumagin et al.). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Public Opinion Foundation Institute, 750 p. ISBN 5-93947-011-4.

2. Kolmogorova, A. V. (2018). Legitimatsiya kak sotsiopoliticheskiy fenomen i ob″ekt diskurs-analiza = Legitimization as a Sociopolitical Phenomenon and an Object of Discourse Analysis. *Political Linguistics*, *1*(67), 33–40. DOI 10.26170/pl18-01-03. EDN YSUNKN.

3. Romashova, I. P. (2020). Strategii i taktiki legitimatsii v korporativnom diskurse = Strategies and Tactics of Legitimization in Corporate Discourse. *Communication Studies*, *7*(2), 365–376. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(2).365-376. EDN DSZGKL.

4. Tsurikova, L. V. (2007). Diskursivnye strategii kak ob″ekt kognitivno-pragmaticheskogo analiza kommunikativnoy deyatel′nosti = Discursive Strategies as an Object of Cognitive-Pragmatic Analysis of Communicative Activity. *Issues in Cognitive Linguistics*, *4*(13), 98–108. EDN IIQYUD.

5. Baker, C. F., Fillmore, C. J. (2015). A frames approach to semantic analysis. *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. 2nd ed. (ed. B. Heine, H. Narrog)*. DOI 10.1093/oxfordhb/9780199677078.013.0013.

6. Chilton, P. (2025). Analysing Political Discourse: Theory and Practice. 2nd ed. London: Routledge, 266 p. ISBN 978-1003406990. DOI 10.4324/9781003406990.

7. Dijk, T. A. van. (2001). Critical discourse analysis. *The Handbook of Discourse Analysis (eds. D. Schiffrin, D. Tannen, D., H. E. Hamilton)*, 352–371. USA: Blackwell Publisher Ltd.

8. Dijk, T. A. van. (2008). Discourse, Power and Access. *Discourse and Power*. DOI 10.1007/978-1-137-07299-3_3.

9. Entman, R. (1993). Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, *43*(4), 51–58. DOI 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.

10. Fairclough, N. (2001). Language and power. 2nd ed. London: Longman. — ISBN 978-0582414839.

11. Flowerdew, J., Richardson, J. E. (2017). The Routledge handbook of critical discourse studies. London: Routledge. ISBN 978-1315739342. DOI 10.4324/9781315739342.

12. Lakoff, G. (2009). Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the Gulf. *Cognitive Semiotics*, *4*(2), 5–19.

13. Lakoff, G., Johnson, M. (1981). Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago Pr. ISBN 978-0-226-46800-6. DOI https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001.

14. Leeuwen, T. van. (2007). Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*, *1*(1), 91–112. DOI 10.1177/1750481307071986.

15. Matthes, J. (2012). Framing Politics: An Integrative Approach. *American behavioral scientist*, *56*(3), 247–259.

16. Reyes, A. (2011). Legitimation in political discourse: From Words to Actions. *Discourse & Society*, *22*(6), 781–807. DOI 10.1177/0957926511419927.

17. Steen, G. J., Dorst, A. G., Herrmann, J. B., Kaal, A. A., Krennmayr, T., Pasma, T. (2010). A method for linguistic metaphor identification. S.l.: John Benjamins. DOI https://doi.org/10.1075/celcr.14.

18. Wodak, R., Meyer, M. (Eds.) (2009). Critical discourse analysis: history, agenda, theory, and methodology. 1. Methods of Critical Discourse Analysis. S.l.: Sage.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.6*

Алла Георгиевна Гурочкина[1]✉, Дарья Андреевна Макурова[2]✉

[1,2] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
[1] i.arkhipov@yandex.ru✉, SPIN-код: 8900-1971
[2] dmakurova@mail.ru✉, SPIN-код: 2167-2304

Уловки обмана: технологии информационно-психологического воздействия на адресата в предвыборном американском дискурсе

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена рассмотрению механизмов формирования и интерпретации уловок обмана как технологии информационно-психологического воздействия на адресата, используемой кандидатом в президенты США Д. Трампом в его выступлениях в ходе предвыборных кампаний 2020 и 2024 годов. К главным задачам статьи относятся: выявление и анализ когнитивно-прагматических установок, определение основных стратегий и лингвистических особенностей предвыборной риторики кандидата в рамках реализуемой им функции воздействия на избирателей. Материалом для анализа выступили скрипты президентских дебатов, выложенные на новостных сайтах ABC news, NBC news. Методологической базой исследования послужили научные работы на стыке риторики, логики, теории коммуникации, когнитивистики. Основными методами в работе являются: контент-анализ, посредством которого определяются доминирующие нарративы и тематические акценты в речи Д. Трампа; дискурсивный анализ, позволяющий установить и интерпретировать пресуппозиции и манипулятивные импликации. Установлено, что логические уловки не только выступают инструментом для манипулирования мнением избирателей, но и отражают слабую подготовку политика к теме обсуждения. Результаты работы, носящие междисциплинарный характер, могут быть использованы исследователями разных областей научного знания, интересующимися проблемами коммуникации, когнитивными механизмами восприятия и понимания информации, манипулятивными технологиями, а также для формирования умений адекватно и критически воспринимать массмедийную информацию в целях защиты от негативного манипулятивного воздействия.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политическая риторика, политические речи, американские президенты, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, языковые средства, Д. Трамп, логическая ошибка, уловка, аргументация, манипулирование сознанием, предвыборный дискурс, информационно-психологическое воздействие, предвыборные кампании.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Гурочкина Алла Георгиевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, email: i.arkhipov@yandex.ru.*

Макурова Дарья Андреевна, ассистент кафедры английской филологии, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, email: dmakurova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Гурочкина, А. Г.* Уловки обмана: технологии информационно-психологического воздействия на адресата в предвыборном американском дискурсе / А. Г. Гурочкина, Д. А. Макурова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 41-48.

Alla G. Gurochkina[1]✉, Darya A. Makurova[2]✉

[1,2] Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
[1] i.arkhipov@yandex.ru✉, SPIN code: 8900-1971
[2] dmakurova@mail.ru✉, SPIN code: 2167-2304

Tricks of Deception: The Techniques of Information-Psychological Influence on the Addressee in the American Pre-Election Discourse

ABSTRACT. *The article examines the mechanisms of production and interpretation of deceptive tactics as a technique of influence on the addressee, used by the U.S. presidential candidate D. Trump in his speeches during the 2020 and 2024 election campaigns. The main objectives of the article are: identifying and analyzing cognitive-pragmatic aims, defining the main strategies and linguistic features of the candidate's rhetoric in the framework of their realization of the function of exerting influence on the electorate. The practical research material includes scripts of the presidential debates posted on ABC and NBC news websites. The methodological framework draws on the works at the intersection of rhetoric, logic, communication theory, and cognitive science. The study employs the following methods: content analysis, through which dominant narratives and thematic emphases in D. Trump's speech are determined; discourse analysis, which helps to identify and interpret presuppositions and manipulative implications. It has been found that logical tricks not only serve as a tool for manipulating the voter's decision but also reflect the politician's inadequate preparation for the topic under discussion. The results of this interdisciplinary study can be used by researchers in various fields of knowledge, interested in communication issues, cognitive mechanisms of information perception and comprehension, and*

© Гурочкина А. Г., Макурова Д. А., 2026

manipulation techniques. They can also be used to develop skills for critically perceiving mass media information to protect against negative manipulative influence.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, political rhetoric, political speeches, American presidents, communicative strategies, communicative tactics, language means, D. Trump, logical error, trick, argumentation, manipulation of consciousness, pre-election discourse, information-psychological influence, election campaigns.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gurochkina Alla Georgievna, Candidate of Philology, Professor of Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.*

Makurova Darya Andreevna, Assistant Lecturer of Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: *Gurochkina A. G., Makurova D. A*. (2026). Tricks of Deception: The Techniques of Information-Psychological Influence on the Addressee in the American Pre-Election Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 41-48. (In Russ.).

Дезинформация, ставшая неотъемлемой частью и неизбежной проблемой новостного медийного пространства в XXI веке, активно обсуждается и исследуется в научной лингвистической литературе [Гурочкина, Макурова 2021]: внимание ученых обращено к языковым и композиционным особенностям неискренней, вводящей в заблуждение информации, фейков, к маркерам ложности и их когнитивно-прагматическим характеристикам [Трнавац 2025].

В настоящее время понятие «фейки», «фейковые новости» широко используется как в отечественных, так и зарубежных СМИ для обозначения сфабрикованных, мимикрирующих под правдивость новостей. Несмотря на их негативную коннотацию, эти термины были приняты широкой общественностью, а также в научных кругах для обозначения дезинформации. Данные термины, как принято считать, появились и стали популярными во время президентских выборов в США в 2016 году, хотя жанр фейковых новостей (дезинформации) был известен и ранее.

Принятым и уже устоявшимся пониманием понятий «фейки» и «фейковые новости» можно считать их трактовку как информации, намеренно сфабрикованной и опубликованной с целью ввести в заблуждение и заставить реципиента поверить в ложь, усомниться в достоверных фактах и явлениях.

Создатели и распространители фейковых новостей часто приукрашивают их интересными фотографиями, видео, делают их сенсационными и привлекательными. Фейковые новости, как отмечают многие исследователи, сложно распознать, если не прибегать к их критическому анализу, поскольку они, как правило, содержат и опираются на непроверяемые источники, слухи и утверждения. Вместе с тем исследователи выделяют различные способы установления фейковых новостей, основными среди которых являются сатира, пародия, фабрикация, манипуляция, пропаганда и реклама [Tandoc, et al. 2018].

Сатира часто реализуется, когда речь идет о пародийных новостных программах, которые обычно используют юмор или преувеличение, чтобы представить аудитории новостные сводки; пародия, когда вместо того, чтобы напрямую комментировать текущие события с помощью юмора, пародисты обыгрывают нелепость проблем и привлекают к ним внимание, придумывая полностью вымышленные новостные сюжеты; фальсификация новостей относится к тем статьям, которые не имеют под собой фактической основы, но публикуются в стиле новостных статей, чтобы создать видимость достоверности; манипуляции — это один из видов психолингвистических механизмов речевого воздействия, целью которого является неявное внесение в психику адресата чуждых ценностей, представлений, часто сопровождаемое реальными изображениями или видео с целью создания ложного нарратива; реклама используется как инструмент связей с общественностью, когда ложные новостные репортажи выдаются за настоящие, а публикуемые пресс-релизы — за новости; фальшивые новости как пропаганда — это новостные сюжеты, создаваемые политическими субъектами для влияния на общественное мнение, в связи с возникновением и формированием тех или иных политических событий. К описанным можно добавить и такой риторический прием, как логические ошибки (уловки), используемые создателями фейков. По мнению ученых, такие ошибки содержательно тесным образом связаны с дезинформацией: ложная аргументация искусно используется с целью обмануть, ввести в заблуждение, в персуазивных целях [Musi, Reed 2022; Катунин 2021; Руберт, Третьякова 2021].

Изучение логических ошибок, уловок (в англ. *logical fallacy*) носит междисциплинарный характер, который обусловлен интересом разных областей научного знания к проблемам коммуникации, когнитивным механизмам восприятия и понимания информации, стратегиям манипулирования. В науч-

ной литературе по логике логическая ошибка определяется как ошибка, связанная с неправильностью мысли, т. е. с искажением связей между самими мыслями [Уёмов 2020]. В риторике такие ошибки рассматриваются как софистические или эристические приемы. В теории аргументации логическая ошибка — это убеждение или утверждение, основанное на ложном или ошибочном рассуждении, либо на недопустимом или несостоятельном доводе. Ирвинг М. Копи отмечает, что логическая ошибка — это форма аргументации, которая кажется приемлемой, но не выдерживает критического рассмотрения [Copi 1961]. Под это определение ученый предлагает подводить как нарушения формальной логики, так и ошибки, обнаружение которых требует от субъекта знаний, не относящихся к законам формальной логики.

На наш взгляд, то, что в англоязычной научной традиции принято называть логическими ошибками (logical fallacies), следует уточнить и разграничить собственно ошибки (logical errors) и уловки (fallacies, tricks) на основании различия их прагматической природы. Ошибки возникают непроизвольно как результат сложившихся у индивида в процессе его жизнедеятельности представлений, мнений и стиля мышления, способности или неспособности мыслить логично и стройно. Логические уловки, напротив, характеризуются наличием у говорящего определенного намерения — ввести в заблуждение, манипулировать мнением слушающего с целью убедить принять свою точку зрения как единственно правильную, одержать победу в споре и т. д.

В различных ситуациях повседневного бытового общения коммуниканты часто ненамеренно и непроизвольно совершают ошибки при выстраивании аргументации и контраргументации. Ошибки в аргументации можно объяснить сложившимися у говорящего убеждениями, мнениями, отношениями и установками, личными предпочтениями, формирующимися на протяжении всей жизни человека, а также когнитивными искажениями и пресуппозициями, такими как предвзятость подтверждения (confirmation bias) и др. Логические заблуждения, иными словами, отражают накопленный человеком когнитивный, коммуникативный и языковой опыт.

Логические ошибки встречаются и в ситуациях, при которых участники коммуникации обязаны следовать определенным конвенциям, и когда они ограничены условиями и правилами коммуникативного контекста. Достаточно вспомнить различные телевизионные передачи, шоу или игры, участникам которых дается ограниченное время на раздумывание над своим ответом или же требуется спонтанная неподготовленная речевая реакция на вопрос/задание [Фокина 2023]. В этих условиях участники, как правило, допускают не только языковые и фактологические, но и логические ошибки.

Аналогичные условия коммуникации, а именно: ограничение по времени на обдумывание своей реплики, невозможность предугадать следующий речевой ход собеседника или оппонента, намерение одержать победу в полемике, обнаруживаются, например, в политическом дискурсе (предвыборных дебатах, интервью и т. п.). Логические ошибки, или, точнее, уловки, в контексте политической коммуникации — мощный инструмент манипулирования [Мищук 2013; Abbas, et al. 2024; Zhou 2018[1]].

В академической научной литературе нет единой классификации логических ошибок, а их количество в разных работах по теории аргументации и риторики значительно варьируется (от 20 до 30 и более ошибок). Например, «Master List of Logical Fallacies», составленный командой исследователей университета Техаса в Эль-Пасо, насчитывает 146 логических ошибок в аргументации[2]. Достаточно подробный список логических нарушений на русском языке приводится на интернет-портале «Obraz»[3].

В качестве основы разработанных в настоящее время исследователями классификаций логических ошибок можно считать классическую типологию идей, предложенную в конце XVII века Дж. Локком. В работе «Опыт о человеческом разумении» философ разработал классификацию идей, познаваемых человеком в процессе жизнедеятельности посредством своих органов чувств и последующего осмысления — простых и сложных, относительно абстрактных и реальных сущностей, как то: относящихся к человеку — ad hominem, к авторитету — ad verecundiam, к невежеству — ad ignoratiam, к справедливости — ad judicium, к силе — ad baculum, к жалости — ad misericordiam, к популярному мнению — ad populum, к следствиям — ad

[1] Zhou, Z. C. The Logical Fallacies in Political Discourse. Summer Research Program. 2018. 92 p. URL: https://crossworks.holycross.edu/mellon_summer_research/5/ (date of access: 20.09.2025).

[2] Master List of Logical Fallacies. URL: https://utminers.utep.edu/omwilliamson/engl1311/fallacies.htm (date of access: 20.09.2025).

[3] Логические ошибки и приёмы манипуляции. URL: https://obraz.io/dt_gallery/logicalfallacies/ (дата обращения: 20.09.2025).

concequentiam [Цит. по: Hansen 2024[1]]. Данные идеи экстраполируются исследователями на описание логических ошибок/уловок и неточностей в процессе аргументации.

Анализ современных научных публикаций, посвященных теории аргументации, и проведенное собственное исследование позволяют представить наиболее популярные и частотные уловки, совершаемые говорящими намеренно, в целях манипулирования, многие из которых являются развитием или уточнением идей по Дж. Локку.

Рассмотрим некоторые уловки, реализуемые Дональдом Трампом в статусе кандидата в президенты Соединенных Штатов Америки, в его публичных выступлениях[2].

Уловка ad hominem (апелляция к человеку) выражается в нерелевантной и необоснованной атаке на личность собеседника или оппонента, которая подрывает доверие других к личности оппонента.

Пресуппозиция: во время президентской гонки 2024 года Д. Трамп отпускал уничижительные комментарии в адрес своего политического соперника — Камалы Харрис и раскритиковал Харрис за выбор Тима Уолца, губернатора Миннесоты, в качестве своего вице-президента.

TRUMP: *I think she made a horrible mistake… But there's* ***something wrong*** *with him. Honestly, there's* ***something wrong****, and there's* ***something wrong*** *with her, too. She's* ***slow****,* ***low IQ****, something, I don't know what the hell it is, but they lied.*

В данном фрагменте, вместо того чтобы логично обосновать, почему он считает выбор Харрис неудачным и ошибочным, Трамп прибегнул к тактике унижения в попытке дискредитировать своего оппонента. Так, Трамп, повторяя несколько раз неопределенное местоимение *something*, указал, что с Уолцом и Харрис «что-то не так», не уточняя, что именно. Далее Трамп объясняет свою позицию с помощью описательного прилагательного *slow* (здесь в значении «глупый») и словосочетания *low IQ*, имея в виду отсутствие умственных способностей у своего оппонента, с целью убедить аудиторию принять его точку зрения и разочароваться в Харрис как в некомпетентном политике, а в дальнейшем проголосовать за него самого. Оценивая невербальную реакцию людей в зале во время выступления — смех, улыбки, аплодисменты, поддерживающие выкрики, можно говорить о положительном перлокутивном эффекте слов Трампа.

В другом своем выступлении Д. Трамп обращаясь к фактам отсутствия Харрис на ряде запланированных для нее выступлений и встреч, не объясняя причин такого поведения Харрис, продолжает реализацию стратегии дискредитации и тактику обвинения.

TRUMP: *She's* ***lazy as hell****, and she's got that reputation, and she's* ***a radical left lunatic****, she's further left than* ***Bernie Sanders*** *or* ***Pocahontas****.*

В своей речи он использует негативные уничижительные номинации *lazy as hell*, пейоратив *a radical left lunatic*, а также посредством гиперболического сравнения с Берни Сандерсом и сенатором Элизабет Уоррен, по отношению к которой Трамп использует прецедентное имя, оним «Покахонтас», намекает на противоречивые утверждения Уоррен о своем индейском происхождении.

Уловка Ad baculum (апелляция к силе) связана с явной или неявной угрозой для адресата потенциальных для него негативных последствий в случае, если адресат не откажется от своих взглядов, мнений и убеждений и не примет точку зрения адресанта. Логическая ошибка (уловка), угрозы в процессе аргументации, актуализируется в тех случаях, когда единственным методом воздействия на адресата является воздействие через страх, запугивание. Само по себе наличие угрозы в высказывании не является логической ошибкой. В качестве примера для иллюстрации ad baculum рассмотрим также фрагмент из интервью Трампа.

Пресуппозиция: во время первых президентских выборов 2020 года Трамп дал интервью, в котором сравнил политические стратегии демократов («левых») и республиканцев («правых»).

TRUMP: *You know, the left plays a* ***tougher*** *game, it's very funny. I actually think that the people on the right are* ***tougher****, but they don't play it* ***tougher****. OK? I can tell you I have the support of the* ***police****, the support of the* ***military****, the support of the* ***Bikers for Trump****— I have the* ***tough*** *people, but they don't play it* ***tough****—until they go to a certain point, and then it would be* ***very bad, very bad.***

Противопоставляя два политических лагеря с точки зрения ведения политической «игры», Трамп посредством антитезы подчеркивает, что «левые» играют жестче (*play*

[1] Hansen, H. Fallacies // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2024.

[2] 1) READ: Harris-Trump presidential debate transcript. URL: https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542 (date of access: 22.09.2025); 2) Trump unleashes a torrent of personal attacks on Harris, calling her 'the worst' and 'lazy as hell'. URL: https://www.nbcnews.com/politics/2024-election/trump-unleashes-torrent-personal-attacks-harris-calling-worst-lazy-hel-rcna176599 (date of access: 20.05.2026).

a tougher game), в то время как «правые» — более жесткие люди (*tough people*). Для конструирования образа силы Трамп апеллирует к поддержке так называемых «жестких людей» — представителей правоохранительных органов (*police*), вооруженных сил (*military*), а также группировки *Bikers for Trump*, которые при определенных условиях, при достижении определенной точки (*until they go to a certain point*) могут принять необходимые меры. Конкретные меры не эксплицируются, однако прагматическая неопределенность создает импликатуру угрозы и риска, усиливаемую с помощью повторяющейся эвфемистической фразы «*then it would be very bad, very bad*». Уловка ad baculum основана не на логических доводах, а на эмоциональном манипулятивном воздействии: нагнетании страха перед возможным применением силы и неопределенными негативными последствиями.

Логическая уловка/ошибка ***Ad populum***, также известная как ***Bandwagon***, является апелляцией к мнению большинства. Название приема «Bandwagon» происходит от музыкального фургона с оркестром, который часто встречался на праздниках и торжествах по случаю победы политической кампании. С течением времени произошел семантический сдвиг: слово *bandwagon* стало обозначать «присоединение к чему-либо, что, вероятно, принесет успех»[1]. Ошибочность аргументации в данном случае заключается в том, что адресант не подкрепляет свое утверждение реальными доводами и фактами, а ссылается на популярное, субъективное мнение. Это мнение большинства людей, которое, как представляется, зачастую невозможно верифицировать.

Пресуппозиция: в ходе президентских дебатов 2024 года Трампу задали вопрос о его тарифной реформе, предусматривающей повышение налогов на импортируемые товары, что отражается на конечной цене для потребителей.

TRUMP: *They've destroyed the economy and all you have to do is look at* ***a poll****.* ***The polls say 80*** *and* ***85*** *and even* ***90%*** *that the Trump economy was great, that their economy was terrible.*

Сравнивая эффективность экономической политики администраций Трампа и Байдена во время предвыборных дебатов 2024 года, Трамп апеллирует к неким опросам общественного мнения (*polls*), согласно которым, большинство опрошенных положительно оценили экономику в стране при Трампе (*the Trump economy was great*). Трамп посредством речевого акта директива (*all you have to do is look at a poll*) обращается к аудитории с призывом к действию — довериться результатам опроса. Ссылка на авторитетный источник информации (*polls*) в данном императивном высказывании предполагает очевидность и истинность доказательства. Перечисление процентов в увеличительной последовательности (*80, 85, 90*) с усилительной частицей *even* придает вес утверждению, создает впечатление большого количества людей, поддерживающих Трампа. Однако данное высказывание не является аргументом, так как основано не на объективных достоверных данных (например, на результатах серьезных статистических исследований), а на опросе без явной атрибуции.

Уловка Ad ignoratiam (апелляция к невежеству) связана с необоснованным выводом об истинности утверждения, ввиду отсутствия доказательств против него.

Пресуппозиция: во время президентских дебатов Трамп, обсуждая проблему иммиграции, заявил, ссылаясь на услышанное по телевидению, что в Спрингфилде, штате Огайо, приезжие едят собак.

TRUMP: ***The people*** *on television say, 'My dog was taken and used for food.' So maybe he said that, and maybe that's a good thing to say for a city manager*.

В данном фрагменте Д. Трамп ссылается на мнение якобы большинства людей, используя собирательное существительное *people* (*the people say*), с целью убедить присутствующих в массовости и масштабе проблемы, подчеркивая при этом, что мэр города (*a city manager*) никак не прокомментировал данные заявления. Отсутствие контраргументов и доказательств способствует восприятию его высказываний как истинных, предназначенных им для продвижения жестких миграционных реформ и укрепления сложившихся предубеждений и предвзятого отношения к мигрантам как к опасным людям, способным на бесчеловечные поступки.

Прием ***Red Herring*** понимается в теории аргументации как отвлечение внимания или введение не относящегося к делу элемента, с целью отвлечь кого-то или увести кого-то от основной темы. Это технология переключения внимания [Лебедев 2021]. Фразеологизм red herring (дословно — «красная сельдь») заимствован из лексики охотников: чтобы научить охотничьих собак сосредотачиваться только на добыче, использовали красную сельдь с ярко выраженным запахом в качестве отвлекающего маневра.

[1] Bandwagon. URL: https://www.etymonline.com/word/bandwagon (date of access: 21.09.2025).

Пресуппозиция: в ходе предвыборных президентских дебатов 2024 года ведущий обратился к Трампу с просьбу прояснить его позицию относительно реформы о запрете абортов на шестой неделе беременности.

TRUMP: *Well, the reason I'm doing that vote is because the plan is, as you know, the vote is,* ***they have abortion in the ninth month.*** *They even have, and you can look at the governor of West Virginia, the previous governor of West Virginia, not the current governor, who's doing an excellent job, but the governor before. He said the baby will be born and we will decide what to do with the baby.* ***In other words, we'll execute the baby.***

В приведенном фрагменте Трамп, не объясняя конкретную юридическую причину голосования по абортам, утверждает, что существуют случаи абортов на последнем, девятом месяце беременности (*they have abortion in the ninth month*), ссылается на высказывание бывшего губернатора штата Западная Вирджиния о том, что судьба новорожденного будет зависеть от решения правительства (*we will decide what to do with the baby*) и делает шокирующее нелогичное и нерелевантное умозаключение: *we'll execute the baby*. Аборт на ранних сроках беременности никак не связан с убийством младенцев, а бывший губернатор уже не обладает полномочиями вносить изменения в законопроекты.

Whataboutism (на рус. «какнасчетизм») — это сложное риторическое явление, суть которого заключается в смене фокуса внимания оппонента с целью избежать прямого ответа на неудобный провокационный вопрос или реакции на речевые акты, угрожающие позитивному лицу адресанта. Вместо ожидаемого опровержения критики и обвинений, адресант задействует тактику контробвинения или же вовсе меняет прагматический фокус (тему) коммуникации.

Пресуппозиция: Дэвид Муир во время президентских дебатов 2024 года напомнил Трампу о событиях 6 января 2021 года, когда здание Капитолия в Вашингтоне было захвачено сторонниками Трампа. Журналист задал вопрос Трампу с намерением узнать, что тот думает по поводу произошедшего и сожалеет ли о своих действиях.

TRUMP: *I ask, what about all the people that are pouring into our country and killing people? <…>* ***What about those people****? What's, when are they going to be prosecuted -- when are these people from countries all over the world, not just South America, they're coming in from all over the world…*

Трамп уклоняется от прямого ответа о своей ответственности за события и переводит разговор на другую тему, задавая риторический контрвопрос, поднимающий проблему иммиграции в США и сопутствующую ей преступность «*What about all the people that are pouring into our country and killing people*?» Данной репликой Трамп имплицирует необходимость правосудия в отношении мигрантов, исходя из того, что сторонники Трампа в свое время тоже подверглись преследованиям и правосудию.

Логическая ошибка ***Non Sequitur*** относится к любому утверждению, которое не следует из его предпосылок или подкреплено не относящимися к делу предпосылками. Иными словами, между утверждением и его пресуппозициями ставится знак тождества.

Пресуппозиция: во время президентских дебатов 2024 года Дональд Трамп раскритиковал политику Камалы Харрис как опасную, радикальную и неэффективную.

TRUMP: *She's a* ***Marxist.*** *Everybody knows she's a* ***Marxist.*** *Her father's* ***a Marxist professor*** *in economics. And* ***he taught her*** *well.*

В данном фрагменте реплики во время дебатов Трамп навешивает на своего оппонента Харрис ярлык, называя ее марксистом (*a Marxist*). Словесные ярлыки обладают сильным манипулятивным потенциалом, выступая средством для создания субъективной, эмоциональной характеристики человека или явления, вызывая определенные (в основном — отрицательные) ассоциации и подводя адресата к неправильным выводам [Навасартян 2016]. Акт присвоения ярлыка человеку (группе или вещи) влияет на то, как люди будут интерпретировать и оценивать действия человека [Matheson 2005]. Так, по мнению Трампа, номинация *Marxist* должна выставить Харрис в негативном свете перед избирателями, поскольку идеи марксизма осуждаются как подрывающие американский общественный устрой. Процитированное утверждение основано на нерелевантной пресуппозиции, поскольку отец Харрис — профессор-марксист, следовательно, он передал свои убеждения дочери (*he taught her well*).

The Straw Man («Соломенное чучело») — ошибка (уловка), заключающаяся в искажении или упрощении аргумента оппонента, что предоставляет говорящему возможность подвергнуть его критике и опровержению. Название является результатом метафоризации: искаженный аргумент сравнивается с соломенным чучелом, которое легко разрушить.

Пресуппозиция: на предвыборных дебатах обсуждение касалось и будущих реформ здравоохранения, в частности, вставал вопрос о медицинском страховании.

TRUMP: *People are paying privately for insurance that have worked hard and made money and they want to have private. She wants everybody to be on* ***government insurance*** *where* ***you wait six months for an operation that you need immediately****.*

В приведенном фрагменте Трамп, будучи сторонником частного страхования (*private insurance*), критикует политику демократов в лице Камалы Харрис за желание изменить систему страхования и сделать ее государственной (*government insurance*). Не аргументируя свою позицию и не приводя развернутых объяснений по поводу недостатков такой схемы страхования, Трамп, напротив, упрощает представление о такой схеме, описывая ее как ситуацию, «в которой ты ждешь шесть месяцев операции, которая нужна тебе прямо сейчас». Данное высказывание представляет собой упрощенную интерпретацию позиции оппонента, когда реальный аргумент намеренно подменяется упрощением, а следовательно, его легче критиковать и использовать в целях манипулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОД

Речевое и неречевое поведение Дональда Трампа, включая рассмотренные логические уловки, широко обсуждается в ведущих американских СМИ, таких как «The New York Times», «Bloomberg», «USA Today» и др. На основании этих материалов формируются негативные метафорические образы, характеризующие Трампа как страстного и импульсивного индивида («*Trump* ***Threatens*** *Universal Trade Tariffs*»[1]; «*Trump says he* ***threatened*** *to bomb Moscow if Putin invaded Ukraine in new audio*»[2]), лжеца («*Trump the Lion, or Trump the* ***Lyin'?***»[3]), разрушителя существующих институтов и непредсказуемого актора на политической арене («*Donald Trump's Foreign Policy Plans Are Predictably* ***Unpredictable***»[4]; «*Trump's biggest* ***gamble****: Tariffs test his presidency, and everyone else*»[5]). Данные медиарепрезентации оказывают существенное влияние на формирование общественного восприятия политика и служат примером того, как политическая риторика воспринимается и интерпретируется в условиях современной медиасреды.

Холистический подход к изучению логических уловок позволил выявить и описать основные когнитивно-прагматические установки, стратегии и лингвистические особенности предвыборной риторики Д. Трампа. Намеренные логические уловки, как показал исследованный материал, представляют собой распространенное явление в предвыборном политическом дискурсе. Их использование адресантом-политиком обусловлено его целью манипулировать мнением адресата (избирателей), ввести их в заблуждение, чтобы повлиять на принятие ими нужных адресанту решений и убедить их проголосовать за определенного кандидата, то есть себя самого.

Вместе с тем реализация логических уловок нередко трансформируется в ошибки, что связано со слабой аргументативной базой политика, отсутствием у него непротиворечивых и убедительных доказательств, недостаточным знанием или пониманием темы обсуждения или недостаточной подготовкой к дебатам. Понимание и знание о базовых логических нарушениях и риторических уловках может способствовать большей осведомленности людей о наличии в политических текстах и медиадискурсах дезинформации, что, в свою очередь, поможет защитить аудиторию от манипулятивного на них воздействия и обмана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гурочкина, А. Г. Медиафейки в информационном пространстве коронавирусной пандемии / А. Г. Гурочкина, Д. А. Макурова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2021. — № 3. — С. 67–74. — DOI 10.20916/1812-3228-2021-3-67-74. — EDN LUFFZA.

2. Катунин, А. В. Некорректные аргументы как коммуникативная технология: виды, особенности, способы противодействия / А. В. Катунин // Философская мысль. — 2021. — № 12. — С. 15–32. — DOI 10.25136/2409-8728.2021.12.37197. — EDN BDLLKB.

3. Лебедев, С. В. Технология воздействия в современных политических коммуникациях: психологические основания / С. В. Лебедев // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2021. — Т. 11, № 4. — С. 59–65. — DOI 10.26794/2226-7867-2021-11-3-59-65. — EDN ZZSFTO.

4. Мищук, О. Н. Ошибки в аргументации в некоторых североамериканских концепциях / О. Н. Мищук // Lingua Mobilis. — 2013. — № 2(41). — С. 41–50. — EDN RPFLOH.

[1] Trump Threatens Universal Trade Tariffs. URL: https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2025-07-11/trump-threatens-universal-trade-tariffs (date of access: 26.10.2025).

[2] Trump says he threatened Putin with Moscow bombing in new audio. URL: https://eu.usatoday.com/story/news/politics/2025/07/09/trump-threatened-putin-moscow-bombing-audio/84521527007/ (date of access: 15.10.2025).

[3] Trump the Lion, or Trump the Lyin'? URL: https://www.nytimes.com/2024/07/19/opinion/donald-trump-speech.html (date of access: 26.10.2025)

[4] Donald Trump's Foreign Policy Plans Are Predictably Unpredictable. URL: https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2024-11-10/how-donald-trump-will-reshape-foreign-policy-in-his-second-term (date of access: 25.10.2025).

[5] Trump's biggest gamble: Tariffs test his presidency, and everyone else [Electronic resource]. URL: https://eu.usatoday.com/story/news/politics/2025/04/06/trumps-tariffs-test-presidency-stock-market/82791392007/ (date of access: 25.10.2025).

5. Навасартян, Л. Г. «Наклеивание ярлыков» как один из приемов манипуляции информацией в СМИ / Л. Г. Навасартян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2016. — Т. 16, № 4. — С. 459–463. — DOI 10.18500/1817-7115-2016-16-4-459-463. — EDN YHQYBR.

6. Руберт, И. Б. Квантование информации и синтез смыслов в современной коммуникации / И. Б. Руберт, Т. П. Третьякова // Homo loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира : сборник докладов и сообщений Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 08 апреля 2021 года. — Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2021. — Вып. 6. — С. 11–23. — EDN SLEEFV.

7. Трнавац, Р. Взаимодействие персуазивных и прагматических стратегий в фейковых новостях в англоязычных социальных сетях, новостях и блогах (пилотное исследование) / Р. Трнавац // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2025. — № 3. — С. 210–226. — DOI 10.28995/2686-7249-2025-3-210-226. — EDN YCGVUA.

8. Уёмов, А. И. Логические ошибки: как они мешают правильно мыслить / А. И. Уемов. — Москва : Концептуал, 2020. — 124 с. — ISBN 978-5-907289-20-8.

9. Фокина, М. С. Моделирование речевого поведения в лингвистической игре JUST A MINUTE / М. С. Фокина // LXXVI Герценовские чтения. Иностранные языки. — Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2023. — С. 138-144. — EDN QYCXWS.

10. Abbas, N. F. Fallacy as a Strategy of Argumentation in Political Debates / N. F. Abbas, A. F. Muslah, A. S. Najem // Theory and Practice in Language Studies. — 2024. — Vol. 14, No. 8. — P. 2399–2407. — DOI 10.17507/tpls.1408.12. — EDN NHFJWX.

11. Copi, I. M. Introduction to Logic / I. M. Copi. — 2nd ed. — New York : Macmillan, 1961. — 512 p.

12. Matheson, D. Media discourses / D. Matheson. — [S.l.] : McGraw-Hill Education (UK), 2005. — 224 p. — ISBN 978-0335226375.

13. Musi, E. From fallacies to semi-fake news: Improving the identification of misinformation triggers across digital media / E. Musi, Ch. Reed // Discourse and Society. — 2022. — Vol. 33, No. 3. — P. 349–370. — DOI 10.1177/09579265221076609. — EDN KTOJIW.

14. Tandoc, Jr E. C. Lim, Z. W., Ling, R. Defining «fake news». A typology of scholarly definitions / E. C. Tandoc, Z. W. Lim, R. Ling // Digital Journalism. — 2017. — Vol. 6. — No. 3. — P. 137–153. — DOI 10.1080/21670811.2017.1360143.

REFERENCES

1. Gurochkina, A. G., Makurova. D. A. (2021). Mediafeyki v informatsionnom prostranstve koronavirusnoy pandemii = Media fakes in the information space of the Coronavirus pandemic. *Issues of Cognitive Linguistics*, *3*, 67–74. DOI 10.20916/1812-3228-2021-3-67-74. EDN LUFFZA.

2. Katunin, A. V. (2021). Nekorrektnye argumenty kak kommunikativnaya tekhnologiya: vidy, osobennosti, sposoby protivodeystviya = Incorrect arguments as a communication technology: types, features, methods of counteraction. *Philosophical thought*, *12*, 15–32. DOI 10.25136/2409-8728.2021.12.37197. EDN BDLLKB.

3. Lebedev, S. V. (2021). Tekhnologiya vozdeystviya v sovremennykh politicheskikh kommunikatsiyakh: psikhologicheskie osnovaniya = Influence technology in modern political communications: psychological foundations. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, *4*, 59–65. DOI 10.26794/2226-7867-2021-11-3-59-65. EDN ZZSFTO.

4. Mishchuk, O. N. (2013). Oshibki v argumentatsii v nekotorykh severoamerikanskikh kontseptsiyakh = Errors in Argumentation in Some North American Concepts. *Lingua mobilis, 2*(41), 41–50. EDN RPFLOH.

5. Navasartyan, L. G. (2016). «Nakleivanie yarlykov» kak odin iz priemov manipulyatsii informatsiey v SMI = “Labeling” as one of the techniques for manipulating information in the media. *News of Saratov University. New series. Philology. Journalism series*, *16*(4), 459–463. DOI 10.18500/1817-7115-2016-16-4-459-463. EDN YHQYBR.

6. Rubert, I. B., Tret'yakova, T. P. (2021). Kvantovanie informatsii i sintez smyslov v sovremennoy kommunikatsii = Quantization of Information and Synthesis of Meanings in Modern Communication. *Homo Loquens: language and culture. Dialogue of cultures in an open world, Saint Petersburg*, *6*, 11–23. EDN SLEEFV.

7. Trnavats, R. (2025) Vzaimodeystvie persuazivnykh i pragmaticheskikh strategiy v feykovykh novostyakh v angloyazychnykh sotsial'nykh setyakh, novostyakh i blogakh (pilotnoe issledovanie) = The Interaction of Persuasive and Pragmatic Strategies in Fake News on English-Language Social Media, News, and Blogs (A Pilot Study). *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*, *3*, 210–226. DOI 10.28995/2686-7249-2025-3-210-226. EDN YCGVUA.

8. Uemov, A. I. (2020). Logicheskie oshibki. = Logical mistakes. Moscow: Kontseptual, 124 p. ISBN 978-5-907289-20-8.

9. Fokina, M. S. (2023). Modelirovanie rechevogo povedeniya v lingvisticheskoy igre JUST A MINUTE = Modelling of speech behavior in English language game JUST A MINUTE. *LXXVI Herzen Readings. Foreign languages*, 138–144. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia. EDN QYCXWS.

10. Abbas, N. F., Muslah, A. F., Najem, A. S. (2024). Fallacy as a Strategy of Argumentation in Political Debates. *Theory and Practice in Language Studies*, 14(8), 2399–2407. DOI 10.17507/tpls.1408.12. EDN NHFJWX.

11. Copi, I. M. (1961). Introduction to Logic. New York: Macmillan, 512 p.

12. Matheson, D. (2005). Media discourses. S.l.: McGraw-Hill Education (UK), 224 p. ISBN 978-0335226375.

13. Musi, E., Reed, C. (2022). From fallacies to semi-fake news: Improving the identification of misinformation triggers across digital media. *Discourse & Society*, *33*(3), 349–370. DOI 10.1177/09579265221076609. EDN KTOJIW.

14. Tandoc, Jr E. C., Lim, Z. W., Ling, R. (2017). Defining «fake news». A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism*, *6*(2), 137–153. DOI 10.1080/21670811.2017.1360143.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8*

Наталья Станиславовна Данкова[1]✉, Татьяна Анатольевна Яшина[2]✉

[1] Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, n.s.dankova@mail.ru✉, SPIN-код: 1431-0443, https://orcid.org/0000-0003-2485-8047
[2] Пензенский государственный технологический университет, yashina_tanya@mail.ru✉, SPIN-код: 2760-0554, https://orcid.org/0000-0002-1642-0670

Дискурсивные тактики конструирования национальной идентичности (на материале СМИ Пензенской области)

АННОТАЦИЯ. *Данная работа посвящена изучению языка как инструмента закрепления в массовом сознании традиционных духовно-нравственных ориентиров. Цель работы — исследование дискурсивных средств конструирования национальной идентичности в СМИ. Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, социополитическими условиями противостояния между Западом и Россией, с другой — проведением государственной политики по укреплению национальной идентичности.*

Материалом послужили публикации региональных интернет-порталов Пензы и Пензенской области: Pravda-News, Пенза-Пресс, АиФ-Пенза. Пензенский регион рассматривается как один из субъектов, составляющих Российскую Федерацию. Материал отбирался методом произвольной выборки в период с ноября 2024 года по сентябрь 2026 года. Общее количество публикаций составило 85 источников.

Методологическую основу исследования образует критический дискурс-анализ. Работа основана на модели территориальной идентичности, предложенной Е. В. Каблуковым, О. В. Ильиной, ключевыми составляющими которой являются пространственная и темпоральная идентификация. В результате исследования выявлены дискурсивные тактики конструирования национальной идентичности в СМИ. Дискурсивные тактики конструирования пространственной идентичности включают следующие: указание на национальную и гражданскую принадлежность, акцентирование патриотических ценностей, конструирование группы «мы». Тактики этой группы направлены на репрезентацию национального единства на основе территориальной идентификации. Тактики конструирования темпоральной идентичности ориентированы на создание общего исторического нарратива. Данная группа представлена такими тактиками, как апелляция к исторической памяти, моделирование героического образа, актуализация образа Победы. Сделан вывод о том, что дискурс СМИ является эффективным средством конструирования национальной идентичности. Статья способствует пониманию дискурсивных механизмов СМИ, способствующих закреплению в массовом сознании идеологических конструктов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, языковые средства, политический дискурс, политические тексты, специальная военная операция, национальная идентичность, конструирование национальной идентичности, дискурсивные тактики, государственная политика, массовое сознание.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Данкова Наталья Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, email: n.s.dankova@mail.ru.*

Яшина Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Перевод и переводоведение», Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия, email: yashina_tanya@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Данкова, Н. С.* Дискурсивные тактики конструирования национальной идентичности (на материале СМИ Пензенской области) / Н. С. Данкова, Т. А. Яшина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 49-57.

Natal′ya S. Dankova[1]✉, Tat′yana A. Yashina[2]✉

[1] Penza State University, Penza, Russia, n.s.dankova@mail.ru✉, SPIN code: 1431-0443, https://orcid.org/0000-0003-2485-8047
[2] Penza State Technological University, Penza, Russia, yashina_tanya@mail.ru✉, SPIN code: 2760-0554, https://orcid.org/0000-0002-1642-0670

Discursive Tactics of Constructing National Identity (Based on Media Materials of the Penza Region)

ABSTRACT. *This paper studies language as a tool for consolidating traditional spiritual and moral benchmarks in mass consciousness. The aim of the work is to study the discursive means of constructing national identity in media. The relevance of the study stems, on the one hand, from the socio-political conditions of the confrontation between the West and Russia, and on the other hand, from the implementation of the state policy designed to strengthen national identity.*

The practical research material encompasses publications on regional Internet news portals of Penza and the Penza region: Pravda-News, Penza-Press, and AiF-Penza. The Penza region is a subject of the Russian Federation. The material was

© Данкова Н. С., Яшина Т. А., 2026

collected between November 2024 and September 2026 using a random sampling method. The total number of publications amounted to 85 sources.

The main method employed in the study is critical discourse analysis. The work is based on the model of territorial identity proposed by E.V. Kablukov and O.V. Ilina, the key components of which are spatial and temporal identifications. As a result, discursive tactics of constructing national identity in media were identified. The discursive tactics of constructing spatial identity include the following: indication of citizenship and civic affiliation, emphasizing patriotic values, constructing the "WE" group. The tactics of this group are aimed at representing national unity based on territorial identification. The tactics of constructing temporal identity are focused on creating a common historical narrative. This group is represented by such tactics as appeal to historical memory, modeling a heroic image, and actualizing the image of Victory. The conclusion made is that media discourse is an effective means of constructing national identity. The article promotes a deeper understanding of mass media discursive mechanisms of actualization of ideological constructs in mass consciousness.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, language means, political discourse, political texts, special military operation, national identity, constructing national identity, discursive tactics, state policy, mass consciousness.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dankova Natal'ya Stanislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication, Penza State University, Penza, Russia.*

Yashina Tat'yana Anatol'yevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation and Translation Studies, Penza State Technological University, Penza, Russia.

FOR CITATION: *Dankova N. S., Yashina T. A*. (2026). Discursive Tactics of Constructing National Identity (Based on Media Materials of the Penza Region). In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 49-57. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Формирование и укрепление национальной идентичности, обеспечение единства российской нации является приоритетной задачей Правительства РФ[1]. Вопрос укрепления национальной идентичности приобретает особую актуальность в условиях противостояния между Западом и Россией и проведения специальной военной операции (СВО) на Украине.

В целях укрепления единства народов России Правительство РФ ставит перед собой задачи по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и истории[2]. Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей направлена на сбережение и приумножение народа России, сохранение общероссийской гражданской идентичности, защиту российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижение национальных целей развития[3].

Вопрос формирования национальной идентичности занимает особое место в дискурсе СМИ и представляет большой интерес для исследования. Теоретически мы исходим из того, что государственная политика по укреплению национальной идентичности ретранслируется в СМИ, поскольку дискурс СМИ представляет собой средство актуализации власти и контроля в обществе [van Dijk 1998: 189]. СМИ рассматриваются нами как авторитетный источник получения информации о военных событиях, с одной стороны, и как как инструмент закрепления в массовом сознании традиционных духовно-нравственных ориентиров, среди которых основополагающим является единство нации.

Целью данного фрагмента исследования является изучение дискурсивных тактик СМИ, направленных на конструирование национальной идентичности.

Актуальность исследования обусловлена социополитическими реалиями современной действительности. Данный фрагмент исследования направлен на изучение прагматического аспекта речи, в рамках которого язык рассматривается как инструмент, предназначенный для выполнения различных социальных функций.

Материалом послужили публикации региональных интернет-порталов Пензы и Пензенской области: Pravda-News[4], Пенза-Пресс[5], АиФ-Пенза[6]. Материал отбирался методом произвольной выборки в период с ноября 2024 года по сентябрь 2026 года с

[1] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: https://strategy2030.midural.ru/sites/default/files/files/strategiya_kultury_rf_do_2030.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 10.05.2025).

[3] Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://kulturacherkessk.ru/wp-content/uploads/2023/01/ukaz-prezidenta-rf-ot-9-noyabrya-2022.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

[4] Pravda-News. URL: https://pravda-news.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

[5] Пенза-Пресс. URL: https://www.penza-press.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

[6] АиФ-Пенза. URL: https://penza.aif.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

помощью функции поиска по сайту с использованием ключевых слов «специальная военная операция». Выборку составили 85 публикаций различных жанров, таких как новостная заметка, интервью, аналитическая статья, рассказ.

Методологическую основу исследования образует критический дискурс-анализ, устанавливающий связь между языком и социальной действительностью. Мы принимаем положение о том, что язык неразрывно связан с идеологией [Коньков 2009; van Dijk 1998]. То, что идеология, с одной стороны, выражается в дискурсе, а с другой — сама конструирует дискурс, справедливо в отношении дискурса СМИ о проведении СВО. В ходе исследования ведущим методом стал метод описания с его основными компонентами, такими как интерпретация, классификация, обобщение.

Особую ценность для настоящего исследования представляет публикация Е. В. Каблукова, О. В. Ильиной, которая послужила теоретической основой данной работы [Каблукова, Ильина 2021]. Мы рассматриваем дискурсивные тактики конструирования идентичности в СМИ, основываясь на модели территориальной идентичности, предложенной Е. В. Каблуковым, О. В. Ильиной, ключевыми составляющими которой являются пространственная и темпоральная идентификация [Каблукова, Ильина 2021]. Теоретически мы исходим из того, что конструирование национальной идентичности в СМИ осуществляется посредством создания общего пространственно-временного контекста с помощью использования определенных тактик.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вслед за П. Г. Асташкиной под национальной идентичностью будем понимать «самоидентификацию человека с определенным политическим сообществом (национальным государством)» [Асташкина 2018: 1]. Следует отметить, что, помимо национально-политического аспекта, национальная идентичность включает такие аспекты, как территория, язык, культура, история, ценности и т. д. [Асташкина 2018: 1]. Наряду с понятием «национальная идентичность» используются понятия «национально-гражданская идентичность» [Енина и др. 2017], «гражданская идентичность» [Русакова 2023], «национально-государственная идентичность» [Титов 2021], «политическая идентичность» [Иохим 2024]. Понятие «национальная идентичность» связано с понятием «этническая идентичность». А. В. Гурко отмечает, что этническая идентичность сопряжена с переживанием личностью своей принадлежности к определенному этносу, осознанием «наличия типичных для его представителей качеств» [Гурко 2017: 42].

При определении понятия «национальная идентичность» исследователи также руководствуются базовой культурно-психологической оппозицией «мы — они». В этой связи национальная идентичность понимается как видение членами определенной социальной группы своего места в мире на основе соотнесения с другими группами через противопоставление «мы — они» [Каткова, Коротин, 2016: 282].

Исследователи разграничивают понятия «идентичность» и «идентификация», указывая на то, что идентичность является относительно устойчивой категорией самовосприятия, тогда как идентификация представляет собой непрерывный процесс формирования той или иной идентичности [Богуславская, Ханова 2017: 85].

Следует отметить, что политическая идентификация россиян характеризуется сплоченным единством перед внешними и внутренними враждебными силами [Енина и др. 2017]. Тот факт, что процесс формирования национальной идентичности идет более быстрыми темпами в переломные моменты истории, отмечают и другие исследователи [Каткова, Коротин 2016]. «Наличие вызовов и угроз выступает сильным стимулом для объединения людей по примеру некого военного ополчения», — пишут М. А. Каткова и В. О. Коротин [Каткова, Коротин 2016: 283]. Полагаем, что в условиях проведения СВО проблема конструирования национальной идентичности россиян приобретает особую значимость.

Существуют различные точки зрения на природу идентичности, которая может рассматриваться и как ментальный конструкт, и как результат дискурсивной деятельности [Каблукова, Ильина 2021]. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем идентичность как условный дискурсивный конструкт, формируемый посредством использования определенных дискурсивных тактик. Дискурсивная тактика СМИ рассматривается в настоящей работе как инструмент реализации государственной политики, направленной на укрепление национального единства.

Исследователи рассматривают СМИ как инструмент власти и контроля в обществе. В этой связи Т. А. Монне пишет: «При помощи текстов СМИ воздействуют на сознание,

ведут идеологическую борьбу, формируют общественное мнение» [Монне 2023: 143]. Поскольку СМИ являются чрезвычайно влиятельным институтом, оказывающим воздействие на массовую аудиторию, медийному дискурсу отводится ведущая роль в процессе конструирования национальной идентичности [Каблукова, Ильина 2021]. А. В. Гурко отмечает, что национальная идентичность имеет ключевое значение в воспитании патриотизма у современной молодежи [Гурко 2017]. Подчеркивается необходимость регулярной планомерной работы по развитию и внедрению идеологических конструкций в формирование патриотического сознания молодого поколения [Гурко 2017].

Проблема конструирования национальной идентичности в СМИ привлекает внимание исследователей. Рассмотрены основные тематические блоки, направленные на формирование национальной идентичности в Республике Беларусь [Долголаптева 2020]. Исследованы вопросы конструирования идентичности в медийном пространстве современного Казахстана, выявлены базовые концепты идентичности, репрезентируемые в медиапространстве, такие как власть, идеология, история [Гиздатов 2019]. Изучена проблема валлийской идентичности в медийном дискурсе, а также выявлены основные символы конструирования национальной идентичности в СМИ [Нечаева 2020]. Исследованы репрезентации национальных идентичностей на примере публикаций СМИ о проведении Олимпиады в Пхёнчхане. Выявлено, что для российской идентичности важную роль играют патриотизм, чувство национальной гордости, государственная символика [Асташкина 2018]. Отмечена роль исторических символов, определяющих национальную идентичность граждан [Литвинов, Матвеева 2022].

ДИСКУРСИВНЫЕ ТАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проведенное исследование позволило выделить дискурсивные тактики конструирования пространственной и темпоральной идентичности. Отметим, что для медийного дискурса характерно использование цитат, а также косвенной речи. Однако цитирование служит одним из средств реализации дискурсивных тактик СМИ, поскольку публикация любой цитаты является результатом журналистского решения [Stenvall 2014; van Dijk 2006].

Дискурсивные тактики конструирования пространственной идентичности направлены на репрезентацию национального единства на основе территориальной идентификации. Данная группа представлена следующими тактиками: указание на национальную и гражданскую принадлежность, акцентирование патриотических ценностей, конструирование группы «мы».

Указание на национальную и гражданскую принадлежность оказывает потенциальное воздействие на сознание читателей, способствуя самоидентификации человека с Российским государством, дискурсивно объединяя всех жителей страны в единую группу. Указывая на национальную и гражданскую принадлежность, СМИ не только отражают, но и формируют, а также укрепляют идентичность граждан, проживающих на одной территории и готовых отстаивать свои территориальные интересы. Так, следующие примеры, содержащие обобщенные высказывания, подчеркивают особенности национального характера русских людей. Отметим категоричность высказываний, которая выражается лексически (*отличаются*) и синтаксически (восклицание), способных убедить читателя в том, что всем русским людям свойственно внутреннее стремление к достижению цели и установка дойти до победного конца:

По его словам, ***русские солдаты*** *отличаются верой прежде всего в себя* (АиФ-Пенза. 10.02.2025).

Русские *не сдаются! Недаром Владимир Левкин имеет награды за храбрость* (Pravda-News. 21.02.2025).

Указание на единую национально-гражданскую принадлежность осуществляется также посредством использования топонима *Россия* и лексических единиц семантического поля «Родина», позволяющих читателю осознать свою причастность к единому сообществу, объединяемому на основе гражданства и территории, что показано в следующих примерах, содержащих цитаты поздравительных выступлений губернатора Пензенской области О. Мельниченко, обращенных к жителям региона и к личному составу филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева:

«Этот праздник объединяет всех патриотов нашей страны, тех, кто защищает ***Родину*** *от внешних и внутренних врагов, обеспечивает ее безопасность, трудится на оборонных предприятиях, мужчин и женщин, ветеранов и нашу молодежь — будущих защитников* ***Отчизны****», — отметил губернатор* (Пенза-Пресс. 21.02.2025).

«Сегодня мы отдаем дань уважения всем, кто с оружием в руках защищает ***Россию****, наши государственные интересы*

*и безопасность **Отечества**»* (Пенза-Пресс. 23.02.2025).

Конструирование национальной идентичности в СМИ осуществляется посредством акцентирования общих ценностей, среди которых особое место занимает патриотизм. Данная тактика реализуется лексическими языковыми средствами, указывающими на то, что чувство патриотизма, присущее людям, объединяет всех российских граждан. Так, в следующем примере, содержащем цитату участника боевых действий, чувство патриотизма противопоставляется материальным благам, подчеркивая то, что основным мотивом, движущим солдатами, является преданность Родине:

*«<…> вот все говорят: люди идут за деньгами. **Здесь на первом месте патриотизм**», — отметил боец* (АиФ, Пенза. 09.12.2024).

Патриотические ценности, такие как любовь к Родине, бережное отношение к ее территории и богатствам, актуализируются в СМИ посредством лексических единиц с семантикой защиты. Репрезентации СМИ подчеркивают готовность, стремление и желание граждан защищать свою страну от врагов:

*Он **пришел на помощь Родине** вновь во время проведения специальной операции* (Пенза-Пресс. 15.02.2025).

*Они без остатка отдаются выбранному делу, **служению Родине**.* (Pravda-News. 25.12.2024).

*У всех она [мотивация] одна: «Есть такая профессия — **Родину защищать»*** (АиФ, Пенза. 22.02.2026).

Тактика акцентирования патриотических ценностей реализуется также лексическими единицами с семантикой долга и средствами выражения деонтической модальности. Публикации СМИ содержат различные истории участников боевых действий, рассказанные как самими бойцами, так и их родственниками, а также журналистами. Несмотря на то, что история каждого военнослужащего посвоему индивидуальна и уникальна, их объединяет общая характерная особенность — чувство долга, присущее участникам СВО, что показано в следующем примере:

*«Я ведь делал то, что **должен был**, — рассуждает он. — Это моя родина. И защищать ее — **мой долг»*** (Pravda-News, 12.12.2024).

Национальная идентичность в СМИ актуализируется посредством дискурсивного конструирования группы «мы». Группа «мы» репрезентирует граждан Российской Федерации как единое сообщество, члены которого характеризуются сплоченностью, взаимной поддержкой и помощью. Данная тактика реализуется прежде всего использованием местоимений. Так, следующий фрагмент содержит посыл — мы граждане одной страны, что достигается использованием местоимений:

*Я знаю, как устали на фронте ребята. Они ждут подкрепления, продолжая сражаться за **свои** семьи, за страну, за **каждого** из **нас*** (Pravda-News. 21.02.2025).

Отметим, что притяжательные местоимения *свои*, *наши* часто используются без определяемых слов, а выражение *Своих не бросаем*, ставшее коллокацией в условиях современной действительности, как отражает, так и конструирует реальность. Любопытно отметить использование местоимения в следующем примере, созданном посредством языковой игры. Выделенная аббревиатура *СВО*, которая входит в состав местоимения *свои*, подчеркивает двойственность значения данной лексической единицы: во-первых, принадлежность к общей группе «мы», т. е. граждане страны, во-вторых, причастность к проведению боевых действий:

*Будут рады **СВОим**: как участникам спецоперации помогают трудоустроиться в Пензе* (Pravda-News. 14.02.2025).

Конструирование группы «мы» осуществляется также с помощью стилистического приема противопоставления в рамках дискурсивной оппозиции «мы — они», что показано в следующем фрагменте, в котором создается образ врага посредством цитаты участника боевых действий, подчеркивающего качества, отличающие представителей противоположной группы от «нас»:

***«Они** приехали туда из-за денег, у **них** нет задачи стоять до конца. **Они** при первой же возможности, чувствуя, когда **они** идут к поражению, **они** бегут. Бегут, оставляя людей, оставляя снаряжение свое. У **них** уже **другая** задача — выжить», — поделился «Ермак»* (АиФ-Пенза. 10.02.2025).

Помимо использования местоимений, тактика конструирования группы «мы» реализуется лексическими единицами с семантикой сплоченности, единства, помощи и участия. Лексика данной группы позволяет подчеркнуть причастность каждого человека к событиям современной истории:

*В этой связи он [Глава Кузнецка С. Златогорский] отметил, что сейчас главное — **поддерживать** своих бойцов, и призвал всех принять активное **участие** в сборе средств для помощи участникам СВО* (АиФ-Пенза. 27.01.2025).

ДИСКУРСИВНЫЕ ТАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тактики конструирования темпоральной идентичности ориентированы на создание общего исторического нарратива, или общего временного контекста. Тактики этой группы направлены на конструирование национального единства посредством репрезентации общего прошлого, настоящего и будущего, объединяющих всех граждан страны. Данное исследование позволило выявить следующие тактики конструирования темпоральной идентичности: апелляция к исторической памяти, моделирование героического образа, актуализация образа Победы.

Освещение событий специальной военной операции в СМИ сопровождается привлечением исторических фактов, связанных с проведением боевых действий по освобождению русской земли от захватчиков. Исследователи подчеркивают, что конструирование образов прошлого направлено на актуализацию ценности этих событий [Rebrina et al 2022]. Общее прошлое имеет особое значение для формирования коллективной идентичности [Каблукова, Ильина 2021]. Опора на исторический опыт прошлого подчеркивает, с одной стороны, необходимость проведения настоящей освободительной операции для нашей страны и, с другой стороны, является мощным средством конструирования национальной идентичности, поскольку в основе как событий прошлого, так и современной истории лежит стремление граждан отстоять свои национальные интересы и независимость. Приведем пример привлечения исторических фактов с использованием топонимов:

Хочется надеяться, что само понятие «СВО на Украине» постепенно превратится в легенду, в героическое сказание, как когда-то ***поле Куликово*** *или* ***Бородино*** (Pravda-News. 21.02.2025).

Общность исторической судьбы граждан нашей страны актуализируется в СМИ посредством апелляции к событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Исторические аналогии являются инструментом политического использования прошлого [Беклямишев 2024]. Так, следующие примеры демонстрируют тесную связь поколений защитников Отечества с помощью использования сравнительных оборотов и лексических языковых средств:

Пензенские бойцы СВО встали на защиту мирных жителей и родной страны, ***как когда-то — их героические деды и прадеды*** (Pravda-News. 21.02.2025).

Кроме того, старшее поколение воинов-защитников представлено в СМИ как пример, образец, на который следует ориентироваться и чей опыт необходимо перенимать:

Внуки и правнуки участников Великой Отечественной войны ***достойны подвигов дедов и прадедов*** (Pravda-News. 21.02.2025).

Следует отметить акцентирование ценности исторической памяти в репрезентациях СМИ. О. Ф. Русакова отмечает, что государственная политика памяти является важным элементом дискурса национальной идентичности [Русакова 2023]. Так, следующие примеры, демонстрирующие реализацию политики памяти в СМИ лексическими языковыми средствами, подчеркивают важность бережного отношения как к историческому опыту прошлых лет, так и к событиям новейшей истории:

Глава ведомства подчеркнул важность участия каждого гражданина в ***сохранении памяти*** *о великом подвиге советского народа в годы войны* (Пенза-Пресс. 04.04.2025).

Воспитанники кадетского корпуса ***знают историю*** *Никиты Царапкина, но не задают лишних вопросов из деликатности. Они* ***чтут память*** *о нем и гордятся своим героическим выпускником* (Pravda-News. 11.02.2025).

Конструкт настоящего в медийном дискурсе связан с репрезентацией событий СВО. Исследователи указывают на ведущую роль публикаций о проведении СВО в процессе интеграции и консолидации российского общества [Великая, Зайцева 2022]. Основной тактикой конструирования национальной идентичности в СМИ является моделирование героического образа, который связан с периодом новейшей истории России. Согласно медийным репрезентациям, новейшая история имеет своих национальных героев, которые достойны уважения и почета. Данная тактика реализуется лексическими единицами семантического поля «Герой», а также лексикой с семантикой благодарности, гордости и почета, что показано в следующих примерах:

«Наши бойцы — настоящие ***герои****.* ***Гордимся*** *ими и ждем возвращения домой»* (Пенза-Пресс. 05.02.2025).

«Сегодня миссию по защите интересов государства ***с честью*** *выполняют участники специальной военной операции»* (Пенза-Пресс. 09.05.2026).

Спасибо *от Президента. За что Путин* ***поблагодарил*** *пензенских мобилизованных* (АиФ-Пенза. 01.04.2025).

Современные герои отмечены медалями и наградами, что также находит отражение в СМИ:

*«Почти 2,5 тысячи солдат и офицеров **удостоены высоких государственных наград**. И после возвращения домой они продолжат работу на благо родной Пензенской области и страны», — подчеркнул Олег Мельниченко* (Пенза-Пресс. 20.02.2026).

***Ордена «За мужество и отвагу»** глава региона вручил представителям Пензенского артиллерийского инженерного института, войсковых частей, ветеранам СВО* (Пенза-Пресс. 20.02.2026).

*«Шеф» [позывной] **награжден медалями** Суворова и «За отвагу»* (АиФ-Пенза. 23.06.2026).

Следует отметить, что моделирование героического образа связано не только с работой военнослужащих, отмечается также огромный вклад волонтеров, которые тоже становятся опорой и гордостью страны. Так, следующий заголовок публикации подчеркивает бескорыстный труд студентов колледжа, участвующих в организации гуманитарной помощи фронту:

*Скромные **герои тыла**: братья-близнецы из Заречного четыре года помогают фронту* (Pravda-News. 17.09.2026).

Основной дискурсивной тактикой конструирования будущего нашей страны является актуализация образа Победы. Образ Победы чаще всего актуализируется в СМИ посредством цитирования и реализуется лексическими единицами с семантикой победы. Огромное желание победить, ожидание Великой Победы в СВО — это то, что объединяет всех жителей страны, что находит отражение в СМИ. Так, актуализация образа Победа реализуется в следующих примерах в рамках речевого жанра пожелания:

*«**Пусть 2025 год будет** именно таким — счастливым, добрым, **победным**, лучшим для каждого из нас. Пусть счастье и любовь придут в каждый дом, в каждую семью!» — подчеркнул депутат Госдумы* (Пенза-Пресс. 01.01.2025).

«***Желаю** всем нам **скорейшей Победы** и мирного неба над головой», — сказал Павел Куликов* (Пенза-Пресс. 24.02.2025).

Репрезентации СМИ, характеризующиеся категоричностью, подчеркивают уверенность как самих участников СВО, так и официальных государственных лиц, в победном исходе операции, что проявляется в следующих примерах, в которых категоричность выражается лексическими и синтаксическими средствами языка (восклицание):

*«Кто спрашивает, победим мы или нет, я считаю, что это **неуместный вопрос**. Это дело времени и **однозначно**, победа будет за нами, и мы справимся»* (АиФ-Пенза. 29.01.2025).

***«Победа будет за нами!»** — подвел итог губернатор* (Pravda-News. 21.02.2025).

Уверенность в победе в следующем фрагменте, описывающем высокопрофессиональные действия доктора, который героически боролся за жизнь бойца, выражается риторическим вопросом, на который дан однозначный ответ:

*«Находясь практически в полевых условиях, доктор извлёк сердце этого молодого человека и буквально на ладонях удалил осколок. При этом сердце нашего парня продолжало биться! **Разве можно победить такой народ? Нет!»*** (АиФ-Пенза. 08.12.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, конструирование национальной идентичности в СМИ осуществляется посредством создания общего пространственно-временного контекста, что достигается с помощью использования тактик конструирования пространственной и темпоральной идентичности. Дискурсивные тактики конструирования пространственной идентичности направлены на репрезентацию национального единства на основе территориальной идентификации и включают следующие: указание на национальную и гражданскую принадлежность, акцентирование патриотических ценностей, конструирование группы «мы». Тактики конструирования темпоральной идентичности, ориентированные на создание общего исторического нарратива, включают в себя следующие: апелляция к исторической памяти, моделирование героического образа, актуализация образа Победы. Проведенное исследование показало, что дискурс СМИ является эффективным средством конструирования национальной идентичности, а также инструментом закрепления в сознании россиян общественно значимых ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асташкина, П. Г. Олимпиада-2018 как тематическая доминанта репрезентации национальной идентичности / П. Г. Асташкина // Ученые записки НовГУ. — 2018. — № 1 (13). — С. — 1–5. — EDN YXBFZM.

2. Беклямишев, В. О. Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции / В. О. Беклямишев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2024. — Т. 26, № 4. — С. 644–657. — DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657. EDN ZSEGWH.

3. Богуславская, В. В. Русскоязычный публичный дискурс за рубежом как инструмент национальной идентичности в глобальном мире / В. В. Богуславская, А. Г. Ханова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2017 — № 14 (263). — Вып. 34. — С. 84–92. — EDN YZJRDV.

4. Великая, Н. М. Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации рос-

сийского общества / Н. М. Великая, А. А. Зайцева // Caucasian Science Bridge. — 2022. — Т. 5, № 4 (18). — С. 160–172. — DOI 10.18522/2658-5820.2022.4.16. — EDN WYPMGS.

5. Гиздатов, Г. Г. Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана / Г. Г. Гиздатов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 127–133. — DOI 10.26170/pl19-01-15. — EDN VWBNTF.

6. Гурко, А. В. СМИ как фактор формирования национальной и этнической идентичности белорусской молодежи в 2000–2010-х годах на белорусско-польско-литовском пограничье / А. В. Гурко // Псковский регионологический журнал. — 2017. — № 3 (31). — С. 41–54. — EDN ZMQTDT.

7. Долголаптева, К. О. Актуальные тенденции формирования национальной идентичности в Республике Беларусь (по материалам СМИ) / К. О. Долголаптева // Славянский мир: общность и многообразие : тезисы конференции / под ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2020. — С. 79–87. — DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.14. — EDN FRMBQM.

8. Енина, Л. В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «Информационная война» / Л. В. Енина, О. В. Ильина, Е. В. Каблуков, Э. В. Чепкина // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 96–107. — EDN ZEGYTL.

9. Иохим, А. Н. Стратегия государства по укреплению российской макрополитической идентичности в цифровом пространстве: динамика и перспективы / А. Н. Иохим // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2024. — Т. 26, № 4. — С. 819–839. — DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-4-819-839. — EDN JFHGYG.

10. Каблуков, Е. В. Региональная идентификация россиян в дискурсе СМИ: Единство и разнообразие / Е. В. Каблуков, О. В. Ильина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № № 74. — С. 99–112. — DOI 10.17223/19986645/74/6. — EDN SBMZVP.

11. Каткова, М. А. Социально-экономические факторы формирования национальной идентичности в условиях глобализации / М. А. Каткова, В. О. Коротин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2016. — Т. 16, № 3. — С. 281–287. — DOI 10.18500/1994-2540-2016-16-3-281-287. — EDN XDEIIX.

12. Коньков, В. И. Стилистические явления в речевой практике СМИ / В. И. Коньков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2009. — № 6. — С. 14–18. — EDN KXUOLV.

13. Литвинов, В. Ю. Исследование исторических символов России у молодежи из различных регионов страны в эпоху глобального информационного общества / В. Ю. Литвинов, Л. В. Матвеева // Общение в эпоху конвергенции технологий : сборник научных трудов. — Москва : Психологический институт Российской академии образования, 2022. — С. 135–138. — DOI 10.24412/cl-36917-2022-135-138. — EDN OUWGXD.

14. Монне, Т. А. Культурная идентичность в новостных текстах СМИ России и Франции / Т. А. Монне // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 142–150. — EDN FDLEOL.

15. Нечаева, А. А. Проблема конструирования валлийской идентичности в XXI в. на страницах интернет-сайтов / А. А. Нечаева // Этнография. — 2020. — № 3 (9). — С. 154–168. — DOI 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-154-168. — EDN XMEDUE.

16. Русакова, О. Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России / О. Ф. Русакова // Дискурс-Пи. — 2023. — Т. 20, № 2. — С. 32–51. — DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_32. — EDN JHQEMR.

17. Титов, В. В. Спорт высоких достижений как ресурс конструирования национально-государственной идентичности / В. В. Титов // Общество: политика, экономика, право. — 2021. — № 8. — С. 23–26. — DOI 10.24158/pep.2021.8.3. — EDN XDBINQ.

18. Dijk, T. A. van. Ideology and Discourse Analysis / T. A. van Dijk // Journal of Political Ideologies. — 2006. — Volume 11, Iss. 2. — P. 115–140. — DOI 10.1080/13569310600687908

19. Dijk, T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. — London : Sage, 1998. — 384 p. — ISBN 978-1473946125.

20. Rebrina, L. N. Collective Memory as a Social Construct in German Discourse / L. N. Rebrina, M. I. Solhyshkina, T. A. Soldatkina // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2022. — Vol. 13, Iss. 4. — P. 876–897. — DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897. EDN KFWHUH.

21. Stenvall, M. Presenting and Representing Emotions in News Agency Reports / M. Stenvall // Critical Discourse Studies. — 2014. — Vol. 11, Iss. 4. — P. 461–481. — DOI 10.1080/17405904.2013.866588.

REFERENCES

1. Astashkina, P. G. (2018). Olimpiada 2018 kak tematicheskaya dominanta reprezentacii nacional'noj identichnosti = The 2018 winter Olympics as the thematic dominant of the representation of national identity. *Scientific Notes of NovSU*, 1, 1–5. EDN YXBFZM

2. Bekliamishev, V. O. (2024). Funkcional'naya rol' istoricheskix analogij v rossijskom i ukrainskom prezidentskix diskursax o special'noj voennoj operacii = The functional role of historical analogies in Russian and Ukrainian presidential discourses on the Special military operation. *RUDN Journal of Political Science. Series: Politology, 26*(4), 644–657. DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657. EDN ZSEGWH.

3. Boguslavskaya, V. V., Khanova, A. G. (2017). Russko-yazychnyj publichnyj diskurs za rubezhom kak instrument nacional'noj identichnosti v global'nom mire = Russian-language discourse abroad as a means of national identity in globalized world. *Issues of Journalism, Pedagogy and Linguistics, 14*(263), Issue 34, 84–92. EDN YZJRDV.

4. Velikaya, N. M., Zaytseva, A. A. (2022). Reprezentaciya special'noj voennoj operacii v pechatnyx SMI v kontekste konsolidacii rossijskogo obshhestva = Representation of the special military operation in print mass media in the context of consolidation of Russian society. *Caucasian Science Bridge*, *5*(4[18]), 160–172. DOI 10.18522/2658-5820.2022.4.16. EDN WYPMGS.

5. Gizdatov, G. G. (2019). Diskurs identichnosti v medijnom prostranstve sovremennogo Kazaxstana = Discourse of identity in the media space of modern Kazakhstan]. *Political Linguistics*, *1*(73), 127–133. DOI 10.26170/pl19-01-15. EDN VWBNTF.

6. Hurko, A.V. (2017). SMI kak faktor formirovaniya nacional'noj i e'tnicheskoj identichnosti belorusskoj molodyozhi v 2000-2010-x godax na belorussko-pol'sko-litovskom pogranich'e = Media as a factor in the formation of national and ethnic identity of the Belarusian youth in 2000-2010-ies at the Belarusian-Polish-Lithuanian borderlands. *Pskov Journal of Regional Studies*, *3*(31), 41–54. EDN ZMQTDT.

7. Dolgolapteva, K. O. (2020). Aktual'nye tendencii formirovaniya nacional'noj identichnosti v Respublike Belarus' (po materialam SMI) = The Construction of National Identity in the Republic of Belarus: Current Trends (Based on Mass Media Materials. *The Slavic World: Unity and Diversity. Conference proceedings* (Eds. E. S. Uzenyova, O. V. Xavanova), 79–87. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.14. EDN FRMBQM.

8. Enina, L. V., Ilina, O. V., Kablukov, E. V., Chepkina, E. V. (2017). Praktiki politicheskoj identifikacii rossiyan pod vliyaniem mediakoncepta «Informacionnaya vojna» = Practices of political identification of Russians under the influence of “Information Warfare” media concept. *Political Linguistics*, *4*, 96–107. EDN ZEGYTL.

9. Iokhim, A. N. (2024). Strategiya gosudarstva po ukrepleniyu rossijskoj makropoliticheskoj identichnosti v cifrovom prostranstve: dinamika i perspektivy = The state’s strategy to strengthen the Russian macropolitical identity in the digital space: Dynamics and prospects. *RUDN Journal of Political Science. Series: Politology, 26*(4), 819–839. DOI 10.22363/2313-1438-2024-26-4-819-839. EDN JFHGYG.

10. Kablukov, E. V., Ilina, O. V. (2021). Regional'naya identifikaciya rossiyan v diskurse SMI: Edinstvo i raznoobrazie = Regional identification of Russians in media discourse: Sameness and difference. *Tomsk State University Journal of Philology, 74*, 99–112. DOI 10.17223/19986645/74/6. EDN SBMZVP.

11. Katkova, M. A., Korotin, V. O. (2016). Social'no-e'konomicheskie faktory formirovaniya nacional'noj identichnosti

v usloviyax globalizacii = Socio-economic factors of formation of national identity in the conditions of globalization. *Saratov University Bulletin. Economics, Management, Law*, *3*, 281–287. DOI 10.18500/1994-2540-2016-16-3-281-287. EDN XDEIIX.

12. Konkov, V. I. (2009). Stilisticheskie yavleniya v rechevoj praktike SMI = Stylistic phenomena in mass media language. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, *6*, 14–18. EDN KXUOLV.

13. Litvinov, V. U., Matveeva, L. V. (2022). Issledovanie istoricheskix simvolov Rossii u molodyozhi iz razlichnyx regionov strany v e'poxu global'nogo informacionnogo obshhestva = Research of Historical Symbols of Russia among Young People from Different Regions of the Country in the Era of the Global Information Society. *Communication in the Era of Technology Convergence. Proceedings,* 135–138. Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education. DOI 10.24412/cl-36917-2022-135-138. EDN OUWGXD.

14. Monne, T. A. (2023). Kul'turnaya identichnost' v novostnyx tekstax SMI Rossii i Francii = Cultural identity in the Russian and French media news texts. *Political Linguistics*, *4*(100), 142–150. EDN FDLEOL.

15. Nechaeva, A. A. (2020). Problema konstruirovaniya vallijskoj identichnosti v XXI v. na stranicax internet-sajtov = The problem of constructing Welsh identity on internet sites in the twenty-first century. *Ethnography, 3*(9), 154–168. DOI 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-154-168. EDN XMEDUE.

16. Rusakova, O. F. (2023). Diskurs gosudarstvennoj politiki pamyati kak faktor formirovaniya nacional'noj identichnosti sovremennoj Rossii = The discourse of the state memory politics as a factor in the formation of the national identity of modern Russia. *Diskurs-Pi*, *2*, 32–51. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_32. EDN JHQEMR.

17. Titov, V. V. (2021). Sport vysokix dostizhenij kak resurs konstruirovaniya nacional'no gosudarstvennoj identichnosti = The sport of records as a resource for constructing national-state identity. *Society: Politics, Economics, Law, 8*, 23–26. DOI 10.24158/pep.2021.8.3. EDN XDBINQ.

18. Dijk, T. A. van (2006). Ideology and Discourse Analysis. *Journal of Political Ideologies*, *11*(2), 115–140. DOI 10.1080/13569310600687908.

19. Dijk, T. A. van (1998). Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 384 p. ISBN 978-1473946125.

20. Rebrina, L. N., Solhyshkina, M. I., Soldatkina, T. A. (2022). Collective memory as a Social Construct in German Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *13*(4), 876–897. DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897. EDN KFWHUH.

21. Stenvall, M. (2014). Presenting and Representing Emotions in News Agency Reports. *Critical Discourse Studies*, *11*(4), 461–481. DOI 10.1080/17405904.2013.866588.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27+336.743
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Анастасия Игоревна Золотайко
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, liani@list.ru, SPIN-код: 8331-5420, https://orcid.org/0000-0002-9513-7987

Метафорический образ национальной валюты в политических карикатурах в русскоязычном сегменте интернет-дискурса

АННОТАЦИЯ. *В статье представлен комплексный анализ метафорической репрезентации отечественной валюты в русскоязычном интернет-дискурсе. Цель исследования заключается в выявлении специфических особенностей функционирования образа рубля через призму политических карикатур. Материалом для изысканий послужили примеры, связанные с национальным денежным знаком и событиями на мировом финансовом рынке, содержащие текстовые и графические компоненты на вербальном и невербальном уровнях. Установлено, что в интернет-пространстве образ рубля конструируется преимущественно через артефакты и антропоморфизм. Исходя из количественных показателей, валюта чаще предстает в виде монеты, образ которой представлен через частичную трансформацию на основе физических параметров человека. При этом он больше мыслит, чем действует. Тенденция к рефлексии позволяет судить о стремлении валюты к осознанию происходящих перемен, определению своего отношения к ним и попыткам приспособиться к новым условиям. Частичный антропоморфизм, реализуемый через мимику и жесты, упрощает идентификацию валюты и помогает расставлять задуманные акценты. Артефактные образы апеллируют к предметам с выраженными параметрами — весом и формой. Апелляция к кругу позволяет авторам расширять семантическое пространство карикатур за счет дополнительных смыслов, связанных с весом, состоянием и свойствами схожей формы. Особое внимание уделяется векторам визуализации экономических изменений. В антропоморфных метафорах динамика рубля реализуется через бинарные оппозиции вертикальной плоскости («вверх/вниз», «рост/падение», «подъем/погружение»), тогда как горизонтальный вектор транслирует прагматику направленного движения («вперед/назад», «близко/далеко») или бесцельного вращения. Поэтапный анализ семантики карикатур выявляет высокую продуктивность композиционного построения, цветовых решений и стилистического оформления. Взаимодействие вербальных и невербальных элементов носит корреляционный и дополняющий характер, создавая многослойные образы с юмористическим подтекстом.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политическая карикатура, поликодовый текст, интернет-дискурс, интернет-тексты, русский язык, метафорическое моделирование, метафорические модели, финансовые метафоры, экономические метафоры, политическая метафорология, политические метафоры, креолизованные тексты, мировые валюты, интернет-коммуникация, интернет-ресурсы, метафорические образы, национальная валюта.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Золотайко Анастасия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург, Россия, email: liani@list.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Золотайко, А. И.* Метафорический образ национальной валюты в политических карикатурах в русскоязычном сегменте интернет-дискурса / А. И. Золотайко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 58-66.

Anastasiya I. Zolotayko
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia, liani@list.ru, SPIN code: 8331-5420, https://orcid.org/0000-0002-9513-7987

The Metaphorical Image of the National Currency in Political Cartoons in the Russian-Language Segment of Internet Discourse

ABSTRACT. *The article presents a comprehensive analysis of the metaphorical representation of the national currency in Russian-language Internet discourse. The aim of the study is to identify the specific features of the functioning of the image of ruble through the lens of political cartoons. The practical research material consists of examples related to the national monetary unit and events in the global financial market, containing textual and graphic components on the verbal and non-verbal levels. It has been found that in the Internet space, the image of the ruble is predominantly constructed through artifacts and anthropomorphism. Proceeding from quantitative indicators, the currency more often appears as a coin, the image of which is presented through partial transformation based on human physical parameters. This way, it thinks more than it acts. The tendency towards reflection allows thinking that the currency strives to comprehend ongoing changes, define its attitude towards them, and attempt to adapt to new circumstances. Partial anthropomorphism conveyed through facial expressions and gestures, simplifies the identification of the currency and helps to place intended accents. Artifact-based images appeal to objects with pronounced parameters — weight and form. The use of the circle allows cartoon authors to expand the semantic space of cartoons through additional meanings associated with weight, condition, and properties of a similar shape. Special attention is paid to the vectors of visualizing economic changes. In anthropomorphic*

© Золотайко А. И., 2026

metaphors, the dynamics of the ruble are conveyed through the binary oppositions of the vertical plane ("up/down", "growth/fall", "ascent/descent"), whereas the horizontal vector conveys the pragmatics of directed movement ("forward/backward", "near/far") or aimless rotation. An incremental analysis of the cartoons' semantics reveals the high productivity of compositional structure, color solutions, and stylistic construction. The interaction between verbal and nonverbal elements is of a correlational and complementary nature, creating multi-layered images with a humorous subtext.

KEYWORDS: *political discourse, political cartoon, polycode text, Internet discourse, Internet texts, Russian language, metaphorical modeling, metaphorical models, finance metaphors, economic metaphors, political metaphorology, political metaphors, creolized texts, world currencies, Internet communication, Internet resources, metaphorical images, national currency.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zolotayko Anastasiya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Zolotayko A. I.* (2026). The Metaphorical Image of the National Currency in Political Cartoons in the Russian-Language Segment of Internet Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 58-66. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Волатильность мировых финансовых рынков, порождаемая динамикой геополитических процессов, актуализирует необходимость углубленного анализа символики отдельно взятых финансовых инструментов. В этой связи национальные валюты играют все более значимую роль и представляют исследовательский интерес с точки зрения их метафорической репрезентации. Этот процесс способствует раскрытию скрытых механизмов интерпретации международных отношений, культурных парадигм и социально-психологических аспектов экономического сознания. Продуктивность и частотность финансовой метафоры связаны с «усилением роли товарно-денежных отношений в новых социальных условиях и повышением уровня экономической эрудиции у граждан» [Чудинов 2003: 51]. Кроме того, общество имеет больший доступ к медийному освещению конфликта финансово-экономических интересов и противоречий между государствами, формирующих когнитивную основу современной реальности. Т. С. Глушкова и О. П. Матиенко, рассматривая современный медийный дискурс, характеризуют экономические метафоры тем, что они «участвуют в процессе вербализации экономических понятий и реалий, а также служат средством оценки ситуации, сложившейся в российской экономике» [Глушкова, Матиенко 2022: 63]. Основными функциями такой метафоры авторы склонны считать функцию осмысления меняющейся экономической реальности, манипулятивную (формирование определенных векторов восприятия экономических реалий) и прагматическую (стимулирование к определенным поведенческим импульсам). С перечисленным представляется возможным согласиться, принимая во внимание интерактивность окружающей медиасреды, и добавить, что современная финансово-экономическая метафора служит в качестве оценочно-репрезентативного инструмента, а при наличии определенных контекстуально-дискурсивных переменных становится способом привлечения внимания к тем или иным острым проблемам экономической реальности. Важнейшую роль здесь играют разнообразные семиотические стратегии репрезентации, среди которых особо выделяется политическая сатира и карикатура, обладающие мощным прагматическим и манипулятивным потенциалом и служащие предметом пристального изучения когнитивной лингвистики.

Карикатуры представляют собой синтез лексико-семантических элементов на вербальном и невербальном уровнях текста. В отечественных лингвистических изысканиях распространено понятие креолизованного или поликодового текста, объединяющего в едином графическом пространстве семиотически разнородные компоненты. При работе с подобными смешанными текстами зарубежные исследователи склонны апеллировать к понятию «мультимодальности», которое включает два и более каналов восприятия. Так, Ch. Forceville допускает функционирование восьми модальностей, включая устную и письменную речь, изображение, музыку, невербальные звуки, запахи, вкусы и осязание. Анализируя динамические тексты рекламного дискурса, исследователь замечает, что односторонний подход к интерпретации транслируемых ими прагматических смыслов невозможен, поскольку само существование метафоры всегда ситуационно обусловлено [Forceville 2024: 51].

Изучение политических карикатур не теряет своей популярности и приобретает новые формы (отход от рисунка к объемным изображениям, смешение графических стилей, обработка чрез ИИ-редакторы, анимирование объектов и др.) ввиду расширения инструментария для создания ярких визуальных метафор. При этом целесообразно отметить, что и средства анализа претерпевают смену вектора: от человека с механическими алгоритмами поиска и обработки информации к технологически опосредованному анализу больших объемов данных, доступных через виртуальное интернет-прос-

транство. Об этом свидетельствует распространение алгоритмов, способных раскрывать содержание прагматических смыслов как семиотически осложненных метафор, разрабатываемых коллективами лингвистов-когнитивистов. Е. М. Исакова и Н. Ф. Крюкова к таким причисляют методику анализа визуальных метафор VISMET, предложенную исследователями из Свободного университета Амстердама и членами группы Metaphor Lab [Исакова, Крюкова 2021: 98]. Особенностью данной методики авторы определяют не только ее способность поэтапно раскрывать метафорическое развертывание в рамках поликодовых текстов, но и определять степень их конвенциональности, новизны согласно широте и актуальности их употребления в современной языковой среде. Б. Чжан и П. А. Катышев при функционально-прагматическом описании метафорических моделей, используемых в политических карикатурах и демотиваторах, замечают, что «визуальная метафора репрезентирует оценочное отношение к означаемому, выступает эгоцентрическим элементом, с опорой на который транслируются и воздействуют на реципиента ценностные установки создателя сатирического текста» [Чжан, Катышев 2023: 607]. Однако кроме аксиологической функции, исследователями подчеркивается значимость аргументативного потенциала таких метафор как средства повышения привлекательности графического объекта в глазах реципиента, который принимает решение об ознакомлении, выборе или его прочтении [Крюкова, Исакова, Александрова 2023: 139].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена двойственностью характера детерминирующих факторов: во-первых, современные условия характеризуются усилением интереса научного сообщества к проблемам финансовой и экономической отраслей, вызванным усложнением соответствующих областей и необходимостью их всестороннего осмысления. Во-вторых, значимостью вопросов, касающихся систематизации и сопоставления специфики функционирования метафорических конструкций в семантически негомогенных текстах финансовой тематики, что создает объективную потребность в дальнейших исследованиях.

Исходя из этого, цель настоящего исследования заключается в выявлении основных особенностей метафорической репрезентации отечественной валюты в интернет-дискурсе через анализ политических карикатур.

Широкой выборкой было отобрано 76 карикатур по запросу на лексемы «рубль», «валюта России», «банкнота». Во внимание принимались анонимные изображения и работы с установленным авторством за период с 2000 по 2025 г., содержащие вербальные и невербальные образы со сферой-мишенью «валюта» интернет-дискурса. Критерием включения карикатуры в выборку была ее тематическая связь с отечественным денежным знаком или событиями, происходящими с рублем на мировом финансовом рынке, а также наличие лингвистического компонента, представленного как минимум несколькими лексемами на разных уровнях текста: вербальном и невербальном.

Настоящее исследование опирается на изыскания в области когнитивной метафорологии и дискурс-анализа [Баранов 2014; Болдырев 2018; Будаев, Чудинов, Солопова 2020; Демьянков 2007; Карасик 2022; Катермина 2022; Wodak 2009 и др.], мультимодальных и поликодовых текстов [Анисимова 2003; Ворошилова 2013; Чернявская 2009; Bort-Mir, Bolognesi, Ghaffaryan, 2020; Fahlenbrach 2016; Forceville 2024 и др.] и жанровых особенностей функционирования политических карикатур, и в связи с этим задействован соответствующий ряд методологических инструментов для обеспечения достоверности и надежности результатов: сравнительный анализ, контент-анализ, лексический анализ и статистические методы. Методы исследования включали сопоставление тем и символов в карикатурах, контент-анализ для выявления доминирующих моделей и фреймов метафорического развертывания, статистическую оценку частотности функционирования обнаруженных образов, а также поисковую работу с запросами, включающими лексемы «рубль», «валюта», «деньги», «монеты», «банкноты».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Количественный (см. табл. 1) и качественный анализ (включающий поэтапное раскрытие содержания вербального и невербального элементов с последующей дешифровкой прагматических смыслов, их синтезом и интерпретацией финального значения заложенных авторами импликатур) позволил распределить выявленные визуальные воплощения рубля согласно источнику метафорической экспансии на две основные продуктивные и доминантные группы: первая актуализирует **артефактные образы** (монеты, банкноты, универсальное обозначение системы Юникод) — 31,6 %, а вторая апеллирует к **антропоморфным трансформациям —** 68,4 %, наделяя валюту физиологическими и поведенческими характеристиками.

Таблица 1. Количественная представленность финансовых метафор

Визуальная репрезентация рубля		
Артефактные метафоры	**24**	**32,0 %**
Груз	15	62,5 %
Окружность	9	37,5 %
Антропоморфные метафоры	**52**	**68,0 %**
Физические параметры	10	19,0 %
Мышление	24	46,0 %
Действие	18	35,0 %
Итого:	76	100,0 %

Также при работе с визуальными метафорами значение уделялось корреляционным отношениям, в которые вступали вербальные и невербальные элементы отобранных карикатур. Корреляция определяет степень воздействия одного из элементов на другой и возможность дешифровки заложенных прагматических смыслов через различные компоненты (технические средства оформления текста, орфографию, пунктуацию, фон, элементы текстовой экспрессии: выделение, шрифт, его размер, цвет, иконические печатные символы, графические решения в оформлении вербального текста (в столбик, в виде фигуры, речевого пузыря и т. п.).

РУБЛЬ В АРТЕФАКТНЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ

В данной группе представлены карикатуры, на которых отечественная валюта репрезентирована через физическое воплощение ее свойств или продукты метафорической трансформации, как на рис. 1–3. На первых трех примерах рубль выступает в качестве тяжелого объекта (якоря или груза), масса которого либо удерживает его (объяснение устойчивости курса рубля — как курса корабля в море — рис. 1–3), либо утягивает валюту (экономику страны) в глубину (рис. 3). Такой *вертикальный вектор* визуализации призван передать позиционное положение рубля относительно окружающей среды (мировых финансов). При более детальном рассмотрении становится заметным то, что на изображениях фигурирует вода (море, толща воды, лед). Представляется возможным провести ассоциативную связь с ее свойствами, то есть способностью переходить из одного физического состояния в другое (жидкое, твердое, газообразное). Такая апелляция в русскоязычной среде позволяет предположить аллюзию на прецедентное высказывание «Деньги, как вода», которое транслирует прагматический смысл непостоянства, изменчивости, скоротечности. Вербальный компонент на предложенных примерах либо представлен минимально и не несет особой значимости, либо носит дополняющий характер и позволяет реализовать непосредственно метафорический перенос и погрузить реципиента в финансово-экономический контекст.

Рис. 1
Мартинович К.
https://kpmedia.ru/product/1207987

Рис. 2
Кран Е.
http://cartoon.kulichki.com/money/money478.htm

Рис. 3. Падение рубля
https://korrespondent.net/world/3473172-padenye-rublia-karykatury-y-fotozhaby

Рис. 4. Рубль и юань вместо доллара
Подвидский В.
https://ria.ru/20140702/1014376235.html

Рис. 5
Мартинович К.
https://kpmedia.ru/product/2684735

Рис. 6
Мартинович К.
https://kpmedia.ru/product/2684731

Другой примечательной особенностью метафорической репрезентации рубля в карикатурах стала обнаруженная связь с ее формой и способностью монеты катиться или совершать вращательные движения, т. е. *горизонтальный вектор* метафорической экспансии на основе ее физических свойств. В выборку попали несколько работ, в которых прослеживается значимость вращения по отношению к валюте. Так, на рис. 4 сферой-источником метафорического переноса становится колесо, графически актуализируемое через противопоставление устойчивости велоконструкций, когда полноценный велосипед в сравнении с моноциклом представляет собой более устойчивую конструкцию и позволяет двигаться (расти и развиваться) быстрее. Интересен образ рубля на рис. 5, на котором работник (на что указывает формальный стиль одежды и портфель) представлен бегущим в конструкции с символической надписью «один рубль», что позволяет судить об аллюзии на прецедентный образ «белки в колесе». Прагматический смысл изображения заключается в зависимости валюты от непрерывной работы человека как метонимической репрезентации общества. Апелляция к кругу с параметром вращения находит отражение и в образе часов (рис. 6), корпус которых воплощает кошелек отечественного потребителя, а циферблатом служит рублевая монета. Стрелки данной конструкции отсчитывают время, т. е. курс рубля и его выгоду для граждан. Невербальный компонент углубляется за счет вербального, который добавляет звуковой уровень интерпретации и дополнительный семантико-прагматический домен. Автор карикатуры использует образ кукушки на основе ее полисемантического потенциала: кукушка как птица с характерными звуками и кукушка от часов, при этом обе обладают широким спектром потенциальных контекстуально зависимых интерпретаций. Так, визуально и вербально транслируемое звукоподражание кукушке может указывать на позывной в игре в прятки, сигнал о своем появлении после короткого скрытия (например, при игре с детьми) или восклицание, означающее «ты сумасшедший». Отметим, что применительно к рассматриваемой карикатуре все варианты относительно уместны.

РУБЛЬ В АНТРОПОМОРФНЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ

Рубль в антропоморфных преобразованиях наделяется динамикой и выступает активным участником отображаемых в карикатурах событий. В первой группе он визуализируется через универсальный денежный знак или графему стандарта «Юникод», наделенную ***физическими параметрами*** (силой, физической мощью, как на рис. 4) и *морально-волевыми характеристиками* (способностью самостоятельно принимать решения, как на рис. 8, на котором реципиенту предлагается декодировать метафорическое развертывание прагматических смыслов в контексте фольклора). Рубль предстает в качестве былинного персонажа, богатыря на распутье, выбирающего верное направление пути (налево — в Европу, направо — в Китай, а прямо — указание к пребыванию на родине, т. е. более безопасное решение). Сама метафора «богатырь» используется для описания человека или явления, обладающего исключительной силой, стойкостью или героическими качествами в обычной жизни или работе, перенося свойства мифического героя на реальность. Решительность, сила, способность противостоять неприятелю и отстаивать свою позицию также представлена на рис. 9 «В осаде», на котором рубль держит оборону от захвата своих ресурсов (баллон как метафора газовой добычи). Вербальный компонент на предложенных примерах носит дополняющий характер. Решительность намерений не уступать позиций визуализируется через жесты (одна рука на вентиле — демонстрация готовности к действиям, вторая в характерном сплетении пальцев, символизирующих ехидный отказ).

Рис. 7. Рубль крепчает
https://owwaxde082.livejournal.com/299500.html

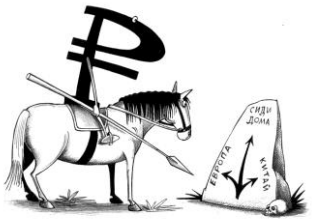

Рис. 8. На распутье
https://pikabu.ru/story/rubl_11927487

Рис. 9. В осаде
https://pikabu.ru/tag/B%20осаде?page=5

Рис. 10. Курс на неопределенность
https://www.dw.com/ru/cto-budet-s-rublem-ili-kurs-na-neopredelennost/a-69355369

Рис. 11. Рубли по осени считают
https://papik.pro/izobr/karikaturi/919-karikatura-rubl-47-foto.htmll

Рис. 12. Прожиточный минимум
https://funny.klev.club/uploads/posts/2024-03/thumbs/funny-klev-club-p-smeshnie-kartinki-prozhitochnii-minimum-22.jpg

Также продуктивны антропоморфные преобразования на основе монет, наделенных а) *способностью к мышлению*, коммуникации на основе выгод и б) принятию решений к *действию*.

В первом случае рубль предпринимает попытки осознать свое бытие, задавая экзистенциально важные вопросы (рис. 10). Импликация философствования со стороны неодушевленного предмета стимулирует возникновение юмористического подтекста, тональность которого обусловлена контрастом между забавностью мультипликации и серьезностью политико-экономических реалий. Подобный эффект возникает и на рис. 12, где автором карикатуры поднимается вопрос о соразмерности курса рубля и суммы прожиточного минимума. Контраст лексем «минимум» и «огромные деньги» транслирует иронию и вовлекает реципиента в поиск «правильного» ответа на вопрос. Необходимо отметить значимость интерпретационной корреляции для актуализации заложенных автором карикатуры прагматических смыслов. Вербальный компонент здесь служит в качестве источника возникающей полисемантики. Аналогичным способом изображен рубль и на рис. 11, однако в данном случае интеракция с реципиентом происходит не в форме вопросов, а апелляции к преждевременности каких-либо выводов, выражаемой через трансформацию лексем пословицы «Цыплят по осени считают» и многоточия. Этот знак препинания транслирует незавершенность мысли, паузу, эмоциональное состояние или пропуск части текста. Многоточие также может указывать на прерывание речи, резкий переход к другой мысли, долгое время между событиями. Дешифровка невербального компонента карикатуры предполагает интерпретацию позы (руки по бокам) и динамики субъекта (постукивание ногой), что свидетельствует о нетерпении, нервозности или напряжении. Соединяя значения обоих элементов, представляется возможным рассматривать прагматический смысл карикатуры так, что об успехе рубля следует судить только по конечному результату, а не по промежуточным этапам, потому что в конечном итоге все может кардинально измениться.

Аспект действий реализуется через опосредованную символику принятия решений и горизонтальный вектор движения. Рис. 13 и 14 транслируют взаимодействие валют через двигательную активность, при этом порядок расположения субъектов представляет собой способ визуализации лидерства. Аллюзии к спорту раскрывают прагматические смыслы выносливости, воли к победе, соперничеству, борьбе, преодолению препятствий. Корреляция элементов на карикатурах, с одной стороны, носит интерпретативный характер, позволяя считать контекст (рис. 13), а с другой — дополнить семантическое пространство новыми смыслами на основе игры слов и юмористическими импликатурами.

Рис. 13. Банковские вклады
Дружинин В.
https://kpmedia.ru/product/2612539

Рис. 14. Падение доллара
Дружинин В.
https://kpmedia.ru/product/2612553

Рис. 15. Рубль входит в штопор
https://ibigdan.livejournal.com/18705481.html

Рис. 16. Рубль выходит из штопора
Дружинин В.
https://ibigdan.livejournal.com/18705481.html

Использование такого приема можно наблюдать и изолированно, как на рис. 15–16: в таком случае реципиенту предлагается полисемантическое развертывание прагматических смыслов на основе синтеза невербального и вербального элемента, реализуемого одной лексемой «штопор». Автор данных карикатур тонко интегрирует бытовой дискурс (через апелляцию к предметам бытования) в профессиональный (штопор как опасная фигура пилотажа) и финансово-экономический (крутые перемены в устойчивости курса национальной валюты). Результатом такого наслоения становится юмористически маркированный сюжет, остроумность которого заключается в сохранении баланса между серьезностью темы и забавностью визуализации валюты и нарочитой абсурдности ее поведения на первичном уровне интерпретации. С первого взгляда представляется возможным предположить, что вербальный компонент может функционировать отдельно от визуального, при этом конечное значение не будет изменено. Однако необходимость наличия надписи обусловлена несколькими факторами: во-первых, расположение текста вторит визуальному направлению спирали штопора, что углубляет понимание задаваемого вектора интерпретации экономического изменения рубля, во-вторых, наличие текста придает эффект объявления и объяснения выполняемых субъектом действий.

Необходимо заметить, что во всех примерах антропоморфные признаки представлены частично. Это способствует упрощению идентификации валюты, а также расстановки задуманных авторами акцентов (наличие глаз или рта помогает считывать мимику и судить об отношении субъекта к происходящим с ним событиям, а наличие рук или ног — о стремлении самостоятельно выполнять какие-либо действия, а также интерпретировать жесты).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изыскания по данной теме позволили заключить о частотности и продуктивности финансовых метафор, функционирующих в русскоязычном сегменте интернет-дискурса, поскольку они тонко реагируют на изменения в политико-экономических событиях.

Относительно специфических характеристик метафорической репрезентации отечественной валюты представляется возможным отметить, что в интернет-пространстве *образ рубля представлен через артефакты и антропоморфизм*. Исходя из количественных показателей, валюта чаще предстает в виде монеты, образ которой представлен через частичную трансформацию на основе физических параметров (силы, выносливости — 19 %) человека. При этом он больше мыслит (46 %), чем действует (35 %). Тенденция к рефлексии позволяет судить о стремлении валюты к осознанию происходящих перемен, определению своего отношения к ним и попыткам приспособиться к

новым условиям. Артефактные образы апеллируют к образам предметов с выраженными свойствами — весом (грузы: якорь, камень — 62,5 %) и формой (окружность: круг, колесо, циферблат и т. д. — 37,5 %).

Замечено, что экономические изменения с национальной валютой в антропоморфных метафорах выражаются через бинарные оппозиции вертикального вектора визуализации «вверх/вниз», «рост/падение», «подъем/погружение». Горизонтальный вектор визуализации транслирует прагматику направленного движения «вперед/назад», «близко/далеко» или бесцельного вращения за счет круглой формы. Апелляция к кругу позволяет авторам увеличить семантическое пространство карикатур за счет дополнительных смыслов на основе качеств (вес, состояние) и свойств схожей формы (качение монеты, колеса, стрелок по циферблату и т. д.). Частичный антропоморфизм способствует упрощению идентификации валюты, а также расстановке задуманных авторами акцентов (через мимику, жесты).

Поэтапный анализ семантики карикатур позволяет судить о продуктивности некоторых структурных элементов (композиционное построение, цветовые решения, стилистическое оформление), игре слов и корреляционных связях вербальных и невербальных элементов интерпретационного и дополняющего характера. Их сочетание способствует созданию остроумных многослойных образов с юмористическим подтекстом, однако в этой связи необходимо отметить значимость наличия пресуппозиций к дешифровке.

Изучение метафоризации образа национальной валюты представляет собой широкое поле для лингвистических исследований. Перспективы дальнейшего рассмотрения визуальной репрезентации рубля заключаются в сопоставительном аспекте, а также в динамике отношений с другими мировыми валютами. Расширение параметров поиска позволит рассмотреть характерные особенности репрезентации в контексте новых цифровых реалий (появление цифрового рубля и его влияние на традиционные денежные единицы и их устойчивость).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова, Е. В. Визуальная метафора как технология продвижения чтения / Е. В. Александрова, Е. М. Исакова, Н. Ф. Крюкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2023. — № 3(50). — С. 136–149. — EDN JYUYKT.

2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 128 с. — ISBN 5-7695-0961-9. — EDN YWOTPL.

3. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — ISBN 978-5-9905856-7-6.

4. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Языки славянской культуры, 2018. — 480 с. — ISBN 978-5-6040760-9-5. — EDN YYCNWP.

5. Будаев, Э. В. Политическая метафорология. Дискурсивный поворот : моногр. / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2020. — 234 с. — ISBN 978-5-9765-4326-3.

6. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст : Ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 194 с. — EDN QIRMSX.

7. Глушкова, Т. С. Экономические метафоры с ключевыми лексемами «цена» и «рынок» в текстах современных российских медиа / Т. С. Глушкова, О. П. Матиенко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 16, № 3. — С. 57–65. — DOI 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.6. — EDN JJFWIU.

8. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла : сборник статей к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007. — С. 606–622. — EDN SCEFMX.

9. Исакова, Е. М. Визуальная метафора и способы ее идентификации / Е. М. Исакова, Н. Ф. Крюкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2021. — № 4 (71). — С. 95–100. — DOI 10.26456/vtfilol/2021.4.095. — EDN OMFVRS.

10. Карасик, В. И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики / В. И. Карасик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2022. — № 3-2. — С. 61–71. — DOI 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71. — EDN AHHSKL.

11. Катермина, В. В. Когнитивно-прагматический потенциал метеорологической лексики в английском неологическом дискурсе / В. В. Катермина // Полилингвальность современной культуры : сборник статей Междунар. науч. конф. в рамках I Междунар. науч.-образоват. форума «Филологическая наука и образование в Кузбассе» (Кемерово, 28—29 сентября 2022 года) / отв. ред. А. Г. Фомин. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. — С. 92–99. — EDN FBHNTT.

12. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 248 с. — EDN ZFQAKN.

13. Чжан, Б. Визуальная метафора в сатирических поликодовых текстах интернет-коммуникации: на примере карикатур и демотиваторов об антироссийских санкциях / Б. Чжан, П. А. Катышев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 2. — С. 602–608. — DOI 10.30853/phil20230046. — EDN RSZCWR.

14. Чудинов, А. П. Финансовая метафора в политической речи / А. П. Чудинов // Русская речь. — 2003. — № 4. — С. 51. — EDN OONEJF.

15. Bort-Mir, L. Cross-cultural interpretation of filmic metaphors: A think-aloud experiment / L. Bort-Mir, M. Bolognesi, S. Ghaffaryan // Intercultural Pragmatics. — 2020. — Vol. 17, No. 4. — P. 389–416. — DOI 10.1515/ip-2020-4001. — EDN UOBVRR.

16. Fahlenbrach K. Embodied metaphors in film, television, and video games. — London: Routledge, 2016. — 300 p. — ISBN 978-1138850835.

17. Forceville, Ch. Identifying and Interpreting Visual and Multimodal Metaphor in Commercials and Feature Films / Ch. Forceville // Metaphor and Symbol. — 2024. — Vol. 39, No. 1. — P. 40–54. — DOI 10.1080/10926488.2023.2271544. — EDN ZSJYEX.

18. Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual. — New York: Palgrave Macmillan, 2009. — 252 p. — 978-0230018815.

REFERENCES

1. Aleksandrova, E. V., Isakova, E. M., Kryukova, N. F. (2023). Vizual'naya metafora kak tekhnologiya prodvizheniya chteniya = Visual metaphor as a technology for promoting reading. *Theory of language and intercultural communication*,*3*(50), 136–149. EDN JYUYKT.

2. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovannyh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts). Moscow: Academia, 128 p. ISBN 5-7695-0961-9. EDN YWOTPL.

3. Baranov, A. N. (2014). Deskriptornaya teoriya metafory = Descriptor theory of metaphor. Moscow: Languages of Slavic culture, 632 p. ISBN 978-5-9905856-7-6.

4. Boldyrev, N. N. (2018). Yazyk i sistema znanij. Kognitivnaya teoriya yazyka = Language and knowledge system. Cognitive theory of language. Moscow: Languages of Slavic culture, 480 p. ISBN 978-5-6040760-9-5. EDN YYCNWP.

5. Budaev, E. V., Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2020). Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyj povorot = Political Metaphorology: The Discursive Turn. Moscow: Flinta, 234 p. ISBN 978-5-9765-4326-3.

6. Voroshilova, M. B. (2013). Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu = Political Creolized Text: Keys to Interpretation. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 194 p. EDN QIRMSX.

7. Glushkova, T. S., Matienko, O. P. (2022). Ekonomicheskie metafory s klyuchevymi leksemami «cena» i «rynok» v tekstah sovremennyh rossijskih media = Economic Metaphors Featuring the Key Lexemes “Price” and “Market” in Contemporary Russian Media Texts. *Human Science: Humanitarian Studies*,*16*(3), 57–65. DOI 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.6. EDN JJFWIU.

8. Dem'yankov, V. Z.(2007). Termin «koncept» kak element terminologicheskoj kul'tury = The Term “Concept” as an Element of Terminological Culture. *Language as the Substance of Meaning. Collection of Articles Dedicated to the 90th Birthday of Academician N. Yu. Shvedova*, 606–622. Moscow: Azbukovnik. EDN SCEFMX.

9. Isakova, E. M., Kryukova, N. F. (2021). Vizual'naya metafora i sposoby ee identifikacii = Visual Metaphor and Methods for Its Identification. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, *4*(71), 95–100.

10. Karasik, V. I. (2022). Diskursivnaya tochnost': Funkcional'nye harakteristiki = Discursive Precision: Functional Characteristics. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, *2*(3), 61–71. DOI 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71. EDN AHHSKL.

11. Katermina, V. V. (2022). Kognitivno-pragmaticheskij potencial meteorologicheskoj leksiki v anglijskom neologicheskom diskurse = Cognitive-Pragmatic Potential of Meteorological Vocabulary in English Neological Discourse. Polylinguality of Modern Culture. *Collection of Articles from the International Scientific Conference held as part of the 1st International Scientific and Educational Forum “Philological Science and Education in Kuzbass” (Kemerovo, September 28–29, 2022, Ed. by A. G. Fomin)*, 92–99. Kemerovo: KemGU. EDN FBHNTT.

12. Chernyavskaya, V. E. (2009). Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' = Linguistics of the Text: Polycodality, Intertextuality, Interdiscursivity. Moscow: Librokom, 248 p. EDN ZFQAKN.

13. Zhang, Boya, Katyshev, P. A. (2023). Vizual'naya metafora v satiricheskih polikodovyh tekstah internet-kommunikacii: na primere karikatur i demotivatorov ob antirossijskih sankciyah = isual Metaphor in Satirical Polycode Texts in Internet Communication: A Case Study of Cartoons and Demotivational Posters Regarding Anti-Russian Sanctions. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, *16*(2), 602–608. DOI 10.30853/phil 20230046. EDN RSZCWR.

14. Chudinov, A. P. (2003). Finansovaya metafora v politicheskoj rechi = Financial Metaphor in Political Discourse. *Russian Speech, 4*, 51–55. EDN OONEJF.

15. Bort-Mir, L., Bolognesi, M., Ghaffaryan, S. (2020). Cross-Cultural Interpretation of Filmic Metaphors: a Think-Aloud Experiment. *Intercultural Pragmatics*, *17*(4), 389–416.

16. Fahlenbrach, K. (2016). Embodied Metaphors in Film, Television, and Video Games. London: Routledge, 300 p.

17. Forceville, C. (2024). Identifying and Interpreting Visual and Multimodal Metaphor in Commercials and Feature Films. *Metaphor and Symbol*, *39*(1), 40–54.

18. Wodak, R. (2009). The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. New York: Palgrave Macmillan, 272 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'27+81'42+81'38+395.6
ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.521+Ю782 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Елена Юрьевна Нестеренко
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
elena.nester.00@mail.ru, SPIN-код: 4497-2686, https://orcid.org/0000-0002-0486-0708

Обращение к женщинам-политикам в условиях гендерного неравенства

АННОТАЦИЯ. *В статье анализируются обращения, адресованные представителям политических элит в семи странах. Цель данного исследования — определить, влияет ли гендерное неравенство в той или иной стране на выбор адресантом обращения к политику. Для достижения этой цели мы сравниваем обращения к государственным деятелям женского и мужского пола в определенной стране, а затем сопоставляем их с вокативами, адресованными политикам в других странах. Для сравнения уровня гендерного неравноправия мы воспользовались отчетом о гендерном разрыве, который был создан по итогам работы ВЭФ. Согласно этому отчету, Исландия лидирует в рейтинге по Индексу гендерного разрыва, Великобритания занимает 23-е место, Канада — 24-е, США — 30-е, ОАЭ — 72-е, Россия — 81-е и Индия — 140-е. Установлено, что в США и России адресанты используют одни и те же виды вокативов вне зависимости от пола адресата. Собеседники выбирают специальные статусные обращения к политическим деятелям (и женщинам, и мужчинам) в Исландии, США, Канаде и ОАЭ. Коммуниканты произносят общие статусные вокативы, обращаясь как к женщинам-политикам, так и к государственным мужам в Великобритании, США и Индии. Выявленные функции вокативов (фатическая, апеллятивная, этикетная и социально-регулятивная) направлены на сокращение социально-статусной дистанции между коммуникантами и на создание положительного эмоционального состояния адресата. Рассмотрены такие вокативные средства, применяемые совместно с обращениями, как адъективы «уважаемый», dear и местоимение ту, которые, обладая огромным вокативным потенциалом, усиливают экспрессивность интеракции. В статье рассматриваются национально-культурные особенности обращений, обусловленные спецификой речевого этикета, интерпретацией коммуникативной категории вежливости в английской и русской лингвокультурах.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *статусные обращения, антропонимы, нулевой вокатив, гендер, гендерное неравенство, политическая коммуникация, политический дискурс, речевой этикет, политические деятели, женщины-политики, английский язык, русский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Нестеренко Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и образовательных технологий, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: elena.nester.00@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Нестеренко, Е. Ю.* Обращение к женщинам-политикам в условиях гендерного неравенства / Е. Ю. Нестеренко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 67-75.

Elena Y. Nesterenko
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia,
elena.nester.00@mail.ru, SPIN code: 4497-2686, https://orcid.org/0000-0002-0486-0708

Addressing Women Politicians in the Context of Gender Inequality

ABSTRACT. *The article analyzes ways and means of addressing representatives of political elites in seven countries. The aim of this study is to find out whether gender inequality in a country influences the speaker's choice of a form of address to a politician. To achieve this aim, the author compares the verbal means of addressing female and male public officials in a given country and then compares them with the similar means of address used in other countries. To compare the level of gender inequality, the study uses the Gender Gap Report, which was created based on the results of the WEF. According to this report, Iceland leads the ranking on the Gender Gap Index, the UK ranks 23rd, Canada 24th, the U.S. 30th, the UAE 72nd, Russia 81st and India 140th. The article reports that speakers in the USA and Russia employ the same forms of address regardless of the addressee's gender. The speakers choose special status vocatives while addressing politicians (both women and men) in Iceland, the USA, Canada, and the UAE. The communicators use common status vocatives when addressing both female and male politicians in the UK, USA and India. The identified functions of the vocatives (phatic, appellative, etiquette and socio-regulatory) are aimed at reducing the social-status distance between the communicants and creating a positive emotional state of the addressee. The study also considers such additional means of address as adjectives "uvazhayemyy ", "dear", and the pronoun "my", which, due to their enormous vocative potential, intensify the expressiveness of interaction. The article discusses the national-cultural features of the forms of address in accordance with the specificity of speech etiquette and the interpretation of the communicative category of politeness in English and Russian linguocultures.*

KEYWORDS: *status vocatives, anthroponyms, zero vocative, gender, gender inequality, political communication, political discourse, speech etiquette, politicians, women-politicians, English language, Russian language.*

© Нестеренко Е. Ю., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Nesterenko Elena Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Educational Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Nesterenko E. Y.* (2026). Addressing Women Politicians in the Context of Gender Inequality. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 67-75. (In Russ.).

Гендерное неравенство — одна из основных проблем, тормозящих развитие человечества. В течение последних десятилетий во многих странах мира наблюдается повышенный интерес к гендерной проблематике [Кашина 2020; Колесник 2021; Buenestado-Fernández et al. 2023, Dorius et al. 2010; Shang 2022]. На протяжении многих лет ведутся работы по оценке неравноправия полов в разных странах. Одним из ключевых исследований в этой области является Индекс гендерного разрыва (The Global Gender Gap Index).

Впервые глобальный отчет о гендерном разрыве, в котором был представлен рейтинг 115 стран, был создан по итогам работы ВЭФ в 2006 году. Индекс показывает уровень гендерного неравноправия по 14 переменным в четырех основных отраслях, одной из которых являются политические права[1].

Согласно последнему отчету ВЭФ в 2025 году[2], гендерный разрыв постепенно уменьшается. Тем не менее исходя из общей скорости развития экономик стран, представленных в рейтинге, для достижения полного паритета в глобальном масштабе потребуется 123 года.

Цель данного исследования — определить, влияет ли гендерное неравенство в той или иной стране на выбор адресантом обращения к политическому деятелю. Для достижения этой цели мы сравниваем обращения к государственным деятелям женского и мужского пола в определенной стране, а затем сопоставляем их с вокативами, адресованными политикам в других странах.

Обращение (апеллятив, вокатив) — языковой маркер адресата, выполняющий различные прагматические функции, ключевыми из которых являются апеллятивная, фатическая, контактоустанавливающая, этикетная, эмотивная и социально-регулятивная. Иллокутивной целью вокатива является привлечение внимания адресата, поддержание контакта и приписывание ему определенной социальной роли. Обращение — один из главных маркеров социального статуса, социальной роли и взаимоотношений между собеседниками.

Анализируя обращения, мы применяем классификацию В. И. Карасика, подразделяющего вокативы на стандартные, которые делятся на неопределенные и определенные, и нестандартные. Определенные обращения включают в себя антропонимические, дейктические, статусные и эмотивные. Статусные вокативы распадаются на специальные, из которых исследователь выделяет прямые (King) и опосредованные (Your Royal Highness), и общие (Mrs, Mr и др.). Ученый также упоминает нулевой вокатив, иногда свидетельствующий о неопределенности статусной ситуации [Карасик 2002: 203].

Эмпирическим материалом послужили интервью и выступления представителей власти России, а также стран, в которых английский является одним из официальных языков, или государств, в которых английский язык широко используется в бизнесе и им владеет бóльшая часть населения. Нами рассмотрены обращения к представителям политических элит семи стран: Исландии, Великобритании, Канады, США, ОАЭ, России и Индии.

Для сравнения уровня гендерного неравноправия мы воспользовались отчетом ВЭФ за 2021 год. Нами был выбран именно этот отчет, поскольку он является самым репрезентативным, в нем представлен рейтинг 156 стран (для сравнения: в отчете 2025 года[3] всего 148 стран).

Исландия возглавляет этот рейтинг с 2009 года. В этой стране женщины играют важную роль в политической жизни. Исландия — первая страна в мире, в которой женщина была избрана президентом. Вигдис Финнбогадоуттир занимала этот пост в течение 16 лет.

На сегодняшний день в Исландии несколько выдающихся женщин-политиков. Одной из них является президент страны Халла Томасдоттир. Вот как обратилась к ней ведущая CNN, завершая интервью:

(1) *Halla Tomasdottir*, thank you so much [CNN.com: site].

[1] Гуманитарный портал. URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index (дата обращения: 02.08.2025).

[2] The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2025. — https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2025/ (date of access: 02.08.2025).

[3] The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2025. — https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2025/ (date of access: 02.08.2025).

Интервьюер использовала антропоним, образованный по формуле «имя + фамилия». Обращение, произнесенное в конце беседы, выполняет фатическую функцию.

Американский ученый Адам М. Грант, бравший интервью у Халлы Томасдоттир, использует специальное статусное обращение *president*, перед которым произносит притяжательное местоимение *my* и оценочный адъектив *favourite*. Посессив *my* выступает в роли вокативного средства, поскольку используется вместе с прилагательным. Употребляя местоимение *my*, интервьюер использует прием солидаризации, посессив объединяет адресанта с адресатом. Помимо контактоустанавливающей и этикетной функций, обращение *my favourite president* выполняет оценочно-характеризующую функцию, что обусловлено выбором адресантом лексемы *favourite* — «liked more than others of the same kind» [Oxford Learner's Dictionaries].

На протяжении беседы Грант также использует антропоним *Halla*, который выполняет фатическую функцию. В одной из реплик он подчеркивает, что не только он, но и народ Исландии обычно обращается к Халле по имени:

(2) And now here you are again with people saying, *Halla*, you should run for the presidency. / И вот вы снова здесь, и люди говорят: «Халла, тебе следует баллотироваться на пост президента» (Перевод наш. — *Е. Н.*) [TED: site].

Журналистка CNN, беседуя с премьер-министром Катрин Якобдоуттир, занимавшей пост премьер-министра с 2017 по 2024 год, использует специальные статусные обращения *Prime Minister* и *Prime Minister Katrin Jakobsdottir*. Произнесенные в первой и завершающей репликах, они выполняют этикетную и фатическую функции.

Во время беседы с Катрин журналист газеты «Вашингтон пост» использует обращение *Prime Minister* 11 раз. Вокатив выполняет апеллятивную, этикетную и социально-регулятивную функции.

В качестве сравнения рассмотрим обращения, использованные во время коммуникации с экс-президентами Исландии. В. В. Путин, беседуя с Оулавюром Рагнаром Гримссоном, президентом Исландии с 1996 по 2016 год, выбрал общий статусный вокатив *Mister President*, выполняющий контактоустанавливающую, этикетную и социально-регулятивную функции.

В 2023 году Гвюдни Йоуханнессон, занимавший пост президента с 2016 по 2024 год, выступил на Парламентской ассамблее Совета Европы. Вот как президент ПАСЕ Тини Кокс начинает обращение к Гвюдни:

(3) *Your Excellency, Mister President*, in a few days your beautiful island will be the centre of focus of Europe… [PACE: site].

Тини Кокс использует специальные статусные обращения, выполняющие контактоустанавливающую, этикетную и социально-регулятивную функции. Вокатив *Your Excellency* подчеркивает значимость социального статуса Гвюдни, поскольку данная лексема определяется словарем как «the title of someone in an important official position, especially someone, such as an ambassador, who represents their government in a foreign country» [Cambridge Dictionary]. Во время дальнейшего общения с Гвюдни Кокс использует общий статусный вокатив *Mister President* в 18 контекстах и специальное статусное обращение *Your Excellency* дважды.

Депутаты ПАСЕ, задавая Гвюдни вопросы, также используют обращения, самым частотным из которых является общий статусный вокатив *Mister President* (10 контекстов). Некоторые парламентарии начинают вопросы со специальных статусных обращений *Your Excellency, President* и *dear President.*

Таким образом, сравнительный анализ вокативов, обращенных к политическим лидерам Исландии, позволяет сделать вывод о том, что, обращаясь к государственным деятелям мужского пола, адресанты обычно используют общие и специальные статусные вокативы. Беседуя с женщинами-политиками, корреспонденты выбирают специальные статусные обращения и антропонимы.

Великобритания, в отличие от Исландии, не относится к числу стран с наименьшим уровнем гендерного неравенства. Она занимает 23-е место в выбранном нами рейтинге. Великобритания не является страной, в которой наблюдается высокий уровень участия женщин в политической жизни. На протяжении всей истории этой страны только три женщины становились там премьер-министрами: Маргарет Тэтчер, Тереза Мэй и Лиз Трасс.

Рассмотрим интервью с Терезой Мэй и Лиз Трасс. Английский журналист Д. Паксман, беседовавший с Т. Мэй, дважды использовал антропоним *Theresa May*. Обращение выполняет фатическую, этикетную и социально-регулятивную функции. Паксман также произносит специальный статусный вокатив *Prime Minister*, выполняющий такие же функции. То же обращение можно услышать и в интервью английского журналиста Роберта Пестона с Т. Мэй:

(4) *Prime Minister*, it's a time of great global instability, North Korea, Syria. You have been accused of putting party interests, personal in-

terest, ahead of the national interest [ITV News: site].

В ходе интервью с Лиз Трасс американский журналист CNN использует общее статусное обращение *Madam Prime Minister* в начале и в конце беседы в качестве рамочных элементов. Вокатив *Madam* входит в поле лексических единиц британского речевого этикета. Это подтверждает дефиниция, данная словарем: «a very formal and polite way of addressing a woman whose name they do not know or a woman of superior rank» [Collins Dictionary]. Таким образом, словарная дефиниция показывает, что обращение служит стратегии «негативной вежливости» [Brown, Levinson], которую иногда называют стратегией дистанцирования. Вокативность лексемы *Madam* закреплена в словаре, поскольку она дается с пометой «vocative noun». Ученые Р. Браун и М. Форд считают, что вокатив *Madam* более вежливый и уважительный по сравнению с титулом + фамилией [Brown, Ford]. Употребление данного обращения обусловлено желанием интервьюера подчеркнуть высокий статус Лиз Трасс и официальный стиль беседы.

Для того, чтобы сравнить, выбирают ли собеседники те же вокативы, общаясь с мужчинами-политиками, мы проанализировали беседу британской журналистки Стефани Фландерс с премьер-министром Великобритании Киром Стармером и интервью Ника Робинсона, взятое у экс-премьер-министра Риши Сунака. Обращаясь к Стармеру, корреспондент трижды использует специальное статусное обращение *Prime Minister.* Н. Робинсон выбирает общий статусный вокатив *Mr. Sunak* (в начале, середине и в конце интервью) и антропоним *Rishi Sunak* в заключительной фразе.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что, обращаясь к женщинам-политикам Великобритании, адресанты используют антропонимы, общие и специальные статусные обращения. Общаясь с политиками-мужчинами, репортеры выбирают общие статусные и антропонимические вокативы.

Канада находится на 24-й позиции в рейтинге по Индексу гендерного разрыва. На протяжении всей истории единственной женщиной — премьер-министром была Ким Кэмпбелл, находившаяся у власти с 25 июня по 3 ноября 1993 года. Согласно результатам Межпарламентского союза, Канада занимает 71-е место по количеству женщин в парламенте. Доля женщин в Сенате Канады составляет 54,8 %, а в Палате общин — 30,3 % [Inter-Parliamentary Union].

При рассмотрении вокативов, обращенных к политическим деятелям Канады, мы проанализировали апеллятивы, использованные адресантами в беседах с министром иностранных дел Анитой Ананд, Христей Фриланд и министром финансов Франсуа-Филиппом Шампанем. Канадский журналист Пол Уэллс, обращаясь к Аните, использует антропоним *Anita Anand*. Корреспондент CNN Фарид Закария во время беседы с Христей также выбирает антропонимическое обращение *Chrystia Freeland*. Председатель Совета по международным отношениям Майкл Фроман, беседуя с Христей, занимавшей посты министра иностранных дел, министра финансов и заместителя премьер-министра, использует специальные статусные вокативы, называющие все ее должности:

(5) *Foreign Minister, Finance Minister, Deputy Prime Minister Freeland,* thank you so much for joining us… [CFR.org: site].

В 2018 году, когда Ф-Ф. Шампань был министром международной торговли, ведущие телеканала CNBC взяли у него интервью. Все три журналиста выбирают специальное статусное обращение *minister*. Ориел Моррисон и Акико Фудзита используют данный вокатив в каждой реплике. Берни Ло произносит четыре фразы, в двух из них звучит этот апеллятив.

Сопоставительное исследование обращений к государственным деятелям Канады показывает, что адресанты используют антропонимы или специальные статусные вокативы, беседуя с женщинами-политиками. Обращаясь к мужчинам, занимающимся политикой, корреспонденты выбирают специальные статусные вокативы.

Соединенные Штаты Америки занимают 30-ю строчку рейтинга по Индексу гендерного разрыва. В этой стране ни одна женщина не была избрана президентом. По количеству женщин в парламенте США занимают 77-е место. В Конгрессе США 26 % женщин, а в Палате представителей — 29 %[1].

Рассмотрим, какие вокативы выбирают интервьюеры, беседуя с государственными секретарями США. Американская журналистка Рэйчел Мартин, бравшая интервью у Хиллари Клинтон, использует специальное статусное обращение *Secretary Clinton* в начале и в конце интервью в качестве рамочных элементов. Тот же вокатив произносит репортер Маргарет Бреннан, обращаясь к Кондолизе Райс. Обращения, образован-

[1]Inter-Parliamentary Union. URL: https://data.ipu.org/women-ranking/ (date of access: 11.08.2025).

ные по формуле «титул + фамилия», позволяют адресанту сохранить дистанцию с адресатом и выразить почтительность, что является одной из стратегий негативной вежливости. Корреспондент ABC News Дэвид Мьюир произносит специальный статусный вокатив *Secretary* и общее статусное обращение *Madam Secretary.*

Перейдем к рассмотрению вокативов, обращенным к государственным деятелям США — мужчинам. М. Бреннан в ходе беседы с государственным секретарем Марко Рубио трижды использует общее статусное обращение *Mr. Secretary*. Необходимость употребления общего обращения перед титулом обусловлена правилами этикета: «Англоязычный этикет требует употребления общих вокативов в определенных официальных ситуациях с указанием должности человека без употребления фамилии: Mr. President, Mr. Secretary, Mr. Speaker. Список таких должностей ограничен и распространяется только в отношении социально-престижных позиций» [Карасик 2002: 196].

Такое же обращение выбирает основатель ВЭФ Клаус Фридман, предваряя выступление экс государственного секретаря Энтони Блинкена. Анализируя вокативы, использованные журналистом Томасом Фридманом во время выступления Блинкена, приходим к выводу, что самым частотным в его репликах является общее статусное обращение *Mr. Secretary*. Этот апеллятив встречается в 7 контекстах. Корреспондент также дважды использует специальный статусный вокатив *Secretary*.

При сравнении обращений к американским политикам обнаруживаем, что адресанты выбирают общие и специальные статусные обращения во время беседы как с женщинами-политиками, так и с государственными мужами. Апеллятивы выполняют функции привлечения внимания и поддержания контакта, этикетную и социально-регулятивную функции.

ОАЭ занимают 72-ю строчку в рейтинге по Индексу гендерного разрыва. Несмотря на то, что в общем списке страна не занимает лидирующих позиций, в Арабском мире она демонстрирует самые высокие показатели гендерного равенства. Почти половина арабских стран (7 из 15), представленных в рейтинге, находятся в конце списка, занимая места со 137-го по 152-е. В ОАЭ женщина никогда не была главой государства. Тем не менее доля женщин в парламенте ОАЭ в 2024 году составила 50 %[1].

Для того, чтобы проанализировать обращения к политическим деятелям ОАЭ, рассмотрим интервью, взятые у бывшего министра по вопросам изменения климата и окружающей среды ОАЭ Мариам Альмхейри, министром образования Сарой бинт Юсеф Аль Амири, премьер-министром шейхом Мохаммедом ибн Рашидом Аль Мактумом и министром иностранных дел шейхом Абдуллой бин Заидом Аль Нахайяном. Журналист CNN, беседуя с Мариам, использует специальный статусный вокатив *Minister Almheiri*. Обращаясь к Саре, корреспондент выбирает антропоним *Sara Al Amiri*.

Исследуя беседу саудовского журналиста Абдуллы Аль-Мудайфера с премьер-министром Мактумом, мы обратили внимание на большое количество произнесенных им обращений. Специальный статусный вокатив *Your Royal Highness* произносится один раз, а апеллятив *Your Highness* встречается в 28 контекстах. В словаре Merriam-Webster представлена следующая дефиниция *Highness*: «used as a title for a person of exalted rank (such as a king or prince)» [Merriam-Webster Dictionary]. Словарь Macmillan предлагает такое определение лексемы *Your/ His/ Her Highness*: «used for talking to or about a king, queen, prince or princess» [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners]. Многократное использование обращения, подчеркивающего высокий статус эмира Дубая, служит стратегии негативной вежливости. Вариант того же вокатива произносит министр иностранных дел Индии Шри С. М. Кришна, обращаясь к Нахайяну, дополняя его специальным статусным обращением, подчеркивающим пост, занимаемый Абдуллой:

(6) *His Highness, Sheikh Abdullah bin Zayed Al Nahyan, Foreign Minister of the United Arab Emirates;* friends from media: This is for the third time… [Ministry of External Affairs: site].

Проанализировав обращения к политикам ОАЭ, можно сделать вывод о том, что, разговаривая с женщинами-политиками, адресанты выбирают специальные статусные или антропонимические вокативы. В беседе с государственными мужами собеседники используют специальные статусные обращения.

Российская Федерация занимает 81-ю строчку в рейтинге по Индексу гендерного

[1] Statbase.ru. — URL: https://statbase.ru/data/are-women-in-parliaments/ (date of access: 13.08.2025).

разрыва. Несмотря на то, что из рассматриваемых стран наша страна была первой, где женщины получили право голоса на равной основе с мужчинами [Tuttle 1986: 370–371], гендерный диспаритет в нашей стране является острейшей проблемой. Некоторые ученые считают, что главные причины отставания России в Индексе — это недостаточное количество женщин, занятых политикой, и более низкая оплата труда женщин по сравнению с мужчинами [Краснов 2019: 25].

В РФ из 450 депутатов Государственной думы VIII созыва 68 женщин (подсчитано автором по: *Состав Государственной Думы восьмого созыва* — http://www.duma.gov.ru/structure/deputies/). Это составляет примерно 15 % от общего числа депутатов. Тем не менее гендерный разрыв в России постепенно уменьшается. На одной из пресс-конференций В. В. Путин сказал, что присутствие женщин во власти делает ее более зрелой и дееспособной[1]. Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко отметила, что, когда она заступила на должность, в СФ было 11 женщин-сенаторов, а сейчас их 38[2].

Рассмотрим вокативы, обращенные к В. И. Матвиенко, экс-председателю Счетной палаты Т. А. Голиковой, экс-председателю Совета Федерации С. М. Миронову и председателю Счетной палаты Б. Ю. Ковальчуку. На встрече с Председателем СФ В. В. Путин обращается к Матвиенко, используя антропоним *уважаемая Валентина Ивановна*. Апеллятив, образованный по формуле «имя + отчество», является нормативной этикетной формой обращения в России. Журналист Владимир Познер в беседе с Валентиной Ивановной трижды произносит то же обращение. А. Г. Балакай подчеркивает, что этикетный эпитет *уважаемый* входит в состав официально-вежливых вокативов и обычно сочетается с именем-отчеством [Балакай 2001: 623].

Обсуждая итоги работы Счетной палаты с Голиковой, В. В. Путин также использует антропоним в виде двухкомпонентного именования «имя + отчество». В ходе интервью Татьяны Голиковой телеканалу «Россия 24» журналист трижды произносит то же обращение. В начале беседы он выполняет контактоустанавливающую функцию, в дальнейшем — контактоподдерживающую.

В. В. Путин, беседуя с Мироновым, использует антропоним «Сергей Михайлович». То же обращение выбирает журналист П. Романов:

(7) *Сергей Михайлович!* В последнее время Вы нередко критикуете Правительство РФ за недостаточную поддержку реального сектора экономики [Совет Федерации Федерального собрания РФ: сайт.].

Во время встречи с председателем Счетной палаты Б. Ю. Ковальчуком В. В. Путин дважды использует антропоним, образованный по модели «имя + отчество» *Борис Юрьевич*. В начале диалога обращение выполняет функцию привлечения внимания, позднее — функцию поддержания контакта.

Сопоставительное исследование вокативов, обращенных к политикам РФ, показывает, что адресанты используют нормативную этикетную формулу «имя + отчество», беседуя с государственными деятелями, вне зависимости от их пола. Обращения выполняют контактоустанавливающую и контактоподдерживающую функции.

Индия занимает 140-е место в рейтинге по Индексу гендерного разрыва. Тем не менее в стране дважды на пост президента была избрана женщина. Пратибха Девисингх Патил находилась у власти с 2007 по 2012 год. С 2022 года и по настоящее время этот пост занимает Драупади Мурму.

Беседуя с лидером Индийского национального конгресса Соней Ганди, индийский журналист Раджип Сардесай выбирает общие статусные обращения *Ma'am* и *Mrs Gandhi*, каждое из которых встречается в трех контекстах, и антропоним *Sonia Gandhi*. Лексема *Ma'am* определяется словарем как «a polite way of talking to a woman. In Britain, used to address the Queen, or a woman of high rank» [Cambridge Dictionary]. Таким образом, дефиниция обращения показывает, что оно служит стратегии «негативной вежливости».

Беседуя с министром финансов Нирмалой Ситхараман, главный редактор PTI Виджай Джоши использует нулевой вокатив в 28 контекстах. Индийский журналист Рахул Джоши, бравший интервью у главного министра Западной Бенгалии Маматы Банерджи, произнес антропоним *Mamataji* в 8 репликах. В индийском речевом этикете к имени обычно добавляют нейтральный по половому признаку суффикс «ji», чтобы проявить уважение к человеку[3].

Рассмотрим обращения, адресованные экс-министру иностранных дел Индии Сома-

[1] Правда.ру. URL: https://www.pravda.ru/news/society/211651-putin/ (дата обращения: 20.08.2025).

[2] СенатИнформ. URL: https://senatinform.ru/news/matvienko_16_zhenshchin_deputatov_v_gosdume_vosmogo_sozyva_ne_tot_rezultat_kotorogo_zhdalo_obshchest/ (дата обращения: 20.08.2025).

[3] Cultural Atlas. URL: https://culturalatlas.sbs.com.au/indian-culture/indian-culture-naming (date of access: 27.08.2025).

нахалли Кришне, экс-министру нефти и газа Шри Дхармендре Прадхану, министру иностранных дел Субраманьяму Джайшанкару и премьер-министру Нарендре Моди.

На совместной пресс-конференции министр иностранных дел ОАЭ Абдулла бин Заид Аль Нахайян обратился к Кришне, использовав эмотивное обращение *friend* с этикетной модификацией *dear*, за которым последовал специальный статусный вокатив *dear colleague Mr. Krishna*. Эмотивные обращения используются с целью сокращения социальной дистанции и сближения коммуникантов. Нахайян также произносит специальные статусные обращения *minister* и *Your Excellency*. Журналистка, задавшая вопрос Соманахалли, выбрала общий статусный вокатив *sir*. То же обращение выбирают граждане Индии, задавая вопросы Прадхану на платформе MyGov накануне встречи министра с жителями страны.

Обратившись к словарям, находим следующие дефиниции лексемы *sir*: «used as a usually respectful form of address» [Merriam-Webster Dictionary] или «used without a name as a form of polite address to a man of rank or authority» [The Britannica Dictionary]. Оба словаря подчеркивают вокативность слова, истолковывая его как обращение (form of address), которое является уважительным (respectful) и вежливым (polite), адресованным человеку, занимающему высокий пост (a man of rank). Данное обращение отражает стремление адресанта прибегнуть к стратегии «негативной вежливости».

Журналист Маттиас Выссува, бравший интервью у Джайшанкара 25 мая 2025 года, использовал общий статусный вокатив *Mr. Foreign Minister*. Это двухкомпонентное обращение, состоящее из общего вокатива *Mr*., которое определяется как «used in direct address as a conventional title of respect before a man's title of office» [Merriam-Webster Dictionary], и официального титула *Foreign Minister*. В словаре Collins лексема *Mr.* снабжено пометой vocative noun, чем подчеркивается ее вокативность.

Беседуя с премьер-министром Моди, интервьюер Лекс Фридман дважды использует специальное статусное обращение *Prime Minister*. И в середине, и в конце беседы оно выполняет фатическую, этикетную и социально-регулятивную функции.

Рассмотрев обращения, адресованные государственным деятелям Индии, приходим к выводу, что, беседуя с женщинами-политиками этой страны, адресанты выбирают общие статусные, антропонимические или нулевые вокативы. Беседуя с государственными мужами, собеседники используют общие или специальные статусные и эмотивные обращения.

Таблица 1

Виды обращений, адресованных политикам в 7 рассматриваемых странах

Страна	Обращения к политикам	Виды обращений				
		Специальные статусные обращения	Общие статусные обращения	Антропонимы	Эмотивные обращения	Нулевой вокатив
Исландия	- женщинам	+		+		
	- мужчинам	+	+			
Великобритания	- женщинам	+	+	+		
	- мужчинам		+	+		
США	- женщинам	+	+			
	- мужчинам	+	+			
Канада	- женщинам	+		+		
	- мужчинам	+				
ОАЭ	- женщинам	+		+		
	- мужчинам	+				
Россия	- женщинам			+		
	- мужчинам			+		
Индия	- женщинам		+	+		+
	- мужчинам	+	+		+	

Суммируя наши наблюдения над употреблением обращений к политическим деятелям в семи рассматриваемых странах, приходим к следующим выводам. В США (30-е место в рейтинге по Индексу гендерного разрыва) и России (81-е место) адресанты используют одни и те же виды вокативов вне зависимости от пола адресата (таблица 1). Собеседники выбирают специальные статусные обращения к политическим деятелям (и женщинам, и мужчинам) в Исландии, США, Канаде и ОАЭ. Коммуниканты произносят общие статусные вокативы, обращаясь как к женщинам-политикам, так и к государственным мужам в Великобритании, США и Индии. Беседуя с политическими лидерами, адресанты употребляют антропонимы, обращаясь как к женщинам-политикам, так и к политикам-мужчинам в Великобритании и России.

Существует круг лексических единиц, имеющих огромный вокативный потенциал и способных создать «вокативизирующий» контекст для лексем, не предназначенных для употребления в роли вокатива [Янко 2010: 465]. К таким вокативным средствам относятся адъективы *уважаемый, dear* и местоимение *ту*. Этикетный эпитет *уважаемая* использует адресант в беседе с женщиной-политиком РФ. Этикетная модификация *dear* входит в состав вокативов, адресованных государственным мужам Исландии и Индии. Местоимение *ту* предшествует обращению к женщине-политику Исландии.

Использование обращений дает адресантам возможность сократить социально-статусную дистанцию и сформировать общее коммуникативное пространство. Помимо того, что вокатив выполняет фатическую, апеллятивную, этикетную и социально-регулятивную функции, он обладает прагматическим потенциалом и маркирует социальное пространство.

ИСТОЧНИКИ

1. Совет Федерации Федерального Собрания РФ : сайт. — URL: http://council.gov.ru/events/news/20353/ (дата обращения: 23.08.2025).

2. CFR.org : site. — URL: https://www.cfr.org/event/conversation-canadian-deputy-prime-minister-and-finance-minister-chrystia-freeland (date of access: 13.08.2025).

3. CNN.com : site. — URL: https://transcripts.cnn.com/show/ampr/date/2024-07-15/segment/01 (date of access: 04.08.2025).

4. ITV News : site. — URL: https://www.itv.com/news/2017-04-18/read-the-full-exclusive-interview-with-theresa-may (date of access: 09.08.2025).

5. Ministry of External Affairs, Government of India : site — URL: https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/19704/Transcript+of+the+Joint+Media+Interaction+by+External+Affairs+Minister+and+Foreign+Minister+of+United+Arab+Emirates (date of access: 17.08.2025).

6. PACE : site. — URL: https://pace.coe.int/en/verbatim/2023-04-27/pm/en (date of access: 06.08.2025).

7. TED : site. — URL: https://www.ted.com/pages/befriending-your-impostor-syndrome-with-icelands-president-halla-tomasdottir-transcript (date of access: 07.08.2025).

СЛОВАРИ

1. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001. — 672 с. — ISBN 5-7805-0681-7.

2. Cambridge Dictionary. — URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ (date of access: 07.08.2025).

3. Collins Dictionary. — URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english (date of access: 09.08.2025).

4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — Bloomsberry Publishers Ltd, 2002. — 1692 p.

5. Merriam-Webster Dictionary. — URL: https://www.merriam-webster.com/ (date of access: 17.08.2025).

6. Oxford Learner's Dictionaries. — https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/favourite_1?q=favourite (date of access: 06.08.2025).

7. The Britannica Dictionary. — URL: https://www.britannica.com/dictionary/ (date of access: 29.08.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айвазова, С. Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011-2012 гг. / С. Г. Айвазова // Женщина в российском обществе. — 2012. — № 3(64). — С. 3–11. — EDN PDJLBP.

2. Алиева, Б. М. Проявление и анализ гендерной маркированности в системах обращений английского и лакского языков / Б. М. Алиева // Сибирский филологический журнал. — 2010. — № 4. — С. 177–183. — EDN NCMPVB.

3. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2002. — 333 с. — ISBN 5-94244-008-5. — EDN UGRIRL.

4. Кашина, М. А. Обеспечение реализации принципа гендерного равноправия де-юре и де-факто: опыт стран Европейского союза / М. А. Кашина, А. А. Пяхкель // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2020. — № 2. — С. 56–71. — EDN EVBRDS.

5. Колесник, Н. В. Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов / Н. В. Колесник // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 4(164). — С. 468-491. — DOI 10.14515/monitoring.2021.4.1652. — EDN CKWDZJ.

6. Краснов, Ю. К. Гендерное неравенство в современном мире. По материалам исследования международных организаций. / Ю. К. Краснов. // Право и управление. XXI век. — 2019. —15(2). С. 21–28. — URL: https://doi.org/10.24833/2073-8420-2019-2-51-21-28 (дата обращения: 20.08.2025).

7. Максимов, А. А. Положение гендерного равноправия в системе принципов правового статуса личности в России / А. А. Максимов // Проблемы права. — 2012. — № 5(36). — С. 31–35. — EDN PEWFIZ.

8. Четвериков, Б. А. Социолингвистические аспекты форм обращения в английском языке / Б. А. Четвериков, И. В. Санников, Л. В. Дубовцева // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018) : сборник статей XVIII Всерос. науч.-практ. конф. — Киров : Вятский государственный университет, 2018. — Т. 3. — С. 925–932. — EDN XRJZJJ.

9. Янко, Т. Е. Обращения в структуре дискурса / Т. Е. Янко // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Российская академия наук, Институт языкознания. — Москва : Индрик, 2010. — С. 456–468. — EDN SCEGVD.

10. Brown, P. Universals in Language Usage: Politeness Phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction / Ed. E. Goody. — New York : Cambridge University Press, 1978. — P. 56–289.

11. Brown, R. Address in American English / R. Brown, M. Ford // Journal of Abnormal and Social Psychology. — Lancaster, PA ; Washington, D. C : The American Psychological Association. Inc., 1961. — Vol. 62, Iss. 2. — P. 375–385.

12. Buenestado-Fernández, M. (2023). Stories about gender inequalities and influence factors: a science club case study / M. Buenestado-Fernández, G. Ibarra-Vazquez, A. Patiño, M. S. Ramírez-Montoya // International Journal of Science Education. — 2023. — Vol. 46, Iss. 5. — P. 403–420. — DOI 10.

1080/09500693.2023.2235456. — URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09500693.2023.2235456#abstract (date of access: 07.08.2025).

13. Dorius, S. F. Trends in Global Gender Inequality (Forthcoming, Social Forces) / S. F. Dorius, G. Firebaugh // Soc Forces. — 2010, Jul 1. — Vol. 88, Iss. 5. — P. 1941–1968. — DOI 10.1353/sof.2010.0040. — URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21643494/ (date of access: 27.08.2025).

14. Shang, B. Tackling Gender Inequality: Definitions, Trends, and Policy Designs / Baoping Shang // IMF Working Papers. — 2022. — № 232. — A001. — DOI 10.5089/9798400224843.001.A001. — URL: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2022/232/article-A001-en.xml (date of access: 13.08.2025).

15. Tuttle, L. Encyclopedia of feminism / L. Tuttle. — New York ; Oxford : Arrow Books, 1987. — 399 p. — ISBN 0-09-944900-5.

MATERIALS

1. Sovet Federacii Federal'nogo Sobranija RF: site (n.d.). Available at Aug. 23, 2025 from http://council.gov.ru/events/news/20353/.

2. CFR.org: site (n.d.). Available at Aug. 13, 2025 from https://www.cfr.org/event/conversation-canadian-deputy-prime-minister-and-finance-minister-chrystia-freeland.

3. CNN.com: site (n.d.). Available at Aug. 4, 2025 from https://transcripts.cnn.com/show/ampr/date/2024-07-15/segment/01.

4. ITV News: site (n.d.). Available at Aug. 9, 2025 from https://www.itv.com/news/2017-04-18/read-the-full-exclusive-interview-with-theresa-may.

5. Ministry of External Affairs, Government of India: site (n.d.). Available at Aug. 17, 2025 from https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/19704/Transcript+of+the+Joint+Media+Interaction+by+External+Affairs+Minister+and+Foreign+Minister+of+United+Arab+Emirates.

6. PACE: site (n.d.). Available at Aug. 6, 2025 from https://pace.coe.int/en/verbatim/2023-04-27/pm/en.

7. TED: site (n.d.). Available at Aug. 7, 2025 from https://www.ted.com/pages/befriending-your-impostor-syndrome-with-icelands-president-halla-tomasdottir-transcript.

DICTIONARIES

1. Balakaj, A. G. (2001). Slovar' russkogo rechevogo jetiketa = Dictionary of Russian speech etiquette. Moscow: AST-PRESS, 672 p.

2. Cambridge Dictionary (n.d.). Available at Aug. 7, 2025 from https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/.

3. Collins Dictionary (n.d.). Available at Aug. 9, 2025 from https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english.

4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2002). Bloomsberry Publishers Ltd, 1692 p.

5. Merriam-Webster Dictionary (n.d.). Available at Aug. 17, 2025 from https://www.merriam-webster.com/.

6. Oxford Learner's Dictionaries (n.d.). Available at Aug. 6, 2025 from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/favourite_1?q=favourite.

7. The Britannica Dictionary (n.d.). Available at Aug. 29, 2025 from https://www.britannica.com/dictionary/.

REFERENCES

1. Ayvazova, S. G. (2012). Gendernye osobennosti politicheskogo povedeniya rossiyan v kontekste izbiratel′nogo tsikla parlamentskikh i prezidentskikh vyborov 2011-2012 gg. = Gender-Related Features of the Political Behavior of Russians in the Context of the 2011–2012 Parliamentary and Presidential Election Cycle. *Woman in Russian Society*, *3*(64), 3–11. EDN PDJLBP.

2. Alieva, B. M. (2010). Proyavlenie i analiz gendernoy markirovannosti v sistemakh obrashcheniy angliyskogo i lakskogo yazykov = Manifestation and Analysis of Gender Marking in the Systems of Forms of Address in the English and Lak Languages. *Siberian Journal of Philology*, *4*, 177–183. EDN NCMPVB.

3. Karasik, V. I. (2002) Jazyk social'nogo statusa = Language of Social Status. Moscow: ITDGK "Gnozis", 333 p. ISBN 5-94244-008-5. EDN UGRIRL.

4. Kashina, M. A., Pjahkel' A. A. (2020). Obespechenie realizacii principa gendernogo ravnopravija de-jure i de-fakto: opyt stran Evropejskogo sojuza = Ensuring the implementation of the principle of gender equality de jure and de facto: the experience of the European Union countries. *Theoretical and applied jurisprudence*, *2*, 56–71. EDN EVBRDS.

5. Kolesnik, N. V. (2021) Gendernoe (ne)ravenstvo v politicheskoj vlasti rossijskih regionov = Gender (In)Equality in the Political Power of Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, *4*(164), 468–491. DOI 10.14515/monitoring.2021.4.1652. EDN CKWDZJ.

6. Krasnov, Ju. K. (2019). Gendernoe neravenstvo v sovremennom mire. Po materialam issledovanija mezhdunarodnyh organizacij = Gender inequality in the modern world. Based on the study of international organizations. *Law and Management. XXI century*, *15*(2), 21–28. Available at Aug. 20, 2025 from https://doi.org/10.24833/2073-8420-2019-2-51-21-28.

7. Maksimov, A. A. (2012). Polozhenie gendernogo ravnopraviya v sisteme printsipov pravovogo statusa lichnosti v Rossii = The Status of Gender Equality within the System of Principles Governing the Legal Status of the Individual in Russia. *Problems of Law*, *5*(36), 31–35. EDN PEWFIZ.

8. Chetverikov, B. A., Sannikov, I. V., Dubovtseva, L. V. (2018). Sotsiolingvisticheskie aspekty form obrashcheniya v angliyskom yazyke = Sociolinguistic Aspects of Forms of Address in the English Language. *Science. Innovation (NPK-2018): Proceedings of the 18th All-Russian Scientific and Practical Conference. Vol. 3*, 925–932. Kirov: Vyatka State University. EDN XRJZJJ.

9. Janko, T. E. (2010). Obrashchenija v strukture diskursa = Vocatives in Discourse Structure. *Logical Analysis of Language. Monologue, Dialogue, and Polylogue in Various Languages and Cultures*, 456–468. Moscow: Indrik.

10. Brown, P., Levinson, S. (1978). Universals in Language Usage: Politeness Phenomena. *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction (Ed. E. Goody)*, 56–289. New York: Cambridge University Press, 56–289.

11. Brown, R., Ford, M. (1961). Address in American English. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, *62*, 375–385. Lancaster, PA; Washington, D. C.: The American Psychological Association. Inc., 375–385.

12. Buenestado-Fernández, M., Ibarra-Vazquez, G., Patiño, A., Ramírez-Montoya, M. S. (2023). Stories about gender inequalities and influence factors: a science club case study. *International Journal of Science Education*, *46*(5), 403–420. Available at Aug. 7, 2025 from https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21643494/https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09500693.2023.2235456#abstract.

13. Dorius, S. F., Firebaugh, G. (2010). Trends in Global Gender Inequality (Forthcoming, Social Forces). *Soc Forces*, *88*(5), 1941–1968. DOI 10.1353/sof.2010.0040. Available at Aug. 27, 2025 from https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21643494/.

14. Shang, B. (2022). Tackling Gender Inequality: Definitions, Trends, and Policy Designs. *IMF Working Papers*, *232*, A001. Available at Aug. 13, 2025 from https://www.elibrary.imf.org/view/journals/001/2022/232/article-A001-en.xml

15. Tuttle, L. (1987). Encyclopedia of feminism. New York, Oxford, 399 p. ISBN 0-09-944900-5.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'42+81'373+81'27
ББК Ш105.51+Ш105.31+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.47; 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8*

Татьяна Александровна Островская[1]✉, Елена Васильевна Бастун[2]✉

[1] Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, ostrovska.t@mail.ru✉, SPIN-код: 5740-8032, https://orcid.org/0000-0002-6041-8973
[2] Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия, elena-bastun@mail.ru✉, AuthorID: 812975

Механизмы семантического расширения и адаптации лексики элиты в массовом и обиходном дискурсах

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу семантических трансформаций лексических единиц, проникающих в массовый и обиходный дискурс из публичных выступлений политиков и знаменитостей. Эмпирической базой исследования служат данные 2010–2026 гг. о временных всплесках поисковых запросов пользователей онлайн-словаря Merriam Webster. Автор предлагает методику анализа семантических изменений, позволяющую установить корреляцию между типами семантических трансформаций (расширение денотативного значения, изменение коннотаций, деритуализация) и характером событий, вызвавших всплеск запросов. В статье рассматриваются тенденции и механизмы проникновения лексики элиты в обиходный дискурс и ее адаптации, что рассматривается как отражение стремления обывателей «определить последний политический и социальный дух времени». Выявлено, что всплески поисковых запросов в онлайн-словаре Merriam Webster, спровоцированные публичными выступлениями политических и медийных фигур, фиксируют момент вхождения элитной лексики в массовый дискурс и служат количественным индикатором процесса заимствования. Установлено, что семантическое расширение элитной лексики в обиходном дискурсе может проявляться в форме расширения денотативного значения, изменения коннотаций (нейтрализация, иронизация, пейоративизация) и деритуализации (утрата терминологической строгости). Характер семантической трансформации коррелирует с типом дискурса-источника (политический, экономический, культурный) и социальным контекстом события, вызвавшего всплеск запросов, что позволяет наблюдать процесс лексической эволюции в реальном времени.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *массовый дискурс, обиходный дискурс, дискурс элиты, лексические трансформации, лексическая семантика, лексические единицы, дискурсивные практики, социальные практики, элитная лексика.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Островская Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, email: ostrovska.t@mail.ru.*

Бастун Елена Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков № 1, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия, email: elena-bastun@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Островская, Т. А.* Механизмы семантического расширения и адаптации лексики элиты в массовом и обиходном дискурсах / Т. А. Островская, Е. В. Бастун. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 76-84.

Tatyana A.Ostrovskaya[1]✉, Elena V. Bastun[2]✉

[1] Adyghe State University, Maykop, Russia, ostrovska.t@mail.ru✉, SPIN code: 5740-8032, https://orcid.org/0000-0002-6041-8973
[2] Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, elena-bastun@mail.ru✉, AuthorID: 812975

Mechanisms of Semantic Broadening and Adaptation of Elite Lexicon in Mass and Everyday Discourse

ABSTRACT. *The article analyzes the semantic transformations of lexical unites that penetrate mass and everyday discourse through public speeches of politicians and celebrities. The empirical basis of the study comprises Merriam-Webster online dictionary user search query spikes for the period 2010—2026. The authors propose a method for analyzing semantic change which makes it possible to establish a correlation between various types of semantic transformations (broadening of denotative meaning, change of connotation, deritualization) and the nature of the events that triggered the query spikes. The article examines the trends and mechanisms of the penetration of elite lexicon into everyday discourse and its subsequent adaptation, viewing this as a reflection of the general public's desire to "define the latest political and social zeitgeist." It has been found that search query spikes in the Merriam-Webster online dictionary, triggered by public speeches of political and media figures, mark the moment elite vocabulary enters mass discourse and serve as a quantitative indicator of the borrowing process. It has been also established that the semantic broadening of elite vocabulary in everyday discourse can manifest itself in the form of broadening of denotative meaning, change of connotation (neutralization, ironization, pejoration), and deritualization (loss of terminological rigor). The nature of semantic transformation correlates with the type of source discourse (political, economic, cultural) and the social context of the event that caused the query spike, which makes it possible to observe lexical evolution in real time.*

© Островская Т. А., Бастун Е. В., 2026

KEYWORDS: *mass discourse, everyday discourse, elite discourse, lexical transformations, lexical semantics, lexical units, discursive practices, social practices, elite lexicon.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ostrovskaya Tatyana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Adyghe State University, Maykop, Russia.*

Bastun Yelena Vasilyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages # 1, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.

FOR CITATION: *Ostrovskaya T. A., Bastun E. V*. (2026). Mechanisms of Semantic Broadening and Adaptation of Elite Lexicon in Mass and Everyday Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 76-84. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В научной литературе [Островская 2015; Мишкуров 2019] отмечается, что вульгаризация, опрощение и маргинализация языка элиты является устойчивой тенденцией институционального уровня политического дискурса, а также фиксируется феномен социально-стилевой девиации классического политического дискурса, проявляющейся в его вульгаризации и инвектизации [Мишкуров 2019]. Исследователи подчеркивают, что снижение институционального уровня политического дискурса через язык элиты до бытового является сознательной стратегией. Ее цель — привлечь на свою сторону избирателя в «глубинке». Таким образом, вульгаризация языка элит — это не просто «порча» языка, а функциональный инструмент политической борьбы.

Но как показывают исследования, существует параллельно и обратный процесс проникновение языка элиты в массовый и обиходный дискурс[1]. Эти две тенденции не исключают, а дополняют друг друга, формируя сложную динамику языковых изменений.

Вульгаризация и проникновение элитной лексики в массы — это две стороны одного процесса, который можно охарактеризовать как размывание границ между дискурсами: язык элиты вульгаризируется, заимствуя элементы из массовой культуры и просторечия (например, троллинг). Одновременно с этим, слова и конструкции из языка элиты (специализированные термины, авторские неологизмы) активно проникают в повседневную речь. Причины такого явления кроются в изменении характера социальных практик современного дискурса в целом и в изменении социальных практик дискурса элиты и обиходного дискурса в частности — вульгаризация часто является сознательным тактическим приемом, направленным на сближение с аудиторией и достижение политических целей. Проникновение элитной лексики в массы, напротив, может быть следствием демократизации знания и влияния медиа и цифровых технологий, доступности поисковых материалов как источника информации. На наш взгляд, эти процессы не являются обратными и взаимоисключающими, а представляют собой две стороны сложного языкового процесса — языковой трансформации в эпоху постмодерна, где границы между «высоким» и «низким», «элитарным» и «массовым» стираются, а язык становится гибким инструментом социального и политического воздействия.

Теоретическое осмысление проблематики семантических изменений в процессе заимствования лексики из элитных дискурсов в массовое употребление происходило в работах по социолингвистике (У. Лабов, П. Традгилл), теории языковых контактов (С. Томсон, Э. Хауген), а также в исследованиях дискурсивной адаптации терминов (Т. ван Дейк, Н. Фэркло). Вопросы семантического расширения (widening) и сужения (narrowing) значений традиционно входят в предметное поле исторической и когнитивной семантики (С. Ульман, Д. Гири, Е. С. Кубрякова). В российской лингвистике проблематика элитной лексики и ее функционирования в политическом дискурсе получила развитие в работах В. И. Карасика, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, Т. А. Островской, Э. Н. Мишкурова и др.

На настоящий момент практические системные исследования данных процессов в динамике носят ограниченный характер, имеют описательный или публицистический уклон и не предлагают развернутой лингвистической интерпретации выявленных закономерностей.

Целью данной статьи является выявление корреляции между типами семантических изменений (расширение денотативного значения, изменение коннотаций, деритуализация) и характером событий, вызвавших всплеск запросов в словарях, т. е. определение модификаций дискурсивных практик в зависимости от изменений социальных практик в пределах достаточно короткого периода наблюдений.

[1] В данной статье при анализе семантического расширения элитной лексики и перехода из специального дискурса в широкое употребление основным объектом рассматривается массовый дискурс с учетом обиходного дискурса как конечной цели трансформации лексемы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве эмпирической базы используются данные функции *Trend Watch* словаря Merriam-Webster (далее — M-W), а также публикации *Word of the Year* за период с 2010 по 2026 год, в которых представлены слова, вызвавшие наибольший интерес пользователей в соответствующий год. Мы не ставим задачу проследить степень интереса и число запросов статистически, полагаясь на утверждения редакции словаря о наличии интереса к тому или иному слову со стороны пользователей. Для нашего исследования больший интерес представляет связь события (социальной практики) с изменением семантического объема лексемы (дискурсивные практики).

Отбор единиц для анализа осуществляется методом сплошной выборки по данным словаря M-W по следующим параметрам: принадлежность лексемы к дискурсу элиты до события, вызвавшего всплеск запросов, а также наличие очевидных признаков семантической трансформации лексемы в обиходом дискурсе.

Рассмотрим далее цифровые словари как источники доступной информации. В этом отношении весьма ценный материал предоставлен в словаре Merriam-Webster, в частности, в его подкасте *Word Matters*, и в разделе *Trend Watch*, где содержатся краткие сведения о словах, ставших наиболее запрашиваемыми в течение определенного периода — недели, месяца, года. Частотность запросов является индикатором изменения дискурсивных практик, последовавших за изменениями социальных реалий, т. е. социальных практик дискурса. Как отмечает главный редактор словаря Merriam-Webster П. Соколовский, «наблюдая за трендами запросов в онлайновом словаре, лексикографы отслеживают, какие словарные статьи востребованы в каждый конкретный момент» [Sokolowski 2019].

Например, рост популярности функции *Trend Watch* при президенте Дональде Трампе, когда у словаря появилось 764 000 подписчиков в Twitter, «желающих определить последний политический и социальный дух времени» (ibid), наглядно демонстрирует актуальность данного феномена.

Таким образом, объектом исследования в данной статье являются лексические единицы английского языка, принадлежащие к дискурсу элиты и демонстрирующие всплеск поисковых запросов в базе данных Merriam-Webster в связи с заметными социально-политическими событиями или актуальными выступлениями медиаперсон.

В качестве предмета исследования мы рассматриваем механизмы семантического расширения лексики элиты (дискурсивные практики) как результат модификаций социальных практик в условиях цифровой коммуникации.

Обоснование нового подхода к изучению языковых изменений базируется на предпосылке, что данные о поисковой активности пользователей цифровых словарей могут отражать актуальные изменения дискурсивных практик в режиме настоящего времени при переходе «слов-странников» из элитарного в массовый дискурс.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Понятие дискурса элиты, специфика и функции его лексики, а также пути проникновения элитной лексики в обиходный дискурс

Дискурс элиты есть совокупность дискурсивных и социальных практик, реализуемых коллективной элитарной личностью. Признаки элитарности проявляются прежде всего в элитарном речевом поведении, т. е. в дискурсивных практиках, характерных для элитарной личности. Дискурс элиты является надынституциональным конструктом, включающим в себя множество социальных институтов, внутри каждого из которых имеется макросоциальная группа элиты. Вследствие этого его дискурсивные практики реализуются определенными дискурсивными элитарными личностями. Отнесение индивидуума к элитарной личности часто носит субъективный характер, но в нашем исследовании под элитарной личностью понимаются «индивиды, которые обладают такими качествами, как высокая вариативность поведения, высокая когнитивная структурированность мышления, ярко выраженная способность к социальной адаптации, социально значимым характером установки» [Васильева 2011]. Далее для эмпирического исследования мы будем рассматривать дискурсивные практики подобных публичных персон, оказывающих влияние на массы, без детального обсуждения принадлежности их к тому или иному классу и типу элиты, но с учетом сопутствующих социальных практик. В нашем анализе присутствуют лексемы, которые можно отнести к политическому, экономическому, академическому и культурному и другим дискурсам, в каждом из которых существует своя элита, что позволяет отметить ее надынституциональный характер.

В классическом понимании функциями лексики элиты являются маркировка принадлежности к группе (демаркационная), демонстрация статуса и компетентности

(престижная), конструирование реальности (идеологическая).

В эпоху цифровых технологий отмечаются следующие каналы и механизмы проникновения лексики элиты в обиходный дискурс: медийные каналы (аналитические, новостные, развлекательные), социальные сети и интернет-коммуникация, образовательные институты, межличностное общение.

Мотивацией для обращения к словарям с целью дальнейшей активации узуса нового для обывателя слова или нового оттенка значения служит явное и неявное стремление к повышению социального статуса, мода или влияние авторитетов, желание упростить сложный концепт (для этого запрос часто формулируется как просьба объяснить что-либо «простыми словами»), а иногда присущий человеку эвристический потенциал (любознательность).

Типология семантических трансформаций и функциональные особенности лексики элиты при «перетекании» слова из дискурса элиты в массовый и обиходный дискурс

Дискурс элиты понимается как набор лексических инструментов, каждый из которых выполняет свою функцию. При этом очевидно, что язык элиты имеет важное для элиты предназначение — возможность осуществлять доминирование.

К лексическому фундаменту дискурса элиты относятся следующие лексические единицы[1].

1. Термины — точные определения из множества профессиональных дискурсов. Составляют значительный объем анализируемого материала.

● **Gaslighting**

В 2022 году словари зафиксировали всплеск интереса к слову **gaslighting** «психологическая манипуляция с целью заставить человека сомневаться в своем восприятии реальности». Слово-термин из дискурса клинической психологии после использования Д. Трампом в публичном дискурсе для дискредитации бывшей помощницы в июне 2022 года дало повод обвинить Трампа в «газлайтинге» его аудитории для описания тактик введения общественности в заблуждение. В результате лексема прочно вошла в повседневный язык как пример метафорического расширения и гиперболизации с утратой специального терминологического значения.

● **Inflection point**

Этот термин известен с XVII века как относящийся к математике в значении «точка перегиба кривой». В 2024 году Джо Байден на 79 сессии ООН использовал его как синоним выражения *turning point* (ключевой момент): “I truly believe we’re in another *inflection point* of world history”(«Я искренне верю, что мы переживаем еще один *переломный момент* в мировой истории»).

При перемещении термина в политический дискурс *inflection point* получает новую семантику и коннотацию, происходит семантический сдвиг. Последующий переход термина в массовый дискурс обусловлен его метафоричностью, желанием пользователей «выглядеть осведомленными». Данный процесс можно описать как деритуализацию термина.

2. Жаргонизмы — сжатый или метафоризированный язык профессионалов для повседневного общении внутри своей среды. Является маркером «свой — чужой».

● **Heat index** — Индекс жары (индекс тепла) — это показатель, учитывающий несколько факторов: фактическую температуру воздуха, относительную влажность. В популярных прогнозах погоды формулируется как «ощущается как…»

Специализированный термин heat index в настоящее время приобрел черты жаргонизма: в дискурсе ученых метеорологов он используется для быстрой коммуникации, однако в обиходном дискурсе часто трактуется неверно как «обычная температура воздуха» , т. е. выражение непрозрачно для неспециалистов, а умение верно использовать выражение является знаком образованного человека. Данный пример демонстрирует процесс перехода лексики профессиональной элиты с ее сложностью и специфичностью в обиходный дискурс, где она начинает функционировать как жаргонизм из-за существования коммуникативного барьера.

3. Идеологические концепты призваны не просто описывать реальность, а конструировать ее определенным образом для последователей определенной идеологии.

● **Democracy** — Слово года в 2023 году по версии словаря M-W.

Democracy является одним из базовых концептов в академическом и политическом элитарном дискурсах. Частое употребление слова в предвыборных дебатах «перевело»

[1] Классификация примеров по типам носит конвенциональный характер и не предполагает жестких границ, поскольку именно ***множественная отнесенность*** одного и того же слова к разным категориям (например, термин → жаргонизм → идеологический концепт) является содержательным признаком, свидетельствующим о его семантической трансформации и переходе через дискурсивные границы.

его в плоскость глобального общественно-политического дискурса, т. е. приблизило к массовому дискурсу. Будучи изначально (исторически) функциональным термином, в настоящее время слово становится многозначным, следовательно, «удобным» для манипуляции политической элитой. Семантическое расширение слова *Democracy* при переходе в массовый дискурс превратило его в идеологический и политический конструкт.

● **Woke** (политический термин «воукизм»)

Возросшее число запросов в M-W было связано с употреблением этого слова Питом Хегсетом в ходе слушаний с Сенате по одобрению его кандидатуры в 2025 году. П. Хегсет подвергся жесткой персональной критике. Позже он определил ситуацию как *"woke" ideology* ***(воук-идеология)*** с оттенком уничижительности. Слово, возникшее в среде афроамериканцев, стало очень популярным с 2014 года в связи с движением Black Lives Matter. Начиная с 2020-х гг. слово приобретает пейоративную окрашенность для характеристики приверженцев левого движения в политике. Семантическая эволюция слова *woke* — это классический пример политизированной семантической трансформации (politicized semantic change), где лингвистическая единица из относительно узкого культурного и социального контекста переходит в политическую сферу, кардинально меняя свое значение, прагматику и коннотации [Ceeol 2026].

● **Oligarchy**

Слово стало популярным в запросах после употребления его президентом Джо Байденом в 2025 году в его прощальной речи, в которой он привел примеры участия крупного бизнеса (И. Маска, Дж. Безоса и М. Цукерберга) в финансировании предвыборной кампании Д. Трампа. Употреблением слова *oligarchy* в его классическом смысле — управление государством небольшой группы лиц при помощи подкупа — Дж. Байден придает дополнительную отрицательную оценку поведению своих оппонентов.

● **Polarization**

В 2024 году словом года стало *polarization* — научный и политологический термин, означающий «разделение на две резко противоположные крайности». Толчком к интересу стало выступление Б. Обамы в декабре 2024 года с предвыборной речью, в которой он обсуждал политическую поляризацию. Постоянное использование этого термина политиками, аналитиками и в новостях привело к тому, что из профессионального слово мигрировало в обиходный дискурс на фоне резкого социального разделения общества. При этом слово сохранило свою основную семантику, но его употребление приобрело дополнительную эмоциональную окраску, т. е. сохранился денотат с приобретением новой социально-политической негативной коннотации.

● **Feminism**

В момент фиксации лексемы в словаре Ноем Вебстером в 1841 году, значение его было «качества женщин» и долгое время слово принадлежало медицинскому дискурсу для описания физических характеристик. В 2017 году словарь M-W отметил, что частота запросов слова *«feminism»* выросла на 70 % по сравнению с предыдущим годом. В настоящее время словарь приводит современное определение: «теория политического, экономического и социального равенства полов» и «организованная деятельность в защиту прав и интересов женщин», таким образом, слово стало принадлежать общественно-политическому дискурсу. Этому способствовал ряд социально значимых событий, вызвавших острые дискуссии: Женский марш на Вашингтон в январе 2017 года, выступление советницы Белого дома К. Конуэй в защиту консервативного феминизма, активизация общественного движение против сексуальных домогательств и насилия в Голливуде (*Me Too*) и др. Семантическая трансформация слова *feminism* от первоначального словарного до современного значения превратило его в классическое «политически заряженное» слово, принадлежащее нескольким дискурсам, в том числе философскому, политическому, массовому и обиходному. Значение лексемы *feminism* продолжает расширяться вместе с изменением социальных практик дискурсов [Peixoto 2026].

4. Неологизмы для новых реалий.

Создание неологизма (права именовать) позволяет элитарной личности стать владельцем новой реальности, дать ей имя, следовательно, получить контроль над ее обсуждением.

Неологизмы для новых реалий часто образуются по известным словообразовательным моделям. Интересными примерами служат два новых слова, образованных с помощью модели blending (слова-слитки), которая все чаще применяется в современном английском языке.

● **Sexpert (sex + expert)**

Слово-слиток (контаминация) было употреблено в газете *USA Today* 13 июля 2024 г. по поводу кончины доктора Рут Вестхаймер, известного эксперта по вопросам пола. В исходном элитном значении имеет нейтральную коннотацию в современном

профессиональном дискурсе и используется в области академического изучения вопросов пола и сексуальных отношений. При переходе в массовый дискурс наблюдается семантическое расширение при обозначении группы лиц, принадлежащих к *sexpert* (журналисты и «все, кто в этом разбирается»). Таким образом, термин вульгаризируется, происходит пейорация и сдвиг коннотации, переход от нейтрального, профессионального термина к неформальному, скептическому ярлыку в массовом дискурсе.

● **Shrinkflation** (shrink+ inflation) — «уменьшение объема или количества продукта при сохранении прежней цены».

Слово-слиток из академического дискурса, авторство которого принадлежит П. Малмгрен, британскому экономисту, впервые было использовано ею в 2013 году. В 2022 году слово было добавлено в словарь Мериам-Уэбстер. В 2024 году Дж. Байден использовал его для критики положения в стране в ходе обсуждения инфляции. При переходе в массовый дискурс слово получило эмоциональную окраску, при этом термин воспринимается обывателями как «обман», «скрытность» и «корпоративная жадность» («greed»). Слово, в отличие от термина, получило социально-политический маркер с пейоративной коннотацией, т. е. перешло в массовый дискурс [Retailbrew 2026].

5. Абстрактная и оценочная лексика позволяет обобщить, конкретизировать и вынести суждение о процессах, дает возможность понять логику событий, продемонстрировать свою компетентность.

● **Performative** (перформативный, показной).

Возникшее как лингвистический термин (перформативный), который ввел Дж. Остин в 1955 году, это слово стало часто использоваться начиная с 2010 гг. с устойчивым критическим значением для описания неискренних действий, совершаемых для позерства, рассчитанных на публику, т. е. «being made or done for show» . Часто используется в коллокациях Performative Activism/Allyship (публичная демонстрация поддержки какой-либо группы без реальных действий); Performative Cruelty (провокативные действия с целью запугивания оппонентов и привлечения сторонников). Семантическое расширение лексемы произошло за счет «наращивания» таких сем, как «неискренность», «поверхностность», «желание казаться, а не быть».

● **Austerity** (режим экономии / жесткая экономия). Слово года — 2010 с мощной оценочной нагрузкой. В дискурсе элиты *austerity* является строгим термином из макроэкономики и государственной финансовой политики. Он использовался экспертами и политиками для описания комплекса мер по сокращению государственных расходов и уменьшению дефицита бюджета. В связи с изменением социальных практик в период посткризисного 2010 года это слово превратилось в политический ярлык, означающий переход в новую эру. Новое значение активно использовалось политиками для идеологического обоснования перехода к «эпохе жесткой экономии» (*age of austerity)*. Сложная семантика слова обусловлена его функциями экономического термина, политического ярлыка, связанного с неолиберализмом, имеющего морально-описательную коннотацию, т. е. сочетанием объективного описания факта и его субъективной этической оценки**,** заложенной в значение слова. Именно эти свойства делают данное слово мощным инструментом элиты в манипуляции и доминировании.

6. Эвфемизмы и дисфемизмы — слова, помогающие элите управлять восприятием потребителя текста, конструировать политическую реальность. Использование этих единиц является мощным инструментом доминирования и манипулирования, который позволяет произвольно приукрашать выгодную реальность или делигитимизировать и демонизировать оппонента.

● **Hubris**

Слово является ярким примером дисфемизма. В 2025 году *hubris* получило статус *Слова дня* согласно словарю M-W. Острая политическая дискуссия сторонников и противников Д. Трампа привела к переходу формально литературного слова в разряд популярных. В современном политическом дискурсе *hubris* часто связывают не просто с самоуверенностью, а с концепцией «синдрома гордыни» — патологического состояния лидеров, которое ведет к катастрофическим последствиям, и его применение к Трампу описывается как стратегия делегитимации. Слово *hubris* является примером семантического расширения лексемы в процессе перехода от античности и психиатрии (hubris / «синдром гордыни») в современный политический дискурс и далее — в массовый дискурс.

● **Tender-age shelter**

Это неологизм, возникший как отражение изменившейся социальной практики. Причиной появления термина *tender-age shelter* стала политика «нулевой терпимости» (zero tolerance)**,** введенная администрацией Д. Трампа. Введено в словарь M-W в 2018 году. Является эвфемизмом для описания центров содержания детей-мигрантов,

разлученных с родителями на границе США и Мексики. Термин призван смягчить суровость реальности, заменяя такие слова, как «лагерь» или «центр содержания под стражей». Несмотря на «мягкое» название, внутри в клетках находились сотни плачущих детей, включая младенцев. Использование термина вызвало широкую критику как пример политического эвфемизма, призванного смягчить жестокую реальность [Theconversation 2026]. Лингвисты называли его «оруэлловским» и «нечестивым», а Американское диалектологическое общество признало его «Словом года» именно как эвфемизм, «заметающий под ковер» человеческие последствия разделения семей [Americandialect 2026].

7. Иноязычные вкрапления (неадаптированные заимствования)

К ним мы относим слова из других языков, которые еще не вполне подчинились фонетическим, морфологическим или синтаксическим правилам языка пользователя, воспринимаются как чужеродные элементы и часто маркируют особый статус говорящего. Использование таких слов является одним из признаков элитарной языковой личности.

● **Tovarich**

Слово *tovarich* как культурно-исторический артефакт вызвало большой интерес после употребления его Д. Трампом относительно К. Харрис в марте 2025 года. В современном дискурсе у слова присутствует явный ироничный или пренебрежительный оттенок. Яркая лексема в современном англоязычном дискурсе используется как эффективный инструмент при формировании политического имиджа и является ярлыком для обозначения идеологических смыслов, а также разделения по принципу «свой — чужой». Использование Д. Трампом *Tovarich* в политической дискуссии может рассматриваться как дисфемизм, намеренно характеризующий оппонента как представителя враждебной идеологии, «чужого». Активно используется в массовом дискурсе.

● **Genre**

Возникновение новой волны интереса к достаточно устоявшемуся термину *genre* в профессиональном дискурсе вызвала речь певицы Бейонсе на презентации альбома-победителя премии Грэмми в 2025 году.

Ее фраза «I think genre is a code word to keep us in our place as artists» («Я думаю, что жанр — это кодовое слово, которое удерживает нас, артистов, на отведенном нам месте») вызвала большую волну запросов слова *genre.* Несмотря на то, что слово *genre* уже в течение многих десятилетий не меняет своего значения и относится к категории стабильных элементов лексикона элиты, не подверженных влиянию новостных или модных трендов, его активное и правильное использование в массовом дискурсе выполняет важную культурно-просветительскую функцию — происходит его адаптация и укоренение, использование специализированной лексики в медиа как способ легитимации знания, которое вводит аудиторию в профессиональный дискурс, приобщая к «элитарному» способу осмысления культуры. Возникает связь с массовой культурой и сферой развлечений, появляются коллокации *mystery genre* (детективный жанр), *horror genre* (жанр ужасов) или *favorite genre of books* (любимый жанр книг), *new and exciting genre*, *popular genre*.

8. Обиходная лексика, в том числе сленгизмы, получившие новое значение благодаря активному использованию лексемы медийной элитарной личностью или повсеместному и частому употреблению слова профессионалами в массмедиа.

● **«Touch grass»**

Выражение было официально добавлено в словарь M-W в 2024 году. Первоначально это сленговое выражение из интернет-культуры означало рекомендацию оторваться от экрана и выйти на улицу (т. е., «оторвись от экрана и прикоснись к траве»). В результате закрепления в словаре слово вошло в дискурсивные практики дискурса здоровья, позже выражение ассоциировалось с темой цифрового детокса, но без дидактического пафоса и поучения, а в форме ироничного переосмысления и карнавализации серьезной темы [Suebutler 2026]. В настоящий момент определение согласно словарю M-W звучит как «участвовать в обычных мероприятиях в реальном мире, в противоположность онлайн-опыту и взаимодействиям» [Merriam-Webster 2026].

● **Nepo baby**

Термин является сокращением выражения «nepotism baby» (ребенок непотизма). Понятие *nepotism* «непотизм» произошло от латинского *nepos (племянник)* и связано с возведением католическими папами своих племянников в кардинальские саны.

Выражение *nepo baby* добавлено в словарь M-W в 2024 году, но взрыв его популярности произошел в 2022 году. Этот год журнал «New York Magazine» назвал «Годом nepo baby», опубликовав обширный материал о ситуации с непотизмом (кумовством) в Голливуде. Эта публикация закрепила термин в медийном дискурсе, впоследствии он перешел в массовый дискурс, где произошла иронизация и частичная утрата крити-

ческого оттенка. В массовом дискурсе сочетание употребляется для обличения любых привилегий по принципу родственных связей, утрачивает свою институциональность и точность. Изначально оно использовалось в шоу-бизнесе и индустрии кино, в 20-х гг. XXI века происходит быстрая лексикализация и институализация этого сленгового выражения и расширение зоны употребления. Ныне, как отмечает Vanity Fair, «это непотизм только в том случае, если вы занимаетесь той же работой, что и ваши родители. В противном случае это просто называется „быть богатым“» [Vanityfair 2026].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход слова из дискурса элиты в массовый и обиходный дискурсы, при котором единица лексики элиты, меняя свое значение, стилистическую окраску и сферу употребления, проникает в повседневную речь, является сложным семантическим процессом, включающим в себя ряд особенностей.

Узкоспециальные или идеологически нагруженные термины в их «исходной», элитарной фазе характеризуются строгостью, однозначностью и экспертной привязанностью. Они имеют точную дефиницию в профессиональной элитарной среде, но при переходе в обиходный дискурс эта строгость теряется, возникает упрощение значения, эмоциональная окраска, ирония и карнавализация. Происходит утрата терминологической строгости и семантическое расширение (shrinkflation), переход в массовый дискурс осуществляется через метафоризацию (touch grass). При изменении прагматической функции и коннотации профессиональные термины становятся активно эмоциональными, часто приобретают пейоративную окраску (woke). Многие термины, особенно экономические и политические, становятся инструментом манипуляции и доминирования в массовом дискурсе (democracy). Процесс перехода считается завершенным после фиксации слова в словарях. Анализ данных Merriam-Webster, опирающихся на количество запросов определенного слова пользователями, позволяет зафиксировать момент перехода лексемы из словарного (узуального) значения в инновационное, возникающий в массовом дискурсе при возникновении некоего социального явления. Инструментами трансформации лексики являются метафорический перенос, семантическая трансформация как борьба за смыслы в дискурсе. Массовый, а затем и обиходный дискурс социально и культурно перерабатывают лексику элиты, наделяя ее новыми смыслами и коннотациями. Таким образом, переход лексики элиты в массовый и обиходный дискурс отражает изменения в дискурсивных практиках данных дискурсов, при этом импульсом для таких трансформаций являются социальные практики, общие для всех видов дискурсов.

ИСТОЧНИКИ

1. Buses, H. We Nominate For Oblivion: “Nepo Baby” / Hillary Buses // Vanity Fair, Winter 2026. — URL: https://archive.vanityfair.com/article/2026/2/we-nominate-for-oblivion-nepo-baby (date of access: 02.08.2026).

2. Butler, S. “Touch grass” means to go outside / Sue Butler // Lexicographer at Large. — 2023, February 27. — URL: https://www.suebutler.com.au/new-words/2023/1/22/touch-grass#comments-63cdd5dd784beb063c0442f0= (date of access: 02.08.2026).

3. Gordon, E. Why Do We Tell People to “GoTouchGrass”? / E. Gordon // Mental Floss. — 2026. — Jan 28. — URL: https://www.mentalfloss.com/language/slang/touch-grass?utm_source=RSS (date of access: 02.08.2026).

4. Lambrou, M. From alternative facts to tender age shelters — how euphemisms become political weapons of mass distraction / Marina Lambrou // The Conversation. — 2018. — June 28. — URL: https://theconversation.com/from-alternative-facts-to-tender-age-shelters-how-euphemisms-become-political-weapons-of-mass-distraction-98738 (date of access: 02.08.2026).

5. Retail Word of the Year: Shrinkflation. — URL: https://www.retailbrew.com/stories/2022/12/21/retail-word-of-the-year-shrinkflation?source=post_page-----e601243451ea (date of access: 06.08.2026).

6. Sokolowski, P. The Dictionary as Data: What the Online Dictionary Tells Us about English / P. Sokolowski // Guest lecture at University of Lausanne. — 2019. — URL: https://www.unil.ch/events/156879913861 (date of access: 20.07.2026).

7. “Tender-age shelter” is 2018 American Dialect Society word of the year. — URL: https://americandialect.org/tender-age-shelter-is-2018-american-dialect-society-word-of-the-year/ (date of access: 23.07.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева, Л. Н. Теория элит: социология политики / Л. Н. Васильева. — Москва : Социум, 2011. — 207 с. — ISBN 978-5-98079-679-2. — EDN QOMDMH.

2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Ин-т языкознания Рос. акад. наук. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 555 с., [1] л. портр., XIV с. ил. — (Язык. Семиотика. Культура). — Библиогр.: с. 287-302, 533-547. — ISBN 5-94457-174-8.

4. Мишкуров, Э. Н. О девиантном узусе в современном политическом дискурсе / Э. Н. Мишкуров // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 23–28. — DOI 10.26170/pl19-06-02. — EDN MRWTVS.

5. Островская, Т. А. Лингвосемиотика дискурса элиты / Т. А. Островская. — Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2015. — 306 с. — ISBN 978-5-600-01170-0. — EDN XISWOT.

6. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 176 с. — ISBN 978-5-7186-0504-4. — EDN QZIQHH.

7. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2007. — 255 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.

8. Bertolucci Peixoto, T. Gender ideology / T. Bertolucci Peixoto // Dialect Anthropol. — 2026. — Vol. 50. — P. 369–376. — DOI 10.1007/s10624-026-09832-z. — URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10624-026-09832-z (date of access: 02.08.2026).

9. Fairclough, N. Language and Power / Norman Fairclough. — 3rd ed. — London ; New York : Routledge, 2015. — 304 p. — ISBN 978-1-138-79489-0.

10. Labov, W. Principles of Linguistic Change : in 3 vols. / William Labov. — Oxford ; Cambridge (Mass.) : Blackwell, 1994–2010. — (Language in Society ; 20).

11. Fedorova, M. DHPLT: large-scale multilingual diachronic corpora and word representations for semantic change modelling / Mariia Fedorova, Andrey Kutuzov, Khonzoda Umarova // The Proceedings for the 6th International Workshop on Computational Approaches to Language Change (LChange'26). — Rabat, Morocco : Association for Computational Linguistics, 2026. — P. 87–96. — DOI 10.18653/v1/2026.lchange-1.7. — URL: https://aclanthology.org/2026.lchange-1.7.pdf (date of access: 02.08.2026).

12. Cassotti, P. Using Synchronic Definitions and Semantic Relations to Classify Semantic Change Types / Pierluigi Cassotti, Stefano De Pascale, Nina Tahmasebi // Proceedings of the 62nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. — Bangkok, Thailand, 2024. Vol. 1 : Long Papers. — P. 4539–4553. — DOI 10.48550/arXiv.2406.03452. — URL: https://arxiv.org/pdf/2406.03452 v1.

13. Dijk, T. A. Van. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / Teun A. van Dijk. — New York : Cambridge University Press, 2008. — 267 p. — ISBN 978-1139473125.

14. Radičová, I. From liberal democracy to populistocracy: price elasticity of democratic principles, crisis of trust, and the shift to semantic politics in Europe / Iveta Radičová, Richard Keklak // Communication Today. — 2026. — Vol. 17, Iss. 1. — P.6–25. — URL: https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1428109 (date of access: 02.08.2026).

15. Trudgill, P. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity / Peter Trudgill. — Oxford : Oxford University Press, 2011. — 236 p. — ISBN 978-0-19-960435-7.

MATERIALS

1. Buses, H. (2026). We Nominate For Oblivion: "Nepo Baby". *Vanity Fair*. Available at Aug. 2, 2026 from https://archive.vanityfair.com/article/2026/2/we-nominate-for-oblivion-nepo-baby.

2. Butler, S. (2023, Feb. 27). "Touch grass" means to go outside. *Lexicographer at Large*. — 2023, February 27. Available at Aug. 2, 2026 from https://www.suebutler.com.au/new-words/2023/1/22/touch-grass#comments-63cdd5dd784beb063c0442f0=.

3. Gordon, E. (2026, Jan. 28). Why Do We Tell People to "GoTouchGrass"? *Mental Floss*. Available at Aug. 2, 2026 from https://www.mentalfloss.com/language/slang/touch-grass?utm_source=RSS.

4. Lambrou, M. (2018, June 28). From alternative facts to tender age shelters — how euphemisms become political weapons of mass distraction. *The Conversation*. Available at Aug. 2, 2026 from https://theconversation.com/from-alternative-facts-to-tender-age-shelters-how-euphemisms-become-political-weapons-of-mass-distraction-98738.

5. Retail Word of the Year: Shrinkflation. Available at Aug. 6, 2026 from https://www.retailbrew.com/stories/2022/12/21/retail-word-of-the-year-shrinkflation?source=post_page-----e601243451ea.

6. Sokolowski, P. (2019). The Dictionary as Data: What the Online Dictionary Tells Us about English. Guest lecture at University of Lausanne. Available at July 20, 2026 from https://www.unil.ch/events/156879913861.

7. "Tender-age shelter" is 2018 American Dialect Society word of the year. Available at July 23, 2026 from https://americandialect.org/tender-age-shelter-is-2018-american-dialect-society-word-of-the-year/.

REFERENCES

1. Vasil′eva, L. N. (2011). Teoriya ehlit: sotsiologiya politiki = Theory of Elites: Sociology of Politics. Moscow: Sotsium, 207 p. ISBN 978-5-98079-679-2. EDN QOMDMH.

2. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost′, kontsepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. ISBN 5-88234-552-2. EDN UGQAMP.

3. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol′ yazyka v poznanii mira = Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul′tury, 555, XIV p. ISBN 5-94457-174-8.

4. Mishkurov, Eh. N. (2019). O deviantnom uzuse v sovremennom politicheskom diskurse = On Deviant Usage in Modern Political Discourse. *Political Linguistics*, *6*(78), 23–28. DOI 10.26170/pl19-06-02. EDN MRWTVS.

5. Ostrovskaya, T. A. (2015). Lingvosemiotika diskursa ehlity = Semiolinguistics of Elite Discourse. Maykop: Adygea State University, 306 p. ISBN 978-5-600-01170-0. EDN XISWOT.

6. Chudinov, A. P. (2013). Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii = Essays on modern political metaphorology. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 176 p. ISBN 978-5-7186-0504-4. EDN QZIQHH.

7. Chudinov, A. P. (2007). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, 255 p. ISBN 978-5-89349-897-4.

8. Bertolucci Peixoto, T. (2026). Gender ideology. *Dialect Anthropol*, *50*, 369–376. DOI 10.1007/s10624-026-09832-z. Available at Aug. 2, 2026 from https://link.springer.com/article/10.1007/s10624-026-09832-z.

9. Fairclough, N. (2015). Language and Power. 3rd ed. London, New York: Routledge, 304 p. ISBN 978-1-138-79489-0.

10. Labov, W. (1994–2010). Principles of Linguistic Change. In 3 vols. — Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell. (Language in Society ; 20).

11. Fedorova, M., Kutuzov, A., Umarova, K. (2026). DHPLT: large-scale multilingual diachronic corpora and word representations for semantic change modelling. *The Proceedings for the 6th International Workshop on Computational Approaches to Language Change (LChange'26)*, 87–96 Rabat, Morocco: Association for Computational Linguistics. DOI 10.18653/v1/2026.lchange-1.7. Available at Aug. 2, 2026 from https://aclanthology.org/2026.lchange-1.7.pdf.

12. Cassotti, P., Pascale, S. De, Tahmasebi , N. (2024). Using Synchronic Definitions and Semantic Relations to Classify Semantic Change Types. *Proceedings of the 62nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Vol 1*, 4539–4553. Bangkok, Thailand. DOI 10.48550/arXiv.2406.03452. URL: https://arxiv.org/pdf/2406.03452 v1.

13. Dijk, T. A. Van. (2008). Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge Univ. Press, 267 p. ISBN 978-1139473125.

14. Radičová, I., Keklak, R. (2026). From liberal democracy to populistocracy: price elasticity of democratic principles, crisis of trust, and the shift to semantic politics in Europe. *Communication Today*, *17*(1), 6–25. Available at Aug. 2, 2026 from https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1428109.

15. Trudgill, P. (2011). Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. Oxford: Oxford University Press, 236 p. ISBN 978-0-19-960435-7.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33* *Код ВАК 5.8.7, 5.9.6*

Ирина Сергеевна Пирожкова[1]✉, Анастасия Сергеевна Тенихина[2]✉, Татьяна Леонидовна Маркова[3]✉

[1,3] Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
[1] pirozhkova_is@usue.ru✉, SPIN-код: 8847-9136
[2] Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, umkpm@mail.ru✉, SPIN-код: 2589-5540
[3] tmark@mail.ru✉, SPIN-код: 9707-1233

Языковая репрезентация семейных ценностей в британском политическом медиадискурсе: когнитивно-прагматический аспект

АННОТАЦИЯ. *Политические медиатексты активно апеллируют к семейным ценностным смыслам, которые могут быть выражены как эксплицитно, путем прямой оценки политиком или журналистом тех или иных аспектов института семьи и семейной политики, так и имплицитно, посредством описания семейных отношений политиков, воспоминаний о родителях, рассказов о воспитании детей, семейных традиций и других компонентов семейного фрейма. В статье рассматриваются способы языковой репрезентации семейных ценностей в британских медиатекстах о Кире Стармере и Риши Сунаке. Материалом послужили публикации «The Guardian», «The Independent», «Sky News» и «ITV News» 2023–2026 гг. С помощью контекстуального и когнитивно-дискурсивного анализа выделены четыре когнитивные модели осмысления семейного опыта: семья как источник личных ценностей, семейный опыт как основание социальной идентичности, родитель как защитник и семья как источник эмоциональной поддержки. Сопоставление показывает, что все эти модели присутствуют в дискурсах об обоих политиках, но языковая и ценностная репрезентация отличаются. В материалах о К. Стармере чаще представлены такие ценности, как забота о членах семьи, защита детей, ответственность и эмоциональная поддержка супруга, тогда как в материалах о Р. Сунаке более заметны семейные ценности трудолюбия, образования, семейной принадлежности и связи поколений.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, британские СМИ, язык СМИ, языковые средства, языковая репрезентация, семейные ценности, когнитивно-прагматический аспект, семейная метафора, политическая лингвистика, К. Стармер, Р. Сунак.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: pirozhkova_is@usue.ru.*

Тенихина Анастасия Сергеевна, кандидат педагогических наук, проректор по воспитательной работе и молодежной политике, старший преподаватель кафедры общей психологии и конфликтологии, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: umkpm@mail.ru.

Маркова Татьяна Леонидовна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой делового иностранного языка, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: tmark@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Пирожкова, И. С.* Языковая репрезентация семейных ценностей в британском политическом медиадискурсе: когнитивно-прагматический аспект / И. С. Пирожкова, А. С. Тенихина, Т. Л. Маркова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 85-95.

Irina S. Pirozhkova[1]✉, Anastasiya S. Tenikhina[2]✉, Tat′yana L. Markova[3]✉

[1,3] Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
[1] pirozhkova_is@usue.ru✉, SPIN code: 8847-9136
[2] Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, umkpm@mail.ru✉, SPIN code: 2589-5540
[3] tmark@mail.ru✉, SPIN code: 9707-1233

Linguistic Representation of Family Values in British Political Media Discourse: A Cognitive-Pragmatic Perspective

ABSTRACT. *Political media texts actively appeal to family-related value meanings, which can be expressed both explicitly, through a politician's or journalist's direct assessment of certain aspects of the family institution and family policy and implicitly, by describing politicians' family relationships, recollections of parents, stories about raising children, family traditions, and other components of the family frame. The article examines the ways in which family values are represented in British media texts about Keir Starmer and Rishi Sunak. The study draws on publications from The Guardian, The Independent, Sky News, and ITV News published in 2023-2026. Using contextual and cognitive-discursive analysis, the study identifies four cognitive models of conceptualizing family experience: family as a source of personal values, family experience as a basis for social identity, parent as a protector, and family as a source of emotional support. The comparison shows*

© Пирожкова И. С., Тенихина А. С., Маркова Т. Л., 2026

that all four models are present in the media discourse concerning both politicians, although their linguistic and value-based representations differ. The media coverage of Keir Starmer more often contains such values as care for family members, protection of children, responsibility, and emotional support for one's spouse, whereas the coverage of Rishi Sunak places greater emphasis on the family values of hard work, education, family belonging, and intergenerational continuity.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, British media, mass media language, language means, linguistic representation, family values, cognitive-pragmatic aspect, family metaphor, political linguistics, K. Starmer, R. Sunak.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pirozhkova Irina Sergeyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

Tenikhina Anastasiya Sergeyevna, Candidate of Pedagogy, Deputy Rector for Upbringing and Youth Policy, Senior Lecturer of Department of General Psychology and Conflictology, Ural Sate Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Markova Tat'yana Leonidovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of Department of Business Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Pirozhkova I. S., Tenikhina A. S., Markova T. L*. (2026). Linguistic Representation of Family Values in British Political Media Discourse: A Cognitive-Pragmatic Perspective. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 85-95. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистический анализ современного политического медиадискурса характеризуется возрастающим вниманием исследователя к языковой личности политического деятеля, его биографии, происхождению, системе ценностей и способам самопрезентации. Это означает, что в фокусе внимания находится не только политическая позиция или программа, но и тот образ политика, который реконструируется путем анализа его вербального обращения к сферам своих интересов, частной жизни, в том числе к семейным отношениям и семейному опыту [Langer, 2010]. В этом контексте семейная тема становится одним из способов связать биографический рассказ с представлениями о политической личности.

Активное обращение политиков разных стран к семейной проблематике обусловлено стойкой тенденцией к снижению рождаемости в развитых странах и теми социально-экономическими проблемами, которые из этого проистекают. Так, в Великобритании разработан инструмент оценки эффективности государственной политики в отношении семьи Family Test, согласно которому «Безопасные, стабильные и поддерживающие семейные отношения имеют центральное значение для повседневной жизни людей и национального благополучия»[1]. Политики часто обращаются к теме семьи в своих выступлениях, поскольку семейный опыт непосредственно связан с такими социально и культурно значимыми категориями, как забота, ответственность, образование, труд, социальная поддержка и безопасность. СМИ уделяют большое внимание вопросам семьи, в частности, детской бедности [Yau A., et al 2021], проблемам материнства [Wigman, et. al 2022], демографии [Slocombe, Rowe 2024] и др. Политические медиатексты активно апеллируют к семейным ценностным смыслам, которые могут быть выражены как эксплицитно, путем прямой оценки политиком или журналистом тех или иных аспектов института семьи и семейной политики, так и имплицитно, посредством описания семейных отношений политиков, воспоминаний о родителях, рассказов о воспитании детей, семейных традиций и других компонентов семейного фрейма. В связи с этим представляет интерес исследование механизмов, посредством которых частный семейный опыт приобретает в политическом медиадискурсе более широкое ценностное и социальное значение.

Цель исследования заключается в выявлении и описании способов языковой репрезентации семейных ценностей в британском политическом медиадискурсе и установлении основных когнитивных моделей и прагматических функций семейного фрейма в конструировании образа политического деятеля.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить основные подходы к изучению семейной тематики в политическом дискурсе; 2) выявить в британских медиатекстах языковые маркеры, актуализирующие семейный фрейм; 3) определить основные ценностные смыслы, репрезентируемые путем обращения к семейному опыту и семейным отношениям; 4) установить частотные когнитивные модели в медийном политическом дискурсе о К. Стармере и Р. Сунаке; 5) определить основные прагматические функции обращения к семейному фрейму в рассматриваемых медиатекстах; 6) сопоста-

[1] The Family Test: Updated Guidance. — 1 September 2026. — URL: https://www.gov.uk/government/publications/family-test-assessing-the-impact-of-policies-on-families/the-family-test (date of access: 30.09.2026).

вить особенности репрезентации семейных ценностей в материалах о К. Стармере и Р. Сунаке.

Материалом исследования послужили англоязычные медиатексты британских СМИ *The Guardian*, *The Independent*, *Sky News* и *ITV News,* опубликованные в период с 1 января 2023 г. по 30 июня 2026 г. и содержащие фрагменты, связанные с семейным опытом, семейными отношениями и семейными ролями К. Стармера и Р. Сунака. Выбор данного временного интервала обусловлен необходимостью охватить разные этапы политической биографии двух рассматриваемых деятелей: период пребывания Риши Сунака на посту премьер-министра, работа Кира Стармера в оппозиции, всеобщие выборы 2024 г., последующий период премьерства К. Стармера и пребывания Р. Сунака в статусе бывшего премьер-министра. Основным критерием отбора материала являлось наличие семейного маркера — языковой единицы, словосочетания или контекстуальной конструкции, актуализирующей семейную сферу. Методом сплошной выборки было выделено 40 контекстов, которые легли в основу данной статьи.

В работе используются методы контекстуального и дискурсивного анализа, когнитивной интерпретации, семантического и прагматического анализа, а также элементы сопоставительного и количественного анализа. Стоит отметить, что при интерпретации прагматического потенциала семейного фрейма мы предпринимаем попытку реконструировать его функцию в анализируемой ситуации общения и потенциальное воздействие на аудиторию.

Научная новизна исследования состоит в комплексном когнитивно-прагматическом анализе языковой репрезентации семейных ценностей в современном британском политическом медиадискурсе о К. Стамере и Р. Сунаке за период 2023–2026 гг.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политический дискурс является объектом изучения разных направлений современной лингвистики, например, дискурс-анализа [Чудинов 2012], когнитивной лингвистики [Будаев, Чудинов 2008], прагмалингвистики [Цветкова 2013], социолингвистики [Суханов 2018], лингвокультурологии [Иванова 2008]. Для настоящего исследования важно разграничить политический дискурс и политический медиадискурс, в котором исходное высказывание политика подвергается журналистскому отбору, цитированию, контекстуализации и интерпретации. Как отмечает В. И. Коньков, политический медиадискурс включает не только тексты, создаваемые непосредственно СМИ, но и тексты политического дискурса. При этом в медиадискурсе такой речевой материал «получает особое прочтение, включенное в определенный идеологический контекст» [Коньков 2018: 158]. Мы придерживаемся широкого определения политического медиадискурса и относим к нему материалы на политическую тематику, созданные журналистом и опубликованные в СМИ. Важно отметить, что в некоторых отобранных нами контекстах используются цитаты из выступлений политика, которые мы тоже включаем в корпус исследования, так как важную роль играет конкретная текстовая реализация высказывания, предполагающая отбор фразы журналистом, помещение в определенный контекст, сопровождение заголовком и авторским комментарием.

Когнитивный подход является особенно востребованным при анализе репрезентации семейных ценностей, ведь они не всегда представлены в медиатексте посредством прямых номинаций. Значение может формироваться через актуализацию связанных с семьей ситуаций, ролей, событий и отношений. Например, если в медиатексте использованы лексемы *mother*, *father*, *wife*, *children*, *family* или *parents*, это само по себе не свидетельствует о наличии ценностных коннотаций. С помощью когнитивного анализа можно определить наличие ценностного смысла и способа его формирования: посредством прямой номинации, фреймовой актуализации или метонимического переноса.

Под семейными ценностями понимается совокупность социально и культурно обусловленных представлений о значимости семьи, семейных отношений, включающих представления о родительстве, заботе, взаимной поддержке, ответственности, защите, межпоколенческой преемственности. Н. И. Сосновская среди основных ценностных компонентов концепта семейных ценностей выделяет: 1) супружество — супружеская любовь, брак, супружеская верность, уважение, нежность, забота, общность, взаимопонимание, гармоничные отношения; 2) родительство — любовь к ребенку, воспитание, забота о всестороннем развитии ребенка, ответственное родительство, участливость, доброта, терпение, многодетность; 3) родство — кровное родство, дети, мать, отец, бабушка, дедушка, согласие, духовная близость, взаимопомощь, наличие родственников, почитание предков [Сосновская 2024].

Концептуальный подход к интерпретации семейных ценностей позволяет использовать понятие «фрейма», т. е. структуры знаний, активируемых определенной языковой единицей и контекстом. Исходя из основных постулатов фреймовой семантики Ч. Филлмора, можно выделить четыре основные позиции, важные для настоящего исследования: 1) значение слова не выводится из дефиниции, оно зависит от фоновых знаний реципиента; 2) лексический маркер активирует фрейм, т. е. ситуацию, стоящую за ним; 3) фрейм состоит из взаимосвязанных элементов: участники, отношения, объекты, действия; 4) выбранное языковое средство может активировать разные элементы одного фрейма, т. е. одна и та же ситуация может быть представлена под разным углом [Fillmore 1982]. Например, слово *children* может обозначать не только детей самого политического деятеля, но и создать образ родителя-защитника для всех детей в стране, образ ответственного за воспитание подрастающего поколения, образ семьи как уязвимой категории, нуждающейся в защите и заботе.

Предлагаем рассматривать семейный фрейм как широкую когнитивную структуру, внутри которой могут взаимодействовать: 1) прямые семейные номинации; 2) фреймовые ассоциации; 3) метонимические отношения; 4) концептуальные метафоры; 5) ценностные смыслы; 6) прагматические функции. Такой подход позволяет анализировать неоднородный языковой материал для создания более точной когнитивной модели репрезентации семейных ценностей в медийном политическом дискурсе.

Прагматический анализ репрезентации семейных ценностей позволяет перейти от установления того, какая семейная лексика используется в изучаемом дискурсе, к выявлению того, какую дискурсивную функцию приобретает обращение к семейной сфере в конкретном медиатексте. В нашем исследование речь идет не об экспериментально подтвержденной реакции реципиента на тот или иной текст, а о потенциальном прагматическом воздействии. Такой подход обоснован в теории прагматики текста, например, В. Н. Комиссаров отмечает, что прагматический потенциал определяется содержанием сообщений и способом языкового выражения мысли и представляет собой объективную сущность, доступную анализу. «Анализ прагматики текста дает возможность лишь предположительно предусмотреть потенциальный коммуникативный эффект текста по отношению к типовому, „усредненному“ рецептору» [Комиссаров 1990: 210]. Применительно к политическому дискурсу прагматический анализ позволяет выявлять значение языковых единиц с учетом контекста его употребления, коммуникативной ситуации и условий коммуникации, что позволяет определить их роль для создания определенного образа политика.

Таким образом, когнитивный анализ позволяет установить, как семейный опыт отражается в медиатексте и какие ценностные смыслы посредством него воспроизводятся, а прагматический анализ направлен на выявление функций семейного фрейма в репрезентации политической личности внутри конкретного медиатекста.

Анализ способов репрезентации семьи и семейных ценностей в политическом дискурсе актуален как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. В российских исследованиях изучается семейная метафора в дискурсе политиков. Например, на материале выступления Б. Обамы показано, что политик обращается к сфере семьи с целью «подчеркнуть свою близость простому народу, единство и сплоченность американской нации перед лицом затронувшего мировую экономику кризиса и вселить в американский народ уверенность в том, что он как Отец нации защитит обездоленных и накажет виновных» [Стрельникова 2015: 23].

А. А. Джиоева и О. Ф. Стрельникова развивают это направление, сопоставляя функционирование метафорического концепта «Семья» в британском и американском политическом дискурсе. Исследователи показывают, что содержание и способы актуализации семейной метафоры обусловлены национально-культурной спецификой: «…американская политическая риторика представляет концепт „Семья“ и его корреляты как относящиеся к внутреннему устройству страны, в то время как в британской политической риторике имеет место иллюстрация отношений Великобритании с ЕС и некоторыми странами Содружества» [Джиоева, Стрельникова 2017].

В работе А. С. Винниченко и А. В. Радюк рассмотрена проблема выхода Англии из Евросоюза, которая в медиатекстах представлена с помощью метафоры семейных отношений. Авторы подчеркивают, что метафоризация Брексита с помощью семейной сферы говорит о глубокой эмоциональной вовлеченности людей в этот процесс [Винниченко, Радюк 2018].

Исследование О. А. Солоповой и Н. Н. Кошкаровой [Солопова, Кошкарова 2024] посвящено изучению метафор со сферой-источником «семья» в процессе моделирования деятельности БРИКС. «Равенство,

невмешательство, взаимная выгода, уважение интересов партнера — это то, что характеризует семью как общественный институт, и то, чем руководствуются страны — члены БРИКС в своей деятельности» [Солопова, Кошкарова 2024: 39]. «Метафорические смыслы, которые выводятся из иллюстративных контекстов, сводятся к следующим: БРИКС, как и любую семью, объединяют история взаимоотношений, сложившиеся ценности и традиции, совместные усилия для достижения общих целей и потенциальные ориентиры развития» [Солопова, Кошкарова 2024: 48].

В зарубежной лингвистике наблюдается расширение исследовательской перспективы: внимание переносится от собственно метафоры к семейным нарративам и их роли в конструировании политической идентичности.

Так, S. Hunt, анализируя выступления президента ЮАР С. Рамапосы, показывает, как метафорическая конструкция «нация — семья» формирует отношения единства между политическим лидером и гражданами [Hunt 2021]. C. Vásquez исследует семейные истории в политической коммуникации Э. Куомо и связывает их с конструированием лидерства и политической идентичности [Vásquez C. 2021]. Работа A. Bonnet, посвященная семейным нарративам британских лидеров оппозиции, включая К. Стармера, показывает, что семейные нарративы участвуют в конструировании ценностно-ориентированного образа политика, обновлении партийного образа и репрезентации партии как организации, ориентированной на заботу [Bonnet 2025].

Таким образом, исследования семейной тематики в политическом дискурсе позволяют говорить о двух взаимосвязанных направлениях: изучении семьи как источника концептуальной метафоризации политической реальности и анализе семейного нарратива как ресурса репрезентации политической личности. При этом языковая репрезентация семейных ценностей в медиадискурсе остается недостаточно изученной.

Рассмотрим основные когнитивные модели, которые участвуют в репрезентации семейных ценностей в британском политическом медиадискурсе 2023–2026 гг.

1. Когнитивная модель «СЕМЬЯ — ЛИЧНЫЕ ЦЕННОСТИ» (FAMILY — PERSONAL VALUES) является одной из наиболее продуктивных моделей семейной сферы в исследуемом корпусе, в рамках которой семейные отношения и семейный опыт используются для формирования представлений о личных качествах, жизненных установках и ценностных ориентирах политического деятеля.

Приведем пример из медиатекста, посвященного Риши Сунаку: *Introducing the prime minister before his speech, his wife, Akshata Murty, tried to paint a picture of her “best friend” as a family man who likes romcoms and is “fun and compassionate*” (The Guardian. Tories hoping ‘more Rishi’ is the answer to flagging poll ratings, October 4, 2023).

В данном контексте сочетается использование фрагментов прямой речи супруги политика и их журналистская оценка. Семейный концепт воспроизводится с помощью лексем «*family man»*, «*stable loving family*», которые характеризуют личность политика как доброго друга и эмоционально открытого человека, способного к сопереживанию. Комментарий журналиста автора статьи «*tried to paint a picture of her “best friend”*» указывает на то, что данный образ является частью публичной самопрезентации политика, а не достоверной реальностью. Прагматически данный способ репрезентации ориентирован на снижение дистанции между публичной фигурой и обычным человеком: политик представлен не только через институциональную роль, но и через социально одобряемую роль семейного человека.

Схожий механизм концептуализации присутствует в медиатекстах, посвященных Киру Стармеру: *When I was growing up, we didn’t have a lot of money … We sometimes struggled to make ends meet, but we owned our own home. And that gave us huge security as a family”* (The Guardian. Starmer ’bomb-proofs’ policy pledges to help Labour keep promises, October 11, 2023).

Говоря о своем детстве, политик вспоминает, что семья испытывала материальные трудности, денег едва хватало, но у них было собственное жилье, что давало семье чувство защищенности. В этом примере мы видим, что семейная история акцентирует важность собственного жилья для семей рабочего класса. С одной стороны, политик подчеркивает свое простое происхождение, с другой — отмечает умение его семьи расставлять приоритеты, главным из которых является целостность семьи, безопасность и стабильность. Это личное воспоминание становится основанием для характеристики его ценностей — собственное жилье обладает высокой социальной значимостью для людей. В отличие от примера с Сунаком, в данном случае семейный фрейм не ограничивается формированием политического образа, а связывает индивидуальный опыт с более широким социальным контекстом,

вследствие чего частная семейная история приобретает общественно значимую семантику.

Рассмотрим другой пример репрезентации Р. Сунака в рамках модели «Семья — Личные ценности»: *Sunak replied: "Yeah, I mean my family immigrated here with very little and that's how I was raised. I was raised with the values of hard work … Oh, we went without lots of things, right? Coz my parents wanted to put everything into our education, and that was a priority"* (The Independent. What did Rishi Sunak sacrifice as a child? Sky TV, he says, June 14, 2024).

В публикации приводится его рассказ о детстве, озвученный в интервью ITV News: Сунак напоминает о том, что его семья эмигрировала в Великобританию и не имела здесь ничего, им приходилось испытывать разные трудности, но родители воспитывали его в духе трудолюбия и хотели вложить все в образование для детей. В данном случае лексема *parents* активирует образ семьи как модели родительского вклада в будущее ребенка. Ценностный смысл формируется вокруг качественного образования для детей и родительских приоритетов, которые, в свою очередь, трансформировались в личные ценности политика (осознание ценности труда и важности образования).

Семейная жизнь К. Стармера представлена в СМИ в другом ключе: *He also said he and wife "share" the housework, although he admitted: "Vic would say she does the majority of it." … When it comes to childcare, they had "the usual juggling as a family, particularly when our kids were very young", he said, adding: "This is a massive issue for many families. Childcare is very expensive"* (The Independent. 'Who the f**k does he think he is?': Keir Starmer's wife's verdict after they first met', February 9, 2024).

В данном примере журналист использует цитаты из выступления К. Стармера, в котором политик описывает свой семейный уклад, роль жены в выполнении домашних задач, организацию ухода за детьми и переключение между разными обязанностями. Важно отметить, что индивидуальный семейный опыт трансформируется в публикации в более широкую социальную проблему: Стармер подчеркивает, что уход за детьми требует серьезных денежных трат. Эта проблема особенна актуальна в британском политическом и социальном дискурсе последних лет, правительство разрабатывает разные меры материальной поддержки семей с детьми, от денежных пособий до бесплатного прибывания ребенка в государственном учреждении раннего образования. Таким образом, частная семейная история здесь получает обобщенное социальное значение: индивидуальный опыт политика включается в контекст проблемы, затрагивающей значительное число семей, благодаря чему медиатекст совмещает персонализацию политической личности с общественной проблематизацией семейной и социальной политики.

Наиболее эмоционально маркированная реализация данной модели обнаруживается в следующем примере: *"When I leave the biggest job in the country, I shall spend more time on the most important job, being the best husband I can to my fantastic wife, Vic, who has been a rock by my side through good times and bad, and being the best dad I can to my beautiful children, who are my pride and my joy," he said.* (The Guardian. Keir Starmer to step down as prime minister two years after historic election victory, June 22, 2026).

Заявляя о своем уходе с поста премьер-министра, Стармер подчеркивает, что после завершения государственной деятельности намерен уделять больше времени тому, что считает «самой важной работой», — своим обязанностям мужа и отца. Семейная сфера становится личным приоритетом и противопоставляется профессиональной роли главы правительства. Супруга политика представлена как надежная опора, поддерживающая его в хорошие и плохие периоды жизни, а дети характеризуются как источник гордости и радости. В данном контексте семья представлена как значимая сфера личной ответственности, эмоциональной поддержки и самореализации. Семейный фрейм выполняет функцию самохарактеристики политика и переводит внимание с институциональной роли на личностную идентичность мужа и отца.

Таким образом, семейный фрейм может служить основанием для репрезентации эмоциональных качеств (*любящий*, *отзывчивый*), жизненных приоритетов (*образование, жилье для семьи*), моделей повседневного поведения (*распределение домашних обязанностей*) и более широких ценностных установок (*забота о семье*). Наблюдается постепенное расширение семантического потенциала семейного материала от характеристики частной жизни политика к интерпретации его социальной идентичности и общественно значимых установок. Прагматический потенциал реализуется прежде всего через персонализацию, гуманизацию, самохарактеризацию и ценностное позиционирование.

2. Когнитивная модель «СЕМЕЙНЫЙ ОПЫТ — СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» (FAMILY EXPERIENCE — SOCIAL

IDENTITY) представляет семейный опыт как основу для конструирования социальной идентичности политика, иными словами, то, как происхождение, культурный опыт влияют на положение личности в обществе и на восприятие социальной среды.

Особенно ярко эта модель реализуется в медиарепрезентации Кира Стармера, посвященной вступлению в должность премьер-министра: *During the election campaign Starmer more successfully highlighted his relatively humble upbringing than his political agenda. In television appearances and news interviews he would repeatedly refer to his working-class background to counteract the idea he was an elite leftwing London lawyer. So many times had Starmer mentioned that his father was a toolmaker who worked in a factory… "It's true — my mum was a nurse — and we couldn't make ends meet. Which is not a laughing matter," he said, emphasising the contrast with Sunak* (The Guardian. Keir Starmer: Britain's new leader who takes politics seriously, July 5, 2024).

Как отмечает журналист, Стармер активно апеллирует к своему происхождению из семьи рабочего класса и упоминает этот факт гораздо чаще своей политической повестки, что отличает его от политического оппонента Р. Сунака. Сам Стармер, характеризуя материальное положение семьи в детстве, отмечает, что им было трудно сводить концы с концами, так как его отец работал на фабрике инструментальщиком, а мать была медсестрой. Таким образом, семейные номинации и указание на род занятий родителей актуализируют не только биографический, но и социально-идентификационный аспект образа политика. Семейный опыт становится средством репрезентации социальной принадлежности к простому народу.

Данная когнитивная модель присутствует и в материалах, посвященных Стармеру до выборов, например: *"The emotional space was quite limited at home … Actually, there wasn't much physical space at home, either. Starmer shared bunk beds with his brother Nick in a cramped bedroom until he went to university aged 18… Of course, the story about Starmer's father Rodney 'the toolmaker' and his 'no frills' parenting has been rehearsed. The repeated details about his childhood in a pebbledash semi in Oxted seemed like a forced effort to give his political story shape*"(The Guardian, 'You asked me questions I've never asked myself': Keir Starmer's most personal interview yet, June 22, 2024).

Журналист описывает детство политика через воспоминания о тесном доме, необходимости делить комнату с братьями и сестрами, профессии его отца и строгом воспитании. Очевидно, что семейный фрейм приобретает нарративную функцию и организует последовательность событий, посредством которой публичная фигура объясняет происхождение отдельных черт собственной личности. Прагматически такой способ выполняет функции эмоционализации и идентификации. Политический деятель соотносится с определенной социальной группой (рабочий класс) через общность жизненного опыта.

Что касается Риши Сунака, то модель «Семья — Социальная идентичность» тоже является востребованной:*"One of the things my mum was obsessed with was that we didn't speak with accents and we would speak properly," he said. "So she was keen for us to try to do some extra drama"* (The Guardian. Sunak says his parents wanted him to speak without an accent to 'fit in', February 3, 2024).

Семейная история включена в контекст рассказа об индийском происхождении политика и его детском опыте. Журналист цитирует Сунака, который вспоминает, что его родители стремились к тому, чтобы он и его брат и сестра могли успешно вписаться в британское общество, а этническое происхождение не становилось для них препятствием. Таким образом, семейный опыт репрезентируется через стратегии адаптации и преодоления социальных границ, а родительские установки становятся основой формирования представлений о принадлежности и социальной идентичности.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что семейный опыт может актуализировать различные типы социальной идентичности. В материалах о Стармере преимущественно активируется социально-классовый компонент — происхождение из рабочего класса, профессии родителей, материальные условия детства, семейное происхождение. В материалах о Сунаке семейный фрейм чаще связан с культурной принадлежностью, миграционным опытом семьи, адаптацией и образованием. При этом в обоих случаях семейная биография выполняет схожую когнитивную функцию превращения индивидуальной истории в основание для интерпретации социального положения политического деятеля. В когнитивно-прагматическом отношении модель реализует прежде всего функции идентификации и персонализации.

3. Когнитивная модель «РОДИТЕЛЬ — ЗАЩИТНИК» (PARENT — PROTECTOR) представляет родителя прежде всего как субъекта заботы, защиты и ответственности за безопасность ребенка.

Показательным примером является материал, посвященный отношению Кира Стармера к публичности его детей: *“they’re understandably at an age where this is very impactful on them, which is why I’ve been so fiercely protective of them for many years now and will continue to try to be so.”* (The Independent. Starmer says he owes it to his children to keep them out of the limelight, 3 July, 2024).

Политик подчеркивает, что на протяжении многих лет старался быть защитником своих детей, поскольку публичность и связанные с ней изменения могут существенно влиять на их жизнь. Родительская роль представлена не только как эмоциональная связь с детьми, но и как ответственность за сохранение их безопасности, приватности и возможности вести самостоятельную жизнь. В прагматическом отношении семейный фрейм выполняет функции персонализации, т. е. мы видим, что политик — это реальный человек со своей личной жизнью и он может сталкиваться с теми же проблемами, что и другие люди. Функция гуманизации образа политика акцентирует такие черты, как забота, любовь к детям, тревога за их будущее.

Модель «Родитель — Защитник» реализуется и в медиарепрезентации Риши Сунака:*“As a parent, I am always worried about social media and what my young girls are exposed to.”* (The Independent. Sunak refuses to back call for social media curbs from mother of Brianna Ghey, February 5, 2024).

Конструкция *“as a parent”* прямо указывает на родительскую роль политика, словосочетание *“my young girls”* конкретизирует объект семейной заботы, а лексема *“worried”* показывает тревогу о том, с чем дети могут столкнуться в интернете. Сунак использует личный опыт при ответе на вопрос об общественной проблеме использования социальных сетей детьми и ссылается на закон о безопасности в Сети, принятый его кабинетом в 2023 г. (Online Safety Act). В данном случае семейная идентичность непосредственно соединяется с институциональной ролью политика, вследствие чего модель «РОДИТЕЛЬ — ЗАЩИТНИК» приобретает общественное измерение: личная родительская ответственность соотносится с ответственностью за обеспечение безопасности детей в более широком социальном контексте.

В рассмотренных материалах модель «РОДИТЕЛЬ — ЗАЩИТНИК» получает разное выражение. В материалах о Стармере она используется для создания образа самого политика: он представлен как отец, защищающий своих детей от последствий публичной деятельности. В случае Сунака родительская обеспокоенность используется при обсуждении безопасности детей в интернете и действующего регулирования. Оба варианта связывают семейную роль с публичным сообщением, но устроены поразному.

Таким образом, семейный фрейм выполняет одновременно несколько прагматических функций — персонализации, т. е. добавления к профессиональной роли политика его социальной роли родителя и супруга, эмоционализации — передачи личных чувств и переживаний — и гуманизации как попытки сближения с аудиторией путем представления его «человеческих» сторон жизни, понятных обывателю.

4. Когнитивная модель «СЕМЬЯ — ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА / СТАБИЛЬНОСТЬ» (FAMILY — EMOTIONAL SUPPORT / STABILITY) представляет семью в качестве источника эмоциональной опоры, психологической устойчивости и сохранения связи политического деятеля с повседневной жизнью. Здесь речь идет о том, какую поддержку семья дает самому политику.

Рассмотрим несколько примеров: *We’ve had a strategy in place and we’ll try to keep to it, which is to carve out really protected time for the kids, so on a Friday — I’ve been doing this for years — I will not do a work-related thing after six o’clock…” “They (children) keep me very, very grounded”* (The Independent. Starmer: my children take me away from pressure of the job, July 1, 2024).

К. Стармер отмечает, что старается оставлять пятничный вечер для семьи и не заниматься рабочими вопросами после шести часов вечера. Вместо этого он общается с детьми, что помогает ему сохранять связь с обычной жизнью.

Важность семейной поддержки присутствует и в высказываниях Риши Сунака, посвященных его участию в предвыборной кампании:

“I’m very conscious that they have put up with a lot, but they could not be more supportive, and I could not do it without them.” … “My wife has incredible strength. My life has been shaped by being surrounded by very strong women, and I’m grateful for Akshata’s resilience and strength most of all.” (The Independent. “Sunak praises ‘incredible strength’ of his wife and daughters during campaign”, June 28, 2024).

Политик говорит о важности поддержки со стороны супруги и дочерей в период повышенной профессиональной нагрузки. Свою супругу он характеризует как человека, обладающего силой и стойкостью, которые

имеют для него большое личное значение. Говоря о дочерях, политик отмечает, что общение с ними позволяет ему отвлечься от профессиональной деятельности и переключиться на семейную жизнь. Таким образом, семья представлена как источник эмоциональной поддержки и средство восстановления внутреннего равновесия в условиях профессионального напряжения. Семейный фрейм выполняет потенциальные прагматические функции персонализации, гуманизации и самохарактеризации политической личности.

Еще более сложное сочетание семейной и ценностной семантики наблюдается в финальной речи Сунака в должности премьер-министра. Обращаясь к супруге и дочерям, политик говорит: *“I can never thank them enough for the sacrifices they have made so that I might serve our country”* (TV News, “In full: Rishi Sunak's final speech as prime minister”, July 5, 2024). Данный фрагмент представляет особый интерес для когнитивно-прагматического анализа, поскольку семья здесь одновременно выступает источником эмоциональной поддержки, объектом благодарности и посредником между частной биографией и коллективной историей. Лексема *sacrifices* актуализирует ценность семейного вклада, а словосочетание *serve our country* переводит семейный нарратив в сферу общественного служения.

Таким образом, анализ корпуса показывает, что семейная сфера представлена как важный ресурс эмоциональной устойчивости политика. В прагматическом отношении данная модель связана с функциями персонализации и гуманизации образа политика, что делает его более личным и человечным.

Сопоставление материалов о Стармере и Сунаке показывает, что эта модель по-разному представлена в текстах СМИ. В текстах о Стармере семейная поддержка преимущественно связывается с эмоциональной устойчивостью и сохранением связи с повседневной жизнью. Дети и семья представлены как важная часть его личной жизни, они помогают отвлекаться от профессиональных трудностей, справляться с давлением и сохранять внутреннее равновесие. В материалах о Сунаке семья чаще представлена как ресурс, который помогает ему выполнять свои профессиональные и общественные обязанности. Различается и временная перспектива семейного фрейма: у Стармера акцент сделан преимущественно на актуальной семейной жизни, тогда как у Сунака семейная семантика включает также межпоколенческую биографию, миграционный опыт и культурную преемственность. Основные отличия концептуализации семейного опыта у Кира Стармера и Риши Сунака представлены в Таблице 1.

Различается и характер ценностной актуализации. Так, в материалах о Стармере семейные ценности чаще связаны с заботой о близких, защитой, ответственностью и эмоциональной устойчивостью. Это особенно отчетливо проявляется в модели «РОДИТЕЛЬ — ЗАЩИТНИК», где родительская роль связывается с защитой детей и сохранением их частной жизни. В материалах о Сунаке помимо семейной поддержки часто упоминается образование, трудолюбие, культурная принадлежность и межпоколенческая преемственность.

Стоит отметить, что все рассмотренные когнитивные модели свойственны материалам и о К. Стармере, и о Р. Сунаке, специфика заключается преимущественно в том, какие элементы семейного опыта получают наибольшую смысловую нагрузку. На прагматическом уровне семейный фрейм в обоих случаях выполняет прежде всего функции персонализации и гуманизации политического образа. Одновременно он служит средством самохарактеризации: семейная история задает определенную перспективу интерпретации личности и ее общественной деятельности.

Таблица 1. Сравнительная характеристика концептуализации семейного опыта К. Стармера и Р. Сунака

Параметр	Кир Стармер	Риши Сунак
Основной семейный фокус	жена, дети, семейная жизнь	родители, жена, дочери, семейная история
Ключевые ценности	забота, защита, ответственность, стабильность	образование, трудолюбие, поддержка, принадлежность
Основной тип семейного опыта	преимущественно актуальная семейная жизнь	преимущественно биографический и межпоколенческий опыт
Связь частного и публичного	семья — ответственность — общественная роль	семейный опыт — ценности — социальная траектория
Основные функции	персонализация, гуманизация, самохарактеризация	персонализация, гуманизация, идентификация

Проведенное исследование показывает, что семейная тема в современном британском политическом медиадискурсе является важным когнитивно-прагматический ресурсом репрезентации политической личности. Семейный материал обеспечивает связь между частным и публичным, биографическим и социальным, эмоциональным и ценностным уровнями медиарепрезентации.

В ходе исследования были выявлены четыре основные когнитивные модели, участвующие в репрезентации семейных ценностей: «Семья — Личные ценности», «Семейный опыт — Социальная идентичность», «Родитель — Защитник», «Семья — Эмоциональная поддержка / Стабильность». Наиболее заметное выражение получают такие семейные ценности, как забота и эмоциональная близость, ответственность за членов семьи, безопасность детей, взаимная поддержка и стабильность семейных отношений. В ряде контекстов актуальными становятся темы трудолюбия и образования, раскрытые с помощью обращения к родительской заботе, которая была направлена на обеспечение детям хороших возможностей в будущем. Важным элементом ценностной картины рассмотренного дискурса является связь поколений, как особая семейная история, которая раскрывает культурную и социальную принадлежность политиков. Семейный опыт становится способом представить личные убеждения и социальные ориентиры политика, подчеркнуть его ответственность и показать связь между частной биографией и общественной деятельностью. Перспективы исследования связаны с расширением корпуса, сопоставлением различных медиаплатформ и политических деятелей, а также с количественной и рецептивной проверкой выявленных закономерностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Семиотический параллелизм политических метафор / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2008. — № 3(26). — С. 32-36. — EDN JVSEQL.

2. Винниченко, А. С. Брексит как метафора семейных отношений в англоязычном политическом дискурсе / А. С. Винниченко, А. В. Радюк // Вопросы прикладной лингвистики. — 2018. — № 1(29). — С. 7-17. — DOI 10.25076/vpl.29.01. — EDN OTBVSB.

3. Джиоева, А. А. Репрезентация метафорического концепта семьи в англоязычном политическом дискурсе как отражение реальных процессов в мире / А. А. Джиоева, О. Ф. Стрельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2017. — Т. 8, № 2. — С. 377-383. — DOI 10.22363/2313-2299-2017-8-2-377-383. — EDN YTONLN.

4. Иванова, С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1(24). — С. 29-33. — EDN JVZAPT.

5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностранных языков / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 1990. — 253 с. — ISBN 978-5060010572.

6. Солопова, О. А. Доброе братство лучше богатства: семейная метафора в дискурсах стран БРИКС / О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарова // Южно-российский журнал социальных наук. — 2024. — Т. 25, № 4. — С. 39-54. — DOI 10.31429/26190567-25-4-39-54. — EDN JGLXVA.

7. Сосновская, Н. И. Педагогическое понимание концепта «семейные ценности» (на примере России и Китая) / Н. И. Сосновская // Современные проблемы науки и образования. — 2024. — № 1. — С. 55. — DOI 10.17513/spno.33270. — EDN NCPSYW.

8. Стрельникова, О. Ф. Метафора семьи в англоязычном политическом дискурсе / О. Ф. Стрельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2015. — № 4. — С. 16-25. — EDN UXLSZR.

9. Суханов, Ю. Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / Ю. Ю. Суханов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 200-212. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212. — EDN YVXKSP.

10. Цветкова, Е. Б. Языковые маркеры женского политического дискурса в аспекте прагмалингвистики / Е. Б. Цветкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 11-2(29). — С. 196-198. — EDN RKQIVH.

11. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2(40). — С. 53-59. — EDN PCAVQP.

12. Bonnet, A. P. Family narratives as a way out of the political wilderness? / A. P. Bonnet // Narrative Inquiry. — 2025. — DOI 10.1075/ni.24112.bon. — EDN SLZHZX.

13. Fillmore, C. J. Frame Semantics / C. J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981 / ed. by The Linguistic Society of Korea. — Seoul : Hanshin Publishing Company, 1982. — P. 111—137.

14. Hunt, S. COVID and the South African Family: Cyril Ramaphosa, President or father? / S. Hunt // Discourse, Context and Media. — 2021. — Vol. 44. — P. 100541. — DOI 10.1016/j.dcm.2021.100541. — EDN GQECTJ.

15. Langer, A. I. The Politicization of Private Persona: Exceptional Leaders or the New Rule? The Case of the United Kingdom and the Blair Effect / A. Langer // The International Journal of Press/Politics. — 2010. — Vol. 15, № 1. — P. 60—76. — DOI 10.1177/1940161209351003.

16. Slocombe, H. Representing austerity: Baby Banks and news media / H. Slocombe, F. Rowe // The Geographical Journal. — 2024. — DOI 10.1111/geoj.12602. — EDN HMDWDX.

17. Vásquez, C. Leading with stories: Andrew Cuomo, family narratives and authentic leadership / C. Vásquez // Discourse, Context and Media. — 2021. — Vol. 41. — P. 100507. — DOI 10.1016/j.dcm.2021.100507. — EDN YAOYAF.

18. Wigman, I. UK news media portrayal of mothers living in food insecurity since the 2008 global financial crisis: a mixed-methods news media analysis / I. Wigman, Sh. Visram, Z. Bell, N. Heslehurst // The Lancet. — 2022. — Vol. 400. — P. S46. — DOI 10.1016/s0140-6736(22)02256-5. — EDN QDMZEE.

19. Yau, A. Newspaper coverage of food insecurity in UK, 2016—2019: a multi-method analysis / A. Yau, H. Singh-Lalli, H. Forde [et al.] // BMC Public Health. — 2021. — Vol. 21, No. 1. — P. 1-14. — DOI 10.1186/s12889-021-11214-9. — EDN VJSRRF.

REFERENCES

1. Budaev, Eh. V. (2008). Semioticheskiy parallelizm politicheskikh metafor = Semiotic Parallelism of Political Metaphors. *Political Linguistics*, *3*(26), 32–36. EDN JVSEQL.

2. Vinnichenko, A. S., Radyuk, A. V. (2018). Breksit kak metafora semeynykh otnosheniy v angloyazychnom politicheskom diskurse = Brexit as a family metaphor in English political discourse. *Issues in Applied Linguistics*, *1*(29), 7–17. DOI 10.25076/vpl.29.01. EDN OTBVSB.

3. Dzhioeva, A. A., Strel′nikova, O. F. (2017). Reprezentatsiya metaforicheskogo kontsepta sem′i v angloyazychnom politicheskom diskurse kak otrazhenie real′nykh protsessov v mire = Representation of the Metaphorical Concept of “Family” in Eng-

lish-Language Political Discourse as a Reflection of Real-World Processes. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *8*(2), 377–383. DOI 10.22363/2313-2299-2017-8-2-377-383. EDN YTONLN.

4. Ivanova, S. V. (2008). Politicheskiy mediadiskurs v fokuse lingvokul′turologii = Political Media Discourse in the Focus of Linguoculturology. *Political Linguistics*, *1*(24), 29–33. EDN JVZAPT.

5. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Theory of Translation (Linguistic Aspects). A Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages. Moscow: Vysshaya shkola, 253 p. ISBN 978-5060010572. ISBN 978-5060010572.

6. Solopova, O. A., Koshkarova, N. N. (2024). Dobroe bratstvo luchshe bogatstva: semeynaya metafora v diskursakh stran BRIKS = "Good Brotherhood Is Better Than Wealth": The Family Metaphor in the Discourses of BRICS Countries. *South Russian Journal of Social Sciences*, *25*(4), 39–54. DOI 10.31429/26190567-25-4-39-54. EDN JGLXVA.

7. Sosnovskaya, N. I. (2024). Pedagogicheskoe ponimanie kontsepta «semeynye tsennosti» (na primere Rossii i Kitaya) = Pedagogical Understanding of the Concept of "Family Values" (A Case Study of Russia and China). *Modern Problems of Science and Education*, *1*(55). DOI 10.17513/spno.33270. EDN NCPSYW.

8. Strel′nikova, O. F. (2015). Metafora sem′i v angloyazychnom politicheskom diskurse = The Family Metaphor in English-Language Political Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *4*, 16–25. EDN UXLSZR.

9. Sukhanov, Yu. Yu. (2018). Politicheskiy diskurs kak ob″ekt lingvisticheskogo analiza = Political Discourse as an Object of Linguistic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, *9*(1), 200–212. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212. EDN YVXKSP.

10. Tsvetkova, E. B. (2013). Yazykovye markery zhenskogo politicheskogo diskursa v aspekte pragmalingvistiki = Linguistic Markers of Women's Political Discourse: A Pragmalinguistic Perspective. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, *11-2*(29), 196–198. EDN RKQIVH.

11. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii = Discoursive characteristics of political communication. *Political Linguistics*, *2*(40), 53–59. EDN PCAVQP.

12. Bonnet, A. P. (2025). Family narratives as a way out of the political wilderness? *Narrative Inquiry* DOI 10.1075/ni.24112.bon. EDN SLZHZX.

13. Fillmore, C. J. (1982). Frame Semantics. *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981 (Ed. by The Linguistic Society of Korea)*, 111–137. Seoul: Hanshin Publishing Company.

14. Hunt, S. (2021). COVID and the South African Family: Cyril Ramaphosa, President or father? *Discourse, Context and Media*, *44*, 100541. DOI 10.1016/j.dcm.2021.100541. EDN GQECTJ.

15. Langer, A. I. (2010). The Politicization of Private Persona: Exceptional Leaders or the New Rule? The Case of the United Kingdom and the Blair Effect. *The International Journal of Press/Politics*, *15*(1), 60–76. DOI 10.1177/1940161209351003.

16. Slocombe, H., Rowe, F. (2024). Representing austerity: Baby Banks and news media. *The Geographical Journal*. DOI 10.1111/geoj.12602. EDN HMDWDX.

17. Vásquez, C. (2021). Leading with stories: Andrew Cuomo, family narratives and authentic leadership. *Discourse, Context and Media*, *41*, 100507. DOI 10.1016/j.dcm.2021.100507. EDN YAOYAF.

18. Wigman, I., Visram, Sh., Bell, Z., Heslehurst, N. (2022). UK news media portrayal of mothers living in food insecurity since the 2008 global financial crisis: a mixed-methods news media analysis. *The Lancet*, *400*, S46. DOI 10.1016/s0140-6736(22)02256-5. EDN QDMZEE.

19. Yau, A., Singh-Lalli, H., Forde, H., et al. (2021). Newspaper coverage of food insecurity in UK, 2016—2019: a multi-method analysis. *BMC Public Health*, *21*(1), 1–14. DOI 10.1186/s12889-021-11214-9. EDN VJSRRF.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'42+81'38+81'27
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.29* *Код ВАК 5.9.8; 5.9.9*

Тамара Халильевна Поспелова
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, pospelova.tamara@urfu.ru

Стратегия использования архетипов при репрезентации образов политиков в СМИ

АННОТАЦИЯ. *В статье исследуется применение архетипических конструктов в формировании и управлении медиаобразами современных европейских и американских политических лидеров. Теоретико-методологическую основу составили положения аналитической психологии К. Г. Юнга и М. Л. фон Франц, а также концепции архетипов в политической коммуникации, представленные в работах отечественных и зарубежных исследователей. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью новых медиа и социальных сетей в конструировании и репрезентации публичных образов политических лидеров.*

Цель исследования заключается в разработке и апробации системного подхода к выявлению и применению архетипических конструктов в формировании медиаобраза политического лидера. Предлагаемая методология включает пять взаимосвязанных уровней диагностики: определение архетипической формулы; вербальный анализ ключевых сообщений; визуально-семантический анализ фото- и видеоматериалов; анализ нарративной структуры; выявление ключевой коммуникативной функции архетипической модели.

Эмпирическую базу составили 25 публичных материалов из официальных аккаунтов и каналов трех политических лидеров — президента США Дональда Трампа, президента Франции Эммануэля Макрона и председателя правительства Испании Педро Санчеса, опубликованных в 2023–2026 годах. В непосредственный анализ включено 9 публикаций.

Результаты показывают, что архетип Правителя выступает базовой моделью политического лидерства, связанной с демонстрацией власти, порядка, контроля и способности принимать решения, тогда как комплементарные архетипы обеспечивают эмоциональную и ценностную дифференциацию медиаобраза. Предложенная методология также может применяться в современной медиасреде для комплексного анализа цифровой политической коммуникации и разработки адресных стратегий формирования публичного образа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, медиаобразы, языковые средства, политические лидеры, политический дискурс, политические тексты, лидерство, архетипизация лидерства, архетипы, нарратив, политическая коммуникация, языковая репрезентация.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Поспелова Тамара Халильевна, аспирант кафедры периодической печати и сетевых медиа, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: pospelova.tamara@urfu.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Поспелова, Т. Х.* Стратегия использования архетипов при репрезентации образов политиков в СМИ / Т. Х. Поспелова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 96-112.

Tamara Kh. Pospelova
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, pospelova.tamara@urfu.ru

The Strategies of Employing Archetypes while Representing Media Images of Contemporary Political Leaders

ABSTRACT. *The article examines the use of archetypal constructs in the formation and management of media images of contemporary European and American political leaders. The theoretical and methodological framework draws on the principles of analytical psychology developed by C. G. Jung and M.-L. von Franz, as well as on the concepts of archetypes in political communication presented in the works of Russian and international scholars. The relevance of the study is determined by the increasing role of new media and social networks in the construction and representation of public images of political leaders.*

The aim of the study is to develop and test a systemic approach to identification and application of archetypal constructs in the formation of a political leader's media image. The suggested methodology comprises five interrelated diagnostic levels: identification of the archetypal formula; verbal analysis of key messages; visual-semantic analysis of photographic and video materials; analysis of the narrative structure; and identification of the key communicative function of the archetypal model.

The empirical basis encompasses 25 publicly available materials from the official accounts and channels of three political leaders: U.S. President Donald Trump, French President Emmanuel Macron, and Spanish Prime Minister Pedro Sánchez, published between 2023 and 2026. Nine publications were selected for detailed analysis.

© Поспелова Т. Х., 2026

The results demonstrate that the Ruler archetype serves as a basic model of political leadership associated with the demonstration of power, order, control, and decision-making capacity, while complementary archetypes provide emotional and value-based differentiation of the media image. The suggested methodology can also be applied in the contemporary media environment to conduct a comprehensive analysis of digital political communication and to develop targeted strategies for constructing public images.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, media images, language means, political leaders, political discourse, political texts, leadership, leadership archetypization, archetypes, narrative, political communication, linguistic representation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pospelova Tamara Khalilyevna, Post-Graduate Student of Department of Periodical Press and Online Media, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Pospelova T. Kh.* (2026). The Strategies of Employing Archetypes while Representing Media Images of Contemporary Political Leaders. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 96-112. (In Russ.).

АРХЕТИПЫ И ПРАКТИКА ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ МЕДИАОБРАЗОВ

Деятельность современного политика в условиях цифровизации общественно-политической коммуникации невозможна без целенаправленного конструирования эффективного медиаобраза с применением PR-технологий. Использование социальных сетей в настоящее время выступает неотъемлемым инструментом формирования и управления общественным мнением, обеспечивая оперативное взаимодействие с аудиторией и трансляцию политических смыслов. Одним из методологических подходов к формированию имиджа политического актора является применение архетипических конструкций, позволяющих выстраивать устойчивые и эмоционально значимые модели восприятия политического лидера в массовом сознании.

Изучением и исследованием архетипов ученые занимаются уже больше 100 лет. Основоположником теории и концепции является Карл Юнг, определивший архетип как универсальные первообразы коллективного бессознательного, проявляющиеся в мифах, символах, образах и моделях поведения человека. В работе «Архетипы и символы» ученым отмечается, что мы имеем дело с фигурой, повторяющейся на протяжении истории везде [Юнг 2019: 282].

Мария Луиза фон Франц, последователь Юнга, выделяет два аспекта коллективного бессознательного: во-первых, оно проявляется как инстинкты, побудительные мотивы, ведущие к появлению конкретных поведенческих форм; во-вторых, оно раскрывается как типично человеческий религиозно-мифологический мир фантазий [Франц 2017: 14], формирующий символические жесты и символические образы, доступные для созвучного восприятия даже людям разных народов и времен.

В современной научной литературе архетип рассматривается не только как универсальная структура коллективного бессознательного, но и как социально и культурно обусловленный образ. Так, М. М. Бетильмерзаева и М. З. Мусаева определяют социальный архетип как «глубоко укорененный в культуре образ действия, мышления и эмоционального реагирования, который передается от поколения к поколению и оказывает значительное влияние на поведение индивида в социальной среде» [Бетильмерзаева, Мусаева 2024: 15–20].

По мнению исследователя М. Г. Ивановой, архетипы прочно связаны с политической деятельностью. Общество и государство, транслирующие архетипические образы и символы культуры, обретают прочность и основательность, поскольку образуют с отдельным человеком духовное единство. Если деятельность государства направлена на реализацию наилучшего из того, что заложено в природе отдельного народа и его представителей, то это благотворно отражается и на самом обществе [Иванова 2020: 195–204].

При восприятии политических деятелей общественное сознание, как правило, оперирует не столько реальными характеристиками личности политика, сколько сформированным политическим образом, транслируемым через медиакоммуникацию и символические практики. В структуре данного образа аудитория нередко проективно выделяет архетипические конструкты, обеспечивающие эмоциональную узнаваемость и устойчивость восприятия политического лидера. В связи с этим представляется необходимым обратиться к теоретическому осмыслению понятия «политический образ» и его сущностных характеристик. К примеру, Е. Б. Шестопал в своих работах дает следующее определение: политический образ представляет собой, как и любой образ, с одной стороны, отражение реальных характеристик объекта восприятия, а с другой стороны — проекцию ожиданий субъекта восприятия, т. е. граждан. В политическом образе отражаются знания, представления,

мнения, оценки, ожидания, эмоции, требования граждан к объекту восприятия [Шестопал 2008: 12–14]. Предметом нашего изучения должно стать отражение власти, партии, организации, личности лидера и пр. в массовом и индивидуальном сознании граждан. В то же время, по мнению Т. Н. Пищевой, Н. П. Шелекасовой, в коммуникативном пространстве существует и специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (власти, партии, страны и т. д.), которое принято называть имиджем [Пищева, Шелекасова 2004: 81–93].

Использование архетипического подхода в исследовании политических образов обусловлено не только содержательной близостью понятий «архетип» и «образ», но и возможностью выявления глубинных культурных оснований восприятия политических лидеров. При этом предметом анализа выступают не столько архетипы лидерства как таковые, сколько архетипические образы, сформировавшиеся в мифологии, религии, философии, литературе и иных формах культурной репрезентации. Именно эти устойчивые символические конструкции, закрепленные в коллективном сознании, впоследствии становятся основой для интерпретации и оценки политических деятелей сегодня.

А. О. Бассак и С. В. Любичанковский отмечают, что образ политического лидера исторически изменчив и во многом определяется культурным контекстом, однако при этом сохраняет универсальные черты, характерные для различных эпох и политических систем. Авторы также подчеркивают символическую природу образа лидера, указывая, что «сам правитель становится символом, который воплощает некие архетипические идеи для своей группы или нации» [Бассак, Любичанковский 2024: 213].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРСТВЕ

Для понимания механизмов формирования современных политических образов необходимо обратиться к исторической эволюции представлений о лидерстве и проследить трансформацию архетипических моделей в различных культурных и политических традициях. Исторический анализ показывает, что общественные ожидания в отношении лидера изменялись вместе с развитием социальных институтов, однако ряд базовых архетипических конструкций сохранял устойчивость на протяжении многих столетий.

Уже в **античной философии** формируются фундаментальные представления об идеальном лидере, которые впоследствии оказали значительное влияние на европейскую политическую мысль. Одной из наиболее ранних моделей становится образ героя-воина — личности, способной вести за собой людей, принимать ответственность в условиях конфликта и демонстрировать личное мужество. Наряду с ним складывается образ мудрого правителя, чья легитимность основана не только на власти, но и на способности принимать справедливые решения. Так, Платон связывал идеальное государственное устройство с управлением философов, обладающих мудростью, нравственными качествами и способностью действовать в интересах общего блага [Платон 2003: 91]. В концепции Аристотеля идеальный государственный деятель сочетает интеллектуальное превосходство, политическую добродетель и способность к практическому управлению, формируя образ «великого человека», в котором объединяются черты Правителя, Мудреца и Героя [Аристотель 2003: 130–134].

Сходные представления о природе политического лидерства развиваются и **в восточной философской традиции.** В конфуцианском учении образ «благородного мужа» (*цзюнь-цзы*) рассматривается как нравственный идеал государственного деятеля. Правитель должен обладать мудростью, справедливостью, великодушием и высоким уровнем личной ответственности, выступая образцом поведения для общества [Конфуций 2011: 107]. Тем самым архетип лидера соединяет функции Правителя и Мудреца, а его авторитет основывается не столько на принуждении, сколько на моральном превосходстве и общественном доверии.

В эпоху Средневековья архетипические представления о политическом лидерстве приобретают выраженный сакральный характер. Лидер начинает восприниматься как посредник между земным и божественным порядком, а его власть получает религиозное обоснование. В трудах Аврелия Августина правитель предстает наместником Бога на земле, тогда как Фома Аквинский связывает предназначение государственной власти с достижением общего блага и нравственным руководством обществом [Антология средневековой мысли 2001: 144]. В этот период доминирующими становятся архетипы Правителя и Мудреца, дополненные мотивами духовного наставничества и нравственного служения.

Переход к **эпохе Возрождения и Новому времени** сопровождается изменением представлений о природе власти. По мере распространения гуманистических идей и

рационалистического мировоззрения политический лидер все чаще рассматривается как самостоятельный субъект общественных преобразований. Если в средневековой традиции власть преимущественно осмыслялась как божественное установление, то в Новое время возрастает значение личных качеств руководителя, его способности принимать стратегические решения, инициировать реформы и влиять на общественное развитие. В результате в структуре политического образа усиливаются архетипы Преобразователя, Героя и Мудреца, тогда как фигура Правителя постепенно утрачивает исключительно сакральное содержание и приобретает более выраженный деятельностный характер.

Социально-политические процессы **XIX — начала XX века**, включая революции, национально-освободительные движения и масштабные модернизационные преобразования, способствовали дальнейшему развитию архетипических моделей лидерства. В общественном сознании возрастает значение лидера, способного не только поддерживать существующий порядок, но и инициировать его изменение. Именно в этот период получает распространение архетип Бунтаря-реформатора, объединяющий готовность к преодолению устоявшихся норм с ответственностью за формирование нового общественного устройства.

Историческая динамика архетипов лидерства получила отражение и в современных исследованиях. Так, В. В. Комаров показывает, что на протяжении различных исторических эпох массовое сознание воспроизводит ограниченный круг устойчивых образов политического лидера, среди которых наиболее значимыми выступают Правитель, Герой, Мудрец и Преобразователь [Комаров 2022: 439–460]. Несмотря на различия исторического контекста, именно данные архетипические модели продолжают определять общественные ожидания в отношении личности лидера и способов реализации власти. Схожие идеи прослеживаются в концепциях Т. Карлейля и Ф. Ницше, акцентировавших роль выдающейся личности в историческом процессе. Карлейль связывал историческое развитие с деятельностью героя — человека, обладающего исключительным авторитетом и способного выступать в качестве вождя [Карлейль 1908: 74–77], тогда как Ницше рассматривал становление личности через волю к власти, самопреодоление и формирование более сильного типа человека [Ницше 2019].

Таким образом, историческое развитие представлений о политическом лидерстве демонстрирует не смену архетипов, а их постепенную трансформацию и переосмысление в соответствии с изменяющимися общественными условиями. В современную эпоху процессы глобализации, цифровизации и медиатизации политики существенно изменяют способы репрезентации лидеров, однако базовые архетипические конструкции сохраняют свою объяснительную ценность. Меняются прежде всего формы их коммуникативного выражения: традиционные архетипы Правителя, Героя, Мудреца, Бунтаря и Преобразователя получают новые визуальные и вербальные способы репрезентации в цифровом медиапространстве, сохраняя при этом свою психологическую и культурную основу.

В исследованиях лидерства архетипический подход используется для выявления устойчивых моделей поведения, символических ролей и способов осуществления лидерского воздействия. При этом понятие архетипизации лидерства не имеет единой трактовки и может рассматриваться на различных уровнях — от соотношения лидерской роли и архетипического образа до выявления устойчивых поведенческих и функциональных моделей.

В настоящем исследовании под **архетипизацией политического лидерства** понимается процесс актуализации устойчивых социокультурных архетипических моделей в публичной репрезентации политического лидера посредством вербальных, визуальных и нарративных средств, в результате которого формируется узнаваемая модель восприятия лидера и задаются определенные способы его взаимодействия с аудиторией и коммуникативные функции.

Данное определение требует соотнесения с существующими подходами к изучению лидерских архетипов. В современной литературе представлены модели, акцентирующие различные стороны архетипизации лидерства. Так, В. Г. Туркина рассматривает архетип преимущественно в контексте соотношения лидерской роли, управленческого поведения и соответствующего ему культурного образа. В ее типологии выделяются Достигатор, Вдохновитель, Эксперт, Бюрократ, Организатор и Командный лидер, которым соответствуют архетипические модели Героя (Воина), Заботливого, Мудреца, Правителя (Законодателя) и Героя-трансформатора [Туркина 2016: 35–49]. Таким образом, в данной модели архетип выступает основанием для интерпретации различных способов осуществления лидерской роли в организации.

Иной уровень анализа представлен в модели М. Кетса де Вриса и соавторов,

в которой лидерские архетипы определяются как «представления о способах осуществления лидерства в сложной организационной среде». На основе эмпирических наблюдений авторами выделены восемь архетипов лидерства: Стратег, Катализатор перемен, Транзактор, Созидатель, Новатор, Процессор, Наставник и Коммуникатор [Kets de Vries et al. 2010].

Сопоставление этих подходов показывает, что они фиксируют различные уровни проявления архетипа в лидерстве. Модель Туркиной акцентирует символическую и ролевую составляющую, связывая управленческую роль с определенным архетипическим образом; модель Кетса де Вриса преимущественно раскрывает поведенческий и функциональный аспект лидерства. Иными словами, первая позволяет определить, какой архетипический образ воплощает лидер, тогда как вторая — каким образом он реализует лидерскую функцию.

Однако для анализа политического лидерства этих уровней недостаточно, поскольку политический лидер существует не только как субъект осуществления определенной социальной или управленческой роли, но и как публично конструируемый медиаобраз. Архетип становится значимым для политической коммуникации именно в процессе его репрезентации и узнавания аудиторией. Поэтому перенос существующих моделей лидерских архетипов в сферу политической коммуникации требует их дополнительной операционализации с учетом специфики медиарепрезентации.

В связи с этим в настоящем исследовании архетип рассматривается одновременно как символическая модель политического образа и как коммуникативный паттерн ее актуализации. Такой подход позволяет анализировать архетип не только через предполагаемые личностные или управленческие характеристики лидера, но и через их наблюдаемые проявления в публичной коммуникации: тематику сообщений, систему транслируемых ценностей, характер взаимодействия с аудиторией, вербальные маркеры, визуальные образы, нарративные конструкции и способы репрезентации власти, конфликта, заботы и социальных изменений.

Таким образом, архетипизация политического лидерства в рамках настоящего исследования рассматривается как многоуровневый процесс перехода от архетипической модели к ее медиарепрезентации и далее — к формированию устойчивого политического медиаобраза. Именно такая трактовка позволяет перейти от общего описания архетипов к их эмпирической диагностике в современной политической коммуникации.

В связи с этим цель настоящего исследования заключается в разработке и апробации системного подхода к анализу архетипических конструктов в образах современных политических лидеров Европы и Северной Америки на основе эмпирического исследования их публичной медиарепрезентации.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА АРХЕТИПИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ

Эмпирическую базу исследования составили публичные материалы официальных цифровых каналов Д. Трампа, Э. Макрона и П. Санчеса за период 2023–2026 год. Первоначальный массив составил 25 публикаций. В итоговую выборку вошло 9 материалов, отобранных по следующим критериям: наличие вербальных, визуальных или нарративных признаков исследуемых архетипических моделей; содержательная репрезентативность коммуникации лидера; возможность идентификации источника, даты и контекста публикации. Выбор данных политических лидеров обусловлен необходимостью сопоставления различных национальных моделей политической коммуникации при сохранении общего критерия — действующий глава государства или правительства европейской/североамериканской страны и наличие регулярно обновляемых официальных цифровых каналов. В исследование включались исключительно сообщения, опубликованные от первого лица либо от имени самого политика, что позволило анализировать авторскую репрезентацию политического образа.

Для выявления архетипических моделей политического лидерства разработана авторская методика, основанная на комплексном анализе пяти взаимосвязанных уровней репрезентации: архетипического, вербального, визуального, нарративного и функционального.

Первый уровень предполагает **определение архетипической формулы политического образа.** В ходе анализа выделяются доминирующий и комплементарные архетипы. Под доминирующим архетипом понимается основная символическая модель, определяющая ведущую роль политического лидера в общественном восприятии. Комплементарные архетипы рассматриваются как дополнительные смысловые конструкции, уточняющие и усиливающие индивидуальные особенности политического образа.

Так, архетип Правителя обеспечивает легитимацию власти, демонстрацию способ-

ности контролировать общественные процессы и поддерживать политическую стабильность. Архетип Героя усиливает образ лидера посредством нарратива борьбы, защиты и преодоления препятствий. Архетип Бунтаря, в свою очередь, формирует образ политика как реформатора, противопоставляющего себя существующей системе и инициирующего общественные изменения.

Второй уровень направлен на **исследование вербальной репрезентации архетипов**. Анализу подвергаются публичные выступления, программные заявления, публикации в социальных сетях, интервью, политические лозунги и иные текстовые материалы. Основное внимание уделяется повторяющимся смысловым конструкциям, устойчивым речевым формулам, ключевым ценностным категориям, способам описания угроз, моделям конструирования образа будущего, а также коммуникативной роли самого политика в повествовании.

Например, для архетипа Героя характерны высказывания, акцентирующие защиту, борьбу и личную ответственность лидера («я борюсь», «я защищаю», «мы должны победить»). Подобные речевые конструкции выполняют функцию эмоциональной мобилизации аудитории и формируют образ лидера-защитника.

Вербальная репрезентация архетипа Бунтаря, напротив, строится на противопоставлении действующей политической системе и включает формулы, подчеркивающие наличие конфликта («система против вас», «они пытаются остановить нас», «мы вернем контроль»). Основной коммуникационной функцией данного архетипа выступает консолидация сторонников через противопоставление категорий «мы» и «они».

Третий уровень предусматривает **анализ визуальной репрезентации архетипических конструктов.** В качестве эмпирического материала рассматриваются официальные фотографии и видеоматериалы политических лидеров. Анализ включает изучение цветовой палитры, особенностей одежды, композиции кадра, ракурсов съемки, использования государственных, национальных и культурных символов, пространственного расположения политика, а также невербальных средств коммуникации — жестов, позы и мимики. Исследование данных элементов позволяет определить способы визуального конструирования статуса лидера, выявить доминирующие ценностные установки и установить, каким образом формируется восприятие политика как авторитетной, близкой аудитории либо доминирующей фигуры.

Четвертый уровень посвящен **анализу нарративной структуры политического образа.** В исследовании используется авторская аналитическая модель, разработанная на основе концепции «пути героя» Дж. Кэмпбелла, морфологии волшебной сказки В. Я. Проппа и теории стратегических нарративов А. Мискиммона, Б. О'Лафлина и Л. Розелль. В соответствии с данной моделью анализируется последовательность пяти структурных элементов политического повествования: **угроза — конфликт — герой — решение — образ будущего.**

В ходе анализа рассматриваются следующие исследовательские вопросы: какая проблема представляется в качестве ключевой угрозы; кто конструируется как источник этой угрозы; какую роль в разрешении конфликта занимает политический лидер; какое решение предлагается аудитории; каким образом формируется желаемый образ будущего.

Пятый уровень предполагает **определение коммуникационной функции архетипа.** В настоящем исследовании под коммуникационной функцией понимается роль, которую архетипическая модель выполняет в процессе политической коммуникации. К числу основных функций относятся легитимация власти, мобилизация сторонников, формирование общественного доверия, конструирование образа реформатора, демонстрация компетентности, обеспечение чувства безопасности и символическое объединение политического сообщества.

Предложенная методика основана на синтезе архетипической теории К. Г. Юнга, концепции архетипов бренда К. Пирсон и М. Марк, теории символической политики М. Эдельмана, концепции политического фрейминга Дж. Лакоффа, а также современных исследований политической коммуникации и стратегических нарративов. Комплексное применение указанных аналитических уровней позволяет выявить устойчивые архетипические модели, лежащие в основе формирования современных политических образов, и определить особенности их коммуникативной реализации в цифровом медиапространстве.

Таблица 1. Операционализация методики анализа архетипических конструктов

Уровень анализа	Единица анализа	Индикаторы	Метод
Архетипический	Политический образ	Доминирующий и комплементарные архетипы	Качественный анализ
Вербальный	Пост, выступление, интервью	Лексика, метафоры, слоганы, ценности	Контент-анализ
Визуальный	Фотографии, видеоматериалы	Цвет, композиция, символика, одежда, ракурс, жесты, мимика	Визуальный контент-анализ
Нарративный	Политическое сообщение	Угроза — конфликт — герой — решение — образ будущего	Нарративный анализ
Функциональный	Коммуникационная стратегия	Легитимация, мобилизация, доверие, реформирование и др.	Интерпретативный анализ

Последовательное применение пяти уровней позволяет перейти от фиксации архетипической модели к выявлению конкретных средств ее медиарепрезентации и далее — к определению коммуникативной функции. Таким образом, методика имеет не только описательный, но и диагностический характер: она позволяет установить, каким образом определенный архетип актуализируется в коммуникации политического лидера и какую роль выполняет в конструировании его публичного образа.

КЛАССИФИКАЦИЯ АРХЕТИПОВ В ОБРАЗАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ АМЕРИКИ И ЕВРОПЫ

При анализе образов современных политических лидеров важно отметить, что базовым архетипическим компонентом большинства политических образов является архетип **Правителя.** Данная архетипическая модель связана с функциями установления и поддержания порядка, обеспечения стабильности социальной системы, принятия ответственности за коллективное будущее, защиты существующих норм и ценностей.

Вместе с тем архетип Правителя не исчерпывает структуру современного политического образа. Цель настоящего исследования заключается в выявлении дополнительных архетипических ролей, которые актуализируются в коммуникации политических лидеров и формируют их индивидуальную идентичность в публичном пространстве.

Анализ практических кейсов позволил сформировать авторскую классификацию архетипических комбинаций современных политических образов. В качестве объектов исследования были выбраны публичные образы политических лидеров Европы и Северной Америки, включая Дональда Трампа, Эммануэля Макрона и других представителей современной политической элиты.

Правитель — Герой — Бунтарь: образ Дональда Трампа

Архетипическая формула образа. Результаты анализа позволяют сделать вывод, что публичный образ Дональда Трампа строится на сочетании трех взаимодополняющих архетипов: **Правителя**, **Героя** и **Бунтаря.** Доминирующим выступает архетип Правителя, тогда как Герой и Бунтарь выполняют функцию усиления и дифференциации политического образа.

Архетип Правителя проявляется в стремлении продемонстрировать способность контролировать ситуацию, принимать решения государственного масштаба и восстанавливать общественный порядок. Комплементарный архетип Героя формирует образ лидера, принимающего на себя ответственность за защиту граждан и готового к политическому противостоянию. Архетип Бунтаря проявляется через постоянное противопоставление политика существующей политической системе, бюрократическим институтам и политическим оппонентам, позиционируемым как препятствие на пути общественных преобразований.

Вербальная репрезентация архетипов в коммуникации Дональда Трампа характеризуется высокой степенью персонализации, директивностью и использованием конфликтной риторики. Архетип Правителя проявляется через формулы, подчеркивающие способность лидера принимать решения и обеспечивать их исполнение. Так, в публикации в социальной сети Truth Social, посвященной кадровым решениям администрации, Трамп использует директивную формулу: *«Let this serve as Official Notice of Dismissal for these 4 individuals, with many more, coming soon. YOU'RE FIRED!»*[1]

[1] Singh Kanishka and Mason Jeff “You're fired!” Trump tells Biden appointees, who say they already quit // Reuters : website. 2025, January 22. URL: https://www.reuters.com/world/us/trump-says-his-team-is-process-removing-over-thousand-biden-

(«Пусть это послужит официальным уведомлением об увольнении этих четырех лиц; за ними последуют многие другие. Вы уволены!»). Данная формулировка акцентирует персональную ответственность лидера и его способность непосредственно осуществлять властные полномочия.

Архетип Героя актуализируется через риторику личной защиты сторонников. В выступлении на съезде Республиканской партии Северной Каролины 10 июня 2023 г. Трамп заявил: *«In the end, they're not coming after me. They're coming after you, and I'm just standing in their way» («В конечном счете они идут не за мной. Они идут за вами, а я лишь стою у них на пути»)*[1]. Перенос угрозы с самого лидера на его сторонников формирует образ политика, который принимает удар на себя и выступает защитником политического сообщества.

Архетип Бунтаря реализуется через противопоставление действующей политической системы и заявленной программы преобразований. Одним из наиболее устойчивых вербальных маркеров данной модели является слоган ***Make America Great Again***, регулярно используемый Трампом в цифровой коммуникации. В частности, в публикациях Truth Social 2025 г. слоган используется как итоговая формула политических сообщений, связывающая деятельность президента с обещанием восстановления национального величия[2].

Таким образом, вербальная репрезентация Трампа сочетает три взаимосвязанных компонента: **Правитель** проявляется через директивность и демонстрацию властных полномочий, **Герой** — через риторику защиты сторонников и личного противостояния угрозе, **Бунтарь** — через противопоставление существующей политической системе и обещание ее преобразования.

Визуальная репрезентация архетипов Дональда Трампа характеризуется высокой степенью повторяемости символических элементов, обеспечивающих устойчивость политического образа.

Доминирующими визуальными кодами являются:

- официальный темно-синий костюм и красный галстук как элементы персональной визуальной идентичности;
- государственная символика США (флаги, президентская атрибутика, официальные резиденции);
- выступления за трибуной или в окружении представителей государственных институтов;
- фотографии среди многочисленных сторонников;
- низкие ракурсы съемки, визуально усиливающие ощущение лидерства и доминирования;
- активная жестикуляция, прежде всего указующий жест рукой, символизирующий контроль, принятие решений и обращение непосредственно к аудитории.

appointees-2025-01-21/ (date of access: 07.08.2026).

[1] Trump D. Remarks at the North Carolina Republican Convention in Greensboro. 2023, June 10 // The American Presidency Project : website. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-north-carolina-republican-convention-greensboro (date of access: 07.08.2026).

[2] Trump Donald J. (2nd Term), Truth Social Posts of May 26, 2025 Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project : website. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/377862 (date of access: 07.08.2026).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Прим. Рис. 1–5: изображения из личного блога Дональда Трампа, социальная сеть X

Подобная визуальная композиция систематически воспроизводит архетип Правителя, тогда как массовые митинги, эмоциональные выступления и динамичные кадры усиливают восприятие политика как Героя, находящегося в центре общественной борьбы.

Нарративная структура политического образа. Анализ публикаций показывает, что политическая коммуникация Дональда Трампа строится по устойчивой нарративной модели.

Угроза. В качестве источника угрозы последовательно конструируются политический истеблишмент, бюрократический аппарат, нелегальная миграция, внешние экономические конкуренты, а также решения предыдущих администраций.

Конфликт. Политическая борьба представляется как противостояние народа и существующей системы, где политик становится главным объектом давления именно потому, что представляет интересы граждан.

Герой. Центральной фигурой повествования выступает сам лидер, принимающий ответственность за преодоление кризиса и восстановление справедливости.

Решение. Решение связывается с проведением реформ, усилением государственного контроля, укреплением национального суверенитета и реализацией собственных политических инициатив.

Образ будущего. Конечной целью выступает возвращение к сильному и процветающему государству, что наиболее концентрированно выражено в слогане **Make America Great Again.**

Коммуникационная функция архетипов. В публичной коммуникации Дональда Трампа каждый архетип выполняет самостоятельную функцию.

Архетип Правителя обеспечивает легитимацию власти, демонстрацию компетентности и способности принимать государственные решения.

Архетип Героя способствует эмоциональной мобилизации сторонников посредством формирования образа лидера-защитника, принимающего личную ответственность за безопасность и благополучие общества.

Таблица 2. Эмпирический анализ архетипа политического образа Д. Трампа

Компонент	Результат анализа
Архетипическая формула	Правитель — Герой — Бунтарь
Доминирующий архетип	Правитель
Вербальные маркеры	Директивная риторика: «YOU'RE FIRED!»; риторика защиты: «They're not coming after me. They're coming after you, and I'm just standing in their way»; слоган «MAKE AMERICA GREAT AGAIN!»
Визуальные маркеры	Красный галстук, флаг США, трибуна, низкий ракурс, массовые митинги
Нарратив	Угроза — Борьба — Лидер — Победа — Возвращение величия
Коммуникационная функция	Легитимация власти, мобилизация сторонников, поляризация политического пространства

Архетип Бунтаря выполняет функцию политической поляризации, противопоставляя действующую систему интересам народа и усиливая восприятие политика как инициатора радикальных изменений.

Совокупность трех архетипов формирует целостную коммуникационную модель, в которой институциональная власть сочетается с образом борца и реформатора.

Проведенный анализ показывает, что политический образ Дональда Трампа представляет собой устойчивую архетипическую конструкцию **«Правитель — Герой — Бунтарь»**. Доминирующим является архетип Правителя, обеспечивающий восприятие политика как сильного руководителя, способного контролировать государственные процессы и принимать стратегические решения. Архетип Героя усиливает эмоциональную идентификацию аудитории через нарратив борьбы, личной ответственности и защиты общества. Архетип Бунтаря дополняет образ лидера противопоставлением существующей политической системе и акцентом на необходимости глубоких общественных преобразований. Именно сочетание данных архетипов обеспечивает высокую целостность и узнаваемость публичного образа Дональда Трампа в современной цифровой политической коммуникации.

Правитель — мудрец — герой (стратег): образ Эмануэля Макрона

Архетипическая формула образа. Проведенный анализ показывает, что публичный образ Эммануэля Макрона строится на сочетании архетипов **Правителя**, **Мудреца** и **Героя.** Доминирующим является архетип Правителя, определяющий институциональный характер политической коммуникации. Архетип Мудреца усиливает восприятие президента как компетентного государственного деятеля, принимающего решения на основе рационального анализа и долгосрочного стратегического планирования. Архетип Героя проявляется значительно менее эмоционально, чем в американской политической традиции, и реализуется преимущественно через мотив постоянной государственной деятельности, международного посредничества и коллективной ответственности.

Вербальная репрезентация архетипов. Коммуникация Э. Макрона характеризуется институциональной риторикой, акцентированием европейского единства, суверенитета и коллективной ответственности. Доминирующий архетип Правителя проявляется в позиционировании политика как субъекта, формулирующего стратегические цели и определяющего направление развития политического сообщества. Так, в выступлении в Сорбонне 25 апреля 2024 г. Макрон, обращаясь к собственному европейскому проекту, отмечает: *«Nous proposions alors de bâtir une Europe plus unie, plus souveraine, plus démocratique» («Мы предлагали построить более единую, более суверенную, более демократическую Европу»)*[1]. Формула «мы предлагали» конструирует образ политического лидера как инициатора и архитектора институциональных изменений.

Правительственная функция усиливается через риторику ответственности за будущее: *«Oui, nous sommes au moment de bascule, et notre Europe est mortelle. Simplement, cela dépend de nous» («Да, мы находимся в переломном моменте, и наша Европа смертна. Просто всё зависит от нас»)*[2]. В данном случае политический лидер не только обозначает угрозу, но и формирует рамку коллективной ответственности за ее преодоление.

Одновременно в коммуникации Макрона актуализируется архетип Мудреца. В интер-

[1] Macron E. Discours du Président de la République sur l'Europe à la Sorbonne. 2024, 25 avril // Élysée : website. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/04/24/discours-sur-leurope (date of access: 07.08.2026).

[2] Macron E. Discours du Président de la République sur l'Europe à la Sorbonne. 2024, 25 avril // Élysée : website. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/04/24/discours-sur-leurope (date of access: 07.08.2026).

вью TF1 и France 2 6 июня 2024 г. президент Франции связывает поддержку Украины с защитой общих ценностей, международного права и суверенитета: *«L'aider à résister, c'est protéger en effet ces valeurs, notre droit, la souveraineté des Ukrainiens, leur intégrité territoriale. Donc, c'est éviter la loi du plus fort» («Помогать ей сопротивляться — значит защищать наши ценности, наше право, суверенитет украинцев, их территориальную целостность. То есть не допустить закон сильнейшего»)*[1]. Таким образом, функция Мудреца реализуется через семантику смысла защиты, миропорядка.

Дополнительным проявлением Правителя является репрезентация лидера как носителя коллективного политического голоса. В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2024 г. Макрон заявляет: *«Je m'exprime ici au nom d'un pays…» («Я выступаю здесь от имени страны…»)*[2]. Тем самым лидер позиционирует себя не только как индивидуального политического актора, но и как представителя государства и носителя его ценностной позиции.

Таким образом, вербальная репрезентация Э. Макрона сочетает архетип Правителя, выраженный через стратегическое проектирование, институциональную субъектность и риторику ответственности, и архетип Мудреца — Героя, актуализируемый посредством семантики защиты, безопасности, права и сохранения общих общечеловеческих ценностей.

Визуальная репрезентация архетипов Эммануэля Макрона отличается высокой степенью институционализации и последовательностью визуальных кодов.

Архетип Правителя репрезентируется посредством официальной государственной символики: французского и европейского флагов, интерьеров Елисейского дворца, рабочего кабинета, президентской трибуны, делового костюма темно-синих оттенков и сдержанной цветовой палитры. Композиция кадров строится таким образом, чтобы подчеркнуть статус президента как главы государства, а не как публичной медийной личности (рис. 6–7; изображения взяты из личного блога Эммануэля Макрона, социальная сеть X).

Архетип Мудреца проявляется через изображения рабочих встреч, изучения документов, участия в экспертных дискуссиях, международных переговорах и официальных конференциях (рис. 8–9). Значительная часть фотографий фиксирует президента в процессе обсуждения, анализа или принятия решений, что усиливает восприятие компетентности и рациональности.

[1] Macron E. Interview du Président Emmanuel Macron sur TF1 et France 2. 2024, 6 juin // Élysée : website. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/06/06/interview-du-president-emmanuel-macron-sur-tf1-et-france-2 (date of access: 07.08.2026).

[2] Macron E. 79e Assemblée générale de l'Organisation des Nations unies à New York. 2024, 25 septembre // Élysée : website. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/09/25/79e-assemblee-generale-de-lorganisation-des-nations-unies-a-new-york (date of access: 07.08.2026).

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Архетип Героя реализуется посредством динамических визуальных сюжетов. Президент редко изображается в статичном положении перед камерой. Наиболее характерными становятся кадры, где он идет по коридорам государственных учреждений, направляется на переговоры, участвует в международных саммитах, общается с военными или мировыми лидерами (рис. 10–11). Таким образом формируется образ политика, постоянно вовлеченного в процесс государственного управления.

В отличие от визуальной стратегии Дональда Трампа, доминирующей становится не демонстрация силы, а демонстрация непрерывной государственной деятельности.

Нарративная структура политического образа Макрона существенно отличается от конфликтной структуры, характерной для популистских лидеров.

Угроза. Основными угрозами выступают геополитическая нестабильность, военные конфликты, ослабление европейской безопасности, изменение мирового порядка и кризисы международного сотрудничества.

Конфликт. Конфликт представлен не как противостояние политических противников внутри страны, а как совокупность внешних вызовов, требующих совместного ответа демократических государств.

Герой. Центральным субъектом повествования становится не отдельный политик, а коллективное европейское сообщество, действующее при координирующей роли президента Франции.

Решение. Решение связывается с дипломатией, институциональным взаимодействием, укреплением европейской интеграции, развитием оборонного сотрудничества и последовательной реализацией долгосрочных реформ.

Образ будущего. Будущее описывается как сильная, суверенная, демократическая и безопасная Европа, основанная на единстве государств и общей ответственности.

Коммуникационная функция архетипов Макрона следующая.

Архетип Правителя обеспечивает легитимацию государственной власти, демонстрацию политической стабильности и институциональной ответственности.

Архетип Мудреца формирует представление о президенте как компетентном стратеге, принимающем решения на основе экспертного знания и долгосрочного анализа.

Архетип Героя выполняет функцию консолидации общества через идеи совместной ответственности, международного сотрудничества и коллективного преодоления кризисов.

В совокупности данные архетипы формируют коммуникационную модель институционального лидерства, основанную на компетентности, дипломатии и стратегическом видении будущего.

Публичный образ Эммануэля Макрона представляет собой устойчивую архетипическую конструкцию **«Правитель — Мудрец — Герой»**. Доминирующим является архетип Правителя, который проявляется в институциональной репрезентации власти и акценте на государственном управлении. Архетип Мудреца усиливает образ за счет рациональности, экспертности и ориентации на долгосрочное стратегическое развитие. Архетип Героя реализуется не через персонализированную борьбу, а через постоянную политическую деятельность, дипломатическое посредничество и координацию коллективных усилий. В отличие от политической коммуникации Дональда Трампа, основанной на персональном лидерстве и конфликтном нарративе, модель Макрона строится вокруг институтов, коллективной ответственности и совместного проектирования будущего.

Таблица 3. Эмпирический анализ архетипа политического образа Э. Макрона

Компонент анализа	Результат
Архетипическая формула	**Правитель — Мудрец — Герой**
Доминирующий архетип	Правитель
Комплементарные архетипы	Мудрец, Герой
Вербальные маркеры	«Nous proposions alors de bâtir une Europe plus unie, plus souveraine, plus démocratique»; «Notre Europe est mortelle. Simplement, cela dépend de nous»; «L'aider à résister, c'est protéger en effet ces valeurs, notre droit, la souveraineté des Ukrainiens, leur intégrité territoriale»
Визуальные маркеры	Французский и европейский флаги, Елисейский дворец, рабочий кабинет, международные саммиты, переговоры, рукопожатия, деловой костюм, спокойная жестикуляция, динамичные кадры движения к месту переговоров.
Нарративная структура	**Угроза — Международные вызовы — Совместные действия — Европейское сотрудничество — Сильная и суверенная Европа**
Коммуникационная функция	Легитимация власти, формирование доверия к институтам, стратегическое лидерство, консолидация союзников.

Правитель-опекун (социальный защитник): образ Педро Санчеса

Архетипическая формула образа Педро Санчеса строится на сочетании архетипов **Правителя** и **Опекуна.** Доминирующим является архетип Правителя, обеспечивающий восприятие политика как ответственного руководителя государства. Комплементарный архетип Опекуна усиливает образ через идеи социальной защиты, общественного благополучия, равенства и поддержки граждан.

В отличие от моделей Дональда Трампа и Эммануэля Макрона, политическая коммуникация Санчеса значительно меньше ориентирована на персонализацию лидерства. Президент редко позиционирует себя как главного героя политического процесса. Центральным объектом его коммуникации становятся общество, государственные институты и качество жизни граждан.

Вербальная репрезентация архетипов П. Санчеса характеризуется сочетанием институциональной риторики, ориентации на социальное благополучие и акцентирования ответственности государства за решение общественных проблем. Доминирующий архетип Правителя проявляется в репрезентации политика как субъекта стратегического управления и принятия решений. Так, в выступлении в Конгрессе депутатов 10 апреля 2024 г., представляя стратегию правительства на государственном и европейском уровнях, Санчес отмечает, что ее целью является *«abordar con éxito dos de los retos que nos ocupan a nivel estatal y a nivel europeo» («успешно справиться с двумя вызовами, стоящими перед нами на государственном и европейском уровнях»)*[1]. Таким образом, лидер позиционируется как субъект, определяющий приоритеты и организующий коллективное действие в ответ на внешние и внутренние вызовы.

Архетип Опекуна проявляется через устойчивую риторику социальной защиты и повышения качества жизни граждан. В июле 2024 г., характеризуя социальную политику правительства, Санчес заявил: *«Nuestra única y gran prioridad es que la gente viva mejor y lo vamos a cumplir» («Наша единственная и главная задача — чтобы люди жили лучше, и мы этого добьемся»)*[2]. Формула «чтобы люди жили лучше» переводит коммуникацию из сферы абстрактного государственного управления в сферу непосредственной заботы о благополучии граждан.

Данная модель получает развитие в риторике укрепления социального государства. В декабре 2024 г. Санчес подчеркнул необходимость *«seguir fortaleciendo el Estado del bienestar y mejorando los salarios de los trabajadores» («продолжать укреплять го-*

[1] Sánchez P. Comparecencia del presidente del Gobierno, Pedro Sánchez, ante los medios de comunicación, junto al Primer Ministro de Portugal, Luís Montenegro, tras la XXXV Cumbre Hispano-Portuguesa. 2024, October 23 // La Moncloa : website. URL: https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/intervenciones/Paginas/2024/20241023-sanchez-rueda-prensa-cumbre-hispano-lusa.aspx (date of access: 23.08.2026).

[2] Sánchez P. Intervención del presidente del Gobierno para dar cuenta de las decisiones adoptadas en los Consejos Europeos. 2024, 17 July // La Moncloa : website. URL: https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/intervenciones/Paginas/2024/20240717-sanchez-comparecencia-congreso.aspx (date of access: 23.08.2026).

сударство всеобщего благосостояния и повышать заработную плату работников»)[1]. В данном случае функция Опекуна реализуется через семантику защиты социальных гарантий, поддержки работников и снижения социального неравенства.

В целом вербальная модель Санчеса строится по формуле: **«Мы — люди — стабильность — прогресс — будущее».**

Наиболее частотными смысловыми категориями являются *diálogo* (диалог), *igualdad* (равенство), *derechos* (права), *bienestar* (благополучие), *cooperación* (сотрудничество), *futuro* (будущее), что дополнительно усиливает архетип Опекуна.

Визуальная репрезентация архетипов Педро Санчеса существенно отличается от моделей Дональда Трампа и Эммануэля Макрона.

Архетип Правителя представлен посредством традиционных символов государственной власти: официальных мероприятий, участия в саммитах Европейского союза и НАТО, встреч с главами государств, рабочих совещаний и международных переговоров (рис. 12–13; изображения взяты из личного блога Педро Санчеса, социальная сеть X). В кадре регулярно присутствуют государственная символика Испании и Европейского союза, официальные интерьеры и деловой стиль одежды, подчеркивающие институциональный статус политика.

Архетип Опекуна реализуется через фотографии, демонстрирующие непосредственное взаимодействие президента с различными социальными группами (рис. 14–15). Наиболее распространенными являются изображения общения с гражданами, молодежью, семьями, медицинскими работниками, предпринимателями, представителями общественных организаций и волонтерами.

В отличие от политической коммуникации Трампа, где лидер визуально доминирует над аудиторией, или Макрона, где основное внимание уделяется государственным институтам, визуальная стратегия Санчеса строится вокруг идеи совместного действия. Президент чаще изображается как часть команды, а не как единственный центр принятия решений. На фотографиях регулярно присутствуют министры, представители региональных властей, общественных организаций и гражданского общества, что усиливает восприятие коллективного характера государственного управления.

[1] Sánchez P. Balance de la situación política y económica de España. 2024, December 23 // La Moncloa : website. URL: https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2024/231224-sanchez-balance-curso-politico.aspx (date of access: 23.08.2026).

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Нарративная структура политического образа Педро Санчеса ориентирована преимущественно на развитие и общественную консолидацию.

Угроза. В качестве основных вызовов обозначаются социальное неравенство, экономическая нестабильность, климатические изменения, международные кризисы и необходимость защиты демократических институтов.

Конфликт. Конфликт практически не персонализируется. В центре внимания находятся общественные проблемы, требующие совместного решения государства и общества, а не противостояние политическим оппонентам.

Герой. Центральным субъектом повествования выступают государственные институты и общество, действующие совместно. Сам политик выполняет координирующую и организующую роль.

Решение. Решение связывается с реализацией социальных программ, расширением прав граждан, развитием экономики, укреплением общественного диалога и международного сотрудничества.

Образ будущего. Будущее описывается как инклюзивное общество, основанное на социальной справедливости, устойчивом развитии, равных возможностях и высоком качестве жизни.

Коммуникационная функция архетипов Педро Санчеса следующая.

Архетип Правителя обеспечивает легитимацию государственной власти, демонстрацию политической стабильности и способности обеспечивать последовательное развитие страны.

Архетип Опекуна формирует представление о президенте как лидере, главной задачей которого является защита интересов граждан, снижение социальных рисков и повышение качества жизни населения.

Совместное использование данных архетипов создает коммуникационную модель социального лидерства, основанную на ответственности государства перед обществом, коллективном взаимодействии и долгосрочной социальной политике.

Проведенный анализ показывает, что публичный образ Педро Санчеса представляет собой устойчивую архетипическую конструкцию **«Правитель — Опекун»**. Доминирующим является архетип Правителя, обеспечивающий восприятие президента как ответственного государственного руководителя и носителя институциональной власти. Архетип Опекуна дополняет данный образ, акцентируя внимание на социальной защите, благополучии граждан и развитии общественного диалога. В отличие от Дональда Трампа, строящего коммуникацию вокруг борьбы и персонального лидерства, и Эммануэля Макрона, акцентирующего стратегическое управление и институциональную ответственность, политическая коммуникация Педро Санчеса ориентирована прежде всего на заботу о гражданах, социальную стабильность и коллективное развитие общества.

Таблица 4. Архетипическая модель политического образа Педро Санчеса

Компонент анализа	Результат
Архетипическая формула	**Правитель — Опекун**
Доминирующий архетип	Правитель
Комплементарный архетип	Опекун
Вербальные маркеры	«La política útil, la que mejora la vida de la gente»; «España avanza porque damos estabilidad y progreso a nuestro país y a sus gentes»; «Seguimos avanzando». Лексика: *la gente*, *estabilidad*, *progreso*, *igualdad*, *derechos*, *bienestar*, *cooperación*.
Визуальные маркеры	Общение с гражданами, семьями, молодежью, медицинскими работниками, представителями общественных организаций; совместные фотографии с министрами и командой; участие в саммитах ЕС; государственная символика Испании и ЕС; отсутствие персонального доминирования в кадре.
Нарративная структура	**Социальные вызовы — Совместная ответственность — Государственное управление — Социальные реформы — Благополучие и устойчивое развитие**
Коммуникационная функция	Легитимация власти, формирование доверия, демонстрация социальной ответственности государства, укрепление общественной солидарности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлена авторская методология диагностики и разработки архетипических моделей репрезентации политических лидеров в современных медиа. Предлагаемый подход основан на комплексном анализе пяти взаимосвязанных уровней репрезентации: архетипического, вербального, визуального, нарративного и функционального. Их последовательное рассмотрение позволяет выявить не только устойчивую архетипическую основу публичного образа политического лидера, но и конкретные способы ее актуализации посредством различных средств медиакоммуникации.

В рамках настоящего исследования архетип политического лидера рассматривается одновременно как устойчивая символическая модель, формирующаяся под воздействием социокультурных предпосылок и коллективных представлений, и как функциональная модель лидерского поведения, реализуемая в публичной коммуникации. Такое понимание позволяет перейти от определения архетипа как абстрактной характеристики личности к анализу его наблюдаемых медиапроявлений. Архетип актуализируется посредством вербальных и визуальных маркеров, нарративных структур, ценностных акцентов и коммуникативных функций, формируя определенный тип взаимодействия политического лидера с аудиторией.

Проведенный анализ подтвердил положение о том, что современные политические медиаобразы преимущественно не ограничиваются репрезентацией одного архетипа. Напротив, они строятся на сочетании доминирующего и комплементарных архетипических конструктов, каждый из которых выполняет определенную коммуникативную функцию. Доминирующий архетип задает базовую модель восприятия лидера, тогда как дополнительные архетипы позволяют акцентировать отдельные характеристики образа, адаптировать его к различным коммуникативным ситуациям и обеспечивать его дифференциацию в конкурентном медиапространстве.

Апробация методологии на материалах публичной коммуникации Д. Трампа, Э. Макрона и П. Санчеса показала различия в способах актуализации архетипических моделей. В коммуникации Д. Трампа доминирующий архетип Правителя сочетается с архетипами Героя и Бунтаря: образ строится посредством риторики власти, персональной ответственности, защиты сторонников, противостояния угрозе и преобразования существующего порядка. В коммуникации Э. Макрона архетип Правителя дополняется архетипом Опекуна, что проявляется в сочетании риторики политического проектирования, европейского лидерства, ответственности за коллективное будущее и защиты ценностей, суверенитета и прав. В медиакоммуникации П. Санчеса также выявлено сочетание Правителя и Опекуна, однако акцент смещается в сторону социальной защиты, благополучия граждан, укрепления социального государства и защиты прав человека. Таким образом, при наличии общего для рассмотренных кейсов управленческого компонента архетип Правителя получает различное содержательное наполнение в зависимости от политического и социокультурного контекста.

Полученные результаты позволяют предложить авторскую классификацию архетипических комбинаций современных политических медиаобразов, основанную на соотношении доминирующего архетипа и дополняющих его моделей. В рассмотренных кейсах Правитель выступает базовым организующим конструктом, обеспечивающим репрезентацию политического лидера как субъекта принятия решений, ответственности и управления, тогда как Герой, Бунтарь и Опекун усиливают соответственно характеристики борьбы и защиты, трансформации существующего порядка либо социальной и ценностной заботы.

Предложенная методология имеет не только диагностическое, но и прикладное значение. Выделение архетипического, вербального, визуального, нарративного и функционального уровней позволяет определить конкретные средства актуализации выбранного архетипического конструкта и тем самым использовать архетип как инструмент формирования и управления медиаобразом политического лидера. В практическом отношении это предполагает согласованное проектирование содержания сообщений, визуальной репрезентации, нарративов и коммуникативных функций образа с учетом выбранной архетипической модели.

Таким образом, архетипический подход может рассматриваться не только как инструмент интерпретации уже сформированных политических образов, но и как метод их целенаправленного конструирования. Его применение позволяет связать устойчивые культурные модели восприятия с конкретными технологиями современной медиакоммуникации и выявить механизмы, посредством которых политический лидер формирует узнаваемый и функционально согласованный публичный образ.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы, включением большего числа политических лидеров и национальных контекстов, а также с количественной проверкой выявленных архетипических комбинаций на значительных массивах цифровой политической коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения / сост. С. В. Перевезенцев. — Москва : ОЛМАПРЕСС, 2001. — 448 с. — ISBN 5-224-02123-5.
2. Аристотель. Политика // Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля / сост. В. В. Шкода. — Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. — С. 439–699. — ISBN 5-17-017103-X.
3. Бассак, А. О. Образ политического лидера и культурный контекст : опыт исторического анализа / А. О. Бассак, С. В. Любичанковский // Новое прошлое. — 2024. — № 3. — С. 211-218. — DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-211-218. — EDN JAGYBX.
4. Бетильмерзаева, М. М. Архетип и его роль в современной культуре / М. М. Бетильмерзаева, М. З. Мусаева // Общество: философия, история, культура. — 2024. — № 8(124). — С. 15-20. — DOI 10.24158/fik.2024.8.1. — EDN GERIKB.
5. Иванова, М. Г. Образ власти в контексте теории архетипов / М. Г. Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2020. — Т. 7, № 3. — С. 195-204. — DOI 10.22363/2312-8313-2020-7-3-195-204. — EDN EZLJZI.
6. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль. — Санкт-Петербург : Издание В. И. Яковенко, 1908. — 264 с.
7. Конфуций. Уроки мудрости / сост. М. А. Блюменкранц. — Москва : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2011. — 958 с.
8. Комаров, В. В. Организационное лидерство: подходы к определению и классификации стилей лидерства / В. В. Комаров // Лидерство и менеджмент. — 2022. — Т. 9, № 2. — С. 439-460. — DOI 10.18334/lim.9.2.114367. — EDN UPOWVL.
9. Комаров, В. В. Архетипические образы лидера / В. В. Комаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2024. — Т. 24, № 1. — С. 84-89. — DOI 10.18500/1819-7671-2024-24-1-84-89. — EDN DHTIHR.
10. Ницше, Ф. Антихрист. Ecce Homo. Сумерки идолов / Ф. Ницше. — Москва : АСТ, 2019. — 352 с. — ISBN 978-5-17-115205-5.
11. Пищева, Т. Н. Образ идеального политического лидера в массовом сознании Т. Н. Пищева, Н. П. Шелекасова // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. — 2004. — № 4. — С. 81–93.
12. Платон. Государство // Древнегреческая философия: от Платона до Аристотеля / сост. В. В. Шкода. — Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. — С. 91–438. — ISBN 5-17-017103-X.
13. Туркина, В. Г. Мифологемы как стереотипы массового сознания / В. Г. Туркина // Наука. Искусство. Культура. — 2016. — № 2(10). — С. 32-41. — EDN WJGLRJ.
14. Франц, М.-Л. фон. Архетипическое измерение психики / Мария-Луиза фон Франц. — Москва : Клуб Касталия, 2017. — 210 с.
15. Шестопал, Е. Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования / Е. Б. Шестопал // Образы государств, наций и лидеров / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Философский факультет, Кафедра политической психологии. — Москва : Аспект пресс, 2008. — С. 8-24. — EDN YKHQFN.
16. Шомова, С. А. Ключ к власти (Архетипические паттерны политической риторики) / С. А. Шомова // Медиаскоп. — 2014. — № 3. — С. 13. — EDN STAMYL.
17. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. — Москва : АСТ, 2019. — 495 с. — ISBN 978-5-17-108753-1.
18. Kets de Vries, M. F. R. Development and Application of the Leadership Archetype Questionnaire / M. F. R. Kets de Vries, P. Vrignaud, A. Agrawal, E. Florent-Treacy // The International Journal of Human Resource Management. — 2010. — Vol. 21, No. 15. — P. 2848–2863. — DOI 10.1080/09585192.2010.528668.

REFERENCES

1. Perevezentsev, S. V. (Ed.) (2001). Antologiya filosofii Srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniya = Anthology of Medieval and Renaissance Philosophy. Moscow: OLMAPRESS, 448 p. ISBN 5-224-02123-5.
2. Aristotle. (2003). Politika = Politics. *Ancient Greek Philosophy: From Plato to Aristotle (Ed. V. V. Shkoda)*, 439–699. Moscow: AST; Kharkov: Folio.
3. Bassak, A. O., Lyubichankovskiy, S. V. (2024). Obraz politicheskogo lidera i kul'turnyj kontekst: opyt istoricheskogo analiza = The Image of a Political Leader and Cultural Context: An Experience of Historical Analysis. *The New Past*, *3*, 211–218. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-211-218. EDN JAGYBX.
4. Betil'merzaeva, M. M., Musaeva, M. Z. (2024). Arkhetip i ego rol' v sovremennoj kul'ture = The Archetype and Its Role in Contemporary Culture. *Society: philosophy, history, culture*, *8*, 15–20. DOI 10.24158/fik.2024.8.1. EDN GERIKB.
5. Ivanova, M. G. (2020). Obraz vlasti v kontekste teorii arkhetipov = The Image of Power in the Context of Archetype Theory. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Public and Municipal Administration*, *7*(3), 195–204. DOI 10.22363/2312-8313-2020-7-3-195-204. EDN EZLJZI.
6. Carlyle, T. (1908). Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii = Heroes, Hero-Worship, and the Heroic in History. St. Petersburg: Izdanie V. I. Yakovenko. 264 p.
7. Confucius. (2011). Uroki mudrosti = Lessons of Wisdom (Comp. M. A. Blyumenkrants). Moscow: Eksmo; Kharkov: Folio. 958 p.
8. Komarov, V. V. (2022). Organizacionnoe liderstvo: podhody k opredeleniyu i klassifikacii stilej liderstva = Organizational Leadership: Approaches to Defining and Classifying Leadership Styles. *Leadership and Management*, *9*(2), 439–460. DOI 10.18334/lim.9.2.114367. EDN UPOWVL.
9. Komarov, V. V. (2024). Arkhetipicheskie obrazy lidera = Archetypal Images of a Leader. *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, *24*(1), 84–89. DOI 10.18500/1819-7671-2024-24-1-84-89. EDN DHTIHR.
10. Nietzsche, F. (2019). Antikhrist. Ecce Homo. Sumerki idola = The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols. Moscow: AST, 352 p. ISBN 978-5-17-115205-5.
11. Pishcheva, T. N., Shelekasova, N. V. (2004). Obraz ideal'nogo politicheskogo lidera v massovom soznanii = The Image of an Ideal Political Leader in Mass Consciousness. *Bulletin of Moscow University. Ser. 12, Political Science*, *4*, 72–81.
12. Plato. (2003). Gosudarstvo = The Republic. *Ancient Greek Philosophy: From Plato to Aristotle (Ed. V. V. Shkoda)*, 91–438. Moscow: AST; Kharkov: Folio. ISBN 5-17-017103-X.
13. Turkina, V. G. (2016). Mifologemy kak stereotipy massovogo soznaniya = Mythologemes as Stereotypes of Mass Consciousness. *Science. Art. Culture*, *2*(10), 32–41. EDN WJGLRJ.
14. Franz, M.-L. von. (2017). Arkhetipicheskoe izmerenie psihiki = The Archetypal Dimension of the Psyche. Moscow: Klub Kastaliya, 210 p.
15. Shestopal, E. B. (2008). Obraz i imidzh v politicheskom vospriyatii: aktual'nye problemy issledovaniya = Image and Political Image in Political Perception: Current Issues of Research. *Images of States, Nations and Leaders (E. B. Shestopal).* Moscow: Aspect Press, 8–24. EDN YKHQFN.
16. Shomova, S. A. (2014). Klyuch k vlasti: arkhetipicheskie patterny politicheskoj ritoriki = The Key to Power: Archetypal Patterns of Political Rhetoric. *Mediaskop*, *3*, 13. EDN STAMYL.
17. Jung, C. G. (2019). Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe = The Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow: AST, 495 p. ISBN 978-5-17-108753-1.
18. Kets de Vries, M. F. R., Vrignaud, P., Agrawal, A., Florent-Treacy, E. (2010). Development and Application of the Leadership Archetype Questionnaire. *The International Journal of Human Resource Management*, *21*(15), 2848–2863. DOI 10.1080/09585192.2010.528668.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.29;16.21.35* *Код ВАК 5.9.6 «Германские языки»*

Дарья Дмитриевна Савко
Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск, Республика Беларусь, lady.savko@mail.ru, SPIN-код: 1881-3854

Эксплицитные лексические маркеры англоязычного мнемического нарратива

АННОТАЦИЯ. *В статье представлены результаты исследования неавтономных мнемических нарративов (способ вербализации памяти), взятых из интервью американских и британских политиков за период с 2004 по 2025 год. Исследуется англоязычный политический медиадискурс, в контексте которого нарратив понимается не только как повествование, сконцентрированное вокруг определенного события, но и как механизм конструирования национально-культурной идентичности. Политическое интервью рассматривается как одна из форм существования политического медиадискурса, мнемический нарратив — как средство вербализации памяти, а мнемический политический нарратив определяется как вербальный способ объективации личного и социокультурного опыта политиков. Актуальность исследования обусловлена отсутствием комплексного лингвистического описания мнемического политического нарратива и необходимостью выявления его функциональной роли в процессах передачи и репрезентации элементов коллективной памяти. Выявляются эксплицитные лексические способы маркирования мнемического нарратива в современных англоязычных политических интервью. В качестве обозначенных маркеров рассматриваются мнемические глаголы, демонстрирующие специфические характеристики в контексте политических интервью, существительные и прилагательные с соответствующей семантикой. Делается вывод о влиянии социального статуса, личностных характеристик и индивидуальных особенностей памяти политика на выбор языковых средств в мнемическом нарративе.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, политические тексты, политические деятели, лексические маркеры, английский язык, мнемический нарратив, политическое интервью, речевые жанры, глаголы памяти, мнемические существительные, мнемические прилагательные.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Савко Дарья Дмитриевна, аспирант, преподаватель кафедры теории и практики перевода, переводческий факультет, Белорусский государственный университет иностранных языков, г. Минск, Республика Беларусь, email: lady.savko@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Савко, Д. Д.* Эксплицитные лексические маркеры англоязычного мнемического нарратива / Д. Д. Савко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 113-120.

Darya D. Savko
Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Republic of Belarus, , lady.savko@mail.ru, SPIN code: 1881-3854

Explicit Lexical Markers of English-Language Mnemonic Narrative

ABSTRACT. *The article presents the results of a study of non-autonomous mnemonic narratives (a method of memory verbalizing) taken from interviews with American and British politicians between 2004 and 2025. The article explores English-language political media discourse, where narrative is understood not only as a story centered around a specific event, but also as a mechanism for constructing national and cultural identity. The political interview is considered one of the forms of existence of political media discourse, the mnemonic narrative is interpreted as a means of memory verbalization, and the mnemonic political narrative is defined as a verbal method of objectifying the personal and socio-cultural experience of politicians. The relevance of this study is due to the lack of a comprehensive linguistic description of the mnemonic political narrative and the need to identify its functional role in the processes of transfer and representation of elements of collective memory. The article highlights the explicit lexical means of marking the mnemonic narrative in modern English-language political interviews. These markers include mnemonic verbs that demonstrate specific characteristics in the context of political interviews, as well as nouns and adjectives with the corresponding semantics. The study concludes that the social status, the personality traits, and the individual memory characteristics of a politician influence the choice of linguistic means in the mnemonic narrative.*

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, political texts, politicians, lexical markers, English language, mnemonic narrative, political interview, speech genres, verbs of memory, mnemonic nouns, mnemonic adjectives.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Savko Darya Dmitriyevna, Post-Graduate Student, Lecturer of Department of Translation Theory and Practice, Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Republic of Belarus.*

FOR CITATION: *Savko D. D.* (2026). Explicit Lexical Markers of English-Language Mnemonic Narrative. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 113-120. (In Russ.).

© Савко Д. Д., 2026

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе медиалингвистика является самостоятельным научным направлением, одним из ключевых понятий которого выступает медиадискурс — «медиатекст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Авакова 2018: 20]. К типичным признакам медиадискурса М. Р. Желтухина относит «публичность или ориентированность на массовую аудиторию; соотнесенность адресата с определенной группой; порождение противоречивых ситуаций с возможной последующей дискуссией; направленность одновременно на несколько групп» [Желтухина 2003: 27–40].

В настоящее время ведется интенсивное изучение политического медиадискурса как специфического явления, отражающего реальность политических процессов с помощью средств массовой информации, и как инструмента, оказывающего значительное влияние на формирование политических взглядов граждан [Карасик 2018; Коньков 2018; Лобанова 2018; Сулина 2014]. Последняя определяет политический медиадискурс как «коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности…» [Сулина 2014: 221]. Основной функцией политического медиадискурса является «формирование коллективной политической картины мира посредством выработки и трансляции определенных образов и смыслов, мифологем и идеологических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений» [Русакова, Грибовод 2014: 67–68].

При рассмотрении медийного дискурса представители средств массовой информации мыслятся выполняющими посредническую функцию между политиками и общественностью. Е. И. Шейгал отмечает, что журналисты в интервью выступают в роли «медиаторов» и выделяет три их типа: «*ретранслятора* — журналиста, непосредственно озвучивающего высказывания политика; *конферансье* — журналиста, представляющего политика и тему интервью; *интервьюера*, контролирующего ход коммуникации и выражающего свою точку зрения» [Шейгал 2004: 58–59]. Таким образом, можно говорить об интервью как одной из форм существования политического медиадискурса.

Нарратив является важным средством для постижения и осмысления политических явлений благодаря своей способности создавать связную и логичную историю. Будучи продуктом дискурсивной практики — основного механизма самовыражения языковой личности, нарратив формируется в рамках устного общения, что правомерно определяет его как «сознательно конструируемый говорящим с определенной целью текст, создавая который, в условиях иноязычной межкультурной коммуникации автор исходит из своих представлений о субъекте и событии и закладывает в речь интерпретацию своего опыта с учетом языковых и социокультурных знаний и представлений об инокультурной реальности» [Обдалова, Левашкина 2019: 342]. В. Шмид указывает на важность параметров нарратива: *нарратора*, от имени которого ведется повествование, «голоса опосредующей инстанции, называемой „повествователем“ или „рассказчиком“» [Шмид 2008: 10], и *содержания текста*, в котором «…должна излагаться некая история, состоящая из событий» [Шмид 2008: 10]. Нарратор, как носитель мнемического опыта, обладающий способностью оязыковлять его в виде историй, сам выбирает содержание и способ повествования, позиционируя себя как участника или наблюдателя. «Сообщение оказывается представленным в форме истории, рассказанной в соответствии с определенными правилами, характеризующими конкретную лингвокультуру» [Обдалова, Левашкина 2019: 342], что позволяет говорить о национально-культурной специфике нарратива.

По мнению Г. И. Мусихина, нарративы в политике «формируют политические смыслы через речевые ситуации, развивающиеся через взаимодействие суждений» [Мусихин 2024: 119], что способствует определению нарратива в политическом контексте как «специфической речевой ситуации оценочного повествования» [Мусихин 2024: 119] на политическую тему. Автор считает, что «создание убедительного политического нарратива становится важнейшим условием политического лидерства, так как подобный нарратив воплощает в себе коллективное самоосознание политического сообщества как отождествление» [Мусихин 2024: 122]. По мнению Е. И. Шейгал, ключевым связующим звеном между политическим дискурсом и нарративом является «объяснительность», и автор говорит о политическом нарративе как «совокупности дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события» [Шейгал 2007: 87].

Для иллюстрации и разъяснения различных политических событий одним из эффективных способов является убедительная история или повествование. Аналогичным образом, яркие примеры из прошлого, обла-

дающие силой убеждения, помогут проанализировать и осмыслить собственный политический опыт. Такими примерами выступают мнемические нарративы — повествования «о жизненном или экзистенциальном опыте, хранящемся в памяти субъекта» [Тивьяева 2020: 307; Тивьяева 2020; 2021]. Мнемический политический нарратив — это особый вид повествования, включающий в себя воспоминания политика, представленные в форме истории о его личном опыте. Одним из способов передачи некоторого личного опыта и знаний широкому кругу слушателей является нарративное политическое интервью, которое недостаточно изучено в современной лингвистической литературе. Последним обстоятельством обусловлена актуальность и новизна настоящего исследования, целью которого является выявление эксплицитных лексических маркеров мнемической нарративизации в современном англоязычном политическом интервью. Лексические маркеры представляют собой ключевые единицы, использующиеся для организации и структурирования воспоминаний, помогают аудитории (читателям или слушателям) ориентироваться во времени, причинах и связях событий, позициях сторон, а также формируют смысловую структуру текста. Практический материал изучен при помощи дискурс-, компонентного, стилистического и количественного анализа.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В качестве эмпирической базы использовался корпус из 2025 неавтономных мнемических политических нарративов («личностных, идеологических, событийных» [Шейгал 2007: 89]), входящих в состав автономных («способных функционировать в качестве самостоятельного законченного текста» [Тивьяева 2020: 305]) нарративов, отобранных методом целенаправленной выборки из 158 англоязычных нарративных интервью с американскими и британскими политиками (видеозаписей и транскриптов, находящихся в свободном доступе в сети Интернет за период с 2004 по 2025 год).

На эксплицитном уровне маркеры реализуются частотными глаголами памяти: *to remember, to forget, to recall, to remind*; идиомой *to keep in mind*; фразовым глаголом *to look back (on).*

Глагол *to remember* ‘помнить’ (самый частотный, 29 % случаев вербализации, где за 100 % приняты случаи вербализации всех глаголов, составляющих выборку) в утвердительной форме описывает хранение информации в памяти, произвольное и/или непроизвольное ее восстановление; в отрицательной форме описывает утрату информации; в вопросительной форме является запросом информации из памяти; в повелительном наклонении запрашивает запоминание каких-то явлений: *one has (got) to/just remember; (if) one (can/cannot/may/may not/ ought to/should/will)(just)remember(s); as far as somebody remembers; somebody (does/did)/ (as/when) remember(s); to remember+ ing form/noun/that; not to know if somebody will remember;(somebody) honest to God not to remember; let somebody remember; (what) somebody remembers? not to (even/consciously/specifically) +remember; suffice it to remember; that’s how somebody remembers; somebody can’t/doesn’t remember what +Past simple, etc.*

Проиллюстрируем сказанное примерами. В ходе эксклюзивного интервью президента США Д. Трампа телеканалу «Си-Би-Эн» в 2022 году, ведущий политолог Д. Броуди, обсуждая с Трампом вопрос легитимности президентских выборов в Соединенных Штатах, обратился к нему с соответствующим запросом: *Do you believe that Democrats are playing the risks?* ‘*Считаете ли Вы, что Демократы рискуют*? ’ (президент США в 2022 г. Дж. Байден представлял Демократическую партию, в то время как Д. Трамп представлял интересы Республиканцев). На что Д. Трамп ответил: *They always play risk, they play the risk hard for* ***as long as I can remember****. They play it so much that people don’t take it so seriously anymore, that’s a positive thing…. they played the risks* **for *many years, as long as I can remember*** [CBN News Exclusive interview of Donald Trump to David Brody, chief political analyst,18 May 2022]. ‘*Они всегда рискуют, они сильно рискуют,* ***сколько я себя помню****. Они так сильно рискуют, что люди уже не воспринимают это так серьезно, это положительный момент… они рисковали много лет,* ***сколько я себя помню***’ (здесь и далее перевод наш — Д. С.). В данном примере мнемический глагол *to remember* входит в коллокацию *as long as I can remember.* Д. Трамп констатирует факт длительного хранения в памяти определенной информации, о чем свидетельствуют фразы *as long as, for many years.*

В ходе интервью с телеканалом «Эй-Би-Си Ньюс» в 2017 году президент Трамп заверил журналиста Д. Муира о планах улучшить систему здравоохранения в стране во время своего президентства. Он также выразил уверенность в том, что закон о доступном медицинском страховании (англ. *Obamacare*), принятый при президенте Б. Обаме в 2010 году, потерпит крах, по-

скольку, по его мнению, является неэффективным. При этом Трамп ссылался на период до 2010 года, когда, по его словам, большинство граждан были удовлетворены существующей системой здравоохранения: ***And remember this****, before Obamacare you had a lot of people that were very, very happy with their health care. And now those people in many cases don't even have health care. They don't even have anything that's acceptable to them.* ***Remember this****, keep your doctor, keep your plan, 100 percent.* ***Remember the $5 billion website****?* ***Remember the website fiasco****?* [TRANSCRIPT: ABC News anchor David Muir interviews President Trump, 25 January 2017]. '*И* ***помните****, что до реформы Обамы было много людей, которые были очень, очень довольны своим здравоохранением. А теперь эти люди во многих случаях даже не имеют медицинского обслуживания или чего-то, что было бы им доступно.* ***Запомните это****: сохраните своего врача, сохраните свой план на 100 процентов*'. В данном примере мы видим употребление мнемического глагола *to remember* в повелительном наклонении, где он представляет собой побуждение к запоминанию, то есть апелляцию к мнемическому опыту интервьюера. Повторение конструкций неудивительно, так как политические деятели делятся какой-то информацией с журналистами, и, если данная информация важна или они хотят, чтобы общественность знала о ней, они апеллируют к журналистам с целью убедить их (журналистов) запомнить данную информацию. В эллиптированной структуре вопроса, где пропущен вспомогательный глагол *do*, Д. Трамп также взывает к мнемическому опыту Д. Муира. Употребление сокращенного вопроса говорит о следовании Трампом культурному представлению о ценности времени, также его неформальности, что является типичной чертой американского национального характера: ***Remember*** *the $5 billion website?* ***Remember*** *the website fiasco?* '***Помните*** *веб-сайт стоимостью 5 миллиардов долларов?* ***Помните*** *фиаско с сайтом?* '.

В 2023 году спецпрокурор Р. Гур расспрашивал президента Дж. Байдена в рамках расследования утечки секретной информации о войне в Афганистане, произошедшей в 2017 году. По результатам был составлен отчет, в котором отмечается, что президент не смог точно вспомнить детали своего пребывания на посту вице-президента и хранения секретных документов в своем гараже. Задаваемые вопросы касались событий, произошедших за несколько лет до допроса. Ключевой частотной фразой данного интервью была *I don't remember* 'я не помню', которую Дж. Байден произнес 42 раза [Recorded interview between Special Counsel Robert Hur (Sco)…and President Joseph R. Biden, Jr., 8 October 2023].

В политических интервью встречается глагол *to remind* 'напоминать' в утвердительной форме. Он указывает на напоминание или побуждение к напоминанию, что характеризует мнемический процесс. В примере, приведенном с участием Дональда Трампа, этот глагол используется для объяснения причин его отсутствия на дебатах. Он ссылается на негативное отношение средств массовой информации к своей персоне: *The network isn't particularly friendly to me…* [Tucker Carlson interviews Donald Trump on Debate Night, 23 August 2023]. '*Теле- и радиовещательные компании не особенно дружелюбны по отношению ко мне...'*. Далее при помощи данного глагола Д. Трамп говорит о том, что ситуация 2023 года напомнила ему ситуацию 2016 года и подобное отношение со стороны телевидения и радио: *It* ***reminded*** *me of 2016, when I went through the same stuff, I had to fight them(networks) all the way and then they became very friendly after I won. I thought it would be not appropriate to do the debates* [Tucker Carlson interviews Donald Trump on Debate Night, 23 August 2023]. '*Это* ***напомнило*** *мне 2016 год, когда я прошел через то же самое, мне пришлось бороться с ними (теле- и радиовещательными компаниями) на протяжении всего пути, а затем они стали очень дружелюбными после моей победы. Я подумал, что не стоит устраивать дебаты*'.

В ходе анализа интервью были выявлены другие конструкции с глаголом *remind: let somebody remind (somebody), somebody (would) like to remind somebody, to allow oneself to remind somebody, reminding.* В сравнении с глаголом *to remember*, данный глагол демонстрирует существенно меньшую частоту вербализации, достигая всего 15 % от общего количества случаев его реализации в речи.

Употребление глагола *to forget* 'забывать' в повелительном наклонении, как правило, используется для побуждения к утрате информации из памяти, то есть к забыванию, принудительному или носящему рекомендательный характер. Однако использование глагола в отрицательной форме, наоборот, побуждает к запоминанию, как в следующем примере, где в интервью газете «Уолл-стрит джорнэл» в 2018 году президент Трамп, рассказывая о своей победе на выборах, призывал журналистов запомнить количество побежденных им губернаторов и

сенаторов при помощи отрицательной формы глагола *to forget* в повелительном наклонении: ***Don't forget**, I had vanquished 17 governors, senators plus a couple of very smart people, like Ben and Carly and others. I had vanquished them easily — easily. I won every debate based on the polls* [Transcript of Donald Trump Interview with The Wall Street Journal, 11 January, 2018]. '***Не забывайте**, что я победил 17 губернаторов, сенаторов и пару очень умных людей, таких как Бен, Карли и другие. Я победил их легко и просто. Я выиграл все дебаты, согласно опросам*'. В данном примере Трамп побуждает журналистов к запоминанию не смысловой информации, а скорее количественного состава: 17 губернаторов, сенаторов и пару очень умных людей (точное количество не дается, так как вряд ли сам Трамп это знает). Анализ всех интервью с Д. Трампом свидетельствует о его частом оперировании цифрами (для иллюстрации каких-то примеров), датами и процентами. Однако в интервью отсутствует либо согласие с информацией, либо противоречие ей. Журналисты без комментирования переходят к другим вопросам.

В политической сфере случаи признания со стороны политических деятелей о забывании чего-либо с использованием лексемы *to forget* крайне редки. Только Джо Байден упоминал о неспособности вспомнить определенную дату или информацию. Даже если по каким-то причинам политики не обладают воспоминаниями о чем-то или предпочитают не афишировать наличие информации, они прибегают к глаголу to *remember* в отрицании. Это позволяет им поставить под сомнение достоверность того, что предполагалось знать, или свойственные им когнитивные способности. Употребление глагола *to forget* с личным местоимением в первом лице ед. числа допускает двойственное толкование: либо действительное забывание, либо симуляцию забывания. Последнее неприемлемо как для действующих президентов, так и для бывших. Среди частотных выражений с глаголом *forget* (20 % случаев), мы обнаружили следующие: *not to forget/ be forgotten, let somebody not forget, somebody (shouldn't/ cannot/ mustn't/might not/ might/ need to/have to) forget, (by no means) somebody has forgotten.* Становится очевидным, что главным образом глагол употребляется в отрицательной форме, способствуя или призывая к запоминанию.

Глагол *to recall* 'вспомнить' напоминает о хранении какой-то информации в памяти. В ходе интервью, проведенного в феврале 2004 года ведущим программы «Встреча с прессой» на телеканале «Эн-Би-Си» Т. Рассертом, президенту Джорджу Бушу был задан вопрос о восприятии американских войск в Ираке. Запрос журналиста касался того, учитывал ли президент Буш отношение населения Ирака к присутствию американских войск (вторжение в Ирак, начавшееся в марте 2003 года, было частью антитеррористической кампании администрации Буша, запущенной в ответ на теракты 11 сентября 2001 года). Реплика журналиста не понравилась президенту Бушу, который заявил, что американские войска были радушно встречены в Ираке. В поддержку своих слов он провел параллель с историей США, где становление демократии заняло значительное время. Использование глагола *to recall* в сочетании с существительным *history* (которое мы относим к имплицитному лексическому средству выражения мнемического нарратива [Савко 2025: 243]) служит для усиления эффекта и демонстрации оратором своей хорошей памяти и знания истории США: …..*that people that I have seen at least are thrilled with the activities we've taken…. In nine months' time, there's we're now saying, democracy must flourish. And **as I recall from my history**, it took us quite a while here in the United States, but nevertheless we are making progress* [Complete Transcript of NBC interview "Meet the Press" with President Bush, 8 February 2004]. '… *что люди, которых я видел, по крайней мере, в восторге от нашей деятельности… Через девять месяцев, как мы сейчас говорим, демократия должна расцвести. **Насколько я помню из своей истории**, у нас в Соединенных Штатах это заняло довольно много времени, но, тем не менее, мы добиваемся прогресса*'.

Вопросительная форма глагола *to recall* с обращением относится к запросу информации из памяти; отрицательная форма данного глагола обозначает отсутствие информации в памяти. В упомянутом мнемическом интервью с Джо Байденом, глагол *to recall* в различных видо-временных и грамматических формах в отрицании явился вторым по частотности (был произнесен 25 раз) после глагола *to remember* в отрицании в конструкциях *not to/can't recall something/ doing something, etc* [Recorded interview between Special Counsel Robert Hur (Sco)… and President Joseph R. Biden, Jr., 8 October 2023]. Среди других выражений, упоминающих глагол *to recall*, можно отметить следующие: (*can/will/always) recall (the fact), (would) like to recall, somebody recalls* и т. д. Данный глагол был зафиксирован в 18 % случаев своей вербализации.

Кроме упомянутых глаголов, политики использовали идиому to *keep in mind* 'пом-

нить’ (5 %), обозначающую мнемический процесс сохранения в памяти, и фразовый глагол *to look back (on)* ‘вспоминать’ (8 %), обозначающий процесс восстановления в памяти. В интервью Б. Обамы корреспонденту программы «Встреча с прессой» на канале «Эн-Би-Си» Ч. Тодду в 2014 беседа шла в основном о борьбе Америки с международным терроризмом. Обращаясь к корреспонденту, Обама озвучил план действий для борьбы с терроризмом как напоминание для корреспондента и сограждан о невмешательстве США во внутреннюю политику других стран, несмотря на наличие в них террористических организаций: *But **keep in mind** … our goal should not be to think that we can occupy every country where there's a terrorist organization* [President Barack Obama's Full Interview with NBC's Chuck Todd, 7 September 2014]. ‘*Но **помните**… наша цель не должна заключаться в том, чтобы думать, что мы можем оккупировать каждую страну, где есть террористическая организация*’.

В 2004 году упомянутый выше ведущий программы «Встреча с прессой» задал президенту Дж. Бушу вопрос, поддерживал ли он войну во Вьетнаме, на что последний ответил положительно. Далее, используя фразовый глагол *to look back*, он добавил, что по прошествии времени, вспоминая войну во Вьетнаме, он понял, что это была политическая война, и это его беспокоило: *The thing about the Vietnam War that troubles me as **I look back** was it was a political war* [Complete Transcript of NBC interview “Meet the Press” with President Bush, 8 February 2004]. ‘*Когда я **вспоминаю** войну во Вьетнаме, меня беспокоит то, что это была политическая война*’.

Помимо глаголов, именующих мнемическую деятельность, нами были выявлены существительные *reminder* ‘напоминание’*, memory* ‘память’*, mind* ‘мысли’*, reflections* ‘размышления’*, recollection* ‘воспоминание’*, (in) retrospect* ‘ретроспектива’*, memoir* ‘мемуар’*, chronology* ‘хронология’, которые использовались в коллокациях *to keep in mind* ‘помнить’*, to have in mind* ‘иметь в виду (помнить)’*, to have a memory* ‘иметь воспоминание’*, to live with memory* ‘жить с памятью’*, to remain in the memory of people* ‘оставаться в памяти’*, to refresh one’s recollection* ‘освежить в памяти’*, to recall chronology* ‘вспомнить хронологию’; прилагательные *memorable* ‘запоминающийся’*, mindful* ‘внимательный’.

Например, в неавтономном мнемическом нарративе, взятом из интервью бывшего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона за несколько дней до объявления отставки, журналист отметил попытки сотрудников его администрации представить его осведомленность о ситуации как недостаточную, на что Джонсон представил свою интерпретацию произошедших событий при помощи мнемического существительного *recollection* ‘воспоминание’ и отметил, что, по его воспоминаниям, он был объектом лишь одного обращения с жалобой: *… I was, I’m afraid, focusing on other things at the time. But what I'm telling you now is **my recollection** of events. And my r**ecollection** is that there was one complaint that was raised with me specifically…* [I apologize to everybody: Boris Johnson blustered and grovelled in seven-minute long excruciating BBC interview... before Sajid Javid triggered resignation plot, 5 July 2022]. ‘*... Боюсь, в то время я был сосредоточен на других вещах. Но то, что я вам сейчас рассказываю, — это мои **воспоминания** о событиях. И **я помню**, что была одна жалоба, которая была высказана конкретно мне...*’

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ мнемических неавтономных нарративов, взятых из англоязычных политических интервью, выявил наличие лингвистических средств выражения мнемического нарратива: глаголов памяти *to remember, to forget, to recall, to remind* в разных коллокациях, временах и наклонениях; идиому *to keep in mind,* фразовый глагол *to look back (on).* Наиболее частотен глагол *to remember* (29 % из общего числа случаев вербализации), который используется для обозначения помещения информации в память, ее хранения в памяти и обращения к ней. Наименее употребительным является глагол *to remind* (15 %), который главным образом стимулирует запрос из памяти. Глагол *to forget* встречается в 20 % случаев реализации, глагол *to recall* — в 18 %, употребление идиомы *to keep in mind* и фразового глагола *to look back (on)* мы обнаружили в 5 и 8 % примеров соответственно. Глаголы *to memorialize* ‘увековечить память’ и *to misremember* ‘неправильно запомнить’ были отмечены в 2,5 % случаев вербализации. Других глаголов памяти в проанализированных интервью выявлено не было. Частое употребление глаголов *to remember* и *to recall* подчеркивает важную роль памяти как источника и инструмента аргументации и делает данные глаголы основными маркерами запоминания и обращения к памяти. Частота использования глаголов *to remind* и *to forget* указывает на тенденцию к манипулированию памятью политиками, призыв к сохранению необходимой информации

(*to keep in mind*) и попытки стимулировать воспоминания у аудитории через контекст или связанные события. Низкая частота употребления глаголов *to memorialize* и *to misremember* свидетельствует о редком использовании в политическом дискурсе более формализованных или искаженных форм памяти.

Помимо глаголов мнемической семантики, выявлены существительные *memory, mind, reflections, recollection, (in) retrospect, reminder, chronology, memoir,* которые использовались в коллокациях *to keep/to have in mind, to have/to live with/to remain in the memory, to refresh one's recollection, to recall chronology* и самостоятельно, в первичном и контекстуальном значении; прилагательные *memorable, mindful*. Выбор лексем указывает на то, что говорящий оценивает события через призму ценностных свойств и степени устойчивости в памяти. Выражения *to keep in mind, to have in mind, to have a memory, to refresh one's recollection, recollection (of the events), (in) retrospect* указывают на частотную апелляцию к памяти как источнику аргументов.

Вариативность эксплицитного выражения мнемических процессов обусловлена природой эксплицитной памяти, а именно осознанным процессом воспоминания и целенаправленной когнитивной деятельностью политиков, активируемыми в ответ на вопросы интервьюеров. Опыт, актуализированный в рамках эксплицитной памяти, легко трансформируется в вербальную форму, что отчетливо проявляется через использование лексических единиц мнемической семантики. В политическом дискурсе данное явление свидетельствует о вербальной гибкости и адаптивности политиков, их умении расширять мнемический лексический диапазон и подстраиваться к различным аудиториям, контекстам и ситуациям. Такая вариативность усиливает эффект повторения без буквального его воспроизведения, что способствует запоминанию информации и повышает возможность воздействия на аудиторию.

Анализ мнемических нарративов в политических интервью играет важную роль в понимании механизмов обработки, а также запоминания информации в контексте политической коммуникации и ее воздействия на социум. Языковая память англоязычных политиков демонстрирует ценностные ориентиры и характерные черты индивидуалистических обществ, в которых они функционируют. Выбор англоязычными политиками языковых средств свидетельствует об универсальности мнемических процессов, но определяется социальным статусом говорящего, его стремлением передать как личный, так и социокультурный опыт, личностными характеристиками и индивидуальными предпочтениями в лексической объективации памяти.

ИСТОЧНИКИ

1. CBN News Exclusive interview of Donald Trump to David Brody, chief political analyst. — 2022. — 18 May. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=b37kIrOMyng (date of access: 17.01.2024).

2. Complete Transcript of NBC interview "Meet the Press" with President Bush. — 2004. — 8 February. — URL: https://archives.globalresearch.ca/articles/NBC402A.html (date of request: 12.12.2024).

3. I apologize to everybody: Boris Johnson blustered and groveled in seven-minute long excruciating BBC interview… before Sajid Javid triggered resignation plot, transcript. — 2022. — 5 July. — URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-10984861/Boris-Johnsons-apology-interview-full.html (date of access: 12.04.2025).

4. President Barack Obama's Full Interview with NBC's Chuck Todd. — 2014. — 7 September. — URL: https://www.nbcnews.com/meet-the-press/president-barack-obamas-full-interview-nbcs-chuck-todd-n197616 (date of access: 01.12.2024).

5. Recorded interview between Special Counsel Robert Hur (Sco)… and President Joseph R. Biden, Jr. — 2023. — 8 October. — URL: https://s3.documentcloud.org/documents/24476279/transcript-of-special-counsel-robert-hur-interview-with-president-joe-biden.pdf. (date of access: 12.04.2025).

6. TRANSCRIPT: ABC News anchor David Muir interviews President Trump. — 2017. — 25 January. — URL: https://abcnews.go.com/Politics/transcript-abc-news-anchor-david-muir-interviews-president/story?id=45047602 (date of access: 28.01.2024).

7. Transcript of Donald Trump Interview with The Wall Street Journal. — 2018. — 11 January. — URL: https://www.wsj.com/articles/transcript-of-donald-trump-interview-with-the-wall-street-journal-1515715481. (date of access: 28.01.2024).

8. Tucker Carlson interviews Donald Trump on Debate Night. — 2023. — 23 August. — URL: https://www.rev.com/transcripts/tucker-on-x-debate-night-interview-with-donald-trump-transcript (date of access: 28.01.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авакова, Э. Р. К вопросу о соотношении понятий текст — медиатекст — дискурс — медиадискурс / Э. Р. Авакова, Н. М. Мартиросян // Web of Scholar. — 2018. — Т. 4, № 5(23). — С. 19–21. — EDN XNLTIT.

2. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М. Р. Желтухина. — Москва : ИЯ РАН;, 2003. — ISBN 5-88234-568-5. — EDN QXGNDX.

3. Карасик, В. И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе / В. И. Карасик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 32–49. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49. — EDN YVXKPD.

4. Коньков, В. И. Лингвистические исследования политического медиадискурса / В. И. Коньков // Медиалингвистика. — 2018. — Т. 5, № 2. — С. 138–161. — EDN YTPHYL.

5. Лобанова, Т. Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса по внешнеполитическим проблемам / Т. Н. Лобанова // Вестник Московского государственного областного университета. — 2018. — № 4. — С. 217–230. — DOI 10.18384/2224-0209-2018-4-930. — EDN YSQCWL.

6. Мусихин, Г. И. Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации / Г. И. Мусихин // Вопросы теоретической экономики. — 2024. — № 2(23). — С. 116–133. — DOI 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133. — EDN NMISKD.

7. Обдалова, О. А. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности / О. А. Обдалова,

3. Н. Левашкина // Язык и культура. — 2019. — № 48. — С. 332–348. — DOI 10.17223/19996195/48/21. — EDN QNCNRD.

8. Русакова, О. Ф. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / О. Ф. Русакова, Е. Г. Грибовод // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2014. — Т. 14, № 4. — С. 65–77. — EDN TRNPDH.

9. Савко, Д. Д. Имплицитные способы маркирования мнемического нарратива в американском политическом интервью / Д. Д. Савко // От слова к дискурсу : Материалы Международной научной конференции, Минск, 15—17 мая 2025 года. — Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2025. — С. 242–244. — EDN QTNASR.

10. Сулина, О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства / О. В. Сулина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — № 1. — С. 217–222. — EDN SEQIPD.

11. Тивьяева, И. В. Структурная организация мнемического нарратива / И. В. Тивьяева // Сибирский филологический журнал. — 2020а. — № 1. — С. 303–315. — DOI 10.17223/18137083/70/24. — EDN UWHGDC.

12. Тивьяева, И. В. Мнемический нарратив в когнитивно-коммуникативной перспективе / И. В. Тивьяева // Русистика и компаративистика : сборник научных трудов по филологии. — Москва : Книгодел, 2020б. — С. 145–163. — DOI 10.25688/2619-0656.2020.14.10. — EDN OFVTUS.

13. Тивьяева, И. В. Исследования языка памяти: опыт и перспективы / И. В. Тивьяева // Езиков свят. — 2021. — Т. 19, № 2. — С. 7–14. — DOI 10.37708/ezs.swu.bg.v19i2.1. — EDN IUGNUA.

14. Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // Политическая лингвистика. — 2007. — № 2(22). — С. 86-93. — EDN JVKYEB.

15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 328 с. — ISBN 5-7333-0144-9.

16. Шмид, В. Нарратология : моногр. / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-9551-0253-5. — EDN SUQJGP.

MATERIALS

1. CBN News Exclusive interview of Donald Trump to David Brody, chief political analyst (2022, 18 May). Retrieved Jan. 17, 2024, from https://www.youtube.com/watch?v=b37kIrOMyng.

2. Complete Transcript of NBC interview “Meet the Press” with President Bush (2004, 8 Feb.). Retrieved Dec. 12, 2024, from https://archives.globalresearch.ca/articles/NBC402A.html.

3. I apologize to everybody: Boris Johnson blustered and grovelled in seven-minute long excruciating BBC interview… before Sajid Javid triggered resignation plot, transcript (2022, 5 July). Retrieved April 12, 2025, from https://www.dailymail.co.uk/news/article-10984861/Boris-Johnsons-apology-interview-full.html.

4. President Barack Obama's Full Interview with NBC's Chuck Todd (2014, 7 Sept.). Retrieved Dec. 1, 2024, from https://www.nbcnews.com/meet-the-press/president-barack-obamas-full-interview-nbcs-chuck-todd-n197616.

5. Recorded interview between Special Counsel Robert Hur (Sco)… and President Joseph R. Biden, Jr. (2023, 8 Oct.). Retrieved April 12, 2025, from https://s3.documentcloud.org/documents/24476279/transcript-of-special-counsel-robert-hur-interview-with-president-joe-biden.pdf.

6. TRANSCRIPT: ABC News anchor David Muir interviews President Trump (2017, 25 Jan.). Retrieved Jan. 28, 2024, from https://abcnews.go.com/Politics/transcript-abc-news-anchor-david-muir-interviews-president/story?id=45047602.

7. Transcript of Donald Trump Interview with The Wall Street Journal (2018, 11 Jan.). Retrieved Jan. 28, 2024, from https://www.wsj.com/articles/transcript-of-donald-trump-interview-with-the-wall-street-journal-1515715481.

8. Tucker Carlson interviews Donald Trump on Debate Night 23 August 2023 (2023, 23 Aug.). Retrieved Jan. 28, 2024, from https://www.rev.com/transcripts/tucker-on-x-debate-night-interview-with-donald-trump-transcript.

REFERENCES

1. Avakova, Je. R. (2018). K voprosu o sootnoshenii ponjatij tekst — mediatekst — diskurs — mediadiskurs = On the relationship between text, media text, discourse, and media discourse. *Web of Scholar* (Erevan), *5*(23), 19–21.

2. Zheltuhina, M. R. (2003). Tropologicheskaja suggestivnost’ mass-medial’nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI = Tropological Suggestiveness of Mass Media Discourse: On the Problem of the Speech Impact of Tropes in the Media Language. Moscow: In-t jazykoznanija RAN, Volgograd: Izd-vo VF MUPK.

3. Karasik, V. I. (2018). Adresatnaja specializacija v publichnom politicheskom diskurse = Targeted specialization in public political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *9*(1), 32–49. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

4. Kon’kov, V. I. (2018). Lingvisticheskie issledovanija politicheskogo mediadiskursa = Linguistic Research on Political Media Discourse. *Medialingvistika*, *5*(2), 138–161.

5. Lobanova, T. N. (2018). Lingvisticheskij analiz kitajskogo politicheskogo mediadiskursa po vneshnepoliticheskim problemam = Linguistic Analysis of Chinese Political Media Discourse on Foreign Policy Issues. *Bulletin of the Regional State University, 4*, 217–230.

6. Musihin, G. I. (2024). Narrativ kak smysloobrazujushhij jelement politicheskoj simvolizacii = Narrative as a meaning-forming element of political symbolization. *Issues in Theoretical Economics*, *2*, 116–133.

7. Obdalova, O. A., Levashkina, Z. N. (2019). Ponjatie «narrativ» kak fenomen kul'tury i ob#ekt diskursivnoj dejatel’nosti = The concept of “narrative” as a cultural phenomenon and an object of discursive activity. *Language and Culture*, *48*, 332–348.

8. Rusakova, O. F., Gribovod, E. G. (2014). Politicheskij mediadiskurs i mediatizacija politiki kak koncepty politicheskoj kommunikativistiki = Political media discourse and mediatization of politics as concepts of political communication studies. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, *4*, 65–87.

9. Savko, D. D. (2025). Implicitnye sposoby markirovanija mnemicheskogo narrativa v amerikanskom politicheskom interv'ju = Implicit ways of marking a mnemonic narrative in an American political interview. *From Word to Discourse. Proceedings of the International Scientific Conference, Minsk,* 242–244. Minsk: Minsk State Linguistic University.

10. Sulina, O.V. (2014). Politicheskij mediadiskurs kak jelement diskursivnogo prostranstva = Political media discourse as an element of discursive space. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, *1*, 217–222.

11. Tiv’jaeva, I. V. (2020a). Strukturnaja organizacija mnemicheskogo narrativa = Structural organization of mnemonic narrative. *Siberian Journal of Philology*, *1*, 303–315.

12. Tiv’jaeva, I. V. (2020b). Mnemicheskij narrativ v kognitivno-kommunikativnoj perspektive = Mnemonic Narrative in a Cognitive-Communicative Perspective. *Russian Studies and Comparativistics. A Collection of Scholarly Papers on Philology*, 145–163.

13. Tiv’jaeva, I. V. (2021). Issledovanija jazyka pamjati: opyt i perspektivy = Memory Language Research: experience and prospects. *Orbis Linguarum*, *19*, 7–14.

14. Shejgal, E. I. (2007). Mnogolikij narrativ = A multi-faceted narrative. *Political Linguistics*, *2*(22), 86–93.

15. Shejgal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Gnozis.

16. Shmid, V. (2008). Narratologija = Narratology. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'42+81'38+81'27+395.6
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621+Ю782 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.6*

Татьяна Васильевна Сатина[1]✉, Ильдар Равильевич Акбердин[2]✉

[1,2] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
[1] tvsatina@fa.ru✉, SPIN-код: 1329-2486
[2] 2608070@edu.fa.ru✉, SPIN-код: 4244-3683

Лингвопрагматические особенности формул речевого этикета дипломатического дискурса

АННОТАЦИЯ. *В работе осуществлен лингвопрагматический анализ формул речевого этикета дипломатического дискурса. Целью работы стало выявление и систематизация характерных формул речевого этикета дипломатического дискурса, а также определение прагмалингвистических особенностей функционирования представленных формул речевого этикета. Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, метод лингвистического наблюдения, статистические методы. Были получены следующие результаты: представлен перечень формул речевого этикета дипломатического дискурса с разделением на категории (формулы обращения и представления, формулы информирования/выделения информации в тексте, формулы выражения уважения/почтения, формулы выражения приверженности/выражения позиции, формулы выражения убежденности/уверенности, формулы выражения позитивного эмоционального состояния/оценки, формулы просьбы/выражения желания, формулы благодарности, заключительные формулы речевого этикета); на материале рассмотренных писем выделен ряд лингвопрагматических особенностей применения этикетных формул в дипломатическом дискурсе (обеспечение атмосферы паритетного уважения и взаимного доверия, упорядочение коммуникативных ситуаций, редукция категоричности и эскалации напряженности, укрепление конвенционального характера общения и др.). Результаты работы имеют практическую значимость и могут быть применены при конструировании текстов дипломатических писем с учетом лингвопрагматических особенностей функционирования представленных языковых единиц в рамках дипломатического дискурса.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *дипломатический дискурс, политические тексты, дипломатия, речевой этикет, формулы речевого этикета, дипломатические письма, межличностная коммуникация, лингвопрагматика*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Сатина Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, email: tvsatina@fa.ru.*

Акбердин Ильдар Равильевич, магистрант направления «Международные коммуникации и корпоративная культура», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, email: 2608070@edu.fa.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Сатина, Т. В.* Лингвопрагматические особенности формул речевого этикета дипломатического дискурса / Т. В. Сатина, И. Р. Акбердин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 121-127.

Tat′yana V. Satina[1]✉, Il′dar R. Akberdin[2]✉

[1,2] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
[1] tvsatina@fa.ru✉, SPIN code: 1329-2486
[2] 2608070@edu.fa.ru✉, SPIN code: 4244-3683

Linguopragmatic Features of Speech Etiquette Formulas in Diplomatic Discourse

ABSTRACT. *The paper presents a linguopragmatic analysis of the formulas of speech etiquette in diplomatic discourse. The aim of the study is to identify and systematize the characteristic formulas of speech etiquette in diplomatic discourse, as well as to determine the pragmalinguistic features of the functioning of these formulas. To achieve the research goal, the following methods are used: the method of continuous sampling, the method of linguistic observation, and statistical methods. The research results include the following: the study presents a list of formulas of speech etiquette in diplomatic discourse, divided into categories (formulas for addressing and introducing oneself, formulas for providing information/highlighting information in the text, formulas for expressing respect/reverence, formulas for expressing commitment/position, formulas for expressing conviction/confidence, formulas for expressing a positive emotional state/assessment, formulas for making requests/expressing desires, formulas for expressing gratitude, concluding formulas of speech etiquette). Based on the material of the letters under consideration, a number of linguopragmatic features of the use of etiquette formulas in diplomatic discourse have been identified (ensuring an atmosphere of equal respect and mutual trust, streamlining communicative situations, reducing categoricalness and the escalation of tension, strengthening the conventional nature of communication, etc.). The results of the study have practical significance and can be applied in constructing texts of diplomatic letters, taking into account the linguopragmatic features of the functioning of the linguistic units in question within the framework of diplomatic discourse.*

© Сатина Т. В., Акбердин И. Р., 2026

KEYWORDS: *diplomatic discourse, political texts, diplomacy, speech etiquette, speech etiquette formulas, diplomatic letters, interpersonal communication, linguopragmatics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Satina Tat'yana Vasil'yevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language and Literature, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

Akberdin Il'dar Ravil'yevich, Master's Degree Student in the Field of "International Communications and Corporate Culture", Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

FOR CITATION: *Satina T. V., Akberdin I. R*. (2026). Linguopragmatic Features of Speech Etiquette Formulas in Diplomatic Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 121-127. (In Russ.).

Выбор корректных единиц в рамках того или иного контекста взаимодействия является одной из основных задач лингвопрагматической науки. Для специалиста по межличностной коммуникации этот аспект взаимодействия является одним из определяющих в его профессиональной деятельности. Неотъемлемым элементом корректной коммуникации является речевой этикет и формулы речевого этикета. Использование тех или иных формул речевого этикета субъектом межличностной коммуникации помогает сразу в нескольких аспектах взаимодействия: во-первых, повышается профессиональная репутация специалиста или организации, которую он представляет. Во-вторых, использование стандартизированных языковых единиц повышает эффективность коммуникации, так как человеку при каждом новом акте коммуникации не нужно создавать новые фразы. В-третьих, использование стандартизированных вежливых формул настраивает субъектов по межличностной коммуникации на более дружеский тон, что позитивно влияет на процесс сотрудничества.

Речевой этикет, формулы речевого этикета и коммуникативная вежливость как сфера лингвистического научного интереса стали активно развиваться в XX веке. Такие ученые, как Н. И. Формановская, Г. Г. Соколова, С. В. Шевцова, Лю Цзин [Формановская 1989; Формановская, Соколова 1989; Формановская, Шевцова 1992; Формановская, Лю Цзин 2007], Г. П. Грайс [Grice 1975], Дж. Лич [Leech 2014], П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson, 1987] внесли значительный вклад в развитие данного лингвистического направления. Однако, несмотря на достаточное количество исследований, формулы речевого этикета дипломатических писем еще недостаточно изучены, чем и обусловлена **актуальность** данного исследования.

Объектом исследования являются формулы речевого этикета дипломатического дискурса английского языка, **предмет исследования** — лингвопрагматические особенности функционирования формул речевого этикета дипломатического дискурса английского языка.

Цель исследования заключается в определении лингвопрагматических особенностей функционирования формул речевого этикета английского языка дипломатического дискурса, а также в категоризации данных формул. **Материалом исследования** послужили официально опубликованные дипломатические письма (вербальная нота, личная нота, меморандум) с 1987 по 2025 год. Были проанализированы такие дипломатические письма, как «О дипломатических отношениях между Доминикой и Коморскими островами от 23 сентября 2025 года»; «О дипломатических отношениях между Кирибати и Никарагуа от 17 мая 2021 года»; «О дипломатических отношениях между Бразилией и Науру от 2 ноября 2005 года», «О дипломатических отношениях между Ямайкой и Науру от 24 февраля 2011 года», «О дипломатических отношениях между Панамой и Замбией от 24 сентября 2024 года», «Поздравительное письмо Заместителя премьер-министра и Министра иностранных дел Тайланда Дон Прамудвина Заместителю премьер-министра и Министру иностранных дел и международного сотрудничества Камбоджи Прак Сокхон от 19 декабря 2020 года»; «Меморандум о взаимопонимании между Программой Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат) и Международным союзом электросвязи (МСЭ) от 8 октября 2025 года» и др. Всего в процессе работы было исследовано 70 дипломатических писем.

Слово как действие в контексте речевого и письменного этикета создает основу для формирования этикетных формул, которые типичны для дипломатического и делового этикета [Формановская 1989].

В рамках речевого этикета важным элементом является категория вежливости. С точки зрения Н. И. Формановской, каждый человек в процессе межличностного взаимодействия принимает на себя определенные роли. Отведение человеку роли ниже, чем предполагается с использованием языковых средств, является невежливостью [Формановская 1989]. Одной из самых распространенных ошибок при межличностной коммуникации является игнорирование

средств языкового смягчения сообщения [Санаева, Прихожая 2018].

Лингвокультурная и контекстуальная специфика языковых средств выражения речевого этикета делает правильное, вежливое речевое и письменное взаимодействие особенно сложным и комплексным [Коленец 2013: 109]. Важным элементом при использовании иностранного языка являются правильные контактоустанавливающие речевые средства. Особенно актуальными они могут оказаться в деловом взаимодействии, где правильная презентация себя своему партнеру по коммуникации может сыграть решающую роль в дальнейшем взаимодействии. Н. И. Формановская приводит в пример японскую лингвокультуру, где перед основной частью делового письма вполне уместно добавить вступительную часть с описанием актуальных погодных условий [Формановская 1989].

Под формулами речевого этикета понимаются устойчивые выражения (слова, фразы, клише), которые используются в типичных ситуациях общения для установления контакта, поддержания его в нужной тональности, выражения вежливости, уважения, доброжелательности или других социально значимых отношений.

При взаимодействии важно учитывать уместность использования определенных языковых средств для той или иной коммуникативной ситуации. Необходимо принимать во внимание социальные роли говорящего для того, чтобы не определить роль ниже той, на которую он претендует. Однако также необходимо учитывать и ситуативный компонент, в рамках которого одно речевое средство будет уместно, а другое — нет. Эту категорию можно использовать не только для правильного выстраивания собственной речи, но и для определения тех социальных ролей и групп, на которые претендует и к которым относится коммуникант. Так, правильное взаимодействие с профессором в рамках научной конференции будет абсолютно неуместным при взаимодействии с друзьями. Речевые средства, выполняющие одну и ту же функцию, будут сильно различаться.

В теории речевой вежливости одним из принципиальных приемов является добавление элемента «косвенности» в тот или иной речевой акт. Далее мы представим классификацию этикетных формул, которые формируют эту самую «косвенность» в речевом акте.

1) Формулы, в которых косвенность достигается за счет использования смягчающих конструкций: I would like…, I wish…, I hope…, I would be happy if… (Я хотел бы…, Я бы хотел, Я надеюсь…, Я был бы счастлив, если бы… и др.).

2) Формулы, в которых используются косвенные вопросительные предложения. Дж. Серль выделяет предложения, которые используются для косвенного побуждения к определенному действию [Searle 1975]. Типичными конструкциями для данного типа косвенных речевых актов являются: «can you…?», «could you…?», «would you… please?» («можешь ли ты...?», «не мог бы ты...?», «не мог бы ты…пожалуйста?») и др.

3) Предложения, локутивная сила которых заключается в констатации факта, однако они также могут выражать вежливую просьбу либо пожелание. Например, предложение «the weather outside has worsened» («погода на улице ухудшилась») является и констатацией факта об ухудшении погодных условий, и косвенным речевым актом, в котором участник коммуникации просит партнера по речевому взаимодействию закрыть окно.

В целом, с точки зрения англоязычной лингвокультуры, избегание прямолинейности в высказываниях через использование косвенных речевых актов и добавление смягчающих конструкций является одной из характерных черт англоязычного дискурса [Галибердова 2019]. И хотя с распространением английского языка и появлением различных вариантов элементы речевого этикета модернизируются, данный фактор все равно необходимо учитывать при вежливой коммуникации на английском языке.

Основной стилистической особенностью официально-делового дискурса является использование официальной и стилистически возвышенной лексики. Важнейшим пластом лексических единиц, которые активно используются в данном виде дискурса, являются канцеляризмы и различные термины международной коммуникации и права. Е. А. Шагланова и М. Н. Буланова в статье «Архаизмы в англоязычной дипломатической корреспонденции» в качестве характерной лексики англоязычной дипломатической переписки выделяют также архаизмы и историзмы [Шагланова, Буланова 2021: 3905]. Особенностью англоязычной деловой документации является частое использование экспрессивной лексики, демонстрирующей отношение к переданной информации в тексте [Федорова, Карпова 2019: 254]. В целом дипломатические письма стремятся к точности и сдержанности, однако в них вполне допустимо использовать экспрессивную лексику, но с особой целью: подчеркнуть значимость момента, выразить позицию или укрепить тон общения.

В официально-деловом дискурсе задействован обширный арсенал языковых средств, основной целью которых является редукция категоричности и смягчение общей тональности речевых актов. Наряду с этим значимым элементом деловой риторики выступают устойчивые этикетные клише, выполняющие роль социальных регуляторов [Тарнаева 2014: 173]. При этом следует подчеркнуть, что официально-деловые тексты характеризуются ярко выраженной стандартизацией и воспроизводимостью языковых блоков.

Этикетные формулы в дипломатических письмах реализуют комплекс взаимосвязанных прагматических функций, что в совокупности создает необходимые условия для продуктивного международного взаимодействия.

1. Обеспечение атмосферы паритетного уважения и взаимного доверия (например, формула «*Accept, Excellency, the renewed assurances of my highest consideration…» («Примите, Ваше Превосходительство, вновь заверения в моем высочайшем почтении…»)*. Посредством этикетных средств происходит сохранение позитивного имиджа каждого из участников диалога, нивелируется конфликтогенный потенциал высказываний. Уместное применение подобных формул транслирует признание статусных характеристик и культурного контекста, что приобретает особый вес в ходе поддержания конструктивной полемики.

2. Упорядочение коммуникативных ситуаций (например, формулы начала и завершения письма: «*Dear Mr./Ms.» («Уважаемый господин/Уважаемая госпожа»), «Dear DPM» («Уважаемый заместитель Премьер-министра»), «Please accept … my best wishes» («Пожалуйста, примите … мои наилучшие пожелания»)* и др.). Этикетные клише задают нормативные параметры общения, что приобретает критическую значимость в условиях международных контактов, где ошибочная трактовка сообщения может повлечь за собой серьезные дипломатические последствия. Данные структуры выполняют организующую функцию: они очерчивают смысловые вехи разговора, определяют его эмоционально-модальный вектор, сигнализируют о смене тематического фокуса, а также четко маркируют инициальную и финальную фазы коммуникативного акта.

3. Редукция категоричности и эскалации напряженности (например, формула *«I should be grateful if you…» («Буду признателен, если вы…»)*, которая используется при конструировании вежливой просьбы). Этикетные конструкции создают возможность корректного оформления таких речевых интенций, как запрос, мотивированный отказ, выражение несогласия либо критические замечания, при этом не нарушая рамок вежливого дискурса. Снижая категоричность высказывания, субъекты коммуникации придерживаются конструктивной тональности взаимодействия. В ситуации, когда язык используется для донесения определенной позиции до партнера по коммуникации, этот аспект становится особенно важным.

4. Укрепление конвенционального характера общения (например, формулы обращения/представления: «*Excellency» («Ваше превосходительство»), «Your Excellency» («Ваше превосходительство»), «Dear Mr./Madam Ambassador» («Уважаемый господин/Уважаемая госпожа Посол»)*. Этикетные штампы относятся к общепринятым вербальным знакам, смысловая нагрузка которых является прозрачной для сторон международного диалога. Благодаря указанному свойству формируется единое смысловое поле, а риск семантических сбоев и недопонимания существенно сокращается. Наибольший вес здесь приобретают обороты, получившие широкое распространение в интернациональной практике, поскольку они обеспечивают стабильность взаимодействия в условиях языковых и культурных различий.

5. Конструирование благоприятного внешнеполитического имиджа и деловой репутации (например, формулы «*I wish to extend my warmest wishes» («Я хочу передать вам свои самые теплые пожелания»), «The Permanent Mission … presents its compliments…» («Постоянное представительство…свидетельствует свое уважение …»), «I am delighted to…» («Я очень рад…»)*. Неукоснительное следование речеэтикетным нормам служит для внешнего наблюдателя индикатором профессионализма, компетентности и ориентированности на высокие стандарты дипломатического протокола. Как следствие, у контрагентов укрепляется восприятие государства и его дипломатического корпуса как надежного партнера, предрасположенного к равноправному диалогу.

Таким образом, формулы речевого этикета в дипломатии — это стратегический инструмент, который помогает достигать коммуникативных целей в условиях международного взаимодействия, минимизируя риски и поддерживая стабильный диалог между сторонами.

Формулы речевого этикета, обнаруженные нами в дипломатических письмах, были разделены на определенные категории.

1. Формулы обращения и представления:

1) *Excellency (Ваше превосходительство);*
2) *Your Excellency (Ваше превосходительство);*
3) *Dear DPM (Уважаемый заместитель Премьер-министра);*
4) *Excellency, Madam Minister (Ваше превосходительство, госпожа Министр);*
5) *Dear Mr./Madam Ambassador (Уважаемый господин/Уважаемая госпожа Посол);*
6) *Dear Mr./Ms. (Уважаемый господин/Уважаемая госпожа) и др.*

2. Формулы, использующиеся в основной части письма

2.1. Формулы информирования/выделения информации в тексте:

1) *I would like to express… (Я хотел бы выразить…);*
2) *I am pleased to note… (Я рад отметить, что…);*
3) *We have honor to inform you… (Мы имеем честь сообщить вам…)* и др.

2.2. Формулы выражения уважения/почтения:

1) *I wish to extend my warmest wishes (Я хочу передать вам свои самые теплые пожелания);*
2) *The Permanent Mission … presents its compliments… (Постоянное представительство…свидетельствует свое уважение …);*
3) *We are humbled by the decision… (Решение (ООН) … большая честь …) и др.*

2.3. Формулы выражения приверженности/выражения позиции:

1) *I would like to reiterate my strong commitment … (Я хотел бы подтвердить свою твердую приверженность …);*
2) *The Government of (Kenya) believes … (Правительство Кении считает …);*
3) *The Permanent Mission …avails itself of this opportunity to renew the assurances of its highest consideration (Постоянное представительство ... пользуется этой возможностью, чтобы возобновить заверения в своем самом высоком уважении)* и др.

2.4. Формулы выражения убежденности/уверенности:

1) *I firmly believe that … (Я твердо верю, что …);*
2) *I am confident that… (Я уверен, что…);*
3) *I am firmly convinced that… (Я твёрдо убеждён, что…)* и др.

2.5. Формулы выражения позитивного эмоционального состояния/оценки:

1) *I have a great pleasure to … (Имею удовольствие …);*
2) *I am delighted to … (Я очень рад …);*
3) *I am pleased … (Я рад …)* и др.

2.6. Формулы просьбы/выражения желания:

1) *The Permanent Mission … has the honour to request … (Постоянное представительство имеет честь просить о …);*
2) *It is our wish that … (Мы хотели бы, чтобы …);*
3) *We kindly request your Excellency to … (Мы убедительно просим Ваше превосходительство …);*
4) *We have the honour to request you … (мы имеем честь обратиться к вам с просьбой …);*
5) *I should be grateful if you… (Буду признателен, если вы…)* и др.

2.7. Формулы благодарности:

1) *We are grateful to … (Мы признательны …);*
2) *I am most grateful to you for your… (Я очень благодарен вам за ваш…);*
3) *I am deeply grateful for… (Я глубоко благодарен за…);*
4) *I appreciate your… (Я ценю ваше…)* и др.

3. Заключительные формулы речевого этикета:

1) *Please accept … my best wishes (Пожалуйста, примите … мои наилучшие пожелания);*
2) *Accept … assurances of my highest consideration (Примите ... заверения в моем высочайшем уважении)* и др.
3) *Accept, Excellency, the renewed assurances of my highest consideration… (Примите, Ваше Превосходительство, вновь заверения в моем высочайшем почтении…)*

Статистически мы получили следующие данные (все данные приведены в процентах от общего числа формул):

1) формулы обращения и представления — 13,04 %;

2) формулы информирования/выделения информации в тексте — 13,04 %;

3) формулы выражения уважения/почтения — 13,04 %;

4) формулы выражения приверженности/выражения позиции — 13,04 %;

5) формулы выражения убежденности/уверенности — 4,35 %;

6) формулы выражения позитивного эмоционального состояния/оценки — 13,04 %;

7) формулы просьбы/выражения желания — 17,39 %;

8) формулы благодарности — 4,35 %;

9) заключительные формулы речевого этикета — 8,7 %.

В процентном соотношении самыми часто встречающимися формулами речевого этикета дипломатического дискурса являются формулы просьбы/выражения желания (17,39 %), менее частотными — формулы выражения убежденности/уверенности (4,35 %) и формулы благодарности (4,35 %). Преобладание формул просьбы и выражения желания в дипломатическом дискурсе объясняется тем, что они являются главным инструментом для реализации его ключевых задач: ведения переговоров, достижения соглашений и поддержания отношений, причем делается это максимально вежливо и некатегорично.

Функционирование формул речевого этикета дипломатического дискурса на примере рассмотренных писем характеризуется следующими особенностями.

1. В большинстве выявленных формул речевого этикета прослеживается использование официальной лексики. Подтверждением является лексическая единица *Excellency,* которая часто встречается в представленных формулах речевого этикета.

2. В представленных формулах присутствуют экспрессивные языковые элементы, демонстрирующие уважительное отношение субъекта коммуникации: *We have the honour…, …the assurances of my highest consideration…* Использование экспрессивных элементов выполняет прагматическую функцию сближения субъектов коммуникации как партнеров в рамках делового взаимодействия. Протокольные формулы вежливости и комплиментарность в дипломатической переписке придают тексту торжественность и демонстрируют уважение. Также здесь прослеживается элемент приверженности субъекта общему процессу сотрудничества, в который вовлечены партнеры по деловому взаимодействию.

3. Отмечается строгое следование правилам и единым нормам построения письма с использованием характерных формул речевого этикета. Несмотря на то, что некоторые формулы незначительно различаются между собой (напр., «*Please accept Excellency, the assurances of my highest consideration»* и «*Please accept Excellency, the assurances of our highest consideration»*), в рамках жанра дипломатического письма прослеживается высокий уровень стандартизированности.

Таким образом, формулы речевого этикета в дипломатических письмах — это не просто формальность, а важнейший инструмент, который помогает решать сложные задачи международной коммуникации. Применение формул речевого этикета предполагает уникальный подход к подбору языковых единиц, основанный на прагмалингвистических факторах. Научная работа по выделению и классификации формул речевого этикета позволяет установить характерные языковые единицы в рамках различных дискурсов для дальнейшего выстраивания наиболее эффективной коммуникации. При условии использования представленных формул речевого этикета субъектом коммуникации могут быть как сэкономлены временные ресурсы для конструирования текста, так и повышена языковая корректность сообщения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галибердова, Д. Р. Английский речевой этикет / Д. Р. Галибердова // Russian Journal of Education and Psychology. — 2019. — Т. 10, № 5. — С. 19–24. — EDN DQHWMA.

2. Коленец, О. В. Речевой этикет как основа эффективного общения / О. В. Коленец // Культурная жизнь Юга России. — 2013. — № 4(51). — С. 109–110. — EDN RZPUYN.

3. Кудинова, В. И. Особенности деловой корреспонденции как жанровой разновидности официально-делового стиля / В. И. Кудинова // Национальная ассоциация ученых. — 2015. — № 2-7(7). — С. 54–56. — EDN YNZKCP.

4. Санаева, И. В. Речевой этикет в аспекте межкультурной коммуникации / И. В. Санаева, Л. И. Прихожая // Интерактивная наука. — 2018. — № 4(26). — С. 73–75. — EDN XRGUQX.

5. Тарнаева, Л. П. Видовые различия делового дискурса: лингводидактический аспект проблемы / Л. П. Тарнаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12-3(42). — С. 171–174. — EDN SYEEMR.

6. Федорова, Н. В. Структура, языковые особенности англоязычных деловых писем и алгоритм их перевода на русский язык / Н. В. Федорова, А. В. Карпова // Филология: научные исследования. — 2019. — № 2. — С. 250–259. — DOI 10.7256/2454-0749.2019.2.29664. — EDN DELDAM.

7. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-немецкие соответствия : справочник / Н. И. Формановская, Х. Р. Соколова. — Москва : Высшая школа, 1989. — 96 с. — ISBN 5-06-001618-8. — EDN JFDDKH.

8. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-французские соответствия : справочник / Н. И. Формановская, Г. Г. Соколова. — Москва : Высшая школа, 1989. — 112 с. — ISBN 5-06-001582-3. — EDN YNYULE.

9. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская ; ред. Н. Е. Рудомазина. — Москва : Высшая школа, 1989. — 159 с. — ISBN 5-06-000181-4. — EDN KCUSRS.

10. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-английские соответствия : справочник / Н. И. Формановская, С. В. Шевцова. — 2-е изд., испр. — Москва : Высшая школа, 1992. — 80 с. — ISBN 5-06-002511-X. — EDN CCIMLM.

11. Формановская, Н. И. Речевой этикет. Русско-китайские соответствия: справочник / Н. И. Формановская, Цзин Лю. — Москва : Высшая школа, 2007. — 103 с. — ISBN 978-5-06-005658-7.

12. Шагланова, Е. А. Архаизмы в англоязычной дипломатической корреспонденции / Е. А. Шагланова, М. Н. Буланова //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 12. — С. 3904-3908. — DOI 10.30853/phil20210625. — EDN XFBYWB.

13. Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. C. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987. — 345 p. — ISBN 978-0521313551.

14. Grice, H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics. — Vol. 3: Speech Acts. — New York : Academic Press, 1975. — P. 41–58. — ISBN 0127854231.

15. Leech, G. N. The Pragmatics of Politeness / G. N. Leech. — Oxford ; New York : Oxford University Press, 2014. — 343 p. — ISBN 978-0195341355.

16. Searle, J. R. Indirect Speech Acts / J. R. Searle // Syntax and Semantics. — Vol. 3: Speech Acts / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. — New York : Academic Press, 1975. — P. 59–82.

REFERENCES

1. Galiberdova, D. R. (2019). Anglijskij rechevoj etiket = English speech etiquette. *Russian Journal of Education and Psychology*, *5*, 19–24.

2. Kolenec, O. V. (2013). Rechevoj etiket kak osnova effektivnogo obshcheniya = Speech etiquette as the foundation of effective communication. *The cultural life of the South of Russia*, *4*(51), 109–110.

3. Kudinova, V. I. (2015). Osobennosti delovoj korrespondencii kak zhanrovoj raznovidnosti oficial'no-delovogo stilya = The characteristics of business correspondence as a genre within the official-business style. *Philological sciences*, *11*, 54–56.

4. Sanaeva, I. V., Prihozhaya, L. I. (2018). Rechevoj etiket v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii = Speech etiquette in the context of intercultural communication. *Interactive science*, *4*, 73–75.

5. Tarnaeva, L. P. (2014). Vidovye razlichiya delovogo diskursa: lingvodidakticheskij aspekt problem = Species differences in business discourse: a linguodidactic aspect of the problem. *Philological sciences, 12*, 171–174.

6. Fedorova, N. V., Karpova A. V. (2019). Struktura, yazykovye osobennosti angloyazychnyh delovyh pisem i algoritm ih perevoda na russkij yazyk = The structure, linguistic features of English-language business letters, and the algorithm for translating them into Russian. *Philology: scientific research*, *2*, 250–259.

7. Formanovskaya, N. I., Sokolova H. R. (1989). Rechevoj etiket. Russko-nemeckie sootvetstviya: Spravochnik = Speech etiquette. Russian-German correspondences. Reference guide. Moscow: Higher School, 96 p.

8. Formanovskaya, N. I., Sokolova G. G. (1989). Rechevoj etiket. Russko-francuzskie sootvetstviya: Spravochnik = Speech etiquette. Russian-French correspondences. Reference guide. Moscow: Higher School, 92 p.

9. Formanovskaya, N. I. (1989). Rechevoj etiket i kul'tura obshcheniya = Speech etiquette and communication culture. Moscow: Higher School, 159 p.

10. Formanovskaya, N. I., Shevcova S. V. (1992). Rechevoj etiket. Russko-anglijskie sootvetstviya: Spravochnik = Speech etiquette. Russian-English correspondences. Reference guide. Moscow: Higher School, 80 p.

11. Formanovskaya, N. I., Lyu Czin (2007). Rechevoj etiket. Russko-kitajskie sootvetstviya: Spravochnik = Speech etiquette. Russian-Chinese correspondences. Reference guide. Moscow: Higher School, 103 p.

12. Shaglanova, E. A., Bulanova, M. N. (2021). Arhaizmy v angloyazychnoj diplomaticheskoj korrespondencii = Archaisms in English-language diplomatic correspondence. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, *12*, 3904–3908.

13. Brown, P., Levinson, S. C. (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage, Cambridge: Cambridge University Press, 345 p.

14. Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*. *Vol. 3. Speech Acts*, 41–58. New York: Academic Press.

15. Leech, G. N. (2014). The Pragmatics of Politeness. Oxford; New York: Oxford University Press, 343 p.

16. Searle, J. R., Morgan, J. L. (1975). Indirect Speech Acts. *Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts (Ed. by P. Cole)*, 59–82. New York: Academic Press.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.112.2'42+811.112.2'38+791(430)
ББК Ш143.24-51+Ш143.24-55+Щ373(4Гем) *ГРНТИ 16.21.27; 19.01.11* *Код ВАК 5.9.8; 5.9.6; 5.9.9*

Ирина Александровна Стихина[1,2]✉, Людмила Валентиновна Скопова[1,3]✉, Елена Владимировна Ерофеева[1,4]✉

[1] Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
[2] aniris.irina@yandex.ru✉, SPIN-код: 8460-9987, https://orcid.org/0000-0002-1955-6549
[3] l-skopova@mail.ru✉, SPIN-код: 8474-3399, https://orcid.org/0000-0001-8452-0406
[4] Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, e.v.erofeeva@yandex.ru✉, SPIN-код: 9356-5214, https://orcid.org/0000-0002-8524-8851

Дискурсивный анализ политической ситуации в сфере немецкой киноиндустрии на основе материалов немецких СМИ

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается назревшая реформа в киноиндустрии Германии, которая активно обсуждается в немецких СМИ. Цель статьи — выявить особенности репрезентации средствами массовой информации текущей политической ситуации в сфере немецкой киноиндустрии и предложить лингвистическую и экстралингвистическую трактовку данного дискурса с обозначением социально значимых компонентов и ценностных оснований. Предметом исследования является структура дискурса, сложившаяся в результате освещения немецкими СМИ данной проблемы. Объект исследования — публицистический дискурс, выстроенный немецкими СМИ в рамках обсуждения реформы. К методам исследования относятся дискурсивный анализ, фреймовый анализ, контент-анализ, метод выборки, методы интерпретации и описания. В результате исследования выделяется фрейм «Национальная киноиндустрия Германии» и его слоты: «Проблемы и угрозы отрасли», «Борьба за закон», «Критика». В каждом слоте предлагается выборка примеров языковой репрезентации основных концептов слота. Подтверждается, что концепт «Wert» («ценность») проходит через всю структуру фрейма и связывает все его слоты. В результате дискурсивного анализа выявляются следующие доминанты фрейма: борьба за изменения в законодательстве и права граждан, работающих в отрасли; стремление защищать немецкое кино, создавать ценности, поддерживать национальную культуру. В целом структура фрейма оказывается максимально приспособленной для трансляции идеологии патриотизма средствами массовой информации Германии.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *немецкая киноиндустрия, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, немецкие СМИ, языковые средства, политический дискурс, политические тексты, дискурс-анализ, политическая ситуация, публицистический дискурс, фреймы, слоты, концепты, языковая репрезентация, стриминговые платформы, реформа.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Стихина Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: aniris.irina@yandex.ru.*

Скопова Людмила Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: l-skopova@mail.ru.

Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия; Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: e.v.erofeeva@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Стихина, И. А.* Дискурсивный анализ политической ситуации в сфере немецкой киноиндустрии на основе материалов немецких СМИ / И. А. Стихина, Л. В. Скопова, Е. В. Ерофеева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 128-138.

Irina A. Stikhina[1,2]✉, Ludmila V. Skopova[1,3]✉, Elena V. Erofeeva[1,4]✉

[1] Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
[2] aniris.irina@yandex.ru✉, SPIN code: 8460-9987, https://orcid.org/0000-0002-1955-6549
[3] l-skopova@mail.ru✉, SPIN code: 8474-3399, https://orcid.org/0000-0001-8452-0406
[4] Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, e.v.erofeeva@yandex.ru✉, SPIN code: 9356-5214, https://orcid.org/0000-0002-8524-8851

Discourse Analysis of the Political Situation in the German Film Industry Based on German Media Materials

ABSTRACT. *This article examines the urgent reform in the German film industry, which is being actively discussed in the German media. The article aims to describe the specific features of representation of the current political situation in the German film industry through the media and to offer a linguistic and extralinguistic interpretation of this discourse, identifying its socially significant components and core values. The object of this study is the discourse structure resulting from the media coverage of this issue. The scope of the study encompasses the journalistic discourse constructed by German media within the framework of the reform debate. The research methods include discourse analysis, frame analysis, content analysis, sampling, and the methods of interpretation and description. In the course of their research, the authors identified the*

© Стихина И. А., Скопова Л. В., Ерофеева Е. В., 2026

frame "German National Film Industry" and its slots: "Problems and Threats to the Industry", "The Struggle for the Law", and "Criticism". The description of each slot contains examples of linguistic representation of the main concepts in the slot. It is confirmed that the concept of "Wert" ("value") permeates the entire frame structure and links all its slots. The discourse analysis reveals the following dominant frame concepts: the struggle for legislative change and the rights of the citizens working in the industry; the desire to protect German cinema, create values, and support national culture. Overall, the frame structure is optimally suited to the dissemination of patriotic ideology by German media.

KEYWORDS: *German film industry, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, German media, language means, political discourse, political texts, discourse analysis, political situation, publicistic discourse, frames, slots, concepts, linguistic representation, streaming platforms, reform.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Stikhina Irina Aleksandrovna , Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

Skopova Ludmila Valentinovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Stikhina I. A., Skopova L. V., Erofeeva E. V*. (2026). Discourse Analysis of the Political Situation in the German Film Industry Based on German Media Materials. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 128-138. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2026 года в СМИ Федеративной Республики Германия появилась информация о том, что немецкое правительство обязывает американские стриминговые платформы для просмотра фильмов вкладывать средства в экономику ФРГ. Новость приводят различные СМИ: интернет-сайты, газеты, радио. Основная проблема заключается в том, что популярные стриминговые сервисы препятствуют развитию национального кинематографа, привлекая огромную европейскую аудиторию и пользуясь ее лояльностью без каких-либо вложений в киноиндустрию самой страны. Данные платформы (например, Netflix, Amazon Prime, Disney Plus) являются крупными заказчиками, но при этом очень редко производят фильмы в Германии. Производство фильмов с участием немецких актеров и других специалистов из сферы кинопроизводства Германии в целом стало невыгодным на территории страны — из-за инфляции, налогов и других сложностей растут стоимость и издержки. Так, «оскароносный» немецкий фильм Netflix «Im Westen nichts Neues» («На западном фронте без перемен») снимался в Чешской Республике[1]. В целом, в отрасли нет стабильности: безработица и отсутствие каких-либо гарантий постоянного трудоустройства делают рынок труда в этой сфере малопривлекательным. В результате происходит утечка кадров, а само производство фильмов находится в зоне высокого риска, не имея возможности устойчиво развиваться.

В соответствии с предложенной реформой, платформы и телеканалы должны инвестировать 8 % от годового оборота в немецкую экономику. В других европейских странах такое инвестиционное обязательство уже существует (например, во Франции квота составляет 20 %, в Италии — 12 %)[2]. Множество дебатов, протестов работников отрасли предшествовали обсуждению законопроекта, и в ближайшие годы ожидаются существенные вливания в киноиндустрию. Немецкие специалисты из этой сферы воодушевлены реформой — она дает надежду на возрождение целой отрасли.

Министр культуры Германии Вольфрам Ваймер назвал монополизацию рынка со стороны американских цифровых концернов и стриминговых платформ серьезной угрозой, ведущей к полному вытеснению немецких медиа. Особенно страдает киноиндустрия — она находится в состоянии кризиса, поэтому введение обязательства инвестировать деньги в Германию со стороны таких концернов актуально, как никогда. Также правительство усиливает помощь отрасли, удваивая вкладываемые в нее средства — до 250 млн евро ежегодно[3].

В данной статье мы предлагаем рассмотреть сложившуюся ситуацию, многократно растиражированную немецкими СМИ посредством новостных сообщений в разных источниках. Как отмечает А. П. Чудинов, любой политический текст должен оцениваться

[1] Deutschlandfunk Kultur. Streaminganbieter in der Pflicht. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/streamingdienste-investitionspflicht-deutschland-filmproduktion-100.html (date of access: 10.04.2026).

[2] Deutschlandfunk Kultur. Interview der Woche. Wolfram Weimer. Die Macht der US-Medienkonzerne ist zu groß. — URL: https://www.deutschlandfunk.de/interview-weimer-wolfram-kultur staatsminister-100.html (date of access: 15.04.2026).

[3] Deutschlandfunk Kultur. Streaminganbieter in der Pflicht. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/streamingdienste-investitionspflicht-deutschland-filmproduktion-100.html (date of access: 10.04.2026).

только в дискурсе, т. е. с учетом конкретных условий его создания и функционирования [Чудинов 2006: 73]. Наш дискурсивный анализ подразумевает выявление не только особенностей языковой репрезентации проблематики, но и экстралингвистическую трактовку с выявлением социально значимых компонентов и ценностных оснований.

Дискурсивный анализ имеет множество подходов и толкований. Он всегда включает философское осмысление использования языка в разных социальных структурах, теорию и методологию выбора исследовательского подхода. Если сначала превалировал лингвистический анализ дискурса, то затем он стал дополняться социокультурными, постструктуралистскими и иными подходами. Такой комплекс методов позволил рассматривать дискурс и как коммуникативное явление, и как сложную структуру знаний с рядом экстралингвистических компонентов. Определенные идеологические, политические установки, ценностные основания репрезентируются в дискурсах, и их языковые особенности, стили, способы убеждения, характерные темы и т. д. могут стать предметом дискурсивного анализа.

В исследовании мы опираемся на работы структуралистов и постструктуралистов (Ж. Деррида, М. В. Ильин, М. Фуко и др.), полагающих, что способ говорения определяет не только предметную сферу дискурса, но и социальные институты, соответствующие ей. Исследователи включают в анализ дискурса идеологию и властные отношения, в рамках которых возникает социальное значение дискурса, а сами дискурсы воспринимаются как практика социального конструирования с политическими последствиями для различных социальных групп. Так, теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа предполагает, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений [Ирхин 2014: 131]. Л. П. Прокошенкова и И. Б. Гецкина считают, что целью дискурсивного анализа является выявление социального контекста, стоящего за устной или письменной речью, исследование взаимосвязи между языком и социальными процессами [Прокошенкова 2006: 452]. Основываясь на этом видении, мы анализируем языковую репрезентацию политической ситуации в сфере немецкой киноиндустрии в публицистическом дискурсе. Цель исследования — выявить особенности репрезентации СМИ текущей политической ситуации в сфере немецкой киноиндустрии и предложить лингвистическую и экстралингвистическую трактовку данного дискурса с обозначением социально значимых компонентов и ценностных оснований.

Предметом исследования является структура рассматриваемого дискурса, сложившаяся в результате освещения немецкими СМИ реформы в сфере киноиндустрии Германии.

Объектом исследования является публицистический дискурс, выстроенный немецкими СМИ в рамках обсуждения реформы.

К задачам исследования относятся отбор источников СМИ; выборка материалов на заданную тему; анализ теоретических работ и научных публикаций в исследуемых областях; выявление общей структуры и способов лексической репрезентации изучаемого дискурса; интерпретация полученных результатов в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах.

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы понять функционирование языка как средства отражения коммуникативной перспективы, в дискурсивных исследованиях используется теория фреймов и слотов. По ван Дейку, помимо сценариев конкретных эпизодов, в семантической памяти людей существуют фреймовые репрезентации об известных объектах, людях и т. п. [Дейк 2000: 140]. Структура фрейма по-разному интерпретируется исследователями. Согласно О. В. Гусельниковой, имеется пять основных подходов, сформулированных на основе терминологических особенностей [Гусельникова 2010]. Все подходы объединяет исходное понимание структуры фрейма, предложенное М. Минским — это определенный способ организации знания в виде единиц с иерархической структурой, включающий как верхние уровни с общими конвенциональными признаками и нижние уровни, заполняющиеся в момент приспособления фрейма к конкретной ситуации [Гусельникова 2010: 138]. Верхние уровни (узлы) закреплены во фрейме, а нижние уровни (терминалы) могут заполняться или не заполняться данными и характерными примерами в зависимости от конкретной ситуации [Минский 1979: 7–8]. М. Минский трактует фрейм как структуру данных, представляющую стереотипную ситуацию, при этом с каждым фреймом ассоциируется конкретная информация [Минский 1979: 7]. Понимание фрейма как структуры представления стереотипной ситуации предлагает также В. З. Демьянков. По мнению исследователя, фрейм — это ментальная единица, которая организует наше понимание мира в целом, структура данных для представления такой стереотипной ситуации [Краткий словарь 1996: 188]. Таким образом, ученые под-

черкивают стереотипность, статичность смысловых компонентов фрейма и показывают, что фрейм — это ментальный конструкт, при помощи которого осуществляется когнитивно-языковая обработка информации о мире и систематизация знаний [Гладкова 2025: 2]. Уточним, что помимо «верхних» уровней, «узлов», закрепляющих структуру фрейма и являющихся неизменными, очень важны «терминалы» (по М. Минскому), конкретизирующие всю информацию. А. П. Чудинов [Чудинов 2003; Чудинов 2006] и другие исследователи (например, Е. В. Старостина[1], С. Б. Уланова [Уланова 2000], Е. И. Шейгал, М. Р. Желтухина [Шейгал 2000]) используют термин «слоты» — это элементы ситуации, представляющие какую-то часть фрейма, аспект его конкретизации [Чудинов 2003: 71]. Отмечается, что одним из свойств фрейма является его рекурсивность: каждый слот фрейма может быть далее дифференцирован на суб-слоты или подслоты, элементы более глубинных уровней [Карпенко 2014: 127]. Составляющие слота или подслота, в свою очередь, могут быть названы «концепты», их обозначают слова естественного языка. Е. С. Кубрякова отмечает, что концепт отражает представления о смыслах, которыми оперирует человек, и в отличие от лексической единицы это единица сознания, ментального лексикона [Чудинов 2003: 71–72]. Концепт, в свою очередь, репрезентируется в языке через лексические структуры. Так, Н. С. Болотнова предлагает следующие варианты репрезентации концепта в художественных текстах: слова, несловные формы (морфемы, звукобуквы), сверхсловные формы (словосочетания и отдельные высказывания), текстовые парадигмы (совокупность лексических единиц, объединенных концептуально на основе какого-либо общего элемента), ассоциативно-смысловые поля, лексическая структура целого текста. [Болотнова 2005: 20]. В публицистических текстах, в отличие от художественных, в большей степени происходит отражение концептов, имеющихся в языковом сознании представителей конкретной лингвокультуры [Аркалова 2016: 90]. Эти концепты также могут разнообразно репрезентироваться в языке. В данном исследовании мы сфокусировались на словах и сверхсловных формах (словосочетания, высказывания, фразеологические единицы).

Основываясь на вышеизложенном понимании структуры фрейма, в нашем исследовании мы выделим основной фрейм, его слоты и рассмотрим языковую репрезентацию концептов в рамках выбранного проблемного поля —политической ситуации в сфере немецкой киноиндустрии в текущий период. В качестве материалов исследования использовались публикации и интервью в немецких средствах массовой информации, представленные радиостанциями, новостными платформами, газетами, сайтами органов государственной власти[2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11].

[1] Старостина Е. В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.

[2] Deutschlandfunk Kultur. Regierung will Streamingdienste zu Investitionen verpflichten. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/einigung-mit-unbekannten-plan-der-bundesregierung-zur-filmfoerderung-100.html (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Tagesschau. KULTUR: Filmschaffende fordern wegen Konkurrenz durch Streaming-Anbieter Investitionspflicht. — URL: https://www.tagesschau.de/video/video-1551984.html (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Deutschlandfunk Kultur. Streaminganbieter in der Pflicht. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/streamingdienste-investitionspflicht-deutschland-filmproduktion-100.html (дата обращения: 12.03.2026).

[5] Deutschlandfunk Kultur. Interview der Woche. Wolfram Weimer. Die Macht der US-Medienkonzerne ist zu groß. — URL: https://www.deutschlandfunk.de/interview-weimer-wolfram-kultur staatsminister-100.html (дата обращения: 15.04.2026).

[6] Deutschlandfunk Kultur. Interview mit Ingo Fliess. Bundestag entscheidet über Filmförderungsgesetz. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/filmfoerderung-deutschland-reform-100.html (дата обращения: 15.04.2026).

[7] Deutschlandfunk Kultur. Ein kleiner Lichtblick für eine Branche in Existenzangst. Berndt, Interview mit Christian Berndt. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/mangelhaftes-stueckwerk-neues-filmfoerderungsgesetz-verabschiedet-dlf-kultur-92293da0-100.html (дата обращения: 10.04.2026).

[8] Deutschlandfunk Kultur. Filmproduzent: Sind frustriert, weil Reform so lange dauert. Interview mit Ingo Fliess. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/reform-der-filmfoerderung-claudia-roth-will-ihren-vorschlag-vorlegen-dlf-kultur-8159861d-100.html (дата обращения: 11.04.2026).

[9] ARD. Ist die deutsche Filmbranche am Ende? (Video). — URL: https://www.ardmediathek.de/video/plusminus/ist-die-deutsche-filmbranche-am-ende/ard/Y3JpZDovL2Rhc2Vyc3RlLmRlL3BsdXNtaW51cy9lYjIxOTcwYy04YmVmLTQ0YmUtOGI3Mi03MmFhZjQ5YTZiYjY (дата обращения: 11.04.2026).

[10] Die Zeit. Stirbt das deutsche Kino? — URL: https://www.zeit.de/2025/49/filmfoerderung-filmindustrie-kulturpolitik-kino-streaming (дата обращения: 10.03.2026).

[11] Die Bundesregierung. Durchbruch bei der Filmförderung: Bundesregierung bringt Investi-

К методам исследования относятся дискурсивный анализ, фреймовый анализ, контент-анализ, метод выборки, методы интерпретации и описания.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Основной выделяемый нами фрейм — «Национальная киноиндустрия Германии». На основе проанализированных материалов обозначены слоты:

1) слот — «Проблемы и угрозы отрасли»;
2) слот —«Борьба за закон»;
3) слот — «Критика».

Ниже на немецком языке приведены основные лексические репрезентации ключевых концептов выделенных слотов (с переводом на русский язык).

1. Слот «Проблемы и угрозы отрасли» включает ряд лексических единиц, в том числе фразеологизмов (рассматриваемых исследователями как лексические единицы [Стихина 2020: 115]), а также выражения и предложения, репрезентирующие концепт «eine massive Krise» (масштабный кризис):

● Branche in Existenzangst (отрасль в экзистенциальном страхе); Überleben des Films in unserem Land (выживание кино в нашей стране); Aber die Filmindustrie liegt derzeit am Boden (но киноиндустрия сейчас находится на самом дне); deutsche Filmbranche am Ende (немецкая киноиндустрия иссякает); Stirbt das deutsche Kino? (Немецкое кино умирает?); Inflation (инфляция); keine Jobs (нет работы); Alarmstimmung (паническое настроение); Fachkräftemangel (нехватка квалифицированных кадров); nicht mehr wettbewerbsfähig (более не конкурентоспособна); deutsche Filmindustrie schlägt Alarm (немецкая киноиндустрия бьёт тревогу); die wirtschaftliche Schieflage der Filmindustrie (экономический кризис киноиндустрии)**;** «Die Stimmung wird als mies beschrieben» («Настроение описывается как отвратительное»); «Rund 120.000 Beschäftigte arbeiten in der Branche — viele davon projektbezogen, oft ohne langfristige Sicherheit» («Около 120 тысяч сотрудников работают в отрасли — многие из них на проектах, часто без долгосрочных гарантий»); «Aufträge ausbleiben und internationale Produktionen ins Ausland ausweichen, angelockt von besseren steuerlichen und finanziellen Bedingungen» («Заказы исчезают, и международное производство уезжает за границу, привлечённое более благоприятными налоговыми и финансовыми условиями»); «Die Filmförderung in Deutschland ist stark zersplittert. Bundesmittel, Länderprogramme und zahlreiche einzelne Fördertöpfe existieren nebeneinander» («Финансирование производства фильмов в Германии сильно раздроблено. Федеральные средства, программы федеральных земель и многочисленные самостоятельные фонды существуют параллельно»); «Die Budgets sind meist befristet, unterscheiden sich deutlich zwischen den Ländern und bieten kaum Planungssicherheit über mehrere Jahre hinweg» («Бюджеты, в основном, ограничены сроками, сильно различаются в разных федеральных землях и практически не предлагают какого-либо надёжного планирования»); «Im internationalen Vergleich gilt Deutschland als teuer und bürokratisch» («В международном сопоставлении Германия считается более дорогой и бюрократизированной»); «Der Marktanteil deutscher Filme in den Kinos hierzulande hat 2024 einen Tiefpunkt erreicht» («Доля немецких фильмов в национальном кинопрокате достигла в 2024 году низшей точки»); die Monnopolisierungstendenzen durch amerikanische Grosskonzerne (тенденции монополизации рынка американскими крупными концернами); «Die Filmbrahcne ist in einer schweren strukturellen und akuten Krise» («Киноиндустрия находится в тяжёлом структурном кризисе»); Juri-geriebene Filmförderung (финансирование производства фильмов через решения комиссий); viel zu viele verschiedene Juris (слишком много различных комиссий/жюри); «Kommt die Reform der Filmförderung insgesamt nun in Schwung? Bislang war das eine lange, lange Hängepartie» («Придёт ли вообще реформа в движение? До сих пор это был зависший вопрос»); «Wenn das jetzt so klappt, wie es ausschaut, dann werden wir die größte Investition erleben, die wir je in den deutschen Filmen gesehen haben, — und es ist bitter nötig, denn wir haben tolle Filmproduzenten, wir haben tolle Kreative und Schauspieler, aber die brauchen — jetzt auch endlich mal, dass investiert wird…» («Если сейчас получится так, как планируется, тогда у нас будут самые большие инвестиции в немецкое кино, которые мы вообще когда-либо видели — и это критически необходимо, так как у нас замечательные продюсеры, замечательные творческие люди и актёры, но им нужно — прямо сейчас, в конце концов, чтобы пришли инвестиции…); nicht Von der Hand in der

tionspakt mit Filmbooster auf den Weg – Weimer: „Jetzt kann der Produktionsstandort Deutschland durchstarten“. — URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/durchbruch-bei-der-filmfoerderung-bundesregierung-bringt-investitionspakt-mit-filmbooster-auf-den-weg-weimer-jetzt-kann-der-produktionsstandort-deutschland-durchstarten--2405712 (дата обращения: 10.03.2026).

Mund lebe, aber lang anhaltende Werte schaffen (не жить с протянутой рукой, а создавать долгосрочные ценности); «Mittlefristig wollen wir genauso eine Investitionsverpflichting wie sie in Frankriech, Italien, Spanien und in vielen anderen europaeischen Laendern existiert» («В среднесрочной перспективе мы хотим такое же инвестиционное обязательство, которое существует во Франции, Италии, Испании и многих других европейских странах»); «Also diese Investitionsverpflichtung wollen wir auch, verbunden mit einem leistungsfähigen Anreizsystem, was Österreich hat, was die Tschechische Republik hat, was Ungarn hat, was Frankreich, was Italien hat und was ja dazu führt, dass hier so wenig gedreht wurde, weil der Film geht immer dorthin, wo das Geld ist. Das heißt, die deutschen Filmproduktionsfirmen verlagern ihre ganzen Produktionen in das Ausland mit ihren leistungsfähigen Fördersystemen» («Итак, это инвестиционное обязательство мы хотим также связать с эффективной системой стимулирования, как в Австрии, в Чешской Республике, в Венгрии, во Франции, в Италии, а без этого всё ведёт к тому, что здесь так мало снимают, так как фильм всегда идёт туда, где есть деньги. Это значит, немецкие компании по производству фильмов переносят всю свою продукцию за границу, где предлагаются эффективные системы стимулирования»); «Wir erleben also gerade einen Abfluss tatsächlich von Talent, einen richtigen Brain Drain und das ist hochgradig gefährlich für die ganze Filmbranche» («Мы как раз переживаем реальный отток талантов, настоящую утечку мозгов, и это крайне опасно для всей киноиндустрии»); «Ich erlebe Leute, die Angst haben, weiter in der Branche zu bleiben, weil die Sicherheit eh als Freiberufler nicht gegeben ist, und jetzt noch viel weniger («Я знаю людей, которые боятся дальше оставаться в отрасли, потому что гарантий фрилансеру не предоставляется, а сейчас уверенности ещё меньше»).

Приведенные выше примеры лексической репрезентации концепта «Масштабный кризис» в рамках фрейма «Национальная киноиндустрия» сформулированы и журналистами, и представителями профессионального сообщества в различных интервью (например, Сабине де Мардт, член правления Союза продюсеров, генеральный директор немецкого филиала французской фирмы по производству фильмов «Gaumont»; Инго Флис, кинопродюсер, доцент в Высшей школе телевидения и кино, г. Мюнхен; Фатих Акин, режиссер, и др.), а также представителями власти (Вольфрам Ваймер, министр культуры Германии, Клаудиа Рот, бывший министр культуры Германии). Можно отметить эмоциональный накал высказываний (Existenzangst — экзистенциальный страх, Alarmstimmung — тревожное настроение, Überleben — выживание, Schieflage — критическое состояние и др.), а также повторение таких лексических единиц, как Investitionsverpflichting (инвестиционное обязательство), Filmförderung (финансирование производства фильмов), Ausland (заграница), свидетельствующих о необходимости поиска выхода из кризиса, сопоставлении с опытом других стран.

2. Следующий выделенный нами слот обозначен как «Борьба за закон». Указанные в первом слоте проблемы требовали решений. Поэтому профессиональное сообщество боролось за принятие закона, согласно которому инвестиции смогли бы помочь киноиндустрии Германии выжить и развиваться. Множество интервью, публикаций не только обозначают проблемы, но и предлагают способы решений, описывают упорную борьбу за принятие закона об инвестициях, препятствия, непростой путь на пути к изменениям, достижение результатов и надежды на лучшее. Ниже приведены лексические единицы, отрывки из интервью, актуализирующие ключевые концепты данного слота: Investition (инвестиция), Verpflichtung (обязательство), Gesetz (закон), Filmstandort (место производства фильмов), Fördersystem (система стимулирования), Quote (квота), Reform (реформа).

- Investitionspflicht (инвестиционное обязательство), Investitionsverpflichtungsgesetz (закон об инвестиционных обязательствах), Investitionspakt (соглашение об инвестициях), Reform der Filmförderung (реформа финансирования производства фильмов); Durchbruch (прорыв); Streamstandort, Filmstandort Deutschland (Германия как место производства фильмов); wettbewerbsfähiger machen (сделать конкурентоспособной); das Gleichgewicht herstellen (достичь равновесия), ein funktionierendes Fördersystem (функционирующая система поддержки), Gesetzesentwurf (проект закона); Stärkung (усиление); gesetzlich festgeschriebene Quote (предписанная законом квота); Ziel ist daher, auch privates Kapital zu mobilisieren und verlässlichere Rahmenbedingungen zu schaffen (цель состоит в том, чтобы мобилизировать частный капитал и создать более надёжные общие условия); eine gesetzliche Mindestinvestitionsquote (положенная по закону минимальная квота); klare Regeln zur Rechteteilung (чёткие правила распределения прав); ein größerer Anteil der Aufträge im Land verbleiben wird (большая часть заказов

будет оставаться в стране); höhere Wertschöpfung (создание более высокой добавленной стоимости); Stärkere Automatismen (более сильные механизмы); «In der Filmbranche wächst der Widerstand» («В киноиндустрии растёт сопротивление»); Protestbriefe an den Bundestag (протестные письма в адрес федерального правительства), offener Brief (открытое письмо), Brandbrief (экстренное письмо); «Wir haben vor drei Jahren angefangen, diese neue Filmförderung in einem, wie ich schon mal sagte, wirklich einmaligen Schulterschluss der ganzen Branche zu designen. Und die jetzt noch im Amt befindliche Bundesregierung hat in zwei Jahren eigentlich es nicht geschafft, das wirklich auf die Straße zu bringen. Jetzt geht natürlich der Appell raus an eine neue zu findende, zu wählende Regierung, zu sagen, helft uns dabei, diese eigentlich auf dem Tisch liegende Reform» («Три года назад мы начали разрабатывать эту новую схему финансирования производства фильмов совместными усилиями всей отрасли. И находящееся сегодня на посту федеральное правительство за два года так и не смогло реализовать проект. Сейчас, конечно, мы призываем новое правительство согласиться, помочь этой уже обсуждаемой реформе»); «Also für uns ist das heute der wichtigste Tag seit vielen Jahren, in dem wir uns nämlich genau für diese Regelung eingesetzt haben. Die Bundesregierung hat der Einführung eines. Investitionsverpflichtungsgesetzes zugestimmt und diese angekündigt. Und das bedeutet für uns nach vielen Jahren Hängepartie endlich wieder Planungssicherheit» («Итак, для нас сегодня важнейший день за многие годы, на протяжении которых мы требовали именно такого урегулирования. Федеральное правительство проголосовало за введение закона об инвестиционных обязательствах и сообщило об этом. И это означает для нас, после долгих лет неопределённости, наконец, снова надёжное планирование»); «Kulturstaatsminister Weimar hält sich zurück, setzt eher auf Freiwilligkeit, was der deutschen Filmindustrie gar nicht past» («Министр культуры Ваймер воздерживается, делает ставку на добровольность, что совершенно не подходит немецкой киноиндустрии»); «Also es gab lange Zeit in der Koalition zwei sehr unterschiedliche Lager. Wir von der Allianz waren unbedingt in dem Lager des Gesetzes, weil es nur so möglich ist, eine Zuverlässigkeit und Planbarkeit auch über viele Jahre hinzuschaffen, was mit einer Selbstverpflichtung für uns zu weich erschien» («Долго существовали в коалиции два совершенно разных лагеря. Мы, представители Союза, были в лагере тех, кто выступает за закон, потому что только так можно обеспечить надёжность и планируемость на многие годы, а при добровольных самообязательствах, полагаем, всё слишком мягко»); «…die staatliche. Filmförderung soll auf 250 Millionen Euro pro Jahr steigen, … das ist ja auch eine gute Nachricht, oder nicht? -Ja, das ist eine sehr gute Nachricht, weil nur so können wir bestimmte Volumina stemmen, weil auch ausländische Partner, also der internationale Attraktivität unseres Standorts sehr davon abhängt, dass wir hier ein funktionierendes Fördersystem haben» («…государственное финансирование производства фильмов должно увеличиться до 250 миллионов евро в год, это хорошая новость, не так ли? — Да, это очень хорошая новость, потому что только так мы можем достичь определённых объёмов, и международная привлекательность Германии как места производства фильмов очень зависит от того, имеем ли мы функционирующую систему финансирования»); «Mit dieser Reform verbinden wir Kulturpolitik, Wirtschaftspolitik und Arbeitsmarktpolitik. Das ist die richtige Antwort auf den internationalen Wettbewerb und ein starkes Signal an die Branche» («С этой реформой мы связываем культурную политику, экономическую политику и политику в сфере занятости. Это правильный ответ на международную конкуренцию и мощный сигнал для отрасли»).

3. Слот «Критика» нужен для выделения критикуемых аспектов как на пути к реформе, так и минусов в уже существующем и принимаемом властями формате реформы. Критика реформы, которой несколько лет добивалось профессиональное сообщество, важна для ее дальнейшего развития и стимулирования отрасли. Критика поляризует информационное поле, подсвечивает неучтенные, требующие дальнейшей проработки аспекты. Полагаем, приведенные ниже лексические репрезентации становятся отражением концепта «Kritik der Reform»:

- «Produktionsfirma behält oftmals keine Rechte (производственная фирма часто не сохраняет права); «Die Filmbranche reagiert überwiegend positiv. Produzenten begrüßen vor allem die Verbindlichkeit und die klare Regelung zur Rückgabe der Rechte. … Kritik gibt es dennoch. Private Sender wie RTL lehnen eine gesetzliche Pflicht weiterhin ab und sprechen von einem Eingriff in ihre Angebotsautonomie. Grüne und Linke halten die acht Prozent für zu niedrig und warnen, die Regelung könne wirkungslos bleiben. Sie fordern höhere Quoten und klare Sanktionen» («Киноиндустрия реагирует преимущественно по-

ложительно. Продюсеры приветствуют, прежде всего, обязательства и чёткое регулирование передачи прав. … Тем не менее, имеется критика. Частные каналы, такие как RTL, продолжают отклонять предписанное законом обязательство и говорят о вторжении в автономность их предложения. Зелёные и левые считают, что 8 % — это слишком мало и предупреждают, что реформа может оказаться бесполезной. Они требуют более высоких квот и чётких санкций»).

- «Viele Branchenvertreter und Parteien halten steuerliche Anreize — wie sie in anderen Ländern üblich sind — für entscheidend, um Produktionen im internationalen Wettbewerb nach Deutschland zu holen. Ein solches Modell war ursprünglich Teil der geplanten Reform, scheiterte jedoch am Finanzministerium und den Ländern. Die Grünen wollen es weiterhin einführen, um darüber eine verlässlichere, langfristige Perspektive zu schaffen, die deutlich stärker wirken soll als die acht Prozent Investitionspflicht. Zudem wird kritisiert, dass regionale Filmstandorte außerhalb der großen Zentren, etwa in Ostdeutschland, bislang zu wenig berücksichtigt werden. Kleine Standorte wie Erfurt oder Weimar benötigen eigene Programme, um überhaupt in die neuen Fördermechanismen einbezogen zu werden» («Многие представители отрасли и партий считают, что налоговая привлекательность, как в других странах, является решающей для того, чтобы в международной конкурентной среде перенести производство фильмов в Германию. Такая модель была изначально частью запланированной реформы, но потерпела поражение в министерстве финансов и федеральных землях. Зелёные хотят довести это до конца, чтобы создать надёжную, долгосрочную перспективу, которая будет сильнее воздействовать на отрасль, чем 8 % инвестиционных обязательств. Также критикуется, что производство фильмов в регионах вне крупных центров, например, в восточной Германии, до настоящего момента не учитывалось в должной мере. Маленькие площадки, такие как Эрфурт или Веймар, нуждаются в собственных программах, чтобы стать частью новых финансовых механизмов»).
- «Wir haben festgestellt, die Zahlen, die er verspricht, also die möglichen Investitionen in die deutsche Filmindustrie entsprechen ungefähr dem Jahr 2022. D.H. — In einer Zeit, wo wir zwischenzeitlich bis zu 20% Inflation hatten. — D.H. Er verkauft uns im Moment einen alten Status quo als Zugewinn. — Das finden wir nicht in Ordnung. («Мы выяснили, что цифры, которые он *(министр культуры — прим. авторов)* обещает, то есть возможные инвестиции в немецкую киноиндустрию, соответствуют примерно 2022 году. Но у нас была инфляция 20 %. Это значит, что он продаёт нам сейчас старый статус-кво как выигрыш. Мы считаем, что это неправильно»).

Итак, требование более высокого процента инвестирования в немецкую киноиндустрию, санкции за невыполнение обязательств со стороны стриминговых сервисов и телеканалов, увеличение налоговой привлекательности Германии как места производства фильмов, а также озабоченность телеканалов из-за вторжения в их автономное функционирование — это лишь некоторые аспекты критики реформы.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурсивный анализ фрейма «Национальная киноиндустрия Германии» показал, что проблемы немецкого кинематографа имеют мультифакторную природу: недостаточное финансирование, инфляция, тяжелое налоговое бремя, утечка профессиональных кадров из национальной отрасли, передислокация производства фильмов за границу, доминирование стриминговых платформ и отсутствие их вклада в национальную киноиндустрию, незаинтересованные в развитии национальной киноиндустрии частные телеканалы, нехватка выделяемых правительством средств на поддержание и развитие отрасли. Этот список можно было бы продолжить. Проблемные поля взаимосвязаны и пересекаются во многих аспектах. Тем не менее, общий посыл, направленный на борьбу со сложившейся ситуацией, проведение реформы и позитивные изменения прослеживается во всех рассмотренных слотах. Даже критика зачастую поляризуется в рамках одной статьи, представляя дихотомию положительных и отрицательных моментов (например, «Dieser Schritt kommt **spät**, **aber nicht zu spät**» — Этот шаг (*инвестиционные обязательства — прим. авторов*) предпринят **поздно**, **но не слишком поздно**)[1].

Анализ слотов данного фрейма подтверждает, что проведение реформы крайне важно для немецкого общества, прежде всего для сохранения национального достояния — немецкого кинематографа. Власти и общественность — начиная с правительства и министерств, представителей киноиндустрии и творческой интеллигенции,

[1] Filmförderung: Investitionspflicht für Streamer ist ein wichtiger Schritt. — URL: https://www.verdi.de/nachrichten/filmfoerderung-investitionspflicht-fuer-streamer-ein-wichtiger-schritt (дата обращения: 14.04.2026).

до журналистов и обычных граждан — озабочены сохранением культурного наследия: ценностей, создаваемых национальным кинематографом, уникальных произведений искусства, заставляющих думать и чувствовать. Инго Флис, продюсер, отмечает: «Wir erzeugen damit ein zu großes Mittelmaß, einen mittleren Film, der irgendwie keinem richtig wehtut. Das würde sich mit einer Filmförderreform unter anderem aendern» («Мы производим в результате *(наличия комиссий, которые надо убеждать в уместности применяемых форм — прим. авторов)* слишком большую посредственную массу, слишком заурядный фильм, который почему-то никого не трогает. Реформа финансирования фильмов это бы изменила…»)[1]. Эмоционально окрашенная лексика, экспрессивность высказываний встречаются практически во всех исследуемых источниках.

Полагаем, основной посыл массива публикаций в структуре рассматриваемого фрейма — не только информирование о существующих проблемах, но и пробуждение осознанности широкой аудитории (всех потребителей новостей культуры, прежде всего), а также призыв к различным властным структурам об острой необходимости действовать, чтобы сохранить уникальное национальное искусство немецкого кинематографа в эпоху глобализации культуры, осуществляемой, в том числе, в результате доминирования на мировом рынке американских стриминговых платформ. Неоднократно в публикациях поднимается вопрос создания ценностей.

Концепт «Wert» (ценность) реализуется в различных лексических единицах: Wert (ценность), Wertschöpfung (создание ценности/добавленной стоимости), Wertschöpfungskette (цепочка создания ценности) и др. Создание ценностей в рассматриваемых контекстах затрагивает и экономический, и духовный аспект. В интервью и текстах может противопоставляться массовое производство фильмов и создание реальных ценностей, а также выражается надежда и уверенность, что реформа позволит людям творческого труда создавать значительные долгосрочные ценности. Приведем несколько примеров:

«Weil wenn man immer … wie ein Malerbetrieb arbeitet, … schafft man keinen grundsätzlichen Wert» («Потому что, если всегда работать как коммерческое предприятие по окраске, не получится создать **никакой значительной ценности»** — *речь идёт о выполнении заказов телеканалов компаниями по производству фильмов, без сохранения каких-либо прав на фильм у этих компаний*).

«Und wir haben nun mal keine Dienstleistung zu liefern. Das ist ein kreativer Prozess, wo wir sehr viele Risiken übernehmen und wo wir auch ein Teil der Wertschöpfungskette sein müssen und eben langanhaltend Rechte besitzen müssen («И мы не должны предоставлять услугу. Это творческий процесс, где мы принимаем на себя много рисков и где мы должны быть частью цепочки **создания ценности** и поэтому должны продолжительно владеть правами» (*на фильмы*)).

«Es gibt legendäre Filme, ob es La Boum ist oder Fantomas oder Ziemlich Beste Freunde und so weiter, wo Rechte in unserem Rechtestock sind, die man dann immer mal wieder verkaufen kann, dass man eben nicht immer wieder von der Hand in den Mund lebt, sondern einfach langanhaltende Werte schafft («Есть легендарные фильмы, „Бум“ или „Фантомас“ или „Лучшие друзья“, и права на них у нас (*у кинокомпании Gaumount*), и их всегда можно продать, поэтому мы не влачим жалкое существование, а создаём **долгосрочные ценности»**[2]).

«Das ist kein Symbol, sondern ein echter Investitionsimpuls für Arbeitsplätze, Wertschöpfung und kreative Exzellenz. Deutschland hat herausragende Talente in Drehbuch, Regie, Kamera, Schnitt und Produktion. … Mit dieser Reform verbinden wir Kulturpolitik, Wirtschaftspolitik und Arbeitsmarktpolitik”. («Это (*финансовая поддержка от государства в размере 250 млн. евро — прим. авторов*) не символ, а настоящий инвестиционный импульс для рабочих мест, создания **ценностей** и творческого успеха. В Германии есть выдающиеся талантливые сценаристы, режиссёры, операторы, продюсеры. … Этой реформой мы объединим политику в области культуры, экономическую политику и политику на рынке труда)[3].

[1] Deutschlandfunk Kultur. Interview mit Ingo Fliess. Bundestag entscheidet über Filmförderungsgesetz. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/filmfoerderung-deutschland-reform-100.html (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Deutschlandfunk Kultur. Regierung will Streamingdienste zu Investitionen verpflichten. — URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/einigung-mit-unbekannten-plan-der-bundesregierung-zur-filmfoerderung-100.html (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Durchbruch bei der Filmförderung: Bundesregierung bringt Investitionspakt mit Filmbooster auf den Weg – Weimer: „Jetzt kann der Produktionsstandort Deutschland durchstarten“. — URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/durchbruch-bei-der-filmfoerderung-bundesregierung-

Таким образом, концепт «Wert» («ценность») проходит красной нитью через всю структуру фрейма и связывает все его слоты.

Рассмотренная выше структура фрейма позволяет увидеть общую картину, составленную из довольно обширной мозаики составляющих его компонентов. В результате дискурсивного анализа выявляются следующие доминанты фрейма: поставленная на грань выживания немецкая киноиндустрия получает надежду на развитие и процветание, находясь на пути борьбы за изменения в законодательстве и права граждан, работающих в ней. Стремление защищать и развивать национальное кино, сохранять и создавать ценности, поддерживать национальную культуру и идентичность — это патриотичный тренд или идеология патриотизма, которая утверждается и транслируется через данный фрейм в информационном поле посредством различных СМИ Германии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аркалова, М. А. Языковая репрезентация концептов «Zeit» и «время» в современной публицистике / М. А. Аркалова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2016. — Т. 26, № 5. — С. 89–97. — EDN SKCZVZ.

2. Болотнова, Н. С. Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте / Н. С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2005. — № 3(48). — С. 18–23. — EDN JUDCHD.

3. Гладкова, О. Х. Фрейм как структура лингвокультурного образа / О. Х. Гладкова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — № 6(156). — DOI 10.60797/IRJ.2025.156.65. — EDN PBBUHR.

4. Гусельникова, О. В. Терминологический аппарат структуры фрейма / О. В. Гусельникова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2010. — № 9. — С. 137–149. — EDN MWJXWV.

5. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с. — ISBN 5-80157-202-3.

6. Ирхин, Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование / Ю. В. Ирхин // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 4. — С. 128–143. — EDN SIMRFT.

7. Карпенко, Е. И. Юдифь: народная героиня или famme fatale? (о культурной семантике немецких библеизмов) / Е. И. Карпенко // Язык, сознание, коммуникация. — Москва : МАКС Пресс, 2014. — Вып. 50. — С. 126–133. — EDN UBAGTN.

8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — Москва : Изд-во Москов. гос. ун-та, 1996. — 245 с. — ISBN 5-89042-018-1. — EDN OGVICE.

9. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — Москва : Энергия, 1979. — 151 с.

10. Прокошенкова, Л. П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 4. — С. 451–456. — EDN JXQPPV.

bringt-investitionspakt-mit-filmbooster-auf-den-weg-weimer-jetzt-kann-der-produktionsstandort-deutschland-durchstarten--2405712 (дата обращения: 14.04.2026).

11. Стихина, И. А. Фразеология Урса Видмера: пример одного произведения / И. А. Стихина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2020. — Т. 26, № 3. — С. 114–120. — DOI 10.18287/2542-0445-2020-26-3-114-120. — EDN JSUMCI.

12. Уланова, С. Б. Фрейм как структура репрезентации знаний / С. Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сборник научных трудов. — Рязань : Рязанский государственный педагогический университет имени С. А. Есенина, 2000. — С. 133–141. — EDN VPVHQJ.

13. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.

14. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : ФЛИНТА, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.

15. Шейгал, Е. И. Фрейм «политик»: серьезное и комическое / Е. И. Шейгал, М. Р. Желтухина // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. А. Манерко. — Рязань : Рязан. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2000. — С. 145–150. — ISBN 5-88006-211-2.

REFERENCES

1. Arkalova, M. A. (2016). Yazykovaya reprezentatsiya kontseptov «Zeit» i «vremya» v sovremennoy publitsistike = Linguistic Representation of the Concepts “Zeit” and “Vremya” (Time) in Contemporary Journalism. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, *26*(5), 89–97. EDN SKCZVZ.

2. Bolotnova, N. S. (2005). Leksicheskie sredstva reprezentatsii khudozhestvennykh kontseptov v poehticheskom tekste = Lexical Means of Representing Artistic Concepts in a Poetic Text. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, *3*(48), 18–23. EDN JUDCHD.

3. Gladkova, O. Kh. (2025). Freym kak struktura lingvokul′turnogo obraza = The Frame as a Structure of a Linguocultural Image. *International Research Journal*, *6*(156). DOI 10.60797/IRJ.2025.156.65. EDN PBBUHR.

4. Gusel′nikova, O. V. (2010). Terminologicheskiy apparat struktury freyma = The Terminological Apparatus of Frame Structure. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, *9*, 137–149. EDN MWJXWV.

5. Deyk T. A., van. (2000). Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya = Language, Cognition, Communication. Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduehna de Kurteneh, 308 p. ISBN 5-80157-202-3.

6. Irkhin, Yu. V. (2014). Diskurs-analiz: sushchnost′, podkhody, metodologiya, proektirovanie = Discourse Analysis: Essence, Approaches, Methodology, and Design. *Social and Humanitarian Knowledge*, *4*, 128–143. EDN SIMRFT.

7. Karpenko, E. I. (2014). Yudif′: narodnaya geroinya ili famme fatale? (o kul′turnoy semantike nemetskikh bibleizmov) = Judith: A Folk Heroine or a *Femme Fatale*? (On the Cultural Semantics of German Biblical References). *Language, Consciousness, Communication*, *50*, 126–133. Moscow: MAKS Press. EDN UBAGTN.

8. Kubryakova, E. S., Dem′yankov, V. Z., Luzina, L. G., Pankrats, Yu. G. (1996). Kratkiy slovar′ kognitivnykh terminov = A Concise Dictionary of Cognitive Terms (Ed. E. S. Kubryakova). Moscow: Izd-vo Moskov. gos. un-ta, 245 p. ISBN 5-89042-018-1. EDN OGVICE.

9. Minskiy, M. (1979). Freymy dlya predstavleniya znaniy = Framework for Representing Knowledge. Moscow: Ehnergiya, 151 p.

10. Prokoshenkova, L. P., Getskina, I. B. (2006). Diskursivnyy analiz i ego rol′ v sovremennoy lingvistike = Discourse Analysis and Its Role in Modern Linguistics. *Bulletin of Chuvash University*, *4*, 451–456. EDN JXQPPV.

11. Stikhina, I. A. (2020). Frazeologiya Ursa Vidmera: primer odnogo proizvedeniya = Phraseology in the Works of Urs Widmer: A Case Study of One Text. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, *26*(3), 114–120. DOI 10.18287/2542-0445-2020-26-3-114-120. EDN JSUMCI.

12. Ulanova, S. B. (2000). Freym kak struktura reprezentatsii znaniy = The Frame as a Structure for Knowledge Representation. Cognitive *Aspects of Linguistic Categorization. A Collection of*

Scholarly Papers, 133–141. Ryazan′: S. A. Yesenin Ryazan State Pedagogical University. EDN VPVHQJ.

13. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical Mosaic in Contemporary Political Communication. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 248 s. ISBN 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV.

14. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics. Moscow: FLINTA, 256 p. ISBN 5-89349-897-6. EDN SDQKXT.

15. Sheygal, E. I., Zheltukhina, M. R. (2000). Freym «politik»: ser′eznoe i komicheskoe = The “Politician” Frame: The Serious and the Comical. *Cognitive Aspects of Linguistic Categorization. A Collection of Scholarly Papers (Resp. Ed. L. A. Manerko)*, 145–150. Ryazan′: S. A. Yesenin Ryazan State Pedagogical University. ISBN 5-88006-211-2.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.571'42+81'27+81'25
ББК Ш171.1-51+Ш100.621+Щ118 *ГРНТИ 16.21.27; 16.31.41* *Код ВАК 5.9.8*

Сунь Минцзе
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, 547360687@qq.com, https://orcid.org/0009-0005-4261-745X

Дисфемизмы в современном китайском дипломатическом дискурсе и проблемы их перевода на русский язык

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматриваются дисфемические обороты в документах МИД КНР и высказываниях профессиональных дипломатов, связанные с нынешним ростом напряженности в отношениях между Китаем и Японией. Источником текстов был официальный сайт МИД КНР, варианты их перевода брались с русской версии указанного сайта. Проанализированы проблемы перевода избранных дисфемизмов с китайского на русский язык. Проблема перевода дисфемизмов заключается не только в точной передаче содержания, но и в сохранении их эмотивности и культурного интенсионала, без чего возможны искажения и даже потеря части информации. В фокусе внимания — дисфемизмы, которые хоть редко появляются в китайском дипломатическом дискурсе, но способны реализовать коммуникативные цели адресанта, и тактики перевода, использование которых позволит сохранять экспрессивность, сблизив переводные тексты с оригиналом. В статье показано, как употребляются в качестве дисфемизмов такие языковые средства, как оценочные слова, метафора, фразеологизм, паремия и проч. Употребление дисфемических оборотов в китайском дипломатическом дискурсе, противоречащее принципу сохранения сдержанности в различных ситуациях и исторически сложившемуся менталитету и философии китайского народа, связано с неспособностью традиционной дипломатической риторики адекватно отстаивать ключевые интересы страны — целостность территории Китая и его суверенитет.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, китайская дипломатия, дисфемизмы, дипломатический дискурс, переводоведение, русский перевод, тактика перевода, коммуникативная стратегия, перевод дисфемизмов.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Сунь Минцзе, аспирант факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, email: 547360687@qq.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Сунь, М.* Дисфемизмы в современном китайском дипломатическом дискурсе и проблемы их перевода на русский язык / Сунь Минцзе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 139-146.

Sun Mingjie
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, 547360687@qq.com, https://orcid.org/0009-0005-4261-745X

Dysphemisms in Contemporary Chinese Diplomatic Discourse and Problems of Their Translation into Russian

ABSTRACT. *The article examines dysphemistic expressions in the documents of the Chinese Ministry of Foreign Affairs and the statements by professional diplomats related to the current rise of tension between China and Japan. The source of the texts is the official website of the Chinese Ministry of Foreign Affairs; their translations are taken from the Russian version of the same website. The article analyzes the problems of translating selected dysphemisms from Chinese into Russian. The problem of translating dysphemisms lies not only in accurate conveyance of content but also in preservation of their emotive and cultural intensity, without which distortions and even loss of part of the information may occur. The article focuses on dysphemisms. Although they appear rarely in Chinese diplomatic discourse, they are capable of fulfilling the communicative purpose of the sender and on translation tactics, the use of which can make it possible to preserve expressiveness by bringing the target text closer to the source one. The article shows how such linguistic means as evaluative words, metaphors, phraseological units, paremias, and others are used as dysphemisms. The use of dysphemistic expressions in Chinese diplomatic discourse, which contradicts the principle of remaining calm in various situations and the historically established mentality and philosophy of the Chinese people, is associated with the inability of traditional diplomatic rhetoric to adequately defend the country's key interests — the integrity of China's territory and its sovereignty.*

KEYWORDS: *political discourse, political texts, Chinese diplomacy, dysphemisms, diplomatic discourse, translation studies, Russian translation, translation tactics, communicative strategy, translation of dysphemisms*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Sun Mingjie, Post-Graduate Student, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Sun Mingjie.* (2026). Dysphemisms in Contemporary Chinese Diplomatic Discourse and Problems of Their Translation into Russian. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 139-146. (In Russ.).

Дипломатия является главным инструментом мирного урегулирования конфликтов и поддержания безопасности и сотрудничества между странами, играет важную роль в

© Сунь М., 2026

делах международного сообщества и первостепенную роль в деятельности независимого государства при защите его собственных интересов. По словам бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, «дипломатия есть искусство сдерживания силы». Сдержанностью и корректностью характеризуется дипломатия благодаря ее функции предотвращения применения голой силы в сфере международных отношений. Тем не менее в связи с усложняющейся геополитической ситуацией в наше время дипломатия иногда выходит за традиционные рамки и используется для предупреждения возможного конфликта при жестком противостоянии сторон. Обострение международной обстановки приводит к тому, что дипломаты все чаще прибегают к употреблению дисфемических оборотов в своем дискурсе, открыто выражая свое недовольство и неприкрыто говоря об угрозе жестких методов.

Языковое явление дисфемия, будучи противоположным эвфемии, проявляется в различных стилях общения, оно проникает в большинство областей человеческой коммуникации: от институциональных речей высшего ранга до повседневных разговоров в жизни. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» эвфемизм определяются как «эмоционально нейтральные или положительные обороты, употребляемые для замены синонимичных им выражений, путем которых говорящий представляет себя приличным, тактичным и вежливым образом при коммуникации»[1]. Дефиниция дисфемизма была дана Т. В. Матвеевой в словаре «Русский язык, культура речи, стилистика, риторика»: «Дисфемизм — намеренно резкая форма выражения эмоциональной оценки, замена стилистически нейтрального слова или выражения грубым, сниженным»[2]. По А. В. Бариновой, следует понимать под дисфемизмом «слово или оборот, противоположный по функции эвфемизму, а также намеренное использование вульгарного, грубого и стилистически сниженного языка, иногда нецензурных слов и выражений с целью проявления резко отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление» [Баринова 2006: 230]. Основываясь на вышеупомянутых интерпретациях, можем прийти к следующей дефиниции: дисфемизм представляет собой негативные и грубые лексические единицы, обозначающие эксплицитно пейоративные оценки или неприятные стороны действительности, с помощью которых коммуниканты могут выразить отрицательное отношение к собеседнику или предмету речи, не вуалируя собственные интенции.

Объектом настоящего исследования является рассмотрение дисфемизмов в дипломатическом дискурсе, поэтому необходимым оказывается разъяснить характеристики дипломатического дискурса и его взаимосвязь с дисфемизмами. Одной из важных характеристик дипломатического дискурса считается институциональность в связи со статусно-ролевой характеристикой его участников. В большинстве случаев дипломатическая коммуникация ведется профессиональными дипломатами на официальном уровне, когда произносят не личное мнение дипломатов, а «коллективное мнение, выражающее позицию представляемого ими государства и сформированное группой экспертов-аналитиков по каждому конкретному вопросу или же отражающее мнение первых лиц государства»[3]. В процессе дипломатической коммуникации важным считается принцип соблюдения дипломатического этикета и протокола, которые уже строго регламентированы в условиях длительного международного общения. Среди исторически сложившихся правил дипломатического протокола главными признаются вежливость и взаимность, «отход от этих принципов может рассматриваться как недружественное действие и, следовательно, может повлечь за собой ответные шаги или ограничительные меры» [Беляков, Максименко 2019: 61–67]. Поэтому такую важную роль играют эвфемизмы в дипломатическом дискурсе благодаря их способности избегать реального или потенциального конфликта. Функции эвфемизмов в дипломатическом дискурсе заключаются в «смягчении напряженности ситуации, вуалировании нежелательной реальности, избегании негативных ассоциаций, отвлечении внимания от отрицательных фактов, в то же время эвфемизм может служить средством имплицитного выражения иронии» [Сунь Минцзе 2024: 231–237]. А дисфемизмы, наоборот, всегда несут в себе отрицательную оценочность и эксплицитную

[1] Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 590.

[2] Матвеева, Т. В. Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика : более 900 понятий и терминов / Т. В. Матвеева. — Москва : Флинта, 2003. — С. 95. — ISBN 5-89349-381-8. — EDN QQSMYX.

[3] Беляков, М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : дис. … д-ра филол. наук / Беляков М. В. — Москва, 2022. — С. 44.

эмоциональность, использование их в дипломатическом дискурсе, как правило, может усугубить напряженность, приводя к выходу коммуникации из-под контроля. В международном общении высказывания дипломатов должны быть построены с минимальной эмоциональностью и оценочностью, т. е. протокол требует как можно меньше пользоваться дисфемическими оборотами. Этот критерий, с одной стороны, соответствует лингвопрагматическим требованиям дипломатического дискурса, с другой — способствует реализации коммуникативной стратегии аргументации.

Для данного исследования важной является стратегия перевода, которая позволяет верно передать фактическую информацию оригинала, по возможности максимально сохранять тон и стилистические особенности переводимого текста, делать переводный текст приемлемым для намеченных адресатов. По словам О. В. Кафискиной, стратегия перевода важна в практике перевода, так как качество переводного текста во многом зависит от планирования стратегии перевода прежде начала реальных переводческих действий [Кафискина 2017: 4–19]. Под стратегией перевода А. Д. Швейцер понимает «выработку программы переводческих действий и претворение этой программы в жизнь, а именно: совершение рациональных операций, выражающихся в выборе буквального, вольного, дословного, точного вида перевода» [Швейцер 1988: 24]. Здесь мы выделяем 3 тактики перевода, которые зачастую используются переводчиками на практике: дословная, аналоговая и описательная. Так, Н. К. Гарбовский определяет стратегию перевода как «определённую генеральную линию поведения переводчика, стратегию преобразования им исходного текста в виде „деформации“ последнего, когда решается вопрос о том, чем жертвовать» [Гарбовский 2004: 508]. В связи с различиями в языковых системах и национально-культурной фоновой информации среди носителей китайского и русского языка, проблема перевода дисфемизмов заключается не только в точной передаче содержания, но и в сохранении их эмотивности и культурного интенсионала, так как в ходе перевода иногда возникают искажения и даже потери информации. Это в определенной степень требует от переводчика уровня владения языками и гибкости в решении трудностей и, безусловно, чувствительности к улавливанию смысла. В данном исследовании мы будем анализировать тексты, источником которых является официальный сайт МИД КНР, и варианты их перевода на русском языке, которые были опубликованы в русской версии сайта МИД КНР. В первую очередь наше внимание будет сфокусировано на переводах дисфемизмов. Какие языковые средства использованы в выбранных нами текстах для реализации коммуникативной тактики дисфемизации? Какие тактики перевода? Насколько переводные тексты отличаются от исходных текстов? Именно эти вопросы и являются предметом настоящего исследования в данной статье.

Обратимся к реальному политическому событию, которое породило дипломатическую полемику.

Премьер-министр Японии Санаэ Такаити недавно высказалась о том, что военное нападение материкового Китая на Тайвань может стать для Японии «кризисом, угрожающим существованию государства». Тем временем, в ходе парламентских дебатов, Такаити настаивала на том, что ее высказывания соответствуют взглядам японского правительства и что она не намерена отзывать их формулирование. В ответ на это в Китае прозвучала острая критика и осуждение опасных и провокационных высказываний премьер-министра Японии. Резкие высказывания, включающие дисфемизмы, появились не только в передовицах партийной газеты КПК «Жэньминь жибао» и официальных заявлениях МИД КНР, но и в постах профессиональных дипломатов в соцсетях. По нашим данным, такая интенсивность употребления дисфемизмов в течение столь короткого периода времени является довольно редким явлением в практике китайского дипломатического дискурса. Намеренный отказ от дисфемизмов в дипломатическом дискурсе восходит к исторически сложившемуся менталитету и философии китайского народа. Дипломаты, как правило, поддерживают сдержанный и достойный образ в различных дипломатических ситуациях. Реакция на слова японского премьер-министра является исключением. Следует предположить, что употребление дисфемических оборотов в китайском дипломатическом дискурсе связано с неспособностью традиционной дипломатической риторики адекватно отстаивать ключевые интересы страны — целостность суверенитета и территории Китая.

Материалом данной работы служит дискурс профессиональных дипломатов высшего ранга КНР, касающийся нарастающего в последние дни конфликта между Китаем и Японией, потенциально способного вызвать военный кризис. Все материалы опубликованы на официальном сайте МИД КНР и в личных аккаунтах китайских дипломатов в

соцсетях, и также частично цитируются по «Газете Народно-освободительной армии Китая».

Обратимся к источникам. Когда премьер-министр Японии выступила с провокационным заявлением, МИД Китая незамедлительно провел брифинг для журналистов, и на нем пресс-секретарь жестко ответил на соответствующие высказывания. Процитируем из него краткий отрывок:

日本首相高市早苗日前在国会公然发表涉台**露骨挑衅**言论，暗示**武力介入**台海的可能性。在中方表达严正交涉和强烈抗议后，还**执迷不悟、拒不撤回**。上述错误言行**严重违背**一个中国原则，**严重违背**中日四个政治文件精神和国际关系基本准则，**粗暴干涉**中国内政，**挑战**中方核心利益，**侵犯**中国主权，中方对此坚决反对、绝不容忍，日方必须立即纠正，收回**恶劣言论**，否则一切后果必须由日方承担。

日本曾对台湾实行**殖民统治**，犯下**罄竹难书**的**罪行**。**日本军国主义**历史上曾多次以所谓“存亡危机”为借口**发动对外侵略**，包括**以**“行使自卫权”**为由悍然**制造“九一八事变”，**挑起侵华战争**，给包括中国在内的亚洲乃至世界人民带来**深重灾难**。

日本当政者妄图介入台海事务，既是对国际正义的**粗暴践踏**、对战后国际秩序的**公然挑衅**，也是对中日关系的**严重破坏**。如日方胆敢武力介入台海局势，将构成侵略行为，中方必将**迎头痛击**！ ... 我们正告日方，必须深刻反省历史罪责，立即停止干涉中国内政、**挑衅越线**的错误言行，**不要**在台湾问题上**玩火**，**玩火者必自焚**！[1]

Перевод: *«Премьер-министр Японии Санаэ Такаити недавно сделала в парламенте **откровенно провокационные** заявления в адрес Тайваня, намекнув на возможность **военного вмешательства** в Тайваньский пролив. Несмотря на решительный протест и серьезные предостережения Китая, они **упрямо держатся своего мнения и не отказываются от него**. Вышеупомянутые ошибочные слова и действия **серьезно нарушают** принцип „одного Китая“, дух четырех китайско-японских политических документов и основополагающие нормы международных отношений. Это **грубое вмешательство** во внутренние дела Китая, **вызов** его коренным интересам и **ущемление** его суверенитета. Китай решительно выступает против этого и никогда не потерпит этого. Япония должна немедленно исправить свои ошибки и отказаться от своих **вопиющих высказываний**; в противном случае Япония будет нести ответственность за все последствия.*

*Япония когда-то **колонизировала** Тайвань и совершила **бесчисленные преступления.** На протяжении всей своей истории **японский милитаризм** неоднократно использовал предлог „важнейшего кризиса“ для **развязывания внешней агрессии**, в том числе **нагло** организовав „инцидент 18 сентября“ **под предлогом** „осуществления права на самооборону“, **спровоцировав агрессивную войну** против Китая и принеся **глубочайшие бедствия** народам Азии, включая Китай, а также всего мира.*

*Попытка японских властей вмешаться в дела между сторонами пролива является не только **вопиющим попранием** международного правосудия и **открытой провокацией** против послевоенного международного порядка, но и наносит **серьезный ущерб** китайско-японским отношениям. Если Япония осмелится осуществить военное вмешательство в ситуацию в Тайваньском проливе, это будет считаться актом агрессии, и Китай непременно **примет меры ответного воздействия!** ... Мы со всей серьезностью предупреждаем Японию, что она должна глубоко задуматься о своих исторических преступлениях, немедленно прекратить свои ошибочные слова и действия, направленные на вмешательство во внутренние дела Китая, **провокации и пересечение границы**, а также **не играть с огнем** в тайваньском вопросе! **Играющий с огнем непременно сожжет сам себя**».*

Стоит отметить, что высказывание премьер-министра Японии Санаэ Такаити в ходе парламентских дебатов, по сути, является внутриполитическом дискурсом, оно направленно на обеспечение поддержки со стороны правых фракций и народа с целью укрепления своего правящего статуса. Это соответствует основной задаче политического дискурса — удержаться у власти. Одновременно ее слова означали стремление правительства Японии «ловить рыбу в мутной воде» в надежде восстановить ограниченные военные возможности Японии, утраченные после войны. Учитывая зверства, совершенные во время Второй мировой войны японскими военными, в ее речи скрывается не только политический лозунг, но и чрезвычайный опасный сигнал для международного сообщества.

В отличие от политического дискурса, основная цель дипломатического дискурса заключается в защите интереса государства. Весь приведенный выше отрывок нацелен на то, чтобы выразить ясную позицию китайских дипломатов по вопросам территори-

альной целостности. Мы видим отказ от нейтральной лексики. Так, в тексте использованы прилагательные и наречия, несущие в себе ясную отрицательную оценку, такие как: 挑衅的***провокационный,*** 粗暴的***грубый,*** 恶劣的***вопиющий,*** 侵略的***агрессивный,*** 露骨地***откровенно,*** 固执地***упрямо,*** 悍然地***нагло*** и т. д. Адресант стремится оказать нужное воздействие на сознание адресата, именно для этой цели используются явные дисфемизмы, апеллирующие к эмоциям аудитории, ее интересам и ценностям. В этом отрывке также активно используются отглагольные существительные и глаголы, которые тоже в рамках дипломатического дискурса могут быть охарактеризованы как дисфемизмы: 介入***вмешательство,*** 违背***нарушать,*** 挑战***вызов,*** 侵犯***ущемление,*** 殖民统治***колонизировать,*** 罪行***преступление,*** 军国主义***милитаризм,*** 发动对外侵略 ***развязывать внешние агрессии,*** 挑起侵华战争 ***спровоцировать агрессивную войну против Китая,*** 深重灾难***глубочайшие бедствия,*** 粗暴践踏***вопиющее попрание,*** 严重破坏 ***серьезный ущерб*** и т. д. Употребление явных дисфемизмов позволяет усилить критический характер дискурса. Благодаря массированному использованию отрицательно оценочной лексики, шаги японских дипломатов, отражающие устремления японского правительства, ассоциируются с варварством и кровопролитием. Очевидно, что в переводном тексте (русском варианте) переводчик точно передал исходные значения, используя тактику дословного перевода, оказавшуюся эффективной для перевода тех лексических единиц, которые эквивалентно существуют в двух языках.

Дисфемизация, наряду с многими риторическими приемами, такими как дистанцирование, опровержение, неявная или открытая критика, служит тактикой актуализации коммуникативной стратегии аргументации [Рябова, Каруковец 2025]. В процитированном выше тексте использовалась также тактика сомнения в истинности информации, реализованная при помощи предложного сочетания 以...为由 ***под предлогом***. Это сочетание показывает, что истинные намерения противоположной стороны разительно отличаются от применяемой ими риторики. Цитирование отрывка из речи японского премьер-министра: “行使自卫权” «***осуществление права на самооборону***», в сочетании с оборотом 以...为由 ***под предлогом*** позволяет реализовать функцию разоблачения истинного замысла японского правительства. При этом нельзя не вспомнить реальное историческое событие, которое пресс-секретарь также упомянул в своей речи — «инцидент 18 сентября», который произошел в 1931 г.: тогдашнее японское правительство под тем же предлогом «осуществления права на самооборону» спровоцировало агрессивную войну против Китая. Напоминая об этом реальном инциденте, пресс-секретарь аргументировал злостные намерения японского правительства при нынешнем событии.

В некоторых случаях в переводном тексте передать эффект от использования дисфемизма бывает весьма затруднительно. Так, в оригинальном тексте употреблено словосочетание 迎头痛击, которое прежде не использовалось в китайском дипломатическом дискурсе. Данное словосочетание буквально следует перевести как «***сильно ударить по голове, нанести лобовой удар***». Это выражение является дисфемизационной заменой выражения «***принять меры ответного воздействия***», однако этот же смысл выражен более жесткими языковыми средствами, служащими строгим предупреждением о том, что ответные меры будут сокрушительными. Здесь переводчик прибегает к тактике описательного перевода, донося основное значение без потери смысла, однако стилистическая окраска и риторический эффект оказываются менее значимыми, чем в оригинальном тексте.

Особо следует выделить проблему перевода фразеологических оборотов и паремий. Здесь также применяются различные тактики для сохранения дисфемизма. В тексте есть фразеологизм 越线, который буквально значит «переступать через линию», в тексте переведен как ***пересечение границы***. «Граница», несомненно, здесь значит «красную линию», которая представляет собой дипломатическое клише, в контексте дипломатического общения «обозначение предела терпения одной из сторон, позиции, при нарушении которой безопасность более не гарантирована» [Tertrais 2016].

В конце текста пресс-секретарь использовал китайскую паремию 玩火者必自焚 (букв. ***играющий с огнем непременно сожжет сам себя***), которая в контексте является дисфемическим оборотом и также служит строгим предупреждением, подчеркивая серьезность результата любой попытки военного вмешательства во внутренние дела Китая. При переводе данной паремии была использована тактика аналогового перевода. Посредством подобного этой паремии русского фразеологизма «играть с огнем» (поступать неосмотрительно, рискованно) переводчик передал точный смысл оригинала и выразительность, не изменив при этом национально-специфичный оттенок.

На брифинге, состоявшемся на следующий день, пресс-секретарь вновь подтвердил твердую позицию по данному вопросу. Приведем отрывок из текста, который был опубликован 14 ноября 2025 на сайте МИД КНР:

有关问题根源在于日本首相高市早苗发表**极其错误、极为危险、极具挑衅**的涉台言论，还不思悔改，拒不撤回。这种行为粗暴干涉中国内政，严重违背国际法和国际关系基本准则，严重破坏战后国际秩序，严重违背一个中国原则和中日四个政治文件精神，严重破坏中日关系政治基础，严重伤害中国人民感情。

任何人**妄想挑战**中国人民的底线，必将遭到中方的**迎头痛击，必将在14亿多中国人民用血肉筑成的钢铁长城面前碰得头破血流**！任何势力胆敢阻挠中国统一大业，都是**痴心妄想、螳臂挡车**，注定失败！[2]

Перевод: *«Корень проблемы кроется в* ***крайне ошибочных, крайне опасных и крайне провокационных*** *высказываниях премьер-министра Японии Санаэ Такаити в отношении Тайваня, в которых она не раскаялась и не отказывается от них. Такое поведение представляет собой грубое вмешательство во внутренние дела Китая, серьезное нарушение международного права и основных норм международных отношений, серьезный подрыв послевоенного международного порядка, нарушение принципа „одного Китая“ и духа четырех политических документов между Китаем и Японией, серьезный ущерб политической основе китайско-японских отношений и оскорбление чувств китайского народа.*

Любой, кто ***осмелится посягнуть*** *на коренные интересы китайского народа, неминуемо получит* ***сокрушительный отпор*** *со стороны Китая и* ***разобьет себе голову о несокрушимую Великую китайскую стену, возведенную из плоти и крови более 1,4 миллиарда китайцев****! Любая сила, которая посмеет препятствовать великому делу воссоединения Китая, предается* ***бредовым фантазиям*** *и подобна* ***богомолу, пытающемуся остановить колесницу****. Ее ждет неминуемый провал!»*

В вышеприведенном примере последовательно использовались три анафоричных словосочетания с наречием «крайне» 极其错误、极为危险、极具挑衅 (*крайне ошибочные, крайне опасные и крайне провокационные*), которые выступают в качестве своего рода «эхо-фразы» (термин, известный в маркетинговой сфере, «лингвопрагматика употребления которого состоит в умелом закреплении в сознании реципиента необходимой информации, повторении в тексте наиболее яркого выражения»[1]). Посредством этого риторического приема вызывается большой эмотивный резонанс у реципиента. Кроме повторения словосочетания 迎头痛击 (здесь также была использована тактика описательного перевода, переводчик применял выражение «***сокрушительный отпор***» вместо буквального значения «*сильно ударить по голове*», снижая риторическое и эмоциональное воздействие), в тексте использовались две развернутые метафоры: 头破血流 (букв. *разбита голова и течет кровь*) и 十四亿多中国人民用血肉筑成的钢铁长城 (*несокрушимая Великая китайская стена, возведенная из плоти и крови более 1,4 миллиарда китайцев*). Первая метафора 头破血流 (*разбита голова и течет кровь*) представляет собой дисфемизационную замену поражения, одновременно служит суровым предупреждением, что является предостережением вмешательства в дела Китая. Другая метафора 十四亿多中国人民用血肉筑成的钢铁长城 (*несокрушимая Великая китайская стена, возведенная из плоти и крови более 1,4 миллиарда китайцев*) конкретизирует силу и твердые убеждения китайского народа защищать интереса родины. Очевидно, что при решении использовать эти метафоры переводчик прибегал к тактике дословного перевода, при этом эффективно использовал символическое значение Великой стены. Эквивалент в русском языке или пояснение такого характерного для китайской культуры образа никак не могли передать экспрессивность оригинального выражения. Стоит отметить, что эта метафора является прецедентным текстом и является цитатой из гимна КНР, где есть слова: «*Вставайте все, кто рабства больше не хочет! Своей кровью и плотью построим нашу новую Великую стену*!» — что и способно вызывать эмоциональный резонанс и решимость у китайской аудитории, вызывая ременисценции кровопролитной истории Второй мировой войны.

В конце приведенного фрагмента текста употреблен фразеологизм 螳臂当车 (букв. *богомол плечом задерживает колесницу*), значение которого аналогично русскому фразеологизму «лезть на рожон» (предпринимать что-либо, заведомо обреченное на неудачу). В контексте дипломатического дискурса этот дисфемизм имеет иронический характер. Здесь переводчик не приме-

[1] Беляков, М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : дис. … д-ра филол. наук / Беляков М. В. — Москва, 2022. — С. 129.

нял аналоговую тактику перевода, наоборот, дословно перевел этот фразеологизм (***богомол, пытающийся остановить колесницу)***, чтобы подчеркнуть присущий этому выражению иронический оттенок, показывающий тщетность применяемых противной стороной усилий. Этот фразеологизм оттеняется еще одним дисфемизмом: 头破血流 (***разобьет себе голову***), что предупреждает о конечном результате.

Помимо вышеприведенных отрывков, опубликованных на сайте МИД КНР, еще более дисфемическим выглядит высказывание генерального консула Китая Сюэ Цзянь в Осаке, опубликованное в сети X :

既然你擅自闯过来，就别怪我毫不犹豫地**斩下你那肮脏的头颅**。做好准备了吗？

Перевод: *Поскольку ты вторгся сюда без разрешения, не вини меня за то, что я без всяких колебаний* ***отрублю твою грязную голову****. Ты готов?*

Как видно, высказывания дипломата высшего ранга в соцсетях как будто более грубы, его слова ассоциируются с убийством, возмездием и казнью: «отрубить голову» и «грязный». Дипломат выразил свое негодование начистоту, используя эти дисфемические обороты в качестве прямой угрозы.

Заявление «Газеты Народно-освободительной армии Китая» выглядит не менее жестким, хотя дискурс Вооруженных сил не входит в категорию дипломатического дискурса:

日本全境都有**沦为战场的风险**。[4]

Перевод: *Весь Японский архипелаг* ***рискует стать полем сражения.***

Вышеперечисленные дисфемизмы, употребленные в дипломатическом и военном дискурсе, являются, по сути дела, ультиматумом, выражающим твердую позицию Китая по поводу тайваньского вопроса и решимость защищать ключевые интересы от вмешательства Японии.

Будучи частью деятельности государства, дипломатия играет важную роль в защите интересов страны, урегулировании международных проблем и предотвращении потенциальных конфликтов. Наряду с коммуникативной тактикой эвфемизации, не менее важно функционирование в дипломатическом дискурсе дисфемизации, которая направлена на прямое выражение негативных оценок адресату речи. Дисфемизация позволяет не вуалировать истинные замыслы. Кроме тех лексических единиц, которые несут отрицательные коннотации и тем самым естественно присущи дисфемии, метафорические и фразеологические обороты также могут функционировать в качестве дисфемизмов. Учитывая правила дипломатического протокола и характеристики дисфемизмов, такие языковые средства в большинстве случаев употребляются лишь в тех ситуациях, где возникали острые конфликты и интересы одной из сторон были серьезно ущемлены. В современном китайском дипломатическом дискурсе дисфемизмы могут выполнять функции предупреждения, выражения пейоративного отношения говорящего к объекту речи, привлечения внимания и иногда ультиматума. В практике перевода текстов дипломатического дискурса зачастую употребляются такие тактики, как дословная, аналоговая и описательная. Выбор подходящего приема из них существенно влияет на результат переводческих действий, что, безусловно, помогает повысить уровень межкультурного понимания и эффективности передачи воли государства. При переводе метафорических и фразеологических оборотов, являющихся дисфемизмами в конкретном тексте, иногда возникает трудность в том, чтобы передать их основной смысл и в то же время сохранять стилистические оттенки и культурные коннотации оригинальных выражений. Гибкое сочетание различных тактик в соответствии с конкретном контекстом и коммуникативной целью представляется в этом случае оптимальным подходом.

ИСТОЧНИКИ

1. 2025年11月13日外交部发言人林剑主持例行记者会. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202511/t20251113_11752486.shtml (date of access: 20.05.2026).

2. 2025年11月14日外交部发言人林剑主持例行记者会. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202511/t20251114_11753464.shtml (date of access: 20.05.2026).

3. 人民日报《钟声：绝不容忍高市早苗在台湾问题上的越线挑衅》2025年11月14日 — URL: https://www.peopleapp.com/column/30050752642-500007201649 (date of access: 20.05.2026).

4. 《解放军报：叫嚣武力介入台海局势只会把日本引向不归歧途》— URL: http://www.81.cn/szb_223187/szbxq/index.html?paperName=jfjb&paperDate=2025-11-16&paperNumber=04&articleid=967058 (date of access: 20.05.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баринова, А. В. Виды и способы эвфемизации в современном русском литературном языке / А. В. Баринова // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2006. — № 6. — С. 230–232.

2. Беляева, И. В. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов / И. В. Беляева, Э. Г. Куликова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 22(160). — С. 15–20. — EDN JTVTHH.

3. Беляков, М. В. Академический аспект дипломатического дискурса / М. В. Беляков, О. И. Максименко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2019. — Т. 16, № 1. — С. 61–66. — DOI 10.31079/1992-2868-2019-16-1-61-66. — EDN KZCKAD.

4. Валиева, Д. Р. Использование эвфемизмов в политическом дискурсе / Д. Р. Валиева // Казанская наука. — 2019. — № 12. — С. 68–70. — EDN DTWHMB.

5. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та (МГУ), 2004. — ISBN 5-211-04802-4. — EDN QQVIAN.

6. Кафискина, О. В. Стратегия перевода как термин переводоведения / О. В. Кафискина // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. — 2017. — № 1. — С. 4–19. — EDN YQPSXX.

7. Логунова, К. А. Эвфемизмы в дипломатическом языке / К. А. Логунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12-2(42). — С. 109–112. — EDN SYEDHN.

8. Лысякова, М. В. Лексико-грамматические свойства дисфемизмов (на материале политического дискурса) / М. В. Лысякова, А. А. Гаевая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 50–76. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76. — EDN YVXKPM.

9. Миронина, А. Ю. К вопросу о роли эвфемизмов в политическом дискурсе / А. Ю. Миронина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2010. — Т. 1, № 2. — С. 191–200. — EDN OWABUH.

10. Мухаметзянова, Д. Р. О процессе эвфемизации и дисфемизации в современном политическом дискурсе США / Д. Р. Мухаметзянова, Р. В. Саттарова // Перспективы развития современного гуманитарного знания. — Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2022. — С. 205–210. — EDN QGCGDK.

11. Рябова, М. Ю. Коммуникативные стратегии эвфемизации и дисфемизации дипломатического дискурса / М. Ю. Рябова, Н. С. Каруковец // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2(110). — С. 197–204. — EDN JSWMHC.

12. Сунь, М. Эвфемизмы в современном русском и китайском дипломатическом дискурсе / М. Сунь // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2(104). — С. 228–234. — EDN QEWFTG.

13. Цатурян, М. А. Эвфемизмы и дисфемизмы: лингвопрагматические особенности в политическом дискурсе / М. А. Цатурян // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 4-2. — С. 170–172. — DOI 10.37882/2223-2982.2020.04-2.35. — EDN YDDDUQ.

14. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. — Москва : Воениздат, 1973. — 280 с.

15. Tertrais, B. The Diplomacy of “Red Lines” // Recherchés & Documents / Fondation pour la recherche stratégique. — 2016. — Vol. 2. — P. 7–29.

MATERIALS

1. On 13 November 2025, Foreign Ministry Spokesperson Lin Jian presided over the regular press conference. Available at May 20, 2026 from https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202511/t20251113_11752486.shtml.

2. On 14 November 2025, Foreign Ministry Spokesperson Lin Jian presided over the regular press conference. Available at May 20, 2026 from https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202511/t20251114_11753464.shtml.

3. People's Daily (2025, 14 Nov.). People's Daily: “The Bell Tolls: Absolutely No Tolerance for Toshimi Tachibana's Provocative Crossings of the Line on Taiwan”. Available at May 20, 2026 from https://www.peopleapp.com/column/30050752642-500007201649.

4. People’s Liberation Army Daily: Threatening Military Intervention in Taiwan Strait Situation Will Only Lead Japan Down a Path of No Return. Available at May 20, 2026 from http://www.81.cn/szb_223187/szbxq/index.html?paperName=jfjb&paperDate=2025-11-16&paperNumber=04&articleid=967058.

REFERENCES

1. Barinova, A. V. (2006). Vidy i sposoby ehvfemizatsii v sovremennom russkom literaturnom yazyke = Types and methods of euphemisation in modern Russian literary language. *Bulletin of Krasnoyarsk State University. Humanities*, *6*, 230–232.

2. Belyaeva, I. V., Kulikova, Eh. G. (2009). Manipulyativnoe iskazhenie: lingvisticheskiy smysl ehvfemizmov = Manipulative Distortion: The Linguistic Meaning of Euphemisms. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, *22*(160), 15–20. EDN JTVTHH.

3. Belyakov, M. V., Maksimenko, O. I. (2019). Akademicheskiy aspekt diplomaticheskogo diskursa = The Academic Aspect of Diplomatic Discourse. *Social Sciences and Humanities in the Far East*, *16*(1), 61–67. DOI 10.31079/1992-2868-2019-16-1-61-66. EDN KZCKAD.

4. Valieva, D. R. (2019). Ispol′zovanie ehvfemizmov v politicheskom diskurse = The Use of Euphemisms in Political Discourse. *Kazan Science*, *12*, 68–70. EDN DTWHMB.

5. Garbovsky, N. K. (2004). Teoriya perevoda = Theory of Translation. Moscow: Moscow University Press, 544 p. ISBN 5-211-04802-4. EDN QQVIAN.

6. Kafiskika, O. V. (2017). Strategiya perevoda kak termin perevodovedeniya = Translation Strategy as a Term in Translation Studies. *Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory*, *1*, 4–19. EDN YQPSXX.

7. Logunova, K. A. (2014). Ehvfemizmy v diplomaticheskom yazyke = Euphemisms in Diplomatic Language. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, *12-2*(42), 109–112. EDN SYEDHN.

8. Lysyakova, M. V., Gaevaya, A. A. (2018). Leksiko-grammaticheskie svoystva disfemizmov (na materiale politicheskogo diskursa) = Lexical and Grammatical Properties of Dysphemisms (Based on Political Discourse). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *9*(1), 50–76. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76. EDN YVXKPM.

9. Mironina, A. Yu. (2010). K voprosu o roli ehvfemizmov v politicheskom diskurse = On the Role of Euphemisms in Political Discourse. *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*, *1*(2), 191–200. EDN OWABUH.

10. Mukhametzyanova, D. R., Sattarova, R. V. (2022). O protsesse ehvfemizatsii i disfemizatsii v sovremennom politicheskom diskurse SSHA = On the Process of Euphemization and Dysphemization in Contemporary US Political Discourse. *Perspectives on the Development of Modern Humanities*, 205–210. Sterlitamak: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. EDN QGCGDK.

11. Ryabova, M. Yu., Karukovets, N. S. (2025). Kommunikativnye strategii ehvfemizatsii i disfemizatsii diplomaticheskogo diskursa = Communicative strategies of euphemisation and dysphemisation in diplomatic discourse. *Political Linguistics*, *2*(110), 197–204. EDN JSWMHC.

12. Sun, Mingjie (2024). Ehvfemizmy v sovremennom russkom i kitayskom diplomaticheskom diskurse = Euphemisms in contemporary Russian and Chinese diplomatic discourse. *Political Linguistics*, *2*(104), 231–237.

13. Tsaturyan, M. A. (2020). Ehvfemizmy i disfemizmy: lingvopragmaticheskie osobennosti v politicheskom diskurse = Euphemisms and Dysphemisms: Linguopragmatic Features in Political Discourse. *Modern Science: Current Issues in Theory and Practice. Series: Humanities*, *4-2*, 170–172. DOI 10.37882/2223-2982.2020.04-2.35. EDN YDDDUQ.

14. Shveizer, A. D. (1973). Perevod i lingvistika = Translation and Linguistics. Moscow: Voenizdat, 208 p.

15. Tertrais, B. (2016). The Diplomacy of “Red Lines”. *Recherchés & Documents. Fondation pour la recherche stratégique*, *2*, 7–29.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'42+81'38+81'27+81'25
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621+Ш118 *ГРНТИ 16.41.21; 16.31.41* *Код ВАК 5.9.8; 5.9.6*

Александра Игоревна Томилова[1]✉, Ксения Михайловна Табаринцева-Романова[2]✉, Наталья Владимировна Сандалова[3]✉

[1,2] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
[1] alexara@list.ru✉, SPIN-код: 3975-8898, https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0003-4233-8248
[2] kseniaromanova@urfu.ru✉, SPIN-код: 1827-3164, https://orcid.org/0000-0002-0158-8016
[3] Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, natalia-sandalova@uspu.ru✉, SPIN-код: 7149-6613, https://orcid.org/0000-0003-2053-589X

Межъязыковая псевдоэквивалентность в политическом медиатексте и его переводах как инструмент публичной дипломатии (на примере английского, испанского, французского и русского языков)

АННОТАЦИЯ. *Данная статья представляет собой изучение межъязыковой псевдоэквивалентности, возникающей на стыке медиатекста и переводного медиатекста под случайным влиянием слабой профессиональной подготовки переводчика или осознанного проявления его собственной идеологии. Авторы сводят воедино современные направления исследований политологии, медиалингвистики, переводоведения, приходя к выводам о растущей значимости манипулятивной составляющей в текстах СМИ, применяемых в качестве популярного инструмента публичной дипломатии для формирования политического имиджа целых стран, об особенностях переводного медиатекста, в котором вектор манипуляции может как сменить направление, так и сойти на нет в зависимости от выбранных переводческих решений, а также о важности национально-культурной специфики интернациональных слов, хранящейся в сознании носителей, которая может приводить к возникновению частичной и/или прагматической псевдоэквивалентности при неполной передаче при переводе. Авторами уточняется понятие межъязыковой псевдоэквивалентнтности; приводится краткая классификация псевдоэквивалентов по объему семантического значения в основе с примерами для следующих языковых пар: русский-английский, русский-французский, русский-испанский языки; анализируется функционирование данной категории слов в русском политическом медиатексте и его официальных переводах на английский, французский и испанский языки; доказывается вторичность французского и испанского переводных медиатекстов, искажающих впечатление франкоговорящих и испаноговорящих реципиентов о речи российского Президента (материалом исследования послужило интервью В. В. Путина и его переводы). Использование в речи интернациональной лексики, представляющей потенциальную опасность возникновения ложных аналогий, и впоследствии ее перевод, часто не приводит к образованию семантической псевдоэквивалентной пары, зато представляет в ряде случаев трудности при передаче коннотативных значений, что в условиях публичной дипломатии имеет особую важность. Вопрос о намеренности подобного рода искажений и смысловых потерь поднимается все чаще за последнее десятилетие в исследованиях зарубежных и отечественных лингвистов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *дипломатический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, межъязыковая псевдоэквивалентность, публичная дипломатия, переводоведение, политический перевод, переводческая деятельность, английский язык, испанский язык, французский язык, русский язык, переводческое решение, лингвопрагматика*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Томилова Александра Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: alexara@list.ru.*

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: kseniaromanova@urfu.ru.

Сандалова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: natalia-sandalova@uspu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Томилова, А. И.* Межъязыковая псевдоэквивалентность в политическом медиатексте и его переводах как инструмент публичной дипломатии (на примере английского, испанского, французского и русского языков) / А. И. Томилова, К. М. Табаринцева-Романова, Н. В. Сандалова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 147-158.

Aleksandra I. Tomilova[1]✉, Kseniya M. Tabarintseva-Romanova[2]✉, Natalya V. Sandalova[3]✉

[1,2] Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
[1] alexara@list.ru✉, SPIN code: 3975-8898, https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0003-4233-8248
[2] kseniaromanova@urfu.ru✉, SPIN code: 1827-3164, https://orcid.org/0000-0002-0158-8016
[3] Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, natalia-sandalova@uspu.ru✉, SPIN code: 7149-6613, https://orcid.org/0000-0003-2053-589X

© Томилова А. И., Табаринцева-Романова К. М., Сандалова Н. В., 2026

Томилова А. И., Табаринцева-Романова К. М., Сандалова Н. В. Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119). С. 147–158

Interlanguage Pseudo-Equivalence in the Political Media Text and Its Translations as a Tool of Public Diplomacy (On the Material of English, Spanish, French and Russian)

ABSTRACT. *This article studies interlingual pseudo-equivalence which appears on the border between a media text and its translation under the occasional influence of translator's poor professional training or as a result of conscious manifestation of the translator's ideology. The authors bring together contemporary trends of research in political science, media linguistics, and translation studies and come to the conclusion about the growing significance of the manipulative constituent of media texts, used as a popular tool of public diplomacy to create a political image of whole countries; about the peculiarities of the translated media text, in which the manipulation vector can both change its course and disappear altogether depending on the chosen translation solution; as well as about the importance of the national and cultural specificity of international words which are kept in the native speakers' minds and which might lead to the emergence of partial and/or pragmatic pseudo-equivalence if not translated in the proper way. The authors specify the definition of interlingual pseudo-equivalence and suggest a brief classification of pseudo-equivalents according to the volume of semantic meaning in the stem with examples in the following linguistic pairs: Russian-English, Russian-French and Russian-Spanish. The study analyzes the functioning of pseudo-equivalents in the Russian political media text and its official translations into English, French and Spanish and proves the secondary nature of the French and Spanish translated media texts, which distort the perception of the speech of the Russian President by French- and Spanish-speaking recipients (Putin's interview and its translations were chosen as practical research material). The use of international vocabulary which represents some kind of potential danger of emergence of false analogies while translating, and the following translation of it does not lead to the formation of a semantic pseudo-equivalent pair but in some cases is the source of difficulties while translating connotative meanings which are considered to be essential in public diplomacy. The question of the intentional nature of such mispresentation and semantic loss remains open and is raised more and more frequently in the last decade by linguists all over the world.*

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, political texts, politicians, lexical markers, English language, mnemonic narrative, political interview, speech genres, verbs of memory, mnemonic nouns, mnemonic adjectives*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Tomilova Aleksandra Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Tabarintseva-Romanova Kseniya Mikhaylovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of International Law, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Sandalova Natalya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology and Methods of Teaching English, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Tomilova A. I., Tabarintseva-Romanova K. M., Sandalova N. V*. (2026). Interlanguage Pseudo-Equivalence in the Political Media Text and Its Translations as a Tool of Public Diplomacy (On the Material of English, Spanish, French and Russian). In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 147-158. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие и выстраивание отношений при помощи СМИ и публичной дипломатии в XXI в. стало своего рода основой политического дискурса. В связи с тем, что новые технологии все больше переопределяют общественное мнение и оказывают влияние на правительства и их политику, государства уделяют особое внимание национальному брендингу и формированию благоприятного имиджа на международной арене. Переводные медиатексты приобретают особую значимость в продвижении среди иноязычной аудитории других стран новостных сообщений, политических и идеологических взглядов, культурных особенностей, национальных интерпретаций мировых событий и т. п. Все это определяет **актуальность** исследования.

Новизна исследования обусловлена тем, что в настоящее время достаточно мало работ, связанных с изучением взаимосвязи и взаимозависимости идеологии, пропаганды (как инструмента «мягкой» силы) и перевода (имеющиеся труды будут проанализированы в настоящей статье). К сожалению, практически не рассматривается фактор потенциального «политического влияния» переводчика на создаваемый текст, а также нет работ, исследовавших функционирование лексики, относящейся к псевдоэквивалентам, на примере медиатекстов. В условиях современных информационных и культурных конфликтов изучение такого опосредованного формирования образа или контекста является особо перспективным, так же как и национально-культурные интерпретации интернациональной лексики, служащей одним из главных источников возникновения межъязыковой псевдоэквивалентности.

Сама по себе информация и ее передача неразрывно связаны с понятием власти и силы. «Группы, организации, национальные государства и даже отдельные лица теперь могут влиять на политику на системном уровне, используя информацию» [Armistead 2004: 13].

Как справедливо подчеркивается авторами книги «Информационные операции: суровая реальность „мягкой» силы“»: «…нация, которая сможет контролировать поток информации, выиграет конфликт… независимо от того, представлена ли эта информация в форме военной разведки, пропаганды, электронных волн или потока компьютерных данных» [Armistead 2004: 9]. В мире дипломатии информация связана с публичной дипломатией или ее подвидом — медийной дипломатией.

Цель работы заключается в исследовании межъязыковой псевдоэквивалентности, в частности функционирования межъязыковых псевдоэквивалентов в политических медиатекстах и их переводах, в свете публичной дипломатии.

2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечает Д. Мелиссен, «публичная дипломатия — это еще один такой сектор роста, который не является эфемерным явлением. Конечно, существуют обширные области дипломатической работы и множество двусторонних отношений, где контакты с общественностью за рубежом не имеют приоритета, но число стран, использующих потенциал публичной дипломатии, будет продолжать расти. Вероятно, не будет преувеличением предположить, что такое развитие событий свидетельствует о том, что эволюция дипломатии достигла нового этапа» [Melissen 2005]. Таким новым этапом в дипломатии становится активное использование IT-технологий. Согласно О. В. Лебедевой, публичная дипломатия может быть определена как взаимодействие с зарубежным экспертным сообществом и гражданским сообществом: общественно-политическими, деловыми, экспертными кругами, направленное на отстаивание внешнеполитических интересов своей страны [Лебедева, Панов 2018: 26]. Она нацелена на массовую аудиторию, так как такая аудитория может оказать влияние на свое правительство и на политическую систему. В этом обнаруживается сходство публичной дипломатии с медиатекстом, который, проявляясь, среди прочего, в массовых изданиях и телевизионных программах, собирающих многомиллионные аудитории, особенно на просторах сети Интернет, по мнению В. М. Фалина, может обгонять «во влиянии политические партии, общественные организации, правительства» [Фалин 2016: 283].

Стоит отметить, что прежде всего данное понятие связано со следующими направлениями: пропаганда и информационная защита; гуманитарные обмены; взаимодействие с обществом. Как показывает практика, в настоящее время послы принимают активное участие в общественных дискуссиях страны пребывания; читают лекции; проводят культурные мероприятия. Напомним, что цели и задачи публичной дипломатии связаны с такими аспектами, как строительство долгосрочных отношений; изучение настроений иностранного общественного мнения; формирование положительного внешнеполитического образа; защита целей национальной внешней политики; понимание ценностей своего государства за рубежом; обеспечение национальной безопасности. Данные аспекты находятся на стыке с вопросами лингвистической безопасности, которые поднимаются различными науками, в том числе эколингвистикой на материале политических медиатекстов. Каналами распространения публичной дипломатии являются: выступления официальных лиц в СМИ, с публичными лекциями, в социальных сетях; НПО, фонды, образовательные программы, женские и молодежные организации, университеты и т. д. В нашей работе мы сосредоточимся на выступлениях официальных лиц в СМИ, в частности, на интервью В. В. Путина иностранным каналам и их переводах на иностранные (английский, французский и испанский) языки.

На начало 2017 г. в научной литературе сформировались три основные модели публичной дипломатии: модель холодной войны — противодействие негативной пропаганде через информационное влияние на гражданское общество; основными каналами такой дипломатии были радио и телевидение; транснациональная модель — негосударственные участники используют глобальные телекоммуникационные сети, действуя поверх национальных границ; внутригосударственная PR-модель — государство нанимает PR-компании и лоббистов в иностранном государстве для проведения там кампаний публичной дипломатии [Gilboa 2008].

В дипломатической сфере СМИ являются важнейшей платформой для продвижения внешней политики стран. Государства все чаще используют собственную платформу для национального брендинга. Национальные вещательные компании стали платформой для формирования репутации государства, а также усиления «мягкой» силы.

Все это привело к формированию идеи о медиадипломатии как инструменте внешней политики, где журналисты все чаще и интенсивнее участвуют в дипломатических мероприятиях и процессах, иногда они даже инициируют дипломатические процессы. «СМИ функционируют как независимый субъект и

как инструмент в руках политиков и журналистов» [Poudel 2019: 44]. Ряд экспертов предположили, что глобальные телевизионные новости теперь определяют внешнюю политику и даже разработали гипотезу «эффекта CNN», чтобы описать и проанализировать это явление [Gilboa 2005]. По этой причине материалом исследования данной статьи выбрано интервью В. В. Путина американскому телеканалу, которое стало отличным примером, с одной стороны, медиадипломатии, и с другой — политического медиадекста.

Е. Гильбоа различал три вида использования СМИ в дипломатии: публичная дипломатия, когда государственные и негосударственные субъекты используют СМИ и другие каналы коммуникации для влияния на общественное мнение в зарубежных обществах; медиадипломатия, когда официальные лица используют СМИ для расследования и продвижения взаимных интересов, включая разрешение конфликтов; и дипломатия медиапосредников, когда журналисты временно берут на себя роль дипломатов и служат посредниками в международных переговорах. В этой концептуальной схеме медиадипломатия относится к использованию СМИ лидерами для выражения заинтересованности в переговорах и укрепления доверия [Gilboa 2000]. В переводных медиа СМИ как средстве публичной дипломатии, направленной на донесение и продвижение своих политических позиций до представителей других стран, на наш взгляд, немаловажную роль играет переводчик, поскольку от правильности передачи семантического и прагматического значения, профессиональной подготовки, фоновых знаний и соблюдения этических норм зависит производимый на реципиента эффект, в том числе манипулятивный.

Публичная дипломатия обычно рассматривается как инструмент стратегической коммуникации, включающий различные методы коммуникации для информирования и взаимодействия с зарубежной общественностью в целях продвижения интересов национальных государств. Она включает коммуникацию в контексте принятия политических решений, стратегическую коммуникацию, такую как общение через правительственные официальные веб-сайты, и международные мероприятия — все они направлены на информирование, пропаганду и вовлечение общества.

Как коммуникативный инструмент, перевод может «навести мост или разделить пропасть между двумя разными мирами» на идеологическом уровне, что означает, что перевод, включающий реконструкцию дискурса, может указывать на идеологию переводчика. Как пишет К. Цзюдин**, «**можно утверждать, что неправильный перевод был сделан намеренно, чтобы служить идеологии целевой культуры или политической позиции» [Jiuding, Leilei 2023]. Как в случае с большинством публичных дискурсов, новостной дискурс, пропитанный идеологиями, заслуживает большего внимания в исследованиях перевода. В рамках новостного дискурса знания, отношения и идеологии представляют собой все формы социального познания и ментальных представлений, разделяемые представителями средств массовой информации, которые являются популярными объектами исследования в последние годы. «В цифровую эпоху интерпретация новостного дискурса играет все более важную роль в построении идеологии для мировой аудитории» [Jiuding 2024: 2]. Поэтому в нем также рассматриваются соответствующие статьи о переводе дискурса публичной дипломатии, который играет очень важную роль в реконструкции идеологии для читателей со всего мира [Jiuding, Leilei 2023].

Продолжая развивать данную мысль, стоит отметить важность изучения медиатекста, в частности политического медиатекста, на стыке медиалингвистики и политологии, что мы и попытались сделать в данной работе, поскольку политика «оказывает огромное и многообразное воздействие на язык СМИ, составляя основу его содержания и определяя его особенности» [Солганик 2012: 856], а медиатекст, в свою очередь, формирует образ политики страны, отдельных политиков и работает как дипломатический инструмент, как «инструмент социального взаимодействия в интерактивной стилистике, как возможность двунаправленной коммуникации и совместность в создании значений» [Десюкевич 2017]. При этом ни контент-анализ, ни перевод политического медиатекста не изучаются в публичной дипломатии.

Современный медиатекст во многом отличается от существовавшего еще десять лет назад по ряду причин: стремительный переход СМИ в онлайн-формат с мгновенным широким распространением, обратной и взаимообусловленной стороной чего является увеличение медиапотребления людей; изменение стиля изложения материала и языка (в том числе увеличение доли англицизмов, неологизмов, окказионализмов, снижение языковой нормы и др.); разрастание соцсетей с их влиянием на язык путем как увеличения числа пользователей, так и расширения своих функций (появились

научные работы, называющие соцсети «пятой властью» (U.C. Mandal, 2007; А. А. Ковалев, 2022; В. А. Маковский, 2019 и др); увеличение числа непрофессиональных журналистов и доли манипулятивной составляющей в содержании медиатекстов, особенно рекламных и политических.

Многие ученые рассматривают подобные изменения как «негативные тенденции во всех традиционных представлениях о медиа» [Лебедева, Назметдинова 2018: 78]. На наш взгляд, сложно давать негативную или положительную оценку такому развитию медиатекста, поскольку все изменяется, в том числе сам язык не стоит на месте, зачастую с вектором на упрощение, и со временем появляется новая норма. Однозначно можно отметить пропорциональное увеличение количества научных работ, изучающих медиатекст или иные явления на его материале, что свидетельствует об интересе ученых к данному источнику, в том числе в свете вопросов лингвистической безопасности.

Медиатекст в целом — сложная и подвижная единица речевого общения массовых коммуникаций, обладающая открытостью, что может приводить к полиинтерпритируемости. Именно по этой причине актуальным представляется изучить явление межъязыковой псевдоэквивалентности на примере медиатекста, в частности политического медиатекста, ввиду важнейшей роли последнего в информационной революции. По мнению И. А. Василенко, СМИ под силу уничтожить в виртуальном пространстве символический капитал культуры, на котором, согласно данным современных социологов, политологов и культурологов [Василенко 2008; Бурдье 2001; Бзежинский 2009; Назаренко 2021; Старикова 2019 и др.], держатся многие державы, поскольку человеку, как существу, ищущему смысл, важно опереться на определенную систему нравственных координат, разделить добро и зло, чтобы противостоять внешним обстоятельствам. Когда человек четко идентифицирует себя с определенным обществом с четкими ценностями, то это помогает коллективно выжить в самых сложных ситуациях [Василенко 2008: 16], именно поэтому люди без четкой позиции и социокультурной идентичности легче всего поддаются политическому манипулированию.

Как отмечают многие авторы, «в условиях глобального политического кризиса, проблемы анализа политического текста привлекают внимание не только потому, что в нем аккумулируются и проявляются лингвистические характеристики речи и многие психологические особенности говорящего, но и элементы воздействия текста на (массового) реципиента» [Репина 2012: 18; Плотникова, Томилова 2022: 4037]. Переводной политический медиатекст представляет собой, на наш взгляд, еще более сложный феномен, поскольку его создание происходит сначала через определенную призму сознания журналиста со всем заложенным в него информационным и манипулятивным потенциалом, а затем через переводчика с его пониманием и выбранными им переводческими решениями, и в конце концов — реципиента. В последние годы увеличилось число работ, исследующих переводческую деятельность в условиях различного рода кризисов и конфликтов [Valedón 2023; Rossi 2021 и др.], так как межъязыковое посредничество в подобных условиях рассматривается ключевым средством помощи и донесения информации людям, оказавшимся в сложных ситуациях антропогенного воздействия, в том числе вооруженных конфликтов, вынужденного переселения, терроризма и экологических катастроф [Declercq, Federici 2019], что подчеркивает важность и необходимость в профессиональных переводчиках (Filmer, 2020) и особенно в их нейтральной позиции [Valedón 2023: 387].

Все эти причины повлияли на выбор политического медиатекста в качестве материала изучения особенностей функционирования различных видов псевдоэквивалентов и их роли в публичной дипломатии и информационных войнах.

Межъязыковая псевдоэквивалентность в нашей работе понимается как гипоним межъязыковой интерференции, находящей свое практическое отражение в фонетическом и/или графическом сходстве лексических единиц языковой пары, имеющих разные семантические, грамматические, функциональные и стилистические значения при необязательной этимологической общности, вызывающие ложные аналогии при переводе и/или неточное понимание иноязычной картины мира. Межъязыковые псевдоэквиваленты (далее ПЭ) представляют собой обширный пласт лексики, поскольку по объему семантического значения могут быть не только абсолютными (несовпадающими ни в одном из своих значений), но и частичными (совпадающими лишь в оном или нескольких значениях, а в остальных отличные) и контекстуальными (реализующими разные значения лишь в определенных узких или широких контекстах). Например, абсолютные ПЭ: рус. *аккуратный* (соблюдающий порядок, чистоту, точность, опрятный; старательно, тщательно выполненный) — англ. *accurate* (точный, правильный, достоверный); рус.

диссертация (научная работа, публично защищаемая для получения ученой степени) — фр. *dissertation* (рассуждение, сочинение); рус. *брошь* (украшение с застежкой для прикалывания к женскому платью на груди или у шеи) — исп. *brocha* (большая кисть живописца, маляра; щетка, щеточка, помазок); частичные ПЭ: рус. *камера* (помещение специального назначения в некоторых учреждениях; закрытое пространство внутри помещения, прибора, машины; сокр. от фотоаппарат, видеокамера) — англ. *camera* (фотоаппарат, видеокамера); рус. *эффективный* (дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный) — фр. *effectif/ve* (настоящий, положительный, фактический, реальный, действующий, боеспособный); рус. *карантин* (временная изоляция больных для предупреждения распространения эпидемических заболеваний; санитарный пункт для осмотра прибывающих судов, лиц, товаров) — исп. *cuarentena* (четыре десятка, сорок дней/месяцев/лет, сорокалетие, карантин); и контекстуальные ПЭ: рус. *карты* (картонные листки, составляющие игральную колоду; чертежи земной поверхности; разграфленные листы бумаги для заполнения какими-то сведениями) — англ. *cards* (игральные карты, открытки, карточки) в контексте «*be on the cards*» (*быть предназначенным судьбой, очень вероятно*); рус. *алиби* (обстоятельство, факт пребывания обвиняемого в другом месте как доказательство его непричастности) — фр. *alibi* (алиби, маневр, уловка) в контексте «*les alibis bidons*» (надуманные отговорки); рус. *ситуация* (совокупность условий и обстоятельств, создающих ту или иную обстановку, положение, отношения) — исп. *situación* (ситуация, положение, обстановка, картина) в контексте «*balance de situación*» (балансовый отчет).

Гораздо реже встречаются случаи, когда ПЭ в английском, французском и испанском языках в сопоставлении с русским языком совпадают (даже с учетом разного количества значений у лексем разных языков, входящих в псевдоэквивалентную пару). Например: рус. *афера* (сомнительное, рискованное и недобросовестное дело с целью личной наживы) — англ. *affair* (роман, любовная интрига, связь, дело, ситуация) — фр. *affaire* (дело, предприятие, тяжба, скандал, операция, бизнес, вещь) — исп. *affaire* (незаконное или скандальное дело, случай, бизнес, любовная интрижка); рус. *батон* (белый хлеб продолговатой формы, кондитерское изделие в виде палочки) — англ. *baton* (дирижерская палочка, дубинка, эстафетная палочка) — фр. *bâton* (палка, палочка, посох, жезл, черточка в букве) — исп. *batón* (широкий и длинный халат до ступней).

В основе феномена межъязыковой псевдоэквивалентности лежат противоположные явления: с одной стороны, стремление к объединению и уподоблению ввиду активной интернационализации лексики в условиях глобализации (отсюда внешняя схожесть слов двух языков), а с другой — стремление к выделению национально-культурных особенностей и уникальности своей языковой картины мира, что приводит к переосмыслению интернационализмов, появлению новых значений и национальных употреблений (отсюда различия в значениях внешне схожих слов двух языков). Различия в языковых картинах мира носителей разных языков приводят к разному восприятию полноты семантических значений лексем, стилистических употреблений и служат одним из источников возникновения ложных аналогий и ошибок при переводе, в том числе возникновения псевдоэквивалентности.

Явление межъязыковой псевдоэквивалентности может возникнуть лишь синхронически на стыке двух языков в ходе переводческой деятельности, без наличия пары языков нет оснований говорить ни об эквивалентности, ни о ее обратной стороне — псевдоэквивалентности. Однако общеизвестно, что при переводе происходит не только взаимодействие языков, но и культур. Важность национально-культурной специфики слов отмечается в работах многих авторов [Гридина, Коновалова 2020; Bekeeva, Nothina, Bykova 2019; Едличко 2016 и др.], среди которых и В. В. Дубичинский и Т. Ройтер, по мнению которых, «без знания культурной среды никакая коммуникация через переводчика практически невозможна» [Дубичинский, Ройтер 2015: 50]. Переводчику необходимо обладать не только глубоким знанием иностранного языка, но и национальной культуры, иными словами, быть и лингвострановедом, а также держать в голове концепты как минимум двух языков. С этим мнением тесно связаны вопросы лингвокультурной адаптации при переводе в целом и в частности при переводе политических медиатекстов.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования функционирования межъязыковых ПЭ в политическом медиатексте как инструмента публичной дипломатии мы рассмотрели интервью В. В. Путина журналисту телекомпа-

нии NBC К. Симмонсу от 11.06.2021[1] в сопоставлении с его официальными переводами на английский[2], испанский[3] и французский[4] языки. Отобранные ранее методом сплошной выборки из толковых и двуязычных словарей слова, относящиеся к категории псевдоэквивалентности русского и английского (1567 пар слов), русского и французского (1721 пара слов), русского и испанского языков (1436 пар слов), были найдены в параллельных медиатекстах и проанализированы. В качестве основных применялись сравнительно-сопоставительный метод, метод количественного подсчета, сплошной выборки, контекстологический анализ, лексикографический анализ.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При детальном сопоставлении текста оригинала и перевода можно прийти к заключению, что переводы на французский и испанский языки выполнены не с первичного текста оригинала (русского), а зачастую с вторичного (английского) текста, что находит отражение в многочисленных кальках с английского языка в испанском и французском вариантах, англицизмах, в употреблении не частотных для французского и испанского языков выражений и приводит к смысловым искажениям: *хулиган — troublemaker (англ.) — fauteur de troubles (франц.) — alborotador (исп.); «если бы, что бы, кабы» — “could be” and “would be” — « pourrait être » et de « serait » — “podría ser” y “sería”; перекладывать на нас ответственность — making us responsible — nous rendre responsables — hacernos responsables; «принцип наибольшего благоприятствования» — the most favored nation treatment — le traitement de la nation la plus favorisée — el trato de nación más favorecida* и др.

Неправильный перевод на английский язык слов российского Президента влечет автоматически и ошибки во французском и испанском вариантах: ***те, кто отвечает за кибербезопасность*** *— cybersecurity* ***researchers*** *(=исследователи, научные сотрудники) — des* ***chercheurs*** *(=исследователи, научные работники, ученые) en cybersécurité — los* ***investigadores*** *(=следователи, исследователи, научные работники, искатели) de ciberseguridad).*

Опосредованный перевод через английский язык приводит к высокому содержанию интернационализмов во французской и испанской переводных версиях интервью, отсутствующих в русском оригинале и речи В. В. Путина, что вызывает псевдоэквивалентность при сопоставлении текста оригинала на русском языке и текстов перевода на французском и испанском языках, а в ряде случаев и при сопоставлении английской, французской и испанской версий между собой, например: *фейковый вброс — some fake information — de fausses informations — información falsa*. В данном примере наблюдается в целом достижение денотативной (семантической) эквивалентности, но при этом налицо нарушение прагматической эквивалентности, поскольку лексема «*вброс*» в данном контексте реализует значение «заведомо ложной и провокационной информации, распространяемой с целью привлечь внимание людей, ввести их в заблуждение и вызвать общественный резонанс», относится к сленгу, эмоционально окрашена с явной отрицательной коннотацией, в то время как английская, французская и испанская лексемы *information, informations* и *información* соответственно являются нейтральными и нормативными со значением «*факты, подробности, новости о ситуации, человеке, событии*» и т. п. в английском языке, «*сведения*» во французском языке с учетом грамматической формы множественного числа, «*информирование, справочное бюро, сообщение, данные, ознакомление*» и др. в испанском языке. Таким образом, наблюдаем относительную смысловую (экспрессивную) потерю при переводе.

[1] Интервью американской телекомпании NBC. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65861 (дата обращения 23.12.2023).

[2] Полная версия интервью В. В. Путина Киру Симонсу на английском языке. Full transcript of exclusive Putin interview with NBC News' Keir Simmons. Retrieved from: https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-n1270649 (accessed 23.12.2023).

[3] Полная версия интервью В. В. Путина Киру Симонсу на испанском языке. Transcripción de la entrevista exclusiva de NBC News con el presidente de Rusia, Vladimir Putin Retrieved from: https://www.anoncandanga.com/es/transcripcion-entrevista-exclusiva-nbc-news-presidente-rusia-vladimir-putin/ (accessed: 23.12 2023).

[4] Полная версия интервью В. В. Путина Киру Симонсу на французском языке. L’interview de Vladimir Poutine et correspondant de NBC Keir Simmons. Retrieved from: https://sansapriori.net/2021/06/15/4396-vladimir-poutine-a-repondu-aux-questions-du-correspondant-de-nbc-keir-simmons-linterview-a-ete-enregistree-le-11-juin-au-kremlin/ (accessed 23.12 2023).

Таблица 1

Пример перевода фрагмента речи В. В. Путина на английский, французский и испанский языки в сопоставительном аспекте

Оригинал на рус. яз.	Перевод на англ. яз.	Перевод на фр. яз.	Перевод на исп. яз.
Не знаю, *технологически* готов ли Иран воспринимать даже такое сотрудничество.	And I'm not even sure that Iran is even able to accommodate this kind of technology.	Et je ne suis même pas sûr que l'Iran soit capable d'accueillir ce genre de technologie.	Y ni siquiera estoy seguro de que Irán sea capaz de adaptarse a este tipo de tecnología.

Примером образования псевдоэквивалентной пары между русским оригинальным текстом и переводом на испанский язык при отсутствии псевдоэквивалентности между русским и английским вариантами и частичной псевдоэквивалентностью между русским и французским вариантами является рус. ***истэблишмент*** (власть имущие, правящие круги, политическая элита) — англ. *establishment* (устройство, установление, основание, создание, налаживание, организация, учреждение, влиятельные лица, правящие круги) — фр. *establishment* (установленный порядок, влиятельные круги, государственно-партийный аппарат), а не *établissement* (учреждение, установление, составление, предприятие, возведение, заведение, завод) — исп. ***establecimiento*** (установление, учреждение, заведение, закон, институт, фирма) ввиду вторичного перевода с английской версии. Таким образом мировой общественности, говорящей на испанском языке (475 миллионов носителей и 74 миллиона говорящих неносителей[1]) слова интервью российского Президента были донесены с искажением.

Любопытным примером функционирования слов, относящихся к категории ПЭ, является контекстуальный перевод русской лексемы «*сотрудничество*» как *technology, technologie и tecnología* на английский, французский и испанский языки соответственно. Образования псевдоэквивалентной пары с русским языком не случилось (именно в этом контексте В. В. Путин не использовал лексему «*технология*», а говорил о «*технологической готовности воспринимать сотрудничество*»), но и о гармоничном переводе говорить рано. С одной стороны, переводчики прибегли к лексической трансформации — конкретизации в более широком, чем синтаксический, контексте, хоть и с определенными потерями, а с другой стороны, исказили смысл слов российского Президента, который неоднократно подчеркивал в своих ответах вымышленный и безосновательный характер американского отчета о передаче Россией Ирану спутниковых *технологий*, «способных отслеживать и наносить удары по военным целям». В. В. Путин делал акцент на отсутствии не просто намерения передать подобные *технологии*, а даже на «сотрудничестве» в таком направлении с Ираном, но отметил, что возможно «сотрудничество со многими странами мира в космосе» и что Россия «категорически против милитаризации космоса вообще» (осознанный отход от использования лексемы «*технология*» с более конкретным смыслом и повтор лексемы «сотрудничество» с более абстрактным смыслом в контексте отсутствия). Перевод на английский, французский и испанский языки в смысловом отношении вернул ответ Президента России к заданной американским журналистом ложной ситуации передачи «*технологии*», тем самым стал определенным инструментом воздействия на иноязычную аудиторию (см. таблицу 1).

Более того, при анализе контекста очевидно, что перевод лексемы «*воспринимать*» с нематериальным смыслом (*ощущать, испытывать, трактовать, истолковывать, усваивать*) через более материальные, основанные на конкретных видимых действиях, лексемы *accommodate* (*размещать, снабжать, обеспечить, обслуживать, устанавливать* и др.) в английской версии, *accueillir* (*принимать, встречать, одобрять*) во французской версии и *adaptarse a* (*приспосабливаться к, применять для себя*) в испанской версии интервью подкрепляет необоснованную версию журналиста NBC, игнорируя и донося миру, на наш взгляд, с определенным искажением, слова В. В. Путина.

По данным И. А. Василенко, 85 % мировой информации производят сегодня США, а «большинство западных СМИ представляют образ России отрицательно, при этом отмечает, что чем сильнее становится Россия экономически и политически, тем сильнее информационное давление извне» [Василенко 2008: 13]. Предыдущий рассмотренный контекст может послужить примером

[1] Данные за 2022 год справочника по языкам Ethnologue международной организации SIL International. URL: https://www.ethnologue.com/insights/most-spoken-language/ (дата обращения: 1.11.2023).

публичной дипломатии и подобного давления, исходящего не напрямую от говорящего, а через более свободный перевод его речи.

Наличие интернационализмов в рассмотренных примерах и искажения смысла не приводят к образованию псевдоэквивалентных пар с русским языком, ввиду отсутствия однокоренных или близких по звучанию слов в тексте оригинала, но приводят к появлению частичной и контекстуальной псевдоэквивалентности между английским, французским и испанским языками.

«При переводе помимо учета денотативного и коннотативного компонентов содержания следует учитывать также прагматический компонент, который представляет собой отношение между языковым выражением и участниками коммуникации — отправителем и получателем информации» [Есакова, Кольцова 2017: 55]. Чаще всего в работе профессиональных переводчиков проявляется именно прагматическая псевдоэквивалентность, а не семантическая.

Стремление избежать тавтологии и использование разнокоренных лексем в ряде случаев спасает от образования частичных и/или контекстуальных псевдоэквивалентных пар, а в некоторых приводит к их образованию: словосочетание «*внутриполитические процессы»* встретилось в интервью дважды и было переведено на английский язык как *domestic internal affairs* в первом случае и как *political processes* во втором, на французский язык — *les affaires intérieures* (данным эквивалентом в другой фразе еще было переведено русское словосочетание «*внутренние дела*», что представляется точнее в силу определенной статичности значения лексем *дела* и *affaires* в сравнение с динамичностью смысла лексемы *процессы*) и синонимично по аналогии с английским как *les processus politiques,* на испанский язык соответственно *los asuntos internos* и *los procesos políticos.* Синонимичное выражение «*внутриполитические расклады*» перевели как *domesctic political situation, la situation politique intérieure, la situación política interna.*

При анализе выбранного политического медиатекста, внимание привлекает осознанное избегание Президентом России в своей речи иностранных заимствований, где это возможно, и выбор синонимов из уже привычных для русского языка лексем (*незаурядный человек — a bright person — une personne brillante — una persona brillante*), а также использование многочисленных национально-культурных выражений *(«потом на крашеные яйца, скажут, атака совершена» — next time they will say there was an attack against some Easter eggs — la prochaine fois, ils diront qu'il y a eu une attaque contre des œufs de Pâques — полное отсутствие перевода всего предложения в испанской версии*), пословиц, поговорок *(«нечего на зеркало пенять, если рожа кривая» — don't be mad at the mirror if you are ugly — ne vous fâchez pas contre le miroir si vous êtes moche — no te enojes con el espejo si eres feo)* и аллюзий (*«можете жаловаться в Международную лигу сексуальных реформ»* отсылает к сатирическому роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», 1931), просторечий *(«удосужиться» — bother — prendre la peinte — molestarse en*; *«собачиться»* — опущение перевода во всех версиях; *«подтаскивать» — keep bringing — continuer à apporter — seguir llevando*), которые с трудом поддаются переводу, демонстрируя мировой общественности самобытность и богатство русского языка, выполняя функцию интимизации с русскоговорящей аудиторией, а также и с иноязычной аудиторией при правильной передаче, которая потребовала бы от переводчика лингвострановедческих знаний и амплификации и/или экспликации. И. А. Василенко объясняет такую тенденцию ответом мира на глобализацию, в результате чего «мир стал более сознательно и бережно относиться к поддержанию своего культурного разнообразия, к сохранению культурной самобытности» [Василенко 2008: 11].

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенному исследованию, стоит отметить важность изучения переводного медиатекста как отдельного инструмента публичной дипломатии, поскольку продукт переводческой деятельности в условиях мирового кризиса приобретает особую значимость. Переводчикам необходимо осознавать персональную ответственность, учиться сохранять нейтралитет, чему нередко, как отмечают многие исследователи [Valedón 2023; Buden, Nowotny, Simon, Berry, Cronin 2009 и др.], мешает собственная идеология, психологические проявления личности переводчика. Также требуется пересмотр подходов к подготовке профессиональных переводчиков (с большим вниманием к прагматическим аспектам перевода, культурологическому компоненту, лингвострановедению, психологической поддержке и др.) и контроль за тем, чтобы политические медиатексты не попадали на перевод к самоучкам. C. Rossi отмечает разрыв между переводческим дискурсом (в том числе теорией перевода и переводческой рефлексией) и практикой перевода. Перевод-

чик политических текстов и поствоенных художественных произведений находится между обязанностью сохранять «преданность» тексту-оригиналу и позиции автора текста и необходимостью осуществления этического выбора переводческих решений для уважения опыта других многочисленных участников данного конфликтного события, которые будут читать его перевод [Rossi 2021: 385].

С другой стороны, необходимо повышать осведомленность реципиента перевода (населения) о существовании того факта, что в условиях реализации активной публичной и медиадипломатии сам медиатекст всегда обладает манипулятивной составляющей и является инструментом публичной дипломатии, а переводной медиатекст, особенно политический, также обладает этими качествами, но еще и зачастую может быть пропущен через существенный фильтр самого издания, публикующего переведенное событие, содержать переводческие искажения для изменения вектора восприятия реципиента и создания отличного от текста оригинала прагматического эффекта. Яркость идиостиля В. В. Путина зачастую нейтрализуется при переводе, а отсутствие переводческих лингвострановедческих комментариев приводит к непониманию замысла говорящего. A. Valedón отмечает, что перевод играет ключевую роль не только в передаче кризисов, но и в их создании. За последние десятилетия, по мнению автора, взаимодействие между новостями в СМИ и их переводами привлекает все больше внимания, появляются работы, изучающие роль перевода в передаче конфликтов и кризисов (S.-A. Harding, A. Riggs, A. Spiessens, 2012) реконструкцию в англоязычных медиатекстах репортажей с трех русскоязычных вебсайтов по террористическому акту в Беслане в 2004 г. [Harding 2012], стилистический выбор переводческих решений при передаче информации о террористическом акте в Ницце в 2016 г. и их влияние на восприятие и интерпретацию данного события читателем (A. Riggs, 2021), передачу Крымского кризиса на переводном новостном сайте InoSMI [Spiessens, Van Poucke 2016] и др. [Valedón 2023: 389–390].

Явление межъязыковой псевдоэквивалентности в политическом медиатексте требует научного переосмысления относительно проведенных ранее исследований на примере преимущественно художественных текстов, разработки серии тренировочных упражнений в рамках подготовки будущих переводчиков на снижение ложных аналогий в коннотациях растущего числа интернациональной лексики и неологизмов, появляющихся в медиатектах, пересмотра подходов к составлению толковых и переводных словарей (в том числе словарей псевдоэквивалентов) с включением в них психолингвистических значений, хранящихся в сознании носителей языка, на основании данных ассоциативных словарей, корпусной лингвистики и анализа современных медиатекстов. Дискурсивный характер значений многих слов, относящихся к категории псевдоэквивалентов, используемых в политических медиатекстах, не отражается в словарях, а значит и не передается при переводе, что ставит вопрос о необходимости разработки словарей политических терминов в СМИ в целом (см. [Кондратьева 2016]) и словарей межъязыковых псевдоэквивалентов дискурсивного типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / Збигнев Бжезинский. — Москва : Междунар. отношения, 2009. — 278 с. — ISBN 978-5-7133-1341-8.

2. Бурдье, П. Практический смысл : / Пьер Бурдье ; общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. — Санкт-Петербург : Алетейя ; Москва : Ин-т эксперимент. социологии, 2001. — 562 с. — ISBN 5-89329-351-7.

3. Василенко, И. А. Образ России в виртуальном диалоге культур / И. А. Василенко // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. — 2008. — № 3. — С. 3–20. — EDN JUVKEP.

4. Гридина, Т. А. Исторический комментарий фактов русского языка : учеб. пособие / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. — 154 с. — ISBN 978-5-7186-1666-8. — EDN KMVWPW.

5. Десюкевич, О. И. Концептуальная публицистика Светланы Алексиевич: кристаллизация жанра / О. И. Десюкевич // Медиалингвистика. — 2017. — № 2(17). — С. 31–40. — EDN YSPNXV.

6. Дубичинский, В. В. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей / В. В. Дубичинский, Т. Ройтер. — Харьков : Підручник НТУ «ХПІ», 2015. — 148 с.

7. Едличко, А. И. Интернациональная политическая лексика: генезис, развитие, современное состояние (лексикографический аспект) / А. И. Едличко. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 2016. — 191 с. — ISBN 978-5-19-011093-7.

8. Есакова, М. Н. Трудности при переводе оценочных суффиксов (на материале произведений М. А. Булгакова) / М. Н. Есакова, Ю. Н. Кольцова // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. — 2017. — № 1. — С. 52–63. — EDN YQPSZB.

9. Ковалев, А. А. СМИ и политическая коммуникация: новые возможности и ограничения / А. А. Ковалев // Вестник Поволжского института управления. — 2022. — Т. 22, № 3. — С. 69–83. — DOI 10.22394/1682-2358-2022-3-69-83. — EDN LAEFPC.

10. Кондратьева, О. Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт / О. Н. Кондратьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2016. — № 6(44). — С. 38–49. — DOI 10.17223/19986645/44/3. — EDN XDYDYH.

11. Маковский, В. А. «Пятая власть» как основная угроза функционирования государственной информационной политики в России / В. А. Маковский // Информационные войны. — 2019. — № 4(52). — С. 20–23. — EDN OZDKAU.

12. Назметдинова, И. С. «Новые СМИ» в современном медиадискурсе / И. С. Назметдинова, С. Э. Лебедева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета

им. И.Я. Яковлева. — 2018. — № 4(100). — С. 77–87. — EDN YTSORF.

13. Назаренко, А. Н. Визуальные образы в культурном пространстве современных медиа : дис. … канд. культурологии / Назаренко Алексей Николаевич. — Санкт-Петербург, 2021. — 195 с. — EDN BONPDW.

14. Панов, А. Н. Публичная дипломатия зарубежных стран : учебное пособие / Е. М. Астахов, А. А. Великая, С. С. Веселовский [и др.] ; под ред. А. Н. Панова и О. В. Лебедевой. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — 208 с. — ISBN 978-5-7567-0934-6. — EDN VKNATQ.

15. Плотникова, М. В. Лингвистическая безопасность политического дискурса в аспекте экологии перевода (на материале интервью В. В. Путина и их переводов на английский язык) / М. В. Плотникова, А. И. Томилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 12. — С. 4035–4040. — DOI 10.30853/phil20220691. — EDN IPQTZJ.

16. Репина, Е. А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат / Е. А. Репина. — Москва : ИНФРА-М, 2012. — 91 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-005215-1. — EDN UJBUGD.

17. Солганик, Г. Я. Язык СМИ и политика / Г. Я. Солганик, Е. Л. Вартанова, Н. В. Смирнова [и др.]. — Москва : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2012. — 952 с. — ISBN 978-5-211-06291-7. — EDN WMGIZL.

18. Старикова, С. И. Культурный капитал и трансляция коллективных представлений / С. И. Старикова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2019. — Т. 44, № 2. — С. 344–350. — DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-344-350. — EDN NPDDGE.

19. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур : вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2008. — ISBN 978-5-387-00076-8. — EDN QTWPVV.

20. Фалин, В. М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания / В. М. Фалин. — Москва : Центрполиграф, 2016. — ISBN 978-5-227-06561-2.

21. Armistead, L. Information Operations: Warfare and the Hard Reality of Soft Power / L. Armistead. — [S.l]. : Brassey's, 2004. — 277 p. — ISBN 978-1574886986. — URL: https://web.stanford.edu/class/msande91si/www-spr04/readings/week5/io-textbook.pdf (date of access: 23.12.2023).

22. Bekeeva, A. R. National and cultural features of the toponymic system in new Zealand English / A. R. Bekeeva, E. A. Notina, I. A. Bykova // INTED2019 13th International Technology, Education and Development Conference : Conference proceedings. — Valencia : IATED Academy, 2019. — P. 8476–8481. — DOI 10.21125/inted.2019.2114. — EDN QBMHIB.

23. Buden, B. Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses / B. Buden, S. Nowotny, S. Simon, A. Bery, M. Cronin // Translation Studies. — 2009. — Vol. 2, Iss. 2. — P. 196–219. — DOI 10.1080/14781700902937730.

24. Declercq, C. Intercultural crisis communication: Translation, interpreting and languages in local crises / C. Declercq, J. Munday, F. M. Federici. — [S. l.] : Bloomsbury, 2019. — ISBN 978-1350097056.

25. Gilboa, E. Mass communication and diplomacy: A theoretical framework / E. Gilboa // Communication Theory. — 2000. — № 10. — P. 275–309. — DOI 10.1111/j.1468-2885.2000.tb00193.x.

26. Gilboa, E. Searching for a Theory of Public Diplomacy / E. Gilboa // Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 2008. — Vol. 616, No. 1. — P. 55–77. — DOI 10.1177/0002716207312142. — EDN JLETPL.

27. Gilboa, E. The CNN effect: The search for a communication theory of international relations / E. Gilboa // Political Communication. — 2005. — № 22:1. — P. 27–44. — DOI https://doi.org/10.1080/10584600590908429.

28. Harding, S. A. Translating eyewitness accounts Personal narratives from Beslan, September 2004 / S. A. Harding // Journal of Language and Politics. — 2012. — Vol. 11, Iss. 2. — P. 229–249. — DOI doi.org/10.1075/jlp.11.2.04har.

29. Jiuding, Q. Research Review on Ideological factors in Public Diplomacy Discourse Translation / Q. Jiuding, Z. Leilei // International Journal of Translation and Interpretation Studies. — 2023. — Vol. 3, No. 1. — P. 08–16. — DOI 10.32996/ijtis.2023.3.1.2. — EDN BFYFXG.

30. Jiuding, Q. Bilingual translations of intensifiers in Dong-A Ilbo's news about China: A corpus-based discourse analysis approach / Q. Jiuding // PLoS ONE. — 2024. — Vol. 19, No. 2. — P. e0292603. — DOI 10.1371/journal.pone.0292603. — EDN QLTSYC.

31. Mandal, U. C. Dictionary of public administration / U. C. Mandal. — New Dehli : Sarup & Sons, 2007. — 568 p. — ISBN 81-7625-784-2.

32. Melissen, J. The new public diplomacy. Soft power in international relations / J. Melissen. — [S.l.] : Palgrave Macmillan UK, 2005. — 221 p. — ISBN 9780230535541. — URL: http://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf (date of access: 23.12.2023).

33. Nye, J. Soft power. The means to success in world politics / J. Nye. — New York : Public affairs group, 2004. — 191 p. — ISBN 978-1586482251.

34. Pedrazzi, F (Ed.). Standardisierte Inhaltsanalyse in der Kommunikationswissenschaft — Standardized Content Analysis in Communication / Eds. F. Pedrazzi, S. H. Kessler. — 2023. — URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-658-36179-2 (date of access: 23.12.2023).

35. Poudel Ashok. Role Of Media In Foreign Policy : A Case Study Of Nepal / Ashok Poudel. — URL: https://hdl.handle.net/20.500.14540/11098 (date of access: 23.12.2023).

36. Rossi, C. Writers and translators working together: the ethical dimension of the translation of post conflict literature / C. Rossi // Translator. — 2021. — Vol. 27, No. 4. — P. 384–399. — DOI 10.1080/13556509.2021.1992895. — EDN NRTJCD.

37. Spiessens, A. Translating news discourse on the Crimean crisis: patterns of reframing on the Russian websiteInoSMI / A. Spiessens, P. Van Poucke // The Translator. — 2016. — № 22. — P. 319–339. — DOI 10.1080/13556509.2016.1180570.

38. Valdeón, R. A. Translation in times of crises and conflicts / R. A. Valdeón // Perspectives. — 2023. — Vol. 31, No. 3. — P. 383–394. — DOI 10.1080/0907676x.2023.2196166. — EDN SLPOZO.

REFERENCES

1. Bzhezinskiy, Z. (2009). Velikaya shakhmatnaya doska = The Grand Chessboard. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 278 p. ISBN 978-5-7133-1341-8.

2. Burd′e, P. (2001). Prakticheskiy smysl = The Logic of Practice. St. Petersburg: Aleteyya, Moscow: In-t ehksperiment. sotsiologii, 562 p. ISBN 5-89329-351-7.

3. Vasilenko, I. A. (2008). Obraz Rossii v virtual'nom dialoge kul'tur = The image of Russia in the virtual dialogue of cultures. *Moscow University Bulletin*, *3*, 3–20. EDN JUVKEP.

4. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. Istoricheskiy kommentariy faktov russkogo yazyka = Historical Commentary on Facts of the Russian Language. Textbook. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 154 p. ISBN 978-5-7186-1666-8. EDN KMVWPW.

5. Desyukevich, O. I. (2017). Kontseptual'naya publitsistika Svetlany Aleksiyevich: kristallizatsiya zhanra = Conceptual journalism by Svetlana Alexievich: crystallization of the genre. *Medialingvistika*, *2*, 31–40. EDN YSPNXV.

6. Dubichinskii, V. V., Roiter T. (2015). Teoriya i Leksikograficheskoe opisanie leksicheskikh parallelei: monografiya = Theory and Lexicographical description of lexical parallels: monography. Khar'kov: Pidruchnik NTU "KHPI".

7. Edlichko, A. I. (2016). Internatsional′naya politicheskaya leksika: genezis, razvitie, sovremennoe sostoyanie (leksikograficheskiy aspekt) = International Political Vocabulary: Genesis, Development, and Current State (Lexicographical Aspect). Moscow: Moscow Univ. Pr., 191 p. ISBN 978-5-19-011093-7.

8. Yesakova, M. N., Koltsova, Yu. N. (2017). Trudnosti pri perevode ocenochnyh suffiksov = Evaluation suffixes: translation difficulties. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, *1*, 52–63. EDN YQPSZB.

9. Kovalev, A. A. (2022). SMI i politicheskaya kommunikatsiya: novye vozmozhnosti i ogranicheniya = Mass Media and Political Communication: New Opportunities and Limitations. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, *22*(3), 69–83. DOI 10.22394/1682-2358-2022-3-69-83. EDN LAEFPC.

10. Kondrat'eva, O. N. (2016). «Slovar' politicheskih terminov v SMI» kak novyj leksikograficheskij produkt = The dictionary of

political terms as a new lexicographical product. *Tomsk State University Journal of Philology*, *6*(44), 38–49. EDN XDYDYH.

11. Makovskiy, V. A. (2019). «Pyataya vlast′» kak osnovnaya ugroza funktsionirovaniya gosudarstvennoy informatsionnoy politiki v Rossii = “The Fifth Estate” as a Primary Threat to the Functioning of State Information Policy in Russia. *Information Wars*, *4*(52), 20–23. EDN OZDKAU.

12. Nazmetdinova, I. S., Lebedeva, S. E. (2018). “Novye SMI” v sovremennom mediadiskurse [“New media” in modern media discourse]. EDN YTSORF.

13. Nazarenko, A. N. (2021). Vizual′nye obrazy v kul′turnom prostranstve sovremennykh media = Visual Images in the Cultural Space of Modern Media. Dissertation for the degree of Candidate of Culturology. St. Petersburg, 195 p. EDN BONPDW.

14. Panov, A. N., Lebedeva, O. V. (Eds.) (2018). Publichnaja diplomatija zarubezhnyh stran = Public diplomacy of foreign countries. Moscow: Aspect press, 2018. ISBN 978-5-7567-0934-6. EDN VKNATQ.

15. Plotnikova, M. V., Tomilova, A. I. (2022). Lingvisticheskaja bezopasnost' politicheskogo diskursa v aspekte jekologii perevoda (na materiale interv'ju V.V. Putina) = Linguistic Security of Political Discourse in Terms of Translation Ecology (by the Material of Vladimir Putin’s Interviews and Their Translations into English). *Philology. Theory & Practice*, *15*(12[38]), 4035–4040. DOI 10.30853/phil20220691. EDN IPQTZJ.

16. Repina, E. A. (2012). Politicheskiy tekst: psikholingvisticheskiy analiz vozdeystviya na elektorat = Political text: psycholinguistic analysis of the impact on the electorate. Moscow: INFRAM. ISBN 978-5-16-005215-1. EDN UJBUGD.

17. Solganik, G. Ia. (2012). Yazyk SMI i politika = Language of Media and Politics. Moscow: MSU, 952 p. ISBN 978-5-211-06291-7. EDN WMGIZL.

18. Starikova, S. I. (2019). Kul′turnyy kapital i translyatsiya kollektivnykh predstavleniy = Cultural Capital and the Transmission of Collective Representations. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, *44*(2), 344–350. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-344-350. — EDN NPDDGE.

19. Ter-Minasova, G. (2008). Voyna i mir yazykov i kul'tur = War and Peace of Languages and Cultures. Moscow: Slovo. ISBN 978-5-387-00076-8. EDN QTWPVV.

20. Falin, V. M. (2016). Bez skidok na obstoyatel'stva. Politicheskiye vospominaniya = No discounts for circumstances. Political memories. Moscow: Centrpoligraf. ISBN 978-5-227-06561-2.

21. Armistead, L. (2004). Armistead. Information Operations: Warfare and the Hard Reality of Soft Power. Brassey's. Available at Dec. 23, 2023 from https://web.stanford.edu/class/msande91si/www-spr04/readings/week5/io-textbook.pdf.

22. Bekeeva, A. R., Notina, E. A., Bykova, I. A. (2019). National and cultural features of the toponymic system in new Zealand English. *INTED2019 13th International Technology, Education and Development Conference. Conference proceedings*, 8476–8481. Valencia: IATED Academy. DOI 10.21125/inted.2019.2114. EDN QBMHIB.

23. Buden, B., Nowotny, S., Simon, S., Bery, A., Cronin, M. (2009). Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses. *Translation Studies*, *2*(2), 196–219. DOI 10.1080/14781700902937730.

24. Declercq, C., Munday, J., Federici, F. M. (2019). Intercultural crisis communication: Translation, interpreting and languages in local crises. Bloomsbury. ISBN 978-1350097056.

25. Gilboa, E. (2000). Mass communication and diplomacy: A theoretical framework. *Communication Theory*, *10*, 275–309.

26. Gilboa, E. (2005). The CNN effect: The search for a communication theory of international relations. *Political Communication*, *22*(1), 27–44. DOI 10.1080/10584600590908429.

27. Gilboa, E. (2008). Searching for a theory of public diplomacy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, *616*, 55–77. DOI 10.1177/0002716207312142.

28. Harding, S. A. (2012). Translating eyewitness accounts Personal narratives from Beslan, September 2004. *Journal of Language and Politics*, *11*(2), 229–249. DOI 10.1075/jlp.11.2.04har

29. Jiudin, Q., Leilei, Z. (2023). Research Review on Ideological factors in Public Diplomacy Discourse Translation. *International Journal of Translation and Interpretation Studies*, *3*(1), 8–16. DOI 10.32996/ijtis.2023.3.1.2.

30. Jiudin, Q. (2024). Bilingual translations of intensifiers in Dong-A Ilbo’s news about China: A corpus-based discourse analysis approach. *PLoS ONE*, *19*(2), 1–16. DOI https://doi.org/10.1371/journal.pone.0292603.

31. Mandal, U. C. (2007). Dictionary of public administration. New Dehli : Sarup & Sons, 568 p. ISBN 81-7625-784-2.

32. Melissen, J. (2005). The new public diplomacy. Soft power in international relations. 2005. Available at Dec. 23, 2023 from http://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf.

33. Nye, J. (2005). Soft power. The means to success in world politics. New York: Public affairs group.

34. Pedrazzi, F., Kessler, S. H. (Eds.) (2023). Standardisierte Inhaltsanalyse in der Kommunikationswissenschaft — Standardized Content Analysis in Communication. Available at Dec. 12, 2023 from https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-658-36179-2.

35. Poudel, A. (2019). Role Of Media In Foreign Policy : A Case Study Of Nepal. Available at Dec. 23, 2023 from https://hdl.handle.net/20.500.14540/11098.

36. Rossi, C. (2021). Writers and translators working together: the ethical dimension of the translation of post conflict literature. *The Translator*, *27*(4), 384–399. DOI https://doi.org/10.1080/13556509.2021.1992895.

37. Spiessens, Anneleen & Van Poucke, Piet. (2016). Translating news discourse on the Crimean crisis: patterns of reframing on the Russian websiteInoSMI. *The Translator*, *22*, 319–339. DOI 10.1080/13556509.2016.1180570.

38. Valedón, R. A. (2023). Translation in times of crises and conflicts. *Perspectives*, *31*(3), 383–394. DOI https://doi.org/10.1080/0907676X.2023.2196166.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.512.161'42+811.512.161'38+811.512.161'37+81'27
ББК Ш163.12-51+Ш163.12-55+Ш163.12-3+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8*

Юлия Владимировна Юсеф
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, yvyusef@fa.ru, SPIN-код: 4217-2425, https://orcid.org/0009-0005-3372-1431

Функционально-прагматические сдвиги конфессионально маркированной лексики в современном турецком официальном дискурсе

АННОТАЦИЯ. *Настоящее исследование посвящено трансформации и функционально-прагматической вариативности конфессионально маркированных единиц в официальном дискурсе Турецкой Республики (2013–2026 гг.). Цель работы — комплексное прагмалингвистическое осмысление процессов интеграции традиционных исламских формул в жесткие институциональные контексты публичной сферы. Методологическую базу составили принципы критического дискурс-анализа (КДА), лингвистической прагматики и теории институционального дискурса. Материал собран методом целевой выборки (свыше 150 текстов).*

Результаты работы демонстрируют, что функциональный сдвиг исследуемых единиц носит амбивалентный характер и детерминирован жанрово-дискурсивным контекстом. В сухом институционально-экономическом макродискурсе вводно-модальные компоненты (inşallah, hamdolsun) выступают конвенциональными инструментами модального хеджирования и амортизации прогностических рисков. В интерактивном политико-парламентском дискурсе выявлен полярный потенциал маркеров: от их дискурсивной десакрализации и трансформации в средство политического сарказма оппозицией до восстановления аксиологического статуса как инструмента социокультурной интеграции в выступлениях представителей правящей элиты.

Областью применения результатов выступают когнитивно-дискурсивные исследования и сравнительная политлингвистика. В заключение автор констатирует, что выявленные прагматические сдвиги отражают компромисс между технократическим лаицизмом и реисламизацией публичной сферы современной Турции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, турецкий язык, официальный дискурс, конфессионально маркированная лексика, лингвопрагматика, десемантизация, модальное хеджирование, дискурсивная десакрализация, кейс-стади, конфессионально маркированные единицы*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Юсеф Юлия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, email: yvyusef@fa.ru; SPIN-код: 4217-2425.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Юсеф, Ю. В.* Функционально-прагматические сдвиги конфессионально маркированной лексики в современном турецком официальном дискурсе / Ю. В. Юсеф. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 159-169.

Yuliya V. Yusef
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, yvyusef@fa.ru, SPIN code: 4217-2425, https://orcid.org/0009-0005-3372-1431

Functional-Pragmatic Shifts of Confessional Marked Vocabulary in Modern Turkish Official Discourse

ABSTRACT. *This study focuses on the transformation and functional-pragmatic variability of confessional marked units within the official discourse of the Republic of Turkey (2013-2026). The aim of the paper is to provide a comprehensive pragmalinguistic insight into the processes of integration of traditional Islamic formulas into the rigid institutional contexts of the public sphere. The methodological framework is based on the principles of critical discourse analysis (CDA), linguistic pragmatics, and the theory of institutional discourse. The practical research material, comprising over 150 texts, was gathered through the method of purposive sampling.*

The research results demonstrate that the functional shift of the units under study is ambivalent and strictly determined by the genre-discursive context. In dry, institutional-economic macro-discourse, introductory-modal components (inşallah, hamdolsun) function as conventional tools for modal hedging and prognostic risk amortization. In interactive politico-parliamentary discourse, a polar potential of these markers is revealed: spanning from their complete discursive desacralization and transformation into tools of political sarcasm by the opposition, to the restoration of their axiological status as instruments of sociocultural integration in the speeches of the ruling elite representatives.

The scope of results application includes cognitive-discursive studies and comparative political linguistics. In the conclusion, the author states that the identified pragmatic shifts reflect a compromise between technocratic laicism and the reislamization of the public sphere of modern Turkey.

KEYWORDS: *political linguistics, political discourse, political texts, Turkish language, official discourse, confessional marked vocabulary, linguopragmatics, desemantization, modal hedging, discursive desacralization, case study, professionally marked units.*

© Юсеф Ю. В., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Yusef Yuliya Vladimirovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Yusef Yu. V.* (2026). Functional-Pragmatic Shifts of Confessional Marked Vocabulary in Modern Turkish Official Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 159-169. (In Russ.).

Динамика современного турецкого институционального дискурса разворачивается в поле перманентного напряжения между конституционно закрепленным лаицизмом и очевидной реисламизацией всех сфер жизни общества. На рубеже XX–XXI веков в социокультурном и политическом пространстве Турецкой Республики обозначился разворот к традиционным ценностям, что повлекло за собой трансформацию идеологических ориентиров носителей языка. Лингвистическое измерение этих процессов фиксирует сложный синтез светских и религиозных компонентов. Как обосновано в фундаментальных исследованиях П. В. Шлыкова, масштабные общественно-культурные трансформации в стране предопределили сам характер интерпретации исторического наследия и вектор государственной языковой политики [Шлыков 2014]. На современном этапе развития турецкого государства (включая срез 2024–2026 гг.) эти процессы переходят в новое качество, приводя к глубокой перестройке коммуникативных практик.

В фокус нашего исследовательского внимания попадает феномен интеграции конфессионально маркированных единиц в жесткие прагматические контексты публичной сферы. Понятия «религиозно маркированные» и «конфессионально маркированные» единицы рассматриваются в работе как прагмалингвистические синонимы. Под ними понимается совокупность устойчивых лексем и формул речевого этикета, генетически укорененных в исламской картине мира, но обнаруживающих функциональную прагматикализацию под воздействием институциональной среды. Происходящие сдвиги носят выраженный амбивалентный характер: конфессиональный маркер способен выступать как конвенциональным инструментом прагматического хеджирования рисков, так и объектом намеренной десакрализации оппозицией, трансформируясь в средство политического сарказма и метадискурсивной критики.

В рамках настоящего исследования категория «официальный дискурс» понимается расширительно — как гетерогенное институциональное пространство коммуникации, включающее не только строго государственно-политический сегмент (парламентская риторика), но и официально-деловую, финансово-экономическую макроструктуру (публичные заявления профильных министров, аналитические материалы бирж и профильных платформ). Обе сферы жестко регламентированы, институционально детерминированы и отражают доминирующие социокогнитивные тренды турецкого государства.

Методологическим базисом дескрипции указанных процессов выступают принципы критического дискурс-анализа (КДА) и социокогнитивного подхода, развитые в трудах Т. ван Дейка [Дейк 2013] и Н. Фэркло [Fairclough 1995]. В контексте нашего исследования актуальным представляется положение о том, что дискурсивные практики властных элит непосредственно участвуют в конструировании социальных ментальных моделей, транслируя доминирующие идеологические константы. Применительно к отечественной лингвополитологии данные идеи получили развитие в трудах Е. И. Шейгал [Шейгал 2004], детально описавшей семиотическое пространство политики и институциональные стратегии речевого воздействия, и находят свое продолжение в современных исследованиях О. А. Солоповой [Солопова 2016] в аспекте моделирования политической реальности.

Фундаментальным методологическим основанием для дескрипции этих процессов служат концептуальные положения лингвистической прагматики и теории институционального дискурса В. И. Карасика [Карасик 2002], которые в аспекте динамики современных политических процессов развиваются в русле концепции «дискурсивного поворота» [Чудинов и др. 2020].

Лингвистическая интерпретация динамики языковых единиц в рамках анализируемого материала опирается на концепцию десемантизации, обоснованную в трудах Е. Куриловича [Kuryłowicz 1965] и Т. Гивона [Givón 1979], а также на ее современную проекцию — теорию прагматикализации. Эти подходы позволяют раскрыть механизмы постепенной утраты полнозначными знаками своего первичного семантического ядра и их эволюцию в сторону дискурсивных маркеров, модальных частиц или прагмастилистических клише, адаптированных под актуальные интенции говорящего. При этом фокус исследования смещен с квантитативных параметров на глубинное качественное моделирование прагматического потенциала конкретных речевых актов.

Прагматическая специфика турецкого институционального политического дискурса в последние годы вызывает устойчивый исследовательский интерес. В международной науке заметным вкладом стали труды Ш. Эрдича [Erdiç 2023] о религиозном языке как инструменте легитимации государственной власти, а также исследование Х. Кёсе и Т. Бингёля [Köse, Bingöl 2023], посвященное критическому анализу партийного дискурса в пространстве публичной политики. Прикладные механизмы взаимодействия исламских ценностей с деловой этикой и экономической повседневностью Турецкой Республики представлены в исследовании Р. Тюркан [Türkan 2023].

Механизмы прагматикализации турецких речевых формул (на примере единицы *eyvallah*) охарактеризованы Н. В. Дардыковой [Дардыкова 2022]. Глубокий социокультурный анализ трансформации современного турецкого общества и его идеологических ориентиров представлен в пространстве отечественного востоковедения работами А. С. Аврутиной [Аврутина 2020], а лингвокогнитивные аспекты указанных процессов и специфика государственного регулирования речевой среды — в исследованиях Н. В. Халиной [Халина 2022] по турецкому языковому менеджменту.

В отечественной лингвополитологии прагматика экспрессивных религиозных формул (*inşallah*, *hamdolsun*) в выступлениях лидеров Турции исследуется Л. В. Софроновой [Софронова 2023]. И хотя в работе указанного автора детально охарактеризован общий прагматический потенциал данных единиц в риторике действующей власти, их функционально-жанровая дивергенция и специфика адаптации к полярным регистрам официальной коммуникации (сугубо технократическому экономическому и интерактивному парламентскому) до сих пор оставались без должного внимания, что и определило исследовательский вектор настоящей статьи.

Начиная с 2000-х годов исследуемые единицы превратились в мощный прагматический инструмент, где сакральный смысл часто уступает место задачам вежливости и солидаризации. После событий в парке Гези в 2013 году процессы реисламизации стали более явными, что напрямую отразилось на риторике политиков. Однако если общие свойства таких формул уже описаны, то их функционирование в специфических контекстах — например, в устном парламентском споре или сухом экономическом тексте — изучено мало. В качестве хронологических рамок исследования выбран период 2013–2026 гг., ознаменовавшийся наиболее интенсивной трансформацией официального языка Турции под влиянием макросоциальных изменений.

Целью настоящей статьи является выявление функционально-прагматического диапазона конфессионально маркированных единиц и определение векторов их дискурсивной трансформации в пространстве современной турецкой официальной коммуникации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

– определить сущность и направления прагматикализации конфессиональных формул в турецком институциональном пространстве;

– выявить речевые тактики дискурсивной десакрализации религиозных маркеров в ситуации открытого межпартийного противостояния;

– описать прагматические механизмы хеджирования и социально-групповой инклюзии, реализуемые посредством конфессиональных единиц в официальном нарративе;

– сопоставить специфику функционирования исследуемых маркеров в различных жанрах и регистрах официального дискурса (на материале макроэкономических заявлений исполнительной власти и стенограмм парламентских дебатов).

Материал и методы исследования. Лингвистический анализ осуществлен в рамках качественной исследовательской парадигмы с применением метода ситуационного анализа (*case study*) и дискурсивного микроанализа.

Эмпирический корпус исследования составил массив из более чем 150 высококонтекстных публикаций и стенограмм за 2013–2026 годы. Учитывая значительную протяженность выбранных хронологических рамок, следует отметить, что ключевым критерием отбора послужил принцип целевой тематической фильтрации: из общего дискурсивного поля извлекались исключительно те материалы полярных регистров (сугубо технократического экономического и интерактивного парламентского), в которых были зафиксированы исследуемые прагматические единицы. Источниками материала выступили официальные ресурсы: портал деловой журналистики *Platin Online*[1], сайт Центрального депозитария ценных бумаг Турции[2], а также официальные материалы Ве-

[1] Haberler // Platin Dergisi: [официальный сайт]. — URL: https://www.platinonline.com/haberler (дата обращения: 29.09.2026).

[2] Tüm Haberler [Все новости] / Merkezi Kayıt Kuruluşu : [официальный сайт]. — URL: mkk.com.tr (дата обращения: 29.09.2026).

ликого национального собрания Турции (ТВММ)[1]. На этапе предварительного анализа всего массива данных были определены частотные маркеры и общие дискурсивные паттерны употребления формул. Для последующего глубинного качественного микроанализа (методом *case study*) из корпуса было извлечено 9 развернутых репрезентативных речевых прецедентов, выступающих в качестве системных инвариантов для указанных регистров официальной коммуникации.

Нижняя хронологическая граница (2013 г.) обусловлена качественным идеологическим сдвигом в публичной риторике правящих элит, актуализировавшимся в контексте внутриполитического кризиса (события вокруг парка Гези), и интенсификацией государственной стратегии построения Стамбульского международного финансового центра, что повлекло за собой активное внедрение конфессиональных маркеров в институциональную среду, причем первые системные признаки данной трансформации фиксируются в официальном дискурсе уже в преддверии острой фазы кризиса. Верхний предел (2026 г.) позволяет зафиксировать актуальные тенденции и новейшие векторы трансформации коммуникативных практик в условиях завершающегося этапа институциализации указанных макросоциальных процессов.

Выделенные для анализа кейсы дифференцированы по двум направлениям: институционально-экономический макродискурс (6 развернутых контекстов заявлений профильных министров и финансовых регуляторов) и политико-парламентский дискурс (3 фрагмента официальных стенограмм дебатов ТВММ). Специфика распределения материала обусловлена тем, что в сухой институционально-экономической среде исследуемые единицы выступают в качестве дискурсивной аномалии, требующей более широкой верификации, в то время как в парламентском регистре они носят конвенциональный характер и представлены наиболее репрезентативными ядерными прецедентами. Такой объем качественной выборки при высокой воспроизводимости прагматических паттернов позволяет верифицировать типичные речевые стратегии турецких элит.

Словообразовательный и лексико-семантический анализ конфессионально маркированных единиц позволяет дифференцировать их по двум базовым категориям.

1. **Лексемы на стадии контекстуальной десемантизации и секуляризации.** В данную группу входят производные имена прилагательные, сформированные от заимствованных арабских субстантивов при помощи продуктивного турецкого аффикса обладания признаком *-lı / -li* / *-lu / -lü* (в частности, *hayırlı* от араб. *ḫayr* — «благо», и *bereketli* от араб. *baraka* — «благословение»). В соответствии с описанием структуры тюркского имяобразования [Кононов 1956], указанный формант адаптирует заимствованную основу к морфосинтаксическому строю турецкого языка. Под воздействием институционального экономического дискурса происходит постепенное вымывание первичной метафизической семантики корня и закрепление единиц в статусе нейтральных денотативных признаков. В официальных заявлениях макроэкономического характера сочетание *bereketli topraklar* функционирует как прагматический эквивалент светского термина *verimli topraklar* («плодородные земли»). Специфика этого процесса обнаруживает функциональную дивергенцию: лексическая десемантизация изолированного слова не препятствует актуализации конфессионального маркера на уровне устойчивых речевых клише. Интеграция формулы *Hayırlı olsun!* («В добрый час!») в финансовой сфере полностью конвенциональна и десакрализована. Напротив, этикетное клише *Hayırlı sabahlar* (консервативная альтернатива светскому *Günaydın*) сохраняет выраженную этноконфессиональную кодировку, выступая в официальных практиках маркером идентичности говорящего или объектом языковой игры. Устойчивые глагольные формулы типа *Bereket versin*, традиционные для торгово-экономической сферы, представляют собой, согласно синтаксическим параметрам, эллипсис теофорного пожелания *(Allah) bereket versin* и занимают промежуточное положение, обнаруживая остаточную связь с религиозным субстратом.

2. **Лексемы сентенциального происхождения на стадии активной прагматикализации (переход в разряд дискурсивных маркеров).** Данную группу составляют неизменяемые лексикализованные единицы арабского происхождения, консервирующие теоним на морфемном уровне (в частности, *inşallah* и *maşallah*). Будучи генетически самостоятельными синтаксическими структурами (сентенциями) арабского языка, в турецкой лингвосистеме они функционируют как неделимые аналитические комплексы. В грамматической концепции Ю. В. Щеки [Щека 2007] подобные единицы квалифицируются как модальные лексемы, системное

[1] Tutanak Dergisi [Журнал стенограмм] / Türkiye Büyük Millet Meclis i: [официальный сайт]. — URL: tbmm.gov.tr (дата обращения: 29.09.2026).

свойство которых — полная блокировка стандартного тюркского именного или глагольного словоизменения. Эволюция данных единиц протекает исключительно на уровне трансформации их синтаксического статуса и дистрибуции в тексте, где они последовательно реализуются в функциях вводно-модальных компонентов, формирующих прагматическую рамку высказывания.

Выявленные структурно-семантические группы отражают общий вектор функционально-прагматических сдвигов в современном официальном языке Турции. Верификация характера этих изменений требует детального контекстуального анализа вводно-модального компонента *inşallah*, выбранного в качестве сквозной эмпирической модели. Обладая наивысшей частотностью и дистрибутивной гибкостью, этот маркер позволяет наиболее рельефно продемонстрировать полярные направления трансформации конфессиональных единиц в сфере публичной коммуникации.

Прагматическая специфика функционирования вводно-модального компонента *inşallah* в официально-деловом институциональном тексте наглядно прослеживается в заявлении занимавшего в тот период пост председателя Совета по рынкам капитала Турции доктора В. Эрташа, опубликованном на информационном ресурсе Центрального депозитария: *«Dr. Ertaş, 2023 İstanbul Uluslararası Finans Merkezi projesi, bu yeni dünya düzeninde hak ettiğimiz yere ulaşma projesidir. Bu hedefi inşallah sermaye piyasasındaki kurumlarımız ile birlikte gerçekleştireceğiz»*[1] («Доктор Эрташ: проект Стамбульского международного финансового центра 2023 года — это проект достижения того места, которого мы заслуживаем в новом мировом порядке. Эту цель мы, иншаллах, реализуем совместно с нашими институтами рынка капитала»).

Анализ данной дискурсивной модели в совокупности с экстралингвистическими факторами обнаруживает подчеркнуто нормативный характер коммуникации. Спикер, являющийся ключевой фигурой финансово-экономической системы Турецкой Республики, транслирует официальную позицию ведомства относительно стратегического государственного проекта. Заявление, датированное 2013 годом, непосредственно апеллирует к знаковой исторической вехе — Столетию Турецкой Республики (2023 г.). Появление конфессиональной формулы в рамках подобной коммуникативной ситуации детерминировано особыми прагмалингвистическими задачами. Включение этого маркера в структуру высказывания обеспечивает интенциональное снижение категоричности прогнозируемого макроэкономического действия, трансформируя конфессиональную формулу в инструмент модального хеджирования рисков, таким образом, презентация амбициозной долгосрочной цели сопровождается выраженной коммуникативной осторожностью. Такой шаг позволяет говорящему частично снизить абсолютную ответственность ведомства в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств. В силу своего расположения в интерпозиции высказывания (в препозиции к глагольному предикату *gerçekleştireceğiz* — «мы реализуем», имеющему форму первого лица множественного числа будущего времени), исследуемая единица формирует прагматический эффект коллективной вовлеченности. Подобный риторический прием в контексте общенационального юбилея переводит технократическую по своей сути экономическую стратегию в категорию всеобщей миссии турецкого народа. Одновременно с этим маркер *inşallah* реализует функцию сближения с адресатом, выстраивая прагматический мост, который связывает светскую идеологию юбилея Турецкой Республики и традиционные религиозные установки турецкого общества.

Заявление Вахдеттина Эрташа, датированное апрелем 2013 года, представляет особый интерес для нашего исследования. Оно прозвучало за несколько недель до протестов в парке Гези, в момент, когда официальная риторика только настраивалась на мегапроекты вроде Стамбульского финансового центра. Использование *inşallah* в этом технократическом контексте показывает, что религиозные формулы проникали в язык регуляторов не как следствие шоковой политической мобилизации лета 2013-го, а задолго до нее, вплетаясь в ткань делового дискурса как элемент привычной конвенциональной солидарности.

Особый практический интерес в контексте исследования механизмов функционально-прагматических сдвигов конфессионально маркированной лексики представляет заявление Министра энергетики и природных ресурсов Турции А. Байрактара на церемонии открытия газовой электростанции. Выступление затрагивает вопросы энер-

[1] Sermaye Piyasası Kurulu Başkanı Sayın Dr. Vahdettin ERTAŞ'ın FSTech Awards Birincilik Ödülü Açıklaması // Merkezi Kayıt Kuruluşu: [resmî sitesi]. — 2013. — 19 Nisan. — URL: https://www.mkk.com.tr/tr-tr/haberler/Sayfalar/Sermaye-Piyasasi-Kurulu-Baskani-Sayin-Dr-Vahdettin-ERTASin-FSTech-Awards-Birincilik-Odulu-Aciklamasi.aspx (дата обращения: 29.09.2026).

гетической стабильности как фундаментального фактора макроэкономической безопасности страны: *«...doğal gazda hamdolsun bir arz sorunu yaşamıyoruz, inşallah bundan sonra da yaşamayacağız»*[1] («...в сфере природного газа, хвала Богу, мы не испытываем проблем с поставками и, иншаллах, впредь испытывать не будем»).

Специфика вышеприведенного речевого прецедента заключается в синтагматическом соприсутствии двух различных по своей структуре конфессиональных маркеров, распределяющих высказывание по двум временным планам. Формула *hamdolsun*, употребляемая с индикативом настоящего времени (*yaşamıyoruz* — «не испытываем»), верифицирует и прагматически закрепляет уже достигнутое, реальное положение дел в экономическом секторе. В то же время вводно-модальный компонент *inşallah* сочетается с глагольной формой будущего времени (*yaşamayacağız* — «не будем испытывать»), выполняя функцию эпистемического смягчения и прагматического хеджирования рисков. Использование конфессионального маркера *inşallah* переводит безапелляционное утверждение из плоскости абсолютной институциональной гарантии в плоскость стратегически желаемой макроэкономической перспективы, обусловленной динамикой рыночной конъюнктуры. В то же время *hamdolsun* в данном контексте выполняет функцию идеологической солидаризации с консервативным электоратом, переводя чисто технический успех (отсутствие дефицита газа) в плоскость высшего покровительства, что легитимирует экономический курс правящей элиты.

Морфосинтаксическая специфика и синтаксический статус данных единиц как вводно-модальных слов традиционно фиксируются академическими грамматиками турецкого языка, однако их прагматический потенциал в аспекте персуазивного воздействия на сознание аудитории в рамках технократического дискурса до сих пор оставался без должного внимания.

Ярким примером функционирования исследуемого дискурсивного маркера в публично-политическом сегменте официального языка Турецкой Республики выступает заявление Президента Р. Т. Эрдогана, посвященное макроэкономической ситуации и антиинфляционной политике государства: *«Enflasyonla mücadelemizi zaferle sonuçlandıracağız inşallah»*[2] («Нашу борьбу с инфляцией мы, иншаллах, завершим победой»).

Анализируемый макроконтекст примечателен присутствием милитарной метафорической модели (*mücadele* — «борьба / война», *zafer* — «победа»), которая переносит прагматику финансового регулирования в плоскость национально-патриотического противостояния. То, как подобные метафорические векторы конструируют политическую реальность, подробно описывает теория политической лингвистики [Чудинов и др. 2020]. Что же касается рассматриваемого речевого прецедента, то здесь конфессиональный маркер *inşallah* берет на себя особые прагмалингвистические задачи: находясь в абсолютной постпозиции к предикату будущего времени в форме первого лица множественного числа (*sonuçlandıracağız* — «мы завершим»), он интенсифицирует эффект солидаризации с адресатом.

Выводы современных исследователей турецкого лингвополитического дискурса [Софронова 2023] согласуются с указанной дистрибутивной спецификой и прагматикой конфессионально маркированной лексики в публичной риторике действующей власти Турецкой Республики. Описанная нами речевая тактика смещает фокус восприятия текста с чисто управленческих процедур на ценностно-смысловой уровень.

Как следствие, преодоление макроэкономических трудностей позиционируется в сознании адресата не как узковедомственная задача исполнительной власти, а как общенациональное, коллективное дело.

Близкие прагматические задачи реализует заявление главы парламентской комиссии по промышленности, торговле, энергетике, природным ресурсам, информации и технологиям М. Варанка, сделанное при анонсировании масштабных проектов в сфере высоких технологий: *«...Türkiye'nin çok önemli bir yatırımının daha temelini atacağız. Türkiye Yüzyılı'nın başka bir nişanesinin temelini atacağız. Türkiye'nin ilk batarya fabrikasının temellerini inşallah atacağız»*[3] («…Мы заложим фундамент еще одной очень важной для Турции инвестиции. Мы

[1] Bakan Bayraktar'dan doğal gaz mesajı: Arz sorunu yaşamıyoruz // Platin Dergisi: [resmî sitesi]. — 2026. — 11 Mayıs. — URL: https://www.platinonline.com/haberler (дата обращения: 29.09.2026).

[2] Erdoğan: Enflasyonla mücadelemizi zaferle sonuçlandıracağız // Sabah: [resmî sitesi]. — 2024. — 18 Nisan. — URL: https://www.sabah.com.tr/gundem/2024/04/18/enflasyonla-mucadelemizi-zaferle-sonuclandiracagiz (дата обращения: 29.09.2026).

[3] Bakan Varank duyurdu: Türkiye'nin ilk batarya fabrikasının temelleri atılıyor // Platin Dergisi: [resmî sitesi]. — 2023. — 21 Nisan. — URL: https://www.platinonline.com/teknoloji/bakan-varank-duyurdu-turkiyenin-ilk-batarya-fabrikasinin-temelleri-atiliyor-1087176 (дата обращения: 29.09.2026).

заложим фундамент очередного символа Столетия Турции. Мы, иншаллах, заложим фундамент первой в Турции фабрики батарей»).

Эффект инклюзивности в данном речевом акте достигается за счет использования формы первого лица множественного числа будущего времени (*atacağız* — «мы заложим»). Примечательно, что в финальной части тройного синтаксического параллелизма конфессионально маркированная единица интегрируется в подчеркнуто технократический контекст — анонс строительства завода компании SIRO по производству литий-ионных аккумуляторов для национального электромобиля TOGG.

С прагмалингвистической позиции значим тот факт, что вводно-модальный компонент *inşallah* употреблен в интерпозиции, вклиниваясь внутрь объектно-глагольной группы между прямым дополнением (*temellerini*) и сказуемым (*atacağız*). Посредством такого приема говорящий не только маркирует этноконфессиональную идентичность, но и формирует специфический прагматический буфер на случай возможного срыва производственных графиков или логистических сбоев. Реализация сложного, высокотехнологичного промышленного проекта частично переводится в сферу высшего предопределения, что объективно снижает прагматическую категоричность высказывания и нивелирует потенциальные репутационные риски власти.

Высокой прагматической плотностью обладают также официальные заявления Министра торговли Турции О. Болата: *«...Afrika ülkeleri ile ticaret hacmi bu yıl 40 milyar dolara inşallah ulaşacak»*[1] («...в сфере торговли с африканскими странами объём в этом году, иншаллах, достигнет 40 миллиардов долларов»), и Министра транспорта и инфраструктуры Турецкой Республики А. Уралоглу: *«...yük taşıma süresi ise 8,5 saatten 3,5 saate inşallah düşecek»*[2] («...а время грузоперевозок с 8,5 часов до 3,5 часов, иншаллах, сократится»).

В обоих речевых прецедентах конфессионально маркированная единица проникает в сферу цифровой отчетности и логистики. Говорящие оперируют точными количественными и временными показателями эффективности ведомств (*40 milyar dolar; 8,5 saatten 3,5 saate*), однако вводно-модальный компонент кардинально меняет прагматическую рамку высказываний. Находясь в интерпозиции и вклиниваясь в структуру глагольного управления между управляемой именной формой в направительном падеже (*dolara / saate*) и предикатом будущего времени (*ulaşacak / düşecek*), данный маркер обеспечивает модальное хеджирование рисков.

Сочетая традиционную конфессионально маркированную формулу с инженерно-экономическими расчетами, спикеры прагматически страхуют министерства от репутационных потерь на случай, если ведомства не выдержат заявленные темпы оптимизации. Подобный синтаксический шаг позволяет перевести прогноз из статуса директивного административного обязательства в плоскость желаемого ориентира. Возможные недоборы показателей при этом деполитизируются. Происходит это потому, что конечный успех технократического планирования символически разделяется с высшими силами, что одновременно служит маркером солидарности с консервативной целевой аудиторией.

Не менее активно вводно-модальный компонент *inşallah* функционирует и в живой устной политической речи, выходя за рамки институционально-экономических контекстов. Данное обстоятельство обусловливает наше обращение к стенографическим отчетам Великого национального собрания Турции (ТВММ). Парламентские дебаты представляют собой специфическую интерактивную коммуникативную среду, позволяющую верифицировать пределы прагматического потенциала исследуемого маркера.

Описание данных процессов в полной мере требует соблюдения строгой методологической нейтральности. Автор намеренно смещает фокус исследовательского внимания с идеологического содержания политической полемики на ее функционально-инструментальный аспект. В условиях открытого межпартийного противостояния в стенах парламента маркер *inşallah* резко расширяет свои функциональные границы, обнаруживая выраженную прагматическую амбивалентность. Если в высказываниях оппозиции он превращается в экспрессивное речевое оружие — средство политического сарказма, иронии и взаимной дискредитации оппонентов, то в консолидирующих выступлениях правящей элиты данный компонент обнаруживает тенденцию к восстановлению

[1] Afrika ülkeleri ile ticaret hacmi bu yıl 40 milyar dolara ulaşacak // Platin Dergisi : [resmî sitesi]. — URL: https://www.platinonline.com/ekonomi/afrika-ulkeleri-ile-ticaret-hacmi-bu-yil-40-milyar-dolara-ulasacak-1094377 (дата обращения: 29.09.2026).

[2] İstanbul'a mesafe 1.5 saat düşecek: İlk etapta deneme sürüşleri başladı // Platin Dergisi: [resmî sitesi]. — 2026. — 28 Nisan. — URL: https://www.platinonline.com/haberler/istanbula-mesafe-15-saat-dusecek-ilk-etapta-deneme-surusleri-basladi-1097346 (дата обращения: 29.09.2026).

своего первоначального аксиологического статуса и выступает уже в качестве эффективного инструмента социокультурной интеграции.

Ярким свидетельством указанной прагматической инверсии является, на наш взгляд, реплика депутата Б. Яшара на заседании Комиссии по государственным экономическим предприятиям: *«Sayın Cumhurbaşkanımız Samsun'da 'Kenevir üretimiyle inşallah biz uçacağız.' dedi... Kenevirle uçacağımızı söylediler, ilk etapta 150 çiftçimiz ekti, tahmin ediyorum son dönemde bu 2'ye düştü»*[1] («Наш уважаемый Президент в Самсуне сказал: „Благодаря производству конопли мы, иншаллах, взлетим“… Нам сказали, что на конопле мы взлетим; на первом этапе 150 наших фермеров засеяли её, но, по моим оценкам, за последнее время это число сократилось до двух»).

Полноценная интерпретация этого высказывания невозможна без обращения к экстралингвистическому контексту. В январе 2019 года Президент Р. Т. Эрдоган в ходе публичного выступления в Самсуне анонсировал старт масштабной государственной программы по возрождению промышленного коноплеводства (*endüstriyel kenevir*), озвучив амбициозный прогноз: *«Kenevir üretimiyle inşallah uçacağız»* (в значении «мы совершим прорыв»). Однако в силу объективных факторов проект не был реализован в полной мере, что привело к сокращению посевных площадей.

В дискурсивной модели, приведенной выше, спикер выстраивает выразительную риторическую антитезу, основанную на семантической оппозиции глаголов *uçmak* («взлетать») и *düşmek* («падать / сокращаться»). Прагматический эффект высказывания зиждется на жестком контрасте между декларативным обещанием власти и реальными количественными показателями стагнирующего сектора. Оппонент искусственно переводит извлеченный из официального президентского дискурса маркер *inşallah* в регистр деструктивной политической иронии, и лексема начинает функционировать как маркер риторического разоблачения, обнажающий регулятивную неэффективность государственного планирования через подчеркивание зазора между религиозно окрашенным обещанием и прагматической реальностью.

Убедительным примером, верифицирующим пределы прагматического потенциала конфессионально маркированных единиц в поле открытого политического противостояния, служит речевой прецедент, извлеченный из официальных бюджетных дебатов: *«Biz ekonomiyle ilgili cümlelerimizi, endişelerimizi “İnşallah biz yanılırız” payıyla konuşuruz. İnşallah biz yanılırız, inşallah siz isabet ettirirsiniz...»*[2] («Мы произносим свои суждения и выражаем опасения касательно экономики с поправкой: „Иншаллах, мы ошибаемся“. Иншаллах, мы ошибаемся, а вы окажетесь правы…»).

В анализируемом макроконтексте фиксируется явная метадискурсивная критика, обнажающая столкновение двух противоположных коммуникативных моделей — рационально-технократической и сакрально-патерналистской. Спикер Я. Агыралиоглу прибегает к тактике иронического цитирования, сознательно вынося вводно-модальный компонент *inşallah* в фокус метадискурсивной рефлексии. Деконструируя риторические приемы оппонентов, оратор демонстрирует, как в официальной речи представителей власти религиозный маркер превращается в инструмент речевого камуфляжа, призванного подменить реальные экономические результаты абстрактными пожеланиями.

Включение этой формулы в критический контекст высвечивает специфику турецкой политической культуры: пародируя ритуальные маркеры благопожелания правящей элиты, оратор использует их как щит от потенциальных обвинений в деструктивной позиции.

Через анафорический повтор маркера *inşallah* депутат трансформирует его в средство острого политического сарказма. В рамках такой речевой тактики осуществляется дискурсивная десакрализация конфессионального знака: из формулы религиозного упования он преобразуется в маркер управленческой несостоятельности. Описанная стратегия наглядно иллюстрирует феномен глубокой дискурсивной рефлексии, при которой объектом деконструкции становится сама практика интеграции сакральных маркеров в сферу государственного планирования.

В качестве заключительного эмпирического примера, иллюстрирующего вариатив-

[1] Kamu İktisadi Teşebbüsleri Komisyonu Tutanak Dergisi. Dönem 27, Yasama Yılı 5, Toplantı 19, Birleşim 1 // Türkiye Büyük Millet Meclisi : [resmî sitesi]. — 2022. — 22 Haziran. — Sayfa 15. — URL: https://www.tbmm.gov.tr/Tutanaklar/TutanakGoster/2998 (дата обращения: 29.09.2026).

[2] Türkiye Büyük Millet Meclisi Genel Kurul Tutanak Dergisi. Dönem 27, Yasama Yılı 2, Birleşim 38 // Türkiye Büyük Millet Meclisi : [resmî sitesi]. — 2018. — 20 Aralık. — URL: https://cdn.tbmm.gov.tr/TbmmWeb/Tutanak20230120/27/2/38/f5012145-d705-4d8c-9160-525e4a9f2e34.html (дата обращения: 29.09.2026).

ность прагматического потенциала лексемы *inşallah* в политической среде, обратимся к официальному заявлению Председателя Великого национального собрания Турции Н. Куртулмуша: *«İnşallah umutlu bir şekilde Türkiye modelini ortaya koyacağız ve çocuklarımıza, torunlarımıza, gelecek nesillere bir daha acıların yaşanmayacağı bir dönemi armağan edeceğiz»*[1] («Мы, иншаллах, с надеждой представим модель Турции и завещаем нашим детям, внукам и будущим поколениям эпоху, в которой больше никто не испытает боли»).

Приведенные слова были произнесены на итоговом заседании межпартийной Комиссии по национальной солидарности, братству и демократии, сформированной в рамках государственной стратегии «Турция без террора». Особый статус экстралингвистического контекста, нацеленного на долгосрочное урегулирование курдского вопроса, обусловливает выбор специфических речевых шагов, направленных на достижение надпартийного консенсуса.

В микроконтексте приведенной цитаты принципиально важна абсолютная препозиция лексемы *inşallah*. Вынос маркера в инициальную позицию превращает его в интенциональный триггер, ориентированный на консервативные слои общества, а сам политический нарратив временно переходит в регистр торжественного манифеста, что наглядно демонстрирует феномен дискурсивной интерференции — взаимопроникновения институционального политического и конфессионального типов дискурса.

Сочетаясь с предикатами в форме первого лица множественного числа будущего времени (*ortaya koyacağız* — «представим», *armağan edeceğiz* — «завещаем»), лексема *inşallah* выполняет задачу социально-групповой инклюзии. Она конструирует солидарный образ коллективного субъекта («мы» / *biz*), превентивно нейтрализуя возможные обвинения в узкопартийной предвзятости. Кроме того, присутствие конфессионально маркированного элемента в начале масштабного обещания выполняет функцию амортизации прогностических рисков, снижая излишнюю категоричность при прогнозировании долгосрочных социальных процессов.

Таким образом, в пространстве консолидирующего парламентского дискурса лексема *inşallah* частично восстанавливает свой аксиологический статус. В противовес стратегии дискурсивной десакрализации, в данном интенциональном поле конфессиональная единица выступает эффективным инструментом социокультурной интеграции, сочетая объединяющий пафос с прагматическим хеджированием рисков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование функционально-прагматической вариативности конфессионально маркированных единиц в современном турецком официальном дискурсе периода 2013–2026 гг. позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Векторы и сущность прагматикализации конфессиональных формул обусловлены спецификой их вхождения в турецкую лингвосистему. Направленность и сущность прагматикализации конфессиональных формул напрямую зависят от специфики их интеграции в турецкую лингвосистему. Мы установили, что лексикализация арабских заимствований сентенциального происхождения (в частности, *inşallah*) полностью исключает их морфологическое варьирование. В результате эволюция данных единиц протекает исключительно в плоскости синтаксической дистрибуции. В жестких условиях институционального общения эти знаки подвергаются глубокой десемантизации. Их первичное метафизическое и сакральное ядро вымывается, уступая место прагматической функции вводно-модальных компонентов, формирующих рамку высказывания.

2. В пространстве парламентских дебатов (TBMM) речевые тактики интеграции конфессионально маркированных единиц обнаруживают глубокую прагматическую полярность, детерминированную дискурсивным статусом говорящего. В ситуации открытого межпартийного и идеологического противостояния данные тактики могут носить деструктивный характер. Используя приемы иронического цитирования, анафорического повтора и выстраивая лексические антитезы (в частности, *uçmak* — *düşmek*), оппозиционные спикеры искусственно переводят исследуемые единицы в регистр политического сарказма. Конфессиональный маркер в этих условиях превращается в маркер риторического разоблачения управленческой несостоятельности оппонентов, обнажающий зазор между религиозно окрашенными обещаниями власти и реальностью. В то время как в консолидирующем регистре парламентской риторики (выступления председателя парламента) речевые тактики направлены на частичное восста-

[1] TBMM Başkanı Kurtulmuş, Milli Dayanışma, Kardeşlik ve Demokrasi Komisyonu'nun 15. toplantısının kapanışında konuştu: [haberi] // Türkiye Büyük Millet Meclisi: [resmî site]. — 2025. — 15 Ekim. — URL: https://www.tbmm.gov.tr/Haber/Detay?Id=dbd2e5e0-b4f9-4703-90fc-0199e8c38533 (дата обращения: 29.09.2026)

новление аксиологического статуса лексем, которые начинают функционировать как эффективный инструмент надпартийной социокультурной интеграции.

3. Через специфическое синтаксическое позиционирование лексем действующая власть реализует прагматические механизмы хеджирования рисков и социально-групповой инклюзии. Прагматический буфер, снижающий категоричность официальных макроэкономических прогнозов, создается за счет постпозиции или интерпозиции маркера *inşallah* в технократических контекстах, что деполитизирует возможные неудачи и снимает с ведомств бремя абсолютной административной ответственности за срыв графиков. Абсолютная же препозиция лексемы (ее инициальная позиция в речи спикера парламента) запускает механизм дискурсивной интерференции: нарратив переходит в регистр торжественного манифеста, актуализируя функцию солидаризации и инклюзии консервативных слоев общества для достижения надпартийного консенсуса.

Глубокую амбивалентность прагматического диапазона маркеров выявляет сопоставление их функционирования в различных жанрах и регистрах официального дискурса. В технократическом регистре (макроэкономические заявления министерств и регуляторов) конфессиональная лексика служит конвенциональным, деперсонализированным инструментом амортизации прогностических рисков. Однако в поле интерактивного политического спора те же самые единицы превращаются в экспрессивное речевое оружие и средство взаимной дискредитации. Данная полярность маркирует социокогнитивный раскол в турецком институциональном пространстве, что в категориях отечественного когнитивно-дискурсивного анализа политического текста [Чудинов и др. 2020] отражает сложный компромисс между светским лаицизмом и идеологической реисламизацией публичной сферы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аврутина, А. С. Процесс исламизации современного турецкого общества в современной турецкой литературе (на примере творчества Орхана Памука) / А. С. Аврутина // Вопросы теологии. — 2020. — Т. 2, № 4. — С. 567–575. — DOI 10.21638/spbu28.2020.403. — EDN OXUCZP.

2. Дардыкова, Н. В. Прагматикализация турецкой речевой формулы eyvallah / Н. В. Дардыкова // Проблемы современного востоковедения : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. — Минск : Белорусский государственный университет, 2022. — С. 196–200. — EDN OBTVZY.

3. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : перевод с английского / Т. А. ван Дейк. — Москва : Либроком, 2013. — 344 с. — ISBN 978-5-397-03766-2.

4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

5. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов ; Академия наук СССР, Институт востоковедения. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. — 569 с.

6. Солопова, О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе : моногр. / О. А. Солопова. — 2-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2016. — 312 с. — ISBN 978-5-9765-2201-5.

7. Софронова, Л. В. Прагматика экспрессивных синтаксических конструкций в турецком политическом дискурсе / Л. В. Софронова // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4(100). — С. 93–102. — EDN GMAVUV.

8. Халина, Н. В. Турецкий языковой менеджмент: трансформация архитектоники этнического языкового сознания прошлого столетия и современные медийные реалии / Н. В. Халина // Terra scimus : сборник трудов узбекистанских и российских исследователей / под ред. Н. В. Халиной. — Барнаул : Алтайский государственный университет, 2022. — Вып. 4. — С. 91–114. — EDN HVTGNH. — URL: https://www.asu.ru/files/documents/00025497.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

9. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 234 с. — ISBN 978-5-9765-4326-3. — EDN GUGOYK.

10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал ; Ин-т языкознания РАН, Волгогр. гос. пед. ун-т. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — ISBN 5-7333-0144-9.

11. Шлыков, П. В. Историческая политика в современной Турции / П. В. Шлыков // История : электр.-образоват. журнал. — 2020. — Т. 11, № 12-1 (98). — С. 13. — DOI 10.18254/S207987840010436-8. — EDN QJLZFH.

12. Щека, Ю. В. Интенсивный курс турецкого языка / Ю. В. Щека. — 4-е изд. — Москва : Восток-Запад, 2008. — 736 с.— ISBN 978-5-17-054509-4.

13. Erdiç, Ş. Çağdaş Türkiye'de Bir İktidar Dili Olarak Din - Adalet ve Kalkınma Partisi Örneği- / Ş. Erdiç // Tabula Rasa: Felsefe ve Teoloji. — 2023. — Iss. 41. — P. 116–133. — URL: https://dergipark.org.tr/tr/pub/tabula/article/1326370 (date of access: 29.09.2026).

14. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. — London ; New York : Longman, 1995. — 265 p. — ISBN 0-582-291809.

15. Givón, T. On Understanding Grammar / T. Givón. — New York : Academic Press, 1979. — 385 p.

16. Köse, H. Türkiye Muhafazakâr Siyasetinde Kardeşlik ve Din Kardeşliği Söylemi: AK Parti Mitingleri / H. Köse, T. Bingöl // Üsküdar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2023. — Vol. 9, No. 16. — P. 33–54. — DOI 10.32739/uskudarsbd.9.16.118. — EDN MJXJWU.

17. Kurylowicz, J. The Evolution of Grammatical Categories / J. Kurylowicz // Diogenes. — 1965. — Vol. 13, No. 51. — P. 55–71. — DOI 10.1177/039219216501305105. — EDN JRKQDT.

18. Türkan, R. İş Ahlakı ve Dindarlık İlişkisi (Esnaflar Üzerine Nitel Bir Çalışma) / R. Türkan // Journal of Analytic Divinity. — 2023. — Vol. 7, No. 2. — P. 317–338. — DOI 10.46595/jad.1353786. — EDN VJVXRH.

REFERENCES

1. Avrutina, A. S. (2020). Protsess islamizatsii sovremennogo turetskogo obshchestva v sovremennoy turetskoy literature (na primere tvorchestva Orkhana Pamuka) = The process of Islamization of modern Turkish society in modern Turkish literature (on the example of the works of Orhan Pamuk)]. *Issues of Theology*, *2*(2), 184–198.

2. Dardykova, N. V. (2022). Pragmatikalizatsiya turetskoy rechevoy formuly eyvallah = Pragmaticalization of the Turkish speech formula eyvallah. *Problems of modern Oriental studies*, 74–81).

3. Van Dijk, T. A. (2013). Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii = Discourse and power: Representation of dominance in language and communication].

4. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language circle: Personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena.

5. Kononov, A. N. (1956). Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Turkish literary language. Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

6. Solopova, O. A. (2016). Diakhronicheskaya sopostavitel′naya metaforologiya: issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse = Diachronic Comparative Metaphorology: Researching models of the future in political discourse. Flinta: Nauka. ISBN 978-5-9765-2201-5.

7. Sofronova, L. V. (2023). Pragmatika ekspressivnykh sintaksicheskikh konstruktsiy v turetskom politicheskom diskurse = Pragmatics of expressive syntactic structures in Turkish political discourse. *Political Linguistics*, *4*(100), 93–102.

8. Khalina, N. V. (2022). Turetskiy yazykovoy menedzhment: transformatsiya arkhitektoniki etnicheskogo yazykovogo soznaniya proshlogo stoletiya i sovremennyye mediynyye realii = Turkish language management: Transformation of the architectonics of ethnic language consciousness of the last century and modern media realities. *Terra scimus (Ed. N. V. Khalina)*, 91–103). Altai University Publishing House.

9. Chudinov, A. P., Budaev, E. V., Solopova, O. A. (2020). Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povorot = Political metaphorology: Discursive turn. Moscow: FLINTA.

10. Sheygal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Gnozis.

11. Shlykov, P. V. (2020). Istoricheskaya politika v sovremennoy Turtsii [History politics in contemporary Turkey]. *History*, *11*(12/98), 1–41.

12. Shcheka, Yu. V. (2008). Intensive course of the Turkish language. Vostok-Zapad. ISBN 978-5-17-054509-4

13. Erdiç, Ş. (2023). Çağdaş Türkiye'de Bir İktidar Dili Olarak Din -Adalet ve Kalkınma Partisi Örneği- = Religion as a language of power in contemporary Turkey -The case of Justice and Development Party-. *Tabula Rasa: Felsefe ve Teoloji*, *41*, 116–133.

14. Fairclough, N. (1995). Critical discourse analysis: The critical study of language. Longman.

15. Givón, T. (1979). On understanding grammar. Academic Press.

16. Köse, H., Bingöl, T. (2023). Türkiye Muhafazakâr Siyasetinde Kardeşlik ve Din Kardeşliği Söylemi: AK Parti Mitingleri = The discourse of brotherhood and religious brotherhood in Turkish conservative politics: AK Party rallies. *Üsküdar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, *16*, 33–54.

17. Kuryłowicz, J. (1965). The evolution of grammatical categories. *Diogenes*, *13*(51), 55–71.

18. Türkan, R. (2023). İş Ahlakı ve Dindarlık İlişkisi (Esnaflar Üzerine Nitel Bir Çalışma) = The relationship between business ethics and religiosity (A qualitative study on tradesmen). *Journal of Analytic Divinity*, *7*(2), 317–338.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф. М.)+81'255.2
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444+Ш307 *ГРНТИ 16.31.41* *Код ВАК 5.9.6*

Мария Леонардовна Алексеева[1]✉, Раиса Алексеевна Сумкина[2]✉

[1,2] Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
[1] maria.alekseyeva@gmail.com✉, SPIN-код: 1531-9809, https://orcid.org/0000-0001-6416-0618
[2] ermisch-raya@mail.ru✉, SPIN-код: 4577-5082

«Assiette»: ложный друг как союзник переводчика (на материале французских переводов романа Ф. М. Достоевского «Идиот»)

АННОТАЦИЯ. *В статье анализируется феномен «ложных друзей переводчика» на примере авторской фразеологической единицы «быть не в своей тарелке» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» и ее разновременных переводов на французский и английский языки. Русская идиома исторически возникла как ошибочная калька с французского оборота «ne pas être dans son assiette» (где assiette означает «состояние, положение»). Однако при обратном переводе на французский ни один из переводчиков (В. Дерели, А. Муссе, Г. и Ж. Ару, А. Маркович) не стал «исправлять» эту ошибку. Напротив, они использовали двусмысленность слова assiette (тарелка / состояние) как средство передачи стиля Ф. М. Достоевского. Особое внимание уделяется авторской трансформации — введению компонента меры и предельности «до такой степени». Сопоставление с английской переводческой традицией (Ф. Уишоу, Е. Мартин, К. Гарнетт, Ю. Катцер, А. Майерс, Р. Певеар и Л. Волохонская, И. Авсей) выявляет принципиальные различия в том, как переводчики обходятся с «ложным другом» и компонентом меры. В основе анализа лежат понятия эквивалентности (формального соответствия), адекватности (функциональной полноценности), поля автора и поля читателя. Исследование показывает, как историческая ошибка и авторская трансформация могут работать вместе, помогая сохранить стиль писателя. В этом смысле «ложный друг» становится союзником.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *русская литература, русские писатели, литературные жанры, романы, переводоведение, переводная литература, переводческая деятельность, авторская фразеологическая единица, Ф. М. Достоевский, художественный перевод, французский язык, французский перевод, английский язык, английский перевод.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Алексеева Мария Леонардовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: maria.alekseyeva@gmail.com.*

Сумкина Раиса Алексеевна, аспирант, институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: ermisch-raya@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Алексеева, М. Л.* «Assiette»: ложный друг как союзник переводчика (на материале французских переводов романа Ф. М. Достоевского «Идиот») / М. Л. Алексеева, Р. А. Сумкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 170-176.

Mariya L. Alekseeva[1]✉, Raisa A. Sumkina[2]✉

[1,2] Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
[1] maria.alekseyeva@gmail.com✉, SPIN code: 1531-9809, https://orcid.org/0000-0001-6416-0618
[2] ermisch-raya@mail.ru✉, SPIN code: 4577-5082

"Assiette": A False Friend as a Translator's Ally (Based on the French Translations of F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot")

ABSTRACT. *The article analyzes the phenomenon of "false friends of a translator" using the example of the authorial phraseological unit "byt' ne v svoyey tarelke" (to be out of one's element) in F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" and its translations into French and English performed at different times. The Russian idiom historically originated as an erroneous loan translation from the French phrase "ne pas être dans son assiette" (where "assiette" means 'state, condition'). However, when translating back into French, none of the translators (V. Derély, A. Mousset, G. and J. Arout, A. Markowicz) attempted to "correct" this error. Instead, they used the ambiguity of the word "assiette" (plate/state) as a way to convey Dostoevsky's style. Special attention is paid to the author's transformation — the introduction of the measure and limit component "do takoy stepeni" (to such an extent). A comparison with the English translation tradition (F. Whishaw, E. Martin, C. Garnett, J. Katzer, A. Myers, R. Pevear and L. Volokhonsky, I. Avsey) shows fundamental differences in how the "false friend" and the measure component are handled. The analysis is based on the concepts of equivalence (formal correspondence) and adequacy (functional completeness) of the field of the author and the field of the reader. The research demonstrates how a historical error and an author's transformation can work together to preserve the writer's style. In this sense, a "false friend" becomes an ally.*

© Алексеева М. Л., Сумкина Р. А., 2026

KEYWORDS: *Russian literature, Russian writers, literary genres, novels, translation studies, translated kiterature, translation activity, authorial phraseological unit, F.M. Dostoevsky, literary translation, French language, French translation, English language, English translation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Alekseeva Mariya Leonardovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Sumkina Raisa Alekseevna, Post-Graduate Student, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Alekseeva M. L., Sumkina R. A*. (2026). "Assiette": A False Friend as a Translator's Ally (Based on the French Translations of F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot"). In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 170-176. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

«Ложные друзья переводчика» (фр. faux amis du traducteur) — это слова двух языков, которые похожи по форме, но различаются по значению. Термин ввели М. Кёсслер и Ж. Дерокиньи [Kœssler, Derocquigny, 1928: 112]. В отечественном переводоведении эту проблему изучали многие авторы. Л. Л. Нелюбин определяет такие слова как межъязыковые омонимы [Нелюбин, 2003: 102], а Я. И. Рецкер отмечает, что внешнее сходство не гарантирует смысловой близости [Рецкер, 1974: 35].

В художественном переводе эта проблема стоит особенно остро. Текст здесь — не просто набор слов, а сложное целое, где важны скрытые смыслы и связи между ними [Тороп 1995: 126]. Переводчику нужно не подобрать готовые соответствия, а воссоздать художественный мир автора. В такой работе даже очевидная ошибка может оказаться полезной, если она помогает передать стиль писателя [Тороп 1995: 125].

При анализе разновременных переводов фразеологизма «не в своей тарелке» на французский и английский языки мы опираемся на следующие теоретические понятия.

Эквивалентность понимается как формальное соответствие перевода оригиналу: сохранение компонентного состава, структуры фразеологизма, наличия интенсификаторов. Выделяются четыре степени эквивалентности: нулевая, частичная, высокая, полная [Комиссаров 1990: 51–98].

Адекватность трактуется как функциональное соответствие — способность передать коммуникативный эффект, образность, авторскую трансформацию при соблюдении норм принимающего языка [Швейцер 2009: 92]. Выделяются четыре степени адекватности: низкая (утрата ключевых компонентов), средняя (сохранение либо компонента меры, либо образа), высокая (сохранение и того, и другого, но с нарушением узуса) и наивысшая (полное сохранение при естественности звучания).

Тождество восприятия выступает интегральным показателем, объединяющим эквивалентность и адекватность; это степень совпадения коммуникативно-эстетического эффекта, производимого переводной АФЕ на иноязычного реципиента, с эффектом исходной единицы[1].

Полевая типология переводческого пространства [Кушнина 2004] позволяет разграничить ориентацию на поле автора (максимальная близость к оригиналу, форенизация), ориентацию на поле читателя (адаптация к нормам принимающей культуры, доместикация) и синергию полей (гармоничное сочетание обеих установок).

Объект исследования — фразеологизм «быть не в своей тарелке» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» и его переводы на французский (В. Дерели, 1887; А. Муссе, 1939; Г. и Ж. Ару, 1972; А. Маркович, 2001) и английский языки (Ф. Уишоу, 1887; Е. Мартин, 1915; К. Гарнетт, 1916; Ю. Катцер, 1971; А. Майерс, 1992; Р. Певеар и Л. Волохонская, 2001; И. Авсей, 2010). Сама русская идиома возникла как ошибочная калька: французское assiette в значении «положение, состояние» перевели как «тарелка».

Цель работы — показать, как французские и английские переводчики по-разному обходятся с этой исторической ошибкой и с авторским усилением фразы (компонентом «до такой степени»).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе используется несколько методов. Метод сплошной выборки позволил найти в романе нужный отрывок с фразеологизмом. Сравнительно-сопоставительный метод нужен, чтобы увидеть различия между переводами. Компонентный анализ помогает разобрать значение исходной фразы и ее переводов по следующим параметрам: сохранение компонента предельности, образной основы, авторской трансформации, экспрессивности и соответствие узусу. Метод трансформационного анализа показывает,

[1] Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 / Воскобойник Григорий Дмитриевич. М., 2004. 296 с.

какие приемы использовали переводчики. Контекстуальный анализ важен для понимания роли фразы в речи персонажа. Историко-этимологический метод позволяет проследить, как возникла ошибка и как она закрепилась в языке. Комплексное применение этих методов позволяет всесторонне рассмотреть переводческие решения и выявить закономерности в передаче анализируемой АФЕ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Выражение «не в своей тарелке» появилось в русском языке как неточный перевод французского оборота **ne pas être dans son assiette**, который означал «плохо себя чувствовать» [Petit Robert Micro Poche, 1993: 75]. Слово **assiette** в значении «состояние, положение» было ошибочно принято за его омоним **assiette** — «тарелка». Так в русском языке закрепилась данная идиома [Шанский 1985: 215]. В XIX веке против нее еще возражали, но в современном языке она воспринимается как норма [там же: 215]. Фразеологический словарь дает следующее определение: «НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ. 1. Не в обычном для себя состоянии. 2. Стесненно, неловко» [Молотков 1987: 472].

Когда роман Ф. М. Достоевского «Идиот» начали переводить на другие языки, перед переводчиками возник вопрос, что делать с оригинальной фразой писателя: «Редко я **до такой степени сидел плохо в тарелке** (как это говорится-то), как теперь сижу» [Достоевский 1973: 365]. Логичнее всего было бы вернуть ей исходный французский вид. Но ни один из французских переводчиков так не поступил.

Рассмотрим подробнее французские переводы этой фразы.

Первый по времени перевод был выполнен В. Дерели в 1887 г. В его версии фрагмент передан следующим образом: *Rarement j'ai été aussi mal dans mon assiette (est-ce ainsi qu'on dit?) que je le suis à présent* [Derély 1887: 71]. Переводчик сохраняет слово *assiette* и компонент предельности (*aussi mal*), однако сочетание *mal dans* создает неестественную для французского узуса конструкцию. Эквивалентность перевода оценивается как полная, поскольку формально сохранены все компоненты исходной фразы. Адекватность перевода — средняя: компонент меры и образ сохранены, но нарушение узуса снижает естественность звучания. Данное решение ориентировано на поле автора: переводчик сохраняет форму оригинала, даже если она режет слух. Как пишет М. Сулковская, в таких случаях калька может обогатить язык, если ее смысл понятен [Sułkowska 2013: 139]. Здесь смысл понятен, потому что французы помнят историю своего языка. Тождество восприятия — частичное: читатель опознает игру слов, но воспринимает фразу как стилистически чужеродную.

А. Муссе (1939) и Г. и Ж. Ару (1972) демонстрируют более высокую степень адекватности перевода. Помимо сохранения содержания авторского фразеологизма, переводчикам удалось передать языковую игру, заложенную в оригинале: *J'ai rarement été aussi peu dans mon assiette qu'aujourd'hui* [Mousset 1939: 99] и *J'ai rarement été aussi peu dans mon assiette qu'à présent* [Arout 1972: 582]. Замена *mal* на *peu* принципиально меняет качество перевода. Слово *peu* позволяет читать *assiette* и как «тарелку», и как «состояние». Эквивалентность остается полной**,** адекватность повышается до высокой, поскольку сохранены компонент меры, образная основа и экспрессивность, а узус не нарушен. Данное решение демонстрирует сдвиг в сторону поля читателя при сохранении авторского образа. Тождество восприятия — высокое.

Самый адекватный перевод предложил А. Маркович в 2001 году: *C'est rare que je me sois plus mal trouvé dans mon assiette qu'en ce moment*… [Markowicz 2001: 483]. Переводчик использует оборот *se trouver mal*, который может значить и «плохо себя чувствовать», и «упасть в обморок» [Petit Robert Micro Poche, 1993: 765], что усиливает экспрессивность. Замена сравнительной конструкции (plus mal вместо aussi mal) придает фразе большую напряженность. Решение переводчика достигает наивысшей степени адекватности: сохранены компонент предельности, образная основа, экспрессивность, соблюден узус и передана авторская трансформация, эквивалентность — полная. Демонстрируется пример синергии полей.

Важно подчеркнуть, что Ф. М. Достоевский не просто использует идиому, а трансформирует ее, добавляя компонент меры и предельности — интенсификатор «до такой степени», который, по определению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, указывает на высокую степень признака, выраженного другим словом [Баранов, Добровольский 2021: 256]. Благодаря этому приему бытовое выражение превращается в характеристику крайнего, почти катастрофического состояния героя. Такая трансформация, будучи неотъемлемой частью авторского стиля, придает фразе особую выразительность.

Единство переводческих решений в отношении авторской трансформации показательно: при всех различиях в передаче

предметной детали («тарелки») компоненты меры и предельности последовательно воспроизводятся во всех версиях. Это позволяет говорить, что переводчики воспринимают данные компоненты не как случайные, а как значимые элементы идиостиля Ф. М. Достоевского. Именно в них они видят основу для построения речевой характеристики героя.

Добавленный Ф. М. Достоевским интенсификатор «до такой степени» все французские переводчики учли, но передали поразному. В. Дерели просто воспроизводит структуру: «aussi mal… que». А. Муссе и Ж. и Г. Ару сделали то же самое, но немного упростили: «aussi peu… qu'aujourd'hui/qu'à présent». А. Маркович перестроил все предложение. Вместо «редко я был» он поставил «редко случалось, что я оказывался» (C'est rare que je me sois trouvé). Это не просто констатация факта, а описание внутреннего состояния. Герой не был, а оказался в этом положении — разница, значимая для психологической характеристики персонажа.

Для того чтобы отчетливее выявить специфику французских переводов, обратимся к английской традиции как к контрастному фону. Английский язык, в отличие от русского, не обнаруживает столь тесных историко-генетических контактов с французским, вследствие чего исходный прототип не опознается носителями, что исключает возможность его стилистического обыгрывания. Этим обусловлен принципиально иной характер переводческих решений.

Большинство английских переводчиков избирают путь субституции — замены исходного образа «тарелки» узуальными фразеологизмами принимающего языка. Рассмотрим эти решения в порядке их появления.

Ф. Уишоу (1887) и Е. Мартин (1915) предлагают образ седла: *uncomfortably in my saddle*. К. Гарнетт (1916) использует сходное решение: *in such a tight hole* — метафору тесного пространства (норы, ямы), передающую состояние физической стесненности. Ю. Катцер (1971) обращается к идиоме *in such a sorry pickle*, означающей «быть в затруднительном положении» (*difficult or confused condition* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1992: 992]; букв. «в рассоле» — образ погружения в неприятную среду). А. Майерс (1992) заменяет исходный образ идиомой *at sixes and sevens* — «в беспорядке, в замешательстве» (*confused or undecided; in disorder* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1992: 1238]), восходящей к образам счета или расположения предметов. И. Авсей (2010) использует идиому *out of sorts* — «не в духе, не в форме» (*feeling unwell or annoyed* [Longman Dictionary of English Language and Culture, 1992: 1266].

Все эти обороты передают общее смысловое ядро («человеку не по себе»). Компонент предельности последовательно сохраняется, выполняя интенсифицирующую функцию. Однако исходный образ «тарелки» полностью элиминируется, уступая место естественным для английской фразеологии метафорам (седла, тесного пространства, рассола, чисел, абстрактного состояния). Эквивалентность во всех случаях частичная (утрачен образный компонент), адекватность средняя (смысл передан, авторская образность нивелирована). Все решения ориентированы на поле читателя. Тождество восприятия оценивается как минимальное, поскольку коммуникативно-эстетический эффект оказывается принципиально иным: исчезает двуплановость, присущая оригиналу и французским переводам.

Исключение представляет перевод Р. Певеара и Л. Волохонской (2001): *I've rarely sat so poorly in my plate* [Pevear, Volokhonsky 2001: 387]. Это первая и пока единственная в английской традиции попытка лексического калькирования. Компонент предельности (*so*) и образ «тарелки» (*plate*) сохранены. Эквивалентность перевода полная, адекватность — высокая (формальная точность достигнута, однако узус нарушен). Решение ориентировано на поле автора. Вопрос о тождестве восприятия остается открытым: образная структура оригинала передана, но неестественность фразы для английского читателя создает эффект «чуждости» речи, а не двуплановой игры смыслов. Этим, вероятно, объясняется, что данная стратегия не получила развития.

Таким образом, в английской переводческой традиции доминирует стратегия доместикации. За исключением указанного случая, все переводчики заменяют исходный образ узуальными английскими фразеологизмами. Компонент предельности неизменно сохраняется, но выполняет только интенсифицирующую функцию, не затрагивая образную структуру. Тождество восприятия в основной традиции минимально.

Если во французской традиции историческая ошибка позволяет обыграть двусмысленность *assiette*, то в английской «ложный друг» элиминируется, уступая место узуальным средствам. Однако в обоих случаях переводчики сохраняют компонент предельности, что свидетельствует о движении переводческой мысли в одном направлении: от формальной передачи текста к осознанной передаче смысла.

Так историческая ошибка и авторское преобразование соединяются. Французские переводчики не исправляют их, а используют для передачи стиля писателя. Именно поэтому «ложный друг» становится союзником при переводе на французский язык.

ВЫВОДЫ

1. «Ложные друзья переводчика» в художественном переводе текста не всегда выступают помехой. Анализ фразеологизма «не в своей тарелке» демонстрирует, что этимологическая «ошибка» может стать источником творческих решений при условии наличия общих историко-культурных связей между языками.

2. Французские переводы эволюционируют в данном примере от пословного калькирования (В. Дерели: полная эквивалентность, средняя адекватность, поле автора) через адаптацию (А. Муссе, Г. и Ж. Ару: полная эквивалентность, высокая адекватность, поле читателя) к синергии полей у А. Марковича (наивысшая адекватность).

3. Ф. М. Достоевский трансформирует узуальный фразеологизм, вводя компонент предельности «до такой степени», который становится смысловым центром высказывания. Показательно, что все переводчики сохраняют этот компонент. Во французских версиях он вступает во взаимодействие с полисемией лексемы *assiette*, порождая двуплановость восприятия: историческая «ложность» перевода и авторское интенсифицирующее средство образуют единый выразительный комплекс, способствующий передаче идиостиля писателя.

4. В английских переводах рассматриваемого авторского фразеологизма, не имеющих этимологической связи с французским языком-источником, доминирует прием субституции (средняя степень адекватности, поле читателя): исходный образ последовательно заменяется узуальными английскими фразеологизмами. Образная основа («тарелка») элиминируется, смысловая многоплановость не возникает. *Тождество восприятия в основной английской традиции оценивается как минимальное, поскольку при сохранении общего смысла утрачена авторская образность. Исключение составляет перевод Р. Певеара и Л. Волохонской, где достигается высокое тождество восприятия благодаря попытке калькирования.*

5. С точки зрения полевой типологии, в случае фразеологизма «быть не в своей тарелке» французские переводы демонстрируют эволюцию от ориентации на поле автора (В. Дерели) через доминирование поля читателя (А. Муссе, Г. и Ж. Ару) к синергии полей (А. Маркович). В английской традиции устойчиво преобладает поле читателя: большинство переводчиков ориентируются на естественность звучания, заменяя исходный образ.

6. Компонент меры и предельности авторского фразеологизма Ф. М. Достоевского выполняет в английских переводах преимущественно интенсифицирующую функцию, указывая на степень состояния. Во французских переводах, благодаря взаимодействию с семантикой *assiette*, он становится полноправным элементом образной структуры.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении более чем столетней истории переводов романа «Идиот» наблюдается переоценка статуса «ложных друзей»: от восприятия их как помехи к осознанному использованию в качестве переводческого приема. Однако такая эволюция оказалась возможной лишь в языках, сохраняющих связь с историческим источником кальки. Во французском языке историческая неточность и авторское усиление вступают в продуктивное взаимодействие, позволяя передать стилистическое своеобразие оригинала. Таким образом, «ложный друг» при определенных условиях может стать не врагом, а союзником переводчика.

ИСТОЧНИКИ

1. Акуленко В. В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / под ред. В. В. Акуленко. М.: Советская энциклопедия, 1969. 384 с.
2. Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Ленинград : Наука, 1973. — Т. 8. — 512 с.
3. Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. — Москва : Эксмо, 2024. — 672 с.
4. Longman Dictionary of English Idioms. — Harlow : Longman, 1998. — 398 p.
5. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow : Longman, 1992. — 1520 p.
6. Молотков, А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — Москва : Русский язык, 1987. — 543 с.
7. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 320 с.
8. Arout, G. Dostoïevski: L'Idiot / Dostoïevski ; tr. G. Arout, J. Arout. — Paris : Gallimard, 1972. — 672 p.
9. Avsey, I. Dostoevsky: The Idiot / Dostoevsky ; tr. I. Avsey. — London : Oneworld Classics, 2010. — 640 p.
10. Derély, V. Dostoïevsky: L'Idiot / Dostoïevsky ; V. Derély. — Paris : Plon, 1887. — 584 p.
11. Garnett, C. The Idiot by Fyodor Dostoevsky / F. Dostoevsky ; tr. C. Garnett. — London : Heinemann, 1916. — 632 p.
12. Katzer, J. Dostoevsky: The Idiot / Dostoevsky ; tr. J. Katzer. — Moscow : Progress Publishers, 1971. — 586 p.
13. Markowicz, A. Dostoïevski: L'Idiot / Dostoïevski ; tr. A. Markowicz. — Arles : Actes Sud, 2001. — 672 p.
14. Martin, E. The Idiot by Fyodor Dostoevsky / F. Dostoevsky ; tr. E. Martin. — London : J.M. Dent & Sons, 1915. — 624 p.
15. Mousset, A. Dostoïevski: L'Idiot / Dostoïevski ; tr. A. Mousset. — Paris : Gallimard, 1939. — 624 p.
16. Myers, A. Dostoevsky: The Idiot / Dostoevsky ; tr. A. Myers. — Oxford : Oxford University Press, 1992. — 658 p.

17. Pevear R., Volokhonsky L. Fyodor Dostoevsky: The Idiot / F. Dostoevsky ; tr. R. Pevear, L. Volokhonsky. — New York : Alfred A. Knopf, 2001. — 672 p.

18. Petit Robert Micro Poche. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — Paris : Dictionnaires Le Robert, 1993. — 1470 p.

19. Whishaw, F. The Idiot by Fyodor Dostoevsky / F. Dostoevsky ; F. Whishaw. — London : Vizetelly & Co., 1887. — 548 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, М. Л. Принципы разработки диахронического корпуса параллельных переводов / М. Л. Алексеева // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. — 2020. — № 3. — С. 21–27. — EDN JGTMVT.

2. Алимов, В. В. Теория перевода: перевод в сфере профессиональной коммуникации / В. В. Алимов. — Изд. 3-е, стер. — Москва : КомКнига, 2005. — 160 с. — ISBN 5-354-01002-0.

3. Баранов, А. Н. Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Флинта : Наука, 2013. — 308 с. — ISBN 978-5-9765-1567-3.

4. Корпусная модель идиостиля Достоевского / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — Москва : ЛЕКСРУС, 2021. — 358 с. — ISBN 978-5-905532-60-3. — EDN WWYYBV.

5. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — Москва : Международные отношения, 1975. — 240 с.

6. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. — 2-е изд., расш. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 1976. — 429 с.

7. Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учеб. / Н. К. Гарбовский. — 2-е изд. — Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2007. — 544 с. — ISBN 978-5-211-05333-5. — EDN UUJKUZ.

8. Гуревич, Т. Межъязыковая омонимия, паронимия (на примере английского языка). «Ложные друзья» переводчика / Т. Гуревич // Знание. Понимание. Умение: электронное сетевое издание. — 2007. — URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007/Gurevich_T/ (дата обращения: 02.03.2025).

9. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 1990. — 253 с.

10. Красоткина, Е. Ю. Ложные друзья переводчика / Е. Ю. Красоткина // International Scientific Review. — 2015. — № 7 (8). — С. 45–48. — EDN UJUCRB.

11. Кушнина, Л. В. Языки и культуры в переводческом пространстве / Л. В. Кушнина. — Пермь : Пермский государственный технический университет, 2004. — 163 с. — ISBN 5-88151-417-3.

12. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. — Москва : НВИ-Тезаурус, 2001. — 278 с. — ISBN 5-89191-022-5.

13. Муравьев, В. Л. Faux amis, или «ложные друзья» переводчика / В. Л. Муравьев. — Москва : Просвещение, 1969. — 48 с.

14. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — Москва : Международные отношения, 1974. — 216 с.

15. Тороп, П. Тотальный перевод / П. Тороп. — Тарту : Tartu University Press, 1995. — 220 с. — ISBN 9985-56-122-8.

16. Фёдоров, А. В. Введение в теорию перевода / А. В. Фёдоров. — 2-е изд., перераб. — Москва : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. — 376 с.

17. Шанский, Н. М. В мире слов / Н. М. Шанский. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Просвещение, 1985. — 236 с.

18. Шамлиди, Е. Ю. К проблеме классификации «ложных друзей переводчика» / Е. Ю. Шамлиди // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2021. — № 4. — С. 172–179. — DOI 10.53531/25420747_2021_4_172. — EDN PTQILQ.

19. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — Москва : Наука, 1988. — 215 с.

20. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — Изд. 2-е. — Москва : ЛИБРОКОМ : ЛЕНАНД, 2009. — 216 с. — ISBN 978-5-397-00159-5.

21. Jara-Bouimarine, M. Les faux amis du traducteur: quelques jalons dans le parcours historique d'un concept / M. Jara-Bouimarine // Historiographie et épistémologie des sciences du langage: du passé vers le présent. Cahiers de l'ILSL. — Lausanne : Université de Lausanne, 2017. — № 52. — P. 139–152. — DOI 10.26034/la.cdclsl.2017.339.

22. Kœssler, M., Derocquigny J. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs / M. Kœssler, J. Derocquigny. — Paris : Librairie Vuibert, 1928. — 387 p.

23. Sułkowska, M. De la phraséologie à la phraséodidactique / M. Sułkowska. — Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2013. — 198 p. — ISBN 978-83-226-2150-9.

MATERIALS

1. Akulenko, V. V. (1969). *Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar' «lozhnyh druzej perevodchika»* = English-Russian and Russian-English Dictionary of “False Friends of the Translator”. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 384 p.

2. Dostoevskij, F. M. (1973). Idiot = The Idiot. *Complete Works. In 30 vols.*, *Vol. 8*. Leningrad: Nauka. 512 p.

3. Dostoevskij, F. M. (2024). *Idiot* = The Idiot. Moscow: Jeksmo, 672 p.

4. *Longman Dictionary of English Idioms (1998)*. Harlow: Longman, 398 p.

5. *Longman Dictionary of English Language and Culture (1992).* Harlow: Longman, 1520 p.

6. Molotkov, A. I. (ed.) (1987). *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* = Phraseological Dictionary of the Russian Language. Moscow: Russkij jazyk, 543 p.

7. Neljubin, L. L. (2003). *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* = Explanatory Dictionary of Translation Studies. Moscow: Flinta: Nauka, 320 p.

8. Arout, G., Arout, J. (Tranls.) (1972). *Dostoïevski: L'Idiot.* Paris: Gallimard, 672 p.

9. Avsey, I. (Transl.) (2010). *Dostoevsky: The Idiot.* London: Oneworld Classics, 640 p.

10. Derély, V. (Transl.) (1887). *Dostoïevsky: L'Idiot.* Paris: Plon, 584 p.

11. Garnett, C. (Transl.) (1916). *The Idiot by Fyodor Dostoevsky*. London: Heinemann, 632 p.

12. Katzer, J. (Transl.) (1971). *Dostoevsky: The Idiot*. Moscow: Progress Publishers, 586 p.

13. Markowicz, A. (Transl.) (2001). *Dostoïevski: L'Idiot.* Arles: Actes Sud, 672 p.

14. Martin, E. (Transl.) (1915). *The Idiot by Fyodor Dostoevsky.* London: J.M. Dent & Sons, 624 p.

15. Mousset, A. *(Transl.) (1939). Dostoïevski: L'Idiot.* Paris: Gallimard, 624 p.

16. Myers, A. (Transl.) (1992). *Dostoevsky: The Idiot.* Oxford: Oxford University Press, 658 p.

17. Pevear, R., Volokhonsky, L. (Transl.) (2001). *Fyodor Dostoevsky: The Idiot.* New York: Alfred A. Knopf, 672 p.

18. *Petit Robert Micro Poche. (Transl.) (1993). Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris: Dictionnaires Le Robert, 1470 p.

19. Whishaw, F. (Transl.) (1887). *The Idiot by Fyodor Dostoevsky.* London: Vizetelly & Co., 548 p.

REFERENCES

1. Alekseeva, M. L. (2020). Printsipy razrabotki diakhronicheskogo korpusa parallelnykh perevodov = Principles of Developing a Diachronic Corpus of Parallel Translations. *Current Issues in German, Romance, and Russian Studies*, *3*, 21–27. EDN JGTMVT.

2. Alimov, V. V. *Teorija perevoda: perevod v sfere professional'noj kommunikacii* = Theory of Translation: Translation in Professional Communication. Moscow: KomKniga, 2005. 160 p. ISBN 5-354-01002-0.

3. Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (2008). *Osnovy frazeologii* = Fundamentals of Phraseology. Moscow: Flinta, 2008. 308 p. ISBN 978-5-9765-1567-3.

4. Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (eds.) (2021). *Korpusnaja model' idiostilja Dostoevskogo* = Corpus Model of Dostoevsky's Idiostyle. Moscow: LEXRUS, 358 p. ISBN 978-5-905532-60-3. EDN WWYYBV.

5. Barhudarov, L. S. (1975). *Jazyk i perevod* = Language and Translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1974. 240 p.

6. Budagov, R. A. (1976). *Chelovek i ego jazyk* = Man and His Language. Moscow: Moscow State University Publ., 1976. 429 p.

7. Garbovskij, N. K. (2007). *Teorija perevoda* = Theory of Translation. Moscow: Moscow State University Publ., 544 p. ISBN 978-5-211-05333-5. EDN UUJKUZ.

8. Gurevich, T. (2007). Mezh"jazykovaja omonimija, paronimija (na primere anglijskogo jazyka). «Lozhnye druz'ja» perevodchika = Interlingual Homonymy, Paronymy (on the Example of English). "False Friends" of the Translator. *Knowledge. Understanding. Skill: an electronic online publication*. Available at March 2, 2025 from http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007/Gurevich_T/.

9. Komissarov, V. N. (1990). *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty)* = Theory of Translation (Linguistic Aspects). Moscow : Vysshaja shkola, 253 p.

10. Krasotkina, E. Ju. (2015). Lozhnye druz'ja perevodchika = False Friends of the Translator. *International Scientific Review*, *7*(8), 45–48. EDN UJUCRB.

11. Kushnina, L. V. (2004). *Yazyki i kultury v perevodcheskom prostranstve* = Languages and Cultures in the Translation Space. Perm': Perm State Technical University Publ., 2004. 163 p. ISBN 5-88151-417-3.

12. Latyshev, L. K. (2001). *Tehnologija perevoda* = Translation Technology. Moscow: NVI-Thesaurus, 278 p. ISBN 5-89191-022-5.

13. Murav'ev, V. L. *(1969). Faux amis, ili «lozhnye druz'ja» perevodchika* = Faux amis, or "False Friends" of the Translator. Moscow: Prosveshhenie, 48 p.

14. Torop, P. (1995). *Total'nyj perevod* = Total Translation. Tartu: Tartu University Press, 220 p. ISBN 9985-56-122-8.

15. Recker, Ja. I. (1974). *Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika* = Theory of Translation and Translation Practice. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 216 p.

16. Fedorov, A. V. (1958). *Vvedenie v teoriju perevoda* = Introduction to the Theory of Translation. 2nd ed. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 376 p.

17. Shanskij, N. M. (1985). *V mire slov* = In the World of Words. Moscow: Vysshaja shkola, 236 p.

18. Shamlidi, E. Yu. (2021). K probleme klassifikatsii «lozhnykh druzey perevodchika» = On the Problem of Classifying "False Friends of a Translator". *Bulletin of Pyatigorsk State University*, *4*, 172–179. DOI 10.53531/25420747_2021_4_172. EDN PTQILQ.

19. Shvejcer, A. D. (1988). *Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty* = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka, 215 p.

20. Jara-Bouimarine, M. (2017). Les faux amis du traducteur: quelques jalons dans le parcours historique d'un concept. *Historiographie et épistémologie des sciences du langage: du passé vers le présent. Cahiers de l'ILSL*, 52, 139–152. Lausanne: Université de Lausanne. DOI 10.26034/la.cdclsl.2017.339.

21. Kœssler, M., Derocquigny, J. *(1928). Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs.* Paris: Librairie Vuibert, 387 p.

22. Shvejcer A.D. *Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty* [Theory of Translation: Status, Problems, Aspects]. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM, 2009. 216 p.

23. Sułkowska, M. (2013). *De la phraséologie à la phraséodidactique.* Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 198 p. ISBN 978-83-226-2150-9.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'42+81'38+81'27
ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.07; 16.31.02; 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8*

Анна Валерьевна Белобородова[1]✉, Ксения Владимировна Землякова[2]✉

[1] Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия, anya-belka33en@mail.ru✉, SPIN-код: 4464-0558, https://orcid.org/0000-0001-7601-5338
[2] Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия, zemlyakova.kv@sut.ru✉, SPIN-код: 3770-4058, https://orcid.org/0000-0003-2090-8879

Гендерный фактор в политической коммуникации: обзор подходов в западной и российской традициях

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена обзору современных исследований, в фокусе внимания которых — вопросы гендерного аспекта политической коммуникации. Авторы ставят цель проследить формирование основных концепций лингвистического описания гендерного фактора в западной и отечественной традициях и сопоставить их. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью вопроса гендерно обусловленных параметров коммуникации через призму сопоставления научных парадигм.*

Материалом для обзора послужила выборка из 54 научных текстов зарубежных и российских исследователей на тему гендерного аспекта в политической лингвистике. В отбор публикаций вошли исследования с четко выраженным анализом языкового материала. К выборке применены описательный метод, а также приемы тематического группирования и сопоставительного анализа.

В результате определены различия в категорировании гендера. Западная традиция фокусируется на внешних, рецептивных эффектах гендерно маркированных стилей речи, российские ученые интегрируют гендер в структуру языковой личности, рассматривая его через систему стратегий и тактик. Установлен двойственный характер гендера в политической коммуникации. С агентивного (субъектного) ракурса гендер выступает инструментом самопозиционирования политика, вариативно конструируемым в зависимости от его интенций. В неагентивном смысле гендер проявляется как модификатор поведения, детерминированный институциональными рамками и стереотипными ожиданиями политической среды.

Работа вносит вклад в уточнение понятийно-категориального аппарата гендерных исследований. Перспектива работы видится в интеграции двух выявленных подходов и применении разработанных теоретических положений к анализу дискурсивных практик современных политических лидеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политические речи, политические деятели, политическая коммуникация, лингвоперсонология, языковые средства, английский язык, личность политика, политическая эффективность, гендер, гендерные стратегии, гендерные тактики, гендерные стереотипы, маскулинность, феминность, маскулинизация коммуникации.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Белобородова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия, email: anya-belka33en@mail.ru.*

Землякова Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург, Россия, email: zemlyakova.kv@sut.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Белобородова, А. В.* Гендерный фактор в политической коммуникации: обзор подходов в западной и российской традициях / А. В. Белобородова, К. В. Землякова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 177-187.

Anna V. Beloborodova[1]✉, Kseniya V. Zemlyakova[2]✉

[1] Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia, anya-belka33en@mail.ru✉, SPIN code: 4464-0558, https://orcid.org/0000-0001-7601-5338
[2] Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia, zemlyakova.kv@sut.ru✉, SPIN code: 3770-4058, https://orcid.org/0000-0003-2090-8879

Gender Factor in Political Communication: An Overview of Approaches in Western and Russian Traditions

ABSTRACT. *The article reviews contemporary research focusing on gender aspects of political communication. The authors aim to trace the formation of the main concepts of the linguistic description of gender factor in western and Russian traditions and to compare them. The relevance of the study can be attributed to the insufficient investigation of gender-related parameters of communication through the prism of comparing scholarly paradigms.*

The material under review includes a sample of 54 scholarly texts from foreign and Russian studies on the gender aspect in political linguistics. The sample includes works containing a clearly expressed analysis of language material. The article employs the descriptive method, as well as the techniques of thematic grouping and comparative analysis.

© Белобородова А. В., Землякова К. В., 2026

As a result, differences in gender categorization have been identified. The western tradition focuses on the external, receptive effects of gender-marked speech styles, while Russian scholars integrate gender into the structure of linguistic personality, viewing it through a system of strategies and tactics. The review reports the dual nature of gender in political communication. From an agentive (subject-related) perspective, gender acts as a politicians' tool of self-positioning, variably constructed depending on their intentions. In a non-agentive sense, gender manifests itself as a modifier of behavior, determined by institutional frameworks and stereotypical expectations of the political environment.

The work clarifies the conceptual and categorial apparatus of gender studies. The perspective of the study lies in the integration of the two identified approaches and the application of the developed theoretical ideas to the analysis of discursive practices of contemporary political leaders.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, political speeches, politicians, political communication, linguopersonology, language means, English language, personality of a politician, political effectiveness, gender, gender strategies, gender tactics, gender stereotypes, masculinity, femininity, masculinization of communication*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Beloborodova Anna Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia.*

Zemlyakova Kseniya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: *Beloborodova A. V., Zemlyakova K. V*. (2026). Gender Factor in Political Communication: An Overview of Approaches in Western and Russian Traditions. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 177-187. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В последние десятилетия проблема гендера в политике становится одной из ключевых точек пересечения политической науки, социологии, психологии и лингвистики. Увеличение числа женщин на высших государственных постах, медиатизация политической жизни, переход значительной части политической коммуникации в цифровую среду усиливают внимание к тому, как в политическом дискурсе конструируются маскулинность и феминность, какие гендерные роли и стереотипы воспроизводятся или, напротив, пересматриваются. За последние тридцать лет накоплен значительный корпус исследований, описывающих гендерные различия в речевом поведении, особенности женского и мужского стилей политического общения, гендерные стратегии и тактики в парламентской речи, предвыборных кампаниях, интервью, блогах и социальных сетях.

Вместе с тем обзор существующих работ показывает, что сам объект анализа — «гендер в политической коммуникации» — категорируется по-разному в различных научных традициях. Вектор развития западной научной мысли конца XX века сменился от парадигмы доминирования, изложенной в работах Д. Спендера, Д. Циммермана, К. Уэста и описывающей язык как инструмент мужской власти [Spender 1985; Zimmerman & West 1975], к концепции Д. Таннен и Дж. Коутс о различиях между коммуникативными стилями [Tannen 1990; Coates 2015]. В классических англоязычных работах, таких как Р. Лакофф и ее последователей, гендер преимущественно трактуется как стилистический ресурс, совокупность маскулинных и феминных характеристик дискурса, тесно связанных с культурно закрепленными ожиданиями и оценками [Lakoff 2008]. Политика и политическая речь рассматривались как сугубо мужская сфера, соответственно, стандартом ведения коммуникации считалась речь с маскулинными характеристиками.

В российской политической лингвистике и лингвоперсонологии, напротив, заметна тенденция рассматривать гендер как один из параметров структуры языковой, коммуникативной или профессиональной личности политика, наряду с когнитивными, ценностными, социокультурными характеристиками. В фокусе исследований оказываются уровни языковой личности (вербально-семантический, тезаурусный, прагматический), политико-речевая биография, типы коммуникативной личности, а также гендерно маркированные стратеги и тактики.

Таким образом, в современной литературе сосуществуют, не всегда взаимодействуя, два основных **исследовательских ракурса**: гендер как совокупность стилистических особенностей политического дискурса; и гендер как компонент структуры политической языковой / коммуникативной личности.

На фоне разноаспектных исследований остается проблема ясности понятия «гендера» в политическом дискурсе и уровней его реализации. Эти факторы обусловили **актуальность** данной работы. **Цель** статьи — представить в сопоставительном ключе основные подходы к гендеру, сложившиеся в зарубежных и российских исследованиях политического дискурса.

Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**:

1) описать ключевые теоретические рамки, в которых понимается гендер;

2) выделить и описать основные исследовательские подходы к гендеру в политической коммуникации;

3) провести сравнение подходов в двух традициях;

4) обозначить лакуны и возможные направления дальнейших исследований гендера в политическом дискурсе.

Объектом рассмотрения являются лингвистические исследования гендерного аспекта в политической коммуникации. **Предметом** — содержание категории гендера в этих исследованиях.

В **материал** вошло 54 релевантных работы, содержащих анализ политического дискурса на примере коммуникации лидеров в жанрах парламентской речи, предвыборного выступления, политического интервью, официальных заявлений и пресс-конференций. В отобранных публикациях акцент сделан на гендерной перспективе рассмотрения языковых проблем. В обзоре упоминаются как «классические» работы (D. Spender, D. Zimmerman, C. West, D. Tannen, J. Coates, R. Lakoff, J. Butler), так и частные эмпирические исследования гендерных стилей политиков, сравнительные анализы речей Д. Трампа, Х. Клинтон, А. Меркель, М. Тэтчер, Т. Мэй и т. д. (S. Shaw, K. H. Jamieson, J. J. Jones, И. В. Талина, Е. А. Бабенкова, О. Е. Аграшева, Д. В. Будько, А. А. Радюшкина), работы о женском политическом лидерстве и речевом поведении (М. В. Джорджикиа, Л. С. Полякова, М. С. Мирзаева и др.). В корпус не включены сугубо социологические или политологические исследования гендерных характеристик без анализа языкового материала. **Методологически** обзор построен на **дескриптивном (описательном) подходе**, позволяющем систематизировать теоретические положения рассмотренных публикаций. Группировка научных работ также осуществляется с помощью **тематического анализа**, который применяется для выявления содержательной стороны изученных научных текстов. Выводы сделаны с использованием **сопоставительного анализа** научных традиций.

1. ГЕНДЕР КАК СТИЛЕВОЙ РЕСУРС И ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В зарубежных публикациях **гендер** описывается прежде всего через набор стилистических признаков и дискурсивные характеристики. В фокусе западных исследований находятся такие проблемы, как речевые различия между политиками-мужчинами и женщинами, а также динамика стиля одного и того же лидера в разных ролях и контекстах. Это предопределило возможность выделения нескольких теоретических центров, вокруг которых группируются точки зрения на гендер.

1.1. Гендерная стереотипность политической коммуникации

В ряде ранних работ (1990-е и начало 2000-х) обнаружены различия в коммуникации между политиками-мужчинами и политиками-женщинами, соответствующие основным гендерно-коммуникативным моделям [Jamieson 1995; Kahn 1996]. Мужскими называются такие характеристики, как независимость, напористость, самостоятельность, конкурентоспособность и ориентация на задачу, тогда как общительность, забота, ориентация на других, воспитание, доброта, покорность и готовность помочь признаются женскими чертами [Fox & Oxley 2003; Brooks 2011].

Исследования первой четверти XXI века [Bystrom 2004; Coyle 2009; Van der Pas & Aaldering 2020] показывают, что медиа усиливают гендерные стереотипы. В обществе укрепляется мысль, что легитимация женской власти в мужской среде может быть достигнута посредством эксплуатации маскулинных моделей общения. Как следствие, женщины-кандидаты адаптируются к традиционной политической коммуникации, часто используя приемы, основанные на мужских стереотипах, иногда сочетая их с женскими чертами [Bystrom 2004].

По мнению А. М. Койла, по мере институционализации политических ролей женщины оказываются в ситуации противоречивых требований: они подвергаются ожиданиям проявления как «мужских» качеств (компетентность, сила, лидерство), необходимых для должности президента, так и «женских» (теплота, эмоциональность, коммуникабельность), что приводит к увеличению маскулинизации женской коммуникации. Автор подчеркивает, что путь к гендеризированному институту президентства требует от женщин не только политической компетенции, но и работы по управлению гендерными стереотипами и ожиданиями через стратегии самопрезентации [Coyle 2009]. Таким образом, возможно констатировать появление коммуникативного паттерна с обязательным включением в женскую коммуникацию маскулинных знаков.

Эти идеи отражены и в исследованиях последнего десятилетия. В публикации С. Шоу на примере М. Тэтчер продемонстрировано использование гендерных стереотипов для политических целей через сочетание агрессивной (состязательной) риторики и вежливых форм обращения, а также высокой частотности метафорического образа «домохозяйки» [Shaw 2020]. Дж. Джо-

унс проводит количественный анализ выступлений Х. Клинтон за 20 лет и доказывает, что по мере роста политического влияния ее речь становится все более маскулинной. Однако в ходе более поздней кампании политик использует более «женственные» приемы для смягчения образа, что демонстрирует стратегический переход к смешанному стилю [Jones 2016]. Группа ученых из Оксфордского университета на материале парламентских дебатов доказывает, что с течением времени женщины в парламенте имеют тенденцию перенимать стилистические черты, обычно ассоциирующиеся с «мужскими» стереотипами общения [Hargrave & Langengen 2021; Hargrave & Blumenau 2022].

По мнению указанных авторов, перенос в свою речь знаков из подъязыка противоположного гендера обеспечивает женщине успех в политической сфере, изначально ориентированной на мужской гендер. Иными словами, рассмотрение гендера как совокупности стилевых черт в дискурсе позволяет политикам эксплуатировать их для повышения политической эффективности. Исследователи фиксируют, что по мере продвижения в политической иерархии доля стереотипно маскулинных элементов в речи женщин-политиков зачастую возрастает: происходит стилистический сдвиг в сторону «мужского» стиля.

1.2. Теории перформативности гендера в зарубежной лингвистике

В нескольких работах западных исследователей получает развитие идея перформативности гендера, согласно которой гендерная идентичность представляет собой сложную и динамичную конструкцию, а не фиксированную категорию. По мнению Дж. Батлер, гендер конструируется в процессе построения речи, он не является выражением внутреннего «я», «производится» социальными нормами и дискурсами и существует только в действии. Данный подход зафиксировал отказ от бинарного противопоставления «женского» и «мужского» в политике и вывел на первый план важность для формирования гендера постоянных, повторяющихся речевых актов. Таким образом, женская речь характеризуется гибридным характером, возникающим из динамичности, ситуативности, без отсылки к канонам мужской речи [Butler 1990, 1997].

Идеи трансформации женского стиля в политике развивает в своих работах британский социолингвист и профессор прикладной лингвистики Дж. Бакстер. Предложенная ученым концепция феминистского постструктуралистского дискурс-анализа (Feminist Post-Structuralist Discourse Analysis — FPDA) основана на представлении о том, что говорящие постоянно меняют свои субъектные позиции в соответствии со взаимодействием гендерных дискурсов в конкретных условиях. Автор демонстрирует, что женщина-лидер маневрирует между противоречивыми дискурсами; ее успех обеспечивается не присвоением мужского стиля, а гибким позиционированием [Baxter 2018].

1.3. Предпосылки появления смешанных коммуникативных моделей

Существует ряд работ, в которых укрепляется противоположная идея — о неприемлемости копирования мужских моделей общения женщинами-политиками [Schneider 2014; Grebelsky-Lichtman 2017; McGinley 2009; Suleiman & O'Connell 2008]. Израильская исследовательница Цфира Гребельски-Лихтман (2017) также пишет об уникальной смешанной коммуникативной модели женщин-политиков, сочетающей мультимодальные способы коммуникации, характерные для смешанной модели поведения. По мнению ученого, женщины-политики не демонстрируют исключительно мужские формы вербальных и невербальных выражений, а ведут себя в соответствии с новой интегрированной моделью, состоящей как из женских, так и мужских коммуникативных элементов, которые различаются в разных коммуникационных режимах, подходящих для политической сферы [Grebelsky-Lichtman 2017]. Данная модель стала важным вкладом в исследования политической коммуникации и гендерных аспектов лидерства, сместив фокус с поиска универсального «женского стиля» на анализ гибких адаптивных стратегий.

Как продемонстрировано в обзоре выше, ракурс рассмотрения гендера в зарубежных исследованиях направлен не внутрь личности, а наружу, и сфокусирован на внешних эффектах. Гендерные стили интерпретируются с точки зрения рецепции. Эффективное применение черт одного из стилей или смешанного стиля влияет на восприятие политика аудиторией и определяет ее успешность в конкретном социокультурном контексте. Ресурс политической эффективности, таким образом, может подвергаться измерению через параметры дискурса, такие как частотность употребления определенных единиц (местоимений, профессиональной лексики, модальных глаголов, побудительных конструкций), степень персонализации или институционализации, экспрессивность, эмоциональность, стратегии и тактики политического дискурса, характерные для каждого гендера.

Таким образом, в западной традиции рассмотрения гендерно ориентированной коммуникации гендер понимается преимущественно как свойство речи, выражающееся в реализации ее стилистических и прагматических характеристик, которые подбираются специальным образом для достижения политических намерений и работают на ее эффективность. Совокупность данных характеристик отражает систему ролевых ожиданий, сформированных в социуме на основании оценок поведения обоих гендеров.

В таком ключе гендер не рассматривается в структуре личности и остается фоном коммуникации, в отличие от подходов к гендеру, выделяемых в российских публикациях. Этот ракурс далее соотнесен с российскими исследованиями, в которых прослеживается тенденция трактовать гендер как параметр языковой / коммуникативной или профессиональной личности [Каменева, Федянина 2019; Карандеева 2017; Попова, Кокорина 2020] и как систему гендерно маркированных стратегий и тактик [Боженкова 2017; Ерофеева, Дубровская 2024; Куницына 2011; Синеокая 2019; Фатьянова 2019].

2. ГЕНДЕР В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ / КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ: ОБЗОР РОССИЙСКОЙ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

Для российской политической лингвистики и лингвоперсонологии центральной является категория языковой личности. В российской традиции гендер, как правило, не описывается изолированно по внешним параметрам речи, а встраивается в более широкие модели языковой и коммуникативной личности политика. Публикации российских авторов группируются вокруг двух подходов к гендеру:

– гендер как параметр языковой и коммуникативной личности и фактор выбора стратегий при целенаправленном конструировании языка политики (Агентивная (субъектная) теория);

– гендер как общественно диктуемые рамки среды, выражающиеся в стереотипных представлениях и ожиданиях (Неагентивная (структурная) теория).

2.1. Гендер сквозь перспективу выбора стратегий речевого поведения политика

В отечественных исследованиях [Цуциева 2013; Руженцева 2021] подчеркивается, что политик как языковая личность выступает субъектом институционального дискурса, автором системной совокупности текстов, создаваемых в соответствии с его ценностно-концептуальной базой. Специфика языковой личности политика как профессиональной (дискурсивной) личности определяется комбинаторикой индивидуальных и институциональных коммуникативно-речевых проявлений [Никифорова, Чудинов 2017].

Опираясь на концепцию Ю. Н. Караулова [Караулов 2010: 9–43], исследователи [Филатова 2004; Фалилеев 2012; Цуциева 2013; Попова, Кокорина 2020] рассматривают языковую личность в политике как многоуровневую структуру. Каждый из уровней может быть гендерно маркирован и, соответственно, задействован в гендерном анализе политического дискурса. Как показывают исследования ряда ученых [Будько 2017; Дудецкая 2009; Карандеева 2017; Каменева, Федянина 2019; Максимова 2016; Полякова 2011; Синеокая 2017, 2019; Талина 2003], различия «мужского» и «женского» стилей речи часто фиксируются на всех трех уровнях языковой личности. Прослеживается, что женщины-политики либо вынужденно адаптируют маскулинное коммуникативное поведение, формируя смешанные, «андрогинные» репертуары, либо отказываются использовать традиционно маскулинные знаки. В любом случае, вопрос выделения маскулинного поведения как отдельной гендерной разновидности коммуникации не вызывает сомнения.

Фактор рецепции

Параллельно в современной лингвистике развивается понятие коммуникативной личности политика [Мухортов, Жовнер 2023: 57–60]. В ряде российских диссертаций и статей иллюстрируется встраивание категории гендера в описание коммуникативной личности [Буцык 2015; Джорджикиа 2013; Кирилина 2005, 2021; Плюснина 2012]. Доказывается, что комплекс гендерно-речевых маркеров коммуникации в разной степени детерминирует процесс / результат восприятия текста реципиентом: маскулинность воспринимается реципиентами как «норма» политического общения, и в случае сомнений читатели склонны приписывать авторство мужчине. Тексты женщин, в речевом отношении сближающиеся с «нормативным» мужским стилем, чаще воспринимаются как принадлежащие мужчине [Талина 2003]. Это свидетельствует о том, что гендерные ожидания встроены не только в речь, но и в модели восприятия политической языковой личности, другими словами, фактор гендера имеет действие и на уровне рецепции политических текстов [Джорджикиа 2013]. И. В. Фатьянова подчеркивает, что «языковая личность находится в отношениях взаимодополнения с коммуникативной личностью, где последняя представляет собой

набор индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, которые сформировались в процессах коммуникации в качестве коммуникативной компетенции индивида, его «коммуникативного паспорта», визитной карточки» [Фатьянова 2019: 26]. Фактор рецепции предопределяет выбор политиком соответствующих приемов, находящихся в его распоряжении, и подчеркивает модулируемый характер его поведения.

Отдельное направление российской гендерной политической лингвистики сосредоточено на описании стратегий и тактик, с помощью которых в политическом дискурсе конструируются маскулинность и феминность. Гендер, таким образом, выступает функциональной составляющей политического дискурса и характеризуется как целенаправленно конструируемый ресурс, учитывающий характеристики как самого политика, так и целевой аудитории.

Гендерные стратегии и тактики

В современных работах [Ерофеева, Дубровская 2024; Куницына 2011; Синеокая 2019] проводится всесторонний анализ речевых стратегий и тактик, выбираемых политическими деятелями разной гендерной принадлежности, с последующей их интерпретацией.

Т. Г. Скребцова предлагает оценивать гендерный аспект речи по ряду таких параметров, как способ аргументации (личный опыт vs опора на внешние авторитеты и науку), связанность и структурированность текста (линейность и логичность мужской речи vs ассоциативность женской), степень агрессивности / конфликтности («соревновательность» мужского дискурса и «кооперативность» женского), преобладание прямых или косвенных речевых актов, тип директивности (жесткие / мягкие императивы), степень уверенности и экспрессивности. В совокупности эти параметры позволяют говорить о доминировании в том или ином дискурсе «стратегий власти» (традиционно ассоциируемых с маскулинностью) или «стратегий солидарности и поддержки» (ассоциируемых с феминностью) [Скребцова 2020: 260–268].

Адекватное планирование коммуникативного поведения и использование «речевых стратегий и тактик, реализующих воздействующий потенциал естественного языка на интеллектуальную и эмоционально-волевую сферу адресата», определяет эффективность политического дискурса [Боженкова 2017: 261]. Кроме того, вариация коммуникативных стратегий и тактик в речах политиков говорит о способности коммуникативной личности подстраиваться под ход коммуникации, адаптироваться к меняющимся условиям коммуникации, что позволяет «обеспечить в дальнейшем эффективную коммуникацию и достижение поставленной цели» [Мухортов, Жовнер 2023: 59].

Вышеизложенные идеи, интегрированные также с западной парадигмой, формируют **агентивный (субъектный) подход** к рассмотрению гендера: политик конструирует свою гендерную идентичность через речь и способен выбирать способы самопрезентации для оказания воздействия на аудиторию. Таким образом, гендер представляет собой подвластный инструмент самопозиционирования, применяемый и конструируемый политиком в ходе коммуникации.

2.2. Гендерные рамки стереотипных представлений

В данном русле выделяются работы, рассматривающие гендерные различия как моделируемые параметры, зависящие от прагматических установок коммуникантов. Так, Л. С. Полякова вводит понятие «язык политика» как «целенаправленно конструируемый на уровне отбора языковых средств язык, использующий феминные / маскулинные характеристики для быстрого установления контакта с целевой женской / мужской аудиторией и для целенаправленного воздействия на гендерные группы» [Полякова 2011].

Е. Д. Буцык выделяет два основных типа конструирования гендера: *нормативное конструирование*, под которым понимается следование гендерным нормам и ожиданиям, и *манипулятивное конструирование*, т. е. сознательная эксплуатация стереотипов (усиление или, наоборот, нивелирование гендерно маркированных черт для достижения коммуникативных целей) [Буцык 2015].

Авторы новейших работ сходятся во мнении, что женщины-политики при необходимости пользуются маскулинными моделями коммуникации [Мирзаева 2024; Станчуляк, Жукова 2021; Радюшкина 2024], что созвучно идеям, звучащим в западных исследованиях, склонных превращать гендер в ситуативную стратегию самопрезентации или ресурс повышения политической эффективности [Shaw 2020; Jones 2016; Hargrave & Langengen 2021]. Следовательно, конструирование гендерной идентичности в коммуникации предстает процессом, при котором посредством использования языковых средств говорящий утверждает свою маскулинность или феминность, интериоризируя социальные нормы.

Андроцентричность политического дискурса может обусловливать маскулинизацию

женского стиля текстопорождения: женщина-политик вынуждена усиливать «мужские» черты речи для достижения коммуникативных задач, но при этом ей нужно сохранить те женские черты, которые высоко ценятся в обществе [Буцык 2015]. К похожим выводам приходят Е. А. Бабенкова и О. Е. Аграшева и отмечают, что правильная расстановка гендерных акцентов способствует решению главных прагматических задач политической коммуникации политика-женщины [Бабенкова, Аграшева 2018].

Примечательно, что политики — женщины и мужчины могут как эксплуатировать гендерные ожидания [Станчуляк, Жукова 2021], так и целенаправленно отказываться от традиционно приписываемых им черт [Полякова 2011]. Если оба гендера пользуются одним и тем же арсеналом тактик, причиной может быть сильное влияние «институционального характера политического дискурса, предписывающего актуализацию профессиональных черт субъекта и затушевывание его индивидуально-личностных черт, в том числе гендерно обусловленных» [Радюшкина 2024: 141–142]. Данный постулат, а также результаты, полученные и в западных, и в отечественных исследованиях [Brooks 2011; Bystrom 2004; Van der Pas & Aaldering 2020; Hargrave & Blumenau 2022], приводит нас к допущению о том, что, если гендер обязывает политиков соответствовать задаваемым рамкам и выступает модификатором их поведения ввиду социально обусловленных стереотипов, то может быть квалифицирован как категория **неагентивной** природы. Гендер в таком случае предстает неизбежным свойством среды, созданной политической сферой, которому обязан подчиняться погруженный в нее человек.

Таким образом, в российской политической лингвистике и лингвоперсонологии гендер включается в структуры языковой, коммуникативной и профессиональной личности политика. В отечественных работах гендерный фактор политического дискурса часто описывается через набор стратегий и тактик, отражая прагматический уровень языковой личности политика. Это отличает российскую традицию от части западных работ, ограничивающихся фиксацией стилевых различий без попытки связать их с устойчивыми типами личности и ценностными структурами.

На основе анализа западных работ в сопоставлении с отечественными правомерно вывести наблюдение о бинарном характере гендерной категории в политическом дискурсе. С одной стороны, гендерно обусловленные стратегии и тактики выступают инструментом и действием (**агентивность**), с другой — гендерные установки и ожидания ограничивают коридор речевых действий политика и являются неизбежным свойством среды, демонстрируя **неагентивность**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В западных публикациях почти не представлено описание языковой / коммуникативной личности политика, ее уровней и параметров. В фокусе современных зарубежных исследований находится фактор политической эффективности. Гендер трактуется скорее как совокупность стилистико-прагматических признаков речи, т. е. исследователи обращают свой взгляд на внешнюю сторону гендерного аспекта коммуникации, на производимые ею эффекты. Личность политика остается в периферийной зоне интереса; не строятся детальные интегративные модели.

В российской научной парадигме особое место уделяется гендеру с позиций лингвоперсонологического подхода. Российские ученые заключают, что гендерная идентичность формируется в дискурсе на трех уровнях: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом. В весомой части работ проведена инвентаризация гендерных стратегий и тактик при формировании речевого портрета политика.

Полагаясь на представленный обзор воззрений на гендерный вопрос в обеих парадигмах, возможно сделать заключение о двойственной природе гендера в политической коммуникации, которая проявляется в одновременном сосуществовании двух модусов. В рамках агентивной парадигмы гендер предстает как **ситуативно конструируемый ресурс**, что подтверждается способностью политиков вариативно использовать гендерно маркированные тактики для достижения прагматических целей. Однако институциональная природа политического дискурса актуализирует и его неагентивный аспект: наличие единого арсенала тактик у обоих полов и давление стереотипных ожиданий указывают на то, что гендер может выступать и **как внешний модификатор поведения, ограничивающий коммуникативную свободу личности.** Таким образом, гендер в политике одновременно является и субъектно осваиваемым инструментом власти, и объектно заданным свойством властного поля, что требует интеграции обоих подходов в лингвоперсонологических исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабенкова, Е. А. Гендерный фактор в речевом портрете современного политика / Е. А. Бабенкова, О. Е. Аграшева //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 12-1(90). — С. 70–74. — DOI 10.30853/filnauki.2018-12-1.14. — EDN VMVBOU.

2. Боженкова, Н. А. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений / Н. А. Боженкова, Р. К. Боженкова, А. М. Боженкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2017. — Т. 15, № 3. — С. 255–284. — DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284. — EDN ZHRCWL.

3. Будько, Д. В. Гендер и политика: языковые особенности женщин-политиков / Д. В. Будько // Вестник Башкирского университета. — 2017. — Т. 22, № 2. — С. 506–510. — EDN ZAOTKL.

4. Буцык, Е. Д. Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе / Е. Д. Буцык // Вестник МГИМО Университета. — 2015. — № 3 (42). — С. 167–172. — EDN TYCWIJ.

5. Джорджикиа, М. В. Гендерный аспект современных публичных политических коммуникаций : 10.01.10 : дис. … канд. филол. наук / Джорджикиа Мариам Вахтанговна. — Москва, 2013. — 196 с. — EDN SUSYFJ.

6. Дудецкая, А. Н. Гендерная специфика коммуникативного поведения немецких политических деятелей (на материале речевого жанра «интервью») : 10.02.19 : дис. … канд. филол. наук / Дудецкая Алёна Николаевна. — Волгоград, 2009. — 156 с. — EDN QEILQJ.

7. Ерофеева, Е. В. Влияние гендерных особенностей на выбор коммуникативных стратегий политических интервью / Е. В. Ерофеева, А. В. Дубровская // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 70–80. — EDN LZVKQK.

8. Каменева, В. А. Гендерный аспект эвфемизации дискурса политиков. В. В. Путин vs А. Меркель (лингвоперсонологический подход) / В. А. Каменева, Л. И. Федянина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 64–72. — DOI 10.26170/pl19-06-08. — EDN XQCAJI.

9. Карандеева, Л. Г. Формирование гендерной идентичности в немецкоязычных политических блогах: лингво-когнитивный уровень / Л. Г. Карандеева // Казанская наука. — 2017. — № 12. — С. 99–102. — EDN YMFCFK.

10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — EDN RTDQLX.

11. Кирилина, А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия / А. В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. — 2021. — № 3(49). — С. 109-147. — DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147. — EDN DJJIUR.

12. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А. В. Кирилина // Гендер и язык : антология. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 7–30. — EDN PKEOAY.

13. Куницына, Е. В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы) : 10.02.19 : дис. … канд. филол. наук / Куницына Евгения Витальевна. — Ставрополь, 2011. — 249 с. — EDN QFOFDB.

14. Максимова, О. Б. Конструирование гендерной идентичности в виртуальной политической коммуникации: дискурсивные стратегии и практики самопрезентации в социальных сетях / О. Б. Максимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2016. — Т. 16, № 2. — С. 403–417. — EDN YHQLHJ.

15. Мирзаева, М. С. Лингвостилистические особенности политического дискурса женского лидерства / М. С. Мирзаева // Educational Research in Universal Sciences. — 2024. — Т. 3, № 2 (SPECIAL). — С. 572–579.

16. Мухортов, Д. С. Коммуникативная личность политика на материале парламентских выступлений лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера / Д. С. Мухортов, Е. А. Жовнер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14, № 1. — С. 53–69. — DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69. — EDN QGMMWR.

17. Никифорова, М. В. Лингвополитическая персонология: методологические основы и методики анализа / М. В. Никифорова, А. П. Чудинов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2017. — № 1(25). — С. 22–29. — EDN YIOLZR.

18. Плюснина, А. В. Характеристики мужской и женской письменной речи в гендерном сознании коммуникантов / А. В. Плюснина // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — Т. 1, № 1. — С. 184–188. — EDN PXHJBT.

19. Полякова, Л. С. Гендерные стратегии как фактор реализации языка политика / Л. С. Полякова // Лингвокультурология. — 2011. — № 5. — С. 67–72. — EDN PUYANR.

20. Попова, Т. Г. Гендерный фактор женского политического дискурса (на материале публичных выступлений Т. Мэй) / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3(81). — С. 103–109. — DOI 10.26170/pl20-03-11. — EDN XYFYTP.

21. Радюшкина, А. А. К вопросу о гендерном факторе в современном американском политическом дискурсе / А. А. Радюшкина, В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2(104). — С. 136–143. — EDN DKWQGM.

22. Руженцева, Н. Б. Лингвополитическая персонология : учеб. для вузов / Н. Б. Руженцева, Е. А. Нахимова, А. И. Суетина. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2021. — 262 с. — ISBN 978-5-7186-1806-8. — EDN HMPQNG.

23. Синеокая, Н. А. Лексические маркеры феминности в политическом дискурсе (на примере интервью женщин-политиков Германии) / Н. А. Синеокая // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 128–134. — EDN YMJXNB.

24. Синеокая, Н. А. Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков в Германии) / Н. А. Синеокая // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 1 (16). — С. 115–122. — DOI 10.24411/2499-9679-2019-10321. — EDN ZAQXZJ.

25. Скребцова, Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика : курс лекций / Т. Г. Скребцова. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2020. — 311 с. — ISBN 978-5-907290-15-0.

26. Станчуляк, Т. Г. Лингвистические особенности выражения гендерных стереотипов в политической коммуникации (на примере публичных выступлений представителей британского и американского истеблишмента) / Т. Г. Станчуляк, А. И. Жукова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 12. — С. 3885–3891. — DOI 10.30853/phil20210642. — EDN BCGLOQ.

27. Талина, И. В. Гендерные маркеры речевого поведения политического деятеля (на материале политического интервью) : 10.02.19 : дис. … канд. филол. наук / Талина Ирина Владимировна. — Ульяновск, 2003. — 175 с. — EDN NMKEWN.

28. Фалилеев, А. Е. Языковая личность политика (на материале английского языка) / А. Е. Фалилеев // Человек. Культура. Образование. — 2012. — № 5. — С. 146а–154. — EDN PCAOOJ.

29. Фатьянова, И. В. Типы языковой личности в современном англоязычном политическом дискурсе / И. В. Фатьянова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. — 2019. — Т. 15, № 3(45). — С. 16–29. — EDN OKLFEG.

30. Филатова, Е. А. Лексико-стилистические и фонетические средства организации англоязычного политического дискурса (на материале речей британских и американских политиков) : 10.02.04 : дис. … канд. филол. наук / Филатова Елена Анатольевна. — Иваново, 2004. — 197 с. — EDN MDXDZI.

31. Цуциева, М. Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста / М. Г. Цуциева // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2013. — № 5(83). — С. 104–108. — EDN RGZXRV.

32. Baxter, J. Women Leaders and Gender Stereotyping in the UK Press: A Poststructuralist Approach / J. Baxter. — London : Palgrave Macmillan, 2018. — 254 p. — DOI 10.1007/978-3-319-64328-1.

33. Brooks, D. J. Testing the double standard for candidate emotionality: voter reactions to the tears and anger of male and female politicians / D. J. Brooks // The Journal of Politics. —

2011. — Vol. 73, No. 2. — P. 597–615. — DOI 10.1017/S0022381611000053.

34. Butler, J. Excitable Speech: A Politics of the Performative / J. Butler. — New York ; London : Routledge, 1997. — 200 p. — ISBN 0-415-91586-0.

35. Butler, J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. — New York ; London : Routledge, 1990. — 172 p. — ISBN 0-415-90042-5.

36. Bystrom, D. G. Women as political communication sources and audiences / D. G. Bystrom // Handbook of political communication research / ed. by L. L. Kaid. — Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2004. — P. 435–462. — ISBN 0-8058-3774-4.

37. Coates, J. Women, men and language: a sociolinguistic account of gender differences in language / J. Coates. — 3rd ed. — New York : Routledge, 2015. — 262 p. — ISBN 978-1317292548.

38. Coyle, A. M. Gender and the presidential 'Horserace': an examination of candidate self-presentation in the 2008 democratic primaries : Master's thesis / A. M. Coyle. — Pennsylvania : University of Pennsylvania, 2009. — 85 p. — Text : unmediated. — URL: https://www.researchgate.net/publication/44117819_Gender_and_the_Presidential_Horserace_An_Examination_of_Candidate_Self-Presentation_in_the_2008_Democratic_Primaries (date of access: 15.09.2026).

39. Fox, R. L. Gender Stereotyping in State Executive Elections: Candidate Selection and Success / R. L. Fox, Z. M. Oxley // Journal of Politics. — 2003. — Vol. 65, No. 3. — P. 833–850. — DOI 10.1111/1468-2508.00214. — EDN ETNAJH.

40. Grebelsky-Lichtman, T. Female politicians: a mixed political communication model / T. Grebelsky-Lichtman // The Journal of International Communication. — 2017. — Vol. 23, No. 2. — P. 272–297. — DOI 10.1080/13216597.2017.1371625.

41. Hargrave, L. The Gendered Debate: Do Men and Women Communicate Differently in the House of Commons? / L. Hargrave, T. Langengen // Politics and Gender. — 2021. — Vol. 17, No. 4. — P. 580–606. — DOI 10.1017/s1743923x20000100. — EDN WOSEXQ.

42. Hargrave, L. No Longer Conforming to Stereotypes? Gender, Political Style and Parliamentary Debate in the UK / L. Hargrave, Ja. Blumenau // British Journal of Political Science. — 2022. — Vol. 52, No. 4. — P. 1584–1601. — DOI 10.1017/s0007123421000648. — EDN UJUWVK.

43. Jamieson, K. H. Beyond the Double Bind: Women and Leadership / K. H. Jamieson. — New York : Oxford University Press, 1995. — 283 p. — ISBN 978-0-19-508940-0.

44. Jones, J. J. Talk "Like a Man": The Linguistic Styles of Hillary Clinton, 1992-2013 / J. J. Jones // Perspectives on Politics. — 2016. — Vol. 14, No. 3. — P. 625–642. — DOI 10.1017/S1537592716001092.

45. Kahn, K. F. The Political Consequences of Being a Woman: How Stereotypes Influence the Conduct and Consequences of Political Campaigns / K. F. Kahn. — New York : Columbia University Press, 1996. — 192 p. — ISBN 0231103026.

46. Lakoff, R. Language and Woman's Place / R. Lakoff // Language in Society. — 2008. — Vol. 2, No. 1. — P. 45–79. — DOI 10.1017/S0047404500000051.

47. McGinley, A. C. Hillary Clinton, Sarah Palin, and Michelle Obama: performing gender, race, and class on the campaign trail / A. C. McGinley // Denver University Law Review. — 2009. — Vol. 86. — P. 709–725.

48. Pas, D. J. Van Der. Gender Differences in Political Media Coverage: A Meta-Analysis / D. J. Van Der Pas, L. Aaldering // Journal of Communication. — 2020. — Vol. 70, No. 1. — P. 114–143. — DOI 10.1093/joc/jqz046. — EDN EKCSDW.

49. Schneider, M. C. Gender-Based Strategies on Candidate Websites / M. C. Schneider // Journal of Political Marketing. — 2014. — Vol. 13, No. 4. — P. 264–290. — DOI 10.1080/15377857.2014.958373.

50. Shaw, S. Women, Language and Politics / S. Shaw. — Cambridge : Cambridge University Press, 2020. — 334 p. — ISBN 9781108882828. — DOI 10.1017/9781139946636.

51. Spender, D. Man made language / D. Spender. — London : Routledge & Kegan Paul, 1985. — 250 p. — ISBN 0-7102-0315-2.

52. Suleiman, C. Gender differences in the media interviews of Bill and Hillary Clinton / C. Suleiman, D. C. O'Connell // Journal of Psycholinguistic Research. — 2008. — Vol. 37, Iss. 1. — P. 33–48. — DOI 10.1007/s10936-007-9055-x.

53. Tannen, D. You just don't understand: Women and men in conversation / D. Tannen. — New York : William Morrow & Co., 1990. — 330 p. — Review // Language in Society. — 1992. — Vol. 21, No. 2. — P. 319–324. — DOI 10.1017/S0047404500015372.

54. Zimmerman, D. H. Sex roles, interruptions and silences in conversation / D. H. Zimmerman, C. West // Language and Sex: Difference and Dominance / ed. by B. Thorne, N. Henley. — Rowley, MA : Newbury House Publishers, 1975. — P. 105–129.

REFERENCES

1. Babenkova, E. A., Agrasheva, O. E. (2018). Gendernyy faktor v rechevom portrete sovremennogo politika = Gender factor in modern politician's speech portrait. *Philology. Theory & Practice, 12-1*(90), 72–77. DOI 10.30853/filnauki.2018-12-1.14.

2. Bozhenkova, N. A., Bozhenkova, R. K., Bozhenkova, A. M. (2017). Sovremennyy politicheskiy diskurs: verbal'naya ekzemplifikatsiya taktiko-strategicheskikh predpochteniy = Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching, 15*(3), 255–284. DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284.

3. Budko, D. V. (2017). Gender i politika: yazykovye osobennosti zhenshchin-politikov = Gender and politics: speech characteristics of female politicians. *Bulletin of Bashkir University, 2*, 506–510.

4. Butsyk, E. D. (2015). Konstruirovanie gendernoy identichnosti v politicheskom diskurse = Construction of gender identity in political discourse. *MGIMO Review of International Relations, 3*(42), 167–172. DOI 10.24833/2071-8160-2015-3-42-166-172.

5. Dzhordzhikia, M. V. (2013). Gendernyy aspekt sovremennykh publichnykh politicheskikh kommunikatsiy = Gender aspect of modern public political communications. Dis. for Cand. of Philol. Sciences. Moscow.

6. Dudetskaya, A. N. (2009). Gendernaya spetsifika kommunikativnogo povedeniya nemetskikh politicheskikh deyateley: na materiale rechevogo zhanra «interv'yu» = Gender specifics of communicative behavior of German political figures: based on the speech genre "interview". Dis. for Cand. of Philol. Sciences. Volgograd.

7. Erofeeva, E. V., Dubrovskaya, A. V. (2024). Vliyanie gendernykh osobennostey na vybor kommunikativnykh strategiy politicheskikh interv'yu = Influence of gender characteristics on the choice of communication strategies in political interviews. *Political Linguistics, 6*(108), 70–80.

8. Kameneva, V. A., Fedyanina, L. I. (2019). Gendernyy aspekt evfemizatsii diskursa politikov V. V. Putin vs A. Merkel' (lingvopersonologicheskiy podkhod) = Gender aspect of euphemization of discourse of politicians: V.V. Putin vs A. Merkel (a linguopersonological Approach). *Political Linguistics, 6*(78), 64–72. DOI 10.26170/pl19-06-08.

9. Karandeeva, L. G. (2017). Formirovanie gendernoy identichnosti v nemetskoyazychnykh politicheskikh blogakh: lingvokognitivnyy uroven' = Formation of gender identity in German-language political blogs: linguo-cognitive level. *Kazan Science, 12*, 99–102.

10. Karaulov, Yu. N. (2010). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian language and linguistic personality (7th ed.). Moscow: LKI Publishing House.

11. Kirilina, A. V. (2021). Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'yego tysyacheletiya = Gender and gender linguistics at the border of the millennium. *Journal of Psycholinguistics, 3*(49), 109–147. DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147.

12. Kirilina, A. V. (2005). Gendernye issledovaniya v lingvisticheskikh distsiplinakh = Gender studies in linguistic disciplines. *Gender and language*, 7–30. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

13. Kunitsyna, E. V. (2011). Gendernaya markirovannost' politicheskogo diskursa: yazykovoy i rechevoy aspekty (na materiale predvybornykh rechey Kh. Klinton i B. Obamy) = Gender marking of political discourse: linguistic and speech aspects (based on

election speeches of H. Clinton and B. Obama). Dis. for Cand. of Philol. Sciences. Stavropol. (In Russ.)

14. Maximova, O. B. (2016). Konstruirovanie gendernoy identichnosti v virtual'noy politicheskoy kommunikatsii: diskursivnye strategii i praktiki samoprezentatsii v sotsial'nykh setyakh = Gender identity construction in virtual political communication: discourse strategies and self-representation practices in social networks. *RUDN Journal of Sociology, 2*, 403–417.

15. Mirzaeva, M. S. (2024). Lingvostilisticheskie osobennosti politicheskogo diskursa zhenskogo liderstva = Linguistic and stylistic features of political discourse of female leadership. *Educational Research in Universal Sciences, 3*(2 SPECIAL), 572–579.

16. Mukhortov, D. S., Zhovner, E. A. (2023). Kommunikativnaya lichnost' politika na materiale parlamentskikh vystupleniy leybristov Dzheremi Korbina i Kira Starmera = Linking word *Use* and personality characteristics: a contrastive study into parliamentary communications of labour leaders Jeremy Corbyn and Keir Starmer. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 14*(1), 53–69. DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69.

17. Nikiforova, M. V., Chudinov, A. P. (2017). Lingvopoliticheskaya personologiya: metodologicheskie osnovy i metodiki analiza = Linguopolitical personology: methodological basis and methods of study. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1*(25), 22–29.

18. Plyusnina, A. V. (2012). Kharakteristiki muzhskoy i zhenskoy pis'mennoy rechi v gendernom soznanii kommunikantov = Characteristics of man and female written speech in gender consciousness of communicators. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 1*(1), 184–188.

19. Polyakova, L. S. (2011). Gendernye strategii kak faktor realizatsii yazyka politika = Gender strategies as a factor of realization of a politician's language. *Linguoculturology, 5*, 67–72.

20. Popova, T. G., Kokorina, K. A. (2020). Gendernyy faktor zhenskogo politicheskogo diskursa (na materiale publichnykh vystupleniy T. Mey) = Gender-specific features of female political discourse (based on the material of public speeches by T. May). *Political Linguistics, 3*(81), 103–109. DOI 10.26170/pl20-03-11.

21. Radyushkina, A. A., Kosmodemyanskaya, V. I., Lisenko, M. V. (2024). K voprosu o gendernom faktore v sovremennom amerikanskom politicheskom diskurse = On the gender factor in modern American political discourse. *Political Linguistics, 2*(104), 136–143.

22. Ruzhentseva, N. B., Ivanova, E. N., Nakhimova, E. A., Nikiforova, M. V. (2021). Lingvopoliticheskaya personologiya: metodologiya i kommunikativnye portrety politicheskikh liderov = Linguistic political personology: methodology and communicative portraits of political leaders. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

23. Sineokaya, N. A. (2017). Leksicheskie markery feminnosti v politicheskom diskurse (na primere interv'yu zhenshchin-politikov Germanii) = Lexical markers of femininity in the political discourse (on the example of interviews of women politicians of Germany). *Political Linguistics, 6*, 128–134.

24. Sineokaya, N. A. (2019). Maskulinnye kommunikativnye strategii i taktiki (na materiale interv'yu zhenshchin-politikov v Germanii) = Masculine communication strategies and tactics in the female political discourse (on the example of women politicians' interviews in Germany). *Verkhnevolzhski Philological Bulletin, 1*, 115–122. DOI 10.24411/2499-9679-2019-10321.

25. Skrebtsova, T. G. (2020). Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika = Linguistics of discourse: structure, semantics, pragmatics. Lecture course. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

26. Stanchuliak, T. G., Zhukova, A. I. (2021). Lingvisticheskie osobennosti vyrazheniya gendernykh stereotipov v politicheskoy kommunikatsii (na primere publichnykh vystupleniy predstaviteley britanskogo i amerikanskogo istablishmenta) = Linguistic features of expressing gender stereotypes in political communication (by the example of public speech of British and American establishment representatives). *Philology. Theory & Practice, 12*, 3885–3891. DOI 10.30853/phil20210642.

27. Talina, I. V. (2003). Gendernye markery rechevogo povedeniya politicheskogo deyatelya: na materiale politicheskogo interv'yu = Gender markers of speech behavior of a political figure: based on political interview. Dis. for Cand. of Philol. Sciences. Ulyanovsk.

28. Falileev, A. E. (2012). Yazykovaya lichnost' politika (na materiale angliyskogo yazyka) = The linguistic identity of the politician (based on a material of English language). *Man. Culture. Education, 3*(5), 146–154.

29. Fatyanova, I. V. (2019). Tipy yazykovoy lichnosti v sovremennom angloyazychnom politicheskom diskurse = Types of linguistic personality in modern English political discourse. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica, 15*(3), 16–29.

30. Filatova, E. A. (2004). Leksiko-stilisticheskie i foneticheskie sredstva organizatsii angloyazychnogo politicheskogo diskursa: na materiale rechey britanskikh i amerikanskikh politikov = Lexico-stylistic and phonetic means of organizing English-language political discourse: based on speeches of British and American politicians. Dis. for Cand. of Philol. Sciences. Ivanovo.

31. Tsutsieva, M. G. (2013). Yazykovaya lichnost' politika kak dinamicheskiy fenomen diskursa i teksta = Linguistic personality of a politician as a dynamic phenomenon of discourse and text. *Izvestiya SPbGEU, 5*(83), 104–108.

32. Baxter, J. (2018). Women Leaders and Gender Stereotyping in the UK Press: A Poststructuralist Approach. London: Palgrave Macmillan. DOI 10.1007/978-3-319-64328-1.

33. Brooks, D. J. (2011). Testing the double standard for candidate emotionality: voter reactions to the tears and anger of male and female politicians. *The Journal of Politics, 73*(2), 597–615. DOI 10.1017/S0022381611000053.

34. Butler, J. (1997). Excitable Speech: A Politics of the Performative. New York; London: Routledge, 200 p.

35. Butler, J. (1990). Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York; London: Routledge, 172 p.

36. Bystrom, D. G. (2004). Women as political communication sources and audiences. *Handbook of political communication research (Ed. L. L. Kaid)*, 435–462. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

37. Coates, J. (2015). Women, men and language: a sociolinguistic account of gender differences in language (3rd ed.). New York: Routledge, 245 p.

38. Coyle, A. M. (2009). Gender and the presidential 'Horserace': an examination of candidate self-presentation in the 2008 democratic primaries (Master's thesis). Pennsylvania: University of Pennsylvania, 85 p. Available at Sept. 15, 2026 from https://www.researchgate.net/publication/44117819_Gender_and_the_Presidential_Horserace_An_Examination_of_Candidate_Self-Presentation_in_the_2008_Democratic_Primaries.

39. Fox, R. L., Oxley, Z. M. (2003). Gender stereotyping in state executive elections: candidate selection and success. *The Journal of Politics*, *65*(3), 833–850. DOI 10.1111/1468-2508.00214.

40. Grebelsky-Lichtman, T. (2017). Female politicians: a mixed political communication model. *The Journal of International Communication*, *23*(2), 272–297. DOI 10.1080/13216597.2017.1371625.

41. Hargrave, L., Langengen, T. (2021). The Gendered Debate: Do Men and Women Communicate Differently in the House of Commons? *Politics & Gender*, *17*(4), 580–606. DOI 10.1017/S1743923X20000100.

42. Hargrave, L., Blumenau, J. (2022). No Longer Conforming to Stereotypes? Gender, Political Style and Parliamentary Debate in the UK. *British Journal of Political Science, 52,* 1584–1601. DOI 10.1017/S0007123421000648.

43. Jamieson, K. H. (1995). Beyond the Double Bind: Women and Leadership. New York: Oxford University Press, 283 p.

44. Jones, J. J. (2016). Talk "Like a Man": The Linguistic Styles of Hillary Clinton, 1992–2013. *Perspectives on Politics, 14*(3), 625–642. DOI 10.1017/S1537592716001092.

45. Kahn, K. F. (1996). The Political Consequences of Being a Woman: How Stereotypes Influence the Conduct and Consequences of Political Campaigns. New York: Columbia University Press, 192 p.

46. Lakoff, R. (2008). Language and Woman's Place. *Language in Society*, *2*(1), 45–79.

47. McGinley, A. C. (2009). Hillary Clinton, Sarah Palin, and Michelle Obama: performing gender, race, and class on the campaign trail. *Denver University Law Review, 86,* 709–725.

48. Van der Pas, D. J., Aaldering, L. (2020). Gender Differences in Political Media Coverage: A Meta-Analysis. *Journal of Communication, 70*(1), 114–143. DOI 10.1093/joc/jqz046.

49. Schneider, M. C. (2014). Gender-Based Strategies on Candidate Websites. *Journal of Political Marketing, 13*(4), 264–290. DOI 10.1080/15377857.2014.958373.

50. Shaw, S. (2020). Women, Language and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 334 p. DOI 10.1017/9781139946636.

51. Spender, D. (1985). Man made language. London: Routledge & Kegan Paul, 250 p.

52. Suleiman, C., O'Connell, D. C. (2008). Gender differences in the media interviews of Bill and Hillary Clinton. *Journal of Psycholinguistic Research, 37,* 33–48.

53. Tannen, D. (1990). You just don't understand: Women and men in conversation. New York: William Morrow & Co. Reviewed In *Language in Society, 21*(2), 319–324. DOI 10.1017/S0047404500015372.

54. Zimmerman, D. H., West, C. (1975). Sex roles, interruptions and silences in conversation. *Language and Sex: Difference and Dominance (Eds. B. Thorne & N. Henley),* 105–129.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55 *ГРНТИ 16.21.33; 16.21.55* *Код ВАК 5.9.8*

Алена Вячеславовна Дымова[1]✉, Анастасия Игоревна Золотайко[2]✉

[1] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, dym.alyona@yandex.ru✉, SPIN-код: 3563-1174, https://orcid.org/0000-0003-2931-5199
[2] Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, liani@list.ru✉, SPIN-код: 8331-5420, https://orcid.org/0000-0002-9513-7987

Текст (вне) рамок: скобки как инструмент лингвокреативности и их функции в заголовке научной статьи

АННОТАЦИЯ. *В настоящей статье представлен сопоставительный анализ употребления скобок в структуре заголовков отечественной научной периодики за 2016–2025 годы. Материалом исследования послужили заголовки научных статей (всего 46 441 наименование) 20 отечественных социологических, 20 лингвистических и 20 психологических журналов. Цель исследования заключалась в определении способов расширения внутритекстового пространства заглавия, выявлении наиболее частотной области лингвокреативного функционирования данного знака препинания и установлении тенденции к изменению количества подобных публикаций в лингвистике, психологии и социологии. Авторы рассматривают скобки как инструмент достижения семантической поливалентности структурных элементов заголовка. На материале корпуса из 46 441 наименования выделяются 11 функциональных аспектов раскрытия их прагматико-семантического потенциала. Отмечено, что с точки зрения семантики, прагматики и синтаксиса, скобки демонстрируют высокую продуктивность в осуществлении целого ряда задач, однако реализуют скорее вспомогательную, чем смыслообразующую роль. Проведенный анализ подтвердил гипотезу о неравномерном распределении употребления скобок в разных областях научного знания. Так, значительно большая доля заголовков с нестандартным использованием скобок зафиксирована в социологических изысканиях. В публикациях лингвистической и психологической направленности применение скобок носит более формальный, функциональный характер. По характеру внедряемого элемента выявлены такие модели лингвокреативного функционирования скобок, как создание антонимии, модификация значения через префиксальные / корневые / суффиксальные элементы, слова, графемы, а также через графическую изоляцию знака препинания. При этом лингвокреативная, игровая форма использования скобок представлена фрагментарно, хотя общая количественная тенденция указывает на увеличение частотности публикаций с подобными заголовками. В статье рассматривается прагматический эффект употребления скобок, реализуемый в виде семантической компрессии, что позволяет интегрировать объект, предмет и аспект исследования в единое целое; привлечения внимания реципиента; трансляции иронических импликатур и снижения критичности восприятия текста.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *научный дискурс, научные статьи, заголовок научной статьи, скобки, лингвокреативность, семантическая поливалентность, функции заголовка, прагматический эффект, академический дискурс, корпусный анализ, журналистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, научные журналы, русский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Дымова Алена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия email: dym.alyona@yandex.ru.*

Золотайко Анастасия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург, Россия, email: liani@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Дымова, А. В.* Текст (вне) рамок: скобки как инструмент лингвокреативности и их функции в заголовке научной статьи / А. В. Дымова, А. И. Золотайко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 188-202.

Alena V. Dymova[1]✉, Anastasiya I. Zolotayko[2]✉

[1] Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, dym.alyona@yandex.ru✉, SPIN code: 3563-1174, https://orcid.org/0000-0003-2931-5199
[2] Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia, liani@list.ru✉, SPIN code: 8331-5420, https://orcid.org/0000-0002-9513-7987

Text (outside) of the Framework: Brackets as a Tool of Linguocreativity and Their Functions in an Academic Article Headline

ABSTRACT. *The article presents a comparative analysis of the use of brackets in the structure of the headlines of domestic academic periodicals from 2016 to 2025. The research corpus comprises 46,441 headlines extracted from 20 Russian journals for each of the three fields: sociology, linguistics, and psychology. The study aims to determine the methods of expanding the intratextual space of academic headlines, identify the most frequent domains of the linguocreative functioning of this punctuation mark, and establish the trends regarding the number of such publications across these fields. The authors*

© Дымова А. В., Золотайко А. И., 2026

consider brackets as an instrument for achieving semantic polyvalence of the headline structural elements. Based on the corpus of 46,441 headlines, eleven functional aspects of their pragmasemantic potential are identified. It is noted that while demonstrating high productivity in fulfilling various tasks from semantic, pragmatic, and syntactic perspectives, brackets perform rather an auxiliary than a meaning-generating role. The conducted analysis confirms the hypothesis concerning the uneven distribution of bracket-containing constructions across different branches of scholarly knowledge. A significantly higher proportion of non-standard use of brackets is recorded in sociological studies. Conversely, in linguistic and psychological publications, the use of brackets tends to be more formal and functional. Depending on the nature of the embedded element, the following models of linguocreative functioning of brackets have been identified: creation of antonymy, modification of meaning through prefixal / root / suffixal elements, words, graphemes, as well as through graphic isolation of a punctuation mark. Nevertheless, though the overall quantitative trend indicates an increase in the frequency of articles with such headlines, the linguocreative, game-based form of the use of brackets is rather fragmentary. The article examines the pragmatic effect of employing brackets, realized as semantic compression that makes it possible to integrate the object, subject, and aspect of research into one whole; to attract the recipient's attention; to convey ironic implicatures; and to mitigate the critical perception of the text.

KEYWORDS: *academic discourse, academic articles, academic article headline, brackets, linguocreativity, semantic polyvalence, headline functions, pragmatic effect, scholarly discourse, corpus analysis, journalism, mass media, media discourse, media texts, scholarly journals, Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dymova Alena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Zolotayko Anastasiya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Dymova A. V., Zolotayko A. I.* (2026). Text (outside) of the Framework: Brackets as a Tool of Linguocreativity and Their Functions in an Academic Article Headline. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 188-202. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Изучение особенностей практического функционирования заголовка научной статьи предлагает неограниченный простор для лингвистических изысканий в области средств привлечения внимания к содержанию научных выкладок, а также упрощению инструментов поиска, т. е. обеспечению «доступности» работы для широкого круга исследователей. Заголовок представляет собой неотъемлемую значимую часть научного труда, являясь одновременно способом заявить об авторе, сфере его интересов, новизне взглядов и подходов, маркером содержания или структуры статьи и направляющим вектором научной мысли. Междисциплинарный характер современного научного знания способствует сращению дискурсивных характеристик многих ранее гомогенных отраслей науки. В этой связи академический научный стиль все более лоялен к веяниям журналистики, новостного и медиадискурсов, что, несомненно, отражается и на его заголовке как ключевом семиотическом маркере научной рефлексии.

Специфика заголовка напрямую связана с жанровыми характеристиками статьи как ядерного элемента научного дискурса. Согласно семиотической модели изучения дискурса В. И. Карасика [Карасик 2020: 92], он включает в себя четко выраженные институциональные свойства: общность функциональной принадлежности к профессиональной среде, строгую форму языкового выражения, аргументативный характер рассуждений, преследующий главную цель — донесение нового научного знания. Е. А. Кожемякин и Т. В. Дубровская определяют научную статью как «жанр, т. е. устойчивый тип текста с присущими композиционными и содержательными характеристиками (инварианта), выполняющий закрепленные за ним функции систематизации и распространения знания в сфере научных социокультурных практик посредством традиционной печатной формы или цифровых технологий» [Кожемякин, Дубровская 2024: 68]. При этом исследователи придерживаются широкого понимания категории текста, что подразумевает включение всевозможных привычных реципиенту вербальных средств, а также новых, опосредованных стремительной цифровизацией, медийных и семиотических компонентов.

В этой связи отметим непрерывный интерес исследователей к изучению природы заголовка письменных текстов. Вне зависимости от дискурса, в котором он функционирует, наиболее частотны попытки его осмысления с точки зрения синтаксической принадлежности (как опосредованный микротекст, как часть текста, самостоятельная, но связанная с ним единица, предложение, словосочетание и т. д.) и транслируемой им семантико-прагматической интенции, т. е. коммуникативного намерения говорящего, выраженного через языковые значения и направленного на достижение конкретной цели с учетом контекста и адресата. Она определяет выбор лексики, грамматической конструкции и интонации для воздействия на собеседника.

Акцент на синтаксической детерминанте заголовка реализуется в дефинициях, опирающихся на его структурно-коммуникативные особенности. Так, Ю. А. Завьялова определяет заголовок «в качестве самостоятельной коммуникативной единицы, которая синтаксически оформляется в виде предложения определенной структуры (простые, сложные, «осколочные» конструкции и пр.)» [Завьялова 2022: 51].

Т. Г. Букина отмечает, что «выбор той или иной синтаксической конструкции зависит от аудитории, на которую ориентирована публикация» [Букина 2020: 320]. Отчасти с данным утверждением можно согласиться, поскольку любой автор, направляя текстовые материалы в редакцию, принимает во внимание общий тон и политику издательства, а потому учитывает его специфику для обеспечения первичной приемлемости предлагаемой работы. Однако подобная тактика не способна в полной мере удовлетворить стремление к привлечению и удержанию внимания реципиента, реализации определенной доли авторского самовыражения и экспрессии. Поэтому нередко заголовки печатных текстов включают элементы, противоречащие ожиданиям целевой аудитории или дискурсивным характеристикам различных жанров публицистики. К примеру, исследование заголовков статей научного дискурса со строгими рамками академичности выявило наличие номинаций с элементами комического [Дымова, Золотайко 2026в].

Многие исследователи придерживаются лингвистической концепции диктемной структуры текста, предложенной М. Я. Блохом. Так, О. Ю. Богданова определяет его как «диктемное имя текста» [Богданова 2007: 116], при этом автор принимает предложение (как синтаксическую единицу) в качестве основы формирования тематической идентичности текста. Данное определение акцентирует функциональный аспект заголовка, поскольку диктемы реализуют номинативные, предикативные систематизирующие и стилистические задачи речи. В дальнейших исследованиях автор апеллирует к эмотивной стороне заглавий, определяя ее как «лингвистическое выражение внеязыковой категории эмоциональности или субъективного отношения говорящего к предмету» [Богданова, Бабаян 2018: 173].

М. Ю. Шульженко предлагает понимание заголовка как «семантического репрезентанта текста, в котором все его единицы приобретают предикативность» [Шульженко 2023: 142]. Автор подчеркивает, что синтаксический аспект в данном случае не имеет принципиального значения ввиду того, что актуализация фоновых знаний и интеграция реципиентом двух смысловых структур — семантики заголовка и содержания текста — так или иначе наделяет заглавие и его компоненты предикативными характеристиками.

В отличие от указанных выше подходов к определению заголовка, ряд исследователей рассматривает его как средство достижения определенной коммуникативной цели или воздействия на аудиторию. В. Н. Бабаян и К. А. Мельникова, рассматривая природу заголовка в контексте медиадискурса, определяют его как «важнейший компонент информации и средство воздействия на потенциального читателя, который, обращая внимание реципиента на наиболее релевантные и интересные моменты статьи, предпочитает не раскрывать их полное содержание» [Бабаян, Мельникова 2024: 325].

В подобном ключе подходы к определению заголовка дополняются и с точки зрения лингвопсихологии. Зарубежные исследователи J. Lemarié, R. Jr. Lorch и M. Péry-Woodley утверждают, что «заголовок используется как средство манипулирования контекстом с целью исследования влияния глобального контекста на процессы понимания и памяти» [Lemarié, Lorch, Péry-Woodley 2012: 4]. При этом подчеркивается, что заглавия выполняют ярко выраженную аттрактивную и манипулятивную функции: «заголовки привлекают внимание читателей во время чтения, заставляя их изменять свои стратегии обработки информации, чтобы больше сосредоточиться на темах текста» [Cauchard 2010; Hyönä, Lorch 2004].

Принимая во внимание указанные дефиниции, представляется возможным определить ***заголовок научной статьи*** как *фразовое единство или сложное синтаксическое целое, элементы которого семантически поливалентны и объединены общей микротемой, репрезентирующей сжатое содержание научного труда.* Объем содержания академических выкладок, многоплановость их изложения и необходимость обозначения параметров исследования *определяют отход от меньших по объему синтаксических единиц*. Сочетание нескольких предложений с относительно законченной темой характерно для научных публикаций, а потому обеспечивает трансляцию не только авторских взглядов на рассматриваемые вопросы, но и обеспечивает соблюдение формальных редакционных требований, предъявляемых к научным публикациям. В труде Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталя и М. И. Фоминой «Современный русский язык» указывается, что «отдельные предложения в составе сложных синтаксических целых

объединяются межфразовыми связями, которые осуществляются при помощи лексической преемственности, а также специальными синтаксическими средствами. Структурными средствами организации самостоятельных предложений в составе сложных синтаксических целых являются союзы в присоединительном значении, анафорически употребленные местоимения, наречия, обстоятельственные сочетания, модальные слова, порядок слов, соотнесенность видовременных форм глаголов, возможная неполнота отдельных предложений» [Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 577]. Необходимо отметить, что кроме синтаксических средств в заголовке огромное значение отводится и пунктуации с точки зрения синтактики, семантики и прагматики.

Вопросы функционального осмысления роли заголовка в разных жанрах поднимались многократно с позиций рассмотрения его структурных [Петрова 2015; Цуканова 2018; Зуевская, Носкевич 2020; Дымова, Золотайко 2026а и др.], прагматических [Глотова 2015; Южакова, Полякова, Суворова 2019; Бабаян, Мельникова 2024; Хрестолюбова 2025; Дымова, Золотайко 2026б и др.] и коммуникативных характеристик [Брызгалова 2024], а также лексико-грамматических [Дроздова 2023], стилистических и синтаксических [Шульженко 2023] особенностей. В своей совокупности указанные аспекты указывают на многогранность объекта исследования, в том числе и с онтологической точки зрения. Некоторые авторы также отмечают значимость грамотного перевода названия работ с одного языка на другой с сохранением правильного использования приемов транслирования заложенных в оригинале смыслов.

При этом особого внимания заслуживают не только наиболее распространенные способы структурной организации заголовков, но и те, что встречаются значительно реже. К примеру, И. В. Кочкарева заметила, что «заголовки в виде вопроса встречаются довольно редко, и в основном в статьях по литературоведению» [Кочкарева 2021: 54]. Целесообразно предположить, что спорадический характер использования подобных средств обусловлен как формальными требованиями, предъявляемыми к оформлению заголовков научных трудов со стороны редакций, так и стремлением к творческому и нестандартному подходу к подаче предлагаемого материала. Лингвокреативность в таком ключе обусловливает *актуальность* изысканий такого рода и научный интерес к уточнению частотности фигурирования подобных «нестандартных» заглавий, изучению их прагматико-семантических особенностей, функций и основных моделей построения.

В контексте настоящего исследования анализ корпуса заголовков научных статей сфокусирован на скобках, фигурирующих в их текстовом пространстве. Такой анализ позволяет не только заключить о семантико-прагматической продуктивности применения скобок, но и выделить традиционный для академического дискурса набор их ***функций***, где они выполняют скорее вспомогательную, нежели смыслообразующую роль. Среди наиболее частотных отмечаются:

1. Конкретизация материала исследования. Примечательно многообразие формулировок: *(по материалам …), (на материале …), (на примере …), (из опыта …), (опыт …), (кейс …), (анализ …), (на основе …), (на базе …), (по данным …)*.

2. Уточнение временных рамок исследования. Скобки используются для указания интервала дат, места и времени события, названия конкретного периода/события, например: *(2010–2025 гг.), (г. Владивосток, 10–15 августа 2015 г.), (период избирательной кампании 2010 г.)*.

3. Обозначение теоретико-методологической перспективы исследования. В скобках автор конкретизирует ракурс рассмотрения материала, например: *(… подход), (… анализ), (с позиции …)*.

4. Выделение тематического аспекта исследования. Скобки используются для уточнения грани объекта анализа, например: *(… аспект), (к вопросу о …), (о/об …), (в сопоставлении с …)*.

5. Спецификация материала/объекта исследования. После указания обобщенной категории в скобках уточняется непосредственный материал или объект исследования, например: *… Ф. М. Достоевский (романы «Идиот» и «Бесы»), … поликодовый текст (карикатура)* и т. д.

6. Указание типа работы. Скобки в заголовках содержат информацию о формате представленного материала, например: *(рецензия …), (обзор …), (размышления …)*.

7. Нумерация работы. Сам номер работы указывается как числом, так и словом, и, как правило, совмещается с указанием типа работы, например: *(Обзор 2), (Статья вторая)*.

8. Введение перевода или словарной формы языковой единицы. Эквивалент иноязычной лексемы или ее полная словарная форма заключается в скобки, например: *research («исследование»), not only ... (but) also*.

9. Введение альтернативного наименования. Скобки используются для отражения вариативности научной номинации, например: *возрастные (эйджинговые) особенности*.

10. Указание на приуроченность исследования к юбилейной дате или памятному событию. В скобках приводится информация о поводе публикации, в контексте которого рассматривается тема исследования, например: *(к 100-летию ученого)*.

11. Создание дисклеймера. Скобки используются для указания юридически значимой информации о статусе упоминаемого объекта, например: *(организация, запрещенная на территории Российской Федерации)*.

Однако наше внимание привлекла игровая форма использования скобок в заголовке научной работы, которая встречается существенно реже, чем примеры, демонстрирующие вышеперечисленные функции. В связи с этим была сформулирована ***гипотеза*** о неравномерной количественной представленности заголовков с включением скобок как средства достижения авторской лингвокреативности в контексте междисциплинарных связей разных областей научного знания: лингвистики, психологии и социологии. Изначальные наблюдения авторов сводились к тому, что в определенных сферах количество заглавий с нестандартным использованием скобок в академической среде встречается чаще, поскольку потенциально обусловлено а) редакционными требованиями и политикой журналов, б) дискурсивными рамками, допускающими отход от формализма и в) ассимиляцией с разнообразными жанрами публицистики в угоду прагматической цели автора. Первичные наблюдения о доминантности лингвокреативного подхода к заголовку научных текстов, реализуемого посредством исследуемого инструментария, указывали на публикации в области социологии.

В связи с этим *цель* настоящего исследования подразумевает сопоставительный анализ употребления *скобок* в структуре заголовка отечественной научной периодики за период с 2016 по 2025 г., определение основных способов расширения его внутритекстового пространства, выявление наиболее частотной области лингвокреативного функционирования скобок, а также установление наличия или отсутствия тенденции к изменению количества подобных публикаций и особенностей их функционирования в каждой из рассматриваемых областей науки (лингвистики, психологии и социологии).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили заголовки научных статей (всего 46 441 наименование) 20 отечественных социологических, 20 лингвистических и 20 психологических журналов за десятилетний период с 2016 по 2025 г.

Анализ заголовков социологических изысканий осуществлялся на основе следующих периодических изданий: «Вестник Института социологии», «Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология», «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология», «Женщина в российском обществе», «Журнал исследований социальной политики», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология», «Мир России. Социология. Этнология», «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», «Социологическая наука и социальная практика», «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Социологическое обозрение», «Социология», «Социология власти», «Социология: методология, методы, математическое моделирование», «Уровень жизни населения регионов России», «Экономическая социология». Всего сплошной выборкой было отобрано 15 326 статей.

Были проанализированы заголовки трудов, опубликованных в таких лингвистических журналах, как «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики», «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание», «Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология», «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология», «Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература», «Вестник Томского государственного университета. Филология», «Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика», «Вопросы когнитивной лингвистики», «Вопросы языкознания», «Жанры речи»,

«Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки», «Когнитивные исследования языка», «Научный диалог», «Политическая лингвистика», «Сибирский филологический журнал», «Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки», «Russian Journal of Linguistics». Всего сплошной выборкой было отобрано 21 086 статей.

Заголовки научных статей по психологии были проанализированы в таких журналах, как «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Вестник Омского университета. Серия: Психология», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология», «Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика», «Вопросы психологии», «Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология», «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология», «Консультативная психология и психотерапия», «Культурно-историческая психология», «Национальный психологический журнал», «Организационная психология», «Психологическая наука и образование», «Психологический журнал», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Российский психологический журнал», «Сибирский психологический журнал», «Современная зарубежная психология», «Социальная психология и общество», «Экспериментальная психология». Всего сплошной выборкой было отобрано 10 029 статей.

Разница в количественной представленности проанализированного материала из указанных журналов (социологические исследования — 15 326 статей, лингвистика — 21 086 статей, психология — 10 029 статей) обусловлена неравномерностью объема публикаций и периодичности выпусков научных изданий за рассматриваемый период.

Отбор лингвокреативного использования скобок осуществлялся по критерию наличия в заглавии статьи элементов, стимулирующих возникновение смысловой амбивалентности через языковую игру и ее стратегическое позиционирование (морфологически: с примыканием к акцентируемым словам, сепарацией или фрагментированием слов, и синтаксически: с изолированным внедрением в текстовое пространство). Кроме того, учитывались примеры употребления скобок с позиции конкретизации информации в тех случаях, когда рассматриваемый заголовок был чрезмерно кратким или расплывчатым, что способствовало его семантическому расширению.

При описании отобранного материала принимались во внимание общие речежанровые характеристики заголовка научной статьи, соответствие или отклонение от которых служило в том числе маркером академической толерантности среды, в которой он функционирует. В целом критерии отбора контекстов и классификации средств возникновения смысловой амбивалентности через скобки в настоящей работе базируются на интеграции анализа когнитивно-лингвистических и дискурсивно-прагматических аспектов. Дальнейшая работа с наименованиями научной публицистики была сосредоточена на исследовании их функционально-прагматических характеристик, раскрытии закладываемых в них прагматико-манипулятивных интенций и способов достижения полисемантичности, а также дискурс- и контекст-анализе.

Анализ заголовков научных статей на предмет лингвокреативности включает сочетание методов корпусной лингвистики, прагматики и статистики. Сами по себе скобки не являются креативными средствами — они становятся таковыми только в определенном функциональном контексте, и потому в заголовке получают новую семантическую нагрузку. Для обеспечения достоверности и надежности результатов исследования задействован ряд методологических инструментов: концептуальный анализ для выявления и описания ключевых лингвокреативных стратегий, отражающих специфику научного дискурса, сравнительный и лексический анализ для сопоставления использования пунктуационных маркеров в виде скобок в заголовках различных дисциплинарных корпусов, методы статистической инвентаризации результатов, способствующие количественной оценке частотности функционирования обнаруженных лингвокреативных употреблений скобок. Методы исследования включали также контент-анализ для выявления доминирующих моделей использования скобок и фреймов их внутритекстового позиционирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты проведенного количественного анализа заголовков научных публикаций подтвердили выдвинутую в начале исследования гипотезу о более частотном лингвокреативном применении скобок в социологическом научном дискурсе в сравнении с другими гуманитарными науками. В социологической части выборки на 15 326 проанализированных статей пришлось 106 креативных заголовков (0,7 %). В лингвистических исследованиях данный

прием встречается всего в 27 случаях на 21 086 публикаций (0,13 %). Минимальный показатель зафиксирован в заголовках статей по психологии, где среди 10 029 названий выявлено лишь 6 заголовков с исследуемым применением скобок (0,06 %).

Примечательно, что самый масштабный корпус материалов за десятилетний период был собран по лингвистике, но количественное преобладание лингвокреативных заголовков со скобками осталось за социологическим научным дискурсом.

При этом в корпусе заголовков, составившем 46 441 наименование, игровая форма использования скобок была обнаружена лишь в 139 случаях (0,3 %), что показывает ограниченность приема на фоне стандартного нормативного применения скобок.

Неравномерность распределения лингвокреативного потенциала скобок по дисциплинам также проявилась и в плотности репрезентации приема в периодических изданиях. Количественный анализ изданий, не давших ни одного факта лингвокреативного использования скобок за исследуемые десять лет, показал, что наименьшая доля таких изданий зафиксирована в социологической части сформированной выборки, где только 2 журнала из 20 не содержали креативных заголовков в своих архивах. В лингвистическом сегменте количество таких журналов возрастает до 7 единиц из 20. Минимальная концентрация вновь выявлена в части выборки по психологии, где 16 журналов из 20 не предоставило ни одного лингвокреативного примера применения скобок в заголовке.

Анализ динамики, представленной в таблице 1, позволяет сделать выводы о регулярности лингвокреативного применения скобок в заголовках научных статей. Во-первых, в социологическом и лингвистическом научном дискурсе лингвокреативные контексты идентифицированы в каждый проанализированный год, а в психологическом сегменте выборки наблюдаются длительные периоды отсутствия приема. Во-вторых, пик продуктивности реализации приема приходится на финальный год исследования (2025 г.), поскольку в социологическом сегменте обнаружено 20 единиц, а в лингвистическом — 8 единиц. В-третьих, разделение изученного десятилетнего периода на два пятилетних отрезка выявляет тенденцию к росту популярности приема в современной академической среде. Первые пять лет (2016–2020 гг.) оказываются менее продуктивными во всех трех научных сферах, уступая второму этапу (2021–2025 гг.). В социологической части корпуса соотношение составляет 38 против 68 контекстов (36 % против 64 %), в лингвистике — 10 против 17 контекстов (37 % против 63 %), а в психологии — 1 против 5 контекстов (17 % против 83 %). Таким образом, количественные данные наглядно свидетельствуют о том, что тенденция к лингвокреативному использованию скобок в заголовках научных статей набирает обороты в академическом дискурсе.

Качественный анализ обнаруженных 139 примеров позволил классифицировать их **по характеру внедряемого элемента**. Ниже рассмотрим выявленные модели в порядке убывания их частотности.

1. Создание антонимии через элемент (не). Данная модель обнаружена во всех трех исследуемых сферах. Более того, она является самой продуктивной в каждой из сфер. Скобки в данном случае позволяют автору объединить в одном слове противоположные смыслы, т. е. включить одновременно утверждение и отрицание в заголовок.

Таблица 1. Динамика количественной представленности лингвокреативного использования скобок в социологическом, лингвистическом и психологическом научном дискурсе

Год	Социология	Лингвистика	Психология
2016	3	2	1
2017	8	1	–
2018	7	2	–
2019	6	4	–
2020	14	1	–
2021	17	3	2
2022	11	2	3
2023	4	3	–
2024	16	1	–
2025	20	8	–

В социологическом научном дискурсе зафиксирован максимальный спектр употребления элемента *(не)*, так как он взаимодействует практически со всеми ключевыми частями речи:

– существительными, например «*Осторожно, двери закрываются:* ***(не)готовность*** *работодателей рассматривать соискателей после окончания онлайн-курсов в IT-сфере*[1]»;

– прилагательными, например «***(Не)универсальные*** *компетенции: к вопросу о едином компетентностном профиле Камчатского края*[2]»;

– глаголами, например «*Намерение* ***(не) действовать****: о перформативной структуре субъективности*[3]»;

– причастиями, например «*Фермерство —* ***(не)укоренившаяся*** *социальная группа: постановка проблемы*[4]»;

– местоимениями, например «*Страшно было* ***(не)всем****? Обращение к эмоциональному труду медицинских сестер из „красной“ и „чистой“ зон больничного пространства во время пандемии COVID-19*[5]».

В лингвистическом сегменте авторы ограничиваются использованием лингвокреативного элемента *(не)* в рамках:

– существительных, например «*Прагматическая* ***(не)уместность*** *употребления диминутивов в русском языке*[6]»;

– прилагательных, например «*Проприетивные и привативные аффиксы в некоторых уральских языках: о маркированности и* ***(не)словоизменительном*** *статусе*[7]».

В публикациях по психологии, в отличие от лингвистического дискурса, авторы распространяют игровую антонимию не только на именные классы слов, но и на глагольные формы, а именно:

– на существительные, например: «*Стратегии* ***(не)сопротивления*** *в нарративах о трудностях: становление „подчиненного субъекта“*[8]»;

– прилагательные, например: «***(Не)взрослое*** *поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости*[9]»;

– глаголы, например: «*Как узнать, кто и почему* ***(не) одобряет*** *войну? Современные исследования отношения к войне*[10]».

Прием используется не только для экономии места в заголовке, но и снятия категоричности, поскольку такая антонимичная форма позволяет автору не утверждать что-либо прямолинейно, а показывать, что ситуация неоднозначна. Более того, в отличие от четкого противопоставления «А и/или не-А», скобки создают синкретичный смысл. Речь идет не только о двух вариантах, а о состоянии неопределенности, где признаки отрицания и утверждения сосуществуют одновременно.

---

[1] Попова, А. В. Осторожно, двери закрываются: (не)готовность работодателей рассматривать соискателей после окончания онлайн-курсов в IT-сфере / А. В. Попова, Ю. А. Тюменева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2025. — № 6(190). — С. 178-198. — DOI 10.14515/monitoring.2025.6.2803.

[2] (Не)универсальные компетенции: к вопросу о едином компетентностном профиле Камчатского края / А. М. Михайлова, В. А. Манина, Ю. Ю. Неяскина [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2025. — Т. 18, № 1. — С. 54-71.

[3] Дуденкова, И. В. Намерение (не) действовать: о перформативной структуре субъективности / И. В. Дуденкова // Социология власти. — 2017. — Т. 29, № 2. — С. 70-83. — DOI 10.22394/2074-0492-2017-2-70-83.

[4] Великий, П. П. Фермерство — (не)укоренившаяся социальная группа: постановка проблемы / П. П. Великий // Социологические исследования. — 2024. — № 5. — С. 79-88. — DOI 10.31857/S0132162524050064.

[5] Байша, Н. С. Страшно было (не)всем? Обращение к эмоциональному труду медицинских сестер из «красной» и «чистой» зон больничного пространства во время пандемии COVID-19 / Н. С. Байша // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2025. — Т. 28, № 1. — С. 27-56. — DOI 10.31119/jssa.2025.28.1.2.

[6] Трубникова, В. Ю. Прагматическая (не)уместность употребления диминутивов в русском языке / В. Ю. Трубникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12, № 4. — С. 1160-1174. — DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-4-1160-1174.

[7] Лапшина, К. М. Проприетивные и привативные аффиксы в некоторых уральских языках: о маркированности и (не)словоизменительном статусе / К. М. Лапшина // Вопросы языкознания. — 2025. — № 1. — С. 95-118. — DOI 10.7868/s303452430373-658x.2025.1.95-118.

[8] Радина, Н. К. Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление “подчиненного субъекта” / Н. К. Радина, А. В. Поршнев // Социальная психология и общество. — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 151-169. — DOI 10.17759/sps.2021120310.

[9] Тихомандрицкая, О. А. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости / О. А. Тихомандрицкая, А. М. Рикель // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. — 2022. — Т. 19, № 2. — С. 209-232. — DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232.

[10] Неврюев, А. Н. Как узнать, кто и почему (не) одобряет войну? Современные исследования отношения к войне / А. Н. Неврюев // Современная зарубежная психология. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 80-93. — DOI 10.17759/jmfp.2022110108.

2. Модификация значения через префиксальные элементы. Данная модель вновь обнаружена во всех трех исследуемых сферах и является второй по частотности в каждой из них. Скобки позволяют автору не отрицать исходное понятие полностью, получая антоним, как в предыдущем пункте, а модифицировать его смысл частично.

В социологической части анализируемого корпуса зафиксировано наибольшее разнообразие приставок: *вос-*, *де-*, *за-*, *им-*, *контр-*, *пост-*, *ре-*, *со-*. В лингвистической части обнаружены: *анти-*, *дез-, ре-*. В психологической части модель представлена одной приставкой: *прото-*. Сопоставительный анализ показывает, что префиксальные наборы исследуемых дисциплин не пересекаются, за исключением приставки *ре-*, что может быть объяснено спецификой предметного поля каждой из исследуемых научных сфер.

Классическая реализация данной модели, зафиксированная во всех трех научных сферах, предполагает внедрение префикса в скобках в самом начале лексемы. В качестве иллюстрации можно привести следующие заголовки из социологической, лингвистической и психологической частей выборки соответственно:

– «*Особенности* ***(де)профессионализации*** *в сфере гражданской науки*[1]»;

– «*Аспекты анализа лексических заимствований в целях выявления* ***(дез)интеграционных*** *процессов в двух культурах*[2]»;

– «*Зачем нашим предкам понадобился синтаксис? Социальные порядки и коммуникативные заботы* ***(прото)сапиенсов***[3]».

Однако в социологическом научном дискурсе встречаются и более сложные варианты реализации данной модели, когда префикс в скобках располагается не в начале лексемы, а внедряется в середину морфемной структуры, например:

– «***Пере(за)грузка*** *в ИТ-корпорации: как и когда возможны институциональные изменения? ...*[4]».

В примере выше скобки изолируют приставку *за-* от другой приставки *пере-*, которая не размещается в скобках. Такой графический прием позволяет читателю увидеть одновременно несколько лексем: *перезагрузка*, *перегрузка* и, возможно, *загрузка*. При каждом из прочтений смысл заголовка частично модифицируется.

Отдельного внимания заслуживают примеры с концентрированным применением модели из лингвистической секции выборки, например:

– «*Когнитивные основания* ***(ре)концептуализации***, ***(ре)категоризации*** *и* ***(ре)перспективации*** *при переводе*[5]».

В данном случае лингвокреативный потенциал префиксации в скобках усиливается за счет композиционного повтора. Осуществляется не просто уплотнение текста с параллельным включением нескольких смыслов, но и ритмический эффект.

Примечателен также пример из социологического сегмента с одновременным включением двух рассмотренных моделей:

– «***(Не)любовь*** *и другие последствия* ***(не)свобод*** *и* ***(не)выбора*** *в эпоху „эмоционального“* ***(пост)модерна*** *(что бы таковой ни значил)*[6]».

В границах одного названия автор трижды задействует первую модель создания антонимии с помощью элемента *(не)*, совмещая со второй моделью модификации значения через префиксальный элемент. При этом завершается заглавие еще одной парой скобок, но уже со стандартной вспомогательной функцией, а именно внедрения дополнительной информации / комментария.

---

[1] Рассолова, Е. Н. Особенности (де)профессионализации в сфере гражданской науки / Е. Н. Рассолова, К. А. Галкин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2023. — № 4(853). – С. 129-135.

[2] Евтушенко, О. В. Аспекты анализа лексических заимствований в целях выявления (дез)интеграционных процессов в двух культурах / О. В. Евтушенко // Когнитивные исследования языка. — 2025. — № 3-2(64). — С. 34-38.

[3] Розов, Н. С. Зачем нашим предкам понадобился синтаксис? Социальные порядки и коммуникативные заботы (прото)сапиенсов / Н. С. Розов // Социальная психология и общество. — 2022. — Т. 13, № 2. — С. 25-39. — DOI 10.17759/sps.2022130203.

[4] Поплавская, А. А. Пере(за)грузка в ИТ-корпорации: как и когда возможны институциональные изменения? Рецензия на книгу: Kelly E., Moen P. 2020. Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It. Princeton: Princeton University Press. 336 p / А. А. Поплавская // Экономическая социология. — 2024. — Т. 25, № 4. — С. 129-146. — DOI 10.17323/1726-3247-2024-4-129-146.

[5] Леонтьева, К. И. Когнитивные основания (ре)концептуализации, (ре)категоризации и (ре)перспективации при переводе / К. И. Леонтьева // Когнитивные исследования языка. — 2018. — № 35. — С. 143-151.

[6] Троцук, И. (Не)любовь и другие последствия (не)свобод и (не)выбора в эпоху «эмоционального (пост)модерна (что бы таковой ни значил) / И. Троцук // Социологическое обозрение. — 2025. — Т. 24, № 3. — С. 284-308. — DOI 10.17323/1728-192x-2025-3-284-308.

В рамках данной модели, как правило, вариант лексемы с префиксом из скобок не вступает в оппозицию с лексемой без префикса. Напротив, осуществляется более тонкая модификация значения термина без его полного отрицания. Такой прием позволяет указать на виды, трансформации и градации исследуемого явления. Тем не менее, как и в предыдущей модели, происходит снятие категоричности и создание синкретичного смысла, когда автор не заявляет одну данность, а указывает на возможные ракурсы рассмотрения проблемы.

3. Модификация значения через внедрение слова. Эта модель идентифицирована только в социологической и лингвистической частях выборки. Вынесению в скобки подвергаются не отдельные морфемы, а целые полнозначные лексемы.

Модификация значения через внедрение слова реализуется в социологическом научном дискурсе наиболее эксплицитно через внедрение одного слова, например вводного слова или предлога:

– «*Различные равновесия в теоретико-игровой модели поведения преподавателя и **(возможно)** списывающего студента на письменном экзамене*[1]»;

– «*Неопределенность **(в) социологии***[2]».

В примерах выше вычленение отдельного слова трансформирует синтаксические и семантические связи внутри названия статьи и заставляет читать его в двух вариантах. Помещение лексемы *(возможно)* в скобки позволяет изменить статус исследуемого субъекта, поскольку таким образом виновность студента еще не доказана. В случае с элементом *(в)* изменяется локация *неопределенности*, что позволяет совместить в прочтении одновременно статус науки и объект изучения внутри нее.

Внедрение нескольких слов в скобках может снижать эксплицитность модификации значения и степень лингвокреативности, например:

– «*О дегуманизации **(и нелюбви к трампизму)**. …*[3]».

В данном примере размывается граница между игровым использованием скобок и их стандартным применением. С одной стороны, информация в скобках может считываться как обычное выделение тематического аспекта исследования. С другой же, языковая игра реализуется прагматически через ироничное столкновение фундаментальной темы книги (дегуманизация) и субъективного аспекта политической повестки (нелюбовь к трампизму). Несмотря на то, что скобки не создают в этом примере множественности прочтения, они формируют эффект некой оговорки и снижения категоричности, иерархично маркируя содержание скобок как субъективный комментарий.

Подобная ситуация наблюдается и в лингвистической секции корпуса:

– «*Динамика концептуализации мира **(не войны)** в английском языке*[4]».

Здесь внедрение нескольких слов в скобках также внешне сближает прием с обычным уточняющим комментарием, однако с помощью скобок автор не просто подчеркивает отсутствие противопоставления (война и мир). Содержание скобок подчеркивает для читателя очевидную в определенной степени информацию и тем самым создает эффект избыточности.

В отличие от первых двух моделей, которые сфокусированы на компактном включении нескольких лексем в прочтение, примеры третьей модели характеризуются иронией. Главным становится не столько смена значения высказывания, сколько смена отношения к нему.

4. Модификация значения через присоединение корневого элемента. Вновь данная модель обнаружена во всех трех научных сферах. Структурно данная модель напоминает модель с добавлением префиксальных элементов, но характеризуется более радикальным вмешательством в морфемную структуру слова и семантику заглавия.

Как и в модели с префиксами, классическая реализация этой модели, зафиксированная во всех трех исследуемых сферах, предполагает внедрение еще одного корня в скобках в самом начале лексемы. В качестве иллюстрации можно привести следующие заголовки из социологической, лингвистической и психологической частей выборки соответственно:

[1] Калинин, Н. С. Различные равновесия в теоретико-игровой модели поведения преподавателя и (возможно) списывающего студента на письменном экзамене / Н. С. Калинин // Социология: методология, методы, математическое моделирование. — 2020. — № 50-51. — С. 98-140.

[2] Козлов, С. В. Неопределенность (в) социологии / С. В. Козлов // Социология власти. — 2025. — Т. 37, № 2. — С. 8-11.

[3] Кутявин, Н. А. О дегуманизации (и нелюбви к трампизму). Рецензия на книгу: Смит Д. Л. (2025). О бесчеловечности. Дегуманизация и как ей противостоять. Ереван: Fortis Press / Н. А. Кутявин // Социология власти. — 2025. — Т. 37, № 3. — С. 252-260.

[4] Чупрына, О. Г. Динамика концептуализации мира (не войны) в английском языке / О. Г. Чупрына // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2025. — № 1. — С. 66-78. — DOI 10.20916/1812-3228-2025-1-66-78.

– «*Моральные обоснования управления **(этно)культурным** разнообразием в образовательном пространстве*[1]»;

– «*Гиперестезия как остранение: рефлексивность и **(микро)воображение** в русской поэзии XIX–XX вв*[2]»;

– «*Изобретение **(гомо)сексуальности**. Исторический, социальный и культурный аспекты*[3]».

Однако в социологическом и лингвистическом научном дискурсе встречаются и более сложные варианты реализации модели, когда корневой элемент в скобках интегрирован не в начале лексемы, а в середине морфемной структуры, например:

– «***Техно(крато)социализм**: критический взгляд на идеи Б. Кинга и Р. Пэтти*[4]»;

– «***Авто(био/агио)графический** нарратив как инструмент формирования персонального мифа о писателе „из народа“: случай Г. Д. Гребенщикова*[5]».

Расположение корня в середине позволяет читателю увидеть в одной лексеме целую цепочку понятий, т. е. более двух вариантов. Например, в первом случае из социологической выборки это могут быть: *техносоциализм*, *технократосоциализм*, а также *технократия* и *социализм*. Второй случай из лингвистической секции даже более интересен, поскольку содержит два корневых элемента в скобках, что позволяет считать череду вариантов: *автобиографический*, *автоагиографический*, *биографический, агиографический*, *агиобиографический*, *автоагиобиографический* и т. д.

Таким образом, как и в случае с приставками, скобки вокруг корневого элемента используются авторами для частичной модификации значения термина и создания синкретичного смысла. Отличие заключается в статусе внедряемого в скобках элемента и его воздействии на контекст, а именно в том, что корень чаще создает новое, иногда гибридное, понятие, тогда как приставка выделяет ракурсы одного понятия.

5. Модификация значения через внедрение графемы. Данная модель зафиксирована исключительно в социологической части анализируемого корпуса. Изоляции в скобках подвергается отдельная графема, как показывает корпус, в каждом случае лишь одна.

В исследуемом корпусе авторы отдают предпочтение изоляции гласных графем, однако удалось зафиксировать и вычленение согласной графемы, например:

– «*Гендерная **ре(э)волюция** коммерческих училищ в России начала XX столетия*[6]»;

– «*Обсуждая открытый **(в)опрос***[7]».

В первом случае внедрение гласной графемы *(э)* внутрь слова приводит к прочтению *революция*, *эволюция* и даже, возможно, *реэволюция*. Во втором случае вычленению подвергается согласная графема *(в)*, что позволяет автору заложить в семантику заглавия одновременно и *опрос* и *вопрос*. Как видно из приведенных примеров, расположение графемы может быть не только инициальным, но и медиальным.

Примечательно, что в рамках этой модели при минимальных графических затратах автору удается заложить в заголовок несколько лексем. Более того, при различии лишь в одну букву получаются лексемы, кардинально отличающиеся друг от друга по смыслу. В свою очередь, каждая лексема задает различный вектор осмысления заявленной в заглавии темы.

Нередко эта модель порождает иронический эффект, который возникает на фоне неожиданного и радикального семантического сдвига.

---

[1] Козлова, М. А. Моральные обоснования управления (этно)культурным разнообразием в образовательном пространстве / М. А. Козлова // Журнал исследований социальной политики. — 2022. — Т. 20, № 4. — С. 591-606. — DOI 10.17323/727-0634-2022-20-4-591-606.

[2] Самостиенко, Е. В. Гиперестезия как остранение: рефлексивность и (микро)воображение в русской поэзии XIX-XX вв / Е. В. Самостиенко // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2022. — № 2. — С. 163-172.

[3] Адмиральская, И. С. Изобретение (гомо)сексуальности. Исторический, социальный и культурный аспекты / И. С. Адмиральская // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — Т. 13, № 1. — С. 27-39.

[4] Давыдов, Д. А. Техно(крато)социализм: критический взгляд на идеи Б. Кинга и Р. Пэтти / Д. А. Давыдов // Социологические исследования. — 2023. — № 9. — С. 117-129. — DOI 10.31857/S013216250027782-3.

[5] Горбенко, А. Ю. Авто(био/агио)графический нарратив как инструмент формирования персонального мифа о писателе “из народа”: случай Г. Д. Гребенщикова / А. Ю. Горбенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2025. — № 94. — С. 172-206. — DOI 10.17223/19986645/94/9.

[6] Магсумов, Т. А. Гендерная ре(э)волюция коммерческих училищ в России начала XX столетия / Т. А. Магсумов // Женщина в российском обществе. — 2019. — № 1. — С. 133-144. — DOI 10.21064/WinRS.2019.1.12.

[7] Докторов, Б. З. Обсуждая открытый (в)опрос / Б. З. Докторов // Социологические исследования. — 2022. — № 1. — С. 156-160. — DOI 10.31857/S013216250016970-0.

6. Модификация значения через внедрение суффиксального элемента. Данная модель зафиксирована в социологической и лингвистической частях анализируемого корпуса. Интересно, что оба научных направления для реализации модели используют один и тот же возвратный суффикс *-ся*, например:

– «*Уловить, **изменить(ся)**, охватить: концептуализация процесса эволюции в работах В. И. Вернадского*[1]».

Таким образом, скобки с суффиксом *-ся* создают оппозицию между невозвратным и возвратным действием, между воздействием на объект и автономной трансформацией субъекта.

7. Модификация значения через графическую изоляцию знака препинания. Данная модель представляет собой наиболее специфический тип языковой игры, при котором вычленению в скобки подвергается пунктуационный знак. В исследуемом корпусе зафиксирован лишь один пример реализации этой модели в социологической секции выборки:

– «*Лебедев П. А. Онлайновые фокус-группы. **Возможности[,]** ограничения и особенности процедуры: монография. М.: Проспект, 2015*[2]».

Данный контекст является необычным не только в силу своей единичности, но и благодаря механизму реализации языковой игры в нем. С одной стороны, квадратные скобки указывают на то, что вычленение запятой носит, вероятно, редакторский характер, нежели лингвокреативный. В целом, при обращении к оригиналу рецензируемой в статье монографии между *возможности* и *ограничения* наблюдается отсутствие запятой, а в диссертации этого же автора по данной теме запятая присутствует, что также говорит в пользу технического размещения запятой в скобках в самой рецензии. Таким образом, то, кем закладывалась лингвокреативность — автором монографии или автором рецензии на нее в научном журнале, как и ее существование в данном контексте, — представляется неочевидным.

Тем не менее, непосвященный в эти детали читатель с высокой долей вероятности прочтет заглавие рецензии двумя способами: однородные члены предложения (*возможности, ограничения*) и конструкция с родительным падежом (*возможности ограничения*). Следовательно, если во всех других моделях внедрение скобок и произрастающая из них лингвокреативность являются намеренными авторскими приемами, в том числе с целью создания диалога с читателем и стимулирования его к множественному прочтению, диалог в этом случае может быть инициирован со стороны читателя.

[1] Калинина, Л. В. Уловить, изменить(ся), охватить: концептуализация процесса эволюции в работах В. И. Вернадского / Л. В. Калинина // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3-2(54). — С. 78-83.

[2] Терентьева, Н. Н. Лебедев П. А. Онлайновые фокус-группы. Возможности[,] ограничения и особенности процедуры: монография. М.: Проспект, 2015 / Н. Н. Терентьева // Социологический журнал. — 2017. — Т. 23, № 1. — С. 183-188. — DOI 10.19181/socjour.2017.23.1.5009.

Таблица 2. Модели по характеру внедряемого лингвокреативного элемента в скобках в социологическом, лингвистическом и психологическом научном дискурсе

Элемент	Социология	Лингвистика	Психология
1. Создание антонимии через элемент (не)	+	+	+
2. Модификация значения через префиксальные элементы	+	+	+
3. Модификация значения через внедрение слова	+	+	–
4. Модификация значения через присоединение корневого элемента	+	+	+
5. Модификация значения через внедрение графемы	+	–	–
6. Модификация значения через внедрение суффиксального элемента	+	+	–
7. Модификация значения через графическую изоляцию знака препинания	+	–	–

Обобщая результаты качественного анализа заголовков с лингвокреативным включением скобок, можно представить распределение выявленных моделей по трем исследуемым научным сферам. Сводные данные о представленности приемов в анализируемом корпусе отражены в таблице 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе того, что современный заголовок представляет собой емкую и зачастую сложную конструкцию, авторы смогли представить его определение, в котором подчеркивается семантическая поливалентность его структурных элементов, достигаемая за счет множества средств, в том числе пунктуационной лингвокреативности. Скобки в данном ключе способствуют решению целого ряда задач ввиду своего функционального разнообразия (минимум 11 аспектов раскрытия прагматико-семантического потенциала внутритекстового пространства заголовка), при этом в контексте смыслопорождения выполняют вспомогательную роль.

Осуществленный анализ функционирования скобок в контексте заголовков научных публикаций позволил сделать вывод об их продуктивности с точки зрения всех трех рассматриваемых позиций: семантики, прагматики и синтаксиса. Гипотеза о неравномерной количественной представленности заголовков с включением скобок как средства достижения авторской лингвокреативности нашла подтверждение, обоснованное значительно большей количественной представленностью заглавий с нестандартным использованием скобок в социологических изысканиях. Использование скобок в публикациях лингвистической и психологической направленности также повсеместно, однако носит более формальный и строгий характер.

Представляется важным отметить, что в массивном корпусе исследованных заголовков (46 441 наименование) игровая форма использования скобок была обнаружена фрагментарно, что в целом свидетельствует об ограниченности приема подобного рода научных номинаций на фоне формализованного и редакционно регламентированного применения скобок. Однако авторы фиксируют наличие количественного роста и, в связи с этим, тенденции к лингвокреативному использованию скобок в заголовках научных статей в академическом дискурсе.

Значимым для исследования было определение оказываемого прагматического эффекта применения скобок в заглавиях научных публикаций на реципиента. Прежде всего авторами отмечена семантическая компрессия как способ интеграции нескольких содержательных аспектов научного труда и направления авторской мысли в единое тематически объединенное целое. Не менее значимым эффектом является аттракция внимания, служащая своего рода приглашением к опосредованному диалогу или полемике с автором и исследовательским импульсом к ознакомлению с содержанием представленных в публикации материалов. Этой же цели служит прагматический эффект иронии, тонкой юмористической тональности, что редко фигурирует в академическом дискурсе. В связи с этим скобки как инструмент лингвокреативности столь ценны, поскольку обеспечивают смежность с популярными жанрами публицистики.

Примечателен эффект снижения критичности к предлагаемому труду за счет внедрения поливалентности в название (как, например, с использованием отрицания в заглавии), что позволяет автору отойти от категоричности в суждениях, касающихся труднодоказуемых явлений.

Использование скобок в заглавии научных публикаций позволяет сократить формализованные конструкции по модели ОБЪЕКТ — ПРЕДМЕТ — АСПЕКТ исследования, сделав их компактными, в том числе и за счет синкретизма, подразумевающего совмещение нескольких грамматических или семантических значений в одной форме слова. При этом, несмотря на визуальную простоту и компактность получившегося заглавия, оно не теряет своей глубины, семантической насыщенности и академичности.

Лингвокреативность как творческое осмысление новых способов трансляции смыслов языковыми средствами ведет к поиску новых оригинальных форм, что, с одной стороны, вызывает исследовательский интерес, а с другой — ограничивает частотность ее реализации. На примере скобок данное явление фигурирует в случаях с внедрением графем или знаков пунктуации, а потому представляется возможным заключить, что чем сложнее или «изощренней» модель употребления скобок, тем, не умаляя ее ценности с точки зрения лингвистики, реже она функционирует.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабаян, В. Н. Определение лингвопрагматических особенностей заголовка в англоязычном медиадискурсе / В. Н. Бабаян, К. А. Мельникова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. — 2024. — Т. 34, № 2. — С. 324–336. — DOI 10.35634/2412-9534-2024-34-2-324-336. — EDN OBKYWG.

2. Богданова, О. Ю. Заголовок как элемент текста / О. Ю. Богданова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2007. — Т. 13, № 1. — С. 116–119. — EDN MTBXCR.

3. Богданова, О. Ю. Эмотивно-диктемный анализ заглавий британских художественных произведений / О. Ю. Богдано-

ва, В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 4(19). — С. 172–179. — DOI 10.24411/2499-9679-2019-10606. — EDN KUYBNW.

4. Брызгалова, Е. Н. Коммуникативно-прагматические характеристики заголовочного комплекса в издании «Коммерсант» / Е. Н. Брызгалова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2024. — № 75. — С. 77–88. — EDN MMKXEK.

5. Букина, Т. Г. Заголовок как средство привлечения читательского внимания (на материалах «Российской газеты») / Т. Г. Букина // Образование и право. — 2020. — № 9. — С. 318–321. — DOI 10.24411/2076-1503-2020-10950. — EDN OSMYOB.

6. Глотова, Е. А. Функционально-прагматическая характеристика заголовков в текстах СМИ (на примере газеты «Сельская трибуна» Крутинского района Омской области) / Е. А. Глотова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2017. — № 1(27). — С. 66–70. — DOI 10.17238/issn1998-5320.2017.27.66. — EDN YMZQLV.

7. Дроздова, Ю. А. Лексико-грамматические особенности заголовков статей экологической тематики на французском языке / Ю. А. Дроздова // Вопросы современной лингвистики. — 2023. — № 5. — С. 122–130. — DOI 10.18384/2949-5075-2023-5-122-130. — EDN GDJFHE.

8. Дымова, А. В. Двоеточие в заголовке научного текста: лингвистическая тенденция или флуктуация? / А. В. Дымова, А. И. Золотайко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2026а. — Т. 28, № 1. — С. 92–107. — DOI 10.15826/izv2.2026.28.1.006. — EDN MAESNE.

9. Дымова, А. В. Манипулятивно-прагматический потенциал прецедентных конструкций в заголовках научной периодики(на примере «Казнить нельзя помиловать») / А. В. Дымова, А. И. Золотайко // Культура и текст. — 2026б. — № 2(65). — С. 138–155. — DOI 10.37386/2305-4077-2026-2-138-155. — EDN PHLVAK.

10. Дымова, А. В. Шутить(,) нельзя(,) публиковать: юмор в заголовках научных статей / А. В. Дымова, А. И. Золотайко // Жанры речи. — 2026в. — (В печати).

11. Зуевская, Е. В. Структура и функции заголовка в публицистическом тексте (на материале статей политической тематики) / Е. В. Зуевская, Т. Н. Носкевич // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. — 2020. — № 5(108). — С. 71–77. — EDN OTBKXJ.

12. Карасик, В. И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование / В. И. Карасик // Жанры речи. — 2020. — № 2(26). — С. 90–99. — DOI 10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99. — EDN YMNXCC.

13. Кожемякин, Е. А. Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация / Е. А. Кожемякин, Т. В. Дубровская // Жанры речи. — 2024. — Т. 19, № 1(41). — С. 66–78. — DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78. — EDN BZOWWQ.

14. Кочкарева, И. В. Учимся писать заголовки научных статей / И. В. Кочкарева // Развитие образования. — 2021. — Т. 4, № 4. — С. 53–56. — DOI 10.31483/r-99843. — EDN IOQNMQ.

15. Петрова, Е. А. Соотношение структуры и функций заголовков в современных англоязычных газетах / Е. А. Петрова // Инновационная наука. — 2015. — Т. 1, № 3. — С. 205–208. — EDN TMVRRD.

16. Хрестолюбова, Г. А. Прагматический синтаксис заголовка как основа гармонизирующего диалога в журналистском тексте (на материале публикаций газеты «Шанс») / Г. А. Хрестолюбова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2025. — № 3(48). — С. 123–126. — DOI 10.36809/2309-9380-2025-48-123-126. — EDN TOHUZE.

17. Цуканова, Ж. В. Структурные особенности заголовков гуманитарных и технических научных статей (на материале русского языка) / Ж. В. Цуканова // Гуманитарные научные исследования. — 2018. — № 5(81). — С. 11. — EDN UQKTMM.

18. Шульженко, М. Ю. Структурно-синтаксические особенности заголовков статей о коронавирусе / М. Ю. Шульженко // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. — 2023. — Т. 20, № 4. — С. 139–151. — DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-139-151. — EDN COJZLI.

19. Южакова, Ю. В. Прагматический аспект заголовков англоязычных медиатекстов / Ю. В. Южакова, Л. С. Полякова, Е. В. Суворова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8, № 1(26). — С. 181–184. — DOI 10.26140/bgz3-2019-0801-0046. — EDN PIYKQS.

20. Cauchard, F. Visual Signals Vertically Extend the Perceptual Span in Searching a Text: A Gaze-Contingent Window Study / F. Cauchard [et al] // Discourse Processes. — 2010. — Vol. 47, Iss. 8. — P. 617–640. — DOI 10.1080/0163853100362879.

21. Hyönä, J. Effects of Topic Headings on Text Processing: Evidence from Adult Readers' Eye Fixation Patterns / J. Hyönä, R. F. Lorch // Learning and Instruction. — 2004. — Vol. 14, Iss. 2. — P. 131–152. — DOI 10.1016/j.learninstruc.2004.01.001.

22. Lemarié, J. Understanding How Headings Influence Text Processing / J. Lemarié, R. Jr. Lorch, M. Péry-Woodley // Discours. — 2012. — No 10. — P. 1–22. — DOI 10.4000/discours.8600.

REFERENCES

1. Babayan, V. N., Mel'nikova, K. A. (2024). Opredelenie lingvopragmaticheskih osobennostej zagolovka v angloyazychnom mediadiskurse = Defining the linguopragmatic features of headlines in English-language media discourse. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, *34*(2), 324–336. EDN OBKYWG.

2. Bogdanova, O. Yu. (2007). Zagolovok kak element teksta = The headline as an element of a text. *Bulletin of the N. A. Nekrasov Kostroma State University*, *1*, 116–119. EDN MTBXCR.

3. Bogdanova, O. Yu., Babayan, V. N. (2019). Emotivno-diktemnyj analiz zaglavij britanskih hudozhestvennyh proizvedenij = Emotive-dictemic analysis of the titles of British literary works. *Upper Volga Philological Bulletin*, *4*, 172–179. EDN KUYBNW.

4. Bryzgalova, E. N. (2024). Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki zagolovochnogo kompleksa v izdanii "Kommersant" = Communicative-pragmatic characteristics of the headline complex in the publication "Kommersant". *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, *1*, 77–88. EDN MMKXEK.

5. Bukina, T. G. (2020). Zagolovok kak sredstvo privlecheniya chitatel'skogo vnimaniya (na materialah «Rossijskoj gazety») = The Headline as a Means of Attracting Reader Attention (Based on Material from "Rossiyskaya Gazeta"). *Education and Law*, *9*, 318–321. EDN OSMYOB.

6. Glotova, E. A. (2017). Funkcional'no-pragmaticheskaya harakteristika zagolovkov v tekstah SMI (na primere gazety «Sel'skaya tribuna» Krutinskogo rajona Omskoj oblasti) = Functional-Pragmatic Characteristics of Headlines in Media Texts (A Case Study of the Newspaper "Selskaya Tribuna" in the Krutinsky District, Omsk Region). *The Science of Man: Humanitarian Studies*, *1*(27), 66–70. EDN YMZQLV.

7. Drozdova, Yu. A. (2023). Leksiko-grammaticheskie osobennosti zagolovkov statej ekologicheskoj tematiki na francuzskom yazyke = Lexical and Grammatical Features of Headlines in French-Language Articles on Environmental Topics. *Issues in Modern Linguistics*, *5*, 122–130. EDN GDJFHE.

8. Dymova, A. V., Zolotajko, A. I. (2026a). Dvoetochie v zagolovke nauchnogo teksta: lingvisticheskaya tendenciya ili fluktuaciya? = The Colon in the Headline of a Scientific Text: A Linguistic Trend or a Fluctuation? *Bulletin of Ural Federal University. Series 2, Humanities*, *28*(1), 92–107. EDN MAESNE.

9. Dymova, A. V., Zolotajko, A. I. (2026b). Manipulyativno-pragmaticheskij potencial precedentnyh konstrukcij v zagolovkah nauchnoj periodiki (na primere «Kaznit' nel'zya pomilovat'») = The Manipulative-Pragmatic Potential of Precedent-Based Constructions in Academic Periodical Headlines (Using the Example of "Execute, Cannot Pardon"). *Culture and Text*, *2*(65), 138–155. EDN PHLVAK.

10. Dymova, A. V., Zolotajko, A. I. (2026v). Shutit'(,) nel'zya(,) publikovat': yumor v zagolovkah nauchnyh statei = Joke, Not to Publish: Humor in Academic Article Headlines. *Speech Genres* (In press).

11. Zuevskaya, E. V., Noskevich, T. N. (2020). Struktura i funkcii zagolovka v publicisticheskom tekste (na materiale statej politicheskoj tematiki) = Structure and Functions of Headlines in Publicistic Texts (Based on Articles on Political Topics). *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1, Philology*, *5*(108), 71–77. EDN OTBKXJ.

12. Karasik, V. I. (2020). Vyskazyvanie, zhanr, diskurs: semioticheskoe modelirovanie = Utterance, Genre, Discourse: Semiotic Modeling. *Speech Genres*, *2*(26), 90–99. EDN YMNXCC.

13. Kozhemyakin, E. A., Dubrovskaya, T. V. (2024). Zhanr nauchnoj stat'i v Internete: strukturno-semioticheskaya transformaciya = The Genre of the Scientific Article on the Internet: Structural-Semiotic Transformation. *Speech Genres*, *19*(1[41]), 66–78. EDN BZOWWQ.

14. Kochkareva, I. V. (2021). Uchimsya pisat' zagolovki nauchnyh statej = Learning to Write Titles for Scientific Articles. *Development of Education*, *4*(4), 53–56. EDN IOQNMQ.

15. Petrova, E. A. (2015). Sootnoshenie struktury i funkcij zagolovkov v sovremennyh angloyazychnyh gazetah = The Relationship Between the Structure and Functions of Headlines in Modern English-Language Newspapers. *Innovative Science*, *3*, 205–208. EDN TMVRRD.

16. Hrestolyubova, G. A. (2025). Pragmaticheskij sintaksis zagolovka kak osnova garmoniziruyushchego dialoga v zhurnalistskom tekste (na materiale publikacij gazety «Shans») = Pragmatic Syntax of Headlines as a Basis for Harmonizing Dialogue in Journalistic Texts (Based on Publications from the Newspaper “Shans”). *Bulletin of Omsk State Pedagogical University*. *Humanities Research*, *3*(48), 123–126. EDN TOHUZE.

17. Cukanova, Zh. V. (2018). Strukturnye osobennosti zagolovkov gumanitarnyh i tekhnicheskih nauchnyh statej (na materiale russkogo yazyka) = Structural Features of Headlines in Humanities and Technical Scientific Articles (Based on the Russian Language). *Humanities Scientific Research*, *5*. EDN UQKTMM.

18. Shul'zhenko, M. Yu. (2023). Strukturno-sintaksicheskie osobennosti zagolovkov statej o koronaviruse = Structural-Syntactic Features of Headlines in Articles About the Coronavirus. *Bulletin of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*, *20*(4), 139–151.

19. Yuzhakova, Yu. V., Polyakova, L. S., Suvorova, E. V. (2019). Pragmaticheskij aspekt zagolovkov angloyazychnyh mediatekstov = The pragmatic aspect of headlines in English-language media texts. *Baltic Humanitarian Journal*, *8*(1[26]), 181–184. EDN PIYKQS.

20. Cauchard, F., et al. (2010). Visual Signals Vertically Extend the Perceptual Span in Searching a Text: A Gaze-Contingent Window Study. *Discourse Processes*, *47*(8), 617–640.

21. Hyönä, J., Lorch, R. F. Jr. (2004). Effects of Topic Headings on Text Processing: Evidence from Adult Readers’ Eye Fixation Patterns. *Learning and Instruction*, *14*(2), 131–152.

22. Lemarié, J., Lorch, R. Jr., Péry-Woodley, M. (2012). Understanding How Headings Influence Text Processing. *Discours*, *10*, 1–22.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.411.21'367.625+81'25+297.18
ББК Ш161-21+Ш118+Э38-21,01 *ГРНТИ 16.31.41* *Код ВАК 5.9.8*

Ахмед Ахмед Ахмед Абдельрахман Енани
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, sitara12@mail.ru

Семантико-прагматические девиации и проблема смысловых потерь при передаче функционального потенциала арабских глагольных дериватов (на материале сур «Аль-Кариа» и «Марьям»)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена актуальной проблеме переводческой эквивалентности при передаче семантико-прагматического потенциала арабских глагольных дериватов (производных пород и причастий) на русский язык. В центре внимания исследования — феномен девиаций в интерпретации функциональной нагрузки глагольных дериватов, возникающих при их лексикографическом описании и переводе. Цель работы — выявление типов смысловых потерь, обусловленных расхождением между грамматической семантикой единиц и их реальной прагматической реализацией в кораническом дискурсе. Основным материалом для исследования послужили аутентичные тексты Корана на арабском языке (суры 101 и 19) и их переводы на русский язык (И. Ю. Крачковского и М.-Н. Османова). В качестве дополнительного материала привлекались данные лексикографических источников и двуязычных словарей. Теоретическую основу работы составили труды отечественных и зарубежных специалистов в области теории перевода, сопоставительной морфологии арабского и русского языков, а также исследования, посвященные проблемам переводческой эквивалентности, межкультурной коммуникации и передачи грамматических значений при переводе. Методологическую базу составили методы компонентного, контрастивного и прагмасемантического анализа на материале аутентичных текстов и переводов. Научная новизна заключается в систематизации семантико-прагматических девиаций арабских глагольных дериватов как самостоятельного типа переводческих трудностей. Результаты демонстрируют, что доминирующая стратегия упрощенной корреляции дериватов с русскими видо-временными формами или приставочными глаголами приводит к значительным прагматическим потерям: нейтрализации субъектно-объектных отношений, элиминации оценочных коннотаций и нивелированию модусных смыслов. В статье доказывается, что преодоление девиаций требует отказа от формального подхода и внедрения моделей функционально-динамического перевода, учитывающих коммуникативную интенцию говорящего. Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения ее выводов в практике преподавания арабского языка, теории перевода и составлении двуязычных словарей нового типа.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *арабский язык, породы глагола, функциональный потенциал, семантико-прагматические девиации, смысловые потери, арабские глаголы, Коран, суры, прагматическая эквивалентность, языковая картина мира, переводоведение, русский перевод.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ахмед Ахмед Ахмед Абдельрахман Енани, соискатель кафедры иностранных языков, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: sitara12@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Енани, А. А. А. А.* Семантико-прагматические девиации и проблема смысловых потерь при передаче функционального потенциала арабских глагольных дериватов (на материале сур «Аль-Кариа» и «Марьям») / А. А. А. А. Енани. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 203-212.

Ahmed Ahmed Ahmed Abdelrahman Yenani
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, sitara12@mail.ru

Semantico-Pragmatic Deviations and the Problem of Semantic Loss in Rendering the Functional Potential of Arabic Verbal Derivatives (Based on the Surahs Al-Qari'a and Maryam)

ABSTRACT. *The article deals with the urgent problem of translation equivalence while conveying the semantico-pragmatic potential of Arabic verb derivatives (derived stems and participles) into Russian. The research focuses on the phenomenon of deviations in the interpretation of the functional load of verbal derivatives that occur during their lexicographic description and translation. The study aims to identify the types of semantic losses caused by the discrepancy between the grammatical semantics of units and their real pragmatic realization in the Quranic discourse. The major part of the practical research material encompasses authentic texts of Quran in Arabic (Surahs 101 and 19) and their translations into Russian (by I.Y. Krachkovsky and M.N. Osmanov). Data from lexicographic sources and bilingual dictionaries are used as additional material. The theoretical foundation of this study draws upon the works of domestic and foreign experts in the field of translation theory, comparative morphology of the Arabic and Russian languages, as well as research on the problems of translation equivalence, intercultural communication and the expression of grammatical meanings in translation. The methodological basis includes the methods of component, contrastive and pragmasemantic analysis on the material of source and target*

© Енани А. А. А. А., 2026

texts. The scientific novelty lies in the systematization of semantico-pragmatic deviations of Arabic verb derivatives as an independent type of translation difficulties. The results demonstrate that the dominant strategy of simplified correlation of derivatives with Russian tense-aspect forms or prefixed verbs leads to significant pragmatic losses: neutralization of subject-object relations, elimination of evaluative connotations and neutralization of modal meanings. The article proves that overcoming deviations requires abandoning the formal approach and introducing models of functional-dynamic translation that take into account the speaker's communicative intention. The practical significance of the study stems from the possibility of applying its conclusions in the practice of teaching Arabic, translation theory, and the compilation of bilingual dictionaries of a new type.

KEYWORDS: *Arabic language, verbal stems, functional potential, semantico-pragmatic deviations, semantic losses, Arabic verbs, Quran, Surahs, pragmatic equivalence, linguistic worldview, translation studies, Russian translation*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Ahmed Ahmed Ahmed Abdelrahman Yeni, External Doctoral Candidate / Applicant, Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Yenani A. A. A. A.* (2026). Semantico-Pragmatic Deviations and the Problem of Semantic Loss in Rendering the Functional Potential of Arabic Verbal Derivatives (Based on the Surahs Al-Qari'a and Maryam). In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 203-212. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации и расширения межкультурных контактов проблема достижения полноценной коммуникации между представителями разных лингвокультур приобретает особую остроту. Как справедливо отмечает Е. В. Родионова, в процессе межкультурной коммуникации неизбежно возникают языковые, речевые и культурные барьеры, наиболее рельефно проявляющиеся в сфере внешнеэкономической деятельности и требующие системного научного поиска путей их преодоления [Родионова 2017: 192–196]. Одним из ключевых факторов успешности коммуникации является адекватное восприятие речевых жанров, однако, как показывает Ф. С. Бацевич, коммуникативные девиации могут возникать даже в кооперативном общении, что актуализирует изучение условий успешности построения и интерпретации высказываний с учетом нелингвистических составляющих [Бацевич 2014: 21].

Особую сложность для теории и практики перевода представляет передача единиц, укорененных в религиозно-культурной традиции исходного языка. В работах, посвященных переводу коранических реалий, Х. Д. Магсуси, Р. А. Аль-Фоади и Н. Г. Мингазова выделяют основные типы безэквивалентной лексики (номинативные, идафные, масдарные и глагольные реалии) и демонстрируют, что переводчик вынужден прибегать к грамматическим трансформациям и описательным средствам для сохранения прагматической и семантической эквивалентности сакральных понятий [Магсуси, Аль-Фоади, Мингазова 2025: 64–70]. Близкую проблематику затрагивают Р. А. Аль-Фоади, В. Н. Зарытовская и Р. Х. Аль-Рознамачи, которые подчеркивают роль словообразовательной мотивации в достижении переводческой эквивалентности на материале русско-арабских соответствий, особенно в отраслевой (технической, медицинской) лексике [Аль-Фоади, Зарытовская, Аль-Рознамачи 2021: 652–668]. Вопросы передачи идиоматики священного текста рассматриваются в хрестоматии Р. Р. Закирова, где проводится сравнительный анализ способов перевода фразеологических единиц Корана на русский язык [Закиров 2020]. Кроме того, на материале русско-арабской языковой комбинации В. В. Балабин анализирует трансформационные модели перевода залоговых конструкций, акцентируя необходимость преодоления интерференции норм исходного языка [Балабин 2023: 399].

Несмотря на значительное число работ, посвященных частным аспектам перевода с арабского языка на русский, системное исследование семантико-прагматических девиаций, возникающих при передаче функционального потенциала одной из центральных категорий арабского словообразования — глагольных пород (производных основ), — до настоящего времени не проводилось. Арабские породы не только изменяют залоговую и видовую семантику, но и вносят широкий спектр прагматических оттенков (интенсивность, каузативность, совместность, возвратность и др.), которые при переводе часто нивелируются или заменяются лексическими средствами, что ведет к смысловым потерям.

Настоящее исследование опирается на теоретические положения отечественного и зарубежного переводоведения, лингвистики текста, теории межкультурной коммуникации и сопоставительной лингвистики. Теоретико-методологическую базу работы составили следующие концепции и подходы.

Основополагающее значение для работы имеют классические труды Л. С. Бархударова, в которых разработаны понятия переводческой эквивалентности, трансформаций и типов межъязыковых соответствий. Его

работа «Язык и перевод» задают системный подход к анализу процесса перевода как сложного межъязыкового преобразования, что является ключевым для понимания механизмов возникновения семантико-прагматических девиаций [Бархударов 1975].

Важной теоретической опорой выступают исследования С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», в которых детально разработана типология реалий и предложены способы их передачи в переводе. Данный аппарат позволяет классифицировать семантические потери, возникающие при передаче специфических значений арабских глагольных пород, не имеющих прямых грамматических аналогов в русском языке [Влахов, Флорин 1980].

В работе используются идеи Г. Г. Почепцова о сохранении индивидуального своеобразия подлинника при переводе [Почепцов 1998]. Данный подход фокусируется на прагматическом и стилистическом аспектах перевода, что непосредственно соотносится с понятием «прагматических девиаций», вынесенным в заголовок статьи.

Значительное место в теоретической базе занимают работы, посвященные специфике перевода с русского на арабский язык и обратно. И. Ф. Макарем на материале поэзии С. Есенина рассматривает проблему передачи российских реалий на арабский язык, что дает ценный материал для понимания асимметрии культурно-маркированных единиц в русско-арабской языковой комбинации [Макарем 2021: 17]. Ф. А. Аджлан анализирует проблемы перевода медицинской лексики с русского на арабский язык, выявляя общие закономерности передачи терминологии в условиях межъязыковой асимметрии [Аджлан 2025: 49].

Работа А. Ш. Таировой, посвященная проблемам перевода идиом и поговорок в арабском языке, позволяет учитывать культурную специфику арабских фразеологических единиц и риски их десемантизации при переводе [Таирова 2025: 143]. Данный подход важен для понимания того, насколько функциональный потенциал арабских пород может быть связан с идиоматическими контекстами их употребления.

П. М. Бармина в работе о переводах арабских трактатов Сухраварди поднимает проблемы передачи суфийской терминологии на европейские и русский языки, что непосредственно релевантно для исследования коранических текстов, насыщенных уникальной религиозно-философской семантикой [Бармина 2024: 393–401]. Е. В. Середина разрабатывает проблематику передачи интертекстуальных фигур при переводе с арабского на русский и английский языки, что позволяет учитывать котекстуальные и интертекстуальные связи арабских пород внутри священного текста [Почепцов 1998: 135–142].

Теоретической базой также послужили работа А. А. Логачевой, в которой предложен сопоставительный подход к анализу инфинитивных конструкций в русском и арабском языках [Логачева 2023]; исследование Л. С. Тюревой, раскрывающее семантику производных пород арабских глаголов и явление полисемантичности основы [Тюрева 2020].

Таким образом, комплексное применение перечисленных теоретических трудов позволяет создать многоаспектную аналитическую рамку для выявления, описания и классификации семантико-прагматических девиаций при передаче функционального потенциала арабских пород в русских переводах Корана.

Для достижения поставленной цели и решения задач, связанных с выявлением семантико-прагматических девиаций и смысловых потерь при передаче функционального потенциала арабских глагольных пород, в работе использовался комплекс общенаучных и специальных лингвистических методов.

Сопоставительно-типологический метод позволил провести системное сравнение грамматических и семантических характеристик арабских глагольных дериватов и их русских переводческих соответствий с учетом типологических различий между арабским и русским языками.

Метод компонентного анализа применялся для выявления семантических составляющих значений арабских дериватов (интенсивность, каузативность, возвратность, совместность действия и др.) и их сохранения / утраты в русских переводах.

Метод прагматического анализа использовался для оценки степени передачи прагматических оттенков (эмоционально-экспрессивных, оценочных, стилистических), заложенных в арабских производных глаголах, а также для выявления коммуникативных девиаций.

Метод трансформационного анализа позволил описать грамматические и лексико-грамматические трансформации, к которым прибегают переводчики для компенсации межъязыковых различий.

Описательный метод применялся при классификации выявленных семантико-прагматических девиаций и систематизации полученных результатов.

Материалом исследования послужили арабские глагольные формы (породы), из-

влеченные методом сплошной выборки из текста Священного Корана, а также их русские переводческие эквиваленты, представленные в двух переводах.

Перевод И. Ю. Крачковского — как один из первых научных переводов Корана на русский язык, ориентированный на максимальную близость к арабскому оригиналу и передачу грамматических структур [Крачковский 1990].

Перевод М.-Н. Османова — более поздний перевод, стремящийся к адаптации для русскоязычного читателя с учетом современных норм русского литературного языка и традиций мусульманской экзегетики [Османов 1999].

В ходе исследования были проанализированы контексты употребления арабских глагольных пород в сурах 101 и 19 Корана. Выборка охватывает основные семантические типы пород: каузативные, рефлексивные, реципрокные, интенсивные, а также породы со значением пассивности. Дополнительно привлекался лексический и фразеологический материал из хрестоматии Р. Р. Закирова [Закиров 2020], посвященной способам передачи коранической фразеологии.

Единицами анализа являются: арабский глагол в контексте аята; соответствующий фрагмент русского перевода (И. Ю. Крачковского и М.-Н. Османова); семантико-прагматические сдвиги (девиации) между оригиналом и переводом; установленные смысловые потер.

Процедура исследования включала следующие этапы: идентификация арабской глагольной породы в оригинальном тексте; определение ее словарного и контекстуального семантико-прагматического потенциала (с опорой на данные арабских толковых словарей); сопоставление с русскими переводческими соответствиями в двух версиях перевода; выявление девиаций и классификация смысловых потерь по типам; количественный и качественный анализ полученных данных; формулирование рекомендаций по минимизации смысловых потерь при передаче функционального потенциала арабских пород.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

В работе проанализированы сура 101 «Аль-Кариа» и сура 19 «Марьям». Перейдем к анализу аятов суры 101, а именно к ее четвертому и пятому аятам.

Аят 4: يَوْمَ يَكُونُ النَّاسُ كَالْفَرَاشِ الْمَبْثُوثِ — Yawma yakūnu n-nāsu ka-l-farāshi l-mabthūth[1]

Аят 5: وَتَكُونُ الْجِبَالُ كَالْعِهْنِ الْمَنْفُوشِ — Wa-takūnu l-jibālu ka-l-ʿihni l-manfūsh

Согласно переводу И. Ю. Крачковского: «*В тот день, как люди* ***будут****, как* ***разогнанные*** *мотыльки, и будут горы, как* ***расщипанная*** *шерсть*» [Крачковский 1990: 506].

М.-Н. Османов дает следующую трактовку: «[Это случится] ***в тот день, когда будут рассеяны*** *люди,* ***словно мотыльки****, когда* ***станут*** *горы [мягкими], словно* ***шерсть расчесанная»*** [Османов 1999: 613].

В настоящем фрагменте исследования рассматриваются особенности передачи арабских глагольных форм и пассивных причастий на русский язык на материале аятов 4 и 5 суры 101 «Аль-Кариа». Выбор материала обусловлен наличием в данных аятах лексико-грамматических конструкций, выражающих эсхатологическую трансформацию объектов (человек и горы).

В арабском оригинале в обоих аятах употреблен глагол I يَكُونُ / تَكُونُ (yakūnu / takūnu) в форме имперфекта (настоящее-будущее время). Согласно «Арабско-русскому словарю» Х. К. Баранова, كَانَ имеет следующие основные значения: 1) «быть, существовать, иметься»; 2) «совершаться, происходить»; 3) употребляется как вспомогательный глагол для образования сложных времен[2]. В контексте аятов 4–5 суры 101 «аль-Кариа» данный глагол реализует экзистенциальную и переходную (становленческую) семантику, что создает основу для разночтений в русских переводах: от статичного «будут» (И. Ю. Крачковский) до инхоативного «станут» (М. -Н. Османов).

В стратегии И. Ю. Крачковского применяется формально-синтаксический буквализм (сохранение статальной семантики глагола yakūnu). Глагол переведен как «будут» — экзистенциальная статичная форма, фиксирующая состояние объекта во временной перспективе без указания на характер изменения. Данный выбор соответствует словарной дефиниции I породы, но не эксплицирует контекстуальную динамику эсхатологического преображения.

В модели М.-Н. Османова использован описательный оборот с элементами инхоа-

[1] Арабский текст Корана цитируется по электронной версии на Quran.com: Коран : [араб. текст]. — URL: https://quran.com (дата обращения: 30.04.2026).

[2] Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов / под ред. Х. К. Баранова. — М.: Русский язык, 1976. — URL: https://example.com/baranov.pdf (дата обращения: 14.05.2026).

тивности («будут рассеяны», «станут»), где предикативность усиливается за счет краткого причастия. В аяте 5 применен глагол «станут», обладающий в русской аспектологии инхоативным значением (обозначение начала нового состояния или перехода в него). Таким образом, семантика трансформации, имплицитно присутствующая в эсхатологическом контексте оригинала, получает в переводе М.-Н. Османова морфолого-синтаксическое выражение. Префиксация («превратятся» в широком смысле) в данном случае выступает средством аспектуальной актуализации.

При переводе аятов 4–5 суры 101 «Аль-Қариа» выявляется ключевое расхождение между грамматической семантикой I породы kāna (нейтральное бытие/существование) и ее реальной прагматической реализацией в эсхатологическом дискурсе (необратимая катастрофическая трансформация). У И. Ю. Крачковского («будут») происходит утрата прагматической интенсивности и редукция динамического компонента. Глагол сохраняет формальную экзистенциальность, но происходит утрата экспрессивного контраста между нейтральной семантикой глагола I породы kāna и образной гиперболизацией эсхатологической трансформации. В переводе М.-Н. Османова («будут рассеяны», «станут»), напротив, наблюдается семантическая избыточность. Инхоативное значение вводится там, где в оригинале оно отсутствует на уровне грамматики породы, а существует лишь как контекстуально обусловленное значение. При этом оригинальная референциальная неопределенность (статика / динамика) утрачивается полностью.

Таким образом, на примере I породы kāna в эсхатологическом контексте демонстрируется, что семантические потери при переводе обусловлены не столько отсутствием эквивалента, сколько несовпадением между породной грамматикой в арабском языке и обязательным грамматическим выбором (аспектуальность / предикативность) в языке перевода.

Далее рассмотрим пассивные причастия в данных аятах.

Аят 4: يَوْمَ يَكُونُ النَّاسُ كَالْفَرَاشِ الْمَبْثُوثِ — Yawma yakūnu n-nāsu ka-l-farāshi l-mabthūth

Причастие: الْمَبْثُوثِ (al-mabthūth — «рассеянный», «разогнанный»).

Начальная форма (I порода, пассивное причастие): مَبْثُوثٌ (mabthūthun)

Производящий глагол (начальная форма): بَثَّ (baththa — «рассеивать», «разбрасывать», «распространять»).

Для причастия الْمَبْثُوثِ в арабско-русском словаре зафиксированы следующие оттенки значений производящего глагола بَثَّ: *рассеивать, распространять, разбрасывать, рассылать*[1]. Соответственно, само причастие مَبْثُوثٌ приобретает в контексте суры 101 значение “рассеянные”, “разогнанные” (о людях в Судный день).

Аят 5: وَتَكُونُ الْجِبَالُ كَالْعِهْنِ الْمَنْفُوشِ — Wa-takūnu l-jibālu ka-l-ʿihni l-manfūsh

Причастие: الْمَنْفُوشِ (al-manfūsh — «расчёсанный», «расщипанный», «распушённый»)

Начальная форма (I порода, пассивное причастие): مَنْفُوشٌ (manfūshun).

Производящий глагол (начальная форма): نَفَشَ (nafasha — «чесать (шерсть)», «распушать», «разрыхлять»).

Для причастия الْمَنْفُوشِ (al-manfūsh) в арабско-русском словаре Х. К. Баранова зафиксированы следующие оттенки значений производящего глагола نَفَشَ:

نَفَشَ (I порода, масдар نَفْشٌ): чесать, расчёсывать, щипать (шерсть, хлопок); топорщить, ерошить (перья — о птице); щетинить (шерсть — о кошке); набухать, вздуваться.[2]

Соответственно, пассивное причастие مَنْفُوشٌ (жен. مَنْفُوشَةٌ) приобретает значение «расчёсанный», «распушённый», «разрыхлённый», «взбитый» (о шерсти, волокне). В контексте суры 101 (аят 5) данный образ передает состояние гор в Судный день, которые утрачивают твердость и превращаются в рыхлую, легкую массу.

В аятах представлены два пассивных причастия I породы: al-mabthūth («рассеянный», «разогнанный») и al-manfūsh («расчёсанный», «расщипанный»), оба образованы от глагольных корней с семантикой дисперсии и деструкции плотной структуры.

Как зафиксировано в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, глагол *разогнать* имеет значение «*гоня, заставить разойтись, разбежаться*» [Ожегов 2014: 612]. Соответственно, причастие *разогнанные* (перевод И. Ю. Крачковского) акцентирует принудительный, внешне обусловленный характер движения людей в Судный день. В свою очередь, глагол *рассеять* определяется С. И. Ожеговым как «*разогнать в разные стороны, заставить разбежаться*» [Ожегов 2014: 654], что делает перевод М.-Н. Османова («рассеяны») семантически близким, но с иным акцентом — на пространственную рассредоточенность людской массы.

Следовательно, выбор лексемы «разогнанные» у И. Ю. Крачковского акцентирует

[1] Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов / под ред. Х. К. Баранова. — М.: Русский язык, 1976. — URL: https://example.com/baranov.pdf (дата обращения: 14.05.2026).

[2] Там же

принудительный, внешне обусловленный характер движения людей в Судный день (семантика принуждения и панического бегства). Употребление лексемы «рассеяны» у М.-Н. Османова смещает акцент на пространственную дисперсию и отсутствие единства, что подчеркивает хаотичность и дезорганизованность людской массы. Обе лексемы в русском языке обладают семантической близостью, однако первая содержит дополнительный оттенок принуждения («гнать, заставить разбежаться»), вторая — оттенок спонтанного или естественного распространения в пространстве.

Префикс *раз-/рас-* в обоих переводах выступает средством передачи арабской семантики рассеивания, отделения, движения от центра к периферии. В русском языке данный префикс маркирует *разделение* и *распад*, что полностью коррелирует с корневой семантикой арабского материала. Корень B-TH-TH (распространение, рассыпание) и корень N-F-SH (распушение, разволокнение).

Обратимся к «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова для установления лексической точности передачи исходного образа (шерсть / волокно).

Глагол «расщипать» (совершенный вид) определяется как «*щипками разделить на части*» [Ожегов 2014: 1002]. Ключевыми семами данного глагола являются механическое дробление, отделение кусков, отсутствие требования к ориентации волокон. В результате объект утрачивает связность, приобретая комковатую, рваную структуру.

Лексическая единица «расчесать» (совершенный вид) трактуется следующим образом: «*расправить, разгладить, разровнять гребнем*»; второе значение — «*повредить чесанием*» [Ожегов 2014: 1000]. Основные семы включают инструментальность («гребнем»), параллелизацию волокон, устранение спутанности, придание гладкости и однонаправленной текстуры. Следовательно, объект становится тонким, распущенным, но не рваным, а структурированным.

Рассмотрим лексическое различие в передаче образа al-manfūsh.

Вариант «расщипанная» (в переводе И. Ю. Крачковского) передает факт разрушения целостности посредством щипков. Такое решение соответствует радикальному изменению формы, однако вносит нежелательную коннотацию отрывистости и фрагментарности (хаотичные куски), что для образа гор, становящихся «подобными расчесанной шерсти» (Коран, 101:5), является избыточно деструктивным.

М.-Н. Османов в переводе использует «расчесанная», что передает технологическую процедуру обработки волокна (льна, шерсти) с помощью гребня. Арабский корень n-f-sh в контексте данного аята акцентирует не грубый разрыв, а тонкое расслоение исходной массы на параллельные, легкие, парящие нити. Семантически «чесание» точнее отражает сохранение общей протяженности волокон при утрате плотности и связности.

Оба перевода лексически обоснованы и фиксируются словарем С. И. Ожегова как относящиеся к области обработки волокнистых материалов. Однако, на наш взгляд, с позиции точности передачи исходного образа, учитывающей не только дезинтеграцию (префикс рас-), но и способ организации разрушенной материи, предпочтительным является вариант М.-Н. Османова «расчесанная». «Расщипать» реализует семантику «оторвать кусок», что не соответствует легкой, воздушной текстуре al-manfūsh, в то время как «расчесать» имплицирует профессиональное действие гребнем, создающее упорядоченное волокнистое состояние, что является более релевантной когнитивной метафорой для коранического эсхатологического образа.

Таким образом, с опорой на дефиниции С. И. Ожегова, выбор М.-Н. Османова является лексически мотивированным для передачи al-manfūsh именно как технологического термина, а не разрушительного действия.

Обратимся к суре «Марьям», аяту 16.

وَاذْكُرْ فِي الْكِتَابِ مَرْيَمَ إِذِ انْتَبَذَتْ مِنْ أَهْلِهَا مَكَانًا شَرْقِيًّا — Wa-dhkur fī l-kitābi Maryama ’idhi ntabadhat min ’ahlihā makānan sharqiyyā.

В кораническом тексте встречаются два глагола اذْكُرْ (udhkur) в повелительном наклонении I породы (dhakara — помнить, упоминать) и انْتَبَذَتْ (intabadhat) в форме прошедшего времени VIII породы (nabadha).

И. Ю. Крачковский передает смысл данного аята: «*И **вспомни** в писании от Марйам. Вот она **удалилась** от своей семьи в место восточное*» [Крачковский 1990: 252].

М.-Н. Османов так транслирует данный аят: «***Помяни*** [, Мухаммад,] *в Писании* (т. е. Коране) *Марйам, о том, как она **удалилась** от родных своих в место, что в восточной находилось стороне*» [Османов 1999: 319].

Согласно «Арабско-русскому словарю» Х. К. Баранова, глагол ذَكَرَ (I порода) имеет следующие значения: *упоминать, называть, приводить, рассказывать, помнить, вспоминать; восхвалять, славословить*

(многократно повторяя имя Аллаха); *участвовать в зикре* [1].

И. Ю. Крачковский использует русский глагол «вспомни», где префикс вс- придает значение восстановления в памяти («возобновить в своей памяти») [Ожегов 2014: 69]. М.-Н. Османов выбирает «помяни», где префикс *по-* вносит сакральный оттенок («сохранять, удерживать в памяти, не забывать») [Ожегов 2014: 842].

Следовательно, ближе к буквальному значению арабского udhkur («упомяни / вспомни») находится перевод И. Ю. Крачковского, так как он передает общеязыковой оттенок восстановления факта в памяти без дополнительной сакральной нагрузки. Перевод М.-Н. Османова («помяни») добавляет контекстуально оправданный, но отсутствующий в корне арабского глагола религиозно-ритуальный оттенок.

В обоих переводах не эксплицируется тот факт, что глагол udhkur обращен напрямую к пророку Мухаммаду, хотя это следует из арабского контекста. VIII порода (интабадхат) указывает на активное, осознанное отделение героини (Марьям) от семьи, что в русских переводах нивелируется нейтральным «удалилась» И. Ю. Крачковского и «удалилась» М. Н. Османова. «Восточное место» (makānan sharqiyyā) в исламской экзегезе нередко связывается с местом поклонения или особым благословением, что в переводах остается лишь географической пометой.

Таким образом, проведенный анализ показал, что перевод И. Ю. Крачковского демонстрирует более высокую степень лексической эквивалентности в отношении глагола اذْكُرْ; однако грамматическое значение VIII породы и символический подтекст пространственного маркера не находят полного отражения в переводах обоих авторов, что указывает на необходимость разработки специальных переводческих стратегий для коранических аятов, содержащих производные глагольные породы.

Следующий глагол انْتَبَذَتْ (intabadhat) представляет собой форму прошедшего времени VIII породы от корня nabadha. В арабском языке VIII порода выражает действие, совершаемое субъектом в своих интересах, часто с оттенком самоличного решения, возвратности или осознанной направленности действия на себя.

Согласно «Арабско-русскому словарю» Х. К. Баранова, корень نَبَذَ (I порода) имеет следующие значения: 1) бросать, отбрасывать; 2) отвергать; оставлять (что-либо); отказываться (от чего-л.); не соглашаться (на что-л.); الطاعة ~ — восставать, ослушиваться, не повиноваться; العهد ~ — нарушить обещание; 3) делать вино (преимущественно из фиников)[2]. При образовании VIII породы (انْتَبَذَ) семантика обогащается возвратно-средним компонентом: субъект совершает действие для себя, по собственной инициативе, отделяясь или устраняясь от чего-либо.

Оба переводчика — И. Ю. Крачковский и М.-Н. Османов — используют русский глагол «удалилась». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова данный глагол определяется следующим образом: 1) *отдалиться, отойти на какое-нибудь расстояние*; 2) *уйти откуда-нибудь, направиться куда-нибудь* [Ожегов 2014: 1232]. Как видно, русский глагол фиксирует лишь пространственное перемещение и не передает возвратность, оттенок самоличного решения, активную волю субъекта, заложенные в арабской VIII породе.

В обоих анализируемых переводах (И. Ю. Крачковского и М.-Н. Османова) глагол intabadhat передан лексической единицей «удалилась», что не отражает грамматической специфики арабской VIII породы. Как было отмечено, VIII порода указывает на то, что действие совершается субъектом в отношении самого себя (субъект сам отделяет себя от семьи), тогда как русское «удалилась» описывает лишь факт перемещения без указания на характер связи между субъектом и действием. В арабском глаголе имплицирована активная воля субъекта, самостоятельный выбор. Русский глагол «удалилась» семантически нейтрален и не передает этого прагматического компонента. VIII порода в арабском языке несет системное грамматическое значение, которое в русском языке не имеет прямых морфологических коррелятов. Выбор нейтрального «удалилась» свидетельствует об отказе от поиска компенсаторных стратегий (возможные варианты: «отделилась по собственному желанию», «ушла в уединение»).

Таким образом, при внешнем лексическом соответствии перевода происходит семантическое упрощение оригинала, что снижает точность передачи коранического текста в целом.

[1] Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов / под ред. Х. К. Баранова. — М.: Русский язык, 1976. — URL: https://example.com/baranov.pdf (дата обращения: 14.05.2026).

[2] Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов / под ред. Х. К. Баранова. — М.: Русский язык, 1976. — URL: https://example.com/baranov.pdf (дата обращения: 14.05.2026).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный сопоставительный анализ переводов аятов суры 101 «Аль-Кариа» (аяты 4–5) и суры 19 «Марйям» (аят 16), выполненных И. Ю. Крачковским и М.-Н. Османовым, позволил выявить системные закономерности в передаче лексико-грамматических особенностей коранического оригинала на русский язык.

В отношении глагола kāna (I порода) в эсхатологическом контексте суры «аль-Кариа» установлено, что перевод И. Ю. Крачковского («будут») характеризуется формальным буквализмом. Экзистенциальная семантика глагола сохранена, однако утрачена контекстуальная динамика необратимой катастрофической трансформации. Напротив, перевод М.-Н. Османова («будут рассеяны», «станут») вводит инхоативный оттенок, отсутствующий на уровне породной грамматики арабского глагола, что создает эффект семантической избыточности. Таким образом, ключевое расхождение между переводческими стратегиями обусловлено не отсутствием эквивалента в русском языке, а необходимостью аспектуального выбора, которого требует русская грамматика, но который остается референциально неопределенным в арабском оригинале.

Анализ передачи пассивных причастий al-mabthūth и al-manfūsh в тех же аятах показал, что оба переводчика используют русский префикс *раз-/рас-* для маркирования семантики дисперсии и деструкции целостности. Однако в случае с причастием al-manfūsh выявлено лексическое расхождение. Перевод И. Ю. Крачковского («расщипанная») акцентирует механическое дробление и отрывистость, тогда как вариант М.-Н. Османова («расчесанная») передает технологическую процедуру гребенного чесания, что в большей степени соответствует кораническому образу *гор*, превращающихся в легкую, структурированную волокнистую массу, а не в хаотичные фрагменты.

При обращении к суре «Марйям» (аят 16) установлено, что в передаче глагола I породы udhkur («вспомни» / «помяни») перевод И. Ю. Крачковского демонстрирует более высокую степень лексической эквивалентности, поскольку сохраняет общеязыковое значение восстановления в памяти без привнесения сакральной коннотации, которая появляется у М.-Н. Османова («помяни»). Однако в переводах И. Ю. Крачковского и М.-Н. Османова фиксируются расхождения при передаче грамматики производных пород. Глагол VIII породы intabadhat передан в обоих случаях нейтральным «удалилась», что ведет к редукции возвратного значения (действие субъекта в отношении самого себя), утрате оттенка самоличного решения (активной воли субъекта) и компрессии породной семантики, не имеющей прямых морфологических коррелятов в русском языке.

Обобщая результаты, можно заключить следующее. Перевод И. Ю. Крачковского тяготеет к формально-синтаксическому буквализму, что обеспечивает лексическую точность в нейтральных контекстах (глагол I породы udhkur), но ведет к семантической редукции при передаче контекстуально обусловленной динамики (глагол kāna в эсхатологическом дискурсе) и грамматически маркированных арабских пород (VIII порода intabadhat). Трактовка М.-Н. Османова, напротив, демонстрирует стремление к прагматической адаптации и инхоативной актуализации, что в одних случаях создает семантическую избыточность (глагол kāna), в других — позволяет точнее передать технологический образ (al-manfūsh), но не решает проблемы с передачей породной семантики VIII породы.

Результаты проведенного исследования выявили следующие потери.

Утрата значения процесса при переводе глагола I породы kāna в эсхатологическом контексте. Нейтрализация семантики производной породы (на примере VIII породы intabadhat) — потеря возвратного значения, оттенка самоличного решения и активной воли субъекта, замещенных нейтральным пространственным перемещением («удалилась»). Лексическая избыточность / неточность при передаче пассивного причастия al-manfūsh. Вариант «расщипанная» вводит нежелательную коннотацию хаотичной фрагментарности, что не соответствует образной структуре оригинала.

Нивелирование символического значения пространственного маркера makānan sharqiyyā («восточное место»), сведенного в обоих переводах к географической локализации при утрате его экзегетического (сакрально-символического) измерения.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что основные переводческие потери при передаче коранического текста на русский язык связаны не столько с отсутствием лексических эквивалентов, сколько с несовпадением грамматических систем. Арабская глагольная породная семантика и контекстуально обусловленная динамика не находят регулярных способов выражения в русской аспектуально-предикативной системе, что требует разработки способов восполнения смысловых потерь при переводе аятов, содержащих производные глагольные породы и эсхатологическую образность.

ИСТОЧНИКИ

1. Крачковский, И. Ю. Коран / И. Ю. Крачковский. — Москва : Наука, 1990. — 727 с.

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. — Москва : Мир и образование, 2014. — 1376 с.

3. Османов, М.-Н. Коран / М.-Н. Османов. — Москва : Ладомир, 1999. — 928 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аджлан, Ф. А. Некоторые проблемы перевода медицинской лексики с русского на арабский язык / Ф. А. Аджлан // Universum: филология и искусствоведение. — 2025. — № 4-1(130). — С. 48–51. — EDN ROBGBJ.

2. Аль-Фоади, Р. А. Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности / Р. А. Аль-Фоади, В. Н. Зарытовская, Р. Х. Аль-Рознамачи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 652–668. — DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668. — EDN RNNQZG.

3. Балабин, В. В. К вопросу о переводимости залоговых конструкций в русско-арабской языковой комбинации / В. В. Балабин // Военно-гуманитарный альманах : материалы XVII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам языка и коммуникации, Москва, 30 июня 2023 года. — Москва: Военный университет, 2023. — С. 397–406. — EDN GARPGD.

4. Бармина, П. М. Проблемы перевода арабских трактатов Сухраварди на европейские и русский языки / П. М. Бармина // Языки и культуры в эпоху глобализации: особенности функционирования, перспективы развития и взаимодействия : альманах по материалам ежегодной межвузовской конференции с международным участием, Москва, 20—21 апреля 2023 года. — Москва : Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 2024. — С. 393–401. — EDN VRRIMZ.

5. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. — Москва : Международные отношения, 1975. — 240 с.

6. Бацевич, Ф. С. Коммуникативные девиации и условия успешности речевого жанра / Ф. С. Бацевич // Жанры речи. — 2014. — № 1-2(9-10). — С. 16–21. — EDN TIBWQX.

7. Влахов, С. П. Непереводимое в переводе / С. П. Влахов, С. И. Флорин. — Москва : Международные отношения, 1980. — 352 с.

8. Закиров, Р. Р. Способы передачи фразеологии Корана в переводах на русский язык : хрестоматия / Р. Р. Закиров. — Казань : ИД «МеДДоК», 2020. — 88 с. — ISBN 978-5-6045764-0-3. — EDN ETFFMI.

9. Логачева, А. А. Инфинитив в русском и арабском языках: сопоставительнаяхарактеристика / А. А. Логачева // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания в иностранной аудитории : Материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Орёл, 24 марта 2023 года. — Орёл : Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2023. — С. 250–259. — EDN NITKHK.

10. Магсуси, Х. Д. Структурно-грамматические особенности перевода коранических реалий / Х. Д. Магсуси, Р. А. Аль-Фоади, Н. Г. Мингазова // Вестник филологических наук. — 2025. — Т. 5, № 6. — С. 64–70. — EDN WZTKDX.

11. Макарем, И. Ф. Проблема перевода российских реалий в поэзии Сергея Есенина на арабский язык / И. Ф. Макарем // Современное есениноведение. — 2021. — № 1(56). — С. 17–21. — EDN WWLWGM.

12. Почепцов, Г. Г. Теория и практика коммуникации / Г. Г. Почепцов. — Москва : Центр, 1998. — 348 с. — ISBN 5-88860-034-2.

13. Родионова, Е. В. Языковые и культурные барьеры межкультурной коммуникации / Е. В. Родионова // Вестник Тульского государственного университета. Серия: Лингвистика и лингводидактика. — 2017. — № 3. — С. 192–196. — EDN YVDRED.

14. Середина, Е. В. Проблема передачи интертекстуальных фигур при переводе с арабского на русский и английский языки (на материале произведения Джохи Аль-Харти «Дамы Луны») / Е. В. Середина // Верхневолжский филологический вестник. — 2025. — № 4(43). — С. 135–142. — DOI 10.20323/2499-9679-2025-4-43-135. — EDN BEPMCK.

15. Таирова, А. Ш. Проблемы перевода идиом и поговорок в арабском языке / А. Ш. Таирова // Вопросы востоковедения. — 2025. — № 1. — С. 135–144. — DOI 10.52754/16948653_2025_1_21. — EDN PJXYHR.

16. Тюрева, Л. С. Семантика производных пород арабских глаголов и полисемантичность основы / Л. С. Тюрева // New World. New Language. New Thinking : Материалы III ежегод. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 5 февр. 2020 года. — Москва : Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. — С. 132–144. — EDN DEVCVQ.

17. Хрестоматия по переводоведению / сост. Л. И. Сидорова, В. И. Тхорик. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2004. — 346 с. — ISBN 5-8209-0299-8. — EDN QQUXGX.

MATERIALS

1. Krachkovskij, I. Yu. (1990). Koran. Moscow: Nauka, 727 p.

2. Ozhegov, S. I. (2014). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language (Ed. prof. L. I. Skvorcova). Moscow: Mir i Obrazovanie, 1376 p.

3. Osmanov, M.-N. (1999). Koran. Moscow: Ladomir, 928 p.

REFERENCES

1. Adzhlan, F. A. (2025). Nekotorye problemy perevoda medicinskoj leksiki s russkogo na arabskij yazyk = Some problems of translating medical vocabulary from Russian into Arabic. *Universum: Philology and Art Studies*, *4-1*(130), 48–51. EDN ROBGBJ.

2. Al'-Foadi, R. A., Zarytovskaya, V. N., Al'-Roznamachi, R. H. (2021). Slovoobrazovatel'naya motivaciya v russkom i arabskom yazykah i ee rol' v dostizhenii perevodcheskoj ekvivalentnosti = Word-formation motivation in Russian and Arabic and its role in achieving translation equivalence. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, *12*(3), 652–668. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668. EDN RNNQZG.

3. Balabin, V. V. (2023). K voprosu o perevodimosti zalogovyh konstrukcij v russko-arabskoj yazykovoj kombinacii = On the question of translatability of collateral constructions in the Russian-Arabic language combination. *Military-Humanitarian Almanac: proceedings of the XVII International Scientific Conference on Topical Issues of Language and Communication, Moscow, June 30, 2023*, 397–406. Moscow: Military University. EDN GARPGD.

4. Barmina, P. M. (2024). Problemy perevoda arabskih traktatov Suhravardi na evropejskie i russkij yazyki = Problems of translation of Arabic treatises of Suhrawardi into European and Russian languages. *Languages and cultures in the era of globalization: features of functioning, prospects for development and interaction: An almanac based on the materials of the annual interuniversity conference with international participation, Moscow, April 20-21, 2023*, 393–401. Moscow: P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. EDN VRRIMZ.

5. Barhudarov, L.S. (1975). Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) = Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya.

6. Bacevich, F. S. (2014). Kommunikativnye deviacii i usloviya uspeshnosti rechevogo zhanra = Communicative deviations and conditions of success of the speech genre. *Speech Genres*, *1-2*(9-10), 16–21. EDN TIBWQX.

7. Vlahov, S., Florin, S. (1980). Neperevodimoe v perevode = The untranslatable in translation. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 352 p.

8. Zakirov, R. R. (2020). Sposoby peredachi frazeologii Korana v perevodah na russkij yazyk = Ways of transmitting the phraseology of the Quran in translations into Russian. A textbook. Kazan: MeDDok Publishing House, 88 p. ISBN 978-5-6045764-0-3. EDN ETFFMI.

9. Logacheva, A. A. (2023). Infinitiv v russkom i arabskom yazykah: sopostavitel'naya harakteristika = Infinitive in Russian and Arabic: comparative characteristics. *Current Issues of the Russian Language and Methods of Teaching It to a Foreign Audience: Proceedings of the V International Scientific-Practical Conference, Oryol, March 24, 2023*, 250–259. Oryol: Turgenev Oryol State University. EDN NITKHK.

10. Magsusi, H. D., Al'-Foadi, R. A., Mingazova, N. G. (2025). Strukturno-grammaticheskie osobennosti perevoda koranicheskih realij = Structural and grammatical features of the translation of Quranic realities. *Bulletin of Philological Sciences*, *5*(6), 64–70. EDN WZTKDX.

11. Makarem, I. F. (2021). Problema perevoda rossijskih realij v poezii Sergeya Esenina na arabskij yazyk = The problem of translating Russian realities in Sergey Yesenin's poetry into Arabic. *Modern Yesenin Studies*, *1*(56), 17–21. EDN WWLWGM.

12. Pochepcov, G. G. (1998). Teoriya i praktika kommunikacii = Theory and practice of communication. Moscow, 348 p. ISBN 5-88860-034-2.

13. Rodionova, E. V. (2017). Yazykovye i kul'turnye bar'ery mezhkul'turnoj kommunikacii = Linguistic and cultural barriers of intercultural communication. *Tula State University Bulletin: Linguistics and Linguodidactics*, *3*, 192–196.

14. Seredina, E. V. (2025). Problema peredachi intertekstual'nyh figur pri perevode s arabskogo na russkij i anglijskij yazyki (na materiale proizvedeniya Dzhohi Al'-Harti \"Damy Luny\") = The problem of intertextual figures transfer when translating from Arabic into Russian and English (based on the material of the work of Johi Al-Harti “Ladies of the Moon”). *Upper Volga Philological Bulletin*, *4*(43), 135–142. DOI 10.20323/2499-9679-2025-4-43-135.

15. Tairova, A. Sh. (2025). Problemy perevoda idiom i pogovorok v arabskom yazyke = Problems of translation of idioms and sayings in Arabic. *Issues of Oriental Studies*, *1*, 135–144. DOI 10.52754/16948653_2025_1_21. EDN PJXYHR.

16. Tyureva, L. S. (2020). Semantika proizvodnyh porod arabskih glagolov i polisemantichnost' osnovy = Semantics of derived breeds of Arabic verbs and polysemantics of the base. *New World. New Language. New Thinking: Proceedings of the III Annual International Scientific-Practical Conference, Moscow, February 5, 2020*, 132–144. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. EDN DEVCVQ.

17. Sidorova, L. I., Thorik, V. I. (Comp.). (2004). Hrestomatiya po perevodovedeniyu = Anthology of translation studies. Krasnodar: Kuban St. Univ., 346 p. ISBN 5-8209-0299-8. EDN QQUXGX.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'23+81'27+81'246.2
ББК Ш100.3+Ш100.621+Ш102.2 *ГРНТИ 16.21.29* *Код ВАК 5.9.8*

Вероника Александровна Каменева[1]✉, Наталья Вадимовна Потапова[2]✉, Надежда Владимировна Рабкина[3]✉, Наталья Валентиновна Григорьева[4]✉

[1,2,3] Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
[1] russia_science@mail.ru✉, SPIN-код: 9659-7646, https://orcid.org/0000-0001-8146-9721
[2] nv_potapowa@mail.ru✉, SPIN-код: 2682-1146, https://orcid.org/0000-0001-7593-1713
[3] nrabkina@mail.ru✉, SPIN-код: 5166-3567, https://orcid.org/0000-0002-6623-6679
[4] Филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Прокопьевск, Россия, ngrigorn311@gmail.com✉, SPIN-код: 5936-7766, https://orcid.org/0000-0003-1491-4113

Особенности ассоциирования у билингвов: флаг своей страны как стимул направленного ассоциативного эксперимента с билингвами Индии и России через призму второго языка

АННОТАЦИЯ. *Цель статьи — выявить специфику ассоциирования у билингвов на неродном языке. В работе также соотнесены ассоциативные поля, составленные на материале ассоциативного эксперимента с национальными флагами стран в качестве стимула у студентов Индии и России. Исследование выполнено в рамках психолингвистики — актуального направления лингвистических исследований современности. В ассоциативном эксперименте приняли участие 62 студента из Индии и 62 российских студента. Индийским студентам в качестве стимула было предложено символьное изображение национального флага Индии, а российским — флага России. Условия эксперимента были ограничены языком реагирования и количеством ассоциатов. Для сбора и интерпретации данных в исследовании применялись методы анкетирования, направленного цепочечного психолингвистического эксперимента, семантического гештальта Ю. Н. Караулова. У русскоязычных билингвов не отмечено нарушение инструкции фиксировать ассоциаты на английском языке. Предположительно, непроизвольное переключение кода — переход на родной язык не фиксируется ввиду высокого уровня тормозного контроля. У хинди-английских билингвов, напротив, зафиксированы подобные «срывы» следования инструкции, когда отдельные реакции выдавались на родном языке. Данный факт свидетельствует о слабом торможении родного языка вследствие постоянного использования смеси хинди и английского в учебной и бытовой коммуникации. При предъявлении визуального стимула у обеих групп респондентов активируется культурная идентичность, вызывающая сильные эмоциональные реакции.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *билингвизм, билингвы, ассоциативный эксперимент, психолингвистика, национальная символика, переключение кодов, национальный флаг, российские студенты, индийские студенты*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин, Институт образования, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, email: russia_science@mail.ru.*

Потапова Наталья Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, email: nv_potapowa@mail.ru.

Рабкина Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, email: nrabkina@mail.ru.

Григорьева Наталья Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, г. Прокопьевск, Россия, email: ngrigorn311@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Каменева, В. А.* Особенности ассоциирования у билингвов: флаг своей страны как стимул направленного ассоциативного эксперимента с билингвами Индии и России через призму второго языка / В. А. Каменева, Н. В. Потапова, Н. В. Рабкина, Н. В. Григорьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 213-223.

Veronika A. Kameneva[1]✉, Natal′ya V. Potapova[2]✉, Nadezhda V. Rabkina[3]✉, Natal′ya V. Grigorieva[4]✉

[1,2,3] Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
[1] russia_science@mail.ru✉, SPIN code: 9659-7646, https://orcid.org/0000-0001-8146-9721
[2] nv_potapowa@mail.ru✉, SPIN code: 2682-1146, https://orcid.org/0000-0001-7593-1713
[3] nrabkina@mail.ru✉, SPIN code: 5166-3567, https://orcid.org/0000-0002-6623-6679
[4] Prokopyevsk Branch of Kuzbass State Technical University, Prokopyevsk, Russia, ngrigorn311@gmail.com✉, SPIN code: 5936-7766, https://orcid.org/0000-0003-1491-4113

© Каменева В. А., Потапова Н. В., Рабкина Н. В., Григорьева Н. В., 2026

Каменева В. А., Потапова Н. В., Рабкина Н. В., Григорьева Н. В. Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119). С. 213–223

A Specific Feature of Associative Thinking: The National Flag in Targeted Associative Experiments with Russian and Indian Bilinguals from the Second Language Perspective

ABSTRACT. *The aim of the article is to identify the specificity of associative thinking in bilinguals in a non-native language. The article also correlates the associative fields obtained through an associative experiment with national flags as a visual stimulus for Indian and Russian students. The study is carried out in the framework of psycholinguistics – a relevant area of contemporary linguistic research. The experiment involved 62 Indian students and 62 Russian students from Kemerovo State University. The students from India were given a symbolic image of India's national flag as a stimulus, while the Russian students were offered the image of the Russian flag. The experimental conditions were limited by the language of response and the number of associates. To collect and interpret data, the study uses the methods of questionnaire, directed chain psycholinguistic experiment, and Yu. N. Karaulov's semantic gestalt approach. The Russian-speaking bilinguals did not violate the instruction to express associations in English. The absence of involuntary code switching (the use of the native language) may be the result of the high level of inhibitory control. The Hindi-English bilinguals, on the contrary, failed to follow the instructions, often switching to their native language. This fact indicates a weak inhibition of the native language due to the habitual use of Hindi and English in academic and everyday communication. Therefore, the visual stimulus activated a sense of cultural identity in both groups, causing strong emotional response.*

KEYWORDS: *bilingualism, bilinguals, associative experiment, psycholinguistics, national symbols, code switching, national flag, Russian students, Indian students*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Kameneva Veronika Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Humanities, Institute of Education, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

Potapova Natal'ya Vadimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Rabkina Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation Studies and Linguistics, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Grigor'yeva Natal'ya Valentinovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines, Prokopyevsk Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Prokopyevsk, Russia.

FOR CITATION: *Kameneva V. A., Potapova N. V., Rabkina N. V., Grigorieva N. V*. (2026). A Specific Feature of Associative Thinking: The National Flag in Targeted Associative Experiments with Russian and Indian Bilinguals from the Second Language Perspective. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 213-223. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Символическая система определенного общества выступает ресурсом консолидации этого общества [Ковригина 2015]. Гербы и флаги воспринимаются как целостные поликодовые образы, не требующие интерпретации или разложения на составляющие [Максименко 2019]. Семиотический анализ символизма флагов тридцати стран показал, что каждая нация наделяет свой флаг особыми, цементирующими идентичность узнаваемыми смыслами, среди которых религиозные убеждения, культурные влияния, исторические события, география, экология, а также социальные, политические и экономические факторы [Shakeel 2023].

Флаг — это целостная комбинация цветов, форм и пространственных взаимоотношений на ткани. Примечательно, что флаг реализует свою смысловую полноту, только если он трехмерен: двухмерное изображение флага, например, на экране компьютера, будет его метонимией [Leone 2024].

Культурные символы, подобные флагам, представляют смыслы, разделяемые всеми членами данной общности. С этой позиции флаг — часть так называемого культурного капитала, то есть «активов» общества, включающих в себя ценности, убеждения, язык и культуру. Культурный капитал может использоваться как для стимуляции чувства принадлежности, так и для социальной и культурной изоляции [Wagner 2019].

Хотя национальные символы пронизывают большинство современных обществ, и государственная политика поощряет их демонстрацию, психологические и социальные последствия воздействия национальных символов на разные группы населения всё еще изучены недостаточно [Butz 2009]. Тем не менее присутствие национального флага подсознательно воздействует на политическое поведение [Hassin 2007]. Так, в одном немецко-американском опросе реципиенты были склонны более негативно высказываться по вопросу иммиграционной политики своих стран, если на анкете присутствовало изображение национального флага [Becker 2012]. В аналогичном эксперименте, проведенном в южных штатах США, присутствие флага конфедерации на анкете негативно

воздействовало на намерение реципиента-южанина голосовать за темнокожего президента [Ehrlinger 2010].

Манипуляции с флагом в ходе истории — не просто физический, а перформативный акт создания социального смысла, в котором символические представления стратегически деконструируются и реконструируются для передачи сложных политических и культурных противоречий внутри общества [Adler 2025]. Национальные флаги — невербальные выражения, визуальные артефакты, чье значение однозначно (они представляют нацию), а коннотации, наоборот, чрезвычайно разнообразны и могут меняться со временем [Leone 2024].

ИССЛЕДОВАННОСТЬ ПРОБЛЕМАТИКИ

В 2015 г. социологами был проведен ассоциативный эксперимент, включавший в себя визуальные стимулы в виде герба и флага России, а также аудиальный стимул — гимн страны. В 30 % случаев были получены ассоциации с административными органами, спортивными мероприятиями (25 %), праздниками (20 %) и брендами (10 %), а ассоциации историко-патриотического характера составили всего 15 %. «Возвышенные» эмоции указали 50 % опрошенных против 50 % «снисходительных», «негативных» и «безразличных». Авторы пришли к неутешительному выводу, что образы государственной символики настолько активно реплицируются в массовой культуре, что их транслируемое значение начинает кардинально расходиться с изначальным, отсюда утрата ценностных смыслов и размывание значимых образов. В результате, несмотря на универсальный, узнаваемый код этих символов, они перестают работать на уровне макросоциальной консолидации общества [Ковригина 2015]. В сравнительном ассоциативном эксперименте 2018 г. с тремя словами-стимулами — Россия, Великобритания и США — только стимул *США* вызвал ассоциацию с флагом [Тарасенко 2018].

В августе 2026 г. опрос ВЦИОМ показал, что ключевая вербальная ассоциация, вызываемая у россиян изображением флага своей страны, — гордость (41 %) (на втором месте — Родина и Отечество). У 82 % флаг России вызывает чувство гордости независимо от их политических убеждений, а для 84 % он является консолидирующим напоминаем об общем прошлом и будущем нации[1].

Изображение флага — визуальный стимул. В ассоциативных экспериментах визуальный стимул и вербальное наименование изображаемого предмета могут вызвать разные реакции, сигнализируя о неких глубинных герменевтических процессах. Так, в период коронавируса изображение короны вызывало совсем другие ассоциации, нежели аудиальный стимул *корона* [Конева 2022]. Визуальные стимулы часто используются в психолингвистических исследованиях, в которых требуется идентифицировать расхождение между смыслом, заложенным в изображение его создателями, и смыслом, который возникает в процессе его интерпретации аудиторией, или же противоречие между вербальным и невербальным компонентами реализованного текста, например, где требуется выявить нарушения рекламного законодательства [Никаева 2020].

Аналогичным образом наивная интерпретация смыслов, транслируемых национальным флагом, может противоречить интенции его создателей. В одном социопсихологическом исследовании ассоциативный эксперимент с гербами разных стран в качестве визуального символа был направлен на выявление чувства угрозы, связанного с восприятием образов оружия или хищных зверей (так называемые потенциально конфликтосодержащие геральдические символы). Он проводился среди иностранных студентов, которые подтвердили (87 %) гипотезу авторов о подсознательной интерпретации геральдического бестиария как источника опасности, даже если официальная трактовка анималистического элемента в геральдических энциклопедиях не была связана с агрессией [Максименко 2019].

В целом визуальные символы оказываются более эффективны для психофизиологических тестов (например, опроса на полиграфе), так как правополушарная латеризация встречается достаточно часто, а связана она с одномоментным, целостным восприятием: для респондента, испытывающего негативные эмоции в связи с узнаванием стимула, визуальный способ предъявления информации более эффективен [Арефьева 2023].

Несмотря на то что визуальная подача информации в современном обществе играет огромную роль, социологические науки уделяют вопросам визуального восприятия недостаточно внимания: слова традиционно считаются важнее образов [Arruda 2015], хотя визуальные образы обрабатываются более непосредственно, чем вербальная

[1] ВЦИОМ: флаг вызывает гордость у 82 % россиян // ЭИСИ. — 20.08.2026. — URL: https://eisr.ru/news-and-announcements/vtsiom-flag-vyzyvaet-gordost-u-82-rossiyan-/ (дата обращения: 28.08.2026).

коммуникация, и, следовательно, в меньшей степени подвержены критическому восприятию, что делает их более эффективными стимулами для изучения мнений. Визуальные образы — эффективные стимулы в ассоциативных исследованиях, потому что обладают иллюзорным реализмом, имеют конкретную форму и работают как механизмы памяти [Hakoköngäs 2016]. В случае с флагами целесообразнее говорить о связи коллективной памяти с социальными репрезентациями истории. Коллективная память — это разделяемая некоторой группой память об общем прошлом [Hakoköngäs 2016].

Психосемантические эксперименты показывают, что визуальные стимулы-символы по-разному вписываются в сознание респондентов разного пола и возраста, что предполагает дифференцированную диагностику смыслов-ценностей населения на невербальном ассоциативно-смысловом уровне восприятия [Носс 2025]. Логично, что носители разных культур будут продуцировать разные реакции на одни и те же визуальные стимулы, так как реакции эти будут культурно обусловлены. Особенно это касается такой важной составляющей национального флага, как цвет.

Семиотика цвета такова, что цвета могут функционировать как инструменты денотации и ассоциироваться с конкретными объектами — флагом или целым народом (в этом смысле можно говорить о «грамматике» цвета) [Kress 2002]. Ассоциативный эксперимент применялся в целях выяснения смыслов, которые несут цвета российского влага [Кузнецова 2024].

Сравнительный семиотический анализ этих флагов показал, что основные смыслы, транслируемые флагом России, — гордость и идентичность, при этом белый цвет символизирует чистоту, синий — веру, а красный — мужество, передавая национальную идентичность через идеи культурного наследия, силы, жертвенности и храбрости, которые являются неотъемлемой частью истории и самобытности страны. Для флага Индии основными смыслами стали разнообразие и единство: флаг передает идею мирного сосуществования множества культур и языков, а также идеалы самопожертвования и самоотречения [Shakeel 2023]. Примечательно при этом, что послушание и смирение — аксиологические смыслы, вычленяемые на основе реакций, полученных на визуальный стимул — флаг родной страны в таких коллективистских сообществах, как Индия или Сингапур [Becker 2017]. С точки зрения смыслов, заложенных в композицию индийского флага изначально, его пафос — историческая борьба, этические обязательства и коллективные устремления на пути нации от колониального порабощения к демократическому правлению. Он призван объединить граждан разных регионов, языков и религий под общей национальной идентичностью, напоминая, что свобода неотделима от ответственности [Narasimha Sharma 2026].

В условиях экспорта российского образования преподаватели русского языка как иностранного выбирают страноведческий подход, чтобы формирование коммуникативной компетенции шло параллельно с познавательным, воспитательным и развивающим. В этом смысле национальная символика — тот культурный капитал, который иностранные студенты непременно должны приобрести. Информация о российском флаге часто включается в контекст сравнения с индийским. В одном опросе, предваряющем такое страноведческое занятие, приняли участие 14 индийцев, получающих высшее образование в России. В итоге они разошлись во мнениях относительно смысла национального флага Индии. Шафрановую полосу интерпретировали или как силу и смелость, или же как жертвенность, белую — как мир или как гармонию, зеленую — как рост, плодородие или же как природу. Колесо с 24 лучами в центре флага трактовали как символ религии (30 %), торжество правды (30 %), количество часов в сутках (25 %) или же без объяснения указывали, что это Брахма чакра или Ашока чакра (25 %) [Волкова 2024]. Когда студентов из Индии просили указать, с каким цветом ассоциируется у них Россия, они указывали белый (72 %: холод, зима, умирание природы), красный (60 %: флаг, Красная площадь, пролитая в войнах кровь), коричневый (40 %: медведь как символ России), синий (16 %: водные ресурсы) [Волкова 2023].

В аналогичном ассоциативном эксперименте по семиотике цвета национальных флагов обеих стран реакции студентов из России и Индии существенно различались. И те, и другие обозначили белый как цвет мира, но для индийцев он также символизировал святость и чистоту, а для русских — свободу и благородство. Синий у индийцев означал мужественность, силу и борьбу со злом, а у русских — веру и духовность; красный для индийцев символизировал новое начало и власть, а для русских — любовь, красоту и огонь. Шафрановый у русских студентов не вызвал никаких ассоциаций, а для индийцев это цвет чистоты, огня, очищения. При этом они отделяли его от оранжевого, который описывали как цвет просветления и поиска знания, в то время как для русских это цвет огня. Зеленый для индийских студентов ассоцииро-

вался с природой, процветанием и плодородием, а для русских — с цветением и юностью. Черный индийцы определяли как зло, а русские — как скорбь. Желтый для иностранных студентов был цветом непорочности, надежды и солнца, в то время как русские студенты ассоциировали его с изменой и разлукой [Волкова 2023].

Как следует из обзора научных работ, на сегодня за рамками исследований остается выявление специфики ассоциирования билингвами на неродном языке через призму неродного языка.

Цель статьи — выявить специфику ассоциирования у билингвов на неродном языке в психолингвистическом эксперименте с символьным стимулом, имеющим политическую семантику.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ассоциативном эксперименте приняли участие 62 индийских студента и 62 российских студента. Индийским студентам в качестве стимула было предложено символьное изображение национального флага Индии, а российским — флаг России. Условия эксперимента были ограничены языком реагирования и количеством ассоциатов. Студентам была предоставлена онлайн-анкета со стимулом и заданием. Такой формат был выбран для минимизации получения нечитабельных рукописных ассоциатов. В онлайн-анкете рядом с символом-стимулом было дано задание на английском языке: Look at the image below. Take 1 minute to write down 5 first words (in English) that come to your mind as you look at it. Please DO NOT use dictionaries or machine translation. Все участники эксперимента на момент проведения эксперимента являлись студентами второго и третьего курсов, обучающимися по медицинскому и педагогическому направлениям подготовки Кемеровского государственного университета.

Уровни владения языками у индийских студентов:

1. Родной язык (L1): различные диалекты хинди.
2. Английский язык (L2): свободное владение, уровень профессионального общения.

Уровни владения языками у российских студентов:

1. Родной язык (L1): русский язык.
2. Английский язык (L2): свободное владение, уровень профессионального общения.

Для сбора и интерпретации данных в исследовании применялись методы анкетирования, направленного цепочечного психолингвистического эксперимента, семантического гештальта Ю. Н. Караулова.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Визуальный стимул *флаг Российской Федерации*

Флаг Российской Федерации — официальный символ страны — представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из трех равновеликих горизонтальных полос: белой (символизирующей чистоту, мир, совершенство), синей (веру, постоянство, честность) и красной (мужество, смелость, силу) (рис. 1).

Наиболее частотными вербальными реакциями, полученными от российских респондентов на визуальный стимул *флаг Российской Федерации*, оказались слова *flag* (35), *Russia* (24), *country* (14), *white* (14), *red* (13), *blue* (12), *home* (10). Все зафиксированные слова-реакции были проанализированы по методу семантического гештальта [Караулов 2000] и распределены по семантическим зонам. Основой для наименования семантических зон стали ассоциирующиеся со стимулом *форма, цвет, идея* (стоящая за комбинацией формы и цвета). Слова-реакции каждой семантической зоны были распределены в порядке убывания (табл. 1).

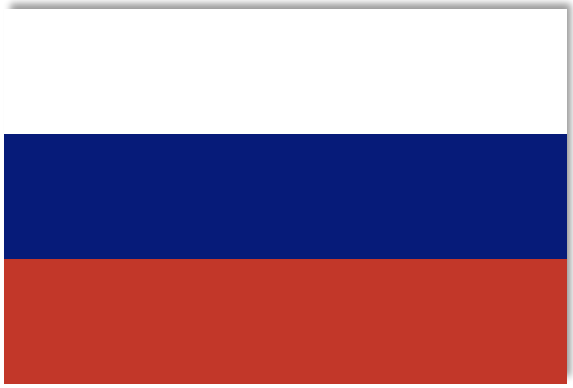

Рис. 1. Флаг Российской Федерации

Таблица 1

Семантическая классификация реакций на визуальный стимул *флаг Российской Федерации*

Семантическая зона	Вербальные реакции (количество)
Форма	banner (1), rectangle (1), stripes (1), three-striped (1)
Цвет	
простое цветообозначение	white (14), red (13), blue (12)
лексические единицы с элементом *-colour*	tricolour (5), three-colored (1), colours (1)
Идея	
пространство	Russia (24), country (14), home (10), sky (7), homeland (6), Motherland (4), Federation / Russian Federation (3), Moscow (3), fields (2), size/big-sized (2), Siberia (1), forest (1), Kemerovo (1), sea (1), river (1)
органы правления	government (6), Kremlin (1)
мощь / сила	blood (6), power (4), army (1), aviation (1), tanks (1), parade (1)
люди	nation / national (5), Putin (3), people (2), family (2), Slavic (1), Russian (1), patriot (1)
животные	bear/s (2)
растения	corn (1), birch (1)
язык	language / Russian language (2)
символика / символизм	flag (35), symbol / symbolism (4), anthem (3), three (2)
природа / природные явления	snow (1), winter (1), fire (1)
лексика восприятия, оценки и качества:	
с нейтральной коннотацией (9)	history (3), music (1), literature (1), politics (1), meaning (1), law (1), force (1)
с положительной коннотацией (40)	patriotism / patriotic (4), peace (4), love (3), unity (3), beauty / beautiful (3), independence (2), belonging (2), pride (1), stability (1), life (1), freshness (1), grace (1), traditions (1), honesty (1), self-awareness (1), purity (1), identity (1), potential (1), prestige (1), fairness (1), holiday (1), Victory Day (1), strong (1), majestic (1), sovereign (1), democracy (1)
с отрицательной коннотацией (3)	terror (1), kill (1), rigid (1)

Визуально флаг Российской Федерации лаконичен и представляет собой прямоугольное полотнище с тремя горизонтальными полосами: белой, синей и красной. Так, **в семантическую зону *ФОРМА*** вошли элементарные наименования — единичные реакции *banner, rectangle, stripes, three-striped.*

В семантическую зону *ЦВЕТ* вошли базовые реакции, спровоцированные цветовой гаммой стимула. Ассоциации на этом уровне также элементарны и сводятся к наименованиям простых цветообозначений: *white, blue, red.* Кроме этого, в данной зоне зафиксированы лексемы с элементом *-colour* (*tricolour, three-colored* и др.).

Подавляющее большинство полученных реакций на предъявленный визуальный стимул вызвало в сознании респондентов ассоциации, связанные не с формой (4) и цветом (46), а с идеей, передаваемой эмблемой в целом. **В семантической зоне *ИДЕЯ*** (самой многочисленной (222)) слова-реакции распределены на несколько групп: *пространство, органы правления, мощь / сила, люди, животные, растения, язык, символика / символизм, природа / природные явления*.

Кроме этого, в данной семантической зоне были зафиксированы лексические единицы с нейтральной, положительной и отрицательной эмоциональной окраской. Реакций с положительной коннотацией подавляющее большинство — 40. Среди них такие абстрактные существительные, как *peace, love, unity, independence, belonging, pride, stability, life* и др., а также качественные прилагательные *patriotic, beautiful, strong* и др. Реакции *Victory Day, traditions* считаем правомерно отнести к словам с положительной окраской, так как в данном контексте они могут свидетельствовать о чувстве гордости у респондентов за победу русского народа в Великой Отечественной войне и крепких традициях, связанных с национальным праздником.

Слов-реакций с нейтральной коннотацией зафиксировано 9: *history, music, literature, politics* и др.

Слов-реакций с отрицательной коннотацией в сознании опрошенных респондентов всего 3: *terror, kill, rigid.*

Примечательно, что русские студенты-билингвы предлагают все реакции исключительно на английском языке, переход на родной язык не фиксируется. Данное обстоятельство, вероятно, связано с механизмом тормозного контроля: мозг блокирует сильные, но ситуативно нерелевантные реакции ради выполнения текущей задачи (Take 1 minute to write down 5 first words (in English) that come to your mind). У русских студентов торможение родного языка достигает такой степени, что даже мощный визуальный стимул (флаг России) не в состоянии преодолеть этот барьер.

При анализе полученных данных были зафиксированы замены ассоциации на узнавание-наименование эмблемы. Слово-реакция *flag* встретилась 35 раз, что составляет около 13 % от общего числа зафиксированных реакций (272).

Из проведенного анализа можно заключить, что основным триггером извлечения ассоциаций из языкового сознания русских респондентов на визуальный стимул *флаг Российской Федерации* является идея, стоящая за формой и цветом предъявленной эмблемы.

Визуальный стимул *флаг Индии*

Слова-реакции, полученные от индийских студентов на визуальный стимул *флаг Индии*, также были проанализированы по методу семантического гештальта и распределены по семантическим зонам. В данном случае основу для наименования семантических зон составили *объект*, *форма, цвет, идея.* Как и флаг РФ, флаг Индии представляет собой прямоугольный триколор, состоящий из трех горизонтальных полос: шафрановой (символизирующей мужество), белой (мир и истину) и зеленой (плодородие). Однако, в отличие от флага РФ, на полотнище которого отсутствуют какие-либо объекты, в центральной части флага Индии расположен визуальный объект — темно-синее колесо с 24 спицами (Колесо Ашоки), означающее постоянное движение и развитие (рис. 2).

Как и в случае с российским флагом, слова-реакции на флаг Индии были распределены в порядке убывания по семантическим зонам (табл. 2).

Рис. 2. Национальный флаг Индии

Таблица 2

Семантическая классификация реакций на визуальный стимул *флаг Индии*

Семантическая зона	Вербальные реакции (количество)
Форма	circle (1), lines (1)
Объект	ashoka chakra / chakra (24)
Цвет	
простое цветообозначение	saffron (8), white (7), green (7), orange (4), blue (3)
лексические единицы с элементом *-colo(u)r*	tricolour (*хинди:* Tiranga) (22), color/s (3), blue color (1), white color (1) green color (1), orange color (1)
Идея	
пространство	India / country of India (33), country / my country / very vast country / mother country (8)
мощь / сила	Indian army (1)
люди	nation / developing nation / mother nation / nationality (5)
символика / лозунг	flag / Indian flag / national flag / flag of India (29), Bharat / Jai Bharat (*хинди:* Индия / Слава Индии) (2), Jai Hind (*хинди:* Да здравствует Индия, Слава Индии) (1)
природа	mother nature (1), greenery (1)

Окончание таблицы 2

Семантическая зона	Вербальные реакции (количество)
лексика восприятия, оценки и качества:	
с нейтральной коннотацией (9)	diversity (3), culture / cultural (2), food (1), songs (1), civilization (1), republic (1)
с положительной коннотацией (51)	unity (12), pride / proud (6), freedom (5), peace / peaceful (4), patriotism / patriotic (4), heritage (2), democracy (2), celebration (1), bravery (1), honour (1), love (1), life (1), equality (1), strength (1), identity (1), festivals (1), strong (1), independence (1), sovereignty (1), belonging (1), sacrifice (1)

Семантическую зону *ФОРМА* (самую малочисленную) составили элементарные единичные реакции *circle, lines*.

Семантическую зону *ОБЪЕКТ* (вторую по числу реакций) составило существительное *ashoka chakra / chakra* — графический объект в центральной части флага Индии. Данный символ, объединяющий древнюю историю, философию, идеи свободы и развития страны, является одним из самых узнаваемых государственных символов Индии, который изучают в школах и видят повсеместно. Человек, выросший в культурном пространстве Индии, безошибочно интерпретирует данный объект.

В семантическую зону *ЦВЕТ* (третью по числу реакций) вошли базовые реакции, вызванные цветовой гаммой стимула — простые цветообозначения *saffron, white, green, orange, blue.* Также были зафиксированы лексические единицы с элементом *-colo(u)r*: *tricolour (Tiranga), color/s, blue color, white color* и др.

Однако, как и в случае с российским триколором, в сознании индийских респондентов наибольшее количество реакций на предъявленный визуальный стимул вызвали не форма (2), объект (24) и цвет (58), а идея, передаваемая сочетанием формы, объекта и цвета. Так, **в семантической зоне *ИДЕЯ*** (139) слова-реакции распределены на несколько групп: *пространство, люди, мощь / сила, символика / лозунг, природа*. Кроме этого, в данную семантическую зону вошла *лексика восприятия, оценки и качества*, то есть эмоционально окрашенные лексические единицы. Подавляющее большинство составили слова-реакции с положительной коннотацией — 51 (*unity, pride / proud, freedom, peace / peaceful, patriotism / patriotic, bravery, honour, love, life* и др.). Реакций с нейтральной коннотацией значительно меньше — 9 (*diversity, culture / cultural, food, songs, civilization*). Существительное *sacrifice* было отнесено нами к группе слов с положительной коннотацией, так как в индийской культуре оно связано с созидательным даром, долгом и поддержанием гармонии между людьми, силами природы и богами и не имеет отношения к трагедии или бессмысленной утрате.

Слов-реакций с отрицательной коннотацией зафиксировано не было.

Таким образом, основным триггером извлечения ассоциаций из языкового сознания индийских респондентов на визуальный стимул *флаг Индии* является идея, стоящая за формой, объектом и цветом предъявленной эмблемы.

Анализ показывает, что у хинди-английских билингвов доминирующий культурный контекст Индии обусловливает более быстрое извлечение понятий, связанных с родиной и домом, именно на хинди. Так, при виде флага Индии в языковом сознании студентов мгновенно возникают эмоциональные концепты *Tiranga*, *Bharat / Jai Bharat*, *Jai Hind* (иногда с пояснением на английском: *Tiranga (tricolor, meaning "tricolor")*). Подобные случаи квалифицируются как единичные «срывы» следования инструкции.

Поскольку эксперимент ограничен английским языком, у респондентов естественные эмоциональные реакции на хинди блокируются, и студенты вынуждены фиксировать ответы на запрашиваемом языке: *my country, mother country, belonging*.

Извлеченные ассоциации часто имеют яркий этнокультурный маркер, даже будучи облеченными в английскую языковую форму. Так, понятия, усвоенные в рамках школьного образования (касающиеся цветов индийского флага), вербализуются на английском. Оранжевый (шафрановый) цвет активирует ассоциации *bravery, strength, strong, sacrifice*. Белый цвет извлекает пары *peace / peaceful*. Зеленый цвет провоцирует ассоциации, связанные с природой и сельским хозяйством: *mother nature, greenery*. Ашока Чакра извлекает историко-политические ассоциации: *pride, freedom, democracy, identity, equality, independence, sovereignty* и др.

Наряду с базовыми ответами *country / nation* студенты выдают реакцию *mother country* (калька с хинди-концепта Родины-Матери), а также ключевые для индийского

общественно-политического дискурса *unity, diversity*, *patriotism / patriotic*. Кроме того, зафиксированы английские лексемы, наполненные специфическим индийским смыслом (*saffron* — в контексте жертвенности, *festivals, songs* — как маркеры духовного очищения и радости жизни).

При анализе полученных данных были зафиксированы замены ассоциации на узнавание-наименование эмблемы. Реакция *flag / Indian flag / national flag / flag of India* встретилась 29 раз, что составляет 13 % от общего числа зафиксированных реакций (223).

ВЫВОДЫ

Таким образом, сравнивая полученные данные по двум визуальным стимулам — *флаг России* и *флаг Индии*, — приходим к выводу, что в обоих случаях общими семантическими зонами являются *форма, цвет* и *идея*. В случае с индийским флагом уникальной является семантическая зона *объект*, включающая многократную реакцию *ashoka chakra / chakra*. Ассоциации в семантических зонах *форма* и *цвет* носят элементарный характер и представляют собой простые наименования.

Семантическая зона *идея* в обоих случаях является самой многочисленной по числу полученных реакций и состоит из ряда групп слов (*пространство, люди, мощь / сила, символика, природа* и др.). В языковом сознании российских респондентов ассоциации, связанные с *идеей*, более разнообразные и многочисленные.

Среди зафиксированных слов-реакций в обоих случаях имеет место *лексика восприятия, оценки и качества*. В обеих группах респондентов превалируют реакции с положительной коннотацией. Единичные отрицательные коннотации в сознании российских студентов могут быть связаны с политическими разногласиями или личными тяжелыми жизненными ситуациями. В языковом сознании индийских студентов слов с отрицательной коннотацией не зафиксировано.

Также в обеих группах у ряда опрошенных (13 %) наблюдается блокировка генерации ассоциативных смыслов, то есть замена ассоциации на наименование самой предъявляемой эмблемы (*flag*).

У русскоязычных билингвов нарушения инструкции (непроизвольного перехода на родной язык) зафиксировано не было ввиду высокого уровня тормозного контроля. У хинди-английских билингвов, напротив, подобные «срывы» следования инструкции наблюдаются, когда отдельные реакции выдаются на родном языке. Данный факт свидетельствует о слабом торможении родного языка вследствие постоянного использования смеси хинди и английского в повседневной жизни. При предъявлении визуального стимула (национального флага) у обеих групп респондентов активируется культурная идентичность, вызывающая сильные эмоциональные реакции. Однако если у русских студентов сильный тормозной контроль подавляет этот импульс, то у индийских студентов из-за низкого барьера торможения активация хинди пробивает ослабленный контроль, что приводит к неосознанному переходу на родной язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арефьева, О. В. Восприятие визуальных стимулов обследуемым в рамках специального психофизиологического исследования с применением полиграфа / О. В. Арефьева // Прикладная юридическая психология. — 2023. — № 1 (62). — С. 84–93. — DOI 10.33463/2072-8336.2023.1(62).084-093. — EDN GSQPUZ.

2. Волкова, Е. А. Лингвострановедение на занятиях по РКИ в неязыковом вузе: государственный флаг России / Е. А. Волкова, В. Гаушалия // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты : материалы X Международ. науч.-практ. конф., Омск, 24 мая 2024 г. — Омск : Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, 2024. — С. 117–121. — EDN USKFUF.

3. Волкова, Е. А. Символика цвета: Индия и Россия в диалоге культур / Е. А. Волкова, Б. Бхавеш // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 19 мая 2023 г. — Омск : Омский автобронетанковый инженерный институт, 2023. — С. 24–27. — EDN PRQHLY.

4. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — Москва : ИЯ РАН, 2000. — С. 191–206. — EDN SIJQLH.

5. Ковригина, Г. Д. Значение и восприятие государственных символов в современном российском обществе / Г. Д. Ковригина // Дискусся. — 2015. — № 7 (59). — С. 91–96. — EDN UIXYWH.

6. Конева, Е. А. Специфика способа восприятия испытуемыми стимулов в ходе проведения ассоциативного эксперимента / Е. А. Конева, Ю. Р. Мелихова // Русский лингвистический бюллетень. — 2022. — № 2 (30). — DOI 10.18454/RULB.2022.30.13. — EDN KZNABP.

7. Кузнецова, Л. Э. Анализ восприятия слов-цветообозначений Российского триколора в русском языковом сознании с помощью ассоциативного эксперимента / Л. Э. Кузнецова, В. Р. Вдовина // Национальные языки и культуры: мышление и понимание в условиях глобализации : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Армавир, 30 ноября 2023 г. — Армавир : АГПУ, 2024. — С. 85–92. — EDN EVFTNM.

8. Максименко, О. И. Полисемиотические элементы государственных гербов — лингвоконфликтологический анализ / О. И. Максименко, П. Н. Хроменков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2019. — Т. 10, № 4. — С. 947–956. — DOI 10.22363/2313 2299-2019-10-4-947-956. — EDN GYQHEU.

9. Никаева, Т. М. Роль ассоциативного эксперимента при экспертизе визуальной рекламы / Т. М. Никаева, Т. А. Данилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 11. — С. 254–257. — DOI 10.30853/filnauki.2020.11.53. — EDN VHNQAE.

10. Носс, И. Н. Различия в выборе знака, или Как знак становится эйдосом и символом для исследований ценностей моло-

дежи в условиях профессионального обучения / И. Н. Носс // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — 2025. — № 2 (71). — С. 67–79. — DOI 10.26456/vtpsyped/2025.2.067. — EDN UBZPDW.

11. Тарасенко, В. В. Моделирование стереотипов «Россия», «Великобритания» и «США» на материале ассоциативного эксперимента / В. В. Тарасенко, Ю. В. Краснoперова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 1. — С. 87–99. — DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(1).87-99. — EDN YWINKP.

12. Adler, S. Discourse in the making: the shifting meaning of the national flag in the context of Israel's 2023 judicial overhaul / S. Adler, A. Kohn // Humanities and Social Sciences Communications. — 2025. — Vol. 12, № 1. — DOI 10.1057/s41599-025-05322-9. — EDN KKEWWA.

13. Arruda, A. Image, social imaginary and social representation / A. Arruda // The Cambridge handbook of social representations / eds. G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. — Cambridge, United Kingdom : Cambridge University Press, 2015. — P. 128–142. — DOI 10.1017/CBO9781107323650.012.

14. Becker, J. Beware of national symbols: How flags can threaten intergroup relations / J. Becker, A. Enders-Comberg, U. Wagner, O. Christ, D. Butz // Social Psychology. — 2012. — Vol. 43, № 1. — P. 3–6. — DOI 10.1027/1864-9335/a000073.

15. Becker, J. C. What do national flags stand for? An exploration of associations across 11 countries / J. C. Becker, D. A. Butz, C. G. Sibley, F. K. Barlow, L. M. Bitacola, O. Christ, S. S. Khan, C.-H. Leong, S. Pehrson, N. Srinivasan, A. Sulz, N. Tausch, K. Urbanska, S. C. Wright // Journal of Cross-Cultural Psychology. — 2017. — Vol. 48, № 3. — P. 335–352. — DOI 10.1177/0022022116687851.

16. Butz, D. National symbols as agents of psychological and social change / D. Butz // Political Psychology. — 2009. — Vol. 30, № 5. — P. 779–804. — DOI 10.1111/j.1467-9221.2009.00725.x.

17. Ehrlinger, J. How exposure to the confederate flag affects willingness to vote for Barack Obama / J. Ehrlinger, A. Plant, R. Eibach, C. Columb, J. Goplen, J. Kunstman, D. Butz // Political Psychology. — 2010. — Vol. 32, № 1. — P. 131–146. — DOI 10.1111/j.1467-9221.2010.00797.x.

18. Hakoköngäs, E. The naturalized nation: Anchoring, objectification and naturalized social representations of history / E. Hakoköngäs, I. Sakki // Journal of Social and Political Psychology. — 2016. — Vol. 4, № 2. — P. 646–669. — DOI 10.5964/jspp.v4i2.664. — EDN YFBSGH.

19. Hassin, R. R. Subliminal exposure to national flags affects political thought and behavior / R. R. Hassin, M. J. Ferguson, D. Shidlovski, T. Gross // Proceeding of the National Academy of Sciences of the USA. — 2007. — Vol. 104, № 50. — P. 19757–19761. — DOI 10.1073/pnas.0704679104.

20. Kress, G. Colour as a semiotic mode: Notes for a grammar of colour / G. Kress, T. J. Van Leeuwen // Visual Communication. — 2002. — Vol. 1, № 3. — P. 343–368. — DOI 10.1177/147035720200100306.

21. Leone, M. Bandeiras nacionais e retórica política: Uma comparação semiótica entre Itália e Brasil / M. Leone // Matrizes. — 2024. — Vol. 18, № 1. — P. 21–36. — DOI 10.11606/issn.1982-8160.v18i1p21-36. — EDN UGETIS.

22. Narasimha Sharma, J. The Indian national flag: History, symbolism and contemporary relevance / J. Narasimha Sharma, K. Rohan, C. Ganesh Vardhan, E. Bhargav Koushik // International Journal for Research Trends and Innovation. — 2026. — Vol. 11, № 2. — P. a248–a252.

23. Shakeel, M. An analysis of flags as cultural icons: A semiotic study of 30 countries / M. Shakeel, M. F. Arslan, H. Haroon // Harf-o-Sukhan. — 2023. — Vol. 7, № 2. — P. 122–145.

24. Wagner, G. Cultural symbols / G. Wagner // EBSCO. — 2019. — URL: https://www.ebsco.com/research-starters/social-sciences-and-humanities/cultural-symbols (date of access: 28.08.2026).

REFERENCES

1. Aref'eva, O. V. (2023). Vospriyatiye vizualnykh stimulov obsleduyemym v ramkakh spetsialnogo psikhofiziologicheskogo issledovaniya s primeneniyem poligrafa = Perception of visual stimuli by the subject in the framework of a special psychophysiological study using a polygraph. *Applied legal psychology, 1*(62), 84–93. DOI 10.33463/2072-8336.2023.1(62).084-093. EDN GSQPUZ.

2. Volkova, E. A., Gaushalea, V. (2024). Lingvostranovedeniye na zanyatiyakh po RKI v neyazykovom vuze: gosudarstvennyy flag Rossii = Linguistic country studies in the Russian language classes at a non-linguistic university: The national flag of Russia. *Problems of modernization of modern higher education: Linguistic aspects. Proceding of the 10 International scientific and practical conference*, 117–121. Russia. EDN USKFUF.

3. Volkova, E. A., Bkhavesh, B. (2023). Simvolika tsveta: Indiya i Rossiya v dialoge kultur = Symbolism of colour: India and Russia in the dialogue of cultures. *Problems of modernization of modern higher education: Linguistic aspects. Linguistic and methodological problems and trends in teaching foreign languages in a non-linguistic university. Proceding of the IX International scientific and practical conference*, 24–27. Russia. EDN PRQHLY.

4. Karaulov, Yu. N. (2000). Pokazateli natsionalnogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noy seti = Indicators of national mentality in the associative-verbal network. *Linguistic consciousness and the image of the world*, 191–206. Moscow: IYa RAN. EDN SIJQLH.

5. Kovrigina, G. D. (2015). Znacheniye i Vospriyatiye gosudarstvennykh simvolov v sovremennom rossiyskom obshchestve = Meaning and taking of state symbols in the modern Russian society. *Discussion, 7*(59), 91–96. EDN UIXYWH.

6. Koneva, E. A., Melikhova, Y. R. (2022). Spetsifika sposoba vospriyatiya ispytuyemymi stimulov v khode provedeniya assotsiativnogo eksperimenta = The specifics of the way subjects perceive stimuli during an associative experiment. *Russian Linguistic Bulletin, 2*(30). DOI 10.18454/RULB.2022.30.13. EDN KZNABP.

7. Kuznetsova, L. E., Vdovina, V. R. (2024). Analiz vospriyatiya slov-tsvetooboznacheniy Rossiyskogo trikolora v russkom yazykovom soznanii s pomoshchyu assotsiativnogo eksperimenta = Analysis of the perception of color designations of the Russian tricolor in the Russian linguistic consciousness using an associative experiment. *National languages and cultures: Thinking and understanding in the context of globalization. Proceding of the IV All-Russian scientific and practical conference*, 85–92. Russia. EDN EVFTNM.

8. Maksimenko, O. I., Khromenkov, P. N. (2019). Polisemioticheskiye elementy gosudarstvennykh gerbov — lingvokonfliktologicheskiy analiz = Polysemiotic elements of the state emblems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 10*(4), 947–956. DOI 10.22363/2313-2299-2019-10-4-947-956. EDN GYQHEU.

9. Nikayeva, T. M., Danilova, T. A. (2020). Rol assotsiativnogo eksperimenta pri ekspertize vizualnoy reklamy = Role of associative experiment in examination of visual advertising. *Philology. Theory & Practice, 13*(11), 254–257. DOI 10.30853/filnauki.2020.11.53. EDN VHNQAE.

10. Noss, I. N. (2025). Razlichiya v vybore znaka, ili kak znak stanovitsya eydosom i simvolom dlya issledovaniy tsennostey molodezhi v usloviyakh professionalnogo obucheniya = Differences in the choice of a sign, or how a sign becomes an eidos and a symbol for researching the values of youth in a professional learning environment. *Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology, 2*(71), 67–79. DOI 10.26456/vtpsyped/2025.2.067. EDN UBZPDW.

11. Tarasenko, V. V., Krasnoperova, Yu. V. (2018). Modelirovaniye stereotipov "Rossiya", "Velikobritaniya" i "SShA" na materiale assotsiativnogo eksperimenta = Modeling of the stereotypes "Russia", "Great Britain" and "The USA" using the associative experiment data. *Theoretical and Practical Issues of Journalism, 7*(1), 87–99. DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(1).87-99. EDN YWINKP.

12. Adler, S., Kohn, A. (2025). Discourse in the making: the shifting meaning of the national flag in the context of Israel's 2023 judicial overhaul. *Humanities and Social Sciences Communications, 12*(1). DOI 10.1057/s41599-025-05322-9. EDN KKEWWA.

13. Arruda, A. (2015). Image, social imaginary and social representation. *The Cambridge handbook of social representations*, 128–142. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press.

14. Becker, J., Enders-Comberg, A., Wagner, U., Christ, O., Butz, D. (2012). Beware of national symbols: How flags can threaten intergroup relations. *Social Psychology, 43*(1), 3–6. DOI 10.1027/1864-9335/a000073.

15. Becker, J. C., Butz, D. A., Sibley, C. G., Barlow, F. K., Bitacola, L. M., Christ, O., Khan, S. S., Leong, C.-H., Pehrson, S., Srinivasan, N., Sulz, A., Tausch, N., Urbanska, K., Wright, S. C. (2017). What do national flags stand for? An exploration of associations across 11 countries. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 48*(3), 335–352. DOI 10.1177/0022022116687851.

16. Butz, D. (2009). National symbols as agents of psychological and social change. *Political Psychology, 30*(5), 779–804. DOI 10.1111/j.1467-9221.2009.00725.x.

17. Ehrlinger, J., Plant, A., Eibach, R., Columb, C., Goplen, J., Kunstman, J., Butz, D. (2010). How exposure to the confederate flag affects willingness to vote for Barack Obama. *Political Psychology, 32*(1), 131–146. DOI 10.1111/j.1467-9221.2010.00797.x.

18. Hakoköngäs, E., Sakki, I. (2016). The naturalized nation: Anchoring, objectification and naturalized social representations of history. *Journal of Social and Political Psychology, 4*(2), 646–669. DOI 10.5964/jspp.v4i2.664. EDN YFBSGH.

19. Hassin, R. R., Ferguson, M. J., Shidlovski, D., Gross, T. (2007). Subliminal exposure to national flags affects political thought and behavior. *Proceeding of the National Academy of Sciences of the USA, 104*(50), 19757–19761. DOI 10.1073/pnas.0704679104.

20. Kress, G., Van Leeuwen, T. J. (2002). Colour as a semiotic mode: Notes for a grammar of colour. *Visual Communication, 1*(3), 343–368. DOI 10.1177/147035720200100306.

21. Leone, M. (2024). Bandeiras nacionais e retórica política: Uma comparação semiótica entre Itália e Brasil. *Matrizes, 18*(1), 21–36. DOI 10.11606/issn.1982-8160.v18i1p21-36. EDN UGETIS.

22. Narasimha Sharma, J., Rohan, K., Ganesh Vardhan, C., Bhargav Koushik, E. (2026). The Indian national flag: History, symbolism and contemporary relevance. *International Journal for Research Trends and Innovation, 11*(2), a248–a252.

23. Shakeel, M., Arslan, M. F., Haroon, H. (2023). An analysis of flags as cultural icons: A semiotic study of 30 countries. *Harf-o-Sukhan, 7*(2), 122–145.

24. Wagner, G. (2019). Cultural symbols. *EBSCO*. Available at Aug. 28, 2026 from https://www.ebsco.com/research-starters/social-sciences-and-humanities/cultural-symbols.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.411.21'37+811.111'37+81'42+159.942
ББК Ш161-36+Ш143.21-36+Ш105.51+Ю925.21 *ГРНТИ 16.31.41; 16.21.49* *Код ВАК 5.9.8*

Тамам Ризвановна Касумова
Уральский ЕГЭ Центр, Екатеринбург, Россия, s06026836@gmail.com

Гнев и печаль: репрезентация метафоры «Эмоции — это Жидкость» во фразеологии арабского и английского языков

АННОТАЦИЯ. *Настоящая статья посвящена сопоставительному исследованию репрезентации метафорической модели «Эмоции — это Жидкость» в арабской и английской фразеологии с акцентом на вербализации концептов ГНЕВ и ПЕЧАЛЬ.* ***Целью работы*** *является выявление и анализ фразеологических единиц (ФЕ), отражающих метафорическое осмысление данных эмоциональных состояний, а также определение общих и специфических лингвокультурных характеристик их выражения.* ***Научная новизна*** *исследования заключается в детализированном анализе фразем, объективирующих конкретные эмоции (гнев и печаль) в контексте определенной метафорической модели, что позволяет углубить понимание взаимосвязи между языком, мышлением и культурой.* ***В результате*** *анализа было установлено, что в обоих языках метафора «Эмоции — это Жидкость» активно используется для концептуализации гнева и печали, однако существуют значимые различия в способах акцентирования интенсивности, динамики и физиологических проявлений данных эмоций. В частности, в арабской фразеологии чаще встречаются образы, связанные с бурным кипением и неуправляемым выплеском гнева, в то время как в английском языке преобладают фраземы, описывающие сдерживание и подавление печали. Полученные результаты вносят вклад в развитие когнитивной лингвистики, фразеологии и межкультурной коммуникации, а также могут быть использованы в практике преподавания иностранных языков.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *фразеологические единицы, фразеологизмы, концептуальная метафора, метафорическое моделирование, метафорические модели, метафорические единицы, когнитивная лингвистика, арабский язык, фразеология арабского языка, английский язык, фразеология английского языка, эмоции, гнев, печаль, эмоциональные состояния.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Касумова Тамам Ризвановна, преподаватель английского и арабского языков, Уральский ЕГЭ Центр, 620090, Россия, г. Екатеринбург, ул. Радищева, 33, email: s06026836@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Касумова, Т. Р.* Гнев и печаль: репрезентация метафоры «Эмоции — это Жидкость» во фразеологии арабского и английского языков / Т. Р. Касумова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 224-228.

Tamam R. Kasumova
Ural Unified State Examination Center, Ekaterinburg, Russia, s06026836@gmail.com

Anger and Sorrow: Representation of the Metaphor “Emotions are Liquid” in English and Arabic Phraseology

ABSTRACT. *This study provides a comparative analysis of the representation of the metaphorical model “Emotions are Liquid” in Arabic and English phraseology with an emphasis on the verbalization of the concepts of ANGER and SORROW. The aim of the research is to single out and analyze phraseological units reflecting the metaphorical understanding of these emotional states, as well as to identify common and specific linguocultural characteristics of their expression. The scientific novelty of the study lies in the detailed analysis of phrasemes objectifying specific emotions (anger and sorrow) in the context of a certain metaphorical model, which makes it possible to deepen the understanding of the relationships between language, thinking and culture. As a result of the analysis, it has been found that in both languages, the metaphor “Emotions are Liquid” is actively used to conceptualize anger and sorrow, however, there are significant differences in the ways of emphasizing the intensity, dynamics and physiological manifestations of these emotions. In particular, Arabic phraseology often employs images associated with violent boiling and uncontrollable outburst of anger, while in English, there predominate phrasemes describing the containment and suppression of sorrow. The results obtained contribute to the development of cognitive linguistics, phraseology and intercultural communication, and can also be used in the practice of teaching foreign languages.*

KEYWORDS: *phraseological units, phraseologisms, conceptual metaphor, metaphorical modeling, metaphorical models, metaphorical units, cognitive linguistics, Arabic language, Arabic phraseology, English language, English phraseology, emotions, anger, sorrow, emotional states.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Kasumova Tamam Rizvanovna, Senior Lecturer of English and Arabic Languages, Ural Unified State Examination Center, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kasumova T. R.* (2026). Anger and Sorrow: Representation of the Metaphor “Emotions are Liquid” in English and Arabic Phraseology. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 224-228. (In Russ.).

© Касумова Т. Р., 2026

Исследование концептуальных метафор представляет собой перспективное направление в рамках современной когнитивной лингвистики. В соответствии с теорией концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980], метафора рассматривается не как стилистический троп, а как основополагающий механизм когнитивной деятельности, посредством которого осуществляется концептуализация абстрактных категорий через апелляцию к более конкретным и чувственно воспринимаемым объектам и явлениям. Эмоции, как сложные и плохо поддающиеся непосредственному опыту состояния, зачастую концептуализируются посредством метафорических моделей, среди которых выделяется метафора «Эмоции — это Жидкость». В рамках данной модели эмоции наделяются свойствами, характерными для жидкостей, такими как локализация в замкнутом объеме (теле), способность к истечению, изменение температурного режима и наличие цветовых характеристик.

Эмпирической базой исследования послужили данные, извлеченные из фразеологических словарей арабского и английского языков, а также материалы лингвистических корпусов. С целью выявления фразеологических единиц (ФЕ), объективирующих метафору «Эмоции — это Жидкость», был применен метод концептуального анализа, предполагающий идентификацию ключевых концептов, структурирующих данную метафору (контейнер, текучесть, температура и т. д.), и их вербальной репрезентации в составе ФЕ. Последующий сопоставительный анализ выявленного языкового материала был направлен на установление общих и дифференциальных признаков метафорической концептуализации эмоций в рамках исследуемых лингвокультур.

Метафора, демонстрируя высокую продуктивность в процессах вторичной и косвенной номинации, является одним из основных инструментов расширения лексико-фразеологического состава языка [Gibbs 1990: 65]. В связи с тем, что концепты подвергаются объективации посредством языковых знаков, дифференцированных по уровням (флексии, лексемы, фразеологические сочетания, паремии) [Толочин 1996: 57], представляется логичным предположение о наличии метафорической составляющей в ряде фразеологических единиц (ФЕ), актуализирующих концепты «контейнер, текучесть, температура, цвет» и иные.

В рамках когнитивной лингвистики концептуальная метафора (КМ) рассматривается как когнитивный механизм, обусловленный установлением аналогии между понятийными областями, не демонстрирующими формально-логической корреляции. Данный процесс структурирования смысла речевых актов [Macrone 1990: 8] приводит к формированию КМ, идентифицируемых на различных языковых уровнях. Формирование КМ является следствием взаимодействия между различными структурами знания (фреймами или сценариями), репрезентирующими концепты [Будаев 2007: 16–32], что обеспечивает возможность переноса когнитивных моделей из одной области в другую и, как следствие, обогащение семантики фразеологических единиц.

В оппозицию к тезисам генеративной лингвистики (У. Вейнрейх, Дж. Катц, Б. Фрейзер), постулирующим детерминированность семантики устойчивых выражений исключительно их конвенциональным использованием, Р. Гиббс выдвигает альтернативную гипотезу о возможности декодирования значения значительного числа фразеологических единиц (ФЕ) на основе присущей им метафорической природы [Gibbs 1990: 420]. Эмпирическим подтверждением данной гипотезы служат результаты психолингвистических исследований, обнаруживающих устойчивую взаимосвязь между семантикой ФЕ и концептуальными структурами, репрезентированными в когнитивном пространстве носителей языка.

Согласно исследованиям Р. Гиббса, внутренняя форма многих фразеологизмов опирается на концептуальную метафору (КМ). Носители языка проявляют когнитивную тенденцию к установлению связи между буквальным прочтением ФЕ и ее идиоматическим значением даже в тех случаях, когда образ, формируемый буквальным значением, обладает лишь частичной «прозрачностью». Таким образом, понимание ФЕ обусловлено неосознаваемой активацией КМ, лежащих в основе ее внутренней формы. Лишь в тех случаях, когда буквальное прочтение ФЕ полностью утрачивает референтность, т. е. не может быть соотнесено ни с одним элементом внеязыковой реальности вследствие наличия лексических единиц, лишенных денотативного значения, носители языка отказываются от поиска указанной когнитивной связи [Gibbs 1990: 430–437].

Анализ фразеологических единиц в арабском и английском языках подтвердил широкое распространение метафоры «Эмоции — это Жидкость». Были выявлены ФЕ, репрезентирующие различные аспекты данной метафоры. В основе метафорической модели «Эмоция — это Жидкость» лежат следующие концепты и связанные с ними смысловые переносы.

I. Контейнер: эмоции как содержимое контейнера (тела/души)

Тело или душа концептуализируется как контейнер, вмещающий в себя эмоции. Данная метафорическая модель предполагает наличие замкнутого пространства, в котором локализуются эмоциональные состояния. Интенсивность эмоций часто соотносится с уровнем заполненности контейнера.

Наполнение контейнера (Гнев и Печаль).

Эта подкатегория отражает процесс приобретения или увеличения эмоционального состояния гнева или печали. Контейнер (*сердце, душа, разум*) заполняется гневом или печалью, что приводит к изменению состояния человека.

Арабский (Гнев):

امتلأ قلبه غضباً (imtala'a qalbuhu ghaḍaban)

Его сердце наполнилось гневом. (Сердце — контейнер, гнев — содержимое.)

اِمْتَلأَ قَلْبُهُ بِالحَسِيفَةِ

Его сердце было наполнено сожалением.

استبد به الغضب (istabadda bihi al-ghadab)

Гнев овладел им. (Гнев захватывает и заполняет человека.)

فاض به الغضب (fada bihi al-ghadab)

Он переполнился гневом. (Гнев достигает предела и переливается через край.)

Арабский (Печаль):

ملأ الحزن قلبه (mala'a al-huznu qalbahu)

Печаль наполнила его сердце.

ملأ الغمُّ قلبَه

Грусть наполнила его сердце.

مزّقه، شقّه، أثّر فيه تأثيرًا عميقًا ، "كان منظرها يَفطُر القلب".

Он разорвал его, расколол, и это глубоко затронуло его. Вид этого был душераздирающий.

لَعَجَ الْحُزْنُ قَلْبَهُ

Печаль тронула его сердце.

غمره الحزن (ghamara-hu al-huzn)

Печаль захлестнула его.

استقر الحزن في قلبه (istaqarra al-huznu fi qalbihi)

Печаль поселилась в его сердце. (Здесь сердце — дом/контейнер, в котором поселяется печаль.)

Английский (Гнев):

His heart was filled with rage.

Его сердце наполнилось яростью.

He was brimming with anger.

Он переполнялся гневом.

Rage consumed him.

Ярость поглотила его.

Английский (Печаль):

Her heart was filled with grief.

Ее сердце наполнилось горем.

She was heavy with sorrow.

Она была обременена печалью.

A wave of sadness washed over him.

Волна печали накрыла его.

В обоих языках мы видим, как *гнев* и *печаль* представлены как субстанции, заполняющие «контейнер». Причем глаголы, используемые для описания этого процесса, часто имеют значения *заполнения, захвата, поглощения*, что подчеркивает интенсивность и силу этих эмоций. Важно отметить, что часто используются образы «сердца», как символа чувств, или «души», как вместилища внутреннего мира человека. Использование этих образов подчеркивает глубокое воздействие эмоций на личность. Культурные различия могут проявляться в частотности использования тех или иных глаголов, а также в выборе конкретного «контейнера».

Влияние на контейнер (сердце/душу).

Арабский:

أحرق الغضب قلبه (ʾaḥraqa al-ghaḍabu qalbahu)

Гнев сжег его сердце.

Сердце выступает контейнером для эмоций. *Гнев* уподобляется огню, который не только заполняет, но и разрушает контейнер. Метафора подчеркивает деструктивное воздействие гнева.

Английский:

Anger poisoned his soul.

Гнев отравил его душу.

Душа — контейнер. *Гнев* — яд, загрязняющий и разрушающий контейнер. Акцент на негативном влиянии *гнева* на внутренний мир.

Текучесть/Вытекание.

Арабский:

فاض غضبه (fāḍa ghaḍabuhu)

Его гнев перелился через край.

Гнев — жидкость, переполняющая контейнер (тело/душу). Акцент на неконтролируемом выплеске эмоций.

Английский:

He vented his anger on the door.

Он выместил свой гнев на двери.

Гнев — жидкость, которая «выливается» из контейнера на внешний объект. Подчеркивается перенаправление эмоций, а не прямое выражение.

II. Температура (Нагревание/Кипение)

Арабский:

غلى دمه (ghalaa damuhu)

Его кровь закипела.

Кровь — жидкость, циркулирующая в теле. *Гнев* вызывает повышение температуры, состояние сильного возбуждения.

Английский:

He was boiling with rage.

Он кипел от ярости.

Гнев уподобляется кипящей жидкости, что указывает на высокую интенсивность эмоции.

III. Цвет (менее распространено, но встречается)

Арабский:

احمر وجهه من الغضب (ihmarra wajhuhu min al-ghadabi)

Его лицо покраснело от гнева.

Гнев меняет цвет лица, которое как бы отражает внутреннее состояние.

Английский:

His face was purple with rage.

Его лицо побагровело от ярости.

Тот же принцип, что и в арабском, но с другим цветовым оттенком, что может быть связано с культурными особенностями восприятия эмоций.

Далее рассмотрим метафорическую модель «Эмоция — это Жидкость» на примере фразеологических единиц, семантически связанных с концептом *печаль.*

Влияние на контейнер (сердце/душу)

Арабский:

أثقل الحزن قلبه (ʾathqala al-ḥuznu qalbahu)

Печаль отяготила его сердце.

Сердце — контейнер. *Печаль* — тяжелый груз, давящий на сердце. Акцент на тягостном характере *печали*.

Английский:

Grief weighed heavily on her soul.

Горе тяжело давило на ее душу.

Душа — контейнер. *Горе* — тяжелый груз, оказывающий давление. Аналогично арабскому языку, подчеркивается тяжесть и угнетающее воздействие *печали.*

Опустошение контейнера

Арабский:

استنزف الحزن قواه (istanzafa al-ḥuznu quwahu)

Печаль истощила его силы.

Печаль, как жидкость, вытекает, забирая с собой энергию и жизненные силы.

Английский:

Sorrow drained the life out of her.

Печаль высосала из нее жизнь.

Аналогично арабскому, *печаль* забирает жизненную энергию.

Текучесть/Вытекание

Арабский:

سالت دموعه (saalat dumūʿuhu)

Его слезы потекли.

Слезы — жидкое проявление печали, вытекающее из глаз.

Английский:

She was moved to tears.

Она растрогалась до слез.

Акцент на эмоциональном состоянии, вызывающем слезы, а не на самом процессе вытекания.

Изменение характеристик эмоции

Арабский:

خمدت نيران حزنه (khamadat niran huznihi)

Утих огонь его печали. (Сочетание с метафорой «Эмоции — это огонь».)

Печаль сравнивается с огнем, который постепенно угасает.

Английский:

His grief slowly subsided.

Его горе постепенно утихло.

Печаль представлена как волна или поток, который постепенно отступает.

Как показал анализ фактического материала, в обоих языках метафора «Эмоции — это Жидкость» активно используется для концептуализации как *гнева*, так и *печали*.

Общими являются образы наполнения и опустошения контейнера, вытекания, изменения температуры.

Культурные различия проявляются в акцентах: в арабской фразеологии чаще встречаются образы бурного, неконтролируемого гнева и истощающей печали, в то время как в английской фразеологии больше внимания уделяется контролю над эмоциями и переживанию печали. Выбор конкретных глаголов и образов может отражать культурные представления о способах выражения и переживания эмоций.

Приведенные примеры показывают, как метафора «Эмоции — это Жидкость» позволяет осмыслить и выразить сложные эмоциональные состояния. Сравнение арабских и английских фразеологизмов позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические особенности репрезентации *гнева* и *печали*.

Необходимо отметить, что семантика фразеологической единицы в арабском языке демонстрирует контекстуальную вариативность, что обусловливает возможность множественных интерпретаций представленных выше примеров. Метафорические модели, как правило, характеризуются взаимопроникновением и интерактивностью. Лингвокультурологическая специфика отдельных фразеологических единиц арабского языка обусловливает необходимость углубленного анализа их семантической структуры.

Указанные концепты вступают во взаимодействие, формируя многомерную и разветвленную метафорическую систему, обеспечивающую возможность осмысления и вербализации сложных эмоциональных состояний. Следует подчеркнуть, что конкретные реализации данной метафорической модели могут варьироваться в зависимости от культурно-языковой принадлежности, однако базовые концептуальные основы остаются инвариантными.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением иных метафорических моделей концептуализации эмоций, а также с анализом их проявления в текстах, отно-

сящихся к различным жанрово-стилистическим категориям.

СЛОВАРИ

1. Арабско-русский словарь идиоматических выражений : справочник переводчика. — Москва : ЯСК, 2018. — 456 с.
2. Almaany.com. — URL: https://www.almaany.com/ (date of access: 20.05.2026).
3. Arabic Lexicon. — URL: https://arabiclexicon.hawramani.com/ (date of access: 20.05.2026).
4. Oxford English Dictionary. — URL: https://www.oed.com/ (date of access: 20.05.2026).
5. Merriam-Webster, Oxford Learner's Dictionaries. — URL: https://www.merriam-webster.com/ (date of access: 20.05.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Атаева, С. Фразеологизмы в арабском языке: структура, семантика и особенности употребления / С. Атаева // Гуманитарный научный журнал. — 2026. — № 3-3. — С. 74–81. — EDN KJCEIE.
2. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 153–172. — ISBN 5-01-001599-4.
3. Бойко, М. Е. Когнитивная теория метаметафоры / М. Е. Бойко // Культура и искусство. — 2012. — № 5. — С. 110–114. — EDN PXANPN.
4. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С. 19–35. — EDN PYCQCP.
5. Кириллова, Н. Н. О денотате фразеологической семантики / Н. Н. Кириллова // Вопросы языкознания. — 1986. — № 1. — С. 82–90. — EDN QFMINT.
6. Кунин, А. В. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. — Москва : Высшая школа, 1970. — 344 с.
7. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики : учеб. пособие для студентов вузов / М. В. Никитин. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003. — 277 с. — ISBN 5-8064-0708-X. — EDN QRBTJH.
8. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1988. — С. 65–77. — ISBN 5-02-010889-8.
9. Соколова, О. В. Семантика фразеологизмов: способы ее представления и динамика / О. В. Соколова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2007. — № 2(65). — С. 10–12. — EDN KKPSZB.
10. Толочин, И. В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект / И. В. Толочин. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1996. — 96 с. — ISBN 5-288-01623-2.
11. Эль Сабрути, Р. Р. Особенности метафоризации арабской лексики / Р. Р. Эль Сабрути // Язык и культура. — 2017. — № 38. — С. 80–93. — DOI 10.17223/19996195/38/6. — EDN ZHUFBL.
12. Gibbs, R. W. Psycholinguistic Studies on the Conceptual Basis of Idiomaticity / R. W. Gibbs // Cognitive Linguistics. — 1990. — Vol. 1. — N 4. — P. 417–451.
13. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago ; London : University of Chicago Press, 1980. — ISBN 0-226-46800-3.
14. Shanon, B. Metaphor: from fixedness and selection to differentiation and creation / B. Shanon // Poetics Today. — 1992. — Vol. 13, No 4. — P. 659–685.

DICTIONARIES

1. Arabic-Russian Dictionary of Idiomatic Expressions: A Translator's Handbook (2018). Moscow: YSK, 456 p.
2. Almaany.com (n.d.). Available at May 20, 2026 from https://www.almaany.com/.
3. Arabic Lexicon. — URL: https://arabiclexicon.hawramani.com/ (date of access: 20.05.2026).
4. Oxford English Dictionary. — URL: https://www.oed.com/ (date of access: 20.05.2026).
5. Merriam-Webster, Oxford Learner's Dictionaries. — URL: https://www.merriam-webster.com/ (date of access: 20.05.2026).

REFERENCES

1. Ataeva, S. (2026). Frazeologizmy v arabskom yazyke: struktura, semantika i osobennosti upotrebleniya = Phraseological Units in the Arabic Language: Structure, Semantics, and Usage Features. *Humanitarian Scientific Journal*, *3-3*, 74–81. EDN KJCEIE.
2. Blehk, M. (1990). Metafora = Metaphor. *Theory of Metaphor (Ed. N. D. Arutyunova)*, 153–172. Moscow: Progress. ISBN 5-01-001599-4.
3. Boyko, M. E. (2012). Kognitivnaya teoriya metametafory = Cognitive Theory of Metametaphor. *Culture and Art*, *5*, 110–114. EDN PXANPN.
4. Budaev, Eh. V. (2007). Stanovlenie kognitivnoy teorii metafory = The Emergence of the Cognitive Theory of Metaphor. *Linguoculturology*, *1*, 19–35. EDN PYCQCP.
5. Kirillova, N. N. (1986). O denotate frazeologicheskoy semantiki = On the Denotatum of Phraseological Semantics. *Topics in the Study of Language*, *1*, 82–90. EDN QFMINT.
6. Kunin, A. V. (1970). Angliyskaya frazeologiya (teoreticheskiy kurs) = English Phraseology (Theoretical Course). Moscow: Vysshaya shkola, 344 p.
7. Nikitin, M. V. (2003). Osnovaniya kognitivnoy semantiki = Foundations of Cognitive Semantics. Textbook for University Students. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia, 277 p. ISBN 5-8064-0708-X. EDN QRBTJH.
8. Oparina, E. O. (1988). Kontseptual′naya metafora = Conceptual Metaphor. *Metaphor in Language and Text*, 65–77. Moscow: Nauka. ISBN 5-02-010889-8.
9. Sokolova, O. V. (2007). Semantika frazeologizmov: sposoby ee predstavleniya i dinamika = Semantics of Phraseological Units: Methods of Representation and Dynamics. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, *2*(65), 10–12. EDN KKPSZB.
10. Tolochin, I. V. (1996). Metafora i intertekst v angloyazychnoy poehzii: lingvostilisticheskiy aspekt = Metaphor and Intertext in English-Language Poetry: A Linguostylistic Aspect. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 96 p. ISBN 5-288-01623-2.
11. Ehl′ Sabruti, R. R. (2017). Osobennosti metaforizatsii arabskoy leksiki = Features of Metaphorization in Arabic Vocabulary. *Language and Culture*, *38*, 80–93. DOI 10.17223/19996195/38/6. EDN ZHUFBL.
12. Gibbs, R. W. (1990). Psycholinguistic Studies on the Conceptual Basis of Idiomaticity. *Cognitive Linguistics*, *1*(4), 417–451.
13. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago, London: University of Chicago Press. ISBN 0-226-46800-3.
14. Shanon, B. (1992). Metaphor: from fixedness and selection to differentiation and creation. *Poetics Today*, *13*(4), 659–685.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51* *Код ВАК 5.9.8*

Лилия Владимировна Копоть
Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, kopot79@mail.ru, SPIN-код: 3014-6687, https://orcid.org/0000-0002-2501-4762

Конструирование гендера в российском мужском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. *В статье в рамках конструирования гендера в политическом дискурсе исследован мужской политический дискурс, представленный текстами (42 текста) в жанрах интервью, выступлений, обращений к избирателям. Методологию исследования составляют критический дискурс-анализ, метод лингвокультурного анализа; метод контекстуального анализа языковых единиц. В результате исследования представлено понятие мужского политического дискурса (языка политиков-мужчин). Проанализированы лексико-грамматические, стилистические особенности речи, свойственные политику-мужчине. Рассмотрены речевые стратегии, доминирующие в мужской политической коммуникации. Выявлено в гендерно маркированном мужском речевом поведении употребление бранной, военной, неологической лексики. Среди стилистических особенностей отмечена гендерно маркированная метафора. Определена апелляция политиков-мужчин к текстам известных историков, философов, полководцев, исторических личностей мужского пола, гендерно маркированным фразеологизмам. Сделан вывод о том, что в мужском политическом дискурсе активно используются манипулятивные стратегии, связанные с приемом маскулинизации путем апелляции к архетипическим ролям воина, защитника, настоящего мужчины; защитника родины, борющегося против «чужих»; к «мужественным» видам спорта; к сфере досуга. Демаскулинизация оппонента осуществляется при помощи угрозы, оскорбления; посредством отказа в обладании мужскими качествами; путем сравнения поведения с женским поведением; дискредитацией по принципу пола; путем намеков на гендерную асимметрию; приема грубой иронии, содержащей двусмысленность. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании вузовских курсов теоретической и прикладной лингвистики, социолингвистики, лингвистической дискурсологии, при разработке спецкурсов по гендерной лингвистике.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политические тексты, политические деятели, гендер, маскулинность, феминность, мужской политический дискурс, гендерная идентичность, язык политиков-мужчин, мужское коммуникативное поведение, русский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Копоть Лилия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, email: kopot79@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Копоть, Л. В.* Конструирование гендера в российском мужском политическом дискурсе / Л. В. Копоть. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 229-238.

Liliya Vladimirovna Kopot'
Adyghe State University, Maykop, Russia, kopot79@mail.ru, SPIN code: 3014-6687, https://orcid.org/0000-0002-2501-4762

Constructing Gender in Russian Male Political Discourse

ABSTRACT. *The article studies the issues of constructing gender in Russian male political discourse in 42 texts in the genres of interview, public speech and voter-directed address. The research methodology includes critical discourse analysis, linguo-cultural analysis, and contextual analysis of linguistic units. As a result of the study, the author defines the concept of male political discourse (the language of men-politicians). The article analyzes the lexico-grammatical and stylistic features of male political speech and identifies its dominant strategies. The study has revealed the use of abusive, military and neological vocabulary in gender-marked male speech behavior. The stylistic features include gender marked metaphor. The study reports that male politicians appeal to texts by renowned historians, philosophers, military commanders, and historical male figures, and employ gender marked phraseological units. The author concludes that male political discourse actively employs manipulative strategies based on masculinization. These strategies appeal to archetypal roles— the warrior, the defender, the "real man" — as well as to the image of the homeland defender fighting the "Others", and are reinforced by references to masculine sports and leisure activities. The opponent is demasculinized through threats and insults, denial of male qualities, comparison of male behavior to female behavioral patterns, gender–based discrediting, hints at gender asymmetry, and crude irony containing ambiguity. The results obtained can be used in teaching university courses of theoretical and applied linguistics, sociolinguistics, linguistic discourse studies, and in designing specialized courses of gender linguistics.*

KEYWORDS: *political texts, politicians, gender, masculinity, femininity, male political discourse, gender identity, language of men-politicians, male communicative behavior, Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Liliya Vladimirovna Kopot', Candidate of Philology, Associate Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia.*

FOR CITATION: *Kopot' L. V.* (2026). Constructing Gender in Russian Male Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 229-238. (In Russ.).

© Копоть Л. В., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования особенностей языковой репрезентации гендера в политическом дискурсе продиктована тем фактом, что традиционно участники политического дискурса во всем мире — мужчины.

Политический дискурс — это сложный тип институционального дискурса [Карасик 2014] в виде знаковой системы [Шейгал 2004], находящийся на пересечении собственно политического и медиадискурса [Wodak 2009], включающий как устные и письменные тексты политического характера, так и социальный контекст общения [Будаев, Чудинов 2006; Чудинов 2012; Будаев 2020].

В зависимости от поставленной цели и существующей ситуации участники политического дискурса выбирают наиболее частые стратегии: на понижение, на повышение, стратегию театральности [Михалева 2009: 45–68]; семантические, когнитивные, прагматические, диалоговые, риторические стратегии [Иссерс 2002: 109]; аргументативное и референциальное манипулирование в политическом дискурсе [Шейгал 2004: 294]. Таким образом, значимую роль в политическом дискурсе играют основные стратегии, связанные с воздействием на адресата и стремлением изменить сознание, подавить волю слушателя путем манипулятивных приемов.

Изучением конструирования маскулинности в политическом дискурсе занимались отечественные ученые: Н. В. Белая [Белая 2009]; Е. С. Гриценко [Гриценко 2005]; А. В. Кирилина [Кирилина 2021]; Т. Г. Попова, К. А. Кокорина [Попова, Кокорина 2020]; Т. Б. Рябова [Рябова 2004]; А. А. Форысенкова [Форысенкова 2021]; Н. А. Цыбина [Цыбина 2019] и др. В работах зарубежных ученых были предприняты попытки исследования мужской и женской коммуникации (R. Bart (1989), R. Lakoff (1975); A. Linke (1991); D. Tannen (1992) и др). Методологической базой изучения маскулинности послужили труды П. Бурдье [Бурдье 2005]; Д. Гилмора (2005); М. Месснера [Messner 2007]; Р. Коннелл (2001, 2015); М. Киммел [Киммел 2006] и др. Гендер, будучи конструктом, детерминирующим социальную природу пола [Кирилина 1999], непосредственно связан с культурными представлениями о сущности маскулинности и фемининности, в языке и дискурсе проявляясь с разной степенью плотности [Кирилина 2000; Зиновьева 2019]. На рубеже веков А. В. Кирилина определяет лингвистические направления исследования гендера, среди которых отмечает языковые средства, участвующие в конструировании гендерной идентичности; анализ различных коммуникативных ситуаций, типов дискурсов, гендерно маркированных; интенсивность конструирования гендера [Кирилина 2000].

Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе может быть представлено как 1) нормативное — следование гендерным нормам, т. е. представлениям о том, какая модель поведения, в том числе речевого, характерна и уместна для мужчины; 2) манипулятивное конструирование — эксплуатация гендерных стереотипов в форме эмфатизации либо нивелирования личностных характеристик, обусловленных гендером [Цыбина 2019: 146]. Формирование и манифестация гендерной идентичности в политическом дискурсе предопределяются демаскулинизацией политиков-мужчин как способ их дискредитации [Рябова 2008], отмечая в гендерной оппозиции «свой» / «чужой» тенденцию к маскулинизации «своих» и феминизации «чужих» как прием в политической борьбе. А. В. Кирилина в обзорной статье «Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия» приходит к выводу о том, что гендер в XXI веке превратился в «политизированный маркер» [Кирилина 2021: 113]. Е. С. Гриценко исследует языковые механизмы конструирования гендера для формирования идеального образа кандидата в политическом дискурсе, воплощающего доминантные признаки мужественности. Автор анализирует «архетипические мужские роли» политиков, вербально представленные в образах солдата, героя, рыцаря, хозяина, выявляет различия в семантике лексических единиц *мужчина* и *мужик* в русской лингвокультуре [Гриценко 2005: 299, 255].

П. Бурдье пишет об историческом, господствующем разделении полов, выражаемом в речевых практиках, о традиционной гендерной оппозиции мужское / женское, в основе которой лежит представление об «ультрамаскулинности, всегда соседствующей с политическим авторитаризмом» [Бурдье 2005: 358]. Д. Гилмор пытается выявить код мужественности, анализируя концепт маскулинности в разных культурах мира, и приходит к выводу о сходных представлениях у людей разных народностей, национальностей о «настоящей мужественности» [Гилмор 2005]. Р. Коннелл в монографии «Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика» отмечает множественные формы маскулинности и фемининности, а также их комбинацию, или андрогинию, отмечая как доминирующую модель маскулинности, поскольку именно она определяет

взаимоотношения как с женщинами — другим полом, так и внутри мужского сообщества [Коннелл 2015]. М. Месснер в статье «Мужественность правителя» на материале американского политического дискурса рассуждает о гегемонной маскулинности в политике, анализируя образ политического лидера, губернатора Калифорнии А. Шварценеггера, известного всему миру в прошлом актера, символизирующего силу, жесткость, угрозу. По мнению автора, сегодня необходимы политики не только борющиеся, гиперсильные (мужчины), но и сострадающие, дальновидные, умные (женщины) [Messner 2007]. Таким образом, исследования гендера в политическом дискурсе в XXI веке связаны с усилением актуализации гендерной идентичности субъектов коммуникации, анализом языковых средств, служащих маркерами маскулинности и фемининности в политическом дискурсе, выявлением механизмов формирования маскулинности / фемининности, изучением гендерных стереотипов и их трансформации, а также метафоризации как способа трансляции гендерных стереотипов.

Исторически политический дискурс андроцентричен. Соответственно андроцентричность политического дискурса предусматривает определенный тип поведения независимо от гендера субъекта политической коммуникации,

Рассмотрим языковое конструирование образа мужчины-политика в СМИ.

1. **Лексические идентификаторы архетипической роли защитника, воина, спасателя.** *Герой РФ (С. Шойгу) — защитник свободной России, заслуженный спасатель. За орденами и медалями стоят реальные достижения и свершения. МЧС создал, можно сказать, спас, С. Шойгу. Созидатель, наверное, слово, которое больше всего ему подходит* [Радиоспутник. 25.03.2020]. Таким образом, в сознании российского избирателя конструируется при помощи СМИ маскулинный образ политика-воина, защитника, спасателя.

2. **Лексические идентификаторы образов борца, спортсмена, победителя.** *В. Путин одержал оглушительную победу на выборах главы государства* [Парламентская газета. 18.03.2024]. Сравним отрицательную оценочность при подаче образа политика, претендовавшего на пост президента. *Другой неудачник этой кампании — знаменитый советский тяжелоатлет Юрий Власов. Заняв на выборах предпоследнее место с 0,20 процента голосов, он покинул политику* [Парламентская газета. 19.03.2018]. Таким образом, спортсмен в жизни, победитель многих соревнований, он проиграл борьбу политическую, посредством лексемы *неудачник* происходит демаскулинизация образа политика как слабого игрока.

3. **Гендерно обусловленная метафора**: *строгий, но заботливый отец, отец нации, политик с железной, твердой рукой, крепкий хозяйственник.* Е.С. Пронина отмечает, что в российском сознании образ «идеального» политика базируется на таких категориях, как „сила эго“, „отец Отечества“» и др. [Пронина 2014: 86]. *Он был строгим, но заботливым отцом* — название статьи, посвященной памяти министра внутренних дел РФ, генерала армии В. Ерина, выдающегося российского государственного деятеля [veteran.caovd.ru. 17.01.2023]. Таким образом, с учетом базовых мужских черт создается имидж правильного российского политика: заботливого, но строгого отца, заботящегося о своих гражданах.

Интересна гендерно маркированная метафора «крепкий хозяйственник». *Хоценко вполне органичен в роли «крепкого хозяйственника», который умеет находить общий язык с федеральным центром* [gazeta-vz.com. 8.06.2023]. Таким образом, хороший политик — это всегда хороший хозяин, умеющий навести порядок в экономической отрасли, сделать процветающим хозяйство, твердой, железной рукой управляющий вверенным ему регионом, областью.

4. **Наличие прозвищ как лексических идентификаторов гендера:** *Лаврова даже сравнивали с Министром иностранных дел СССР А. Громыко, которого прозвали «Мистер Нет» за активное отстаивание советских интересов* [Национальная служба новостей. 21.03.2019]. Прозвище «Мистер Нет» маскулинизирует образы российских министров, поскольку в семантике данного онима актуализируются традиционно мужские качества: сила, твердость характера, ум, бескомпромиссность, неуступчивость, дипломатическая хватка.

5. **Семиотические невербальные идентификаторы внешности**: галстуки, мужские сорочки, обувь, часы. *Галстуки с изображением розовых лебедей и синих мопедов обосновались в его (Д. Медведев) гардеробе уже после перехода на новые должности, чуть менее обязывающие к соблюдению протокола* [style.rbc.ru. 29.09.2023].

6. **Лексические идентификаторы профессиональных и личностных качеств.**

6.1. **Лексические идентификаторы лидерства.** *Теперь после выборов мы можем не фигурально, а буквально говорить о В. В. Путине как о нашем национальном лидере* [Парламентская газета. 18.03.2024].

Бесспорно, после В. Путина это (Р. Кадыров) политик номер один в сегодняшней России [Daly Moscow. 15.06.2022].

6.2. **Лексические идентификаторы харизмы.** *Борис Березовский. Противоречивый, авантюрный, неосмысленный. Яркий, непонятный, харизматичный и упертый* [Волгоград1.ру. 23.01.2021]. Таким образом, идеальный российский политик — это безусловный лидер с выдающимися политическими талантами, способностями, харизмой, умением вести за собой других.

6.3. **Лексические идентификаторы профессионализма.** *Он (С. Лавров) уже был одним из наиболее уважаемых дипломатов России, считался яркой личностью и профессионалом своего дела* [forum-kpfu.ru. 15.06.2024]. Таким образом, профессионализм является обязательным качеством успешного политика.

6.4. **Лексические идентификаторы мужественности.** *Многие от него (Абрамовича) тогда отвернулись, но Путин не испугался* [МК.ru. 7.10.2022].

Таким образом, успешность на политическом поприще во многом связана с такими качествами, как смелость, твердость, решительность, мужественность, что, безусловно, традиционно свойственно более мужчинам, чем женщинам. Соответственно образ идеального политика маскулинен.

6.5. **Лексические идентификаторы интеллекта, остроумия.** *Я (Ельцин) могу на него (Путина) положиться — умный, точный, блестяще формулирует* [МК.ru. 7.10.2022]. СМИ актуализируют образ идеального, успешного политика, который обладает острым умом, владеет ораторским мастерством, умеет точно формулировать мысли.

6.6. **Лексические идентификаторы сдержанности / эмоциональности**. *Впечатление на меня он (В. Путин) произвел самое благоприятное: спокойный, исполнительный* [МК.ru. 7.10.2022]. Таким образом, настоящий политик, по мнению СМИ, должен быть спокойным, выдержанным, невозмутимым. Эмоциональность, как женское качество, понижает статус политика.

6.7. **Лексические идентификаторы силы, жесткости.** *Любой новый человек, сильный внутренне (В. Путин), выиграет у всех этих «стариков»* [ural.kp.ru. 22.11.2019]. *Степашин слишком мягок, немножко любит позировать, любит театральные жесты. Я не уверен в том, что он будет идти до конца, если потребуется, сможет проявить ту огромную волю, огромную решительность, которая нужна в политической борьбе. У Путина, наоборот, воля и решительность есть* [МК.ru. 7.10.2022].

Таким образом, в прессе конструируют идеальный образ политика-мужчины: сильного, жесткого, волевого, с твердым характером. Отрицательно оценивается слабость политика, нехаризматичность, эмоциональность, неумение держать удар.

6.8. **Лексические идентификаторы самостоятельности / исполнительности.** *Мишустин отличный организатор и исполнитель, как Медведев в свое время был «техническим президентом». А России, с точки зрения правящей элиты, нужен самостоятельный президент, которого ценили бы не только на уровне внутренней политики, но и внешней* [forum-kpfu.ru. 15.06.2024]. В данных примерах исполнительность и организаторские способности приобретают в роли контекстных антонимов отрицательную оценочность по отношению к самостоятельности политика. Идеальный политик всегда самостоятелен, независим от чьих-либо мнений и решений. Именно такой президент, по мнению избирателей, должен управлять государством.

Таким образом, идеальный образ политика-мужчины в сознании российского избирателя конструируется при помощи гендерных стереотипов, представленных в масс-медиа, как маскулинный образ политика-воина, защитника, спасателя, крепкого хозяйственника, борца, спортсмена, победителя, заботливого, но строгого отца нации, управляющего твердой, железной рукой. Лексические идентификаторы прозвищ маскулинизируют мужские образы политиков, поскольку апеллируют к таким чертам характера, как ум, хитрость, жесткость, бескомпромиссность, дипломатическая хватка. Образ конструируется при помощи невербальных маркеров одежды (мужских сорочек, мужских костюмов, носков), обуви, часов. Политик-мужчина должен быть харизматичным, компетентным, мужественным, сильным, жестким, остроумным, сдержанным, спокойным, самостоятельным в принятии решений.

Политический дискурс представляет собой интерес для ученых-лингвистов, поскольку «любая власть обладает своим языком», по мнению Р. Барта, который ввел понятие политического языка, созданного «в ходе политического праксиса» [Барт 1989: 526]. Поскольку в российском политическом дискурсе чаще всего участвуют традиционно представители мужского пола, актуально изучение специфики коммуникативного поведения мужчин.

Еще в прошлом веке ученые отметили тот факт, что женщины используют в своей речи слабые формы, в то время как мужской речи свойственны более сильные формы

[Linke 1991]. Н. В. Белая обращает внимание на разницу «словаря» мужчин и женщин: мужчины, по ее мнению, употребляют больше неологизмов, профессионализмов и архаизмов [Белая 2009].

Исследователи стремятся выявить особенности речевого поведения политического деятеля, обращая внимание на возможность установления половой принадлежности пишущего на основе специфических гендерных признаков (Талина, 2003[1]); пол составителя анонимных текстов политической тематики на основе автороведческой экспертизы [Огорелков 2019]. На такую возможность указывал еще в прошлом веке М. Фуко, определявший текст автора как письмо, которому свойственно подчинение, определенные речевые ритуалы, установление, фиксация ролей говорящих / пишущих [Фуко 1996]; пол в процессе социализации накладывает определенный отпечаток на речевое поведение индивида, субъект демонстрирует маскулинность или фемининность через посредство коммуникативного поведения [Максименко и др. 2020].

Другими словами, современные методы исследования дискурса позволяют выявить определенные тенденции в речевой коммуникации мужчин и женщин при употреблении одних и тех же языковых единиц. В современной политической лингвистике изучаются языковые средства как приемы борьбы за политическую власть [Чудинов 2012], где ученые изучают политический язык. В рамках нашего исследования — язык политиков-мужчин, или мужской / политический дискурс. Рассмотрим *мужской политический дискурс, под которым понимаем лексико-грамматические, стилистические особенности речи, а также речевые стратегии, свойственные политику-мужчине.*

Среди **лексико-грамматических особенностей** мужского политического дискурса отметим употребление 1) **бранной лексики:** *прихвостни Вашингтона* (разг., бран.), *дебилы* (перен. бран.) (С. В. Лавров); *шизофреник* (разг., оскорб.), *одна шушера* (прост, бран., пренебр.), *разгромят к ядреной матери* (Р. А. Кадыров); *он не дурак* (В. Кондратьев); 2) **военной лексики:** *оружие*, *бомбежки*, *солдаты*, *живой щит*, *обстрелы*, *жертвы*, *война*, *безъядерный*, *мародеры*, *военные инструкторы* (В. В. Володин); *пушечное мясо* (Р. А. Кадыров); *информационная война*, *фейковая война*, *СВО в учебнике 11 класса* (С. С. Кравцов). Кроме того, в мужском политическом дискурсе можно отметить 3) **неологизмы**. *Процедуры должны быть удобными, незабюрокраченными. «Опрозрачивание» с помощью больших данных дает колоссальный эффект* (М. Мишустин) [improvement.ru. 2020]. *Хватит кошмарить бизнес* (Д. А. Медведев) [RG.RU,07.08.2008]. *Продолжается курс на дерусификацию. Мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации* (В. В. Путин) [kremlin.ru. 24.02. 2022]. *Мы и на полях СВО отсталинградим фашистов и бандеровцев* (Г. Зюганов) [kp.ru. 18.07.2024].

Среди стилистических особенностей отметим гендерно **маркированную метафору** как стилистический прием. *Нацисты скрываются за мирными жителями, используют так называемый «живой щит». Граждане Украины для Вашингтона — это расходный материал. Но это все готовилось для того, чтобы развязать военные действия по отношению к мирным жителям* (В. В. Володин) [kp.ru. 06.05.2022].

В мужском политическом дискурсе политики-мужчины в качестве прецедентных текстов обращаются к **цитированию, афоризмам, фразеологическим единицам, крылатым выражениям**. *Тяжело в учении, легко в бою* (С. С. Кравцов) [radio.kp.ru. 28.02. 2023]. *Это не значит, что мы должны мириться с дамокловым мечом в виде НАТО; встать под ружье* (А. Ю. Воробьев) [rbc.ru. 27.05.2022].

Таким образом, в дискурсе политиков-мужчин наблюдается частотность использования тактики цитирования. В их речи встречается апелляция к текстам известных историков (В. Ключевский), философов (Ф. Ницше), полководцев (А. Суворов), исторических личностей (Ю. Цезарь, Дамокл); а также гендерно маркированным фразеологизмам, что способствует маскулинизации их образа.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ МУЖСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1. В мужском политическом дискурсе отметим стратегии и тактики маскулинизации политического деятеля. Т. Б. Рябова отмечает, что довольно частым приемом в политическом дискурсе у депутатов, чиновников, партийных работников становится «эксплицированная **маркировка** — **«настоящий мужчина»,** «настоящий мужик»» [Рябова 2004]. По ее мнению, «в андроцентрической культуре „власть“ традиционно соотносится с мужским началом, а „подчинение“ — с женским», поэтому «„настоящим мужчиной“ будет человек, обладающий властью. Соответственно качества „настоящего мужчины“» будут тиражироваться «на всех

[1] Талина, И. В. Гносеологические основы развития гендерной идентичности в педагогической теории и практике : дис. … д-ра пед. наук : 13.00.01 / Талина Ирина Владимировна. — Ульяновск, 2010. — 539 с.

уровнях и микроуровнях власти», поскольку этот прием является одним из «рычагов сохранения гендерной асимметрии» [Рябова 2004]. *Ращу сыновей настоящими мужчинами, воинами, которые никого и ничего не боятся* (Р. А. Кадыров) [gazeta.ru. 29.11. 2016]. Таким образом, перед нами прием самопрезентации, позволяющий создать положительный образ политика — сильного, мужественного, настоящего мужчины, передающего эти качества сыновьям.

2. **Манипулятивная стратегия,** реализуемая при помощи оппозиции **«свои» / «чужие»,** в которой «свой» политик играет архетипическую роль защитника родины, борющегося против «чужих», внешних врагов. При этом «своими» выступают границы собственной страны и «наши солдаты», врагами являются «чужие»: В. Зеленский со своей армией. *Зеленский планомерно готовится со своим народом к войне. А это рядом с нашими границами. Страна, несущая угрозу. Сейчас наши солдаты освобождают Украину от нацизма* (В. В. Володин) [kp.ru. 05.05.2022].

3. Прием **маскулинизации собственного образа** политического лидера осуществляется посредством апелляции к таким атрибутам мужественности, как **качества воина, защитника**. Т. Б. Рябова отмечает, что «свое положительное отношение к армии демонстрируют все политики, рассчитывающие на всенародную любовь» [Рябова 2004]. *Армия — школа жизни, которую желательно пройти каждому мужчине. Солдатская жизнь рихтует качественно. Считаю, экзамен на зрелость я сдал* (А. Ю. Воробьев). [rbc.ru. 27.05.2022].Таким образом, актуализируется стереотип об успешном, сильном политике, политике-воине, защитнике, настоящем мужчине.

4. Стратегия презентации политика, представление себя в выгодном положении посредством **апелляции к «мужественным» видам спорта.** Спорт — исторически мужская сфера, где максимальным образом проявляется состязательность, маневренность, стратегия, ум. Поэтому политики мужского пола любят позиционировать себя как людей, занимающихся «мужественным» видом спорта: борьбой, хоккеем, футболом, горнолыжным спортом. *Я лично там играл в футбол против сборной постпредства Чили* (С. В. Лавров) [Коммерсант. 25.09.2019]. *Для того чтобы быть эффективным чиновником, …надо не забывать заниматься любимым спортом. И я нашел хоккей* (М. Мишустин) [KP.RU. 02.01.2020].

5. Прием маскулинизации политика путем **обращения к сфере досуга.** Характер неформального общения среди политиков-мужчин без присутствия женщин позволяет конструировать маскулинность политического лидера. Т. Б. Рябова указывает на «своеобразную гомосоциальность политического сообщества» [Рябова 2004], служащую прообразом модели «мужской дружбы». *После очередного футбольного матча он (Шойгу) предложил: «Не хочешь попробовать?»* (А. Ю. Воробьев). [ТАСС.RU. 07.08.2018]. *И друзья со мной те же, что и 10–15 лет назад. Чай вместе пьем, в футбол играем, на ринге боксируем* (Р. А. Кадыров) [ТАСС.RU. 28.11. 2016].

6. Стратегия демаскулинизации оппонента с применением приема **угрозы, оскорбления.** *Если речь идет о врагах России, такие должны бояться. Церемониться с ними нельзя. Если попытаются появиться в Чечне, уничтожим всех. Я воин, защитник, служу людям, готов за них жизнь отдать. Я говорю вам про террористов, про шайтанов внутри республики, плясавших под дудку Запада. Нет, они болтуны, бесстыжие люди без чести, совести, родины. Их интересы — подорвать интересы государства. За 30 жалких сребреников. Наш народ сам будет гонять этих людишек, как бродячих собак* (Р. А. Кадыров) [ТАСС.RU. 28.11.2016]. Таким образом, политик использует стратегию самопрезентации, называя себя защитником, воином и одновременно применяя маркеры «чуждости» [Чудинов 2012]: *шайтаны*, *бродячие собаки*, *болтуны*, *люди без совести и чести*, *террористы*, прибегает к угрозам и оскорблениям, что умаляет значимость врагов, оппонентов, способствуя демаскулинизации противника.

7. **Стратегия демаскулинизации** противника в оппозиции «свой» / «чужой» посредством **отказа в обладании мужскими качествами**: *Емельяненко поступил неэтично и не по-мужски, полез в мою семью* (Р. А. Кадыров) [gazeta.ru. 29.11.2016]. *Американцы ведут себя очень уперто, не по-мужски повели себя наши партнеры* (С. В. Лавров) [Коммерсант. 25.09.2019]. Таким образом, говоря о Ф. Емельяненко, бойце ММА, что он поступил не по-мужски, политик Р. А. Кадыров демаскулинизирует образ спортсмена, а комментарий С. Лаврова понижает статус оппонентов относительно поведения иностранных дипломатов.

8. Стратегия демаскулинизации противника в оппозиции «свой» / «чужой» путем **сравнения поведения с женским поведением**. *Скрываются за подолами женщин украинские солдаты* (В. В. Володин) [kp.ru. 05.05.2022].

В данном примере В. В. Володин демаскулинизирует армию противника, обвиняя ее в трусости и попытке «прикрыться» мирным населением, спрятаться за юбку. Он использует гендерно маркированный фразеологизм, тем самым уподобляя недостойное поведение позиции ребенка, боящегося всего, поэтому прячущегося за юбку матери.

9. **Дискредитация** в оппозиции «свой»/«чужой» **по принципу пола.** Сравним реакцию В. Жириновского на назначение Председателем ЦБ РФ Э. Набиуллиной: *Среди банкиров всего мира я никогда не видел женщину. Все банкиры всего человечества только мужчины* (В. В. Жириновский) [BFM.RU. 13.03. 2013]. Таким образом, В. В. Жириновский намеренно дискредитирует образ будущего председателя, акцентируя внимание слушателей на женском поле кандидата на должность. И здесь же имплицитно поддерживается мысль о девиантности такого выбора, поскольку идеальный политик — это мужчина.

10. Стратегия дискредитации противника путем намеков **на гендерную асимметрию.** Сомнения в маскулинности противников нередко сопровождаются намеками на их небинарность. Например, Р. А. Кадыров отреагировал на фото трансгендеров в высших эшелонах армии США: *Вот они, натовские воины! Нам западло с ними воевать… Мне даже говорить про них стыдно. Как по ним целиться? Это же срамота такая. Дайте нам нормального противника, чтобы мужественный был, чтобы мы могли внукам рассказывать* [Чечня сегодня. 19.07.2022]. Таким образом, демаскулинизация американских политиков-мужчин осуществляется при помощи дискредитации посредством апелляции к гендерной асимметрии военных армии США.

11. Стратегия театральности, предполагающая определенного рода реакцию на сказанное, реализуемая при помощи **приема грубой иронии, содержащей двусмысленность**. *Мы уже продвинули нашу позицию в решении того самого Комитета ООН по сношениям со страной пребывания. Вот «сношаемся» в этом комитете. Когда в 1971 году название комитета перевели на русский язык как «комитет по сношениям со страной пребывания», никто не знал, что «сношения» будут осуществляться только в одну сторону* (С. В. Лавров) [Коммерсант. 25.09.2019]. Посредством обыгрывания дипломатического термина «сношения» и разговорной единицы *сношаться* в значении «половой акт» глава МИД РФ в грубой, иронической, двусмысленной форме дает негативную оценку действиям политических оппонентов, демаскулинизируя их образ.

ВЫВОДЫ

Итак, конструирование идеального образа политика-мужчины в сознании российского избирателя осуществляется при помощи гендерных стереотипов, представленных в массмедиа как маскулинный образ политика-воина, защитника, спасателя, крепкого хозяйственника, борца, спортсмена, победителя, заботливого, но строгого отца нации, управляющего твердой, железной рукой. Он харизматичный, компетентный, мужественный, сильный, остроумный, спокойный, самостоятельный в принятии решений. Лексические идентификаторы прозвищ маскулинизируют мужские образы политиков, апеллируя к таким чертам характера, как ум, хитрость, жесткость, бескомпромиссность, дипломатическая хватка. Образ конструируется при помощи невербальных маркеров одежды (мужских сорочек, мужских костюмов, носков), обуви, часов.

Среди лексико-грамматических особенностей гендерно маркированного мужского речевого поведения отметим употребление 1) бранной лексики; 2) военной лексики; 3) неологической лексики. Среди стилистических особенностей: 1) гендерно маркированная метафора, а также апелляция к текстам известных историков, философов, полководцев, исторических личностей мужского пола, гендерно маркированным фразеологизмам. В мужском политическом дискурсе активно используются манипулятивные стратегии, связанные с приемом 1) маскулинизации путем апелляции к архетипическим ролям воина, защитника, настоящего мужчины; защитника родины, борющегося против «чужих»; к «мужественным» видам спорта; к сфере досуга. Демаскулинизация оппонента осуществляется при помощи угрозы, оскорбления; посредством отказа в обладании мужскими качествами; путем сравнения поведения с женским поведением; дискредитацией по принципу пола; путем намеков на гендерную асимметрию; приема грубой иронии, содержащей двусмысленность.

ИСТОЧНИКИ

1. Кадыров высмеял НАТОвских воинов: «Нам западло с ними воевать» // Чечня сегодня. — 19.07. 2022.

2. Набиуллина не устраивает Жириновского своей личной жизнью // BFM.RU. — 13.03.2013.

3. Ванденко, А. Интервью с Андреем Воробьевым, губернатором Московской области: чем пахнет Подмосковье? Отвечу! / А. Ванденко // TACC.RU. — 07.08.2018.

4. Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова газете «Коммерсант», Нью-Йорк // Коммерсантъ. — 25.09.2019.

5. Беляков, Е. Мишустин и его команда: Как налоговики будут управлять Россией / Е. Беляков // KP.RU. — 02.01.2020.

6. Новости. Архив // Радиоспутник. — 25.03.2020.

7. Вятчанин, Н. Матвиенко назвала итоги выборов свидетельством реального сплочения России / Н. Вятчанин // Парламентская газета. — 18.03.2024.

8. Трусевич, С. Люди, метившие в президенты / С. Трусевич // Парламентская газета. — 19.03.2018.

9. Башкатов, С. Он был строгим, но заботливым отцом / С. Башкатов // veteran.caovd.ru. — 17.01.2023.

10. Гращенков И.: «Среди губернаторов „новой волны“ набирает популярность образ крепких советских хозяйственников» // Gazeta-vz.com. — 8.06.2023.

11. Орджоникидзе С., российский дипломат: Второй «Мистер нет» // Национальная служба новостей. — 21.03.2019.

12. Малютина, А. От Путина до Трюдо: какие правила делового гардероба диктуют главы стран / А. Малютина // Style.rbc.ru. — 29.09.2023.

13. Первые после Путина. Самые влиятельные политики современной России. Мнения независимых политологов // Daly Moscow. — 15.06.2022.

14. Черепахин, В. «Революцию делают одни, а пользуются ее результатами другие» / В. Черепахин // Волгоград1.ру. — 23.01.2021.

15. Красильников, А. День рождения Сергея Лаврова: как работать дипломатом, если кругом дебилы? / А. Красильников // Radiosputnik.ru. — 21.03.2022.

16. Иванов, К. Правда о том, как Путин стал президентом / К. Иванов // MK.ru. — 7.10.2022.

17. Юмашев В. в интервью В. Познеру: Почему Борис Николаевич сделал своим преемником Путина // URAL.KP.RU. — 22.11.2019.

18. Ворсобин В., Кривякина Е., Чесноков Э. Вячеслав Володин: Ни ядерного удара, ни нового 37-го года не будет // Kp.ru. — 06.05.2022.

19. Лыков, А. «Жизнь после Путина» — пять кандидатур на пост Президента России в 2024 году / А. Лыков // Forum-kpfu.ru. — 15.06.2024.

20. Интервью М. Мишустина Глебу Архангельскому // improvement.ru. — 2020.

21. Медведев Дмитрий: Бизнесмены должны прекратить коррумпировать правоохранительные органы и чиновников // RG.RU. — 07.08.2008.

22. Путин В. В. Обращение Президента РФ // Kremlin.ru. — 24.02.2022.

23. Зюганов Г. Интервью политическому обозревателю А. Гамову // Kp.ru. — 18.07.2024.

24. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В.Лаврова Ассоциации «Франко-Российский диалог» // Парламентклуб.рф. — 21.11.2025.

25. Кадыров: «Евроичкерийцев» выставили как пушечное мясо против России // EADaily. — 10.03.2022.

26. Володин, В. О спецоперации, работе Госдумы в новых условиях и о прогнозах на будущее / В. Володин // Kp.ru. — 05.05.2022.

27. Кравцов С.: «Мы восстанавливаем единое образовательное пространство». Интервью Министра просвещения РФ С. Кравцова радио «Комсомольская правда» // Radio.kp.ru. — 28.02.2023.

28. Интервью А. Воробьева РБК: «Я не верю, что дойдет до национализации» // Rbc.ru. — 27.05.2022.

29. Кадыров Р.: «Вызовете Емельяненко на бой? Молодцы!» // Gazeta.ru. 29.11.2016.

30. Глава Чеченской Республики в спецпроекте «Первые лица»: Это вам я, Рамзан Кадыров, говорю! // Tass.ru. — 28.11.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика: Поэтика. Пер.с фр. / Р. Барт // сост. Г.К. Косикова. —Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.

2. Белая, Н. В. О проявлении гендерных различий в языке / Н.В. Белая // Rhema. Рема. — Москва, 2009. — С. 97—102. — EDN MVYPCF.

3. Будаев, Э.В. Введение в политическую лингвистику / Э.В. Будаев.— Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2020. — 168 с. — ISBN 978-5-6044793-7-7. — EDN PPUERC.

4. Будаев, Э.В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2006. — 267с. — ISBN 5-7186-0314-6. — EDN XPAEAX.

5. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье.— Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. — С. 286–364. — ISBN 5-89329-761-X. — EDN QOENQL.

6. Гилмор, Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / Дэвид Д. Гилмор ; [пер. с англ. А. А. Казанкова]. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 259, [1] с. — (Гендерная коллекция. Зарубежная классика / Ин-т соц. и гендер. политики). — ISBN 5-8243-0594-3.

7. Гриценко, Е. С. Язык. Гендер. Дискурс / Е. С. Гриценко. — Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. — 267с. — ISBN 5-85746-852-3. — EDN RUGFPV.

8. Жаданова, Н. И. Стереотипы маскулинности в лингвистическом и политическом дискурсе / Н. И. Жаданова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.—2012. — № 2.—С. 5–8. — EDN OXHUBJ.

9. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс.— Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 284 с. — ISBN 5-354-00068-8. — EDN UKGQBL.

10. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2014. — 450 с. — ISBN 978-5-903601-81-3. — EDN UGQVZL.

11. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел. — Москва : РОССПЭН, 2006. —459 с. — ISBN 5-8243-0678-8. — EDN QOFZFJ.

12. Кирилина, А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия / А.В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. Московская международная академия.— 2021.— № 3.— С. 109–147. — DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147. — EDN DJJIUR.

13. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. — Москва : Ин-т социологии РАН, 1999. — 189 с. — EDN OXTFTD.

14. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации / А. В. Кирилина // Гендер как интрига познания.— Москва : Рудомино, 2000. —С. 47–80.

15. Коннелл, Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Р. Коннелл.— Москва : Новое литературное обозрение, 2015.— 426 с. — ISBN 978-5-4448-0248-9.

16. Максименко, О. И. Гендерные особенности речи в интернет-коммуникации / О. И. Максименко, М. А. Савин, О. Е. Почерняева // Вопросы прикладной лингвистики.— 2020. — № 40. — С. 54–86. — DOI 10.25076/vpl.40.03. — EDN AJRRDW.

17. Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва.— Москва : Либроком, 2009.— 252 с. — ISBN 978-5-397-00227-1.

18. Огорелков, И. В. Автороведческая идентификация текстов политического дискурса: эволюция методов / И. В. Огорелков // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот : материалы Международных научных конференций, Екатеринбург, 27–30 ноября 2019 года / отв. ред. Н. Б. Руженцева. — Екатеринбург, 2019. — С. 159–161. — EDN FIELHN.

19. Попова, Т. Г. Вербально-речевой уровень языковой личности / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2.— С. 105–110. — DOI 10.26170/pl20-02-11. — EDN JLPGAF.

20. Рябова, Т. Б. Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества / Т. Б. Рябова // Гендерные исследования.— 2004.— № 10.— С. 207–225. — EDN YLSLRD.

21. Суханов, Ю. Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / Ю. Ю. Суханов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Vol. 9. —№ 1. — С. 200–212. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212. — EDN YVXKSP.

22. Форысенкова, А. А. Гендерные особенности в политическом дискурсе: сравнительный анализ американских политических выступлений / А. А. Форысенкова // Молодой ученый. — 2021. —№ 116.— С. 145–148. — EDN LLJUYP.

23. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. — Москва : Магистериум, 1996. — 446 с. — ISBN 5-85374-006-7.

24. Цыбина, Н.А. Гендерный аспект политического дискурса / Н.А. Цыбина // Филологические науки.—2019.—

Вып. 115.— С. 145–150. — DOI 10.24411/1994-2796-2019-10122. — EDN VWHGUN.
25. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2.— С. 53–59. — EDN PCAVQP.
26. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал.— Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.
27. Lacoff, R. Language and Woman's Place / R. Lacoff.— New York : Harper and Row, 1975. — 93 p.
28. Linke, A. Studienbuch Linguistik / A Linke, M. Nussbaumer, P.R. Portmann. — Tübingen : Niemeyer, 1991. —429 s. — ISBN 3-484-31121-5.
29. Messner, M. The Masculinity of the Governator. Muscle and Compassion in American Politics / M. Messner // Gender & Society. — 2007. — Vol. 21, Iss. 4. — P. 461–480. — DOI 10.1177/0891243207303166.
30. Tannen, D. That's not What I Meant! / D. Tannen. — New York : Balentine Books, 1992. —214 p.
31. Wodak, R. The discourse of politics in action: Politics as usual / R. Wodak.— [S. l.] : Springer, 2009. — 252 p. — ISBN 978-0230316539.

MATERIALS

1. Chechnya segodnya (19.07.2022). Kadyrov vysmeyal NATOvskikh voinov: «Nam zapadlo s nimi voyevat'».
2. BFM.RU (13.03.2013). Nabiullina ne ustraivayet Zhirinovskogo svoyey lichnoy zhizn'yu.
3. TASS.RU (07.08.2018). Vandenko A. Interv'yu s Andreyem Vorob'yevym, gubernatorom Moskovskoy oblasti: chem pakhnet Podmoskov'ye? Otvechu!
4. Kommersant" (25.09.2019). Interv'yu Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova gazete «Kommersant», N'yu-York.
5. KP.RU (02.01.2020). Belyakov Ye. Mishustin i yego komanda: Kak nalogoviki budut upravlyat' Rossiyey.
6. Radiosputnik (25.03.2020). Novosti. Arkhiv.
7. Parlamentskaya gazeta (18.03.2024). Vyatchanin N. Matviyenko nazvala itogi vyborov svidetel'stvom real'nogo splocheniya Rossii.
8. Parlamentskaya gazeta (19.03.2018). Trusevich S. Lyudi, metivshiye v prezidenty.
9. Veteran.caovd.ru (17.01.2023). Bashkatov S. On byl strogim, no zabotlivym ottsom.
10. Gazeta-vz.com (8.06.2023). Grashchenkov I.: «Sredi gubernatorov «novoy volny» nabirayet populyarnost' obraz krepkikh sovetskikh khozyaystvennikov».
11. Natsional'naya sluzhba novostey (21.03.2019). Ordzhonikidze S., rossiyskiy diplomat: Vtoroy «Mister net».
12. Style.rbc.ru (29.09.2023). Malyutina A. Ot Putina do Tryudo: kakiye pravila delovogo garderoba diktuyut glavy stran.
13. Daly Moscow (15.06.2022). Perv·yye posle Putina. Sam·yye vliyatel'n·yye politiki sovremennoy Rossii. Mneniya nezavisimykh politologov.
14. Volgograd1.ru (23.01.2021). Cherepakhin V. «Revolyutsiyu delayut odni, a pol'zuyutsya yeye rezul'tatami drugiye».
15. Radiosputnik.ru (21.03.2022). Krasil'nikov A. Den' rozhdeniya Sergeya Lavrova: kak rabotat' diplomatom, yesli krugom debily?
16. MK.ru (7.10.2022). Ivanov K. Pravda o tom, kak Putin stal prezidentom.
17. URAL.KP.RU (22.11.2019). Yumashev V. v interv'yu V. Pozneru: Pochemu Boris Nikolayevich sdelal svoim preyemnikom Putina.
18. KP.ru (06.05.2022). Vorsobin V., Krivyakina Ye., Chesnokov E. Vyacheslav Volodin: Ni yadernogo udara, ni novogo 37-go goda ne budet.
19. Forum-kpfu.ru (15.06.2024). Lykov A. «Zhizn' posle Putina» — pyat' kandidatur na post Prezidenta Rossii v 2024 godu.
20. Improvement.ru (2020). Interv'yu M. Mishustina Glebu Arkhangel'skomu.
21. RG.RU (07.08.2008). Medvedev Dmitriy: Biznesmeny dolzhny prekratit' korrumpirovat' pravookhranitel'n·yye organy i chinovnikov.
22. Kremlin.ru (24.02.2022). Putin V.V. Obrashcheniye Prezidenta RF.
23. KP.ru (18.07.2024). Zyuganov G. Interv'yu politicheskomu obozrevatelyu A. Gamovu.
24. Parlamentklub.rf (21.11.2025). Interv'yu Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S.V.Lavrova Assotsiatsii «Franko-Rossiyskiy dialog».
25. EADaily (10.03.2022). Kadyrov: «Evroichkeriytsev» vystavili kak pushechnoye myaso protiv Rossii.
26. KP.ru (05.05.2022). Volodin V. O spetsoperatsii, rabote Gosdumy v novykh usloviyakh i o prognozakh na budushcheye.
27. Radio.kp.ru (28.02.2023). Kravtsov S.: «My vosstanavlivayem yedinoye obrazovatel'noye prostranstvo». Interv'yu Ministra prosveshcheniya RF S. Kravtsova radio «Komsomol'skaya pravda».
28. Rbc.ru (27.05.2022). Interv'yu A.Vorob'yeva RBK: «Ya ne veryu, chto doydet do natsionalizatsii».
29. Gazeta.ru (29.11.2016). Kadyrov R.: «Vyzovete Yemel'yanenko na boy? Molodtsy!»
30. TASS.ru (28.11.2016). Glava Chechenskoy Respubliki v spetsproyekte «Perv·yye litsa»: Eto vam ya, Ramzan Kadyrov, govoryu!

REFERENCES

1. Bart, R. (1989). Izbrannyye raboty. Semiotika: Poetika = Selected Works. Semiotics: Poetics. Moscow: Progress.
2. Belaya, N. V. (2009). O proyavlenii gendernykh razlichiy v yazyke = On the Manifestation of Gender Differences in Language. Rhema. Rema, 97–102. Moscow.
3. Budayev, E. V. (2020). Vvedeniye v politicheskuyu lingvistiku = Introduction to Political Linguistics. Saint Petersburg: Science-Intensive Technologies.
4. Budayev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). Sovremennaya politicheskaya lingvistika = Modern Political Linguistics. Yekaterinburg: UrGPU.
5. Burd'ye, P. (2005). Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki = Social Space: Fields and Practices. Moscow: Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg: Aleteya, 286–364.
6. Gilmor, D. (2005). Stanovlenie muzhestvennosti: kul′turnye kontsepty maskulinnosti = The Formation of Manhood: Cultural Concepts of Masculinity. Moscow: ROSSPEHN, 260 p. ISBN 5-8243-0594-3.
7. Gritsenko, Ye. S. (2005). Yazyk. Gender. Diskurs = Language. Gender. Discourse. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky NNSU.
8. Zhadanova, N. I. (2012). Stereotipy maskulinnosti v lingvisticheskom i politicheskom diskurse = Stereotypes of Masculinity in Linguistic and Political Discourse. Izvestiya Vuzov. North Caucasus Region. Social Sciences, 2, 5–8.
9. Issers, O. S. (2002). Kommunikativn·yye strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. Moscow: Editorial URSS.
10. Karasik, V. I. (2014). Yazykovoye proyavleniye lichnosti = Linguistic Manifestation of Personality. Volgograd: Paradigma.
11. Kimmel, M. (2006). Gendernoye obshchestvo = Gender Society. Moscow: ROSSPEN.
12. Kirilina, A. V. (2021). Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'yego tysyacheletiya = Gender and Gender Linguistics at the Turn of the Third Millennium. Issues of Psycholinguistics, 3, 109–147. Moscow International Academy.
13. Kirilina, A. V. (1999). Gender: lingvisticheskiye aspekty = Gender: Linguistic Aspects. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
14. Kirilina, A. V. (2000). Gendern·yye aspekty massovoy kommunikatsii = Gender Aspects of Mass Communication. Gender as an Intrigue of Cognition, 47–80. Moscow: Rudomino.
15. Konnell, R. (2015). Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika = Gender and Power: Society, Personality, and Gender Policy. Moscow: New Literary Review.
16. Maksimenko, O. I., Savin, M. A., Pochernyayeva, O. E. (2020). Gendern·yye osobennosti rechi v internet-kommunikatsii = Gender Features of Speech in Internet Communication. Issues of Applied Linguistics, 40, 54–86.
17. Mikhaleva, O. L. (2009). Politicheskiy diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya = Political Discourse. The Specificity of Manipulative Influence Moscow: Librokom.
18. Ogorelkov, I. V. (2019). Avtorovedcheskaya identifikatsiya tekstov politicheskogo diskursa: ehvolyutsiya metodov = Authors' identification of political discourse texts: an evolution of methods. *Linguopolitical Personology: The Discursive Turn : Proceedings of International Scientific Conferences, Yekaterin-*

burg, November 27–30, 2019 (Resp. Ed. N. B. Ruzhentseva), 159–161. Ekaterinburg. EDN FIELHN.

19. Popova, T. G., Kokorina, K. A. (2020). Verbal'no-rechevoy uroven' yazykovoy lichnosti = Verbal and speech level of a linguistic personality. Political Linguistics, 2, 105–110.

20. Ryabova, T. B. (2004). Muzhestvennost' i zhenstvennost' v politicheskom diskurse sovremennogo rossiyskogo obshchestva = Masculinity and femininity in the political discourse of modern Russian society. Gender Studies, 10, 207–225.

21. Sukhanov, Yu. Yu. (2018). Politicheskiy diskurs kak ob"yekt lingvisticheskogo analiza = Political Discourse as an Object of Linguistic Analysis. RUDN University Bulletin. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics, 9(1), 200–212.

22. Forysenkova, A. A. (2021). Gendern·yye osobennosti v politicheskom diskurse: sravnitel'nyy analiz amerikanskikh politicheskikh vystupleniy = Gender Features in Political Discourse: A Comparative Analysis of American Political Speeches. Young Scientist, 116, 145–148.

23. Fuko, M. (1996). Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti = The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Moscow: Magisterium.

24. Tsybina, N. A. (2019). Gendernyy aspekt politicheskogo diskursa = Gender Aspect of Political Discourse. Philological Sciences, 115, 145–150.

25. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivn·yye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii = Discourse Characteristics of Political Communication. Political Linguistics, 2, 53–59.

26. Sheygal, Ye. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnozis.

27. Lacoff, R. (1975). Language and Woman's Place. New York: Harper and Row.

28. Linke, A., Nussbaumer, M., Portmann, P. R. (1991). Studienbuch Linguistik. Tübingen.

29. Messner, M. (2007). The Masculinity of the Governator. Muscle and Compassion in American Politics. Gender & Society, 21(4), 461–480. DOI 10.1177/0891243207303166.

30. Tannen, D. (1992). That's not What I Meant! New York: Balentine Books.

31. Wodak, R. (2009). The discourse of politics in action: Politics as usual. S.l.: Springer.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 821.111(73)-31(Брэдбери Р.)+811.111'42
ББК Ш33(7Сое)63-8,444+Ш143.21-51 *ГРНТИ 16.21.51* *Код ВАК 5.9.6*

Светлана Андреевна Песина[1]✉, Ляля Гайнулловна Юсупова[2]✉, Сяоминь Чжан[3]✉

[1] Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия, spsesina@bk.ru✉, SPIN-код: 3764-7739, https://orcid.org/0000-0002-3728-256
[2] Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия, lyalyax@bk.ru✉, SPIN-код: 8141-2180, https://orcid.org/0000-0002-6104-2699
[3] Хэнаньский университет животноводства и экономики, Чженчжоу, Китай, xiaominzhang1258@gmail.com✉, SPIN-код: 7308-4968, https://orcid.org/0000-0001-5431-2606

Механизмы формирования метафтонимии ментальной репрезентации «ГОРОД» на основе инвариантно-компонентного анализа

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию комплексного лингвокогнитивного феномена «метафтонимия». Осуществлен критический анализ лингвистических работ, в ходе которого определены различные взгляды и подходы к изучению метафтонимии. Традиционно выделяются такие типы этого приема, как слияние (метафора и метонимия неразрывно переплетены — метафорический смысл содержит метонимический перенос типа «метафора в метонимии» или «метонимия в метафоре», при этом образное сравнение как бы наслаивается на связь внутри предметов) и кумулятивная цепочка, когда один троп порождает другой. Предложен алгоритм анализа метафтонимии, на последнем этапе которого определяется уровень тропов (уровень предложения или расширенного контекста); при анализе художественного текста, в частности, необходимо определить внутритекстовые логические связи и взаимоотношение элементов текста, наличие интертекста и соответствующих пресуппозиций, наличие ценностно-ориентированного текста, в результате чего когнитивные структуры приобретают иной стилистический окрас в рамках скрытой идеи. Определены метафтонимические кумулятивные цепочки на материале романа американского писателя Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков». Ментальная репрезентация «ГОРОД» получила разноуровневую авторскую метафорическую объективацию: на суперординатном уровне приведены метафорические авторские образные модели, структурно профилированные глагольными и субстантивными метафорами субординатного уровня. Выявлено, что метафтонимия способствует созданию нелинейного контекста, многослойности повествования, образно структурирует художественный дискурс. Она создает сложные, многослойные образы, выражая абстрактные идеи через конкретные объекты или действия.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *американская литература, американские писатели, литературные жанры, романы, художественный дискурс, художественные тексты, метафтонимия, метафора, ментальная репрезентация, авторская метафорическая модель, инвариантно-компонентный анализ, двуплановость ментальных образов, образ города.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Песина Светлана Андреевна, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия, email: spsesina@bk.ru.*

Юсупова Ляля Гайнулловна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации, Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург, Россия, email: lyalyax@bk.ru.

Чжан Сяоминь, преподаватель, Хэнаньский университет животноводства и экономики, Китай, провинция Хэнань, Чженчжоу, email: xiaominzhang1258@gmail.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, 26-18-20002 от 12.05.2026 г., а также при финансовой поддержке проекта Стартового фонда научно-исследовательских работ докторов наук Хэнаньского университета животноводства и экономики «Конструирование и эволюция образа Китая в российских СМИ в XXI веке» (№ M4050095) и стандартного проекта исследований в области гуманитарных и социальных наук в высших учебных заведениях провинции Хэнань «Перевод и рецепция современной Хэнаньской литературы в русскоязычном мире» (№ 2026-ZZJH-101).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Песина, С. А.* Механизмы формирования метафтонимии ментальной репрезентации «ГОРОД» на основе инвариантно-компонентного анализа / С. А. Песина, Л. Г. Юсупова, С. Чжан. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 239-245.

Svetlana A. Pesina[1]✉, Lyalya G. Yusupova[2]✉, Xiaomin Zhang[3]✉

[1] Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russia, spsesina@bk.ru✉, SPIN code: 3764-7739, https://orcid.org/0000-0002-3728-256
[2] Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia, lyalyax@bk.ru✉, SPIN code: 8141-2180, https://orcid.org/0000-0002-6104-2699
[3] Henan University of Animal Husbandry and Economy, China, Henan Province, Zhengzhou, xiaominzhang1258@gmail.com✉, SPIN code: 7308-4968, https://orcid.org/0000-0001-5431-2606

© Песина С. А., Юсупова Л. Г., Чжан С., 2026

Mechanisms of Formation of Metaphtonymy of the Mental Representation of "CITY" on the Basis of Invariant-Component Analysis

ABSTRACT. *The article studies the complex linguocognitive phenomenon "metaphtonymy." The authors present a critical analysis of linguistic works, in the course of which various views and approaches to the study of metaphtonymy have been identified. Traditionally, the following types of this device are distinguished: fusion (metaphor and metonymy are inextricably intertwined — the metaphorical meaning contains a metonymic transfer of the type "metaphor within metonymy" or "metonymy within metaphor," and the figurative comparison seems to be laid upon the connection within the objects) and cumulative chain, when one trope gives rise to another. The study suggests an algorithm for analyzing metaphtonymy, the final stage of which involves determining the level of tropes (the sentence or extended context level). When analyzing a literary text, in particular, it is necessary to identify the intratextual logical connections and the relationship between the textual elements, the presence of intertext and the corresponding presuppositions, and the presence of a value-oriented text, as a result of which, cognitive structures acquire a different stylistic coloring within the framework of the implicit idea. The article describes metaphtonymic cumulative chains in the novel "Dandelion Wine" by the American writer Ray Bradbury. The mental representation of "CITY" has received authorial metaphorical objectification at different levels: at the superordinate level, metaphorical figurative models are presented, structurally profiled by verbal and substantive metaphors of the subordinate level. It has been revealed that metaphtonymy contributes to the creation of a non-linear context, the multi-layered nature of the narrative, and structurally organizes artistic discourse in a figurative way. It creates complex, multi-layered images, expressing abstract ideas through concrete objects or actions.*

KEYWORDS: *American literature, American writers, literary genres, novels, literary discourse, literary texts, metaphtonymy, metaphor, mental representation, authorial metaphorical model, invariant-component analysis, multi-layered nature of mental images, image of the city.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Pesina Svetlana Andreevna, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor of Department of Linguistics and Translation, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russia.*

Yusupova Lyalya Gaynullovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Business Communication, Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia.

Zhang Xiaomin, Assistant Lecturer, Henan University of Animal Husbandry and Economy, China, Henan Province, Zhengzhou.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation 26-18-20002 of 12.05.2026, as well as with the financial support of the project of the Startup Fund for Research Works of Doctors of Sciences of Henan University of Animal Husbandry and Economics "Designing and evolving the image of China in the Russian media in the 21st century" (No. M4050095) and the standard research project in the field of humanities and social sciences in higher educational institutions of Henan province "Translation and reception of modern Henan literature in the Russian-speaking world" (No. 2026-ZZJH-101).

FOR CITATION: *Pesina S. A., Yusupova L. G., Zhang X*. (2026). Mechanisms of Formation of Metaphtonymy of the Mental Representation of "CITY" on the Basis of Invariant-Component Analysis. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 239-245. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время лингвисты с повышенным интересом рассматривают последовательное использование тропеических преобразований значений в рамках расширенного метафорического переноса. Исследователи текстовой метафтонимии [Goossens 2009; Dirven R., Pörings 2003; Denroche 2014; Падучева 2004 и др.] обсуждают иерархические конструкции в тексте типа «метафора — метонимия» или «метафора — метонимия — метафора». В рамках метафтонимии рассматривается семантика расширенной метафоры, метонимических кластеров и цепей, наложение или слияние метафоры и метонимии. Авторы справедливо полагают, что случаи, когда в языковом выражении задействованы сразу оба концептуальных процесса, например, когда метафора содержит метонимию, приводят к усилению экспрессивности создаваемых образов, лучшему структурированию предложения. При этом данные тропы могут взаимодействовать на уровне достаточно крупных отрезков текста.

В России вопросы метафтонимии рассматриваются в работах, публикуемых в сборниках серии «Когнитивные исследования языка», где анализируются когнитивные механизмы метафтонимии в художественном и рекламном дискурсе, мультимодальных переносах [Ремянникова 2022]. В частности, разграничением метафоры и метонимии в употреблении собственных имен и их метафтонимическим совмещением занимаются исследователи Уральской лингвистической школы [Плотникова 2019].

Л. Гуссенс, как автор данного термина, рассматривает метафтонимию как пересекающиеся тропеические сущности, функционирующие в контексте на уровне предложения в сочетании друг с другом и как «чередующиеся промежуточные стадии в континууме метонимии-метафоры»: «…although in

principle metaphor and metonymy are distinct cognitive processes, it appears to be the case that the two are not mutually exclusive. They may be found in combination in actual natural language expressions» [Goossens 1995: 323]. Автор выделяет следующие типы метафтонимии:

1) *слияние* как комплексная метафтонимия, когда метафора и метонимия неразрывно переплетены (метафорический смысл содержит метонимический перенос типа «метафора в метонимии» или «метонимия в метафоре»), при этом образное сравнение как бы наслаивается на связь внутри предметов; при этом слово «внутри» имеет ключевое значение, поскольку оно указывает на идею о том, что присутствуют как метонимия, так и метафора, но между ними существует разница в масштабе; примером данного типа метафтонимиии может служить приводимое в ряде англоязычных работ высказывание *The ham sandwich left without paying* (*Бутерброд с ветчиной ушел, не заплатив*) [Markman 1999], где подлежащие можно понимать как метафору (сходство со сравниваемым объектом по внешнему виду) и одновременно как метонимию (синекдоха: часть — целое), при этом происходит как бы смещение фокуса или профиля рассмотрения ситуации;

2) *кумулятивная цепочка*, когда один троп порождает другой: сначала объект получает название на основе своей формы или свойств (метафора), а затем это слово начинает обозначать явление с ним связанное (метонимия), или наоборот; в кумулятивной метафтонимии действует закон «из», указывающий на процесс деривации, где метонимия или метафора являются «конечным продуктом» или «результатом» [Goossens 1995: 338]; примеры данного типа метафтонимии будут нами представлены ниже.

В целом хочется отметить, что явление метафтонимии еще ждет своих исследователей, поскольку примеров метафтонимии в лингвистической литературе не так много. Так, Д. О. Ремянниковой был представлен один из простых и показательных примеров второго из представленных двух типов метафтонимии, демонстрирующей процесс тропеического кумулятивного «слияния»: *Школа вышла на субботник*. На основе когнитивно-дискурсивного анализа автором определены способы взаимодействия метафоры и метонимии, которые образовали метафтонимию: «школа» — метонимия по механизму «контейнер — содержимое контейнера» и «вышла» — частотная глагольная простая метафора [Ремянникова 2022: 222].

АНАЛИЗ МЕТАФТОНИМИЧЕСКИХ КУМУЛЯТИВНЫХ ЦЕПОЧЕК

Ниже мы представим результаты нашего анализа по выявлению метафтонимических кумулятивных цепочек, функционирующих как на уровне предложения, так и крупных отрезков текста. Мы будем исходить из того, что метафтонимия — это довольно редкое явление и все же случаи, когда мы наблюдаем его в тексте, в подавляющем числе примеров приходятся на комбинации «метафора в метафоре» и, далее по частотности, «метонимия в метафоре». Явление же «метонимия в метафоре» мы классифицируем как редчайшие и даже исключительные случаи, по крайней мере в кумулятивной метафтонимии [Pesina et al 2024; Песина, Юсупова 2024; 2025].

Чтобы понять, как она «работает» на уровне фабулы романа, для начала разберемся в механизме функционирования метафтонимии в нашем понимании. Мы полагаем, что при текстовой метафтонимии один троп функционирует на иерархически более верхнем суперординатном уровне обобщения содержания текста. Чаще всего этот уровень занимает метафора. На более низком субординатном уровне субординатная модель объективируется посредством конкретных метафорических и метонимических переосмыслений. Таким образом осуществляется структурирование текста посредством конфигурации метафорических и метонимических переносов.

Для выявления текстовой метафтонимии необходим следующий алгоритм ее определения:

1) для начала необходимо выявить в тексте тропеические переносы — метафору и метонимию; для этого следует с помощью анализа дефиниций по толковым словарям определить, выступает слово в своем первом или переносном значении; в случае, если перед нами переносное значение, то для констатации метафтонимии необходима одна из двух дальнейших ситуаций:

1.1) определить, является ли данная метафора еще и метонимией или метонимия метафорой (например, *ham sandwich*), если да, то перед ними первый тип метафтонимиии по Л. Гуссенсу — комплексная метафтонимия, или «слияние»;

1.2) определить, окружают ли это значение также тропы; если да, то на этом уровне можно констатировать второй тип метафтонимиии по Л. Гуссенсу — кумулятивную метафтонимическую цепочку;

2) определить уровень тропов (уровень предложения или расширенного контекста):

если мы анализируем художественный дискурс, выяснить, носит ли весь текст или его часть символический характер (метонимия) или в тексте имеется развернутое сравнение и концептуальное уподобление одних сущностей в терминах других (метафора); в частности, необходимо определить внутритекстовые логические связи и взаимоотношение элементов текста, наличие интертекста и соответствующих пресуппозиций, наличие ценностно-ориентированного текста, в результате чего когнитивные структуры приобретают иной стилистический окрас в рамках скрытой идеи; этот уровень позволяет выявлять целые параллельно или последовательно функционирующие метафорические модели в рамках кумулятивной метафтонимии.

В последнем случае метафтонимия может привести к раскрытию глубинных смыслов и переосмыслению всего текста. Она имеет выводной характер с проекцией одной категории на другую и сопровождается расширенной перекатегоризацией со значительным расстоянием между сферами источника и мишени.

Функционирование текстовой метафтонимии будет продемонстрировано на текстовом материале известного романа Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» [Брэдбери 1982]. Будет рассмотрена кумулятивная метафтонимическая цепочка, когда тропы занимают разные текстовые уровни, как бы порождая друг друга. Следует отметить, что уникальная образно-метафорическая манера повествования Р. Брэдбери основана на высокой концентрации авторских метафор, скрытых и явных сравнений с целью создания уникальной модели действительности, которая, своеобразно отражаясь в языке, оказывает эмоциональное воздействие на читателя. Автор осмысляет одни объекты и явления сквозь призму других самым неожиданным и оригинальным образом, предпочитая непрямые номинации прямым.

Сюжеты Р. Брэдбери часто служат фоном для постановки «вечных» вопросов о смысле жизни, одиночестве, экзистенциальном страхе перед природой, непринятием городов, разрушающих индивидуальность, и пр. Следует отметить пессимизм Р. Брэдбери не только по поводу развития небольших городков, но и обеспокоенность автора чрезмерно быстрым ростом больших мегаполисов. Автор с большим скепсисом относился к развитию современных технологий, полагая, что они отвлекает людей от истинных ценностей, уничтожают истинные чувства и способствует развитию одиночества. В этом смысле роман, являясь, безусловно, срезом своего времени, и сегодня привлекает внимание глубоко мыслящих поколений читателей. В частности, в романе через описание бесхитростной жизни подростков небольшого глубинного американского городка просматривается гуманистическое мировоззрение автора и его жизненная позиция в связи с важнейшими вызовами современности.

Итак, в отрывке романа, описывающем жизнь главного героя подростка Дугласа в небольшом американском городке, мы наблюдаем текстовую метафтонимию, в которой ментальная репрезентция «ГОРОД» получает разноуровневую метафорическую объективацию. На суперординатном уровне мы регистрируем три равностатусные метафорические авторские образные модели: «ГОРОД — ЭТО КОРАБЛЬ», «НОЧНОЙ ГОРОД — ЭТО УЖАС», «НОЧНОЙ ГОРОД — ЭТО СМЕРТЬ», которые последовательно наполняются метафорами субординатного уровня.

Выбранный нами метафорический контекст будет интерпретирован посредством инвариантно-компонентного анализа [Песина 2015]. Данный метод позволяет на основе компонентного анализа определить инвариантные ядерные семантические компоненты как основание метафорического переноса и, далее, метафтонимию, выстроив метафоро-метафорические цепочки. В процессе анализа важно определить, каков характер исходного и конечного образов, какие именно образы «накладываются» друг на друга. Так, чем ярче эффект от наложения образов, тем более яркой и свежей ощущается метафоричность и, далее, метафтонимия.

Анализ метафор будет осуществлен на основе класификации концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lackoff, Johnson 2003] и С. А. Песиной [Песина 2023]. Последняя включает следующие четыре класса метафор: 1) простые глагольные метафоры, 2) субстантивные простые метафоры, которые в той же степени что и первые, автоматичны и воспринимаются инстинктивно, но не лишены образности, 3) ассоциативные нетривиальные метафоры, которые требуют активации произвольного внимания и предполагают значительное расстояние между доменами источников и мишеней, 4) сложные многоступенчатые текстовые метафоры с несколькими степенями понимания.

Рассмотрим кумулятивную метафтонимическую цепочку с суперординатной моделью «ГОРОД — ЭТО КОРАБЛЬ». В понимании автора городок, где живет Дуглас, — это ненадежный корабль, старое и опасное пристанище, готовое в любую минуту «выплес-

нуть» человека за борт: «…город всего лишь *большой, потрепанный бурями* (1) корабль, на нем полно народу, и все хлопочут без устали — вычерпывают воду, обкалывают ржавчину» [Брэдбери 1982: 205].

(1) авторская субстантивная образная метафора второго типа и также структурная метафора, образованная по механизму «ГОРОД — ЭТО КОРАБЛЬ»; уточняющий атрибут *потрепанный бурями*, оценивающее наречие *всего лишь* имеют негативную коннотацию. Чтобы определить инвариантные семы, легшие в основу данного переноса, представим результаты нашего инвариантно-компонентного анализа: профилирующими компонентами главного значения слова «город», выступающего в данной метафорической модели областью-мишенью, являются идентифицирующие смыслы *крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр;* возникающий при этом образ и данные компоненты как бы накладываются на семантику главного значения слова «корабль», которое составляет домен-источник (корабль): *крупное парусное или моторное плавучее сооружение для мореплавания, перевозки грузов или пассажиров.* В результате инвариантно-компонентного анализа, предполагающего семантическую редукцию неглавных сем, мы получаем инвариантные компоненты, легшие в основу данного переноса: *как будто бы крупный населенный пункт был крупным плавучим сооружением для мореплавания*.

Поученная в результате анализа авторская метафорическая модель интерпретируется многоуровневыми метафорами, что несомненно, свидетельствует об исключительном и незаурядном таланте автора, который чрезвычайно тонко чувствует язык и мастерски им оперирует: «Порой какая-нибудь шлюпка, хибарка — (1) детище корабля, (2) смытое *неслышной* бурей времени, — (3) тонет в *молчаливых* (4) волнах термитов и муравьев, в (5) *распахнутой* овражьей пасти <…> [Брэдбери 1982: 210].

Данный авторский метафорический контекст также будет интерпретирован посредством предложенного инвариантно-компонентного анализа:

(1) субстантивная авторская однокомпонентная образная метафора второго типа и антропоморфная центробежная структурная метафора по модели «ХИБАРКА — ЭТО ДЕТИЩЕ КОРАБЛЯ». В русском языке профилирующими компонентами главного значения слова «хибарка», выступающего в данной метафорической модели областью-мишенью, являются следующие идентифицирующие смыслы*: небольшой, убогий, ветхий или очень скромный домик.* Возникающий при этом образ и данные компоненты как бы накладываются на семантику главного значения слова «детище», которое составляет домен-источник: *результат упорной работы, продукт собственного труда*. В результате инвариантно-компонентного анализа, предполагающего семантическую редукцию неглавных сем, мы получаем инвариантные компоненты, легшие в основу данного переноса: *как если бы небольшой, убогий, ветхий или очень скромный домик был результатом упорной работы*;

(2) «смытое <…> бурей времени» — это глагольная авторская однокомпонентная метафора первого типа, которую можно также интерпретировать как концептуальную метафору, при которой для описания абстракции (времени) используется глагол, передающий конкретное действие; в метафоре профилируются признаки *удалять загрязнения с поверхности с помощью воды или другой жидкости*; кроме того, анализ представленной метафоры раскрывает действие сопутствующего стилистического приема «оксюморон» — «неслышная буря», вследствие чего профилируется образное сочетание противоречивых сущностей;

(3) (хибара или шлюпка) тонет в (волнах термитов и муравьев) — глагольная семантически распространенная дополнением частотная антропоморфная метафора первого типа, основанная на инвариантных семах *погружаться в воду и гибнуть в ней, опускаясь на дно под действием силы тяжести*;

(4) волны (термитов и муравьев) — это субстантивная авторская распространенная метафора второго типа, которую можно трактовать как структурную метафору по модели «ТЕРМИТЫ И МУРАВЬИ — ЭТО ВОЛНЫ»; профилирующими компонентами главного значения слова «муравей», выступающего в данной метафорической модели областью-мишенью, являются следующие идентифицирующие смыслы*: высокоорганизованные общественные насекомые, живущие большими колониями в кучах из хвои;* возникающий при этом образ и данные компоненты как бы накладываются на семантику главного значения слова «волна», которое составляет домен-источник *поступательное движение на поверхности водоема, образуется при его колебании ветром*. В результате инвариантно-компонентного анализа, предполагающего семантическую редукцию неглавных сем, мы получаем инвариантные компоненты, легшие в основу данного переноса: *как если бы высокоорганизо-*

ванные общественные насекомые, живущие большими колониями в кучах из хвои, совершали бы поступательное движение на поверхности водоема, которое образуется при его колебании ветром;

(5) пасть (оврага) — субстантивная авторская распространенная («распахнутая») метафора второго типа, которую можно трактовать как структурную метафору по модели «ОВРАГ— ЭТО ПАСТЬ». Инвариантно-компонентный анализ показывает, что идентифицирующие семы первого значения многозначного слова «овраг», выступающего в данной метафорической модели областью-мишенью: *глубокая, длинная впадина (рытвина) с крутыми, часто обрывистыми склонами, образованная вымыванием почвы* — как бы накладываются на семантику главного значения слова «пасть» (сфера-источник) — *ротовая полость, у животного, раскрытая, большая, с острыми зубами, опасная*. В результате инвариантно-компонентного анализа, предполагающего семантическую редукцию неглавных сем, мы получаем инвариантные компоненты, легшие в основу данной метафоры: *как если бы глубокая, длинная впадина с крутыми, обрывистыми склонами, образованная вымыванием почвы, была раскрытой, большой, опасной ротовой полостью животного с острыми зубами*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели только часть предложения, которое чрезвычайно парцеллировано в синтаксическом плане и исключительно богато в семантико-стилистическом. Р. Брэдбери преобразует абстрактные понятия в живые образы, формируя уникальное, эстетически насыщенное восприятие мира.

Мы представили кумулятивную текстовую метафтонимию, в которой на суперординатном уровне мы имеем метафорическую авторскую образную модель «ГОРОД — ЭТО КОРАБЛЬ», которая объективирована метафорами субординатного уровня. Город-корабль состоит из множества «хибар» — «детищ», которые «смываются» «бурями времени», «тонут» в «термитных волнах», «исчезают в овражьих пастях». Далее хибары окончательно «глохнут от пыли» и «падают, будучи градом камней и потоком смолы» или тлеющими углями костра, зажженного громом и синей молнией.

Итак, полученные в результате анализа когнитивные репрезентации получили языковое контекстуальное воплощение в объемных метафорических кластерах от более высокого суперординатного уровня до более низкого субординатного уровня, которые мы объединили в рамках метафорических схем или конструктов. Инвариантно-компонентный анализ в комплексе с анализом образов составляет методологическую систему, создавая условия для исследования метафтонимии как лингвокогнитивного феномена. Анализ позволил определить способы взаимодействия разноуровневых метафор, функционирующих в одном контексте в рамках одного предложения, с выявлением инвариантных компонентов, которые явились ядерными в образовании метафтонимии.

ИСТОЧНИКИ

1. Брэдбери, Р. Передай добро по кругу / Р. Брэдбери. — Москва : Молодая гвардия, 1982.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Песина, С. А. Градация метафор в зависимости от образности и уровня вовлечения интеллекта / С. А. Песина, Л. Г. Юсупова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3(111). — С. 41–49. — EDN PHQJKV.

2. Песина, С. А. Метафтонимия как средство создания нелинейного контекста / С. А. Песина, Л. Г. Юсупова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тезисы докладов 83-й Междунар. науч.-техн. конф. — Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2025. — Т. 3. — С. 142. — EDN QYUBNK.

3. Песина, С. А. Градация метафор по уровням интеллектуального восприятия / С. А. Песина // Знак, язык и дискурс в динамике и статике. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2023. — С. 9–30. — EDN EWYQKU.

4. Песина, С. А. Инвариант многозначного слова в феноменологии / С. А. Песина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 2 (43). — С. 120–127. — EDN TPPELZ.

5. Плотникова, А. М. Метафтонимия собственных имен в русском языке / А. М. Плотникова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. — С. 261–263. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77534/1/978-5-7996-2700-3_2019_095.pdf (дата обращения: 10.08.2026).

6. Ремянникова, Д. О. Метафтонимия как лингвокогнитивный феномен / Д. О. Ремянникова // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2022. — № 2(41). — С. 219–225. — DOI 10.34680/2411-7951.2022.2(40).219-225. — EDN CDWHNF.

7. Denroche, C. Metonymy and language: A new theory of linguistic processing / C. Denroche. — New York ; London : Routledge, 2014. — 202 p. — ISBN 978-1138810624.

8. Dirven, R. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / R. Dirven, R. Pörings. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. — 11, 605 p. — ISBN 3-11-017373-5.

9. Goossens, L. Metaphtonymy: The interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by Rene Dirven, Ralf Pörings. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyer, 2009. — P. 349–377. — DOI 10.1515/9783110219197.3.349.

10. Goossens, L. Metaphtonymy: the Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative Expressions for Linguistic Action // By word of mouth: metaphor, metonymy, and linguistic action in a cognitive perspective / ed. by L.Goossens et al. — Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1995. — P. 159–174. — ISBN 90-272-5045-6, 978-9027282712.

11. Lackoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — London : The University of Chicago Press, 2003. — 256 p. — ISBN 978-0226468013.

12. Pesina, S. A. Textual metaphtonymy as opposed to lexical metaphtonymy / S. A. Pesina, S. V. Kiseleva, D. N. Novikov [et al.] // Cadernos de Educação, Tecnologia e Sociedade. — 2024. — Vol. 17, No. S3. — P. 126-136. — DOI 10.14571/brajets.v17.nse3.126-136. — EDN XFMOAC.

MATERIALS

1. Brehdberi, R. (1982). Pereday dobro po krugu = Pass the Good Deed Along. Moscow: Molodaya gvardiya.

REFERENCES

1. Pesina, S. A., Yusupova, L. G. (2025). Gradatsiya metafor v zavisimosti ot obraznosti i urovnya vovlecheniya intellekta = Gradation of Metaphors Based on Imagery and the Level of Intellectual Engagement. *Political Linguistics*, *3*(111), 41–49. EDN PHQJKV.

2. Pesina, S. A., Yusupova, L. G. (2025). Metaftonimiya kak sredstvo sozdaniya nelineynogo konteksta = Metaphtonymy as a Means of Creating a Non-linear Context. *Current Issues in Modern Science, Technology, and Education. Abstracts of the 83rd International Scientific and Technical Conference. Vol. 3*, 142. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University. EDN QYUBNK.

3. Pesina, S. A. (2023). Gradatsiya metafor po urovnyam intellektual′nogo vospriyatiya = Gradation of Metaphors According to Levels of Intellectual Perception. *Sign, Language, and Discourse in Dynamics and Statics*, 9–30. Kemerovo: Kemerovo State University. EDN EWYQKU.

4. Pesina, S. A. (2015). Invariant mnogoznachnogo slova v fenomenologii = The Invariant of a Polysemous Word in Phenomenology. *Issues in Cognitive Linguistics*, *2*(43), 120–127. EDN TPPELZ.

5. Plotnikova, A. M. (2019). Metaftonimiya sobstvennykh imen v russkom yazyke = Metaphtonymy of Proper Names in the Russian Language. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of an International Scientific Conference*, 261–263. Ekaterinburg: Ural University Press. Available at Aug. 10, 2026, from https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77534/1/978-5-7996-2700-3_2019_095.pdf.

6. Remyannikova, D. O. (2022). Metaftonimiya kak lingvokognitivnyy fenomen = Metaphtonymy as a Linguocognitive Phenomenon. *Scholarly Notes of Novgorod State University*, *2*(41), 219–225. DOI 10.34680/2411-7951.2022.2(40).219-225. EDN CDWHNF.

7. Denroche, C. (2014). Metonymy and language: A new theory of linguistic processing. New York, London: Routledge, 202 p. ISBN 978-1138810624.

8. Dirven, R., Pörings, R. (2003). Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 11, 605 p. ISBN 3-11-017373-5.

9. Goossens, L., Pörings, R. (Eds.) (2009). Metaphtonymy: The interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action. *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*, 349–377. Berlin, New York: Mouton de Gruyer. DOI 10.1515/9783110219197.3.349.

10. Goossens, L. (1995). Metaphtonymy: the Interaction of Metaphor and Metonymy in Figurative Expressions for Linguistic Action. *By word of mouth: metaphor, metonymy, and linguistic action in a cognitive perspective (ed. by L.Goossens et al.)*, 159–174. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins. ISBN 90-272-5045-6, 978-9027282712.

11. Lackoff, G., Johnson, M. (2003). Metaphors We Live By. London: The University of Chicago Press, 256 p. ISBN 978-0226468013.

12. Pesina, S. A., Kiseleva, S. V., Novikov, D. N., et al. (2024). Textual metaphtonymy as opposed to lexical metaphtonymy. *Cadernos de Educação, Tecnologia e Sociedade*, *17*(S3), 126–136. DOI 10.14571/brajets.v17.nse3.126-136. EDN XFMOAC.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.521'33+342.5+81'272
ББК Ш175.42-55+Х71 *ГРНТИ 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8*

Диана Алексеевна Соколова[1,2]
[1] Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, diana.falcone.exp@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-8038-4327
[2] Межрегиональный институт судебных экспертиз и исследований, Ярославль, Россия

Лингвопрагматический лабиринт: историческое влияние кэйго (敬語) и косвенных стратегий на формирование признательных показаний в японских полицейских допросах

АННОТАЦИЯ. *Данная статья исследует критически важную, но часто недооцениваемую роль лингвопрагматических особенностей японского языка, в частности кэйго (почтительного языка) и косвенных коммуникативных стратегий, в контексте полицейских допросов. На фоне поразительного показателя обвинительных приговоров в Японии и центральной роли признаний в судебной системе возникает острая необходимость понять, как тонкие языковые механизмы могут влиять на добровольность и достоверность показаний, потенциально способствуя формированию ложных признаний. Методология исследования включает лингвопрагматический анализ дискурса допросов, выявляющий, как традиционные для японской культуры языковые паттерны, предназначенные для поддержания гармонии и иерархии, трансформируются в инструменты контроля и давления в условиях дисбаланса власти. Осуществлялся лингвопрагматический анализ системы кэйго, анализ косвенных коммуникативных стратегий, анализ структуры и динамики допроса, анализ лексического выбора и семантических полей, психолингвистический анализ. Результаты анализа призваны пролить свет на когнитивное и психологическое воздействие этих стратегий на подозреваемых. Отмечается, что лингвистические особенности японского языка увеличивают риски недопонимания и искажения информации: японский по своей природе является высококонтекстуальным и часто амбивалентным языком, что может быть использовано против допрашиваемого.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *японская судебная лингвистика, полицейские допросы, ложные признания, кэйго, косвенная коммуникация, лингвопрагматика, дайё кангоку (следственные изоляторы в полицейских участках), японское правосудие.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Соколова Диана Алексеевна, аспирант кафедры теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия; эксперт-лингвист, эксперт-психолог, ООО «Межрегиональный институт судебных экспертиз и исследований», Ярославль, Россия, email: diana.falcone.exp@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Соколова, Д. А.* Лингвопрагматический лабиринт: историческое влияние кэйго (敬語) и косвенных стратегий на формирование признательных показаний в японских полицейских допросах / Д. А. Соколова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 246-255.

Diana A. Sokolova[1,2]
[1] Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, diana.falcone.exp@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-8038-4327
[2] Interregional Institute of Forensic Expertise, Yaroslavl, Russia

Linguopragmatic Labyrinth: Historical Influence of Keigo (敬語) and Indirect Strategies on the Elicitation of Confessional Evidence in Japanese Police Interrogations

ABSTRACT. *This article examines the critically important, yet often underestimated, role of the linguopragmatic features of the Japanese language, particularly keigo (respectful language) and indirect communication strategies, in the context of police interrogations. Against the backdrop of the strikingly high conviction rate in Japan and the central role of confessions in the judicial system, there is an urgent need to understand how subtle linguistic mechanisms can influence the voluntary nature and reliability of testimony, potentially leading to false confessions. The research methodology includes linguopragmatic analysis of interrogation discourse, which reveals how linguistic patterns traditional to Japanese culture and intended to maintain harmony and hierarchy, are transformed into tools of control and pressure under conditions of power imbalance. The study carries out a linguopragmatic analysis of the keigo system, along with an analysis of indirect communicative strategies, an analysis of the structure and dynamics of the interrogation, an analysis of lexical choice and semantic fields, and a psycholinguistic analysis. The results of the analysis are intended to shed light on the cognitive and psychological impact of these strategies on suspects. It is noted that the specific linguistic features of the Japanese language increase the risks of misunderstanding and distortion of information: Japanese is inherently a highly contextual and often ambivalent language, which can be used against the person being interrogated.*

KEYWORDS: *Japanese forensic linguistics, police interrogations, false confessions, keigo, indirect communication, linguopragmatics, daiyo kangoku, detention centers, police stations, Japanese jurisdiction*.

© Соколова Д. А., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Sokolova Diana Alekseevna, Post-Graduate Student of Department of Language Theory and German, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia; Forensic Linguist, Forensic Psychologist of Interregional Institute of Forensic Expertise LLC, Yaroslavl, Russia.*

FOR CITATION: *Sokolova D. A.* (2026). Linguopragmatic Labyrinth: Historical Influence of Keigo (敬語) and Indirect Strategies on the Elicitation of Confessional Evidence in Japanese Police Interrogations. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 246-255. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Интерес к Японии и японскому языку обусловлен как генетическим статусом ее языка-изолята и его уникальными лингвистическими характеристиками, так и значительной ролью страны в современном глобальном контексте. Японская система уголовного правосудия является предметом пристального внимания и международных дискуссий, отчасти из-за ее уникальных характеристик, которые порой кажутся парадоксальными для западного наблюдателя. Японские прокуроры признаны международным сообществом одними из самых лучших, а деятельность японской прокуратуры ставится в пример многими исследователями [Johnson 2001: 5]. Одной из наиболее обсуждаемых особенностей является феноменально высокий процент обвинительных приговоров [Johnson 2001]. Этот показатель, в сочетании с центральной ролью признания (jihaku-shugi) в качестве ключевого доказательства, вызывает серьёзные вопросы относительно добровольности и достоверности таких признаний на стадии предварительного расследования, особенно учитывая практику дайё кангоку (Daiyō kangoku, 代用監獄) [Unknown author, 1992] — «замещающей тюрьмы», когда подозреваемые содержатся в полицейских участках, а не в следственных изоляторах, что создает условия для длительных и интенсивных допросов без присутствия адвоката [Johnson 2024].

Д. Джонсон [Johnson 2001: 5] заявляет, что хотя японская прокуратура, вступающая в процесс на стадии обвинения в суде, не является такой «фашистской», как было до войны, однако она по-прежнему остается опасной, поскольку сочетает в себе «власть предвзятого осуждения» с жесткой бюрократической и иерархической структурой, а путь к судебному обвинению, которое поддерживает прокуратура, начинается с допросов в полицейских участках.

Актуальность исследования представляет лингвистическое осмысление международной критики системы дайё кангоку и методов допроса.

Цель работы: провести комплексный лингвопрагматический анализ использования кэйго и косвенных коммуникативных стратегий в контексте полицейских допросов в Японии и оценить их влияние на процесс получения признательных показаний.

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования включает лингвопрагматический анализ системы кэйго, анализ косвенных коммуникативных стратегий, анализ структуры и динамики допроса, анализ лексического выбора и семантических полей, психолингвистический анализ.

3. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Теоретически обосновать роль языка в формировании показаний и рассмотреть особенности японской коммуникации с акцентом на кэйго и косвенность в контексте правового дискурса.
2. Идентифицировать и классифицировать конкретные формы кэйго и косвенные стратегии, используемые сотрудниками правоохранительных органов и подозреваемыми в записях допросов.
3. Проанализировать прагматические функции этих языковых явлений в создании атмосферы допроса, включая установление контроля, применение скрытого давления, формирование псевдо-раппорта и побуждение к признанию.
4. Исследовать потенциальное психологическое и когнитивное воздействие кэйго на подозреваемого-японца, в частности, их роль в формировании податливости, конформности и риске ложных признаний.

4. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Несмотря на недавние реформы, такие как обязательная видеозапись допросов по тяжким преступлениям, фундаментальное значение признания в японском правосудии остается неизменным. Исторически сложившаяся культура, где признание вины часто воспринимается как акт покаяния, способствующий восстановлению социальной гармонии (wa), создает уникальную динамику в процессе допроса. Международные правозащитные организации, включая Комитет ООН по правам человека, неоднократно выражали озабоченность по поводу потенциального давления и принуждения, связанных с длительным содержанием под стражей и методами допроса, которые могут привести

к ложным чистосердечным признаниям[1]. В этом контексте, лингвистический аспект приобретает первостепенное значение, поскольку именно язык является основным инструментом взаимодействия между допрашивающим и подозреваемым. Понимание того, как особенности японской коммуникации используются и интерпретируются в стрессовой ситуации допроса, становится критически важным для оценки справедливости и прозрачности судебного процесса.

Японское общество высоко ценит гармонию и избегание конфликтов (wa, 和 — гармония). В контексте допроса, где следователь представляет собой авторитетную фигуру, подозреваемый может чувствовать сильное давление к сотрудничеству и сохранению гармонии, даже если это означает признание вины. Отказ от сотрудничества или прямое отрицание может быть воспринято как нарушение гармонии, что крайне нежелательно.

Проблема исследования заключается в том, чтобы выяснить, как уникальные лингвопрагматические особенности японского языка (в частности, кэйго) могут быть использованы или интерпретированы таким образом, что это влияет на добровольность и достоверность признательных показаний, потенциально приводя к самооговору.

Японский язык характеризуется сложной системой кэйго (keigo, 敬語) — почтительных форм речи, которые отражают иерархические отношения и социальный статус говорящих. Помимо кэйго, японская коммуникация широко использует косвенные стратегии, намеки, подразумевания и замалчивания, что является частью культурного стремления к гармонии и избеганию прямых конфронтаций [Fuki 2002]. В повседневной жизни эти особенности способствуют эффективному и вежливому взаимодействию. Однако в асимметричной среде полицейского допроса, где существует явный дисбаланс власти и психологическое давление, эти же лингвистические инструменты могут трансформироваться в мощные рычаги влияния. Проблема заключается в том, что использование кэйго и косвенных стратегий допрашивающим может создавать иллюзию уважения или сочувствия, маскируя при этом давление, внушение или манипуляцию, что затрудняет для подозреваемого (особенно в уязвимом состоянии) адекватную оценку ситуации и свободное выражение своей воли. Это может привести к тому, что признания, полученные в таких условиях, не будут являться по-настоящему добровольными или достоверными.

4.1. Теоретические основы и концептуальный аппарат

Данная часть призвана заложить прочный теоретический фундамент для последующего анализа, представив ключевые концепции из области лингвистики, прагматики, психолингвистики и культурологии, которые необходимы для понимания сложного взаимодействия между языком, властью и формированием показаний в контексте японских полицейских допросов. Мы рассмотрим природу показаний как речевого акта, углубимся в проблему ложных признаний с психолингвистической точки зрения, а затем остановимся на уникальных особенностях японской коммуникации, таких как система кэйго и косвенность, а также их потенциальном влиянии на когнитивные процессы подозреваемых.

Полицейский допрос — это не просто обмен информацией, а высокоструктурированное, асимметричное коммуникативное мероприятие, где язык выступает центральным инструментом для достижения определенных целей. Понимание его лингвистической природы критически важно для анализа динамики взаимодействия между допрашивающим и подозреваемым.

В рамках теории речевых актов, разработанной Дж. Остином [Austin 1975] и Дж. Сёрлем [Searle 1970], любое высказывание рассматривается не только как передача информации, но и как действие. Показания, и в особенности признания, являются особым типом речевого акта. С одной стороны, они представляют собой ассертивный речевой акт — утверждение о факте или событии, предполагающее истинностное значение. С другой стороны, в контексте допроса, признание приобретает мощную иллокутивную силу — намерение говорящего (подозреваемого) взять на себя ответственность за деяние, и перлокутивную силу — воздействие на слушателя (допрашивающего и, в дальнейшем, судебную систему), приводящее к определенным последствиям (например, предъявлению обвинения).

Однако показания, полученные в ходе допроса, отличаются от обычных ассертивных актов. Они формируются в условиях институционального давления, где свобода выбора говорящего (подозреваемого) значительно ограничена. Допрашивающий, обладая властью, активно конструирует дискурс,

[1] Amnesty International Japan: Justice in Question. The Case for Fundamental Reform of the Criminal Justice System. Amnesty International Publications. URL: https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/06/asa220102012en.pdf (accessed: 29.07.2025).

используя вопросы, утверждения, намеки и оценки, которые могут направлять или даже искажать высказывания подозреваемого, в том числе не в его пользу. Таким образом, показания становятся результатом не только внутренней воли говорящего, но и сложного лингвистического и психологического взаимодействия, где каждая сторона преследует свои цели.

Феномен ложных признаний — когда человек признается в преступлении, которого не совершал, — является одной из наиболее тревожных проблем в уголовном правосудии. Исследования Дж. Кассина и К. Райтсман [Kassin, Wrightsman 1985; Kassin 2014] выделяют три основных типа ложных признаний:

1. Добровольные ложные признания — сделанные без принуждения, часто из-за желания защитить кого-то, психического расстройства или стремления к известности.

2. Вынужденные (соглашательские) ложные признания — сделанные для прекращения допроса, избежания наказания или получения обещанной выгоды, при этом подозреваемый внутренне знает о своей невиновности.

3. Вынужденные (интернализованные) ложные признания — сделанные после того, как подозреваемый начинает верить в свою виновность под воздействием внушения, манипуляций или ложных доказательств.

Лингвистические факторы играют ключевую роль в формировании вынужденных признаний. Это включает использование допрашивающими:

– Наводящих вопросов (формулировка, которая предполагает желаемый ответ).

– Манипулятивных формулировок (создание ложной дилеммы, минимизация тяжести преступления, предложение «понимания» или «помощи» в обмен на признание).

– Переинтерпретации отрицаний (отвержение допрашивающим заявлений о невиновности как лжи или проявления сопротивления).

– Лингвистического давления (многократное повторение вопросов, настойчивые просьбы «сказать правду», использование угроз или обещаний, выраженных в завуалированной форме).

– Дискурсивного контроля (монополизация права на определение темы, порядка высказываний, прерывания и переформулирования слов подозреваемого).

Эти стратегии, вкупе с психологическим давлением (изоляция, лишение сна, длительность допроса), могут подрывать способность подозреваемого к сопротивлению и рациональному осмыслению ситуации, делая его уязвимым для формирования ложных показаний. В контексте сталинизма описываемый способ допроса можно сопоставить с внутренними тюрьмами НКВД или временными камерами при оперуполномоченных, где содержались арестованные до или во время следствия.

Дискурс допроса по своей природе является асимметричным. Допрашивающий обладает институциональной властью, которая проявляется не только в физическом контроле над подозреваемым (задержание, помещение в камеру), но и в лингвистическом контроле над коммуникацией.

Эта динамика власти усиливается в японском контексте, где социальная иерархия и уважение к авторитету глубоко укоренены в культуре. Лингвистические маркеры власти и статуса, такие как кэйго, становятся не просто формой вежливости, но инструментом поддержания этой иерархии и осуществления контроля в условиях допроса.

Японская коммуникация значительно отличается от западных моделей, что обусловлено глубокими социокультурными факторами. Понимание этих особенностей критически важно для анализа дискурса допроса.

Система кэйго делится на почтительную (尊敬語), скромную (謙譲語) и вежливую (丁寧語) речь.

Кэйго — это сложная система уважительной речи, неотъемлемая часть японского языка, которая отражает иерархические отношения, социальный статус, степень близости и эмоциональное состояние говорящих [Ide 1989; Wetzel 2004]. Выделяют три основные категории:

Сонкэйго (尊敬語 — почтительная речь) используется для возвышения действий или состояния собеседника или лица, о котором говорят. Например, вместо iku (идти) используется irassharu. Цель — выразить уважение к статусу или положению другого.

Кэндзёго (謙譲語 — скромная речь) используется для принижения действий или состояния самого говорящего или лица из его группы (например, компании), чтобы выразить уважение к собеседнику. Например, вместо iku (идти) используется mairu. Цель — проявить скромность и тем самым показать, что статус собеседника выше статуса говорящего.

Тэйнэйго (丁寧語 — вежливая речь): общая форма вежливости, используемая для нейтрального выражения уважения к собеседнику, обычно через использование окончаний -masu и -desu. Это самый распространенный тип кэйго.

Функции кэйго выходят за рамки простой вежливости: они служат для поддержания

социальной гармонии (wa), четкого определения иерархии, демонстрации принадлежности к определенной группе (uchi-soto — «свои — чужие») и управления впечатлением. В контексте допроса, кэйго, используемое допрашивающим, может создавать ложное впечатление уважения или даже сочувствия, в то время как подозреваемый, находясь в подчиненном положении, вынужден использовать кэйго в адрес допрашивающего, что подчеркивает его зависимость и может способствовать пассивности или конформности.

Косвенность (kansetsusei, 間接性) — это культурные предпосылки (гармония, избегание конфронтации). Она выражается в стремлении избегать прямых, категоричных или слишком личных высказываний, чтобы проявить уважение, смирение, деликатность и избежать навязывания своего мнения или желания собеседнику.

Японская коммуникация традиционно отдает предпочтение косвенности над прямолинейностью. Это коренится в стремлении к поддержанию социальной гармонии (wa), избеганию прямой конфронтации и сохранению «лица» как своего, так и чужого. Культурные концепции, такие как omoiyari (сочувствие, внимательность к чувствам других) и enryo (сдержанность, стеснение), способствуют развитию косвенных стратегий.

Важным аспектом является дихотомия honne (本音 — истинные чувства, намерения) и tatemae (建前 — фасад, публичное поведение). В японской культуре часто ожидается, что человек будет выражать tatemae, скрывая при этом honne, особенно в официальных или иерархических отношениях. Это приводит к широкому использованию косвенных речевых актов:

– намеки и подразумевания: информация передается не прямо, а через контекст, интонацию, выбор слов, в ожидании, что собеседник «прочитает между строк»;

– непрямые отказы или согласие: вместо прямого «нет» или «да» используются фразы типа «это будет несколько сложно» или «я подумаю об этом»;

– использование неопределенных выражений: частое употребление tabun (возможно), kamoshirenai (может быть), nanka (что-то вроде) для смягчения категоричности;

– вопросы, маскирующие утверждения или просьбы, например: «Не могли бы вы…?» вместо прямого приказа.

В допросе косвенность может быть использована допрашивающим для скрытого давления или манипуляции, позволяя ему отрицать прямое принуждение. Для подозреваемого, привыкшего к косвенной коммуникации, распознавание истинных намерений допрашивающего может быть затруднено, что увеличивает риск неверной интерпретации и податливости.

В японской культуре молчание (chinmoku 沈黙) является не отсутствием коммуникации, а ее активной, значимой частью [Nakane 1970]. Оно может выражать согласие, несогласие, размышление, неуверенность, уважение или даже форму протеста. В отличие от западных культур, где молчание часто интерпретируется как отсутствие информации, неловкость или даже враждебность, в Японии оно может быть признаком глубокого понимания или обдумывания. Концепция haragei (腹芸 — «искусство общения через живот») подразумевает интуитивное, невербальное понимание между людьми, часто достигаемое через молчание и намеки.

Наряду с молчанием, невербальные сигналы (поклоны, зрительный контакт, жесты, выражение лица) играют огромную роль. Они могут дополнять, усиливать или даже противоречить вербальным высказываниям. В условиях допроса, интерпретация молчания подозреваемого или его невербальных реакций допрашивающим (который может быть обучен западным методам) может быть неверной, что приводит к ошибочным выводам о виновности или невиновности. С другой стороны, допрашивающий может использовать свою невербалику для оказания давления или создания ложного раппорта.

4.2. Психолингвистические аспекты допроса

Психолингвистика изучает взаимосвязь между языком и мышлением. В контексте допроса она помогает понять, как лингвистические стратегии влияют на когнитивное состояние подозреваемого и его способность формировать и выражать показания.

Длительный допрос, изоляция и психологическое давление могут вызывать у подозреваемых ряд когнитивных искажений, такие как искажение памяти, предвзятость подтверждения и внушаемость. Условия дайё кангоку (длительное содержание в полицейском участке, отсутствие сна, изоляция, постоянные допросы) создают экстремальный стресс, который оказывает глубокое влияние на когнитивные функции и речевую деятельность.

Концепция амаэ (甘え), введенная японским психоаналитиком Такео Дои [Doi 2014], описывает уникальную для японской культуры психологическую потребность в пассивной зависимости, желание быть любимым, принятым и прощенным без необходимости

прямого выражения просьб или оправданий. Это фундаментальное чувство, коренящееся в отношениях ребенка с матерью, пронизывает многие аспекты японского общества, включая отношения в семье, на работе и в социальных группах. Амаэ подразумевает негласное ожидание, что другой человек (особенно более старший или авторитетный) проявит доброжелательность, понимание и заботу, даже если это требует нарушения правил или норм.

В контексте допроса, амаэ зачастую становится мощным инструментом манипуляции. Допрашивающий, осознанно или интуитивно, может использовать эту культурную особенность, создавая видимость «родительской» фигуры — понимающей, но строгой. Он может предлагать понимание ситуации подозреваемого, обещать помощь или смягчение обстоятельств в обмен на признание, апеллируя к скрытому желанию подозреваемого быть прощенным или принятым авторитетной фигурой. Подозреваемый, находясь в уязвимом положении и испытывая стресс, может поддаться этой тактике, полагая, что признание вины (даже ложное) приведет к восстановлению гармонии, получению сочувствия и завершению неприятной ситуации, что соответствует проявлению амаэ в отношении допрашивающего. Таким образом, амаэ может способствовать формированию ложных признаний, основанных не на фактах, а на глубоко укорененных культурных и психологических паттернах поведения.

4.3. Лингвопрагматический анализ допросов: механизмы формирования признаний

В данной части мы перейдем от теоретических основ к практическому анализу, исследуя конкретные лингвопрагматические механизмы, которые используются в японских полицейских допросах и могут способствовать формированию показаний, включая ложные признания. Мы рассмотрим, как система кэйго, косвенные стратегии, невербальная коммуникация и просодия функционируют как инструменты власти и манипуляции, а также проанализируем, как эти факторы проявлялись в известных судебных прецедентах.

Следователь, обладающий институциональной властью, стратегически использует кэйго для установления и поддержания своей доминирующей позиции:

● Демонстрация статуса и дистанции — следователи, как правило, обращаются к подозреваемым, используя формы тэйнэйго (вежливая речь, оканчивающаяся на -masu и -desu), а иногда и сонкэйго (почтительная речь), особенно на начальных этапах допроса. Это создает впечатление официальности, дистанции и подчеркивает их авторитетный статус, даже если тон их речи кажется вежливым. Такая «вежливость» может быть воспринята подозреваемым как проявление превосходства, требующее подчинения [Ide 1989].

● Вежливость как форма контроля: использование кэйго следователем может создавать ложное ощущение раппорта или даже заботы, что побуждает подозреваемого к сотрудничеству. Однако эта вежливость является лишь фасадом (tatemae), за которым скрывается цель получить признание. Она может замаскировать давление, делая его менее очевидным и, следовательно, более трудным для отпора. Например, вежливые вопросы, сформулированные в тэйнэйго, могут нести в себе скрытые предположения о виновности, которые подозреваемому труднее оспорить, чем прямое обвинение [Wetzel 2004].

● Создание атмосферы доверия: в некоторых случаях следователи могут использовать более мягкие, почти отеческие формы кэйго или даже переходить на менее формальные стили, чтобы создать иллюзию понимания и сочувствия, апеллируя к культурной концепции амаэ [Doi 2014]. Подозреваемый может воспринять это как знак того, что следователь на его стороне или понимает его положение, что делает его более податливым к признанию.

Подозреваемый, находясь в уязвимом положении, обычно вынужден отвечать следователю, используя кэйго, что является отражением его подчиненного статуса и попыткой соответствовать социальным нормам. Использование кэйго подозреваемым является не только проявлением вежливости, но и признанием власти следователя. Это может способствовать формированию конформного поведения, когда подозреваемый стремится угодить допрашивающему, даже если это означает дачу ложных показаний.

В японской культуре выражение раскаяния и смирения часто ассоциируется с использованием кэндзёго (скромной речи). Подозреваемый, даже будучи невиновным, может использовать эти формы, чтобы продемонстрировать правильное отношение к ситуации, надеясь смягчить отношение следователя или произвести благоприятное впечатление. Это может быть воспринято как признак вины [Wagatsuma, Rosett 1986].

Подозреваемые могут использовать кэйго для того, чтобы их слова звучали более уважительно, менее конфронтационно, или

чтобы выразить покорность, надеясь на снисхождение или более мягкое обращение к себе. Это может быть попыткой «сохранить лицо» и избежать дальнейшего давления [Nakane 1970].

Динамическое переключение между различными стилями кэйго или отказ от них следователем является мощной прагматической тактикой.

Резкий переход от тэйнэйго или сонкэйго к обыденной, фуцуу-тай (futsūtai, ふつう体) или даже грубой речи (yobidashigo, よびだしご — приказной форме) является шоковой тактикой. Это сигнализирует о неудовольствии следователя, его разочаровании или гневе, оказывая сильное психологическое давление на подозреваемого. Это может быть воспринято как отказ от понимания и переход к агрессивному допросу, что подталкивает подозреваемого к признанию для прекращения дискомфорта.

Напротив, возвращение к вежливому кэйго после периода давления может быть использовано для создания «островка безопасности», предлагая подозреваемому свободу через признание. Это может быть частью тактики «хороший полицейский/плохой полицейский», где вежливый тон сопровождается обещаниями смягчения участи в обмен на сотрудничество.

Такие переключения стилей служат для манипуляции эмоциональным состоянием подозреваемого, усиления ощущения контроля со стороны следователя, сигнализации о смене фазы допроса (например, от «дружеской беседы» к «серьезному разговору») и, в конечном итоге, для формирования желаемых показаний.

Таким образом, японская коммуникация характеризуется высокой степенью косвенности, что в условиях допроса может стать источником двусмысленности и манипуляции. Косвенные стратегии позволяют следователю оказывать давление, не прибегая к явным угрозам, что затрудняет оспаривание принуждения.

Вместо прямых вопросов, требующих однозначного «да» или «нет», следователи часто используют косвенные формулировки, которые могут быть наводящими или подразумевать определенный ответ:

– вопросы-намеки: вместо «Вы украли деньги?» может быть задан вопрос типа «Может быть, вы случайно взяли эти деньги?». Такая формулировка облегчает подозреваемому согласие, поскольку она минимизирует тяжесть деяния и предоставляет путь к отступлению;

– вопросы с пресуппозицией: «Как вы это сделали?» вместо «Вы это сделали?». Этот тип вопроса уже предполагает виновность, вынуждая подозреваемого отвечать на «как», а не на «если»;

– риторические вопросы: следователь может задавать вопросы, не ожидая прямого ответа, а для того, чтобы подвести подозреваемого к определенному выводу или вызвать эмоциональную реакцию.

Влияние на подозреваемых заключается в том, что косвенные вопросы менее конфронтационны, но при этом могут быть более эффективными для получения признания, поскольку они обходят прямое отрицание и апеллируют к стремлению избежать прямой конфронтации [Nakane 1970].

Вместо открытого принуждения, следователи часто используют косвенные формулировки, которые подразумевают негативные последствия отказа от признания или позитивные последствия сотрудничества:

– *«Будет лучше для вашей семьи»*: классическая завуалированная угроза/обещание. Фразы типа «Если вы признаетесь, это будет лучше для вашей семьи» или «Мы не хотим, чтобы это повлияло на ваших детей» могут оказывать огромное давление, апеллируя к чувству ответственности подозреваемого и культурной концепции семьи. Это эксплуатирует амаэ, предлагая прощение или помощь со стороны авторитетной фигуры.

– Использование эвфемизмов и смягчающих выражений позволяет следователю снизить эмоциональную или моральную нагрузку на подозреваемого, делая признание менее болезненным.

– Минимизация тяжести преступления: называние кражи номинацией «взятие» (toru), а не «кражей» (nusumu), или нападения — «недоразумением» (mondai) может побудить подозреваемого признаться в меньшем деянии. Это соответствует японской склонности к избеганию прямой конфронтации с неприятной реальностью.

– Смягчение давления: описание самого допроса как «беседы» (hanashi) или «консультации» (sōdan) вместо «допроса» (torishirabe) маскирует его принудительный характер.

– Молчание в японской коммуникации имеет глубокое культурное значение [Nakane 1970]. В контексте допроса оно может быть мощным инструментом давления.

– Тактика ожидания: после заданного вопроса или обвинения следователь может замолчать, создавая неловкую паузу, которая давит на подозреваемого, вынуждая его заполнить тишину. Это может привести к тому, что подозреваемый начинает говорить больше, чем намеревался, или признается, чтобы прекратить дискомфорт.

– Усиление давления: длительное молчание, сопровождаемое интенсивным зрительным контактом или определенной позой, может быть крайне пугающим и использоваться для усиления психологического дискомфорта, заставляя подозреваемого чувствовать себя пойманным в ловушку и изолированным.

– Чтение между строк: японская культура предполагает, что многое передается через невербальные сигналы и контекст (haragei). Молчание следователя может интерпретироваться подозреваемым как сигнал неудовольствия, ожидания признания или даже скрытого осуждения.

– Невербальные сигналы и просодические особенности (интонация, темп, громкость) являются важной частью коммуникации и могут значительно влиять на восприятие сообщения и динамику допроса.

– Интонация: изменение интонации может превратить нейтральное утверждение в вопрос, саркастическое замечание или обвинение. Вопросительная интонация, даже при утвердительной форме предложения, может быть использована для побуждения к подтверждению.

– Наклон вперед, сближение дистанции с подозреваемым может быть использовано для создания ощущения давления или интимности. Расслабленная поза может, напротив, создать ложное ощущение непринужденности.

В японской культуре жесты часто более сдержанны, чем в западных. Однако даже тонкие жесты (например, кивок, жест рукой) могут быть использованы для направления разговора, выражения одобрения или неодобрения, или для подчеркивания определенных слов, а прямой, пристальный взгляд в японской культуре может быть воспринят как агрессивный или неуважительный [Sugimoto 2014]. Следователь может использовать это для оказания давления.

Анализ конкретных судебных дел позволяет увидеть, как лингвистические и прагматические механизмы допроса проявляются в реальной практике и как они могут влиять на исход дела.

Одним из наиболее известных и показательных примеров в Японии, где проблема ложных признаний и методов допроса стоит особенно остро, является дело Хакамады Ивао (Hakamada Iwao). В 2011 году Хакамада Ивао вошел в книгу рекордов Гиннеса как заключенный, который пробыл под стражей самый длительный промежуток времени. В 2024 году в отношении него был вынесен оправдательный приговор, а общий срок заключения составил 58 лет [Johnson 2024].

Хакамада, бывший боксер, был арестован в 1966 году по обвинению в убийстве четырех человек и организации поджога. Он был приговорен к смертной казни, где приговор был основан на его чистосердечном признании, которое он позже отозвал, утверждая, что оно было получено с использованием пыток, давления и лишения сна. Хакамада провел в камере 58 лет, что стало мировым рекордом. В 2024 году суд в Сидзуоке постановил возобновить дело и освободить его, сославшись на сомнения в подлинности доказательств и признания.

Лингвистический аспект: в ходе пересмотра дела и публичных дебатов, значительное внимание уделялось лингвистическому анализу протоколов допросов Хакамады. Было установлено, что его признания были написаны следователями, а не им самим, и содержали множество нелогичных и противоречивых деталей. Лингвистический анализ показал, что стиль и формулировки в разных частях признаний менялись, указывая на то, что они были сфабрикованы следователями. Кроме того, Хакамада давал множество различных версий признаний, что является классическим признаком вынужденного признания [Johnson 2024]. Анализ его речи во время допросов выявил признаки крайней усталости, дезориентации и податливости, что согласуется с психолингвистическими исследованиями влияния стресса и длительного задержания на когнитивные функции. В решении после повторного судебного разбирательства даже упоминалось, что его признание было «сфабриковано» (捏造, или netsuzo).

Хотя прямое лингвистическое исследование протоколов допросов Хакамады не было основным аргументом для его освобождения (им стало обнаружение новых ДНК-доказательств), его дело стало катализатором для более широкой дискуссии о необходимости реформирования японских методов допроса, включая введение видеозаписи, и подчеркнуло важность лингвистического анализа для выявления признаков принуждения.

В Японии относительно мало случаев, где лингвистическая экспертиза допросов была центральным и официально признанным доказательством в суде (в отличие от некоторых западных стран), однако дело Хакамады и другие подобные прецеденты привели к росту осознания необходимости такого анализа. Юристы и правозащитники все чаще обращаются к лингвистам для выявления признаков манипуляции, внушения и психологического давления в протоколах допросов, особенно в случаях, когда обви-

нение основывается исключительно на признании, полученном в условиях длительного задержания и изоляции. Это подчеркивает растущую роль лингвопрагматического анализа в обеспечении справедливости в японской правовой системе.

Оспаривание признаний, полученных с использованием косвенных лингвистических стратегий, представляет собой огромную трудность для защиты в суде.

Лингвистические особенности японского языка, в сочетании с динамикой допроса, увеличивают риски недопонимания и искажения информации, что может привести к формированию неточных или ложных признаний. Японский язык по своей природе является высококонтекстуальным и часто амбивалентным, что может быть использовано против допрашиваемого в процессе допроса:

– Эллипсис (опущение) подлежащих и дополнений: в японском языке часто опускаются подлежащие и дополнения, если они понятны из контекста. В условиях допроса это может привести к недопониманию: фраза «сделал это» (sore o shimashita) может означать «я сделал это», «вы сделали это», «он сделал это» или даже «это было сделано». Следователь может интерпретировать такую фразу как признание, даже если подозреваемый имел в виду что-то другое.

– Отсутствие грамматической категории числа: в японском нет четкого различия между единственным и множественным числом, что может создавать путаницу в отношении количества лиц или предметов, участвующих в событии.

– Зависимость от контекста (bunmyaku): значение многих выражений сильно зависит от контекста и интонации. Следователь может манипулировать контекстом, чтобы придать словам подозреваемого желаемое значение.

Лингвистическое давление в японских допросах усиливается глубоко укоренившимися культурными нормами и ценностями, которые могут подталкивать подозреваемых к признанию, даже если они невиновны.

Помимо всего, в Японии существует глубоко укоренившееся уважение к авторитетным фигурам (полиция, учителя, старшие). Это может заставить подозреваемого чувствовать себя обязанным подчиниться требованиям следователя, даже если они кажутся несправедливыми. Использование кэйго следователем дополнительно усиливает эту иерархию. Отказ от признания может быть воспринят как неуважение к авторитету, что может привести к еще большему давлению.

4.4. Роль стыда (恥) и чести (名誉) в формировании признания

Хадзи (恥 — стыд) в японской культуре является мощным социальным контролером. Сам факт ареста и подозрения в совершении преступления приносит огромный стыд не только подозреваемому, но и его семье, друзьям и даже работодателю. Признание, даже если оно ложное, может быть воспринято как способ смыть часть этого стыда, продемонстрировать раскаяние и попытаться восстановить социальный порядок. Это также может быть попыткой «сохранить лицо» для своей семьи.

Связанная со стыдом концепция чести, мэйё (meiyo, 名誉 — честь) также играет роль. Честь семьи может быть поставлена под угрозу обвинением. В некоторых случаях, признание, даже ложное, может быть воспринято как способ защитить честь семьи, предотвратив дальнейшее публичное расследование и связанные с ним позоры.

В Японии существует особая культура извинений. Извинения часто используются не только как признание вины, но и как способ восстановления отношений и демонстрации раскаяния. Подозреваемый может извиниться за беспокойство, причиненное следователю или обществу, что может быть ошибочно истолковано как признание вины в преступлении [Wagatsuma, Rosett 1986]. Лингвистически, это может выражаться через использование скромных форм кэйго или фраз, выражающих сожаление.

5. ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты проведенного исследования могут быть применены в культурной и межкультурной коммуникации, медиа и общественном просвещении.

6. ВЫВОДЫ

Таким образом, можно уверенно утверждать, что японская система допроса, особенно в части ее психолингвистических и тактических аспектов, демонстрирует сходство с российской системой в своей ориентации на получение признания под давлением. Однако эти методы, основанные на прямой конфронтации, принуждении и манипуляции, часто идут вразрез с глубинными культурными ценностями Японии, такими как гармония, стыд и честь, истинное амаэ и косвенность коммуникации. Это создает уникальный парадокс, где прагматическая и эффективная (с точки зрения получения признаний) правовая система функционирует, используя методы, противоречащие некоторым из самых фундамен-

тальных основ социального взаимодействия в стране.

Лингвопрагматический анализ японских допросов выявляет сложную сеть взаимодействий, где язык перестает быть просто инструментом передачи информации и превращается в мощное средство психологического воздействия путем использования социокультурного контекста. Система кэйго, косвенные стратегии, невербальная коммуникация и просодия, вплетенные в канву глубоко укоренившихся культурных норм и традиций, создают уникальную среду, в которой добровольность признаний может быть серьезно скомпрометирована.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Austin, J. L. How to Do Things with Words / J. L. Austin. — Second Edition. — [S. l.] : Harvard Univ. Pr. publ., 1975. — 192 p. — (The William James Lectures, Vol. 5). — ISBN 9780674252110.
2. Doi, T. The Anatomy of Dependence / T. Doi. — [S.l.] : Kodansha International publ., 2014. — 192 p. — ISBN 9781568365510.
3. Fuki, N. The Role of Cultural Influences in Japanese Communication: A Literature Review on Social and Situational Factors and Japanese Indirectness / Nakai Fuki // 異文化コミュニケーション研究. — 2002. — No 14. — P. 99–122.
4. Ide, S. Formal forms and discernment: Two Neglected Aspects of Universals of Linguistic Politeness / S. Ide // Multilingua — Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication. — 1989. — Vol. 8, Iss. 2/3. — P. 223–248. — DOI 10.1515/mult.1989.8.2-3.223.
5. Johnson, C. Conspiracy at Matsukawa / C. Johnson. — Berkley : University of California Press publ., 1972. — 470 p.
6. Johnson, D. T. The Japanese Way of Justice: Prosecuting Crime in Japan (Studies on Law and Social Control) / D. T. Johnson. — 1st Edition. — Oxford University Press, 2001. — 344 p. — ISBN 978-0190283780.
7. Johnson, D. T. The Acquittal of Hakamada Iwao and Criminal Justice Reform in Japan / D. T. Johnson // Asia-Pacific Journal-Japan Focus. — 2024. — Vol. 22, No. 10. — P. e3. — DOI 10.1017/s1557466024037641. — EDN QZIIGQ.
8. Kassin, S. M. False confessions: Causes, consequences, and implications for reform / S. M. Kassin // Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences. — 2014. — Vol. 1, Iss. 1. — P. 112–121. — DOI 10.1177/2372732214548678.
9. Kassin, S. M. Confession Evidence / S. M. Kassin, L. S. Wrightsman // Psychology of Evidence and Trial Procedure. — Beverly Hills ; London ; New Dehli : Sage, 1985. — P. 67–94. — ISBN 0-8039-2379-1.
10. Nakane, C. Japanese Society / C. Nakane. — Berkeley : University of California Press publ., 1970. — 157 p. — ISBN 9780520016422.
11. Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. R. Searle. — [S.l.] : Cambridge University Press publ., 1970. — 203 p. — 9780521096263.
12. Sugimoto, Y. An Introduction to Japanese Society / Yoshio Sugimoto. — [S.l.] : Cambridge University Press publ., 2014. — 382 p. — ISBN 9781107626676.
13. Daiyō kangoku = News and documents ND books (Japanese Edition). — Asahi Shinbunsha, 1992. — 207 p. — (In Japanese).
14. Wagatsuma, H., Rosett, A. The Implications of Apology: Law and Culture in Japan and the United States / H. Wagatsuma, A. Rosett // Law & Society Review. — 1986. — Vol. 20, Iss. 4. — P. 461–498. — DOI 10.2307/3053463.
15. Wetzel, P. J. Keigo in Modern Japan: Polite Language from Meiji to the Present / P. J. Wetzel. — [S.l.] : University of Hawaii Press publ., 2004. — 216 p. — ISBN 9780824826024.

REFERENCES

1. Austin, J. L. (1975). How to Do Things with Words: Second Edition (The William James Lectures). Harvard University Press publ., 192 p.
2. Doi, T. (2014). The Anatomy of Dependence. Kodansha International publ., 192 p.
3. Fuki, N. (2002). The Role of Cultural Influences in Japanese Communication: A Literature Review on Social and Situational Factors and Japanese Indirectness. 異文化コミュニケーション研究 = *Intercultural Communication Studies*, 99–122.
4. Ide, S. (1989). Formal forms and discernment: Two Neglected Aspects of Universals of Linguistic Politeness. *Multilingua — Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, *8*, 223–248. DOI 10.1515/mult.1989.8.2-3.223.
5. Johnson, C. (1972). Conspiracy at Matsukawa. University of California Press publ., 470 p.
6. Johnson, D. T. (2001). The Japanese Way of Justice: Prosecuting Crime in Japan (Studies on Law and Social Control). 1st Edition. Oxford University Press, 344 p. ISBN 978-0190283780.
7. Johnson, D. T. (2024). The Acquittal of Hakamada Iwao and Criminal Justice Reform in Japan. *Asia-Pacific Journal-Japan Focus*, *22*(10), e3. DOI 10.1017/s1557466024037641. EDN QZIIGQ.
8. Kassin, S. M. (2014). False confessions: Causes, consequences, and implications for reform. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, *1*(1), 112–121.
9. Kassin, S. M., Wrightsman, L. S. (1985). Confession Evidence. *Psychology of Evidence and Trial Procedure*, 67–94.
10. Nakane, C. (1970). Japanese Society. University of California Press publ., 157 p.
11. Searle, J. R. (1970). Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge University Press publ., 203 p.
12. Sugimoto, Y. (2014). An Introduction to Japanese Society. Cambridge University Press publ., 382 p.
13. Unknown author (1992). Daiyō kangoku = News and documents ND books (Japanese Edition). Asahi Shinbunsha. 207 p. (In Japanese)
14. Wagatsuma, H., Rosett, A. (1986). The Implications of Apology: Law and Culture in Japan and the United States. *Law & Society Review*, *20*(4), 461–498. DOI 10.2307/3053463.
15. Wetzel, P. J. (2004). Keigo in Modern Japan: Polite Language from Meiji to the Present. University of Hawaii Press publ., 216 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.5*

Фань Чуньюй[1]✉, Мария Михайловна Сизых[2]✉

[1] Цзилиньский университет финансов и экономики, Чанчунь, Китай, 1295788867@qq.com✉, https://orcid.org/0000-0002-9647-8601
[2] Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, sizykh_maria@mail.ru✉, SPIN-код: 2695-8305, https://orcid.org/0000-0003-0457-0783

Внутренний враг или защитник: прагматический потенциал антропоморфной метафоры в репрезентации иммунитета в ковид-дискурсе

АННОТАЦИЯ. *В настоящей статье предпринимается попытка комплексного лингвистического исследования антропоморфной метафорической модели, формирующей образ иммунитета и иммунной системы в русскоязычном ковид-дискурсе. Актуальность работы обусловлена необходимостью описания не получивших ранее должного освещения понятийных сфер, которые активно участвуют в популяризации медицинского знания наряду с традиционной милитарной моделью. Материалом исследования послужили публикации в российских электронных СМИ, отражающие специфику трансформации научных терминов в наивной картине мира обывателя. В рамках ковид-дискурса понятия «иммунитет» и «иммунная система» нередко отождествляются, а их семантическое содержание сужается до клеточного уровня или расширяется до масштабов целостного организма с сохранением ключевой функции поддержания гомеостаза. Методологическую базу исследования составили положения теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также методика метафорического моделирования, разработанная А. П. Чудиновым. Основное внимание в статье уделено антропоморфной метафорической модели. Авторами выделены и описаны ведущие фреймы: «Части тела человека», «Когнитивные способности человека» (со слотами «Память», «Внимание», «Обучение», «Мышление»), «Физическое состояние», «Ментальное состояние» (слот «Сумасшествие»), а также «Образ защитника», «Образ врага» (включающий слоты «Внутренний враг» и «Аутоагрессия») и «Полицейский». Научная новизна исследования заключается в выявлении гибридных антропоморфно-милитарных и социально-полицейских структур, таких как миграционный фрейм, описывающий Т-киллеров в роли паспортного контроля. Прагматический потенциал обнаруженных метафор заключается в минимизации когнитивных усилий адресата, дешифровке сложных физиологических явлений (цитокиновый шторм, фагоцитоз) и адаптации медицинского знания к психологическому состоянию общества в период пандемии.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *метафорическое моделирование, метафорические модели, метафорические единицы, антропоморфные метафоры, языковая репрезентация, иммунитет, ковид-дискурс, коронавирус, концептуальное моделирование, иммунная система, КОВИД-19, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, электронные СМИ, языковые средства, русский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Фань Чуньюй, старший преподаватель кафедры русского языка, Цзилиньский университет финансов и экономики, г. Чанчунь, Китай, email: 1295788867@qq.com.*

Сизых Мария Михайловна, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, email: sizykh_maria@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Фань, Ч.* Внутренний враг или защитник: прагматический потенциал антропоморфной метафоры в репрезентации иммунитета в ковид-дискурсе / Фань Ч., М. М. Сизых. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 256-264.

Fan Chunyu[1]✉, Mariya M. Sizykh[2]✉

[1] Jilin University of Finance and Economics, Changchun, China, 1295788867@qq.com✉, https://orcid.org/0000-0002-9647-8601
[2] Baikal State University, Irkutsk, Russia, sizykh_maria@mail.ru✉, SPIN code: 2695-8305, https://orcid.org/0000-0003-0457-0783

Internal Enemy or Protector: The Pragmatic Potential of Anthropomorphic Metaphor in the Representation of Immunity in COVID-19 Discourse

ABSTRACT. *This article attempts to carry out a complex linguistic study of the anthropomorphic metaphorical model that shapes the image of immunity and immune system in the Russian-language COVID discourse. The relevance of the study stems from the need to describe conceptual spheres that have not previously received adequate attention but are actively involved in popularizing medical knowledge alongside the traditional military model. The practical research materials incorporate publications in Russian electronic media that reflect the specificity of the transformation of scientific terms in the naive worldview of the average person. Within the framework of covid-discourse, the concepts of "immunity" and "immune system" are often identified, and their semantic content is narrowed to the cellular level or expanded to the scale of the whole organism while preserving the key function of maintaining homeostasis. The methodological basis of the research*

© Фань Ч., Сизых М. М., 2026

includes the ideas of the theory of conceptual metaphor by G. Lakoff and M. Johnson, as well as the metaphorical modeling technique developed by A. P. Chudinov. The article focuses on the anthropomorphic metaphorical model. The authors have identified and described the following key frames: "Parts of the Human Body", "Human Cognitive Abilities" (with slots "Memory", "Attention", "Learning", "Thinking"), "Physical Condition", "Mental Condition" (slot "Madness"), as well as "The Image of a Protector", "The Image of an Enemy" (including slots "Internal Enemy" and "Self-Aggression"), and "Police Officer". The scientific novelty of the study lies in the identification of hybrid anthropomorphic-military and socio-police structures, such as the migration frame describing T-killer cells in the role of passport control. The pragmatic potential of the discovered metaphors lies in minimizing the cognitive effort of the addressee, deciphering complex physiological phenomena (cytokine storm, phagocytosis), and adapting medical knowledge to the psychological state of society during the pandemic.

KEYWORDS: *metaphorical modeling, metaphorical models, metaphorical units, anthropomorphic metaphors, linguistic representation, immunity, COVID discourse, coronavirus, conceptual modeling, immune system, COVID-19, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, electronic media, language means, Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Fan Chunyu, Senior Lecturer at the Russian Language Department, Jilin University of Finance and Economics, Changchun, China.*

Sizykh Mariya Mikhaylovna, Senior Lecturer of Department of Russian Language and Intercultural Communication, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

FOR CITATION: *Fan C., Sizykh M. M.* (2026). Internal Enemy or Protector: The Pragmatic Potential of Anthropomorphic Metaphor in the Representation of Immunity in COVID-19 Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 256-264. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье предпринята попытка изучения метафорической модели, формирующей антропоморфный образ иммунитета в русскоязычном ковид-дискурсе.

В медицинском дискурсе иммунитет определяется как «совокупность биологических явлений и процессов, направленных на сохранение постоянства внутренней среды организма от всякой чужеродной ему генетической информации» [Чепель 2008: 10] или «некое защитное биологическое свойство живых многоклеточных организмов, предохраняющее эти организмы от инфекционных болезней (и не только от них)» [Хаитов 2000: 19]. Данная способность или свойство достигается посредством работы иммунной системы — комплекса органов, включающего костный мозг, тимус, лимфатические узлы, селезёнку, миндалины, специальные клетки и молекулярные компоненты (белки).

В наивном и ковид-дискурсе понятия *иммунитет* и *иммунная система* не различаются, в силы сложности специального медицинского знания для адресата, а термин *иммунная система* сужается: она представлена клеточным и молекулярным уровнем. Иногда представление об иммунитете и иммунной системе расширяется до понятия *организм,* в котором уже не различают органы или уровни иммунитета, а сохраняется лишь функция — поддержание гомеостаза. Такое измененное семантическое содержание медицинского термина в целом характерно для ковид-дискурса, особенностью которого является метафоричное представление медицинского знания обывателю в целях упрощения информации и экономии речевых усилий адресанта и минимизации когнитивных усилий адресата.

Работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980] стала основой современной метафорологии, в отечественной лингвистике идеи концептуального анализа получили глубокое развитие в трудах А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов 1991], Э. В. Будаева [Будаев 2021] и А. П. Чудинова [Чудинов 2001, 2003].

Наиболее продуктивным инструментом создания образа иммунитета в ковид-дискурсе является милитарная метафорическая модель [Сизых 2025], однако остальные модели остаются не описанными, что определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования — провести комплексный когнитивно-дискурсивный анализ антропоморфной метафорической модели и описать ее фреймо-слотовую структуру как инструмент концептуализации и популяризации медицинского знания об иммунной системе в русскоязычном ковид-дискурсе. «Антропоморфная макромодель, наряду с пространственной, составляют ядро метафорической системы языка, в том числе и современного русского» [Балашова 2018: 278], однако ковид-дискурс обнаруживает специфику репрезентации данной модели, ее описание определяет новизну научного исследования.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу настоящего исследования составили тексты публикаций в российских электронных СМИ («Комсомольская правда» и «Аргументы и факты»), относящиеся к различным жанрам — статья, интервью со специалистом, интервью с паци-

ентом, заметка. Общий объем репрезентативной выборки составил более 80 контекстов, содержащих метафорические номинации иммунной системы, ее элементов (антител, лейкоцитов, лимфоцитов, Т-киллеров) и патологических состояний (цитокинового шторма, аутоиммунных реакций). Хронологические рамки исследования определяются периодом пандемии COVID-19 (2020–2023 гг.). Включение в корпус источников единичного допандемийного текста обусловлено необходимостью сопоставления способов метафорического моделирования одного и того же биологического процесса в разные периоды.

Основным критерием отбора текстового материала послужило наличие эксплицитных или имплицитных признаков антропоморфизации — переноса свойств, качеств, когнитивных способностей и социальных ролей человека на биологические объекты и микробиологические процессы.

В качестве ключевого исследовательского инструмента применяется метод метафорического моделирования в рамках дескриптивного подхода, разработанного А. П. Чудиновым на фундаменте теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Применение данного метода позволило реконструировать антропоморфную метафорическую модель как упорядоченную систему, связывающую область-источник (сферу человеческого бытия, психики и социума) с областью-целью (научным знанием об иммунитете).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают антропоморфный тип как наиболее предсказуемый вид онтологической метафоры, т. е. случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек [Лакофф 1980: 26], предметы неживой природы моделируются понятиями человеческой биологии, состояниями и способностями. По мнению А. П. Чудинова, антропоморфная метафора позволяет представить сложные понятия «как простые и хорошо известные реалии. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам „Анатомия“, „Физиология“, „Болезнь“, „Секс“, „Семья“ и т. д.» [Чудинов 2003: 77]. Обратимся к анализу фреймов, формирующих данную модель.

1. Фрейм «Части тела человека»

Предсказуемы метафоры антропоморфной модели со сферой-источником «тело человека»: «индивид накладывает строение своего организма на собственные представления о мире» [Аржанова 2019: 161]. В лингвокультурологии укоренено положение, согласно которому «наивная анатомия отражает зафиксированные в языке представления народа об эмоциях, чертах характера, способностях человека, локализованных в определенных частях тела» [Будаев 2020: 76], однако в ковид-дискурсе рамки этой локализации радикально расширяются и смещаются. Конвенционально «концепт руки ассоциируется с защитой» [Захваткина 2024: 49], а также поддержкой (*протянуть руку помощи*), но в ковид-дискурсе актуализируется идея борьбы, поэтому рука выступает символом оружия, в основе метафорического переноса лежит признак парности (парные органы):

(1) *Если живой возбудитель какое-то время побыл в клетках — активно включаются обе формы иммунитета — и зависящая от антител, и зависящая от клеток — Т-лимфоцитов. А вот если лишь захваченные клеткой мертвые возбудители и их фрагменты попали в клетки иммунной системы из околоклеточного пространства — активно работает только одна «**рука**» из двух — антитела. **Двумя руками** бороться лучше, чем одной. И не против любых инфекций одних только антител будет достаточно. Против туберкулеза и вирусов нужны обе «**руки**»* (https://www.spb.kp.ru/daily/21712095/4332621, 04.12.2020).

Такая соматическая метафора подчеркивает выдающуюся силу парного оружия, т. е. эффективность одновременной работы двух видов иммунитета: гуморальный иммунитет обеспечивает выработку иммуноглобулинов, распознающих чужеродные антигены, а клеточный иммунитет регулирует работу Т-лимфоцитов.

2. Фрейм «Когнитивные способности человека»

В данном фрейме метафорической модели иммунитет наделяется способностью думать, запоминать, чувствовать, учиться. Переосмысляются когнитивные способности и навыки человека — память, внимание, мышление и обучение.

Слот «Память». Актуализируется лексика соответствующей тематики — *память, иммунная память, иммунологическая память, память иммунитета, запоминание, напоминалка, стирать память, забывать:*

(2) *Когда вирус попадает в организм, определенные белки возбудителя инфекции стимулируют наш иммунный ответ. Вырабатываются антитетела к этим участкам ви-*

руса, ***формируется иммунная память*** (https://www.kp.ru/daily/28364/4513145, 03.12.2021);

(3) *«Результаты [последнего] исследования говорят о том, что иммунитет носителей аллеля HLA-A*01:01 оказался более эффективным в «**запоминании**» COVID-19 независимо от его мутаций», — поясняет Вечорко* (https://www.kp.ru/daily/27458.5/4712976/, 28.01.2023);

(4) *Также вирус* ***стирает иммунологическую память****. Что это значит: переболел ребенок инфекцией (например, сезонным ОРВИ) и в ближайшее время ей болеть не должен, антитела есть. Но тут в организм попал коронавирус и обнулил или* ***изменил «память» иммунитета****. И поэтому ребенок опять заболевает тем же самым ОРВИ* (https://www.kp.ru/daily/27354.5/4535279, 22.01.2022);

(5) *Смотрите: наша задача — дать «**напоминалку**» иммунитету* (https://www.kp.ru/daily/27351/4532978, 18.01.2022).

Иммунологическая память — это функция адаптивного иммунитета, благодаря которой организм в состоянии реагировать на патоген, с которым у него был успешный контакт в прошлом. Метафора памяти (примеры 2, 4) стала узуальной и вошла в структуру термина, прилагательные *иммунная* и *иммунологическая* кажутся взаимозаменяемыми. Так, можем обнаружить обе лексемы в научной работе одного автора — *иммунная память* [Песнякевич 2008: 45] и *иммунологическая память* [Там же: 46]:

Иммунологическая память представляет собой динамическую систему, способную изменяться под действием внешних и внутренних факторов, что передано в примере 4 глагольной метафорой *изменить / стирать память*, в случае снижения иммунитета, или ослабления памяти, целесообразно провести ревакцинацию, т. е. *дать напоминалку* иммунитету (пример 5). Забывание является свойством памяти, отсутствие забывания информации говорит о психологическом расстройстве; таким же естественным процессом является и угасание иммунологической памяти.

Слот «Внимание»

Наряду с памятью и мышлением внимание также относят к когнитивным процессам, внимание характеризуется направленностью познавательной деятельности и сосредоточенностью на одном объекте, предмете или явлении. Актуализация метафоры данного слота опосредована предикатом *отвлекать*:

(6) *Строго говоря, стрессы — это обычная часть жизни человека, однако вакцинологи рекомендуют постараться несколько дней до прививки, и несколько дней после не нервничать слишком сильно, — комментирует эксперт. Борьба со стрессом «**отвлекает**» организм от основной задачи — создавать защиту от вируса* (https://www.kp.ru/daily/27229/4355676, 21.01.2021).

Глагол *отвлекать* предполагает наличие мыслящего субъекта, способного к произвольной или непроизвольной концентрации внимания. В результате лексико-семантического сдвига сложное биохимическое явление (супрессия иммунного ответа под воздействием кортизола и адреналина в период стресса) концептуализируется как потеря ментального фокуса.

Слот «Обучение / тренировка»

Метафоры данного слота реализованы соответствующей глагольной и отглагольной лексикой — *учиться, тренировать / натренировать, тренированный / натренированный, тренировка*.

(7) *Разгадка тут, объясняет Чурилов, следующая: поскольку вакцина вводится в раннем возрасте, ее бактерии живут в симбиозе с клетками формирующейся иммунной системы, и как бы «**тренируют**» ее на протяжении нескольких лет. В результате «она «**учится**» давать более быстрые и эффективные ответы не только на бациллы Кальметта-Герена, но и на другие бактерии и вирусы* (https://www.spb.kp.ru/daily/21712095/4332621, 04.12.2020);

(8) ***Тренированный*** *иммунитет — это очень важно, но* ***тренировать*** *его надо не на коронавирусе! И наша задача — сгладить ситуацию так, чтобы не перегрузить больничные фонды* (https://www.nsk.kp.ru/daily/217190.5/4298262, 04.10.2020);

(9) *Не утихают разговоры о том, можно ли как-то укрепить или* ***натренировать*** *иммунитет перед угрозой еще одной волны коронавируса осенью, в традиционное время респираторных инфекций. COVID-19 — относится как раз к отряду ОРВИ. Поможет ли прививка от гриппа* ***натрениро-***

вать *иммунитет? А если прививаться придется и от гриппа, и от коронавируса, выдержит ли организм? И вообще, если прививался от гриппа в прошлом году, быть может, иммунитет уже достаточно* ***натренирован****, и в этом году антигриппозную прививку можно пропустить?* (https://www.kp.ru/daily/217174/4277439, 27.08.2020).

Областью-источником метафорической экспансии в данном слоте выступает сфера антропосоциальной деятельности, связанная с педагогическим процессом: процесс выработки специфического иммунного ответа (продукции антител и Т- и В-лимфоцитов) концептуализируется как приобретение особого знания или когнитивного навыка.

В образовательной деятельности иммунитет одновременно выступает и субъектом, и объектом процесса: в примере 7 глагол *учится* приписывает иммунитету когнитивную способность к приобретению знаний и навыков, наделяя его субъектностью, волей и интеллектуальным потенциалом, в то время как предикаты *тренировать / натренировать* (примеры 8, 9) становятся маркерами объективации иммунитета, иммунная система лишается собственной воли, но сохраняет когнитивные способности к обучению, субъектом педагогического процесса представляется вакцина, сам человек или врач.

Прагматический потенциал метафор данного слота заключается в возможности регулировать поведение адресата, представить вакцинацию доступным инструментом контроля иммунитета и способом избежать реального заболевания.

Слот «Мышление»

Метафоры, структурирующие данный слот, содержат лексемы *понимать, распознавать, узнавать, запоминать*:

(10) *Еще есть адаптивный, или приобретенный, иммунитет. К его* ***«армии бойцов****» относятся в том числе широко известные иммунные клетки-лимфоциты, - продолжает Николай Крючков. — Этот тип иммунитета заточен на то, чтобы, во-первых, детально* ***распознавать*** *чужеродный антиген (фрагмент), когда он новый для организма.* ***Понимать****, что этот антиген является «****чужим****» и потенциально вредным. Также стоит задача отреагировать на него — именно на данный антиген, а не на какие-то похожие. Эту задачу выполняют так называемые эффективные (активированные) клетки. И, наконец, важно* ***запомнить*** *его на будущее: чтобы в случае повторной встречи с этим антигеном (инфекцией) возникал быстрый и усиленный* ***иммунный ответ*** (https://www.kp.ru/daily/27133.5/4222973, 24.05.2020).

Под мышлением понимается когнитивный процесс, связанный с опосредованным представлением в сознании человека связей между предметами и явлениями; можно утверждать, что распознавание, понимание и запоминание представляются ключевыми этапами мышления.

Антропоморфизм здесь достигает пика через глагол *понимать*. Клеткам приписывается высшая когнитивная функция человека — способность к различению, категоризации и анализу контекста. При встрече с антигеном лимфоциты («бойцы») активизируются и маркируют антиген для дальнейшего уничтожения иммунными клетками («понимают»).

3. Фрейм «Физическое состояние человека»

Данный фрейм организован одним слотом, включающим представление об активном или пассивном состоянии иммунной системы:

(11) *Вакцина «Спутник V» состоит из двух компонентов. Первый — идентичен «Спутнику Лайт», и считается: его достаточно для того, чтобы «****взбодрить****» иммунитет, если ранее вы полноценно, двумя компонентами, вакцинировались* (https://www.kp.ru/daily/27422/4622842, 25.07.2022).

Метафора «взбодрить» в примере 11 семантически идентична метафоре памяти, однако выбирая данный глагол, автор создает образ более активного действия врача или самого пациента, которые способны заставить иммунитет с помощью вакцины прийти в рабочее состояние. Таким образом, метафора памяти подчеркивает субъектность и самодостаточность иммунной системы, которая обладает знаниями и ей возможно только помочь или напомнить с помощью вакцины что-либо, а метафора *взбодрить* приписывает главенствующую роль самому человеку, который способен управлять иммунитетом и контролировать его.

1.4. Фрейм «Ментальное состояние человека»

Слот «Сумасшествие»

Данный слот вербализован фразеологизмом «сойти с ума» и прилагательным

«безумный» (пример 18), иммунитет метафорически представлен психически нестабильным защитником, потерявшим рассудок. Нарушение биохимических механизмов обратной связи (когда организм перестает отличать «свое» от «чужого») осмысляется через более близкий человеку социальный и медицинский феномен — сумасшествие. В нормальном состоянии «иммунитет-защитник» действует логично и рационально, а сценарий «схождение с ума» объясняет смену паттерна поведения: действия иммунитета становятся нелогичными и хаотичными:

(12) *По словам мамы Маруси,* ***иммунитет*** *у девочки просто «****сошёл с ума****», разрушения организма были чудовищные* (https://www.kp.ru/daily/27144/4238499/, 19.06.2020);

(13) *По всему миру известны уже сотни случаев, когда у переболевшего ковидом вдруг обнаруживаются аутоимунные и аутовоспалительные заболевания. При таких заболеваниях,* ***иммунитет*** *«****сходит с ума****» и начинает атаковать здоровые клетки и ткани* (https://www.kp.ru/daily/27376/4568664/, 03.04.2022);

(14) *У детей иммунный ответ на вирус менее интенсивен, чем у взрослых. Как известно, тяжелый вред организму наносит не только сам SARS-CoV-2, но и «****сошедший с ума****»* ***иммунитет****, который начинает повреждать собственные органы и ткани организма. Дети к подобному феномену — аутоиммунной реакции и* ***цитокиновому шторму*** *— менее склонны, поясняет Михаил Каган* (https://www.kp.ru/daily/27233/4361090, 02.02.2021).

Метафорой «сойти с ума» в ковид-дискурсе описывается явление цитокинового шторма — «иммунопатологической реакции организма человека, характеризующейся гиперцитокинемией и развитием системных жизнеугрожающих состояний» [Потапнев 2021: 175].

Несмотря на то, что «проникновение метафоры в научный текст может вызвать достаточно обоснованные протесты» [Арутюнова 1990: 3], метафоричный термин «цитокиновый шторм» используется в медицинском дискурсе наравне с другими — синдром высвобождения цитокинов, синдром системного воспалительного ответа, гиперцитокинемия, синдром активации макрофагов. Данное патологическое состояние, характеризующееся неконтролируемым повышением цитокинов в крови, часто является причиной летального исхода или тяжелого течения заболевания, например, COVID-19.

В основе метафорического переноса лежат два признака: с одной стороны, природная стихия, как неподвластная человеку сфера, выявила сему «неконтролируемый», с другой стороны, лексема «шторм» (сильное волнение на море) подчеркивает опасность, вплоть до летального исхода, данного состояния для пациента.

Наивная метафора *сойти с ума* описывает взгляд наблюдающего за синдромом и диагностирует его недоумение и страх перед происходящим, невозможность объяснить и предсказать реакцию организма. В то время как медицинская метафора *цитокиновый шторм*, включенная в том числе в научный дискурс, указывает на принцип процесса и его характеристику с точки зрения специалиста. Таким образом, обе метафоры, и научная, и наивная, обращаясь к одному биологическому явлению, отражают когнитивные признаки объекта в зависимости от статуса наблюдателя, его осведомленности и психологического состояния.

В примере 12 реализован бытовой дискурс, метафора *сойти с ума* и *чудовищные разрушения* отражают страх и беспомощность матери пациента перед заболеванием и развившимся синдромом, в примере 13 (журналистский дискурс) журналист использует данную метафору, избегая объяснения медицинского термина, в примере 14 в научно-популярном дискурсе специалист Михаил Каган использует данную метафору как способ дешифровки медицинского термина *цитокиновый шторм*, таким образом устанавливает связь между биологическим явлением и наивным представлением. То есть одна и та же метафора в зависимости от типа дискурса характеризует не только и не столько предмет речи и мысли, сколько адресанта и его состояние, и соответственно выполняет различные функции: диагностирует тревожное состояние говорящего (пример 12), замещает медицинское знание, избегая объяснений биологического явления (пример 13), реализует популяризаторскую функцию (пример 14) и в «доступной для слабо подготовленного адресата форме передает сложную идею» [Чудинов 2001: 51].

5. Фрейм «Образ защитника»

Метафорический образ иммунитета-защитника описывается в ковид-дискурсе лексемами соответствующего ЛСП — *защищать, обеспечивать защиту, защита, иммунная защита, клеточная защита, антительная защита, вакцинная защита:*

(15) *Сайт kp.ru ранее сообщал как антитела формируют иммунитет. Антитела вырабатываются во время «иммунного ответа» организма на инфекцию. Именно они первыми **"узнают"** как надо бороться с вирусом. Позже они же **обеспечивают защиту** от новых **атак** патогена* (https://www.kp.ru/daily/21712093/4330031/, 30.11.2020).

Глагольная метафора *узнают* отражает когнитивные способности антител и превращают белки в мыслящие субъекты, которые также готовы к ведению активных боевых действий (милитарная метфора). Милитарная и антропоморфная метафоры воспроизводят военно-социальный сценарий (идентификация врага — защита — атака), легко узнаваемый читателем, что упрощает восприятие процесса вакцинации и формирования искусственного активного иммунитета.

Напрямую иммунитет защитником не называется, образ иммунитета-защитника структурирован милитарной метафорой (клетки иммунной системы описываются бойцами) или артефактной (броня, бронежилет), которая представялет иммунитет как элементы военного снаряжения, используемые для защиты от поражающего действия оружия [Сизых 2025].

6. Фрейм «Образ врага»

Слот «Внутренний враг»

Образ иммунитета-врага реализован двумя метафорическими моделями — милитарной и антропоморфной — и представляет собой структурный гибрид. Поскольку данный образ обладает свойствами человеческого поведения и мотивами, мы не можем исключить его из полного описания антропоморфной модели:

(16) *«Речь идет об особых элементах иммунной системы, — пояснил kp.ru иммунолог, кандидат медицинских наук, гендиректор контрактно-исследовательской компании Николай Крючков. — В отличие от защитных антител, которые вырабатываются после болезни, **аутоантитела это «внутренние враги»**. Они возникают из-за **сбоя** в иммунной системе и **атакуют** не вирусы или болезнетворные бактерии, а **бьют** по собственным органам и тканям организма»* (https://www.kp.ru/daily/27348/4529859, 10.01.2022).

Метафора радикально меняет статус объекта в сознании читателя. Обычные антитела в медицинской метафорике — это «бойцы, защищающие организм», аутоантитела, оставаясь белками иммунной системы, концептуализируются в сознании как враги или предатели, приобретая статус более опасного соперника, так как находятся внутри линии обороны и неотличимы от защитников.

Слот «Аутоагрессия»

Примеры следующего слота имплицитно реализуют образ иммунитета-врага, а эксплицитно выражают идею аутоагрессии иммунитета, что актуализируется лексемами *бешенство, взбеситься, взбесившийся, агрессия*:

(17) *Много похожего между «испанкой» и COVID-19 в главной причине смерти: в цитокиновом шторме. Мы уже привыкли к этому сложному термину и знаем, что он обозначает **бешенство иммунитета** и его **агрессию против человека.** Как тогда, век назад, так и сейчас, самые критические события происходят в легких. Избыточная реакция иммунной системы приводит к дыхательной недостаточности, и многие больные погибают* (https://aif.ru/health/coronavirus/covid-19_protiv_ispanki_kakaya_infekciya_strashnee?from_inject=1, 13.11.2020);

(18) *«**Взбесившийся**» **иммунитет вызывает гибель** собственных клеток. Болезнь может развиваться в двух направлениях, рассказывает Михаил Каган. Вариант второй: иммунная система при неэффективности некоторых своих механизмов может «**взбеситься**» и начать чрезмерно реагировать, производя в **безумной** попытке уничтожить вирус все больше и больше определенных воспалительных белков. Они называются цитокинами* (https://www.kp.ru/daily/21712087.5/4321704, 14.11.2020).

В представленных примерах также описано медицинское явление цитокинового шторма, однако иммунитет уже предстает не в виде потерявшего здравый смысл человека, а в образе внутреннего врага, атакующего здоровые ткани и органы и пытающегося разрушить организм человека.

Смена ролей во фрейме (защитник — внутренний враг) также помогает специалисту доступно и эффективно представить сложное медицинское знание обывателю, таким образом метафора реализует популяризаторскую функцию.

7. Фрейм «Полицейский»

Неочевидной представляется метафора иммунитета-полицейского:

(19) *Но, бывает, он дает сбой. Потому что важной частью этой защиты организма являются клетки иммунитета — лейкоциты и лимфоциты,— **поедающие** попавшую в кровь инфекцию. Для того чтобы организм хорошо боролся с «**врагами**», нужно, чтобы эти клетки-**защитники** были активными, подвижными и **бодро патрулировали вверенную территорию*** (https://www.kp.ru/daily/26794/3829081/, 14.02.2018).

Данный фрагмент статьи структурирован тремя метафорическими моделями — антропоморфной, милитарной и милицейской, иммунитет концептуализирован через образ представителя правоохранительных органов, наделенного обязанностью «патрулировать вверенную территорию», т. е. лимфоциты и лейкоциты, которые осуществляют контроль целостности тканей организма.

Представленный пример 19 относится к допандемийному времени (2018 г.), здесь обнаруживаются базовые метафорические модели, оказывается интересным проследить изменение этой модели в ковид-дискурсе. Например, антропоморфная метафора «поедающие попавшую в кровь инфекцию» описывает научный феномен фагоцитоза через базовый физиологический акт, в ковид-дискурсе этот же клеточный процесс конструирован милитарной метафорой атаки или боевого огня. Ковид-дискурс находит новые способы реализации полицейской метафоры:

(20) *Если же антител меньше, чем количество возбудителя инфекции в организме, то какое-то число частиц, будучи не **обезвреженными**, проникнут внутрь клеток. Тогда мы получим симптоматический ковид (то есть ярко выраженную болезнь. — Ред.). В таком случае подтягиваются **клетки-убийцы** — так называемые Т-киллеры. **Они начинают ходить** по нашим клеткам, **проверять у них документы**. Если вдруг кто-нибудь укрывает у себя **мигрантов** (вирусные частицы), это очень легко узнать по особым производимым клеткой белкам. Такая **клетка-нарушитель уничтожается** целиком и полностью — до того, как оттуда выйдут новые наштампованные вирусные частицы. Это и есть защита от тяжелого течения болезни с помощью клеточного иммунитета* (https://www.kp.ru/daily/27351/4532978, 18.01.2022).

Вместо абстрактных Т-лимфоцитов и вирусной репликации перед читателем предстает операция миграционной полиции по выявлению нелегалов и их пособников, областью-источником метафорической экспансии становится работа органов внутренних дел по предотвращению незаконной миграции. Процесс распознавания Т-киллерами на поверхности клетки чужеродного агента представляется проверкой или паспортным контролем, а вирусы — нелегальными мигрантами или нарушителями. Отметим, что миграция как социально значимое явление в русскоязычных СМИ становится одновременно и источником, и целью метафорической экспансии[1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное когнитивно-дискурсивное исследование позволило детально описать специфику метафорического моделирования иммунитета в русскоязычном медийном пространстве периода пандемии. Основным вектором концептуализации сложных биологических процессов в ковид-дискурсе выступает антропоморфная метафорическая модель, переводящая абстрактное и невидимое специальное знание в плоскость базового воспринимаемого человеческого опыта.

Специфика исследуемого дискурса порождает уникальный семантический парадокс, при котором иммунная система одновременно наделяется диаметрально противоположными ролями — защитника и внутреннего врага. В нормальном состоянии иммунитет осмысляется через фреймы «Когнитивные способности» и «Образ защитника», где клеткам приписываются высшие психические функции человека: память, мышление, способность «понимать», «распознавать» чужеродные агенты и «обучаться» в процессе вакцинации. Однако в ситуации патологии (в частности, при цитокиновом шторме) происходит радикальная смена ролей в привычном сценарии. Иммунная система концептуализируется как психически нестабильный субъект («сошедший с ума» иммунитет) или как «внутренний враг», осуществляющий осознанную агрессию против собственного организма. Такая персонификация позволяет авторам медиатекстов экс-

[1] Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) : дис. … канд. филол. наук / Веснина Людмила Евгеньевна. — Екатеринбург, 2010. — 250 с. — EDN QFDAPP.

плицировать сложнейшие биохимические сбои через понятные обывателю категории социального, диагностируя при этом уровень тревожности и страха самого говорящего.

Интерес представляет развитие полицейской метафоры от допандемийного периода к ковид-дискурсу: если в ранних материалах фагоцитоз описывался через базовый физиологический акт «поедания» инфекции, то реалии пандемии актуализировался фрейм миграционного контроля. Процесс клеточного иммунитета и работы Т-киллеров метафорически репрезентируется как спецоперация по проверке документов у клеток, укрывающих нелегальных «мигрантов»-вирусов.

Таким образом, метафорическое представление медицинских терминов в ковид-дискурсе обеспечивает максимальную экономию когнитивных усилий коммуникантов, как говорящего, так и пишущего. Оно позволяет эффективно осуществлять популяризаторскую, прагматическую и терапевтическую функции, транслируя сложнейшие научные концепты в доступной, экспрессивной и организованной форме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аржанова, И. А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе / И. А. Аржанова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 6(139). — С. 161–164. — EDN KQYMQY.

2. Балашова, Л. В. Антропоморфная метафора в жанре аналитического обзора «Итоги 2016 года» в российской прессе / Л. В. Балашова // Жанры речи. — 2018. — № 4(20). — С. 277–285. — DOI 10.18500/2311-0740-2018-4-20-277-285. — EDN YQGVWH.

3. Баранов, А. Н. Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. — М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. — 193 с. — ISBN 5-85054-007-5.

4. Будаев, Э. В. Онтологические метафоры как способ репрезентации концепта ZORN в немецком языке / Э. В. Будаев, Е. В. Южанинова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2020. — № 2. — С. 70–79. — DOI 10.29025/2079-6021-2020-2-70-79. — EDN LCOTVJ.

5. Захваткина, А. А. Антропоморфные метафоры в эпической поэме «Беовульф» / А. А. Захваткина // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. — 2024. — № 2. — С. 42–59. — EDN MWRVRB.

6. Песнякевич, А. Г. Основы иммунологии. Курс лекций, — Минск : БГУ, 2008. — 195 с. — ISBN 978-985-485-943-9.

7. Потапнев, М. П. Цитокиновый шторм: причины и последствия / М. П. Потапнев // Иммунология. — 2021. — Т. 42, № 2. — С. 175–188. — DOI 10.33029/0206-4952-2021-42-2-175-188. — EDN KTUDQQ.

8. Сизых, М. М. Милитарная метафора как средство концептуализации иммунитета в ковид-дискурсе / М. М. Сизых // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3(111). — С. 116–124. — EDN QVVCOS.

9. Теория метафоры / перевод под редакцией Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской ; вступительная статья и составление Н. Д. Арутюновой ; автор примечаний М. А. Кронгауз. — Москва : Прогресс, 1990. — 511 с.

10. Хаитов, Р. М., Игнатьева, Г. А., Сидорович, И. Г. Иммунология. — М.: Медицина, 2000. — 432 с. — ISBN 5-225-04543-X.

11. Чепель, Э. Основы клинической иммунологии : перевод с английского / Чепель Э. и др. — 5-е изд. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2008. — 416 с. — ISBN 978-5-9704-0645-8. — EDN QLQQYL.

12. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.

13. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 — 2000): Монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

14. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 242 p. — ISBN 0-226-46801-1.

REFERENCES

1. Arzhanova, I. A. (2019). Funktsii antropomorfnoy metafory v angloyazychnom ekonomicheskom diskurse = Functions of the anthropomorphic metaphor in the English economic discourse. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*, *4*, 161–164.

2. Balashova, L. V. (2018). Antropomorfnaya metafora v zhanre analiticheskogo obzora “Itogi 2016 goda” v rossiyskoy presse = Anthropomorphic metaphor in the genre of the analytical review “Results of 2016” in the Russian press. *Speech Genres*, *4*, 277–285.

3. Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1991). Russkaya politicheskaya metafora: materialy k slovaryu = Russian political metaphor: Materials for a dictionary. *Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR*, 193 p.

4. Budaev, E. V., Yuzhaninova, E. V. (2020). Ontologicheskie metafory kak sposob reprezentatsii kontsepta ZORN v nemetskom yazyke = Ontological metaphors as a way of representing the concept ZORN in German. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, *2*, 70–79.

5. Zakhvatkina, A. A. (2024). Antropomorfnye metafory v epicheskoy poeme “Beovul'f” = Anthropomorphic metaphors in the epic poem “Beowulf”. *Scientific Notes of NTGSPI. Series: History and Philology*, *2*, 42–59.

6. Pesnyakevich, A. G. (2008). Osnovy immunologii. Kurs lektsiy = Fundamentals of immunology. Lecture course. Belarusian State University, 195 p.

7. Potapnev, M. P. (2021). Tsitokinovyy shtorm: prichiny i posledstviya = Cytokine storm: Causes and consequences. *Immunologiya*, *42*(2), 175–188.

8. Sizykh, M. M. (2025). Militarnaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii immuniteta v kovid-diskurse = Military metaphor as a means of immune system conceptualization in COVID discourse. *Political Linguistics*, *3*, 116–124.

9. Arutyunova, N. D., Zhurinskaya, M. A. (Eds.). (1990). Teoriya metafory = Theory of metaphor. Progress, 511 p.

10. Khaitov, R. M., Ignat'eva, G. A., Sidorovich, I. G. (2000). Immunologiya = *Immunology*. Meditsina, 432 p.

11. Chepel', E., Khayni, M., Misbakh, S., Snoveden, N. (2008). Osnovy Klinicheskoy immunologii = Essentials of clinical immunology. GEOTAR-Media, 416 p.

12. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical mosaic in modern political communication. Ural State Pedagogical University, 248 p.

13. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ural State Pedagogical University, 238 p.

14. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. University of Chicago Press, 242 p.

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'27:004
ББК Ш100.621 *ГРНТИ 16.01.11; 16.31.02* *Код ВАК 5.9.8*

Юе Сюе
Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, 17643501151@163.com, https://orcid.org/0000-0002-1597-3927

Цифровые гуманитарные технологии как междисциплинарная основа политической лингвистики: перспективы применения на основе анализа работ 2013–2025 годов

АННОТАЦИЯ. *В эпоху, когда цифровые технологии глубоко меняют производство и распространение знаний, политическая лингвистика как дисциплина, изучающая отношения между языком, властью и идеологией, остро нуждается в расширении и обновлении методологического аппарата. В данной статье утверждается, что быстро развивающаяся в последние годы область цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) со своим технологическим комплексом и исследовательской парадигмой может предоставить политической лингвистике важную междисциплинарную основу и методологические ресурсы. На основе анализа литературы, связанной с цифровыми гуманитарными науками, в китайской базе данных CNKI за период 2013–2025 гг., в статье рассматривается общая ситуация в данной области в трех аспектах: тенденции развития, «горячие точки» исследований и сети сотрудничества, с акцентом на разъяснении технических инструментов, имеющих высокую релевантность для исследований политической лингвистики, и их потенциальных сценариев применения. Исследование показывает, что в области цифровых гуманитарных наук сформировались технологические кластеры, ядро которых составляют большие данные, искусственный интеллект, цифровая наука и т. д., а также созданы межведомственные и междисциплинарные сети сотрудничества, что проложило политической лингвистике практически осуществимый путь и модель кооперации для перехода от преимущественно качественных исследований к основанным на данных и от однодисциплинарных к междисциплинарным. Цель данной статьи — зафиксировав эту смену перспективы, предложить конструктивный подход к методологическим инновациям и развитию дисциплины политической лингвистики в цифровую эпоху.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая лингвистика, цифровые гуманитарные науки, цифровые технологии, междисциплинарные исследования, граф знаний.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Юе Сюе, доктор наук, преподаватель института русского языка, Даляньский университет иностранных языков; исследователь, Центр языковых исследований Северо-Восточной Азии, Даляньский университет иностранных языков; Далянь, Китай, email: yuex570@163.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Юе, Сюе.* Цифровые гуманитарные технологии как междисциплинарная основа политической лингвистики: перспективы применения на основе анализа работ 2013–2025 годов / Юе Сюе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 265-275.

Yue Xue
Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, 17643501151@163.com, https://orcid.org/0000-0002-1597-3927

Digital Humanitarian Technologies as an Interdisciplinary Basis of Political Linguistics: A Perspective of Application Based on 2013–2025 Literature Analysis

ABSTRACT. *In an era where digital technologies are profoundly transforming the production and dissemination of knowledge, political linguistics, as a discipline that studies the relationships between language, power, and ideology, is in urgent need of expanding and updating its methodological framework. This article argues that the rapidly developing field of Digital Humanities in recent years, with its technological toolkit and research paradigm, can provide political linguistics with an important interdisciplinary foundation and methodological resources. Based on an analysis of literature related to Digital Humanities from the Chinese database CNKI for the period 2013-2025, the article examines the general situation in this field from three dimensions: development trends, research hotspots, and collaboration networks, with a focus on clarifying the technical tools that are highly relevant to political linguistics research and their potential application scenarios. The research indicates that in the field of Digital Humanities, technological clusters have been formed, with big data, artificial intelligence, and digital science at their core, and cross-institutional and interdisciplinary collaboration networks have been established. This provides political linguistics with a feasible technical pathway and a cooperative model for transition from predominantly qualitative research to data-driven approaches and from single-discipline to interdisciplinary research. The aim of this article, through such a shift of perspective, is to propose a constructive approach to methodological innovation and the development of the discipline of political linguistics in the digital age.*

© Юе Сюе, 2026

KEYWORDS: *political linguistics, digital humanities, digital technologies, interdisciplinary studies, knowledge graph*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Yue Xue, Doctor of Sciences, Associate Professor of the Institute of Russian Language, Dalian University of Foreign languages; Researcher of China Northeast Asian Language Research Center; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

FOR CITATION: *Yue Xue.* (2026). Digital Humanitarian Technologies as an Interdisciplinary Basis of Political Linguistics: A Perspective of Application Based on 2013–2025 Literature Analysis. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 265-275. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Язык является не только инструментом общения, но и важным полем для функционирования власти, конструирования идеологии и формирования политической идентичности. Политическая лингвистика на протяжении долгого времени фокусировалась на таких вопросах, как политический дискурс, риторические стратегии, идеологическое выражение и языковая политика, а ее методы исследований в основном были качественным анализом, дискурс-анализом, критическими исследованиями [Van Dijk 2006; Чудинов 2004]. Однако с ускорением цифровизации масштаб, форма и способы распространения политических текстов претерпели фундаментальные изменения — огромные объемы сетевых политических высказываний, дискурса социальных медиа, баз данных официальных текстов, а также полимодальный политический контент бросили вызов традиционным методам исследований. Как эффективно обрабатывать, анализировать и интерпретировать эти масштабные, динамичные тексты и данные, стало ключевым вопросом развития дисциплины политической лингвистики. Этот вызов носит не только технический, но и эпистемологический характер, требуя переосмысления того, как мы конструируем знания о взаимоотношениях языка и политики в цифровой среде.

В этом контексте цифровые гуманитарные науки как междисциплинарная область, объединяющая вычислительные технологии и гуманитарное мышление, всё больше проявляют свое методологическое значение. Цифровые гуманитарные науки означают не только «использование компьютерных и сетевых технологий для изучения традиционных гуманитарных наук» [Feng Zhiwei, Zhang Dengke 2023], но и представляют исследовательскую парадигму, основанную на данных, использующую вычисления как средство и ставящую в центр гуманитарные проблемы. Хотя изначально цифровые методы гуманитарных наук применялись главным образом в литературоведении, истории, сохранении культурного наследия и других областях, их технические инструменты (такие как текстовый майнинг, сетевой анализ, визуализация данных, машинное обучение) и аналитический подход как раз могут восполнить недостатки политической лингвистики в обработке масштабных и сложных данных. Фактически, цифровые гуманитарные науки предлагают не просто набор технических инструментов, но и способ междисциплинарного мышления и исследовательскую экосистему, что в высшей степени соответствует внутренней потребности политической лингвистики в интеграции знаний из лингвистики, политологии, коммуникативистики, компьютерных наук и других дисциплин. Более того, цифровые гуманитарные науки, с их акцентом на критическую рефлексию о самих технологиях, могут помочь политической лингвистике избежать технократического редукционизма и сохранить свою сущностную критическую и интерпретативную направленность.

Таким образом, данная статья пытается выйти за рамки простого описания внутренней логики развития цифровых гуманитарных наук и вместо этого исследует их значение как «методологического поставщика» для политической лингвистики. Через систематический анализ исследовательских горячих точек, сетей сотрудничества и тенденций развития в области цифровых гуманитарных наук в Китае за период 2013–2025 гг., статья преследует несколько взаимосвязанных целей. Во-первых, выявить и охарактеризовать те технологические кластеры и конкретные методы в цифровых гуманитарных науках, которые достигли достаточной зрелости и могут быть непосредственно адаптированы или творчески переосмыслены для решения классических и новых задач политической лингвистики. Во-вторых, проанализировать структуру и динамику академических сетей сотрудничества, сложившихся в этой области, чтобы предложить политической лингвистике практические модели для формирования эффективных междисциплинарных исследовательских коллективов. В-третьих, реконструировать траекторию развития цифровых гуманитарных наук, чтобы извлечь из нее стратегические уроки о том, как дисциплина может управлять процессом методологической трансформации, балансируя между внедрением новых инструментов и сохранением своей теоретической идентичности. В конечном счете, дан-

ное исследование стремится к построению концептуального моста между двумя полями, предлагая политической лингвистике в цифровую эпоху продуктивную рамку для саморефлексии и стратегического планирования своего методологического будущего.

2. ЦИФРОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС: РАЗВИТИЕ, СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Развитие цифровых гуманитарных наук в китайском академическом сообществе представляет собой поучительную историю институционализации новой междисциплинарной парадигмы. Ее траекторию можно четко разделить на три этапа, каждый из которых отражает определенную фазу в созревании методологического ресурса (рисунок 1). Период с 2013 по 2016 год был этапом начального становления и легитимации. Ежегодное количество публикаций, хотя и демонстрировало устойчивый рост, оставалось на относительно низком уровне. Исследовательская активность была в основном сосредоточена на фундаментальных, инфраструктурных вопросах: создании цифровых архивов, разработке стандартов оцифровки, построении специализированных баз данных для конкретных гуманитарных коллекций. Этот этап можно охарактеризовать как период «закладки фундамента», когда основные усилия были направлены на преобразование аналогового культурного и научного наследия в машиночитаемый формат. Для политической лингвистики этот этап подчеркивает важность предварительной работы по созданию качественных, хорошо аннотированных корпусов политических текстов — без чего любой последующий сложный анализ просто невозможен.

Следующий период, с 2017 по 2020 год, ознаменовался фазой бурного роста и методологической диверсификации. Количество публикаций увеличилось экспоненциально, что свидетельствовало о широком принятии цифровых гуманитарных наук [Zhang Xu et al. 2023]. Содержательно, фокус сместился с вопросов хранения данных на вопросы их анализа. Ключевыми словами этого периода стали «большие данные», «искусственный интеллект», «визуализация» и «анализ текста». Исследователи начали активно применять алгоритмы машинного обучения для классификации текстов, выявления тематических моделей, анализа сетей цитирования и семантических связей. Этот сдвиг от «цифрового хранения» к «цифровым исследованиям» имел решающее значение. Он показал, что цифровые гуманитарные науки переросли стадию простого вспомогательного инструментария и начали порождать собственные исследовательские вопросы и эпистемологические подходы. Для политической лингвистики этот этап демонстрирует момент, когда технологический инструментарий становится достаточно мощным и доступным, чтобы всерьез задуматься о его применении для анализа не отдельных речей или документов, а целых дискурсивных вселенных.

Наконец, период с 2021 по 2025 год можно охарактеризовать как этап консолидации, углубления и экосистемного мышления. Публикационная активность стабилизировалась на высоком плато, указывая на вхождение области в зрелую фазу. Исследовательские интересы сместились в сторону более комплексных и рефлексивных тем: интеграция искусственного интеллекта в гуманитарные исследования, разработка этических рамок для работы с данными, критическое осмысление алгоритмической предвзятости, построение устойчивых инфраструктурных платформ «цифровой науки» и обсуждение институциональных последствий «новых гуманитарных наук» [Feng Zhiwei 2023]. Этот этап знаменует переход от использования отдельных инструментов к проектированию целостных исследовательских экосистем, в которых технологии, данные, методологии и люди взаимосвязаны. Для политической лингвистики это означает, что заимствование методов должно выходить за рамки разового применения того или иного алгоритма; вместо этого необходима стратегия построения собственной методологической экосистемы, которая учитывала бы специфику политических данных и вопросов.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
количество	1	1	0	0	0	0	5	6	11	14	25	53	124	210	268	458	610	654	758	798	782

Рис. 1. Динамика ежегодного количества публикаций в области цифровых гуманитарных наук в CNKI (2013–2025)

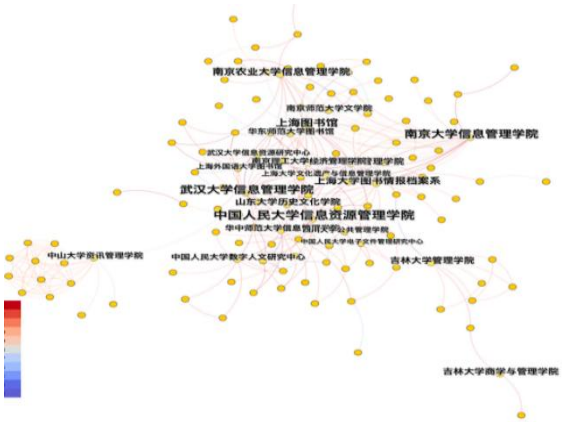

Рис. 2. Карта сотрудничества основных исследовательских институтов в области цифровых гуманитарных наук

Визуализация данных на рисунке 1 наглядно подтверждает предложенную трехэтапную периодизацию. Пологий подъем кривой в первые годы отражает этап институционального закрепления и накопления критической массы. Резкий, почти вертикальный рост в середине периода соответствует фазе взрывного распространения и методологического обогащения. Наконец, плато и небольшие колебания на высоком уровне в последние годы свидетельствуют о достижении областью состояния зрелости и стабильности, когда дальнейшее развитие связано не с количественным расширением, а с качественным углублением и внутренней дифференциацией исследовательских направлений.

Это методологическое созревание происходило не в вакууме, а было тесно переплетено с формированием специфической социальной архитектуры науки. Анализ сетей сотрудничества выявляет устойчивые паттерны, имеющие большое значение для политической лингвистики. Визуализация данных показывает (рисунок 2), что ядро исследовательского сообщества цифровых гуманитарных наук в Китае сформировалось вокруг ряда ведущих университетов с сильными школами в области информационного менеджмента, библиотечного дела и компьютерных наук. Такие институции, как Школа управления информационными ресурсами Народного университета Китая, Школа информационного управления Уханьского университета и аналогичные подразделения в Нанкинском университете, Пекинском университете и других ведущих вузах, выступают не только крупнейшими продуцентами знаний, но и главными узлами в сети коллабораций.

Карта на рисунке 2 демонстрирует полицентричную, но достаточно плотно связанную сеть. Отсутствие одного доминирующего центра свидетельствует о здоровой децентрализованной структуре поля. Тесные связи между ключевыми узлами указывают на установившиеся каналы коммуникации и практику совместных проектов. Важно отметить, что эти связи часто пересекают традиционные дисциплинарные границы, объединяя специалистов по информатике, филологов, историков и культурологов. Для политической лингвистики эта карта служит готовой картой потенциальных партнеров и моделью для построения собственных междисциплинарных консорциумов.

Эти институциональные узлы функционируют как хабы, которые не только производят исследовательскую продукцию, но и выполняют ключевые функции по обучению новых кадров, разработке стандартов, организации конференций и финансирования. Их междисциплинарная природа — часто они являются мостом между гуманитарными факультетами и факультетами компьютерных наук или информатики — заложена в их организационной структуре. Это создало уникальную среду, в которой методологические инновации рождаются на стыке различных эпистемологических традиций. Урок для политической лингвистики заключается в том, что успешная цифровая трансформация, вероятно, потребует стратегического партнерства с подобными институциональными образованиями или создания аналогичных междисциплинарных ячеек внутри собственного дисциплинарного поля.

3. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ И ИХ ПРОЕКЦИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ

Глубокий анализ семантического ядра поля цифровых гуманитарных наук через призму ключевых слов и их кластеризацию позволяет выявить не просто набор модных терминов, а устойчивые методологические кластеры. Каждый из этих кластеров представляет собой связный набор проблем, техник и концепций, и их проекция на поле политической лингвистики открывает конкретные пути для методологического обогащения (таблица 1, рисунок 3).

Таблица 1 и рисунок 3 совместно представляют смысловое ядро области. Высокая частота и центральное положение термина «цифровые гуманитарные науки» ожидаемы и подтверждают релевантность выборки. Более показательно положение таких тер-

Таблица 1. Список высокочастотных ключевых слов в области цифровых гуманитарных наук (частота и центральность)

номер	ключевые слова	частота	центральность
1	数字人文цифровые гуманитарные науки	1341	1.59
2	图书馆 библиотека	113	0.06
3	知识图谱граф знаний; семантическая сеть	69	0.01
4	数字学术цифровая наука; цифровая научная деятельность	54	0.01
5	可视化визуализация	48	0.01
6	大数据большие данные	40	0.03
7	关联数据связанные данные	37	0.01
8	数字化цифровизация	35	0.01
9	知识服务услуги, основанные на знаниях	34	0.02
10	新文科новые гуманитарные науки	32	0.01
11	档案学архивоведение	28	0.02
12	人工智能искусственный интеллект (ИИ)	28	0.01
13	人文计算вычислительные гуманитарные науки	27	0.00
14	文化遗产культурное наследие	24	0.01
15	数据库база данных	23	0.01

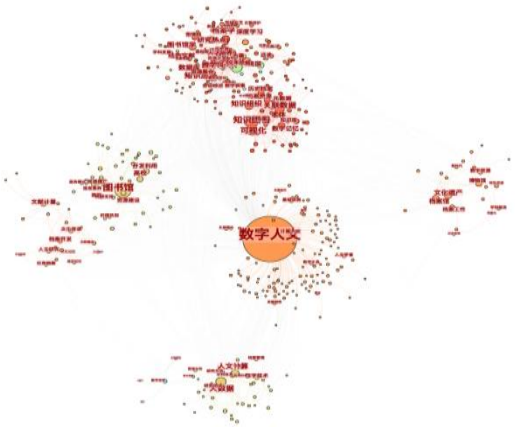

Рис. 3. Карта совместной встречаемости ключевых слов в области цифровых гуманитарных наук

минов, как «большие данные» и «искусственный интеллект». Относительно высокий порядок их смещения к центру означает, что они выступают концептуальными мостами, связывающими различные подобласти. Например, «искусственный интеллект» может со-встречаться как с «анализом текста» (технический аспект), так и с «литературными исследованиями» или «историей» (предметный аспект). Эта связующая роль делает ИИ и большие данные не просто инструментами, а парадигмальными рамками, через которые переосмысливаются традиционные гуманитарные вопросы.

Первый и наиболее значимый кластер можно обозначить как «Вычислительный анализ и машинное интеллектуальное чтение». В его ядре находятся «большие данные», «искусственный интеллект», «анализ текста» и «гуманитарные вычисления». Этот кластер представляет собой операционное ядро цифрового поворота — переход от интерпретации единичных текстов к выявлению паттернов в гигантских корпусах. Для политической лингвистики инструментарий этого кластера открывает беспрецедентные возможности. Алгоритмы тематического моделирования позволяют индуктивным путем, без заранее заданных категорий, выявить скрытые тематические структуры в корпусе партийных документов, предвыборных манифестов или медиапотоков за десятилетия. Анализ тональности и эмоций, основанный на машинном обучении, дает возможность количественно оценить эмоциональный профиль политического дискурса разных акторов или проследить динамику публичных настроений в связи с ключевыми событиями. Методы извлечения именованных сущностей и разрешения кореференции автоматически идентифицируют ключевых политических акторов, организации, места и прослеживают их взаимосвязи в тексте. Таким образом, этот кластер предоставляет политической лингвистике арсенал для макромасштабного, систематического и воспроизводимого анализа содержания, что является мощным дополнением к традиционному глубинному качественному анализу.

Второй ключевой кластер — «Семантические сети и визуальная герменевтика» — включает «граф знаний», «визуализацию», «связанные данные» и отчасти «базы данных». Если первый кластер отвечает на вопрос «что и в каком объеме говорится?», то второй фокусируется на вопросах «как смыслы связаны между собой?» и «как сделать эти связи видимыми и интерпретируемыми?». Графы знаний, построенные на основе политических текстов, позволяют картографировать идеологические ландшафты, показывая, какие концепты (например, «демократия», «безопасность», «развитие») устойчиво связаны между собой в дискурсе той или иной партии или лидера. Визуализация временных рядов может показать, как частота употребления определенных терминов менялась в ответ на кризисы или смену политического курса. Пространственная визуализация на картах позволяет анализировать географическую дисперсию политических нарративов или риторических приемов. Этот кластер трансформирует политическую лингвистику из чисто текстуальной дисциплины в дисциплину, работающую с пространственными, временными и сетевыми моделями, значительно усиливая ее объяснительный и презентационный потенциал.

Третий кластер, «Инфраструктура, сервисы и экосистема знания», представлен такими понятиями, как «цифровая библиотека», «архив», «знаниевый сервис», «цифровая наука» и «новые гуманитарные науки». Этот кластер часто остается в тени более «гламурных» технологий, но он является фундаментальным. Он касается вопросов долгосрочного сохранения, курирования, метаданных, интероперабельности и доступности данных. Для политической лингвистики этот аспект критически важен. Создание открытых, хорошо аннотированных и стандартизированных корпусов политических текстов (например, полных транскриптов парламентских дебатов, коллекций партийных программ, архивов политической рекламы) — это общественное благо, которое поднимает всю дисциплину. Принципы «цифровой науки» поощряют открытость кода, воспроизводимость анализа и коллаборацию, что может значительно повысить стандарты научной строгости в политико-лингвистических исследованиях. Наконец, дискурс о «новых гуманитарных науках» легитимизирует саму возможность и необходимость глубокой интеграции цифровых методов в подготовку будущих политических лингвистов, закладывая основы для долгосрочного кадрового обновления дисциплины.

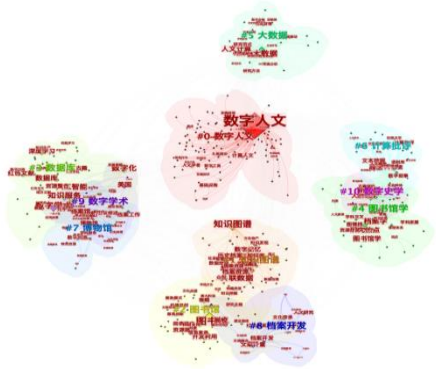

Рис. 4. Карта кластеризации ключевых слов в области цифровых гуманитарных наук

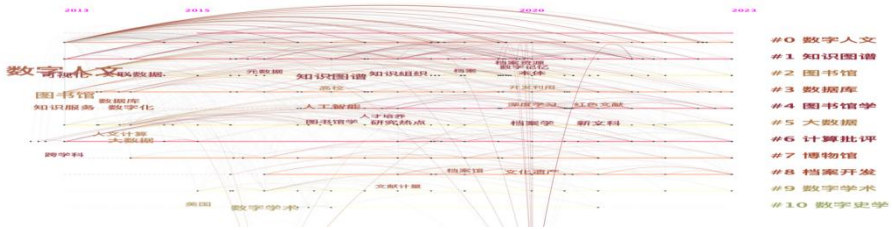

Рис. 5. Временная линейная диаграмма кластеризации ключевых слов цифровых гуманитарных наук

На рисунке 4 эти концептуальные кластеры приобретают пространственное измерение. Расстояние между кластерами, их относительный размер и внутренняя связность предоставляют богатый материал для интерпретации. Например, близость кластера «Большие данные/ИИ» к кластеру «Визуализация/Граф знаний» указывает на их тесную операционную связь: данные анализируются, а результаты визуализируются. Относительная автономность кластера, связанного с библиотеками и архивами, может отражать его роль обеспечивающей инфраструктуры. Для политического лингвиста эта карта служит таксономией доступных методологических ресурсов и схемой их взаимосвязей.

4. ЭВОЛЮЦИЯ ВО ВРЕМЕНИ: ОТ ИНСТРУМЕНТОВ К ЭКОСИСТЕМЕ И УРОКИ ДЛЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Статическая картина исследовательских горячих точек должна быть дополнена динамическим измерением. Анализ того, как интерес к различным концепциям и методам вспыхивал и угасал на протяжении 2013–2025 годов, позволяет реконструировать логику развития всей области и извлечь из нее стратегические уроки для политической лингвистики.

Временная линейная диаграмма (рисунок 5) — это мощный инструмент исторической реконструкции. Она показывает «продолжительность жизни» и динамику каждого тематического кластера. Можно наблюдать, как кластеры, связанные с базовой инфраструктурой (например, цифровые библиотеки), возникают рано и сохраняют стабильную, хотя и не всегда яркую, активность на протяжении всего периода — они представляют собой постоянный фундамент. Кластеры, связанные с аналитическими методами (например, большие данные), появляются позже, демонстрируют период интенсивной активности (часто совпадающий с пиком публикационной активности), а затем их значимость может стабилизироваться или быть поглощенной более новыми направлениями. Эта диаграмма учит политическую лингвистику тому, что внедрение новых методов — это не разовое событие, а процесс с определенной временной логикой, где за всплеском интереса следует фаза критической оценки и интеграции.

Более детальную информацию о точках методологических инноваций предоставляет анализ терминов, частота употребления которых резко возрастала в определенные короткие периоды.

Таблица 2. Таблица ключевых слов с всплеском частоты в области цифровых гуманитарных наук

Кластеры	Аспект кластеризации	Ключевые слова кластера
Кластер цифровых гуманитарных наук	Обсуждение применения цифровых технологий в гуманитарных и социальных науках, включая основные концепции, методы и практику цифровых гуманитарных наук	цифровые гуманитарные науки, вычислительные гуманитарные науки, цифровые инструменты
Библиотечный кластер	Подчеркивание связи цифровых гуманитарных наук с областью информационного менеджмента, демонстрация трансформации и развития библиотек в цифровую эпоху	библиотека, формирование ресурсов, информационная грамотность
Кластер баз данных	Фокус на управлении и применении данных в цифровую эпоху, демонстрация интереса исследователей цифровых гуманитарных наук к созданию, управлению и использованию баз данных	база данных, интеграция ресурсов, знаниевые сервисы
Библиотечно-учёный кластер	Подчеркивание связи цифровых гуманитарных наук с областью информационного менеджмента, демонстрация трансформации и развития библиотек в цифровую эпоху	библиотековедение, развитие ресурсов, библиотечное и архивное дело
Кластер больших данных	Обращение к методам и применению цифровых технологий при обработке масштабных данных, расширение глубины и ширины исследований цифровых гуманитарных наук	большие данные, гуманитарные вычисления
Кластер вычислительной критики	Фокус на пересечении цифровых гуманитарных наук с литературными исследованиями, обсуждение того, как цифровые технологии способствуют эволюции и инновациям методов литературной критики	вычислительная критика, литературные исследования
Музейный кластер	Подчеркивание применения цифровых технологий в музееведении и охране культурного наследия	музей, цифровые ресурсы
Кластер развития архивов	Демонстрация вклада цифровых технологий в область архивоведения, внимание к тому, как цифровые методы способствуют систематизации, развитию и использованию архивных ресурсов	развитие архивов, библиометрия, культурное наследие
Кластер цифровой науки	Обращение к использованию цифровых технологий в научных исследованиях и распространении знаний, обсуждение того, как цифровые технологии изменяют научные традиции и адаптируют их к требованиям цифровой эпохи	цифровая наука, виртуальная реальность
Кластер цифровой историографии	Сочетание историографии с цифровыми технологиями, внимание к влиянию цифровых технологий на цифровизацию, анализ и визуализацию исторических документов	цифровая историография, охрана исторических документов

Таблица 2 является хроникой интеллектуальных поворотов в данной области. Последовательность терминов со всплеском частоты рассказывает историю. Ранние всплески связаны с «библиотекой» и «цифровым хранилищем» — это этап осознания проблемы доступа и хранения данных [Chen Yue, Chaomei Chen, Zhigang Hu 2014; Ding Xuedong 1993]. Затем следует волна «гуманитарных вычислений» и «больших данных» — этап освоения вычислительных методов. Пик «цифровой науки» в 2017–2018 гг. знаменует рефлексивный поворот к осмыслению изменений в самой практике исследований. Поздние всплески, такие как «цифровые инструменты» (2020–2021), указывают на коммодификацию и демократизацию методов — их упаковку в удобные для конечного исследователя-гуманитария формы. Для политической лингвистики эта последовательность предлагает дорожную карту: возможно, ее собственный путь начнется с создания специализированных политических корпусов (аналог «хранилищ»), затем перейдет к пилотным проектам по применению алгоритмов ИИ к этим корпусам, а далее — к разра-

ботке собственных специализированных инструментов или платформ, адаптированных именно под нужды анализа политического дискурса.

Обобщая эту динамику, можно выделить макротраекторию развития цифровых гуманитарных наук: от ресурсов к инструментам, а от инструментов — к экосистемам. Эта траектория предлагает политической лингвистике стратегическую рамку для планирования своей методологической модернизации. Во-первых, необходимо инвестировать в создание ресурсной базы: качественных, этически собранных и юридически чистых цифровых коллекций политических текстов с богатыми метаданными. Во-вторых, следует заняться освоением и адаптацией инструментария. Это предполагает не слепое заимствование, а критический диалог с наукой о данных: какие алгоритмы машинного обучения наиболее релевантны для распознавания идеологических конструктов? Как настроить модель для анализа политической иронии или эвфемизмов? Эта фаза требует совместных проектов и двуязычия — владения как лингвистической теорией, так и основами вычислительных методов. В-третьих, стоит задуматься о проектировании исследовательской экосистемы. Это включает в себя создание сообществ практиков, разработку общих стандартов аннотирования данных, содействие открытой публикации не только статей, но и наборов данных и кода, а также институциональные реформы, поощряющие такую междисциплинарную работу.

Важнейшим уроком, который политическая лингвистика может извлечь из эволюции цифровых гуманитарных наук, является необходимость критической рефлексивности. Цифровые методы — это не нейтральные орудия. Алгоритмы наследуют предубеждения из данных, на которых обучаются; визуализации могут упрощать сложные явления до степени искажения; количественные показатели могут создавать иллюзию объективности, маскируя нормативные предпосылки исследования. Поэтому «вычислительный поворот» в политической лингвистике должен сопровождаться развитием собственного направления «критической цифровой политической лингвистики», которая бы исследовала эпистемологические, этические и политические импликации использования цифровых инструментов для изучения самого политического языка.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: К СИНТЕЗУ ДИСЦИПЛИН И ОБНОВЛЕНИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Бурное развитие цифровых гуманитарных наук в Китае за период 2013–2025 гг. создало уникальную ситуацию, когда смежная область не только предлагает набор мощных технологий, но и прошла на своем опыте ключевые этапы методологической трансформации, столкнулась с вызовами междисциплинарности и выработала определенные институциональные решения. Для политической лингвистики это представляет собой редкую возможность — не изобретать велосипед заново, а творчески адаптировать уже накопленный опыт, готовые инструменты и проверенные модели сотрудничества.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровые гуманитарные технологии формируют для политической лингвистики многослойную основу. На операционном уровне это инструментальная основа в виде конкретных методов анализа текста, построения сетей и визуализации. На социально-организационном уровне это модельная основа в виде отработанных схем междисциплинарного сотрудничества между гуманитариями и технологами. На институционально-стратегическом уровне это дискурсивная и легитимирующая основа, обеспечиваемая такими концепциями, как «новые гуманитарные науки» [Jin Wei 2023], которая делает саму идею глубокой цифровизации политико-лингвистических исследований социально приемлемой и поддерживаемой в академической среде.

Однако успешная интеграция этих ресурсов потребует от политической лингвистики не пассивного заимствования, а активной и избирательной работы [Zhang Beige 2023]. Во-первых, необходим стратегический синтез, при котором цифровые методы используются не для замены, а для усиления традиционных сильных сторон дисциплины — ее внимания к нюансам значения, контексту, власти и идеологии. Алгоритм, выявивший частотную модель, должен затем быть интерпретирован через призму политической теории и лингвистической прагматики. Во-вторых, важно собственное технологическое воображение. Политическая лингвистика должна не только применять готовые инструменты, но и формулировать специфические технические требования, стимулируя разработку новых алгоритмов, например, для автоматического распознавания речевых актов в политическом дискурсе или для отслеживания миграции метафор

между разными политическими жанрами. В-третьих, нельзя забывать об этико-критическом измерении. Изучая цифровыми методами политический язык, исследователь обязан отдавать себе отчет в том, как его собственные инструменты и данные могут быть встроены в более широкие системы политического управления, контроля или манипуляции общественным мнением.

Таким образом, обращение к цифровым гуманитарным наукам — это для политической лингвистики приглашение к двойному движению: вовне, к междисциплинарным альянсам и освоению нового методологического языка, и вовнутрь, к углубленной рефлексии о своих основаниях и целях в изменившемся технологическом мире. Результатом этого движения может стать не просто обновленный методический арсенал, но и обновленное исследовательское воображение, способное ставить новые вопросы о старых как мир проблемах языка, власти и общества. В этом смысле цифровые гуманитарные технологии предлагают политической лингвистике не просто набор инструментов, а возможность для нового синтеза — синтеза глубины гуманитарной интерпретации с масштабом вычислительного анализа, что является самым перспективым путем для ее развития в наступающую цифровую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авраменко, К. Д. «Цифровая» лингвистика: возможности и перспективы / К. Д. Авраменко, Д. Р. Пищулина, В. Е. Назарко // Финансовая экономика. — 2024. — № 1. — С. 93–95. — EDN DTKNSD.

2. Бабина, О. И. Корпусный метод автоматического морфологического анализа флективных языков / О. И. Бабина, Н. Ю. Дюмин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2012. — № 25(284). — С. 38–44. — EDN PBNDLB.

3. Колмогорова, А. В. Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов / А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, А. В. Маликова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 1(29). — С. 139–148. — DOI 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148. — EDN YRHARM.

4. Лаврентьев, А. М. Корпусная лингвистика: идеология, методы, технологии / А. М. Лаврентьев // Сибирский филологический журнал. — 2004. — № 3-4. — С. 121–134. — EDN OXOVAR.

5. Мамонтова, В. В. Корпусная лингвистика в современной языковедческой парадигме / В. В. Мамонтова // Актуальные вопросы современной науки. — 2010. — № 12. — С. 230–238. — EDN RDDLCN.

6. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, Наука, 2006. — 254 с. — ISBN 5-89349-897-6, 5-02-033358-1.

7. Dijk, T. A. van. Politics, Ideology, and Discourse / T. A. van Dijk // Elsevier Encyclopedia of Language and Linguistics. Volume on Politics and Language. — Amsterdam : Elsevier, 2006. — P. 728–740.

8. 陈悦，陈超美，胡志刚. 2014. 引文空间分析原理与应用: Citespace实用指南. [M].北京:科学出版社. = Chen Yue. Yinwen kongjian fenxi yuanli yu yingyong : Citespace shiyong zhinan / Chen Yue, Chen Chaomei, Hu Zhigang. — Beijing : Kexuechubanshe, 2014.

9. 丁学东. 1993. 文献计量学基础. [M].北京:北京大学出版社. = Ding, Xuedong. Wenxian jiliangxue jichu / Ding Xuedong. — Beijing : Beijingdaxuechubanshe, 1993.

10. 冯志伟，张灯柯. 2023. 数字人文、元宇宙与自然语言处理. [J]. 外语学刊, (6):1-12. = Feng, Zhiwei. Shuzi renwen, yuan yuzhou yu ziranyuyan chuli / Feng Zhiwei, Zhang dengke // Waiyu xuekan. — 2023. — № 6. — P. 1–12.

11. 胡开宝，王晓莉. 2022. 数字人文视域下翻译研究:现状、问题与前景. [J]. 外语与外语教学, （6）:111-121+148-149. = Hu, Kaibao. Shuzi renwen shiyu xia fanyi yanjiu : xianzhuang , wenti yu qianjing / Hu Kaibao, Wang Xiaoli // Waiyu yu waiyujiaoxue. — 2022. — № 6. — P. 111–121, 148–149.

12. 金伟. 2023. 数字人文建设的发展路径. [OA]. 中国社会科学报，2023-08-03. = Jin Wei. Shuzi renwen jianshe de fazhan lujing / Jin Wei // Zhongguo shehuikexue bao. — 2023. — 3 Aug.

13. 陈悦，陈超美，刘则渊. 2015. Citespace知识图谱的方法论功能. [J]. 科学学研究, (2):242-253. = Chen, Yue. Citespace zhishi tupu de fangfalun gongneng / Chen Yue, Chen Chaomei, Liu Zeyuan // Kexuexue yanjiu. — 2015. — № 2. — P. 242–253.

14. 张旭，洪逸暄，尤剑. 2023. 我国数字人文研究热点与趋势. [J]. 图书馆工作与研究, (10):69-76. = Zhang, Xu. Woguo shuzi renwen yanjiu redian yu qushi / Zhang Xu, Hong Yixuan, You Jian // Tushuguan gongzuo yu yanjiu. — 2023. — № 10. — P. 69–76.

15. 章贝格. 2023. 数字时代的人文科学新探索——论作为方法论的数字人文. [J]. 文化创新比较研究, (7):119-124. = Zhang Beige. Shuzi shidai de renwenkexue xin tansuo — lun zuowei fangfalun de shuzi renwen / Zhang Beige // Wenhua chuangxin bijiao yanjiu. — № 7. — P. 119–124.

16. 林施望. 2019. 从“人文计算”到“数字人文”——概念与研究方式的变迁. [J]. 图书馆论坛, (8):12-20. = Lin Shiwang. Cong “Renwen jisuan” dao “shuzi renwen” — gainian yu yanjiu fangshi de bianqian / Lin Shiwang // Tushuguan luntan. — 2019. — № 8. — P. 12–20.

17. 吴利俊，辛继宾，宋元明. 2023. 数字人文研究概念、学科和热点的演变与趋势. [J]. 图书馆理论与实践, (04):104-112. = Wu, Lijun. Shuzi renwen yanjiu gainian, xueke he redian de yanbian yu qushi / Wu Lijun, Xin jibin, Song Yuanming // Tushuguan lilun yu shijian. — № 4. — P. 104–112.

18. 冯志伟. 2023. 数字人文研究的四个层次. [J]. 南京师范大学文学院学报, (3):1-9. = Feng, Zhiwei. Shuzi renwen yanjiu de sige cengci / Feng Zhiwei // Nanjingshifandaxue wenxueyuan xuebao. — 2023. — № 3. — P. 1–9.

19. 米俊，张琪，王迪，李超. 2023. 数字赋能应急管理研究可视化分析:现状、热点及演进趋势. [J]. 灾害学, 39(2):1-14. = Mi, Jun. Shuzi fu neng yingji guanli yanjiu keshihua fenxi : xianzhuang , redian ji yanjin qushi / Mi Jun, Zhang Qi, Wang Di, Li Chao // Zaihai xue. — 2023. — Vol. 39, Iss. 2. — P. 1–14.

REFERENCES

1. Avramenko, K. D., Pishchulina, D. R., Nazarko, V. E. (2024). «Tsifrovaya» lingvistika: vozmozhnosti i perspektivy = “Digital” Linguistics: Possibilities and Prospects. *Financial Economics*, *1*, 93–95. EDN DTKNSD.

2. Babina, O. I., Dyumin, N. Yu. (2012). Korpusnyy metod avtomaticheskogo morfologicheskogo analiza flektivnykh yazykov = A Corpus-Based Method for the Automatic Morphological Analysis of Inflected Languages. *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, *25*(284), 38–44. EDN PBNDLB.

3. Kolmogorova, A. V., Kalinin, A. A., Malikova, A. V. (2018). Lingvisticheskie printsipy i metody komp′yuternoy lingvistiki dlya resheniya zadach sentiment-analiza russkoyazychnykh tekstov = Linguistic Principles and Methods of Computational Linguistics for Sentiment Analysis of Russian-Language Texts. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, *1*(29), 139–148. DOI 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148. EDN YRHARM.

4. Lavrent′ev, A. M. (2004). Korpusnaya lingvistika: ideologiya, metody, tekhnologii = Corpus Linguistics: Ideology, Methods, and Technologies. *Siberian Journal of Philology*, *3-4*, 121–134. EDN OXOVAR.

5. Mamontova, V. V. (2010). Korpusnaya lingvistika v sovremennoy yazykovedcheskoy paradigme = Corpus Linguistics in the Contemporary Linguistic Paradigm. *Current Issues in Modern Science*, *12*, 230–238. EDN RDDLCN.

6. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics. Textbook. Moscow Flinta, Nauka, 254 p. ISBN 5-89349-897-6, 5-02-033358-1.

7. Dijk, T. A. van (2006). Politics, Ideology, and Discourse. *Elsevier Encyclopedia of Language and Linguistics. Volume on Politics and Language*, 728–740. Amsterdam: Elsevier.

8. Chen, Yue, Chaomei, Chen, Zhigang, Hu (2014). Principles and Applications of Citation Space Analysis: A Practical Guide to CiteSpace. Beijing: Science Press.

9. Ding, Xuedong (1993). Foundations of Bibliometrics. Beijing: Peking University Press.

10. Feng, Zhiwei, Dengke, Zhang (2023). Digital Humanities, the Metaverse, and Natural Language Processing. *Foreign Languages Journal*, *6*, 1–12.

11. Hu, Kaibao, Xiaoli, Wang (2022). Translation Studies from the Perspective of Digital Humanities: Current Status, Issues, and Prospects. *Foreign Languages and Their Teaching*, *6*, 111–121, 148–149.

12. Jin, Wei (2023, Aug. 3). Development Paths for Digital Humanities Initiatives. *Chinese Social Sciences Today*.

13. Chen, Yue, Chaomei, Chen, Zeyuan, Liu (2015). Methodological Functions of CiteSpace Knowledge Mapping. *Research on Science of Science*, *2*, 242–253.

14. Zhang, Xu, Yixuan, Hong, Jian, You (2023). Research Hotspots and Trends in Digital Humanities in my country. *Library Work and Research*, *10*, 69–76.

15. Zhang, Beige (2023). New Explorations in the Humanities in the Digital Age: On Digital Humanities as a Methodology. *Comparative Research on Cultural Innovation*, *7*, 119–124.

16. Lin, Shiwang (2019). From “Humanities Computing” to “Digital Humanities”: The Evolution of Concepts and Research Approaches. *Library Forum*, *8,* 12–20.

17. Wu, Lijun, Jibin, Xin, Yuanming, Song (2023). Evolution and Trends in the Concepts, Disciplines, and Hotspots of Digital Humanities Research. *Library Theory and Practice*, *04*, 104–112.

18. Feng, Zhiwei (2023). Four Levels of Digital Humanities Research. *Journal of the School of Chinese Language and Literature, Nanjing Normal University*, *3*, 1–9.

19. Mi, Jun, Zhang, Qi, Wang, Di, Li, Chao (2023). A Visualization Analysis of Research on Digital Empowerment in Emergency Management: Current Status, Hot Topics, and Evolutionary Trends. *Journal of Catastrophology*, *39*(2), 1–14.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.
2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.
3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.
4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.
5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.
6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.
7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 5.9. — Филология
Научные направления:
5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)
5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)
5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)
5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285
Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич
Email: ap_chudinov@mail.ru
Заместители главного редатора: доктор филологических наук, профессор Эдуард Владимирович Будаев, доктор филологических наук, профессор Наталья Борисовна Руженцева.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технология и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». Индекс 81955**.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018

(см. образец). **В список литературы не включаются:** архивные документы и данные; сайты организаций, блоги, ссылки на социальные сети и под.; ГОСТ, стандарты, законы и законодательные акты, кодексы и иные нормативные документы, а также диссертации и авторефераты. Подобные материалы оформляются в виде подстрочной ссылки в тексте статьи.

● После основного списка литературы располагается список (References) с переводом русскоязычных источников на английский язык. Для транслитерации русского текста в латиницу рекомендуем использовать сайт https://translit.net/, вариант BGN Board of Geographic Names. При оформлении References следует придерживаться APA стиля (American Psychological Association Style).

● Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
● Фамилия, имя, отчество автора полностью.
● Ученая степень, звание, должность.
● Полное и точное место работы автора.
● Подразделение организации.
● Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте *https://orcid.org*), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте *elibrary.ru*).
● Контактная информация (email, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5–10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08 // The Reference Librarian. — 1997.— Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Сарат. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2026. ВЫПУСК 5 (119)

Адрес редакции:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.
Адрес учредителя:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет
Адрес издателя:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.
Подписано в печать 29.10.2026. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет: 31.10.2026.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 31,4. Усл. печ. л. — 32,3. Тираж 500 экз. Заказ 5627.
Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Email: uspu@uspu.ru